

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-07-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-07-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

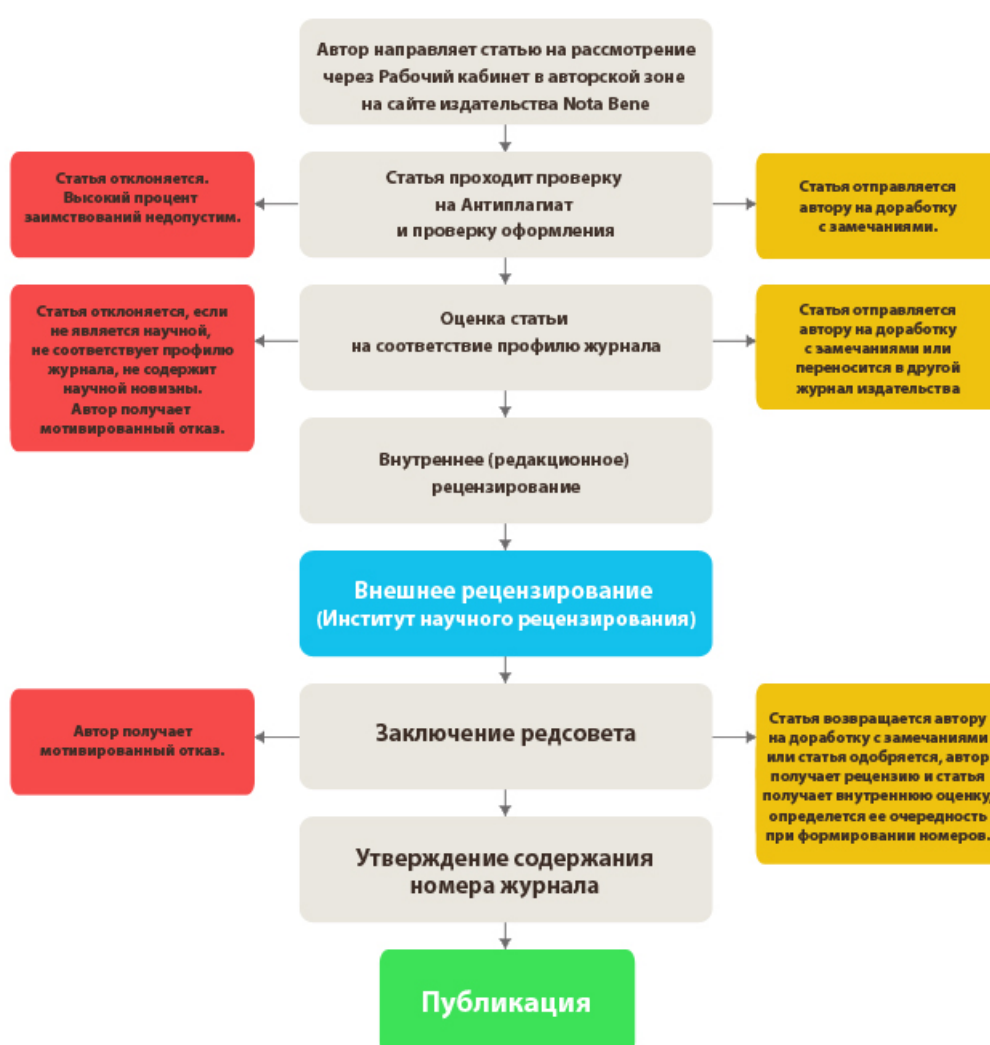
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Жикулина К.П., Костромина В.В. Вычислительная креативность генеративной сети Midjourney в полимодальном пространстве	1
Хао С., Лабуш Н.С., Вэй Ю. Анализ ценностей, представленных на сайте «Народная газета онлайн» в период с 2020 по 2022 год	17
Тетендова М.А. Путь Эдгара Аллана По в Россию: вымысел и реальность	28
Макарова М.С., Турунов Д.М., Смирнова Е.Д., Осипова А.А., Корти М., Чжао И., Климова Е.А. Особенности выстраивания коммуникаций с иностранными студентами с помощью современных онлайн-медиа	37
Мухортова И.И. Лингвистическая и экстралингвистическая специфика русскоязычных и англоязычных текстов этических кодексов в диахроническом аспекте	49
Караханян Н.Ж. Смысловый потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев»	58
Немкина Н.И. Мультимодальность образов китайского фольклора	68
Лекомцева И.А., Вьюнова Е.К., Абдульманова А.Х. Типичные грамматические ошибки при становлении навыка последовательного перевода	79
Альбулани А.Х. Феномен "Другого" в контексте Американской мечты в американской пролетарской литературе и левом политическом дискурсе 1920-30-х годов	91
Фан С. Особенности проявления карнавального начала в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект»	108
Ван Ф., Галай К.Н. Исследование женских образов в современных китайских литературных произведениях	118
Фэн В., Перфильева Н.В. Специфика перевода на китайский язык названий медицинских препаратов в рекламе	129
Аль-Анбаги Ш., Шаклеин В.М. Специфика синтаксических конструкций русского делового письма (на фоне арабского)	140
Кулакова Д.В., Олейников С.В., Пую А.С., Громова Л.П. Аксиологические основания профессиональной деятельности журналиста	149
Лю Ю. Женские образы в сказках А.П. Платонова	158
Ло Д. Ценности в жанре протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля	169
Пасичник С., Мельник Г.С., Блохин И.Н., Байчик А.В. Дезинформация и «язык вражды» в сетевых СМИ Казахстана (итоги мониторинга 2022 г.)	178
Спалек О.Н. Лингвокультурные образы Москвы и Варшавы в паремиях русского и польского языков	188
Чилингарян К.П. Проблематика теории референции знаков в современной лингвистике	199
Панова Е.В. Место климатической повестки в современных глобальных коммуникациях	217
Цай Ц., Хань Ч., Чэнь П., Грабельников А.А. Формирование национального имиджа и	227

практика перевода китайского политического дискурса в контексте цифровой эпохи -
на примере китайских дипломатических коммюнике

Чэнь К. Характеристики и перевод метафорического языка в текстах традиционной китайской медицины	244
Минасян С.В. Русские писатели во французской прессе рубежа XIX-XX веков на примере газеты «L'Aurore»	253
Хао Ц. Экзистенциальная дилемма героя в повести «Первой любви»: гамлетовский вопрос	267
Муромцева А.О. Времена года в лирике Алины Подгорновой	280
Чжан Ю. Эволюция художественного конфликта в творчестве В.С.Маканина	290
Орлова В.В. Литературная рецепция творчества А. Н. Островского в комедии «Над Окой-рекой» А. Д. Симуква	300
Ян Ю. Анализ народных песен севера провинции Шэньси и их переводов на русский язык	310
Алимов Т.Э. Лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики (на материале узбекского, русского и английского языков)	319
Алимов Т.Э., Куприянова М.Е. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках	333
Виноградов С.Н. Парадигматический класс как элемент языковой системы	347
Давтянц И.И. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в информационном поле миграции: Мексика - США (на материале мексиканских социальных медиа)	357
Сюй Ю. Конфликты персонажей в творчестве Дины Рубиной	366
Осадчая О.Н. Историко-этимологический аспект концептуальной триады милосердие-равнодушие-жестокость в английском и русском языках	377
Теодориду Е. Использование паремий в обиходно-бытовой коммуникации греков и русских: сопоставительный анализ	388
Видеркер В.В. Термин «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв.: специфика бытования	401
Семёнова Л.А. Репрезентация источников концептуальной метафоры «любовь» в китайских и русских художественных текстах эпохи постмодернизма (сопоставительный аспект)	412
Англоязычные метаданные	423

Contents

Zhikulina C.P., Kostromina V.V. Computational creativity of neural network Midjourney in a polymodal space	1
Hao X., Labush N.S., Wei Y. Analysis of values reflected in "People's Daily Online" from 2020 to 2022	17
Tetenova M.A. Edgar Allan Poe's journey to Russia: fiction and reality	28
Makarova M.S., Turunov D.M., Smirnova E.D., Osipova A.A., Korti M., CHzhao I., Klimova E.A. Features of building communication with international students using modern online media	37
Mukhortova I.I. Linguistic and extralinguistic specificity of Russian and English texts of ethical codes in the diachronic aspect	49
Karakhanian N.J. The semantic potential of the concept "faith" in Maxim Gorky's novel "Foma Gordeev"	58
Nemkina N.I. The multimodality of Chinese folklore images	68
Lekomtseva I.A., Vyunova E.K., Abdulmanova A.K. Recurrent grammatical errors in student Russian-to-English consecutive interpreting	79
Albulanee A.H. The Phenomenon of "the Other" in the context of the American Dream in American Proletarian Literature and Left-Wing Political Discourse of the 1920s and 30s	91
Fang X. Features of the manifestation of the carnival principle in N.V. Gogol's novella "Nevsky Prospekt"	108
Wang F., Galai K.N. The study of female images in modern Chinese literary works	118
Feng W., Perfilieva N.V. Characteristics of Chinese translation of drug names in advertisements	129
Al-Anbagi S., Shaklein V.M. Specifics of syntactic structures of Russian business writing (compared with Arabic)	140
Kulakova D.V., Oleinikov S.V., Puyu A.S., Gromova L.P. Axiological foundations of a journalist's professional activity	149
Liu Y. Female images in A.P. Platonov's fairy tales	158
LUO D. Values in the protocol genre in the official business substyle of the religious functional style	169
Passichnik S., Melnik G.S., Blochin I.N., Baichik A.V. Disinformation and "hate speech" in the online media of Kazakhstan (results of monitoring 2022)	178
Spalek O.N. Linguistic and cultural images of Moscow and Warsaw in Russian and Polish language parodies	188
Chilingaryan K.P. The problems of the theory of the reference of signs in modern linguistics	199
Panova E.V. The place of the climate agenda in modern global communications	217
Cai J., Han C., Chen P., Grabelnikov A.A. Formation of national image and translation practice of Chinese political discourse in the context of the digital age - on the example of Chinese diplomatic communiqués	227

Chen K. Characteristics and translation of metaphorical language in traditional Chinese medicine texts	244
Minasian S.V. Russian writers in french press at the turn of the XIX-XX century. Newspaper "L'Aurore"	253
Hao J. The hero's existential dilemma in the story "First Love": the Hamletian question	267
Muromtseva A.O. Seasons in the lyrics by Alina Podgornova	280
ZHANG Y. The evolution of artistic conflict in the work of V.S. Makanin	290
Orlova V.V. Literary reception of A. N. Ostrovsky's work in the comedy "Over the Oka River" by A. D. Simukov	300
Yan Y. Analysis of the characteristics and condition of folk songs of the north of Shaanxi province and their translations into Russian	310
Alimov T.E. Linguistic and cultural specificity of euphemistic gender nominations (on the material of Uzbek, Russian and English languages)	319
Alimov T.E., Kupriyanova M.E. Communicative and pragmatic peculiarities of euphemisms in Russian and Uzbek languages	333
Vinogradov S. Paradigmatic class as an element of the language system	347
Davtyants I.I. Lexical pragmatic indicators of conflictogenicity in the information field of migration: Mexico - USA (based on Mexican social media)	357
XU Y. Character conflicts in the work of Dina Rubina	366
Osadchaia O.N. Historical and etymological aspect of the conceptual triad mercy-indifference-cruelty in English and Russian	377
Theodoridou E. A comparative analysis of the usage of Greek and Russian proverbs in everyday communication	388
Viderker V.V. The term «neo-mythology» in the foreign humanities discourse of the XX-XXI centuries: the specifics of its existence	401
Semenova L. Representation of Sources of the Conceptual Metaphor of 'Love' in Chinese and Russian Fiction Texts of the Postmodern Era (a comparative aspect)	412
Metadata in english	423

Litera

Правильная ссылка на статью:

Жикулина К.П., Костромина В.В. Вычислительная креативность генеративной сети Midjourney в полимодальном пространстве // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70890 EDN: COCFNP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70890

Вычислительная креативность генеративной сети Midjourney в полимодальном пространстве

Жикулина Кристина Петровна

ORCID: 0000-0003-2488-4616

ассистент; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, кафедра, Миклухо-Маклая, 12

✉ christina.zhikulina@gmail.com

Костромина Виктория Владимировна

магистр; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, дом 10, корпус 2

✉ kostromina_vv@pfur.ru

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70890

EDN:

COCFNP

Дата направления статьи в редакцию:

25-05-2024

Дата публикации:

01-06-2024

Аннотация: В данной статье исследуется полимодальное пространство в области вычислительной креативности у нейронных сетей. Объектом нашего исследования является полимодальная среда, которая объединяет в себе ряды разнородных кодов для выражения общей идеи, а предметом – возможность создания полимодального

цифрового искусства с помощью текстового и голосового промта в генеративной сети Midjourney. Цель исследования – доказать, что вычислительная креативность у машин может быть обнаружена и описана по результатам итераций в процессе создания изображений, что в свою очередь позволит говорить о сложной полимодальной системе как об отдельной цифровой категории полимодальности. Задачи, которые решались в рамках данного исследования: 1) обоснование использования термина полимодальный в контексте вычислительной креативности в цифровом искусстве нейронных сетей; 2) проведение серии тестов с генеративной сетью Midjourney для возможности описания вербально-визуального контента; 3) анализ и выведение алгоритма создания изображения в условиях суммаризации данных и трансформационной креативности.

Нами был использован метод сплошной выборки при сборе языковых единиц по мере их встречаемости; контекстный анализ для систематического описания присутствующих вербальных и невербальных компонентах. Необходимо было провести эксперимент с генеративной сетью Midjourney для выявления закономерностей при создании графического пространства, а далее сравнить и сопоставить результаты итераций с оригинальным изображением. Научная новизна заключается в отсутствии исследований о полимодальном пространстве в контексте нейронных сетей и их генеративной способности. В ходе проведённого эксперимента нами были получены следующие результаты: термин «полимодальность» в контексте генеративной сети Midjourney и её «цифрового искусства» обусловлен наличием трёх каналов: вербального, визуального и голосового (звукового); тесты показали, что способность нейронной сети к созданию изображений посредством промта находится на высоком уровне, однако прослеживаются грубые технические ошибки в системе, которые не позволяют пользователям в полной мере приблизиться к желаемому результату при генерации изображения; суммаризация данных позволяет говорить о наличии черт вычислительной креативности у генеративных сетей, так как в ходе создания изображения возникают новые образы (идеи), ранее не предполагаемые пользователем.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, вычислительная креативность, трансформационная креативность, нейронная сеть, Миджорни, полимодальное пространство, полимодальный текст, итерация, промт, суммаризация

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238-1 «Модель мультязычного терминологического словаря».

Financing. Acknowledgments:

The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 124022500238-1 "Multilingual terminological dictionary model".

Введение

По словам мыслителя эпохи Просвещения Джонатана Свифта, воображение – это «искусство видеть вещи невидимые для окружающих» [\[20, с.11\]](#). Идея поиска новых мотивов на границе графики, науки, когнитивной психологии и математики применима сегодня ко многим произведениям искусства, созданным не только посредством красок и холста, но и с помощью компьютеров, алгоритмов, нейронных сетей и других форм искусственного интеллекта (далее – ИИ). Американские исследователи в области ИИ

называют такую возможность у машин – *вычислительной креативностью* (*computational creativity*).

Английский ученый Саймон Колтон предлагает следующее определение *вычислительной креативности*: «философия, наука и инженерия вычислительных систем, принимая на себя определённые обязанности, демонстрируют поведение, которое беспристрастные наблюдатели сочли бы творческим» [17]. В области компьютерного моделирования особое влияние оказывает подход профессора Маргарет Боден, в котором она выделяет *исследовательскую креативность*, где новая идея является продолжением традиций для предметной парадигмы, а творчество заключается в исследовании границ, содержания и потенциала креативного пространства [1, с. 116]. Также исследователь описывает *комбинаторную креативность* как создание нового с помощью комбинаций известных ранее идей (ассоциации) [15, с. 350] и *трансформационную креативность*, которая включает в себя несколько фундаментальных областей, формирующих пространство для появления ранее неизвестных идей [16, с. 362]. Хотя идеи, связанные с *вычислительной креативностью машин* не новы, настоящее развитие они получают только в наше время, когда суммаризация материалов и информации становится не только необходимостью, но и проблемой для многих направлений в исследованиях.

В 1968 году британский художник Гарольд Коэн создал компьютерную программу для рисования AARON, которая самостоятельно создавала картины. К более поздним примерам *цифрового искусства* относится совместное творчество пользователей с программой компьютерного зрения DeepDream, созданной в 2015 году разработчиком компании Google Александром Мордвинцевым. Программа использует искусственную нейросеть, которая ищет и усиливает закономерности в изображениях.

Нейросетевые технологии сегодня могут обучаться классификации и распознаванию объектов на основе множества тренировочных изображений или с помощью подробного текстового описания: осуществляют поиск неких паттернов и гиперболизируют их – «примерно так же, как поступает человек, когда смотрит на облака и пытается увидеть в них очертания животных» [19, с. 195]. Подобные программы способны помочь учёным лучше разобраться в том, как искусственные нейросети соотносятся с реальными сетями нейронов в зрительной коре мозга. Технологии такого типа помогают понять и то, как человеческий мозг ищет закономерности и смысл между несколькими компонентами [Там же].

С точки зрения Ю.А. Евграфовой, в современной лингвистике *текст* понимается как «единое структурно-смысловое целое (система линейного и нелинейного пространств), которое создаётся контаминацией элементов всех уровней, функционирующее в определённом прагматическом контексте, определяющим его восприятие и понимание» [3, с. 48]. Можно отметить, что исследователь выделяет «контаминацию элементов всех уровней» как ведущий фактор в понимании текста. В то же время А.П. Гусева подчёркивает, что в результате сочетания вербального и невербального *полимодалная коммуникация* не является прямой, поскольку «план содержания высказывания, выражаемый значениями его компонентов, не совпадает с итоговым коммуникативным смыслом» [2, с. 100]. В одной из своих работ О.И. Максименко отмечает, что значительную долю знаний о мире человек получает благодаря зрению, «то есть визуальные знаки, к которым относятся как рисунки (в общем понимании этого слова), так и печатный текст, несут максимальную информацию» [6, с. 93]. Другими словами, создание изображения с нейронной сетью посредством текстового описания в условиях *полимодалности* тоже

должно включать в себя смысловые категории, требующие дополнительных усилий для истолкования. Подобный вывод можно сделать благодаря акценту на психологические особенности человека, но в случае с ИИ вопрос психологического восприятия мира пока остаётся гипотетическим.

Актуальность данной работы заключается в том, что вопросы и проблематика полимодального текста описываются в лингвистике почти пятьдесят лет, а нейронные сети начали активно использоваться для генерации «единого графического пространства» [11, с. 117], в котором соединяются вербальные и невербальные компоненты в пределах одного или нескольких изображений, относительно недавно. Многие пользователи жалуются на неверное истолкование запроса у генеративных сетей, и как результат этого – не точную или частичную генерацию запрашиваемого изображения. Алгоритмы обработки текстовых входных данных остаются неизученными, неописанными и интуитивными как для исследователей, так и для пользователей.

Новизной является то, что *полимодальный текст* и его создание с помощью ИИ исследуются впервые. Хотя «наше общество ревниво оберегает всё, что связано с творчеством», учёные из вычислительного подразделения Голдсмитского колледжа Саймон Колтон и Герейнт Уиггинс считают, что *вычислительная креативность* (или *машинное творчество*) – «вероятно, последний предел возможностей ИИ» [18, с. 26]. Термин *вычислительная креативность* (или *машинное творчество*) можно рассматривать с нескольких сторон: 1) область разработки ИИ, где творчество моделируется посредством компьютера или другой техники (планшет, телефон); 2) программы, которые расширяют возможности человека и являются инструментами в творческом процессе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что у лингвистов появилась возможность исследовать языковые единицы и явления и их функционирование в новом формате *цифрового текста*; сопоставлять результаты с данными, которые были получены при исследованиях традиционных языковых форм; сделать вклад в развитие перспективного направления лингвистического исследования – «анализ влияния речевых практик в *цифровой среде* на систему языка и языковых компонентов» [9, с. 192]. Также, в связи с тем, что многие исследователи отмечают высокую частотность в Интернете полимодальных текстов и простоту, с которой интернет-платформы и программы позволяют интегрировать и создавать изобразительные произведения (не только в коммуникации, но и в литературе, бизнесе и других сферах) [11, с. 115], полимодальные тексты и полимодальный вид коммуникации открывается для исследований с новой, неизученной стороны – развитие в *цифровой среде* с помощью технологий нейронных сетей.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные материалы и результаты можно использовать для лекционных и семинарских занятий по «Общему языкознанию» в разделах, которые развивают как теоретические, так и практические навыки в рамках дисциплины «Интернет-лингвистика». Примеры и их описания станут актуальными в таких темах как «Роль лингвистики в изучении Интернет-коммуникации», «Вербальная специфика коммуникации в Интернете», «Полимодальные тексты в Интернете» (разделы «Инфографика», «Ситуативные полимодальные произведения» и «Характеристика изобразительной составляющей полимодальных текстов»).

Материалы исследования

Материалами послужили минималистичные иллюстрации со вкладышей из популярной турецкой жевательной резинки 'Love is...' (Рис.1). Изображения подобного типа выбраны

не случайно, так как на картинках не прорисовываются мельчайшие детали, лица героев, пейзажи и т.д. Важно и то, что вербальный компонент (надпись-послание) на вкладыше содержит предложение, которое представлено с помощью двух автономных графических частей: «подлежащего 'Love is...' и предикативной части высказывания» [13, с. 152].

Рисунок 1/ Picture 1

Примеры вкладышей из турецкой жевательной резинки «Love is...» /

Examples of cartoon stuffers from Turkish chewing gum 'Love is...'

Источник: Коллекция вкладышей популярной жвачки 'Love is...'. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/zimuka/post354225218/> (дата обращения: 01.05.2024) /

Source: The collection of cartoon stuffers of popular gum 'Love is...'. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/zimuka/post354225218/> (accessed: 01.05.2024).

Соединение вербальных и невербальных компонентов в 'Love is' позволяют проанализировать полученные результаты со стороны полимодального текста, «связи его компонентов, использования/неиспользования конкретного семиотического кода, особенности декодирования авторской интенции и наличие в нём интертекста» [8, с. 299].

Результаты и обсуждения

В ходе эксперимента было сгенерировано и проанализировано около 20 изображений. Для обсуждения мы выбрали процесс генерации на примере только одного рисунка, так как этапы создания оказались долгими, а алгоритм сборки и обработки вербальных и невербальных компонентов, посредством нейронной сети Midjourney, оказался одинаковым для изображений любого типа.

Нейронная сеть Midjourney должна была воспроизвести образы персонажей со вкладыша с помощью текстового запроса, голосовых оценок пользователя и генеративных возможностей обработки данных.

Для описания тестов с нейронной сетью Midjourney нами был выбран вкладыш с сюжетом, в котором главные герои мини-комикса постарели (Рис.2). Образными признаками русского концепта «старость» могут «быть седой и покрытый морщинами» [10, с. 1228]. «Седой» как образный признак концепта «старость» может рассматриваться одинаково как в русской, так и в других культурах. Предполагается, что образный признак становится универсальным для *вычислительной креативности у машин*.

На вкладыше (Рис.2) мы видим две сидящие фигуры, которые изображены на белом фоне. Белый фон в разработке мини-комиксов 'Love is' является классическим компонентом изображений и позволяет сделать акцент на ключевых образах и их атрибутах. Кроме того, белый фон может указывать на представление ситуации вне времени и пространства – отсутствие хронотопа. Условными невербальными знаками выступают скамейка без спинки и лужайка с травой и цветами. Лужайка указывает на сезон, благодаря чему можно предположить в какой конкретный период разворачиваются события: весной, летом или ранней осенью. Данные указатели могут служить ассоциацией с ключевым вербальным элементом «любовь», а также символом жизни в связи с глаголом «прожить», использованном в части вербального компонента на изображении. Другой условный компонент позволяет раскрыть кинесику героев, поскольку скамейка со спинкой могла бы скрыть важную форму физической близости – объятия.

Фигуры двух людей – мужская (слева) и женская (справа), сидящих на скамейке, представляют собой иконический компонент, демонстрирующий семейную пару, которая прожила «вместе до старости». На гендерные признаки указывают классические представления о мужчине и женщине – у мужской фигуры короткие волосы, а в сравнении с женской мужская фигура выше по росту; у женской фигуры длинные волосы, рост ниже фигуры слева.

Отражение пожилого возраста пары обуславливается вышеописанным универсальным образным признаком – сединой (бледным цветом волос как у мужского персонажа, так и у женского), а также вещественным атрибутом – тростью. Важно, что седина смешивается с общим цветом головы: так, мы видим, что волосы не совсем седые, а светло-серые у мальчика и светло-желтые у девочки. Трость присутствует у обоих героев в идентичной вариации и уравнивает позицию персонажей, что указывает на объединяющий признак по возрасту. Стоит отметить, что мужская фигура одета в синий пиджак, а женская – в розовое платье, что подчеркивает гендерную идентичность героев.

В связи с тем, что пара изображается спиной к читателю, то иные визуальные признаки старости нам недоступны. Однако комплекция фигур не указывает на иные признаки старости: мы видим, что пара стандартной комплекции и повторяет графические образы иных комиксов 'Love is', намекая на детский или молодой возраст персонажей (как в предшествующих сериях вкладышей). Сформированный классический образ героев комиксов 'Love is' не позволяет говорить о героях как о пожилых людях, но может указывать на их временную роль в данном облике.

Слоган в качестве вербального компонента «Любовь это... прожить вместе до старости» актуализирует образ пожилого человека, но не закрепляет в качестве постоянной характеристики героев. При отсутствии вербального компонента возраст героев ставится под сомнение, в связи с чем при описании персонажей будет наиболее корректна формулировка «мальчик и девочка».

Рисунок 2/ Picture 2

Сюжет из вкладышей к жевательной резинке «Loveis...» /

The cartoon stuffers from chewing gum 'Love is...'

Любовь это...

...прожить вместе до старости

Источник: Социальный интернет-сервис, фотохостинг «Pinterest». URL: <https://www.pinterest.ca/pin/2251868556772924/> (дата обращения: 01.05.2024) /

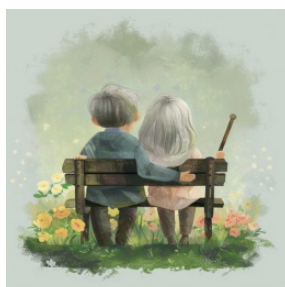
Source: An image sharing and social media service 'Pinterest'. URL: <https://www.pinterest.ca/pin/2251868556772924/> (accessed: 01.05.2024).

Рассмотрим подробно полученные результаты.

Рисунок 3/ Picture 3

Результат итерации в блоке №1 по созданию изображений в Midjourney /

The result of iteration in block №1 by creation images in Midjourney.

Prompt: мальчик и девочка в старости сидят на скамейке, у мальчика седые черные волосы, короткие. У девочки светло-желтые седые волосы, длинные. Они сидят спиной, обнимают друг друга сзади, а другими руками держат по палочке для пенсионеров. Под скамейкой, на которой они сидят, зелёная лужайка с цветами. Стиль картинки – минималистичный. Девочка одета в светло-розовое платье, а мальчик в синий пиджак.

14:02

Prompt: мальчик и девочка в старости сидят на скамейке, у мальчика седые черные волосы, короткие. У девочки светло-желтые седые волосы, длинные. Они сидят спиной, обнимают друг друга сзади, а другими руками держат по палочке для пенсионеров. Под скамейкой, на которой они сидят, зелёная лужайка с цветами. Стиль картинки – минималистичный. Девочка одета в светло-розовое платье, а мальчик в синий пиджак.

14:08

Prompt: мальчик и девочка в старости сидят на скамейке, у мальчика седые черные волосы, короткие. У девочки светло-желтые седые волосы, длинные. Они сидят спиной, обнимают друг друга сзади, а другими руками держат по палочке для пенсионеров. Под скамейкой, на которой они сидят, зелёная лужайка с цветами. Стиль картинки – минималистичный. Девочка одета в светло-розовое платье, а мальчик в синий пиджак.

14:08

Prompt: мальчик и девочка в старости сидят на скамейке, у мальчика седые черные волосы, короткие. У девочки светло-желтые седые волосы, длинные. Они сидят спиной, обнимают друг друга сзади, а другими руками держат по палочке для пенсионеров. Под скамейкой, на которой они сидят, зелёная лужайка с цветами. Стиль картинки – минималистичный. Девочка одета в светло-розовое платье, а мальчик в синий пиджак.

14:08

Источник: Телеграм чат-бот 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Имя пользователя: @GPT4Telegrambot (дата обращения: 12.05.2024) /

Source: Telegram chat-bot 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Username: @GPT4Telegrambot (accessed: 12.05.2024).

Блок 1

Мы видим, что один и тот же текст пользователя, заданный в чат-бот Midjourney, содержится под четырьмя вариациями картинок (Рис.3). Система обработки *промта* (*prompt*), то есть запроса, подсказки, входных данных или инструкций, конвертирует сразу четыре разных изобразительных варианта для одного и того же текста. Предполагается, что по описательным характеристикам в промте генеративная сеть не всегда может подобрать точный стиль рисовки, а также создать детализацию образов на изображении с первого раза.

Некоторые пользователи считают, что одного подробного текста-описания достаточно для нейронной сети, чтобы она сгенерировала простое изображение. Однако большинство сетей сегодня находятся на «переходной» стадии развития. Это означает, что на классификацию запросов, обработку входных данных и расстановку акцентов нейронная сеть тратит большие ресурсы и время. Например, после отправки промта Midjourney сообщает пользователю в чате, что «обработка запроса может занять 1-3 минуты» [14]. В реальности один запрос может обрабатываться 10-15 минут. Более того, моделирование изображения происходит в несколько этапов (в нашем исследовании – блоков).

Также важно отметить, что типы речи, включая описание, которое мы используем в промте, представляют собой «мыслительный комплекс, выражающий связи одновременности, последовательности или причинно-следственной зависимости между явлениями» [7, с. 24], что в свою очередь влияет и на создание полимодального пространства: входные данные (текстовый запрос) + обработка запроса (нейронная сеть) = результат итерации (изображение). В данной схеме становится понятно, что в генерации картинок ведущим оказывается текст – текстовое описание – поиск и подборка информации, образов по вербальным-невербальным компонентам, и, самое важное, результат, объединяющий в себе мысль человека в вербальной форме и искусственную «мысль» в невербальном формате.

В первом промте мы вводили недостаточно качественное описание запроса, так как было необходимо протестировать взаимодействие двух каналов в Midjourney: текстового и изобразительного. Нами были умышленно допущены речевые или фактические ошибки, которые имитируют промт с точки зрения обычного пользователя, не знающего алгоритмов работы при запросе к нейронной сети. Так, в первом промте блока 1 оказывается, что «мальчик и девочка в старости сидят на скамейке», «сидят спиной» и «держат по палочке пенсионеров». Если оценивать данный текст с лингвистической точки зрения, то он больше напоминает набор слов. Однако для генеративной сети количество допущенных ошибок не является препятствием для создания изображения. Обращая внимание на невербальную семантику картинок, полученных нами (Рис.3), видно, что нейронная сеть изображает людей в старости, больше похожих телосложением на детей, но, одновременно, и на людей в старости за счёт седого цвета волос, что соответствует оригинальному отображению героев на вкладыше. Также сеть буквально понимает запрос в промте «сидят спиной», и мы видим, что представленные на рисунках герои сидят повернутыми спиной относительно смотрящего на изображение. «Палочку пенсионеров» Midjourney определяет по-разному: как посох, как клюку или как трость. Описания в промте «обнимают друг друга сзади» оказывается недостаточно: на трёх изображениях мальчик обнимает девочку одной рукой (Рис.3, картинки 1,3,4), на одном – объятия отсутствуют (Рис.3, картинка 2). Помимо всего прочего, на одном из изображений девочка и мальчик меняются местами (лево-право) на скамейке (Рис.2,

картинка 3).

Промт «зеленая лужайка с цветами» была воспринята нейронной сетью по-разному. Мы видим, что лужайка на указывает на поздний весенний период в связи с пышностью цветов (Рис.3, картинка 1); намекает на середину лета (Рис.3, картинка 2); на конец летнего сезона (Рис.3, картинка 3); изображён осенний период, поскольку цветы выглядят пожухшими и сухими (Рис.3, картинка 4). Невербальная характеристика лужайки на представленных результатах варьируется, поскольку дешифровать сезон в оригинале также не представляется возможным.

Вероятно, что в первом промте не хватило описательных характеристик для палочки, посадки и положения рук, а также условных компонентах (вид лавочки, характер фона), поэтому нейронная сеть предоставляет разные варианты в результатах итерации. Так как данные подробности отсутствовали в нашем описании, мы не можем говорить о неверном истолковании пользовательского запроса.

В следующем блоке (Рис.4) мы уточнили ряд компонентов в тексте и получили новые результаты.

Рисунок 4/ Picture 4

Результаты итераций в блоке №2 по созданию изображений в Midjourney /

The results of iterations in block №2 by creation images in Midjourney.

Prompt: мальчик и девочка в старости сидят на скамейке, у мальчика седые черные волосы, короткие. У девочки светло-жёлтые седые волосы, длинные. Они сидят спиной, обнимают друг друга сзади, а другими руками держат по палочке для пенсионеров. Под скамейкой, на которой они сидят, зелёная лужайка с цветами. Стиль картин – минималистичный. Герои выглядят как в жевательной резинке Love is... Девочка одета в светло-розовое платье, а мальчик в синий пиджак. Общий фон белый. На картинке надпись: «Любовь это...» (вверху), «... прожить вместе до старости» (внизу).

17:01

Prompt: мальчик и девочка в старости сидят на скамейке, у мальчика седые черные волосы, короткие. У девочки светло-жёлтые седые волосы, длинные. Они сидят спиной, обнимают друг друга сзади, а другими руками держат по палочке для пенсионеров. Под скамейкой, на которой они сидят, зелёная лужайка с цветами. Стиль картин – минималистичный. Герои выглядят как в жевательной резинке Love is... Девочка одета в светло-розовое платье, а мальчик в синий пиджак. Общий фон белый. На картинке надпись: «Любовь это...» (вверху), «... прожить вместе до старости» (внизу).

16:11

Prompt: мальчик и девочка в старости сидят на скамейке, у мальчика седые черные волосы, короткие. У девочки светло-жёлтые седые волосы, длинные. Они сидят спиной, обнимают друг друга сзади, а другими руками держат по палочке для пенсионеров. Под скамейкой, на которой они сидят, зелёная лужайка с цветами. Стиль картин – минималистичный. Пример: как в жевательной резинке Love is... Девочка одета в светло-розовое платье, а мальчик в синий пиджак. Общий фон белый. На картинке надпись: «Любовь это...» (вверху), «... дожить до старости» (внизу).

17:06

Prompt: мальчик и девочка в старости сидят на скамейке, у мальчика седые черные волосы, короткие. У девочки светло-жёлтые седые волосы, длинные. Они сидят спиной, обнимают друг друга сзади, а другими руками держат по палочке для пенсионеров. Под скамейкой, на которой они сидят, зелёная лужайка с цветами. Стиль картин – минималистичный. Пример: как в жевательной резинке Love is... Девочка одета в светло-розовое платье, а мальчик в синий пиджак. Общий фон белый. На картинке надпись: «Любовь это...» (вверху), «... дожить до старости» (внизу).

17:06

Источник: Телеграм чат-бот 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Имя пользователя: @GPT4Telegrambot (дата обращения: 12.05.2024) /

Source: Telegram chat-bot 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Username: @GPT4Telegrambot (accessed: 12.05.2024).

Блок 2

В данном блоке второй промт задаётся заново в чат-бот Midjourney с добавлением описательных характеристик. Невозможно не обратить внимание на то, что изображения в блоке 1 (Рис.3) далеки от оригинального изображения на вкладыше жевательной

резинки 'Love is' (Рис.2) – минималистичность отсутствует. В запросе мы дописали, что «герои выглядят как в жевательной резинке Love is...», а также: «общий фон белый» и «на картинке надпись: «Любовь это...» (вверху), «...прожить вместе до старости» (внизу)».

В результатах итерации мы видим, что на двух изображениях фон стал белым (Рис.4, картинки 1 и 4), «мальчик и девочка» обнимают друг друга сзади на всех четырёх вариантах, везде добавлена надпись-послание. Midjourney воспринимает положение надписи (вверху, внизу) по-своему: 1) когда подлежащее 'Love is' вверху изображения, а предикативная часть – внизу изображения (Рис.4, картинка 1); 2) когда подлежащее 'Love is' и предикативная часть находятся в одном месте, но 'Love is' – выше остального текста (Рис.4, картинка 4); 3) когда подлежащее 'Love is' и предикативная часть находятся на одном уровне (параллельно друг другу), но не сверху и снизу изображения, а справа и слева друг от друга (Рис.4, картинки 2 и 3). Важно также отметить, что текст не генерируется на русском языке: нейронная сеть переводит его на английский язык. Как показал эксперимент, при вынесении текста на изображения случаются и задвоения слов типа «love is...is» или «together together» или «old...old».

В остальном можно отметить, что после введения дополнительного описания в промт «герои выглядят как в жевательной резинке Love is...», несколько вариаций рисунков Midjourney стали более приближенными к оригинальному изображению на выбранном нами вкладыше. Изменился внешний вид «девочки» – волосы стали короткими (Рис.4, картинки 1 и 3), хотя характеристика с длинными волосами не корректировалась нами во втором промте.

Промт «зеленая лужайка с цветами» в данной серии результатов выглядит наиболее однородно, наглядно и точно не указывает на сезон. Все компоненты носят универсальный характер – так же, как и в оригинальном вкладыше 'Love is'.

Далее мы следовали другому алгоритму: выбрали изображение (Рис.4, картинка 3), так как оно показалось нам наиболее приближенным к рисунку на вкладыше жевательной резинки, и продолжили создавать промты с дополненным описанием уже относительно этого изображения.

Рисунок 5/ Picture 5

Результаты итераций в блоках №3 и №4 по созданию изображений в Midjourney /

The results of iterations in blocks №3 and №4 by creation images in Midjourney.

Источник: Телеграмм чат-бот 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Имя пользователя: @GPT4Telegrambot (дата обращения: 12.05.2024) /

Source: Telegram chat-bot 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Username: @GPT4Telegrambot (accessed: 12.05.2024).

Блоки 3 и 4

В данных блоках детализация и неточности прорабатывались с помощью добавления третьего канала: голосовой промт. Посредством голосовых сообщений мы изменили в описании «палочку для пенсионеров» на «трость», убрали строчку с пояснением «герои выглядят как в жевательной резинке Love is...» и добавили описание для скамейки, на которой сидят герои. Нами было замечено, что два блока подряд скамейка изображалась Midjourney как объект со спинкой. Однако на оригинальном изображении, которое мы взяли за основу, скамейка нарисована без спинки (Рис.2).

В блоке 3 (Рис.1, картинка 1) сохраняется ввод текстового послания на рисунке посредством русского языка (Рис.5, картинка 1). Также, нейронная сеть повторяет серию задвоений слов «is...is» и «old old», дублирует одно и то же послание два раза (Рис.5, картинки 1-3). Скамейка остаётся со спинкой, однако впервые появляются трости с закруглённой ручкой у обоих героев на всех изображениях.

В блоке 4 (Рис.5, картинки 2-4) мы вносим письменные изменения в форму голосового промта из блока 3: переводим надпись-послание с русского на английский язык. Midjourney выдаёт серию изображений, приближенных к источнику, на который мы опирались, но с некоторыми неточностями:

1. – спинка у скамейки отсутствует только на одном изображении (Рис.5, картинка 3);
2. – трость со стороны «мальчика» находится поодаль (Рис.5, картинки 2,3);
3. – надпись-послание, введённое на английском языке, снова содержит задвоение слов (Рис.5, картинка 2);
4. – волосы у «девочки» не светло-жёлтые седые (как во всех промтах), а просто седые;
5. – цвет платья «девочки» меняется со светло-розового на жёлтое (Рис.5, картинка 1);

6. – волосы у «девочки» – короткие, а в промт введено описание, что длинные (на всех картинках);

7. – белый фон сохраняется только на одном изображении (Рис.5, картинка 4).

По нашему мнению, самыми приближенными к оригиналу оказываются несколько изображений (Рис.6), сгенерированных Midjourney. Продолжать генерацию по блокам с исправлением промта можно до бесконечности, однако на 4-5 блоках генеративная сеть начинает «ходить по кругу» в изображениях и их вариациях, изменяя только цвета и положения героев в пространстве.

Рисунок 6/ Picture 6

Итоговые результаты итераций в блоках по созданию изображений в Midjourney /

The final results of iterations in blocks by creation images in Midjourney.

Источники: Социальный интернет-сервис, фотохостинг «Pinterest». URL: <https://www.pinterest.ca/pin/2251868556772924/> (дата обращения: 01.05.2024); Телеграм чат-бот 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Имя пользователя: @GPT4Telegrambot (дата обращения: 12.05.2024) /

Sources: An image sharing and social media service 'Pinterest'. URL: <https://www.pinterest.ca/pin/2251868556772924/> (accessed: 01.05.2024); Telegram chat-bot 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Username: @GPT4Telegrambot (accessed: 12.05.2024).

Можно сделать вывод, что в совместном создании изображения человека и Midjourney самым важным элементом оказывается текст – промт. У профессиональных пользователей выработана система, по которой они выстраивают текст для промта, чтобы приблизиться к необходимому результату. Промт оказывается определённым видом

искусства или, по-другому, ключевым модулем при создании изображения.

Существуют также ошибки или неточности в генерации, которые не способен исправить даже хорошо написанный промт: (по результатам нашего исследования) посадка героев, подборка цвета, корректный перенос вербального компонента – надписей-посланий на изображении.

В программировании термин *итерация* применяют к специальной обработке данных, при которой происходит многократное повторение действий, при этом рекурсия, то есть вызов функции (процедуры) из неё же самой – не реализуется. Другими словами, рекурсивная программа позволяет описывать повторяющиеся или бесконечные действия (вычисления) без явных повторов предшествующих частей программы и использования циклов. Мы считаем, что данный термин также подходит для описания действий при генерации изображения с помощью нейронной сети в условиях полимодальности. Более того, поэтапная система формирования полимодальной среды в *цифровом мире* может быть обозначена как суммаризация вербальных, невербальных и голосовых компонентов. Подобную систему уже описывали О.Ю. Коломийцева и А.Н. Москалёва в статье, затрагивающей вопросы реализации категории полимодальности в Инстаграм-дискурсе. Они отметили, что текст и изображение образуют «новую вербально-визуальную форму» [\[4, с. 115\]](#), которая интересна тем, что по отдельности визуальные и вербальные составляющие могут не нести глубинных смыслов [Там же]. К их системе мы хотели бы добавить и голосовой канал в полимодальное пространство Midjourney, что оправдывало бы использование термина *полимодальный* в контексте *цифрового искусства* с генеративными сетями.

Заключение

Приемлемость применения термина *полимодальный* в контексте *вычислительной креативности* (или *машинного творчества*) в *цифровом искусстве* нейронных сетей обусловлена многоканальностью процесса создания изображения. С одной стороны, происходит взаимодействие вербальных и невербальных компонентов посредством промта и визуализации его генеративной сетью. С другой стороны, для быстрых исправлений неточностей в описательных характеристиках промта можно использовать голосовые входные данные. Во взаимодействии всех частей возникает полимодальная среда, в которой создаётся полимодальное пространство.

В ходе эксперимента удалось протестировать и описать работу Midjourney. Вербально-визуальные изображения, сгенерированные с помощью данной нейронной сети, частично совпадают с оригинальным сюжетом, изображенном на вкладыше турецкой жевательной резинки 'Love is'. Мы предполагаем, что Midjourney обучена рисовать слишком хорошо, поэтому она запрограммирована работать по методу индукции, а не дедукции. Нейронная сеть не обучена минимизировать, но обучена – улучшать качество. Это доказывают результаты итерации в блоке 1, где изображения выглядят детализировано и более реалистично. Однако сюжет «мальчик и девочка в старости», изображённый на вкладыше 'Love is', удастся сохранить на каждом сгенерированном изображении.

Взаимодействие всех блоков при создании изображения происходит на высоком уровне, однако, генеративная сеть достаточно часто некорректно итерирует запрос пользователя. Ошибочное виденье запросов не всегда зависит от качественно написанного промта. Сегодня мы можем только предполагать, что данные возможности в нейронных сетях будут доработаны разработчиками.

Таким образом, *вычислительная креативность* (или *машинное творчество*) наблюдается у Midjourney хотя бы потому, что в блоках создания присутствуют варианты изображений, которые мало соответствуют характеристикам, заданным пользователем (особенно – первый промт). Даже если новое виденье изображения нейронной сетью является результатом выведения среднего арифметического из множественной суммаризации, это означает, что генеративная сеть работает по принципу, описанному Маргарет Боден, *трансформационной креативности*, которая предполагает создание ранее неизвестных идей с опорой на фундаментальные знания в заданной области.

Библиография

1. Белова С.С. Творчество: психологические и компьютерные модели / Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т.5, №4. С. 112-119
2. Гусева А.П. Семиотически гетерогенный художественный текст как содержательно осложненная коммуникация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №18 (816). С. 98-109.
3. Евграфова Ю.А. Лингвосемиотика экрана: моделирование реальности в экранных текстах (на материале текстов кино, телевидения и сети Интернет) : дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. (10.02.19). / МГОУ. – Москва, 2020.
4. Коломийцева О.Ю., Москалева А.Н. Способы реализации категории полимодальности в англоязычном инстаграм-дискурсе. Вестник Международного института рынка. 2021. №2. С. 115-125.
5. Коллекция вкладышей популярной жвачки 'Love is...'. Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/zimuka/post354225218/> (дата обращения: 01.05.2024).
6. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизированный текст: проблема терминологии. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, по. 2, 2012, С. 93-102.
7. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи: (Описание, повествование, рассуждение) : Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. (10.02.01) / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. – Москва : [б. и.], 1975.
8. Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. No 3. С. 298–311. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
9. Полонский А.В. Медиалект: язык в контексте медийной культуры // Современный дискурс-анализ. 2018. № 3 (20). Т.1. С. 189-199.
10. Сафаралиева Л.А., Перфильева Н.В. Моделирование многомерного лингвокультурного концепта на материале концепта СТАРОСТЬ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1217–1234. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1217-1234>
11. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов : основные направления // Вопросы языкознания. 2005. No 6. С. 115–123.
12. Социальный интернет-сервис, фотохостинг «Pinterest». Режим доступа: <https://www.pinterest.ca/pin/2251868556772924/> (дата обращения: 01.05.2024).
13. Степанова И. В. (2013). Креолизированный текст как средство репрезентации концепта Love (на материале комиксов Love is). Вестник Челябинского государственного университета, (24 (315)), С. 152-156.
14. Телеграм чат-бот 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI — GPT4Telegrambot Inc.'. Имя пользователя: @GPT4Telegrambot (дата обращения: 12.05.2024).
15. Boden M.A. Creativity and artificial intelligence // Artificial Intelligence. 1998.103. Pp. 347-356.
16. Boden M.A. Computer models of creativity// Handbook of Creativity. R.J. Sternberg

(ed.). Cambridge University Press, 1999. Pp. 351-372.

17. Colton S. From Computational Creativity to Creative AI and Back Again. *Interalia Magazine*. 2019. Режим доступа: <https://www.interaliamag.org/articles/simon-colton/> (дата обращения: 04.05.2024).

18. Colton S. & Wiggins, G. A. Computational creativity: The final frontier? In *ECAI 2012-20th European Conference on Artificial Intelligence, 27-31 August 2012, Montpellier, France-Including Prestigious Applications of Artificial Intelligence (PAIS-2012) System Demonstration*. Frontiers in Artificial Intelligence and Applications. Vol. 242. 2012. IOS Press. Pp. 21-26. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-098-7-21>

19. Pickover A. Clifford. *Artificial Intelligence: An Illustrated History: From Medieval Robots to Neural Networks*. Sterling Publishing Co., Inc. (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia), 2021.

20. Santini C. *Kinttsugi: Finding Strength in Imperfection*. Andrews McMeel Publishing LLC. 2019.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи обращает внимание на вычислительную креативность генеративной сети Midjourney в полимодальном пространстве. Предметная область работы достаточно понятна, в принципе обозначен и ценз актуальности вопроса. Следовательно, материал соотносится с одной из рубрик журнала, он, так или иначе, актуален. Формальные грейды исследования выдержаны: манифестация основных позиций дна – «Идея поиска новых мотивов на границе графики, науки, когнитивной психологии и математики применима сегодня ко многим произведениям искусства, созданным не только посредством красок и холста, но и с помощью компьютеров, алгоритмов, нейронных сетей и других форм искусственного интеллекта (далее – ИИ). Американские исследователи в области ИИ называют такую возможность у машин – вычислительной креативностью (computational creativity)», или «Нейросетевые технологии сегодня могут обучаться классификации и распознаванию объектов на основе множества тренировочных изображений или с помощью подробного текстового описания: осуществляют поиск неких паттернов и гиперболизируют их – «примерно так же, как поступает человек, когда смотрит на облака и пытается увидеть в них очертания животных», или «Актуальность данной работы заключается в том, что вопросы и проблематика полимодального текста описываются в лингвистике почти пятьдесят лет, а нейронные сети начали активно использоваться для генерации «единого графического пространства», в котором соединяются вербальные и невербальные компоненты в пределах одного или нескольких изображений, относительно недавно». Вектор оценки нейросетей на данный момент субъективен, даются только варианты оценки, общего же описания нет. Автора пытается подчеркнуть новизну исследования, однако, и она слабо конкретна: «Новизной является то, что полимодальный текст и его создание с помощью ИИ исследуются впервые. Хотя «наше общество ревниво оберегает всё, что связано с творчеством», учёные из вычислительного подразделения Голдсмитского колледжа Саймон Колтон и Герейнт Уиггинс считают, что вычислительная креативность (или машинное творчество) – «вероятно, последний предел возможностей ИИ...». Считаю, что частный случай может заинтересовать, но он не является обобщением: «Материалами послужили минималистичные иллюстрации со вкладышей из популярной турецкой жевательной резинки 'Love is...' (Рис.1). Изображения подобного типа выбраны не

случайно, так как на картинках не прорисовываются мельчайшие детали, лица героев, пейзажи и т.д. Важно и то, что вербальный компонент (надпись-послание) на вкладыше содержит предложение, которое представлено с помощью двух автономных графических частей: «подлежащего 'Love is...' и предикативной части высказывания». Статистика / данные эксперимента введены верно, фактических нарушений нет: «В ходе эксперимента было сгенерировано и проанализировано около 20 изображений. Для обсуждения мы выбрали процесс генерации на примере только одного рисунка, так как этапы создания оказались долгими, а алгоритм сборки и обработки вербальных и невербальных компонентов, посредством нейронной сети Midjourney, оказался одинаковым для изображений любого типа». Оценка «визуала» дана объективно, автор старается прибегнуть к современной методологии анализа: «Фигуры двух людей – мужская (слева) и женская (справа), сидящих на скамейке, представляют собой иконический компонент, демонстрирующий семейную пару, которая прожила «вместе до старости». На гендерные признаки указывают классические представления о мужчине и женщине – у мужской фигуры короткие волосы, а в сравнении с женской мужская фигура выше по росту; у женской фигуры длинные волосы, рост ниже фигуры слева». Формально значимые моменты описываются, но должный диалог мнений остается: «мы видим, что один и тот же текст пользователя, заданный в чат-бот Midjourney, содержится под четырьмя вариациями картинок (Рис.3). Система обработки промта (prompt), то есть запроса, подсказки, входных данных или инструкций, конвертирует сразу четыре разных изобразительных варианта для одного и того же текста. Предполагается, что по описательным характеристикам в промте генеративная сеть не всегда может подобрать точный стиль рисовки, а также создать детализацию образов на изображении с первого раза». Удачно в режиме сопоставлений вводится авторский комментарий: «В данных блоках детализация и неточности прорабатывались с помощью добавления третьего канала: голосовой промт. Посредством голосовых сообщений мы изменили в описании «палочку для пенсионеров» на «трость», убрали строчку с пояснением «герои выглядят как в жевательной резинке Love is...» и добавили описание для скамейки, на которой сидят герои. Нами было замечено, что два блока подряд скамейка изображалась Midjourney как объект со спинкой. Однако на оригинальном изображении, которое мы взяли за основу, скамейка нарисована без спинки (Рис.2)». Вариация оценки полярна, что и важно, точки зрения вариативны. Итог работы соотносится с основным блоком, фактических нарушений не выявлено. Стоит согласиться, что «в ходе эксперимента удалось протестировать и описать работу Midjourney. Вербально-визуальные изображения, сгенерированные с помощью данной нейронной сети, частично совпадают с оригинальным сюжетом, изображенным на вкладыше турецкой жевательной резинки 'Love is'. Мы предполагаем, что Midjourney обучена рисовать слишком хорошо, поэтому она запрограммирована работать по методу индукции, а не дедукции. Нейронная сеть не обучена минимизировать, но обучена – улучшать качество. Это доказывают результаты итерации в блоке 1, где изображения выглядят детализировано и более реалистично. Однако сюжет «мальчик и девочка в старости», изображённый на вкладыше 'Love is', удаётся сохранить на каждом сгенерированном изображении». Импонирует в работе вариант нетривиальной оценки генеративной сети, ее особенностей и специфики. Основные требования издания учтены, текст не нуждается в принципиальной правке и коррективе. Рекомендую статью «Вычислительная креативность генеративной сети Midjourney в полимодальном пространстве» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хао С., Лабуш Н.С., Вэй Ю. Анализ ценностей, представленных на сайте «Народная газета онлайн» в период с 2020 по 2022 год // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70920 EDN: JFPFXC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70920

Анализ ценностей, представленных на сайте «Народная газета онлайн» в период с 2020 по 2022 год

Хао Сяосяо

аспирант; кафедра "Международная журналистика"; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ haoxiaoxiao95@gmail.com

Лабуш Николай Сергеевич

доктор политических наук

профессор; кафедра Международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб, 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

Вэй Юйци

аспирант; кафедра Международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб, 7/9

✉ weiyuqi990314@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70920

EDN:

JFPFXC

Дата направления статьи в редакцию:

29-05-2024

Дата публикации:

05-06-2024

Аннотация: В данном исследовании объектом является официальный сайт «Народная газета онлайн», а предметом – ценности, представленные в материалах, опубликованных на этом сайте в 2020–2022 годах. При изучении ценностей в «Народная газета онлайн» мы выделяем следующие основные ценности из современных ценностей Китая: «патриотизм» и «коллективизм», ставящие во главу угла интересы государства и коллектива, дух «бескорыстного служения», «дружелюбие» как совокупность «уважения, терпимости, уступчивости, заботы и взаимопомощи», «трудолюбие и бережливость» как семейные ценности, профессиональные ценности, основанные на «преданности делу» и соответствующие требованиям времени (в данном исследовании мы используем термин «люди, следующие за мечтой», предложенный председателем Си Цзиньпином, для обозначения профессиональных ценностей). К идеям, противоречащим этим основным ценностям, относятся: «эгоизм», «недоброжелательность», «лень», «стяжательство» и т.д. Исследование ценностей и ценностных конфликтов в «Народной газете онлайн» (2020-2022 гг.) включало сбор и классификацию материалов, выявление ключевых слов с помощью Anaconda, количественный анализ частоты и сочетаемости терминов, а также качественный анализ статей для определения их ценностных ориентаций. Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе ценностей, отражённых в ведущих китайских СМИ, на примере «Народной газеты онлайн» за 2020-2022 гг. Исследование имеет важное политическое и социальное значение, поскольку способствует глубокому пониманию ценностных ориентиров китайского правительства и его стратегий распространения информации. Оно раскрывает механизмы, посредством которых СМИ формируют общественное мнение и социальную идентичность. С академической точки зрения, исследование обогащает теорию медиа и коммуникативистики, особенно в контексте её применения в несевероамериканской среде. Анализ с международной перспективы может служить ориентиром для других стран, помогая им лучше понять и эффективно справляться с вызовами распространения информации и конкуренции ценностей в эпоху глобализации. Выводы исследования показывают, что «Народная газета онлайн» активно выполняет роль ведущего СМИ в формировании благоприятной идеологической атмосферы в рамках социалистической направленности.

Ключевые слова:

Народная газета онлайн, Ценности, Официальные СМИ, Общественные ценности, Патриотизм, Коллективизм, Упорный труд, Эгоизм, Культурная пропаганда, Ведущие СМИ

Введение

Ценности являются базой большинства человеческих действий и поступков, определяют осознание субъектом своего отношения к объектам, ради которых разворачивается деятельность, тем самым порождают личный смысл данной деятельности или субъективную ценность, соотносимую с потребностями, мотивами, установками, целями и идеалами личности. [Кулюткин Ю. Н., Бездухов В. П., 2002]

С. Л. Рубинштейн считал, что «ценность - значимость для человека чего-либо в мире, как необходимое производное от соотношения мира и человека» [Рубинштейн С. Л., 1973]. Советский философ и культуролог М. С. Каган подчеркивал, что ценность,

существуя как качество объективного носителя, отражается в сознании субъекта и порождает ценностное отношение личности к миру, которое проявляется в ценностной оценке и ценностном отношении. [Каган М. С.,1997]. В Китае ученые также предложили свои определения «ценностей». Китайский ученый Ли Дэшунь в своей книге «Новая теория ценностей» пишет, что «ценности - основной взгляд и общая концепция ценности определенного вида вещей в сознании людей, выраженные в виде относительно устойчивых убеждений, веры, идеалов и т.д» [Ли Дэшунь,1991].

Аксиология журналистики – это важное направление аксиологии, и один из самых действенных каналов формирования каждой отдельной души и здорового нравственного климата в социуме в целом. Часто встречающиеся в научной и учебной литературе формулировки «культурно-познавательная деятельность» журналистов и СМИ относятся к распространению знаний, культуры, то есть к широко понимаемому просвещению потребителей журналистской информации. По мнению профессора В.А. Сидорова, СМИ являются творцами не просто содержания, но и определенной ценностной системы. [Сидоров В.А., 2012] В. П. Барышков обращает внимание на значимость ценностей в процессе восприятия информации человеком и на влияние ценностных аспектов на информационный выбор. Человек выступает не только как объект воздействия, но и как субъект, который делает информационные выборы на основе ценностей. Медийное пространство играет роль посредника между человеком и окружающим миром, облегчая взаимодействие между ними. [Барышков В. П.,2005].

По мнению Е.В. Поликарповой, масс-медиа уже давно стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания человечества. Они претендуют на роль очень мощного фактора формирования мировоззрения личности и ценностной ориентации общества. Им принадлежит лидерство в области идеологического воздействия на общество и личность. Они стали трансляторами культурных достижений и активно влияют на принятие либо отрицание обществом тех или иных ценностей культуры. Но средства массовой информации и сами принимают участие в формировании этих ценностей, причем эти процессы часто остаются бесконтрольными и малоизученными. (Поликарпова Е.В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе.URL: http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp/01.php, дата обращения 02.12.2023)

В Китае, такие ведущие СМИ, как «Народная газета», играют важную роль в формировании и продвижении ценностей. Термин «ведущие средства массовой информации» постепенно стал ассоциироваться с китайской местной практикой новостной журналистики во второй половине 1999 года. Богатый опыт китайских новостных медиа в интернете и необходимость усиления влияния Китая на международное общественное мнение побудили журналистское сообщество к диалогу и исследованиям по вопросам развития китайских новостных медиа в эпоху цифровых технологий. [Ло Ичэн,2002]

В 2001 году профессор Фуданьского университета Чжоу Шэнлин опубликовал статью «О ведущих средствах массовой информации», в которой впервые в китайской журналистике и коммуникации специально обсуждались стандарты и функции ведущих СМИ. Он определил ведущие СМИ как «провинциальные и выше средства массовой информации, которые обладают большим влиянием, играют ведущую роль и способны представлять или направлять общественное мнение» [Чжоу Шэнлин,2001]. Суть ведущих СМИ заключается в их авторитетности и влиянии, что основывается на социальной ценности медиа, а именно на их роли в содействии развитию различных сфер общества. Это также отражает чувство миссии, которым должны обладать медиа. [Ся Хун,2002]

Китайские ведущие СМИ являются распространителями правительственных ценностей. Исследование ценностей, отражённых в китайских ведущих СМИ, имеет важное политическое и социальное значение. Во-первых, данное исследование способствует глубокому пониманию ценностных ориентиров китайского правительства и его стратегий распространения информации, а также раскрывает механизмы, посредством которых СМИ формируют общественное мнение и социальную идентичность. Во-вторых, с академической точки зрения, данное исследование обогащает теорию медиа и коммуникативистики, особенно в контексте её применения в несевороамериканской среде. Наконец, анализ с международной перспективы может служить ориентиром для других стран, помогая им лучше понять и эффективно справляться с вызовами распространения информации и конкуренции ценностей в эпоху глобализации.

В данном исследовании объектом является официальный сайт «Народная газета онлайн», а предметом — ценности, представленные в материалах, опубликованных на этом сайте в 2020–2022 годах. Используя сочетание количественных и качественных методов, в данной работе мы анализируем основные ценности, отраженные в материалах сайта, а также альтернативные ценности, которые с ними конфликтуют.

При изучении ценностей в «Народная газета онлайн» мы выделяем следующие основные ценности из современных ценностей Китая: «патриотизм» и «коллективизм», ставящие во главу угла интересы государства и коллектива, дух «бескорыстного служения», «дружелюбие» как совокупность «уважения, терпимости, уступчивости, заботы и взаимопомощи», «трудолюбие и бережливость» как семейные ценности, профессиональные ценности, основанные на «преданности делу» и соответствующие требованиям времени (в данном исследовании мы используем термин «люди, следующие за мечтой», предложенный председателем Си Цзиньпином, для обозначения профессиональных ценностей). К идеям, противоречащим этим основным ценностям, относятся: «эгоизм», «недоброжелательность», «лень», «стяжательство» и т.д.

Цели исследования:

1. Систематизировать и проанализировать основные ценности и формы их проявления, отраженные в публикациях сайта «Народная газета онлайн» в 2020-2022 гг.
2. Выявить и проанализировать альтернативные ценности, конфликтующие с основными ценностями, представленные на сайте «Народная газета онлайн» в 2020-2022 гг.
3. Исследовать особенности репрезентации ценностей на сайте «Народная газета онлайн».

Новизна исследования заключается в следующем:

1. Применение сочетания количественных и качественных методов для всестороннего системного анализа освещения ценностей на сайте «Народная газета онлайн» в 2020-2022 гг.
2. Рассмотрение основных и альтернативных ценностей в качестве ключевых объектов исследования, что способствует глубокому пониманию динамики ценностных ориентаций в современном китайском обществе.
3. Использование сайта «Народная газета онлайн» в качестве кейса для изучения роли ведущих СМИ в ценностном ориентировании, что может служить практическим ориентиром для других ведущих СМИ.

Методология и методы и исследования:

В рамках исследования ценностей и ценностных конфликтов в ведущих СМИ данное исследование было сосредоточено на официальном сайте газеты «Народная газета онлайн». С помощью python-инструментов были собраны все материалы, опубликованные на сайте «Народная газета онлайн» в 2020-2022 гг., которые затем были классифицированы по датам. Используя аналитический инструмент Anaconda, были выявлены ключевые слова, отражающие различные ценности, и проведен количественный и качественный анализ соответствующих публикаций. Количественный анализ включал статистику и сравнение частоты употребления различных ценностно-окрашенных терминов, а также их сочетаемость с другими словами. Качественный анализ заключался в содержательном исследовании предложений и статей, содержащих данные термины, для определения их ценностных ориентаций.

Таким образом, в ходе исследования применялись следующие методы:

- 1. Метод анализа литературы: широкое изучение соответствующих теоретических источников для обеспечения научно-теоретической базы исследования.
- 2. Метод контент-анализа: сочетание количественного и качественного подходов для анализа ценностных аспектов публикаций сайта «Народная газета онлайн» в 2020-2022 гг.
- 3. Метод case-study: глубокое исследование кейса сайта «Народная газета онлайн» для изучения особенностей его ценностного ориентирования.
- 4. Метод сравнительного анализа: сопоставление ценностных аспектов публикаций «Народная газета онлайн» в разные годы для выявления динамики.

Результаты исследования

В ходе исследования мы подсчитали частоту употребления на сайте «Народная газета онлайн» за период 2020-2022 гг. слов, отражающих основные ценности, таких как «дух самопожертвования», «дух Лэй Фэна», «упорный труд», «люди, следующие за мечтой», «добродота», «бережливость», а также терминов, противоречащих основным ценностям, таких как «эгоизм», «утилитаризм», «гедонизм», «алчность к деньгам», «внезапное обогащение», «Тан пинг» (это мем, который появился в 2021 году, он означает «лежачий образ жизни» - перестать конкурировать и бороться, в меру своих возможностей стремится к спокойной жизни без переутомлений и тревог). Результаты представлены в табл. 1 и табл.2.

Таблица 1

Table 1

Количество слов, отражающих основные ценности, за период с 2020 по 2022 годы на сайте «Народная газета онлайн»

The number of words reflecting the core values on the website "People's Daily Online" during the period from 2020 to 2022.

Ключевое слово/Год	2020 (Количество слов/ статей)	2021(Количество слов/ статей)	2022(Количество слов/ статей)	Общее количество слов/ статей

Дух самопожертвования	134/122	162/143	73/68	369/333
Дух Лэй Фэна	47/16	151/59	39/15	237/90
Упорный труд	363/277	1163/681	564/369	2090/1327
Люди, следующие за мечтой	48/41	45/42	104/92	197/175
Доброта/Добрый	134/111	98/81	90/76	322/268
Бережливость/Бережливый	264/121	170/127	135/101	569/349

Таблица 2

Table 2

Количество слов, противоречащих основным ценностям, за период с 2020 по 2022 годы на сайте «Народная газета онлайн»

The number of words contradicting the core values on the website "People's Daily Online" during the period from 2020 to 2022.

ключевое слово/год	2020 (Количество слов/ статей)	2021 (Количество слов/ статей)	2022 (Количество слов/ статей)	Общее количество слов/ статей	Распростр
Эгоизм/Эгоист	11/10	12/11	11/11	34/32	не пройде
Утилитаризм	42/38	32/28	22/17	96/83	избегать/г
Эпикурейство/Гедонизм	47/35	118/96	70/57	235/188	предотвраща расследов
Алчность к деньгам	6/6	30/29	15/14	51/49	Контролир
Внезапное обогащение	4/4	0	5/5	9/9	являться н
Тан пинг	0	0	108/70	108/70	бросать/к

Текстовый анализ позволяет сделать вывод, что термины, представляющие основные ценности, такие как «дух самопожертвования», «упорный труд», «бережливость», часто используются вместе с позитивными глаголами, такими как «пропагандировать», «развивать» и т.д. Частое употребление слова «доброта» также указывает на тенденцию ведущих СМИ «убеждать людей творить добро» и пропаганду основной ценности «доброжелательности». В 2022 году значительно увеличилось употребление термина «люди, следующие за мечтой», что, по нашему мнению, связано с распространением в обществе «культуры Тан пинг», когда многие люди испытывают растерянность перед будущим и «нежелание прилагать усилия». Ведущие СМИ используют термин «люди, следующие за мечтой», олицетворяющий дух стремления и возвышенные идеалы, для ценностного ориентирования населения.

На сайте «Народная газета онлайн» частота употребления слов, противоречащих основным ценностям, таких как «эгоизм», «гедонизм», «алчность к деньгам», «внезапное обогащение», «Тан пинг», заметно ниже, чем частота упоминания основных ценностей в приведенной выше таблице. Кроме того, эти термины обычно используются вместе с негативными словами, такими как «предотвращать», «противодействовать», «упорядочивать», «тщательно расследовать», что соответствует функции и позиции ведущих СМИ по пропаганде основных ценностей и противодействию ценностям, противоречащим основным.

Для сравнения общего количества упоминаний различных терминов в течение трех лет

нами построен рис.1:

Рис.1. Количество слов, отражающих основные ценности, за период с 2020 по 2022 годы на сайте «Народная газета онлайн»

Fig.1. The number of words reflecting the core values on the website "People's Daily Online" during the period from 2020 to 2022.

Из рис.1 видно, что среди исследованных нами терминов, отражающих основные ценности, наиболее часто встречается «упорный труд» - 2090 раз в 1327 статьях. «Упорный труд» является важной составляющей выдающейся традиционной китайской культуры, а также одной из ключевых ценностей, подчеркиваемых Коммунистической партией Китая в наши дни. Например, в статье «Народная газета онлайн» от февраля 2021 года сообщалось о выступлении Си Цзиньпина на новогоднем чаепитии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, в котором он подчеркнул необходимость «развивать дух служения народу, как бык-тружеников, дух освоения новых земель, как бык-пионеры, и дух упорного труда, как старые вола». Статья далее поясняет: «Сила духа безгранична. Без духа нация не может встать на ноги, а государство - укрепиться. Только твердо стоя духовно можно противостоять историческим потокам, держать курс на гребне волны». (Активное продвижение духа быка-труженика, духа быка-пионера и духа старого вола. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2022/0627/c1002-32457406.html>, дата обращения: 10.04.2024). Образы «быка-труженика», «быка-пионера» и «старого вола» хорошо известны, являясь глубокими культурными символами, они несут в себе духовный код китайского народа, его негибаемую волю к самосовершенствованию и упорному движению вперед.

В то же время, упоминания «духа Лэй Фэна» относительно немногочисленны. Это свидетельствует о том, что, хотя «трудолюбие», «бережливость», «доброта» и ориентированный на коллективные интересы «дух самопожертвования» все еще относятся к традиционным добродетелям китайской нации, в условиях современной социалистической рыночной экономики Китая особо подчеркивается важность «труда» как средства «создания богатства». В современном китайском обществе, несмотря на то, что мы по-прежнему превозносим «самопожертвование» и «дух служения», мы также уделяем больше внимания законным интересам граждан, и по сравнению с традиционным обществом, мы больше акцентируем «первенство законных интересов граждан при приоритете государственных и народных интересов».

Среди терминов, представляющих альтернативные ценности, наиболее высокая частота употребления у слова «эгоизм» (рис.2). Контент-анализ показывает, что слово «эгоизм» часто встречается в политических новостях, где оно, как правило, используется для характеристики «крайнего эгоизма», олицетворяемого США в международных отношениях. Например, в статье от 27 июня 2022 года говорится: «Несомненно, вариант штамма «Омикрон» значительно усложнил противоэпидемические мероприятия, но выбрать лежащий образ действий было бы неуважением к науке, безответственным по отношению к жизни и привело бы к потере с таким трудом достигнутых результатов в профилактике эпидемии в нашей стране». (Вместе на одной лодке, совместно достигаем взаимовыгодного сотрудничества — Рассуждения о выступлении председателя Си Цзиньпина на открытии Бизнес-форума БРИКС.URL: <http://world.people.com.cn/n1/2022/0627/c1002-32457406.html>, дата обращения: 10.04.2024).

Рис.2. Количество слов, противоречащих основным ценностям, за период с 2020 по 2022 годы на сайте «Народная газета онлайн»

Fig.2. The number of words contradicting the core values on the website "People's Daily Online" during the period from 2020 to 2022.

В статьях «Народная газета онлайн», посвященных работе с кадрами КПК, часто используется термин «утилитаризм». В статье от 2020 года приводится анализ Генерального секретаря Си Цзиньпина о «формализме»: «Формализм по своей сути является субъективизмом, утилитаризмом, его корень - в ошибочном понимании оценки работы, отсутствии чувства ответственности, когда формальная работа подменяет собой реальные действия, а внешняя привлекательность скрывает противоречия и проблемы». («Народная газета» о мыслях и перспективах: Смотреть в долгосрочную перспективу, искоренять формализм. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0722/c1003-31792377.html>, дата обращения: 05.05.2024).

Термины «алчность к деньгам» и «Тан пинг» резко контрастируют с такими основными ценностями, как «трудолюбие», «упорный труд» и «самоотверженность». «Народная газета онлайн» не только формирует у людей правильные ценностные установки, но и часто публикует статьи, призывающие к борьбе с идеологией «алчность к деньгам». Например, в статье «Трудолюбие, борьба, инновации, самоотверженность: воспитание у молодежи духа труда» от 16 июня 2020 года подчеркивается: «Необходимо создать культурную атмосферу, поощряющую трудолюбие, направлять молодежь на сознательное

противодействие таким ошибочным идеям, как «алчность к деньгам» и гедонизм, формировать здоровый и цивилизованный образ жизни и потребительские взгляды» (Комментатор People's Daily: Активное продвижение духа быка-труженика, духа быка-пионера и духа старого вола. URL:<http://dangjian.people.com.cn/n1/2021/0104/c117092-31987815.html>, дата обращения: 05.05.2024). «Внезапное обогащение» это выражение, которое стало популярным в интернете. Частота его упоминания в основных СМИ невысока, однако оно, вместе с «гедонизмом», было включено в список неправильных ценностей, противоречащих основным ценностям труда. В статье от 27 марта 2020 года о «Мнении Центрального комитета КПК и Госсовета о всестороннем укреплении образования по труду в новую эпоху для детей и подростков всех возрастов» в разделе «Усиление пропаганды и направления» говорится о необходимости «активно пропагандировать трудолюбие, честный и креативный труд, выдающихся личностей и события, связанные с трудом, прославлять труд как почетное дело, создавать атмосферу, ярко поддерживающую образование по труду и ярко выражающую противодействие всем неправильным взглядам на получение дохода без труда, стремление к наслаждениям и почитание «богатства за счет насилия», формировать благоприятную общественную атмосферу, способствующую заботе и поддержке в области трудового образования.» (Активное исследование модели трудового образования с китайскими особенностями - Интерпретация руководителя Министерства образования по «Мнению Центрального комитета КПК и Госсовета о всестороннем укреплении образования по труду в новую эпоху для детей и подростков всех возрастов».URL: http://www.xinhuanet.com/politics/zywj/2020-03/26/c_1125773738.htm, дата обращения: 05.05.2024)

Термин «Тан пинг», ставший популярным в китайских интернет-СМИ в конце 2021 года, также привлек большое внимание ведущих СМИ в 2022 году. Только в 2022 году «Народная газета онлайн» опубликовала 108 статей, объясняющих феномен «Тан пинг» и призывающих «не сдаваться».

В статье, опубликованной «Народная газета онлайн» 5 ноября 2022 года, объясняется причина возникновения «Тан пинг»: «Популярность термина «Тан пинг» не возникла на пустом месте. Современное общество, развиваясь с высокой скоростью, становится все более конкурентным, подобно мчащемуся вперед поезду. Это, несомненно, предоставляет молодым людям, находящимся в авангарде эпохи, платформы, возможности и перспективы развития, но также создает огромное давление, тревогу и трудности. По мере того, как эти трудности накапливаются, все больше молодых людей выбирают «Тан пинг». Если все усилия оказываются тщетными, то лучше сдаться, отпустить ситуацию и плыть по течению. В этом чувствуется бессилие и отчаяние. Поэтому все больше молодых людей, на которых возлагаются большие надежды, выбирают «отпустить себя» в юности, когда должны были бы упорный труд. Однако в статье также призывают молодежь не сдаваться, а бороться: «Молодость предназначена для борьбы, сама борьба - это счастье». (Молодежь стремится к активной жизни, отказываясь от «Тан пинг» и «внутренней спирали». URL:<http://opinion.people.com.cn/n1/2022/1105/c447715-32559516.html>, дата обращения: 05.05.2024)

В более широком смысле «Народная газета онлайн» также пишет: «Чтобы достичь великой цели всеобщего процветания, мы должны неустанно трудиться и идти вперед». (Отказ от «Тан пинг» - тупик, «динамический ноль» - лучшее решение (Форум народа). URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2022-04/20/nw.D110000renmrb_20220420_3-04.htm, дата обращения: 05.05.2024)

Кроме того, анализ содержания статей показывает, что термин «Тан пинг» в «Народная газета онлайн» используется не только для обозначения «нежелания молодежи бороться», но и часто применяется к политике «отказа от контроля» во время пандемии COVID-19. Например, в статье «Нет выхода из «Тан пинг», «динамический ноль» - лучшее решение» (Народный форум) от 20 апреля 2022 года говорится: «Несомненно, штамм «омикрон» значительно увеличил сложность борьбы с эпидемией, но если мы выберем «Тан пинг», то это будет неуважением к науке, безответственностью по отношению к жизни и сведет на нет все наши достижения в борьбе с эпидемией». (Трудолюбие и бережливость, борьба, инновации и самоотверженность. Народная газета: Воспитывать и направлять молодежь на воспитание духа труда. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0616/c1003-31747766.html>, дата обращения: 05.05.2024)

Выводы и рекомендации:

В 2020-2022 гг. «Народная газета онлайн» посредством обширных публикаций активно пропагандировал основные ценности, такие как патриотизм, коллективизм, дух самопожертвования, и в то же время последовательно выступал против альтернативных ценностей, таких как эгоизм, культ денег и т.п. Можно сказать, что «Народная газета онлайн» в полной мере выполнял роль ведущего СМИ в ценностном ориентировании, стремясь сформировать благоприятную идеологическую атмосферу в русле социалистической направленности. Вместе с тем, в конкретной практической работе все еще существуют некоторые недостатки, требующие дальнейшего совершенствования, такие как необходимость повышения силы ценностной пропаганды, улучшения ее очевидных результатов и т.д.

В будущем «Народная газета онлайн» должен продолжать играть ведущую роль СМИ, глубоко раскрывать и пропагандировать социалистические ценности, направлять все общество в формировании правильных мировоззренческих, жизненных и ценностных ориентиров, консолидируя духовные силы для великого возрождения китайской нации.

Библиография

1. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия. М.: Логос, 2005. С. 70–72.
2. Каган М. С. Философская теория ценностей. М.: Петрополис, 1997. С. 55.
3. Кулюткин Ю. Н., Бездухов В. П. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: Сам. ГПУ, 2002. С. 16.
4. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 369.
5. Сидоров В.А. Ценностное осознание журналистики. М.: Петрополис, 2012. С. 39.
6. Ли Дэшунь. Новая теория ценностей. М.: China Youth Publishing Group, 1991. С. 368.
7. Ло Ичэн. Насколько далеко мы от ведущих новостных сайтов? // Modern Communication. 2002. № 02. С. 102-104.
8. Ся Хун, Шэнь Хуай. Интеграционные медиа: новое измерение в развитии средств массовой информации – интервью с главным редактором «Хуаси дусибао» Си Вэньцзюем // News World. 2002. № 01. С. 3-5.
9. Чжоу Шэнлинь. О ведущих СМИ // News World. 2001. № 06. С. 11-12.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации текст соотносится тематически с одной из рубрик издания. Автор обращается к анализу ценностей на основе сайта «народная газета онлайн». Считаю, что работа имеет должную научную новизну, она оригинальна и в должной степени самостоятельна. Суждения по ходу текста выверены. Например, «ценности являются базой большинства человеческих действий и поступков, определяют осознание субъектом своего отношения к объектам, ради которых разворачивается деятельность, тем самым порождают личный смысл данной деятельности или субъективную ценность, соотносимую с потребностями, мотивами, установками, целями и идеалами личности», или «Аксиология журналистики – это важное направление аксиологии, и один из самых действенных каналов формирования каждой отдельной души и здорового нравственного климата в социуме в целом. Часто встречающиеся в научной и учебной литературе формулировки «культурно-познавательная деятельность» журналистов и СМИ относятся к распространению знаний, культуры, то есть к широко понимаемому просвещению потребителей журналистской информации...» и т.д. Методология исследования соотносится с рядом принципов, которые не противоречат современным наработкам. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «В Китае, такие ведущие СМИ, как «Народная газета», играют важную роль в формировании и продвижении ценностей. Термин «ведущие средства массовой информации» постепенно стал ассоциироваться с китайской местной практикой новостной журналистики во второй половине 1999 года. Богатый опыт китайских новостных медиа в интернете и необходимость усиления влияния Китая на международное общественное мнение побудили журналистское сообщество к диалогу и исследованиям по вопросам развития китайских новостных медиа в эпоху цифровых технологий», или «Текстовый анализ позволяет сделать вывод, что термины, представляющие основные ценности, такие как «дух самопожертвования», «упорный труд», «бережливость», часто используются вместе с позитивными глаголами, такими как «пропагандировать», «развивать» и т.д. Частое употребление слова «добродетель» также указывает на тенденцию ведущих СМИ «убеждать людей творить добро» и пропаганду основной ценности «доброжелательности» и т.д. Как таковая цель исследования достигнута, поставленный спектр задач решен. Полученные данные систематизированы, таблицы, графики есть фактор обобщения. Выводы соотносятся с основной частью. Автор отмечает, что «в 2020-2022 гг. «Народная газета онлайн» посредством обширных публикаций активно пропагандировал основные ценности, такие как патриотизм, коллективизм, дух самопожертвования, и в то же время последовательно выступал против альтернативных ценностей, таких как эгоизм, культ денег и т.п. Можно сказать, что «Народная газета онлайн» в полной мере выполнял роль ведущего СМИ в ценностном ориентировании, стремясь сформировать благоприятную идеологическую атмосферу в русле социалистической направленности. Вместе с тем, в конкретной практической работе все еще существуют некоторые недостатки, требующие дальнейшего совершенствования, такие как необходимость повышения силы ценностной пропаганды, улучшения ее очевидных результатов и т.д.». Считаю, что материал может быть полезен в вузовской практике, а также при формировании новых тематически смежных исследований. Статья «Анализ ценностей, представленных на сайте «Народная газета онлайн» в период с 2020 по 2022 год» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тетенова М.А. Путь Эдгара Аллана По в Россию: вымысел и реальность // Litera. 2024. № 6. DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70956 EDN: IWRDLK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70956

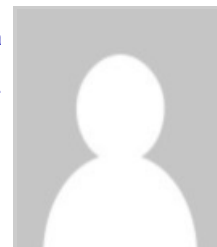
Путь Эдгара Аллана По в Россию: вымысел и реальность

Тетенова Мария Александровна

аспирант, кафедра истории и методологии перевода, Московский Государственный Университет им.
МВ. Ломоносова

119234, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, корп. 51

✉ tetenova.mariia@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70956

EDN:

IWRDLK

Дата направления статьи в редакцию:

30-05-2024

Дата публикации:

06-06-2024

Аннотация: Данное исследование освещает историю появления творчества Э.А. По на российской литературной сцене, проливая свет на культурные, исторические и редакторские факторы, определившие его бытование в России в XIX веке. В рамках проведения анализа переводов мы прибегли к изучению уже существующих исследований по данной теме, архивных материалов российской прессы, литературной критики и произведений упоминаемых авторов. Целью исследования являлось воссоздание особого контекста и специфических условий, при которых творчество Э.А. По проникло в Россию, что позволило бы также проиллюстрировать ключевую роль переводчиков в представлении Э. По на российской, французской, а также мировой литературной сцене. Предметом нашего исследования явились особые условия, определившие проникновение творчества По в Россию. Объектом исследования явились биографии Э. По, написанные разными людьми в разные эпохи, а также документы, повлиявшие на его образ. Основным методом исследования послужил сравнительный

анализ текстов, повествующих о жизни и личности Э. По. Основным результатом проведённого исследования является воссоздание «маршрута», следуя которому творчество американского писателя пришло в Россию, а также определение всех ключевых персон, без которых творчеству По пришлось бы ещё ждать своего часа. Статья также вносит вклад в наше понимание исторического и культурного контекста, определившего появление Э. По на российской литературной сцене, а также называет важнейших писателей, исследователей и переводчиков, проложивших таинственному американцу дорогу в Россию. Научная новизна обеспечивается за счёт создания синтеза существующих исследований по данной теме на русском, французском и английском языках, что позволяет составить наиболее полную трёхмерную картину и хронологию бытования творчества По, что также обеспечивает теоретическую значимость исследования.

Ключевые слова:

переводоведение, репутация, литературоведение, перевод, Эдгар Аллан По, Шарль Бодлер, Сазонов, Гризуолд, биография, межкультурное взаимодействие

Эдгар Аллан По на сегодняшний день бесспорно признанный классик не только американской литературы в целом, но и мировой «хоррор-литературы», литературы ужасов, полной тайн, психологизма и особой, только ему свойственной атмосферы. К сожалению, такого признания Э. По не удалось увидеть при жизни, что мы знаем по всем некрологам, посмертным заметкам, заказанным им самим биографиям, написанным до конца XIX века. Вот только фантастика, как оказалось, выходила из-под пера американца не только в его художественных рассказах — полны загадок оказались даже его биографические записи.

Так, в 1841 году Эдгар Аллан По, тогда никому особо не известный писатель, пишет заметку по просьбе своего (скажем заранее — лишь по его мнению) друга Руфуса Гризуолда, в которой он рассказывает о самом себе и своём жизненном пути. Именно тогда по загадочной причине По создаёт легенду о своём пребывании в России и своей невероятной удаче, позволившей ему унести ноги. Вымысел этот воистину станет легендой, поскольку по всем законам жанра будет передаваться из уст в уста — из одних сочинений в другие.

Что пишет По: «Поскольку г-н Аллан отказался возместить мои долги чести, я сбежал из дома без единого доллара в кармане и отправился в донкихотскую экспедицию к грекам, сражавшимся за свободу. Не сумев попасть в Грецию, я добрался до Санкт-Петербурга, в России. Там столкнулся с множеством трудностей, но был спасён благодаря доброте мистера Г. Миддлтона, американского консула в Санкт-Петербурге. Целым и невредимым вернулся домой в 1829 г.» (перевод — С.Л. Фокин) (англ. orig. Mr. A. refused to pay some of the debts of honor, and I ran away from home without a dollar on a quixotic expedition to join the Greeks, then struggling for liberty. Failed in reaching Greece, but made my way to St. Petersburg, in Russia. Got into many difficulties, but was extricated by the kindness of Mr. H. Middleton, the American consul at St. P.) [Poe 1841] Шарль Бодлер пишет объёмное предисловие к изданию «Histoires extraordinaires» 1856 года, парируя Гризуолду и создавая новый портрет По, но совсем иной: непризнанного и непонятого гения, имевшего несчастье родиться в «стране без аристократии»: «трудно думать и писать спокойно в стране с миллионами правителей, в стране, где нет ни столицы, строго говоря, ни аристократии» (перевод наш — прим. авт.) (фр. orig. «qu'il doit être difficile de

penser et d'écrire commodément dans un pays où il y a des millions de souverains, un pays sans capitale à proprement parler, et sans aristocratie, <...>) [Poe 1856: p. 10]

Образ неизвестной, пугающей, огромной и далёкой страны, полагаем, исправно работал на репутацию По как человека мистического и необычного. Эту заметку Гризуолд поместил в свой труд «Поэты и поэзия Америки» (англ. orig. «The Poets and Poetry of America»), который вышел в 1842 году и сделал автору славу на ближайшие два десятилетия. [Meyers 1992: p. 126] Так что в 1849 году, когда у Руфуса Гризуолда уже было известное имя и ещё 5 антологий подобного плана (Gems from American Female Poets (1842), The Poets and Poetry of England in the Nineteenth Century (1844), The Poets and Poetry of England (1845), Prose Writers of America (1847), The Female Poets of America (1848)), то шансов у его некролога остаться незамеченным не было. Разгромная статья сначала появилась в газете «New York Tribune» прямо в день похорон По, 9 октября 1849 года, а позже была перепечатана и в других газетах по всей стране: «Edgar Allan Poe is dead. He died in Baltimore the day before yesterday. This announcement will startle many, but few will be grieved by it. The poet was known, personally or by reputation, in all this country; he had readers in England, and in several of the states of Continental Europe; but he had few or no friends; and the regrets for his death will be suggested principally by the consideration that in him literary art has lost one of its most brilliant but erratic stars.» [Quinn 1941: 642-695]

В своём стремлении продемонстрировать, насколько По был мерзавцем, Гризуолд к чему только ни обратился: даже сравнил По с героем «Семейства Какстон», приведя целый абзац текста Бульвера-Литтона: «Страсти в нём объединяли многие из худших чувств, которые лишь мешают человеческому счастью. Противоречить ему было нельзя, ибо он мгновенно впадал в ярость; стоило заговорить о богатстве, как его щёки бледнели от сжигающей его зависти. Поразительные природные достоинства этого бедного мальчика – его красота, его готовность ко всему, дерзкий дух, который словно бы дышал вокруг него, как огненная аура, – превратили его природную самоуверенность в высокомерие, а стремление вызывать восхищение – в предрассудки против него. Нетерпеливость, зависть – плохие качества, но не худшие в его случае: весь его характер в доверок ко всему перечисленному был овеян холодным отталкивающим цинизмом, а страсти его выливались в насмешки над другими. В нём не было ни малейшей эмпатии или чувствительности к морали; и, что ещё более примечательно для гордой натуры, он почти или совсем не понимал, что такое честь. У него было до болезненного избытка то желание возвыситься над другими, которое в народе называют честолюбием, но не было желания получить уважение или любовь от других людей; только грубое рвение преуспеть – не блистать, не служить, а преуспеть, чтобы иметь право презирать мир, который раздражал его тщеславную натуру». (перевод наш – прим. авт.) (англ. orig. «Passion, in him, comprehended many of the worst emotions which militate against human happiness. You could not contradict him, but you raised quick choler; you could not speak of wealth, but his cheek paled with gnawing envy. The astonishing natural advantages of this poor boy — his beauty, his readiness, the daring spirit that breathed around him like a fiery atmosphere — had raised his constitutional self-confidence into an arrogance that turned his very claims to admiration into prejudices against him. Irascible, envious — bad enough, but not the worst, for these salient angles were all varnished over with a cold repellent cynicism, his passions vented themselves in sneers. There seemed to him no moral susceptibility; and, what was more remarkable in a proud nature, little or nothing of the true point of honor. He had, to a morbid excess, that desire to rise which is vulgarly called ambition, but no wish for the esteem or the love of his species; only the hard wish to succeed — not shine, not serve — succeed, that he might have the right to despise a world

which galled his self-conceit.») [Griswold 1849]

Э. По не посчастливилось завещать задачу о сборе своих работ и издании собрания сочинений именно ему, своему зачатому другу. Так, в 1850 году выходит собрание сочинений По, предваряемое заметкой «Memoir of the Author», полной вымыслов, лжи и клеветы: в ней Гризуолд называет По наркоманом, алкоголиком, «злым» («evil») человеком. По мнению Джоя Бэйлесса, биографа Гризуолда, так писатель мстит уже покойному По за прилюдную критику и высмеивание его статей и работ. [Bayless 1943: p. 75] Ещё одну причину выдвигает Джеффри Мейерс: он предполагает, что резонансом для столь яростной ненависти могла стать их конкуренция за расположение поэтессы Фрэнсис Сарджент Осгуд в конце 1840-х. [Meyers 1992: p. 209] Осгуд была подругой Гризуолда и обменивалась с ним комплиментарными публикациями, однако в свет в доказательство ко всем своим обвинениям Гризуолд представил письма – только вот они оказались подделками, это впоследствии было не раз доказано разными учёными, например, в «Критической биографии» Артура Куинна. [Quinn 1941: p. 644] Наконец, в переписке с Сарой Хелен Уитмэн, «предсмертной» невестой По, он прямо говорит о своём отношении к нему: «Я не был его другом, как и он не был моим». (перевод наш – прим. авт.) (ориг. англ. I was not his friend, nor was he mine) [Quinn 1941: p. 651]

Тем не менее, вернёмся к вопросу, который нас особенно интересует: пассаж По о путешествии в Россию. Гризуолд включил его в составленную им биографию По, которая, к сожалению, впоследствии разошлась большим тиражом и долгое время считалась за достоверный (а, может, и единственный) источник информации о жизни Э. По. Как следствие, прижился и этот образ По, который тщательно выписывал Гризуолд: ненадёжный пьяница, картёжник и наркоман, проигравший все деньги и умерший в канаве при непонятных обстоятельствах.

Как нам известно, легенда о столь отвратительном характере По, каким его выписал Гризуолд, жила по меньшей мере ещё 20 лет. [Campbell 1933: p. 77]. Опус об Эдгаре По перепечатывался из газеты в газету: ричмондская газета Whig от 28 сентября, 1850; октябрьский выпуск газеты Knickerbocker 1850 года; декабрьский (1850), январский и февральский (1851) выпуски the Democratic Review; январский выпуск the Westminster Review 1852 года; апрельский выпуск журнала Tait's Magazine 1852; журнал Chambers's Edinburgh Journal от 26 февраля 1853 года; журнал Gilfillan's Third Gallery of Portraits за 1854 год; газета the North American Review за октябрь 1856; июньский выпуск журнала Fraser's Magazine 1857 года; апрельский выпуск газеты the Edinburgh Review 1858 года и так далее. Подробно перепечатывание некролога Гризуолда рассматривает Киллис Кэмпбелл в своей книге «The Mind of Poe and Other Studies» в главе «The Poe-Griswold Controversy».

Шарль Бодлер, который позже стал гарантом признания таланта Эдгара По в мире, не стал исключением и также прочёл опус господина Гризуолда. Реакция его, впрочем, была полярной – в предисловии к изданию переводов текстов Э. По он разгромил нерадивого летописца, не стесняя себя в выражениях ровно так же, как не стеснялся в них Гризуолд: «То есть, в Америке нет закона, запрещающего собакам вход на кладбища?» (перевод наш - прим. авт.) (фр. orig. Il n'existe donc pas en Amérique d'ordonnance qui interdise aux chiens l'entrée des cimetières ?) [Poe 1856: 9] Предисловие Шарля Бодлера заслуживает отдельного изучения, т.к. в 4 главах Бодлер не только отрицает право Гризуолда на рассуждение о покойном По в таком тоне, но и пишет новую личность По, которая впоследствии заменит образ, предложенный американским биографом, и станет новым лейтмотивом. Именно это предисловие станет первым текстом, появившимся в России, и так как Бодлер не будет отрицать (или подтверждать)

пассажа о России в своей биографической справке о По, то эта легенда последует и дальше – в Россию.

Легенда продолжала бытовать: поначалу в журналах, в которых публиковались анонимные переводы, а затем и в комментариях к переводам известных учёных и поэтов: комментарий С.А. Андреевского перед переводами «Философии творчества» и «Ворона», «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона 1898 года, второй том переводов К. Бальмонта (1895), рецензия А. Блока (1906), статья А. Яромалинского (1916) и так далее. Наконец, уже в XX веке А.Н. Николюкин обратился к архиву посла Генри Миддлтона, хранящемуся в Москве, и с точностью установил, что имени такого ни в каких записях посла не фигурировало, – на тот момент американские исследователи уже доказали на основе документов, что быть в России По не мог, т.к. служил в упоминаемый период времени в армии, однако под другим именем – Эдгара А. Перри. [По 1970: с. 693]

Тем не менее, несмотря на то, что По, как доказано, никогда не был в России, тексты его всё же до России дошли – причём ещё в XIX веке, и вопросы, как и какие именно тексты Эдгара Аллана По попали в Россию, как началась история перевода его творчества, представляют особый интерес. Впервые имя По звучит в России не перед переведёнными рассказами или стихами, и нам хотелось бы особенно выделить эту любопытную и весьма загадочную историю о первой публикации об Э.А. По на русском языке, ведь она являлась... ещё не изданным во Франции эссе Ш. Бодлера «Эдгар По, его жизнь и его творения» (фр. orig. «Edgar Poe, sa vie et ses œuvres»), который своими переводами впоследствии подарил Э. По всемирную славу. Об этой истории подробно пишут С.Л. Фокин и А.П. Уракова в предисловии к коллективной монографии «По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения», адресуя не полученное при жизни признание Н.И. Сазонову, русскому публицисту, жившему во Франции, знававшему и К. Маркса, и А.И. Герцена. Н.И. Сазонов стал своего рода таким же проводником для По в Россию, как Бодлер был для По. На этом, правда, заслуги Сазонова не заканчиваются, ибо он станет таким проводником и для Бодлера. Так, в самом начале 1856 года Н.И. Сазонов под псевдонимом Карл Штахель опубликовал в петербургском «учёно-литературном» журнале «Отечественные записки» перевод поэмы Ш. Бодлера «Le Crépuscule du matin» («Утренние сумерки») на русский язык, тогда как «Цветы зла» ещё не были изданы даже в самой Франции. Помимо этого, в тех же «Отечественных записках» была опубликована его же статья под названием «Новейшая поэзия во Франции, в Италии и в Англии», датированная следующим образом: «Париж, 30 декабря 1855 г.» В рамках статьи Штахель-Сазонов представил французский оригинал поэмы «Le Flacon» (в переводе – «Флаконт»), также ещё не опубликованный во Франции [Штахель 1856]. «Цветы зла» выйдут в свет во Франции только в 1857 году.

Несправедливая обделённость славой Н.И. Сазонова как переводчика в российской среде абсолютно не обоснована, ведь даже во Франции Сазонов нашёл своё признание в книгах самых именитых исследователей. Так, в 1996 году Адриан Уаннер, швейцарский славист и литературовед, изучает статью Штахеля в рамках монографии «Baudelaire in Russia» (пер. «Бодлер в России»), которая является неким синтезом многих предшествующих статей, что в сумме позволяет создать широчайший охват материала. [Wanner 2006]. Фамилии «Сазонов», тем не менее, в публикации не фигурирует, хотя имена Штахеля и Сазонова уже были «соединены» на тот момент: в издании «Корреспонденции» Бодлера 1947 года Жак Крепе, неустанный исследователь французской литературы и сын Ёжена Крепе, друга и ценителя творчества Бодлера, в примечаниях подчёркивает, что настоящее имя Карла Штахеля – Николай Сазонов

[Baudelaire 1947: 17]. Отец Жака Крепе заслуживает отдельного внимания, ибо он, будучи современником, другом и поклонником творчества поэта, потратил 20 лет на сбор всех писем, записок и прочих документов Бодлера, которые в 1887, 20 лет спустя после кончины автора, опубликовал под названием «Личные дневники и корреспонденция» (перевод наш – прим. авт.) (ориг. фр. *Journaux intimes et des correspondances*).

Жак Крепе сотрудничал со своим молодым коллегой, а впоследствии известнейшим специалистом по творчеству Бодлера – Клодом Пишуа. В рамках совместной работы в 1952 году они опубликовали незаконченный Бодлером памфлет «*Pauvre Belgique*», эссе против бельгийцев, Бельгии и в особенности Брюсселя, написанное во время его поездки туда в 1864 году. Поводов для такой злобы было немало: Бодлер оказался в Брюсселе, спасаясь от своих кредиторов, и в планах у него было провести 5 публичных лекций и найти Альбера Лакруа, издателя Гюго, с которым он хотел договориться об издании своих произведений. Ничего из запланированного, правда, не идёт, как надо: первые 3 конференции превращаются в фиаско, 2 другие отменены, а Лакруа отказывается принять Бодлера, так что последний затаит злобу на всех бельгийцев в целом. Первые отрывки из произведения были опубликованы посмертно в 1887 году. [Rodenbach 1887] Полностью работа была издана в 1952 году в рамках полного собрания сочинений, составленного уже непосредственно Клодом Пишуа и Жаком Крепе. Имя Штахеля-Сазонова фигурирует и в подготовленном под руководством Клода Пишуа издании корреспонденции Бодлера в рамках престижной издательской серии «*La Pléiade*». [Baudelaire 1952] В этом же издании приводится «отзыв» поэта из бодлеровского окружения Теодора де Банвиля: «Это был настоящий русский барин, обходительный человек и обворожительный писатель, который в последние годы своей жизни, проведённые в Париже, стал другом всех местных остроумцев, коих потчевал неподражаемыми русскими салатами» (перевод С.Л. Фокина – прим. авт.) (фр. orig. *Sasonoff était un Russe de bonne noblesse, aimable homme et charmant écrivain qui, pendant les dernières années de sa vie, qu'il passa à Paris, fut l'ami de tous les hommes d'esprit et leur faisait manger des salades russes qu'on n'a pas réussi à imiter.*) [Baudelaire 1973: p.1033].

Позже, уже к 150-летию издания «Цветов зла» во Франции вышла в свет критическая антология, составленная крупнейшим знатоком французской литературы XIX века Андре Гийо, в которой ему удалось собрать воедино все критические заметки, отзывы и реакционные заявления любой формы, датированные в период от 1855 до 1905 года. Штахель-Сазонов занял второе (по хронологии) место. [Guyaux 2007: p. 1058].

История знакомства Сазонова и Бодлера подробно изучается в трудах С.Л. Фокина, представленных в рамках научного приложения «Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре», в статье в коллективной монографии «Шарль Бодлер & Вальтер Беньямин: Политика & Эстетика». Таким образом, мы становимся свидетелями истории, где без участия хотя бы одного из перечисленных персонажей Э.А. По так и остался бы неизвестным российской публике.

В рамках проведённого исследования мы предприняли попытку воссоздать долгий и витиеватый путь, по которому творчество Э.А. По попало к российскому читателю: через разгромные некрологи, адвокатуру Шарля Бодлера в своих предисловиях, их «эксклюзивные» переводы на русский, вышедшие в печать раньше оригиналов на французский. После изучения биографии Э.А. По, которую он предложил сам ещё при жизни, мы сравнили её с установившейся легендой о его жизни, выписанной Р. Гризуолдом в некрологе, что позволило смело утверждать о рождении и укреплении мифа о личности По, уничтожившего его и без того не лучшую репутацию. Образ

порицаемого всеми «плохого» человека, однако, стал, возможно, ключевой характеристикой, привлекшей Ш. Бодлера, выступившего впоследствии в его защиту и написавшего судьбоносное для фигуры По предисловие к сборнику своих переводов его рассказов. В большом тексте под названием «Edgar Poe, sa vie et ses œuvres» Ш. Бодлер разгромил нечестивого Гризуолда и восстановил справедливость в отношении покойного «гения», как он назвал По. Именно это предисловие впоследствии попадёт к русскому публицисту Н.И. Сазонову, обитавшему в Париже, который переведёт его на русский и опубликует в российском журнале – это будет первая публикация об Эдгаре По в России.

Отдельного внимания заслуживает пассаж о путешествии в Россию, который Э. По прописал в своей биографической заметке, отданной Гризуолду при жизни. Этот пассаж будет бытовать во всех текстах о По вплоть до 1870-х в американских текстах, в русскоязычных – до XX века.

Творчество Э. По, несомненно, прошло множество инстанций и перипетий, чтобы оказаться опубликованным в России. Для этого словно бы сложился паззл из множества деталей, должны были быть соблюдены десятки условий, начиная от вопиющего некролога Гризуолда, сотни раз перепечатанного в США, который впоследствии возмутит Бодлера, волею судеб узнавшего об американском писателе, не снискавшем ни славы, ни хотя бы даже признания от своих приятелей, заканчивая модой на всё французское в России, которая обеспечит не только интерес к любому популярному во Франции искусству, но и возможность быть напечатанным. Именно благодаря этому Н.И. Сазонову удаётся опубликовать свои переводы предисловия Ш. Бодлера, которое пусть даже и не было самостоятельным произведением (о чём, наверное, литературоведы могут поспорить), но сыграло важнейшую роль в открытии пути для творчества Э.А. По в России. Наконец, перевод Н.И. Сазонова предварит появление переводов текстов По в российских журналах, которые станут первыми символами интереса к фигуре загадочного американца. Позже интерес этот найдёт своё проявление в изучении биографии По, но уже под особым углом: российские писатели и поэты, переводившие По, будут связывать легенду о пребывании По в России и с декабристами, и с рвением участвовать в революции, как когда-то это сделал другой англоговорящий поэт – Байрон.

Итоги нашей работы могут послужить базой для углублённых исследований любого из этапов распространения творчества Э. По. Изучение важности диалога культур на примере популяризации творчества По может стать одной из перспектив исследования.

Библиография

1. По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения. / Под ред. С.Л. Фокина и А.П. Ураковой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 496 с.
2. По, Э.А. Полное собрание рассказов. Ред. А.А. Елистратова. Наука, Москва, 1970.
3. Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. / Под. ред. С.Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 528 с.
4. Штабель К. Новейшая поэзия во Франции, в Италии и в Англии // Отечественные записки. 1856. Февраль; 2: 1-21.
5. Baudelaire C. Correspondance Générale / Ed. by Jacques Crépet, Paris, Conard, 1947.
6. Baudelaire C. Œuvres complètes (texte établi, présenté et annoté par Claude Pichois), Paris, Gallimard, coll. « Bibliothèque de la Pléiade », 1976.
7. Bayless, Joy. Rufus Wilmont Griswold, Poe's Literary Executor. Nashville, Tennessee: Vanderbilt University Press, 1943.
8. Campbell, Killis. The Mind of Poe and Other Studies. Cambridge, Massachusetts, Harvard

University Press, 1933.

9. Griswold, Rufus Wilmot. Death of Edgar Allan Poe. New York Tribune, October 9, 1849.

10. Guyaux, André. Baudelaire un demi siècle de lecture des fleurs du mal, SUP, 2007.

11. Meyers, Jeffrey. Edgar Allan Poe: His Life and Legacy. New York: Cooper Square Press, 1992. ISBN 0-8154-1038-7

12. Poe, Edgar Allan. Histoires Extraordinaires. Trad. De Charles Baudelaire. Paris : Michel Lévy Frères, Libraires-Editeurs, 1856.

13. Poe, Edgar Allan. Memorandum [Autobiographical Note],” manuscript, May 29, 1841.

14. Quinn, Arthur Hobson, Edgar Allan Poe: A Critical Biography. D. Appleton-Century Company Incorporated, New York, 1941.

15. Rodenbach, Georges. Reportage posthume : Charles Baudelaire », *Le Progrès*, 14 juillet 1887.

16. Wanner, Adrian. Baudelaire In Russia. University Press of Florida, 1996.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

ДискуSSIONАТЬ проблемы пребывания Эдгара А. По в России, несомненно, велика. Автор рецензируемой статьи обращает к некоей систематизации имеющихся данных, при этом собственная точка зрения тоже высказывается, в ряде мест вполне аргументировано. На мой взгляд, грани рассмотрения вопроса в заголовке вполне прозрачно прописаны: «вымысел или реальность». Считаю, что в подобной интерпретации работа может быть интересна читателям. Привлекает данный текст стиливой манерой «проведения» исследования. Автор «условно» находится в первую очередь в диалоге с собой, однако, и читатель вступает с исследователем в дискуссию «согласий» / «не согласий». Например, «Эдгар Аллан По на сегодняшний день бесспорно признанный классик не только американской литературы в целом, но и мировой «хоррор-литературы», литературы ужасов, полной тайн, психологизма и особой, только ему свойственной атмосферы. К сожалению, такого признания Э. По не удалось увидеть при жизни, что мы знаем по всем некрологам, посмертным заметкам, заказанным им самим биографиям, написанным до конца XIX века. Вот только фантастика, как оказалось, выходила из-под пера американца не только в его художественных рассказах — полны загадок оказались даже его биографические записи», или «Образ неизвестной, пугающей, огромной и далёкой страны, полагаем, исправно работал на репутацию По как человека мистического и необычного. Эту заметку Гризуолд поместил в свой труд «Поэты и поэзия Америки» (англ. ориг. «The Poets and Poetry of America»), который вышел в 1842 году и сделал автору славу на ближайшие два десятилетия. [Meyers 1992: р. 126] Так что в 1849 году, когда у Руфуса Гризуолда уже было известное имя и ещё 5 антологий подобного плана (Gems from American Female Poets (1842), The Poets and Poetry of England in the Nineteenth Century (1844), The Poets and Poetry of England (1845), Prose Writers of America (1847), The Female Poets of America (1848)), то шансов у его некролога остаться незамеченным не было. Разгромная статья сначала появилась в газете «New York Tribune» прямо в день похорон По, 9 октября 1849 года, а позже была перепечатана и в других газетах по всей стране...» и т.д. Заглавный вопрос относительно фигуры Э.А. По раскрывается на протяжении всего сочинения, при этом границы «пребывания По в России» растягиваются, внимание переключается и на личные качества, и на некие факторы мистификации, и на оценку творчества Э.А. По писателями, издателями, переводчиками. Статья создана в формате историко-

культурного изыскания; в ней приводятся и фактографические данные, и купюры-клише в режиме комментариев, и собственные (авторские) варианты трактовок. Синкретическая составляющая, на мой взгляд, уместна. Удачно манифестирован в работе ряд позиций, которые могут быть расширены и изучены далее (автор даже стремится «набросать» их для читателей). Считаю это положительным моментом, перспектива всегда важна и интересна. Например, «предисловие Шарля Бодлера заслуживает отдельного изучения, т.к. в 4 главах Бодлер не только отрицает право Гризуолда на рассуждение о покойном По в таком тоне, но и пишет новую личность По, которая впоследствии заменит образ, предложенный американским биографом, и станет новым лейтмотивом. Именно это предисловие станет первым текстом, появившимся в России, и так как Бодлер не будет отрицать (или подтверждать) пассажа о России в своей биографической справке о По, то эта легенда последует и дальше – в Россию». Цель работы, на мой взгляд, фактически достигнута, но ряд задач только намечен (не решен в полной мере). Однако, считаю что и такое уместно; это не противоречит научному изысканию. Автор уточняет, что «в рамках проведённого исследования мы предприняли попытку воссоздать долгий и витиеватый путь, по которому творчество Э.А. По попало к российскому читателю: через разгромные некрологи, адвокатуру Шарля Бодлера в своих предисловиях, их «эксклюзивные» переводы на русский, вышедшие в печать раньше оригиналов на французский. После изучения биографии Э.А. По, которую он предложил сам ещё при жизни, мы сравнили её с установившейся легендой о его жизни, выписанной Р. Гризуолдом в некрологе, что позволило смело утверждать о рождении и укреплении мифа о личности По, уничтожившего его и без того не лучшую репутацию». Именно [попытка] и становится главной приметой работы. Финал исследования подведен, но и он имеет открытый характер: «итоги нашей работы могут послужить базой для углублённых исследований любого из этапов распространения творчества Э. По. Изучение важности диалога культур на примере популяризации творчества По может стать одной из перспектив исследования». Соответствие темы одной из рубрик издания имеется, формальные требования журнала учтены, материал интересен, его можно использовать при изучении истории зарубежной литературы, литературной критики, творчества Эдгара А. По. Рекомендую статью «Путь Эдгара Аллана По в Россию: вымысел и реальность» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Макарова М.С., Турунов Д.М., Смирнова Е.Д., Осипова А.А., Корти М., Чжао И., Климова Е.А. Особенности выстраивания коммуникаций с иностранными студентами с помощью современных онлайн-медиа // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70632 EDN: IZYPUG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70632

Особенности выстраивания коммуникаций с иностранными студентами с помощью современных онлайн-медиа

Макарова Мария Сергеевна

магистр, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов Патриса Лумумбы
115580, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, ауд. 524

✉ maxamaxa2000@yandex.ru

Турунов Денис Михайлович

студент, кафедра массовых коммуникаций; Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы
11798, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ turunov.denis@gmail.com

Смирнова Екатерина Дмитриевна

магистр; кафедра теории и истории культуры; Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы
11798, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ ekaterinasd@outlook.com

Осипова Алена Андреевна

магистр; кафедра теории и истории культуры; Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы
11798, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ alenaosipova99@mail.ru

Корти Мария

магистр; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы
11798, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ maxamaxa2000@yandex.ru

Чжао Инин

магистр; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы

11798, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ maxamaxa2000@yandex.ru

Климова Елизавета Анатольевна

магистр; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы

11798, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ klmvlzvt@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70632

EDN:

IZYPUG

Дата направления статьи в редакцию:

02-05-2024

Дата публикации:

06-06-2024

Аннотация: Данная статья исследует влияние онлайн-медиа на процесс адаптации иностранных студентов в образовательных учреждениях. Исследование выполнено применительно к Российскому университету дружбы народов и некоторых других вузов РФ, активно использующих международный образовательный и академический обмен. Авторы анализируют основные препятствия, с которыми сталкиваются студенты при переходе в новую среду обучения, с такими, как культурные, языковые и академические различия. Авторы статьи обсуждают роль онлайн-медиа в преодолении этих барьеров, подчёркивая их значимость в процессе обмена информацией, развитии коммуникативных навыков на иностранном языке и создании доверительных отношений. Рассматривается вклад онлайн-медиа в интеграцию различных культур и традиций, что способствует формированию культурного понимания, толерантности и уважения к разнообразию мировоззрений в образовательной среде. Производится анализ того, как студенты используют онлайн-ресурсы для получения дополнительной информации, развития соответствующих навыков и углубления своих знаний, а также анализ существующих исследований на тему адаптации иностранных студентов и роли онлайн-медиа в образовании. Кроме этого, в статье раскрываются следующие подтемы. Особенности

сбора данных об опыте иностранных студентов, использовании ими онлайн-медиа при этом. Проведение интервью с иностранными студентами, преподавателями, администрацией вузов для получения качественной информации о проблемах адаптации и роли восприятия интернет-ресурсов и их влияния на процесс адаптации. Новизна данного исследования заключается в следующих характеристиках проведенной работы. Фокусы были сделаны на конкретный вуз или регион. Был проведен учет специфики разных групп студентов. Анализ был проведен с учетом того, как онлайн-медиа используются студентами из разных стран, с разным уровнем владения языком, разных специальностей и т.д. Было произведено изучение влияния конкретных типов онлайн-медиа: например, социальных сетей, образовательных платформ, чат-ботов, специализированных приложений для иностранных студентов. Анализ влияния онлайн-медиа был эксплицирован на различные аспекты адаптации через такие разрезы, как академическая успеваемость, психологическое благополучие, социальная интеграция, культурная адаптация и другие. Проект заканчивается изложением разработанных авторами статьи рекомендаций по использованию онлайн-медиа для повышения эффективности адаптации иностранных студентов в иных странах или вузах мира.

Ключевые слова:

социальная коммуникация, онлайн-медиа, социальные сети, иностранные студенты, языковой барьер, адаптация, межкультурное общение, инклюзивная учебная среда, глобализация, культурная интеграция

Социальная коммуникация включает в себя общение и передачу информации в обществе. В то время как техническая коммуникация относится к передаче информации и идей в технических или научных областях, которые требуют специализированных знаний и терминологии для полного понимания.

В развитых обществах на сегодняшний день онлайн-медиа стали одним из ключевых инструментов современной коммуникации, позволяя эффективно передавать информацию, создавать контент, устанавливать связи, и взаимодействовать с мировым сообществом. Комбинация онлайн-медиа и коммуникации может облегчить процесс общения с иностранными студентами и помочь в установлении долгосрочных и успешных международных отношений и сотрудничества.

Термин «коммуникация» берет своё начало с античных времён и в настоящее время, в зависимости от области применения, используется в различных сферах. В контексте данной статьи наше внимание будет уделено социальной и технической коммуникации. Социальная коммуникация – это передача информации в человеческом обществе, другими словами, это общение. Успешность социальной коммуникации является результатом преодоления существующих барьеров для более точной трансляции сообщения своему собеседнику. Так, например доктор философских наук Виктор Максимович Шепель выделяет следующие возможные барьеры в социальной коммуникации: дискомфорт физической среды, в условиях которой воспринимается сообщение; инерция включенности; антиципация к чужим мыслям, стереотипизированность сознания, амбициозность; языковой барьер; профессиональное неприятие; неприятие имиджа коммуникатора [\[1\]](#).

Под технической коммуникацией понимаются различные пути сообщения, формы связи и иные технические системы. А.Ю. Быков утверждает, что «достижения в математике,

электросвязи, компьютерном программировании и т.д. способствуют совершенствованию и развитию путей сообщения» [2, с. 87]. Современные онлайн-медиа позволяют говорить о комбинированной форме коммуникации, т.е. технологической (общение между человеком и машиной) и социальной (общение между человеком и человеком).

Главными характерными особенностями Интернет-коммуникации (следует понимать как социальную коммуникацию в виртуальной среде) можно считать анонимность (частое отсутствие «Я» автора), физическая непредставленность, нерегламентированность поведения, снижение психологического и социального риска в процессе общения, компенсаторная виртуальная эмоциональность и разнообразие способов коммуникации [3]. Стоит также отметить ещё одно характерное отличие Интернет-коммуникации и межличностной коммуникации, на которое повлияло развитие технологий. Если привычная нам социальная коммуникация в основном имела направленность на конкретного человека, а также была не устойчива во временно-пространственной системе координат, то онлайн-общение стало носить массовость и долговечность [4].

На данный момент Интернет стал основным механизмом формирования социальных сетей. В виртуальном пространстве особенный интерес представляют социальные ресурсы, т.е. «виртуальные сети, являющиеся средством взаимодействия между отдельными категориями пользователей посредством электронных ресурсов с целью установления и поддержания контактов» [5]. Основными функциями социальных ресурсов являются коммуникативная функция, функция самопрезентации, функция развлечения, функция социализации, информационная функция и другие. Это приводит нас к идее, что все информационные и культурные сферы, основной задачей которых является формирование определённых групп людей, должно переходить в виртуальный формат для продолжения своего активного существования. Мобильность и глобальность являются основными преимуществами Интернет-коммуникации перед иными традиционными способами связи. В таком ключе, для формирования заинтересованной социальной группы необходимо рассматривать Интернет-ресурсы в качестве основного способа связи.

Культурные различия, проявляющихся в таких элементах культуры, как язык, обычаи и традиции, приверженность определённым социальным нормам, установленным для данной культурной среды, являются важным фактором адаптации. Чем выше степень культурных различий, тем сложнее выстраивать механизмы адаптации как в бытовом плане, так и в профессиональном. Профессиональный уровень адаптации вполне соотносим с деятельностью студента, поскольку во время учёбы выполняются задачи близкие по содержанию к тем, которые выполняются во время работы. Недооценка важности выстраивания эффективных механизмов адаптации иностранных студентов, с учётом языковых и культурных различий, чревата утратой эффективности в образовательной деятельности.

При формировании механизма адаптации иностранных студентов, приезжающих на обучение в российские вузы, с учётом языковых различий и особенностей важно обратить внимание как на невербальную, так и вербальную стороны коммуникации. Главный компонент вербальной коммуникации – владение языком, который понятен для всех сторон коммуникации. Уровень владения языком непосредственно определяет успешность выполнения задач, поставленных перед актом коммуникации. Важно заметить, что базовое знание языка не всегда является достаточным фактором успешной и эффективной коммуникации. Целенаправленное и осмысленное использование различных языковых элементов, присущих носителям языка и людям с высоким уровнем

владения иностранным языком, выступающим основным языком коммуникации, является неоспоримым преимуществом для участников коммуникации при условии наличия чётких целей общения.

При рассмотрении проблемы межкультурной коммуникации важно также не упускать из виду такой аспект, как дополнительная коннотация – контекст разговора, который помогает донести с помощью невербальных сигналов некоторые коммуникативные оттенки до других сторон взаимодействия. Культурные различия проявляются в том числе и в этом аспекте – существуют страны, где коммуникация тесно связана с дополнительной коннотацией (так называемые «высококонтекстные культуры»), в других странах коммуникация осуществляется непосредственно вербальным способом при слабом задействовании дополнительной коннотации («низкоконтекстные» культуры). К первой группе стран можно отнести восточные и юго-восточные государства (Японию, Китай), а ко второй группе – страны «старого света» и США (Германия, Франция, Италия) [6]. Понимание оттенков, которые коммуникации придаёт дополнительная коннотация, является ещё одним слагаемым успеха осуществления эффективной межкультурной коммуникации, которая свойственна даже для общения с иностранными студентами.

Не менее важным направлением адаптации в межкультурном взаимодействии в студенческой среде является адаптация к образовательной системе той страны, в которой существует необходимость обучаться. Система оценивания, подходы к оцениванию, исключение субъективности в оценке и многое другое – ключевые аспекты образовательной системы, и правильное их понимание и адекватное восприятие способствуют эффективному выполнению актов коммуникации, направленных на достижение образовательных целей. Заметим, что бывает недостаточно просто объяснить принцип, пользуясь абстрактной моделью. Зачастую требуется привести примеры, разобрать простейшие кейсы, и тогда у противоположной стороны коммуникации возникает понимание того, как на самом деле работает система оценивания. При таком подходе вновь стоит отметить важность коммуникативных качеств того, кто вынужден объяснять материал на иностранном языке [7].

Современный мир за счёт быстрой сменяемости форм, методов, принципов работы ставит перед каждой сферой деятельности такие задачи, выполнение которых требует мгновенной адаптации и способности перестраиваться с одного на другое в режиме многозадачности. В свою очередь, адаптивность поспособствовала появлению новых форм взаимодействия между людьми. Обмен информацией и возможности общения на расстоянии сегодня легко решаются с помощью Интернета. Существует масса площадок для письменной коммуникации, общения в видеоформате, совместной работы над проектами и других. Вопросы связи учёбы иностранных студентов и коммуникации с помощью онлайн-медиа являются актуальными, но служат сфере образования в качестве дополнительного инструмента осуществления эффективной коммуникации. Уникальность этого инструмента заключается в том, что его использование позволяет нивелировать некоторые различия в межкультурной коммуникации, особенно в отношении языкового барьера, поскольку существует функция онлайн-перевода, и это позволяет излагать информацию на родном языке. Также онлайн-медиа позволяют насытить образовательный процесс контентом различного рода – изображениями, видео, диаграммами, схемами, таблицами и другим материалом, который позволяет визуализировать текстовые данные, представляя их в наиболее удобной и наглядной форме.

Следующее преимущество онлайн-медиа – это скорость обмена информацией. Обмен

информации в реальном режиме дает возможность реализовать функцию дистанционного (электронного) обучения, что позволяет избежать фактора расстояния и времени при осуществлении образовательного процесса. В свою очередь, материалы, распространяемые с помощью онлайн-метода, могут быть полезными для студентов как с целью самоподготовки, так и дополнительной разработки изучаемых тем, поскольку возникает возможность работать также офлайн [8]. Другая сторона онлайн-коммуникации позволяет студентам включиться в процесс изучения языка, поскольку упрощается поиск носителя языка для совершенствования языковых навыков. В этом направлении со стороны онлайн-медиа поддержкой могут выступать, как и универсальные средства коммуникации, ориентированные на широкую аудиторию (например, популярные социальные сети), так и узконаправленные интернет-порталы, пользователями которых становятся люди, заинтересованные в изучении иностранного языка и выстраивании межкультурной коммуникации.

Онлайн-медиа, выступая главным продуктом начала XXI века, проникшим в большинство сфер жизни человека, доказали свой универсализм и в сфере образования. Вне всякого сомнения, в отношении языкового образования использование онлайн-медиа является неоспоримым преимуществом по тем причинам, которые перечислены выше. Но и другие направления обучения, другие сферы, в которых можно получить образование, могут с успехом встраивать онлайн-медиа в свою программу. Например, совместная работа над учебными проектами на том языке, который понятен всем участникам коммуникации, отправка и онлайн-редактирование файлов любого размера и формата. Обратная связь, получаемая участниками проектной работы, позволяет оперативно вносить изменения в график работы, корректировать ход проекта, влиять на результат. Совместная работа может осуществляться с помощью коммуникации в реальном режиме, с помощью дистанционной коммуникации, так и в совмещённом формате. Реализация образовательных целей с помощью интернет-технологий и онлайн-медиа также сопряжена с функционалом специальных платформ. Платформы могут функционировать на разных языках, то есть интерфейс каждый пользователь может настроить под себя, и их дополнительные модули позволяют создавать образовательные курсы, которые можно проводить с элементами онлайн-лекций.

Можно заключить, что сфера образования, в рамках которой осуществляется межкультурная коммуникация, является широким полем для внедрения онлайн-медиа. Реализация образовательных целей с помощью онлайн-медиа должна учитывать как минимум два важных аспекта: культурный фон и языковой барьер. Понимание культуры другой страны и владение иностранным языком выступают важными принципами выстраивания эффективной коммуникации в сфере образования и обучения иностранных студентов, в частности.

Методы и инструменты для выстраивания эффективной коммуникации существуют следующие:

1. Помощь иностранным студентам в адаптации

1.1. Языковая и культурная адаптация. Язык часто является самым большим первоначальным барьером для иностранных студентов. Университеты могут помочь студентам преодолеть этот барьер, предоставляя услуги языковой поддержки, такие как интенсивные курсы русского языка, программа "Русский язык для друзей" или создание центра изучения русского языка. Также можно организовать регулярные мероприятия по культурному обмену, чтобы дать иностранным студентам возможность попрактиковаться в русском языке в неформальной обстановке и познакомиться с местной культурой.

1.2. Академическая поддержка. Различные системы образования и академические требования часто становятся проблемой и для иностранных студентов. В университетах могут быть созданы специальные отделы по работе с иностранными студентами, которые предоставляют консультации по всем вопросам - от выбора курса до учебных навыков. Кроме того, система наставничества, в рамках которой профессора или старшекурсники направляют новых студентов, может помочь им лучше понять требования к учебному процессу и академические нормы.

1.3. Социальная и эмоциональная поддержка. Чтобы помочь иностранным студентам преодолеть изоляцию и культурный шок, университеты должны предоставлять услуги по охране психического здоровья и психологическому консультированию, создавать клубы иностранных студентов и организовывать различные социальные мероприятия. Это не только поможет им создать социальные связи, но и укрепит чувство принадлежности.

1.4. Предоставление практической информации. Университет должен предоставлять студентам практическую информацию о российских законах, медицинском обслуживании, банковских услугах и т. д. Кроме того, можно регулярно проводить семинары по жизненным навыкам, например, как пользоваться общественным транспортом, где делать покупки и как действовать в чрезвычайных ситуациях, что поможет иностранным студентам быстрее адаптироваться к новой среде.

2. Эффективное общение с иностранными студентами. Эффективная коммуникация — это ключ к успешной адаптации и обучению иностранных студентов. Ниже приведены некоторые стратегии и инструменты, которые университеты могут использовать для обеспечения эффективного и инклюзивного общения с иностранными студентами.

2.1. Обучение культурной чувствительности. Организация тренингов по повышению межкультурной чувствительности для преподавателей, чтобы они лучше понимали и уважали различные культурные различия. Такое обучение должно включать в себя информацию о том, как распознать и избежать культурной предвзятости, как разрешать межкультурные конфликты и как использовать инклюзивный язык. Благодаря такой подготовке преподаватели смогут лучше понимать особенности иностранных студентов и, следовательно, оказывать им более внимательную и эффективную поддержку.

2.2. Мультиязычные информационные ресурсы. Предоставление мультиязычных информационных ресурсов университета, таких как веб-сайты, учебные пособия, руководства по безопасности и т. д., обеспечивает иностранным студентам доступ к необходимой информации без полного владения русским языком. Это не только поможет им быстрее усвоить информацию, но и уменьшит количество недоразумений и ошибок, вызванных языковым барьером.

2.3. Использование технологических инструментов. Использование современных технологических инструментов может значительно облегчить общение с иностранными студентами. Например, для облегчения общения можно использовать программы-переводчики или проводить удалённые консультации и встречи с помощью программ видеоконференций. Социальные сети и мессенджеры также являются эффективными способами поддержания связи с иностранными студентами, причём эти платформы можно использовать не только для повседневного общения, но и для оповещения о чрезвычайных ситуациях и продвижения мероприятий в университете.

2.4. Поощрение взаимодействия и укрепление обратной связи. Организация регулярных семинаров между преподавателями, студентами и иностранными студентами, делящихся своим опытом и проблемами, а также сбор отзывов об образовательных услугах. Это не

только позволяет студентам почувствовать, что их мнение услышано, но и помогает вузу понять свои недостатки и внести улучшения. В то же время преподавателей поощряют использовать интерактивные методы обучения в аудитории, такие как групповые дискуссии и анализ конкретных ситуаций, что может повысить вовлеченность студентов и расширить возможности общения.

2.5. Специальные консультанты для иностранных студентов. Создание специальных консультантов для иностранных студентов, которые не только оказывают повседневную поддержку в учёбе и жизни, но и отвечают на конкретные вопросы студентов, такие как продление визы и получение разрешения на работу. Такие консультанты должны обладать хорошими навыками межкультурной коммуникации и уметь оказывать профессиональную и эмоциональную поддержку студентам.

Находясь у себя на родине, иностранный студент может получить доступ к обширному количеству информации о жизни и учёбе в России. Это позволяет ему заранее приспособиться к жизни в чужой стране, изучить язык, обычаи и традиции, а также подготовиться к бюрократическим процедурам, связанным с поступлением в учебное заведение. Именно для решения таких вопросов наша исследовательская команда подготовила собственный информационный онлайн-портал [\[9\]](#). Данный ресурс объединяет как просветительскую, так и исследовательскую части, нацеленные на облегчение адаптации будущих студентов. К нашей онлайн платформе также прикреплен цифровой помощник – бот на платформе «Телеграм». С его помощью иностранные студенты могут как найти ответы на актуальные вопросы, так и решить индивидуальную проблему, отправив запрос в чат поддержки.

По приезде в Россию студент сталкивается с новыми трудностями и проблемами, но благодаря медиареальности он может быстро найти ответы на свои вопросы. Одним из ярких примеров организаций, которые помогают адаптироваться иностранным обучающимся в вузе (*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*) и стране является «ОНАНА». Это студенческая организация РУДНиПЛ, волонтеры которой помогают иностранцам адаптироваться в России посредством кураторства в очной и онлайн форме. ОНАНА включает в себя:

- BFF («buddy for foreigner»)- кураторство иностранного слушателя. Волонтеры содействуют знакомству с Российским университетом дружбы народов им. П. Лумумбы (РУДН) и Россией, облегчают адаптацию в новой стране с иным менталитетом и, что наиболее важно, помогают разобраться с документами в клинично-диагностическом центре и многофункциональном центре услуг. Кураторы обеспечивают поддержку в преодолении языкового барьера, общаясь на русском языке как можно чаще и на различные темы.
- КАМ (комиссия культурно адаптационных мероприятий): активисты волонтерского отдела организуют развлекательные мероприятия для иностранных студентов, способствующие распространению знаний о русской культуре и знакомству с Россией и русским языком в формате игры.
- PR-отдел: анонсирует мероприятия, публикует информация об общении с иностранцами, знакомит с особенностями культуры и языка России, создаёт фотоотчёты с мероприятий.
- КПП (комиссия по переводу): Активисты комиссии отвечают на вопросы, вызывающие трудности у иностранцев, изучающих русский язык, переводят непонятные иностранцам конструкции на мероприятиях и переводят на различные языки тексты для социальных

сетей.

· ККО (комиссия по качеству образованию): участники комиссии взаимодействуют с администрацией, ведут горячую линию в Телеграмм по вопросам русского языка и ведут по актуальным проблемам слушателей [\[10\]](#).

Использование онлайн-медиа для коммуникации с иностранными студентами представляет собой не только эффективный способ преодоления языковых барьеров, но и современный инструмент для развития международного образования и культурного понимания. Онлайн-платформы обеспечивают широкий спектр возможностей для общения и взаимодействия, что способствует улучшению качества обучения, стимулирует обмен знаниями и опытом, а также способствует формированию глобальной образовательной среды.

Преимущества использования онлайн-медиа в коммуникации с иностранными студентами ощутимы на всех уровнях образования. Гибкость в общении позволяет студентам и преподавателям эффективно взаимодействовать независимо от местоположения, что способствует увеличению доступности образования и расширению международных образовательных возможностей. Кроме того, использование онлайн-медиа способствует интеграции различных культур и традиций, что способствует развитию культурного понимания, толерантности, и уважения к разнообразию мировоззрений.

Итак, онлайн-медиа не только облегчают коммуникацию и обмен знаниями, но и создают основу для создания интернациональной образовательной среды, способствующей обогащению образовательного опыта, улучшению академических результатов и расширению профессиональных возможностей. Таким образом, онлайн-медиа становятся неотъемлемой частью современного образования, открывая новые горизонты для международного обучения и сотрудничества.

Библиография

1. Шепель В.М. Настольная книга бизнесмена и менеджера. Настольная книга бизнесмена и менеджера. – Москва: Финансы и статистика, 1992. – 237 с.
2. Быков А.Ю. Что такое коммуникация // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – С. 86-97.
3. Стародубцева Л.В. Роль и место интернет-коммуникаций в современной жизни / Л.В. Стародубцева, О.О. Шапошникова // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2008. – № 7.
4. Mullen M. Space Bias/Time Bias: Harold Innis, «Empire and Communications» // Technology and Culture. – 2009. – Т. 50. – № 1. – С. 175-186.
5. Богдавнов Д.М. Социальные функции Интернета: Социальные науки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – Т. 21. – № 1.
6. Hall E.T. Beyond Culture // New York: Doubleday, 1976 – 300 с.
7. Воеводина Е. В., Тюриков А. Г., Социокультурные барьеры адаптации иностранных обучающихся в условиях российского высшего образования // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. № 4. – С. 134-146.
8. Дмитренко Т.А. Современные технологии обучения иностранному языку в системе высшего образования: учеб. пособие. – Москва: Инфра-М, 2022. – 164 с. Me, RUDN University student [Электронный ресурс]. – URL: <http://merudnuniversitystudent.tilda.ws> (дата обращения: 19.04.2024).
9. OHANA // ВКонтате URL: https://vk.com/vd_ohana (дата обращения: 31.03.2024).
10. Me, RUDN University student [Электронный ресурс]. – URL:

<http://merudniversitystudent.tilda.ws> (дата обращения: 19.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Особенности выстраивания коммуникаций с иностранными студентами с помощью современных онлайн-медиа», представленной для публикации в журнале «Litera», автор обращается к проблеме, которая стала актуальной в последние 20 лет в связи с широким развитием социальных сетей, мессенджеров. Быстрый темп развития информационных технологий приводит к появлению и постоянному совершенствованию систем обеспечения жизнедеятельности человека в самых разных сферах, начиная от бытового обслуживания и заканчивая сложнейшими процессами, обеспечивающими технологический прорыв в сферах науки и производства. В данной статье автор характеризует потенциал онлайн-платформ в деле привития навыков межличностного общения студентам-иностранцам. Исследователь подчеркивает, что «использование онлайн-медиа для коммуникации с иностранными студентами представляет собой не только эффективный способ преодоления языковых барьеров, но и современный инструмент для развития международного образования и культурного понимания». В контексте данной статьи такая трактовка выглядит оправданной, поскольку выводы делаются на основе резюмирования практики применения информационного онлайн-портала – собственной разработки автора(ов).

Автор выделяет методы и инструментарий, являющиеся наиболее эффективными в построении коммуникации на основе онлайн-платформ, показывает их сильные стороны и возможности. Классификация, созданная автором-практиком, позволяет дополнить существующие ранее систематизированные обобщения в этой сфере.

В целом, статья вызовет читательский интерес как образец выстраивания дополнительных эффективных практик в преподавании РКИ. Однако некоторые моменты требуют уточнений. Вызывает, например, неоднозначную реакцию категоричное утверждение о том, что «все информационные и культурные сферы, основной задачей которых является формирование определённых групп людей, должны переходить в виртуальный формат для продолжения своего активного существования». Безусловно, использование мультимедийных компьютерных технологий значительно повышает эффективность работы в информационной и культурной сфере, но в современных условиях говорить о необходимости тотального перехода в виртуальный формат не приходится. Наоборот, доказанным является необходимость привлечения молодежи в живое межличностное общение, от эффективности которого зависит развитие социума.

В тексте статьи имеются недочеты, требующие устранения: тавтологии («Социальная коммуникация обязательно включает в себя общее общение и передачу информации в обществе»), нарушения орфографических («К нашей онлайн платформе также прикреплён цифровой помощник»), грамматических норм (отдел «публикует информация об общении с иностранцами»); в этом аспекте статья требует доработки. Кроме того, считаем, что текст нуждается в структурном упорядочении, т.к. первая половина статьи построена несколько сумбурно, сведения, представленные в ней, не систематизированы. Статья «Особенности выстраивания коммуникаций с иностранными студентами с помощью современных онлайн-медиа» может быть рекомендована в печать в журнале «Litera» после доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Мир современных цифровых технологий определяет и закладывает новые стандарты коммуникации. Общение становится иным, отличным от традиционного, в т.н. режиме «живого диалога». Рецензируемая статья касается выявления особенностей выстраивания коммуникации с иностранными студентами с помощью современных онлайн-медиа. Считаю, что тема достаточно актуальна, она, безусловно, нова, а значит, востребована в формате дискуссии. Автор в начале своего труда отмечает, что «социальная коммуникация включает в себя общение и передачу информации в обществе. В то время как техническая коммуникация относится к передаче информации и идей в технических или научных областях, которые требуют специализированных знаний и терминологии для полного понимания», «в развитых обществах на сегодняшний день онлайн-медиа стали одним из ключевых инструментов современной коммуникации, позволяя эффективно передавать информацию, создавать контент, устанавливать связи, и взаимодействовать с мировым сообществом. Комбинация онлайн-медиа и коммуникации может облегчить процесс общения с иностранными студентами и помочь в установлении долгосрочных и успешных международных отношений и сотрудничества». С данными тезисами сложно не согласиться, объективность понимания ситуация налична. Работу отличает аналитически выверенный взгляд, точность позиции, вероятный сегмент аргументации. Считаю, что в статье органично сочетаются теоретический и практический пласты. Стил соотносится с собственно научным типом: например, «термин «коммуникация» берет своё начало с античных времён и в настоящее время, в зависимости от области применения, используется в различных сферах. В контексте данной статьи наше внимание будет уделено социальной и технической коммуникации. Социальная коммуникация – это передача информации в человеческом обществе, другими словами, это общение. Успешность социальной коммуникации является результатом преодоления существующих барьеров для более точной трансляции сообщения своему собеседнику», или «Главными характерными особенностями Интернет-коммуникации (следует понимать как социальную коммуникацию в виртуальной среде) можно считать анонимность (частое отсутствие «Я» автора), физическая непредставленность, нерегламентированность поведения, снижение психологического и социального риска в процессе общения, компенсаторная виртуальная эмоциональность и разнообразие способов коммуникации. Стоит также отметить ещё одно характерное отличие Интернет-коммуникации и межличностной коммуникации, на которое повлияло развитие технологий» и т.д. Необходимый уровень ссылок дается верно, автор не просто дублирует источники, он вступает с «уже сказанным» в диалог, что необходимо для научного изыскания. Суждения по ходу работы выверены, серьезных разночтений не выявлено. Думаю, что некоторые позиции-тезисы можно расширить далее, в иных научных трудах: например, «Современный мир за счёт быстрой сменяемости форм, методов, принципов работы ставит перед каждой сферой деятельности такие задачи, выполнение которых требует мгновенной адаптации и способности перестраиваться с одного на другое в режиме многозадачности. В свою очередь, адаптивность поспособствовала появлению новых форм взаимодействия между людьми. Обмен информацией и возможности общения на расстоянии сегодня легко решаются с помощью Интернета». Автором учитывается при оценке форм современной коммуникативной системы разность культур, разность мировоззренческих позиций: «культурные различия, проявляющихся в таких элементах культуры, как язык, обычаи и традиции, приверженность определённым социальным нормам, установленным для

данной культурной среды, являются важным фактором адаптации. Чем выше степень культурных различий, тем сложнее выстраивать механизмы адаптации как в бытовом плане, так и в профессиональном. Профессиональный уровень адаптации вполне соотносим с деятельностью студента, поскольку во время учёбы выполняются задачи близкие по содержанию к тем, которые выполняются во время работы». Соглашусь с данным тезисом, ибо он верифицирован. Практический срез комментируется в статье достаточно удачно, следовательно, принцип эмпирики методологически верен. Например, «Онлайн-медиа, выступая главным продуктом начала XXI века, проникшим в большинство сфер жизни человека, доказали свой универсализм и в сфере образования. Вне всякого сомнения, в отношении языкового образования использование онлайн-медиа является неоспоримым преимуществом по тем причинам, которые перечислены выше. Но и другие направления обучения, другие сферы, в которых можно получить образование, могут с успехом встраивать онлайн-медиа в свою программу. Например, совместная работа над учебными проектами на том языке, который понятен всем участникам коммуникации, отправка и онлайн-редактирование файлов любого размера и формата. Обратная связь, получаемая участниками проектной работы, позволяет оперативно вносить изменения в график работы, корректировать ход проекта, влиять на результат». Новизна труда в конкретизации методов и инструментов выстраивания эффективной коммуникации. Автор относит к ним адаптацию, поддержку (академическая, социальная и т.д.), предоставление информации, обучение культурной чувствительности и т.д. Считаю, что цель работы все же достигнута, поставленный спектр задач решен. Работа объемна, интересна, целостна и самостоятельна. Отмечу еще один положительный фактор исследования – это системное обобщение данных. Иллюстративный фон дан на пример буквального / практического применения технологий он-лайн контакта: например, «• BFF («buddy for foreigner»)- кураторство иностранного слушателя. Волонтеры содействуют знакомству с Российским университетом дружбы народов им. П. Лумумбы (РУДН) и Россией, облегчают адаптацию в новой стране с иным менталитетом и, что наиболее важно, помогают разобраться с документами в клинко-диагностическом центре и многофункциональном центре услуг. Кураторы обеспечивают поддержку в преодолении языкового барьера, общаясь на русском языке как можно чаще и на различные темы» и т.д. Выводы имеют связь с основной частью, они даны в формате обобщения: «онлайн-медиа не только облегчают коммуникацию и обмен знаниями, но и создают основу для создания интернациональной образовательной среды, способствующей обогащению образовательного опыта, улучшению академических результатов и расширению профессиональных возможностей. Таким образом, онлайн-медиа становятся неотъемлемой частью современного образования, открывая новые горизонты для международного обучения и сотрудничества». Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке. Рекомендую статью «Особенности выстраивания коммуникаций с иностранными студентами с помощью современных онлайн-медиа» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мухортова И.И. Лингвистическая и экстралингвистическая специфика русскоязычных и англоязычных текстов этических кодексов в диахроническом аспекте // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43573 EDN: JAJBBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43573

Лингвистическая и экстралингвистическая специфика русскоязычных и англоязычных текстов этических кодексов в диахроническом аспекте

Мухортова Ирина Игоревна

ORCID: 0000-0003-2987-2876

кандидат филологических наук

преподаватель высшей категории ОД "Иностранный язык", Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации»

125284, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Поликарпова, 21

✉ Irene8181@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43573

EDN:

JAJBBC

Дата направления статьи в редакцию:

13-07-2023

Дата публикации:

06-06-2024

Аннотация: Предметом исследования являются лингвистические, экстралингвистические и лингвокультурологические особенности, определяющие специфику англоязычных и русскоязычных текстов этических кодексов банков в сопоставительном аспекте на протяжении XXI века. Для анализа специфики текстов этических кодексов банков (на материале английского и русского языков) в статье применяются описательный и сопоставительный методы. Методологическая база определяется системным подходом, основанном на принципе системности языковых явлений, системном анализе, а также описательном, индуктивно-дедуктивном и сопоставительном методах. В соответствии с системным подходом актуализируется

взаимосвязь структурных, жанрово-содержательных, языковых лингвокультурологических особенностей текстов банковского дискурса на материале английского и русского языков. Научная новизна заключается в комплексном исследовании и системном описании структурных, жанрово-содержательных, языковых особенностях текстов этических кодексов ведущих англоязычных и русскоязычных банков. Впервые осуществлен анализ специфики текстов банковского дискурса в сопоставительном аспекте, а также выявлены специфические структурные, жанровые, семантические особенности этических кодексов, как нового артефакта современной текстовой культуры, и их трансформация на протяжении XXI века на фоне реалий действительности, а именно до пандемии 2020 года и после. Таким образом, на основе выполненного анализа можно утверждать, что банковские тексты в обоих языках в связи с активной цифровизацией общества характеризуются идентичными ключевыми структурными, жанрово-содержательными и языковыми особенностями. Тем не менее, русскоязычные тексты сделали огромный трансформационный скачок в плане цифрового контента и могут отличаться большим распространением семиотически осложненных поликодовых систем и наличием креолизованных текстов.

Ключевые слова:

Лингвистическая специфика, экстралингвистическая специфика, структурные особенности текстов, жанрово-содержательные особенности, языковые особенности текстов, этические кодексы банков, креолизованные тексты, диахронический аспект, англоязычные тексты, русскоязычные тексты

Актуальность темы обусловлена тем, что современное поколение становится свидетелем трансформаций подачи информации на вербальном и невербальном уровнях в практике общения и оказания коммуникантами воздействия друг на друга. Этому способствует свободный доступ в Интернет-пространство, большой выбор веб-сайтов и приложений, использование различных гаджетов, в частности смартфонов. Подобные тенденции актуализируют распространение семиотически осложненных поликодовых систем, вносят существенные коррективы в жанровое исполнение институционального дискурса, формы презентации информации, в результате чего наблюдается компрессия подачи материала в цифровой среде, появление дополнительных компонентов таких, как анимация, фото, аудио, видео аналоги которой невозможны в офлайн.

Предметом исследования являются структурные, жанрово-содержательные и языковые особенности англоязычных и русскоязычных текстов этических кодексов банков в диахроническом аспекте.

Для анализа специфики англоязычных и русскоязычных текстов используются описательный и сопоставительный **методы**, в рамках системного подхода позволяющие обеспечить аналитическое описание особенностей рассматриваемых текстов банковского дискурса.

Научная новизна исследования определяется впервые предпринятой попыткой проведения сравнительно-сопоставительного анализа специфики текстов этических кодексов банков в диахроническом аспекте на материале английского и русского языков. Описано влияние цифрового контента на специфику текстов банковского дискурса.

Этические кодексы представляют собой тексты, относящиеся к современной документной коммуникации, а именно к официально-деловому стилю и документной лингвистике или ее периферии. **Теоретической базой** исследования являются труды отечественных и зарубежных авторов: Е.В. Бирюкова, С.В. Броженко, Т.Ю. Махортова, Е.С. Полякова, Д. Кристалл и др. [\[1, 2, 6, 7, 12\]](#).

Основная часть

В последние годы в результате обострения мировой обстановки мировые рынки претерпели тектонические изменения. Снижение реальных доходов населения во многих странах привело к заметному падению потребительского спроса, что привело к существенным изменениям в текстах банковского дискурса.

Ввиду процесса глобализации и развития коммуникативного пространства Интернета большая часть информации о работе банков оцифрована и представлена на сайтах банков или других специализированных сайтах. Для цифрового формата банковского дискурса может быть характерна большая компрессивность информации, атемпоральность, модальность реальности и вероятности, которые могут передаваться посредством использования инфинитива.

Банковский дискурс может быть представлен креолизированными текстами этических кодексов, банковских проспектов, информацией, представленной по работе с онлайн-банками непосредственно на сайтах банков с гиперссылками и видеороликами.

Большинство банков имеют кодексы корпоративной этики банка и деловой этики, или этические кодексы, которые представляют собой принципы и правила делового поведения и этики сотрудников.

По определению И. А. Стернина и Н. Ф. Панферовой, этический кодекс — это нормативный документ, устанавливающий правила и стандарты поведения и взаимоотношения сотрудников в ходе рабочего процесса [Стернин: <http://>].

Англоязычные и русскоязычные кодексы корпоративной этики имеют схожие и отличительные характеристики.

Институциональная банковская коммуникация представляет собой использование специфических вербальных и невербальных средств интерактивной деятельности участников общения, отражающегося в статусно-ролевых отношениях деятельности банка как института.

Банковский документооборот обладает своей спецификой, что не может не отражаться на языке документов в данной сфере. Банковские тексты могут содержать экономическую и юридическую терминологию. Наличие императивности и номинативности обуславливается принципами официально-делового стиля, в частности использованием канцеляризм.

Еще до начала пандемии 2020 года англоязычные и русскоязычные кодексы в языковом плане характеризовались атемпоральностью и модальностью реальности и вероятности или значением одновременности посредством использования модальных глаголов с простыми формами инфинитива или модальными словами:

*Noncompliance with applicable ethics laws and regulations **can result in significant legal and regulatory exposure to the firm...*** [\[10\]](#). / Несоблюдение применяемых законов и нормативных актов в области этики может привести к значительному юридическому и

регулирующему воздействию на фирму...

Работникам **необходимо прилагать** все усилия для минимизации любых рисков клиента и делового партнера ВТБ [9].

Номинативные конструкции и термины также характерны для этических кодексов:

.... verbal harassment, such as derogatory comments or slurs ... [13]. / ... словесная агрессия, такие как уничижительные комментарии или оскорбления ...

... действия, направленные на искажение отчетности ... [4].

Англоязычные и русскоязычные тексты этических и корпоративных кодексов до 2020 года чаще встречались в форматах Word и PDF, что часто способствовало идентичности структурных и жанрово-содержательных характеристик текстов: деление на абзацы, выделения определенным шрифтом, цветом, отсутствие или минимальное использование иллюстрационного контента.

Тем не менее наблюдались определенные различия. В англоязычных текстах банковского дискурса помимо общих разделов присутствовали описания норм поведения и межличностных отношений сотрудников банка, дополнительные разделы, исключающие возможные форс-мажоры:

Discrimination and harassment [11]. / Дискриминация и агрессия.

Diversity & Inclusion [Там же]. / Различия и инклюзивность.

Следует отметить, что для этических кодексов на английском языке актуальны рекламные слоганы:

At Bank of America, we give everyone a fair opportunity to be part of our team and to excel, and we base decisions and rewards on facts and results [Там же]. / В Bank of America мы предоставляем всем одинаковые возможности стать частью нашей команды и преуспеть, а наши решения и вознаграждения основываются на фактах и результатах.

Русскоязычные тексты отмечены типовыми и универсальными элементами, разделы унифицированы и структурированы. Банковский документооборот на русском языке отличается общностью разделов для различных подвидов данного типа инструкций: о кодексе этики, соблюдение этических принципов на работе, приверженность этическим практикам ведения бизнеса и т.д.

На основе представленной информации можно заключить, что в самом начале XXI века тексты в большей степени типовые и унифицированные и практически лишены цифрового контента. Большая вариативность структурной, жанрово-содержательной и языковой специфики характерна для англоязычных текстов банковского дискурса.

20-е годы XXI век отмечены активной цифровизацией общества, поэтому в условиях глобального перехода в коммуникативное пространство Интернета различные сферы жизни общества, в том числе банковское дело, являющееся жизненно важным с социальной и экономической точек зрения, представляется актуальным с позиции социолингвистического и прагматического подходов к изучению банковского дискурса.

Банковские этические кодексы по мере развития трансформируются в креолизованные

тексты, которые не только определяют круг обязанностей, норм поведения и ответственности банка и его сотрудников в общем, независимо от занимаемой должности, но и осуществляют речевое воздействие посредством стратегий рационалистического типа (Е.В. Нагорная, Е. Пели), направленных на демонстрацию своего рекламируемого продукта. Таким образом, коммуникативное намерение автора имеет явно выраженный рекламный характер. Это один из важнейших признаков этического кодекса, так как обязательным структурным элементом данного типа банковских текстов является предисловие, содержащее в себе вступление, миссию и ценности банка, тем самым позиционируя определенным образом свой финансовый институт. В связи с этим банковские тексты подобного типа призваны проинформировать и привлечь внимание информацией, воздействующей большей степенью на рациональную сферу потребителя:

We know that we need to be flexible, responsive and accountable for our actions [\[14\]](#). / Мы знаем, что нам нужно быть гибкими, отзывчивыми и ответственными за свои действия.

Действовать на благо общества — неотъемлемая часть нашей корпоративной культуры [\[5\]](#).

Англоязычные этические кодексы стараются «прорекламировать» свой бренд и тем самым привлечь внимание новых клиентов. В связи с этим часто используются параллелизм и просты предложения:

We do the right thing.

We power potential.

We stay a step ahead.

We draw strength from diversity.

We put people first [\[14\]](#). / Мы поступаем правильно.

Мы обладаем мощным потенциалом.

Мы на шаг впереди.

Мы черпаем силу в разнообразии.

Мы ставим людей на первое место.

Русскоязычные банки используют подобную технологию при декларации своих ценностей:

Мы с готовностью помогаем друг другу, работая на общий результат.

Мы помогаем расти и развиваться нашим коллегам.

Мы открыты, уважаем коллег и доверяем друг другу [\[5\]](#).

Важным жанровым признаком этических кодексов считается неразделимость речи автора и адресата в текстах этого жанра. Подобное явление может объясняться ориентированностью банков на желание клиента независимо от декларируемых принципов деятельности. Кодексы корпоративной этики банка в обоих языках имеют четко организованную структуру, формальные и содержательные признаки членения текста. Характерно использование предложений, выражающих потенциальность

осуществления действия, его абстрагированность от конкретных временных рамок, возможность, предположение и обобщенность:

JPMorgan Chase is committed to ensuring employees act with honesty and integrity, treat customers fairly, and exercise sound judgment [\[10\]](#). / JPMorgan Chase стремится к тому, чтобы сотрудники действовали честно и неподкупно, справедливо относились к клиентам и практиковали здравые суждения.

Банк создает для своих акционеров максимально благоприятные условия для участия в Общем собрании [\[3\]](#).

Ведущие банки представляют не только креолизованные тексты этических кодексов, но интерактивные версии на сайтах банков, с использованием гиперссылок, насыщенного цифрового контента.

Англоязычные банки в силу высокого уровня цифровизации данной сферы предлагают контакты в виде: номера телефона, ссылок, гиперссылок и QR-кода.

Для целевой аудитории часто используются слоганы или определенные слова с необходимой коннотацией, воздействующей на потенциального клиента:

Life's better when we're connected [\[14\]](#). — Жизнь лучше, когда мы вместе.

Русскоязычные банки достигли высокого уровня цифровизации контента. Так, например, Сбер банк предоставляет интерактивную версию своего этического кодекса и является флагманом среди Российских банков. На сайте банка представлены чек-листы вопросов для самопроверки после ознакомления с каждым разделом корпоративного кодекса:

...Соответствует ли решение или действие (бездействие) законодательству, Кодексу, другим внутренним документам Банка?

Является ли данное решение или действие (бездействие) логичным и обоснованным с точки зрения интересов Банка?... [\[5\]](#).

Расширились разделы кодексов русскоязычных банков, включающие дискриминацию, психологическое давление, агрессию:

Мы считаем недопустимой дискриминацию по возрасту, полу, гендеру, национальности, расе, политическим и религиозным взглядам, особенностям здоровья, социально-экономическому статусу и другим характеристикам, не связанным с профессиональными качествами человека и выполнением должностных обязанностей [Там же].

Таким образом, русскоязычные тексты этических кодексов банков в 20-е гг. XXI века достигли высокого уровня интерактивности, цифровизации и глобализации контента.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлено, что революционные и эволюционные изменения, протекающие в XXI веке, способствуют развитию информационной среды, меняя не только структуру и состав документных текстов, но и создающие их лингвистические и экстралингвистические средства. Тексты этических кодексов ведущих англоязычных и русскоязычных банков имеют свои лингвистические и лингвокультурологические особенности в том числе.

На основе выполненного анализа можно утверждать, что банковские тексты в обоих

языках отличаются большим распространением семиотически осложненных поликодовых систем и наличием креолизованных текстов с высоким содержанием слоганов и предоставлении гиперссылок. Креолизованные тексты регламентированы письменным литературным стандартом языка, включают высокоупотребительную тематическую лексику, юридические и экономические термины. Структурные и жанрово-содержательные особенности анализируемых текстов разнообразны в зависимости от конкретного банка и линвокультурологического аспекта, однако характеризуются общностью ключевых разделов и приоритетной информации о банке.

Несмотря на то, что далеко не все русскоязычные банковские тексты имеют цифровой контент, некоторые из них превосходят по уровню цифровизации и структурному, жанрово-содержательному и языковому разнообразию англоязычные аналоги.

Библиография

1. Бирюкова, Е.В., Мухортова, И.И. Структурная, жанрово-содержательная и языковая специфика текстов центробанков Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Соединенных Штатов Америки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 9. С. 2979-2983.
2. Броженко, С.В. Стратегия дифференциации и языковые средства её реализации в рекламном дискурсе: на материале русско-и немецкоязычной банковской рекламы дискурсе [Текст]: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Челябинск, 2011. – 23 с.
3. Кодекс корпоративного управления Банка ВТБ (ПАО) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vtb.ru/-/media/Files/aktsioneram-i-investoram/raskrytie-informatsii/ustav-i-vnutrennie-dokumenty/kodeks-korporativnogo-upravleniya-2022_rus.pdf, свободный (дата обращения: 08.07.23).
4. Кодекс корпоративной этики СберБанка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rspp.ru/document/1/a/b/ab28a778f83ec053dd1081f8d959b952.pdf>, свободный (дата обращения: 09.07.23).
5. Кодекс корпоративной этики и делового поведения Сбер банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sberbank.com/ru/about/ethics>, свободный (дата обращения: 11.07.23).
6. Махортова, Т.Ю. Лингвопрагматический потенциал PR-жанра в пространстве банковского дискурса: на материале немецкоязычных банковских проспектов [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Волгоград, 2007. – 24 с.
7. Полякова, Е.С. Лингвопрагматический потенциал этических кодексов российских банков и компаний: дисс. ... канд. филол. наук.-Белгород, 2009. – 222 с.
8. Стернин, И. А. Кодекс корпоративной этики: каждой компании – свой кодекс [Электронный ресурс] / И. А. Стернин, Н. Ф. Панферова. – Режим доступа: <http://www.incorpore.ru/ru/materials/our/korp/material30.html>, свободный (дата обращения: 08.07.23).
9. Этический кодекс Банка ВТБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://media.rspp.ru/document/1/d/6/d6581f8ed6f7ce6cfc732865478781e2.pdf>, свободный (дата обращения: 11.07.23).
10. Code of Conduct and Code of Ethics for Finance Professionals. JPMorgan Chase and Co. Logo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jpmorganchase.com/corporate/About-JPMC/ab-code-of-ethics.htm>, свободный. – (дата обращения: 10.07.23).
11. Code of Ethics. Bank of America. [Электронный ресурс]. URL: https://www.banktrack.org/download/code_of_ethics_20/190318code_of_ethics_dec2013.pdf, свободный. – (дата обращения: 09.07.23).
12. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University

Press, 2002-272 p.

13. Employee Code of Conduct & Business Ethics. The Premier Bank Limited [Электронный ресурс]. URL: <https://premierbankltd.com/pbl/wp-content/uploads/2014/07/Code-of-Conduct-Updated-PDF-Approved.pdf> , свободный (дата обращения: 13.07.2023).

14. U.S. Bank Code of Ethics Handbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usbank.com/dam/documents/pdf/coe/coeHandbook.pdf>, свободный (дата обращения: 08.07.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лингвистическая и экстралингвистическая специфика русскоязычных и англоязычных текстов этических кодексов в диахроническом аспекте», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду того, что современное поколение становится свидетелем трансформаций подачи информации на вербальном и невербальном уровнях в практике общения и оказания коммуникантами воздействия друг на друга. Действительно, в нашем мире все больше возрастает коммуникация в сети интернет благодаря новым технологиям и их доступности.

Автор исследует структурные, жанрово-содержательные и языковые особенности англоязычных и русскоязычных текстов этических кодексов банков в диахроническом аспекте. Рецензируемая работа является сравнительно- сопоставительной.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Важным является попытка проведения сравнительно-сопоставительного анализа специфики текстов этических кодексов банков в диахроническом аспекте на материале английского и русского языков. В тексте описано влияние цифрового контента на специфику текстов банковского дискурса.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В статье теоретические постулаты иллюстрированы языковыми примерами на русском и английском языках. К сожалению, автор не приводит информации об отобранном корпусе для исследования и о принципах выборки. Отсутствуют репрезентативные данные, убедительно доказывающие теоретические измышления, например, статистические.

В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе сравнительно- сопоставительный концептуальный анализ, семантический анализ и контент- анализ.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. Отметим технические ошибки в указании на первоисточник, например, [Стернин: http], [Там же], затрудняющие верификацию трудов предшественников в электронных базах цитирования.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для

читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания лингвистических дисциплин в русскоязычной аудитории на языковых факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лингвистическая и экстралингвистическая специфика русскоязычных и англоязычных текстов этических кодексов в диахроническом аспекте» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Караханян Н.Ж. Смысловый потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев» // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43566 EDN: JBDZMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43566

Смысловый потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев»

Караханян Нарине Жораевна

ассистент, кафедра английского языка для гуманитарных специальностей, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

603074, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Бурнаковская, 95, кв. 120

✉ narine.80@list.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43566

EDN:

JBDZMZ

Дата направления статьи в редакцию:

12-07-2023

Дата публикации:

06-06-2024

Аннотация: Цель статьи – выявить смысловый потенциал концепта «вера», показать его роль в раскрытии идейно-философского пласта повести, в системе образов-персонажей. Предметом исследования является анализ функций концепта «вера» и способы его актуализации в первом крупном произведении М.Горького повести «Фома Гордеев». Основной формой реализации концепта становятся монологи героев, обращенных к главному герою с целью внушить собственное представление о вере, а также в его внутренние монологи и диалоги с оппонентами. Перспективы исследования концепта «вера» связаны с анализом его функций в других жанровых формах, созданных писателем, позволяющим проследить эволюцию мировоззрения художника. Научная новизна заключается в доказательстве положения о том, что концепт «вера» в сюжете повести расширяет периферийный спектр значений, раскрывающихся в процессе

воспитательных монологов персонажей, обращенных к главному герою, его внутренних монологов и диалогов с оппонентами. Расширение периферийной зоны концепта происходит в его речевой репрезентации: использование действующими лицами рассматриваемого концепта позволяет судить о характере героя, нравственной атмосфере эпохи. Результат исследования показал, что использование типологического, историко-функционального методов, концептуального анализа позволило определить ассоциативное пространство актуализации семантических единиц, характеризующих концепт «вера». Полученные результаты можно использовать в курсе «История отечественной литературы XX века», в спецкурсах по творчеству Горького.

Ключевые слова:

Горький, Фома Гордеев, концепт вера, структура повествования, система образов, коннотация, периферия концепта, монолог, диалог, ассоциативный фон

В современном литературоведении произошел пересмотр сложившейся концепции творчества М. Горького, согласно которой писатель рассматривался вне культуры Серебряного века [\[12,17\]](#). Между тем, и ранние рассказы писателя, и его первое значительное произведение, повесть «Фома Гордеев», безусловно, вписываются в философский контекст Серебряного века, в поиски русской интеллигенцией ответов на вызовы времени. Конец XIX века – кризисная эпоха в истории России, время утраты веры в прежние идеалы, когда рождалось новое представление о *вере*, лишенное сакрального смысла, что не могло не отразиться и на идейно-философской концепции повести.

В создании образов персонажей автор использует практически всю парадигму признаков концепта «вера», комбинируя их в зависимости от характера героя или ситуации, в которой он находится. Расшифровка смысла зависит «от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя <...> [\[13, с.5\]](#), отражающего определенную идейную среду. Слово «вера» звучит на устах практически всех героев повести: оно включается в суждения персонажей, в их размышления о смысле жизни, его произносят и тетка Фомы, и Яков Маякин, и Ананий Щуров, и Николай Ежов, и, конечно, же, сам Фома. Актуализация концепта «вера» реализуется по принципу дихотомии: каждый персонаж представляет свою трактовку периферийного содержания анализируемого концепта «вера», рассуждая об «идеале», то есть о том, во что *верит*, и о «смысле жизни», понимаемом как *вера* в определенный идеал, определяющий движение к цели.

Функциональная значимость концепта, так же, как и общая идея большого по объему произведения, определилась далеко не сразу, о чем свидетельствует переписка Горького периода работы над повестью. Так в письме к А.Л.Волынскому (сентябрь 1897), Горький говорит о своем намерении «заняться вещью более широкого значения», [\[10, с. 236\]](#), Е.П.Пешковой (7 октября 1897 из Мануйловки) сообщает: «Медленно пишу роман», [\[там же, с. 240\]](#), Более подробно о своей работе он пишет С.П. Дороватовскому 5 или 6 января 1899: «К великому моему сожалению повесть, предназначенная для «Жизни», извивается у меня как змея. Нужно мне было написать ее на 5 листах, но я не сумею сделать это без ущерба для темы. Это мне обидно. Но уже теперь могу побожиться, что в этой повести будут недурные картинки» [\[там же, с.303\]](#). Однако вскоре возникают сомнения «в правильности образно-композиционного строения повести» [\[7 с. 589\]](#), так как

задуманный им как главный герой Фома Гордеев не «типичен как купец, как представитель класса <...> Необходимо рядом с ним поставить другую фигуру, чтоб не нарушать правды жизни» (письмо Дороватовскому, 11 февраля 1899) [\[10, с.311\]](#).

Фигурой, воплотившей яркий тип русского купца эпохи рубежа веков, стал Яков Маякин, жизненное правдоподобие образа которого было с одобрением воспринято представителями купеческого сословия, полагавшими, что Горький «срисовал» Маякина с какого-то конкретного человека. Художественная концепция образа складывалась в сознании Горького постепенно, в результате осмысления значительного количества фактов, однако важную роль в этом процессе сыграла работа писателя в качестве корреспондента на Нижегородской Всероссийской выставке (1896). «В одном из фельетонов цикла «Беглые заметки» (11 июля «Ниж. листок») Горький воспроизводит образ мышления одного из хозяев, «устроителей жизни»: «Мы», - говорил недавно один купеческий оратор на частном обеде, - мы в настоящие дни представляем главенствующее сословие в стране, самое богатое и умное. Капитал, главная движущая жизнью сила, в наших руках и, значит, вся жизнь в нашем распоряжении» [\[11, с.430\]](#). Сам Горький считал, что образ Якова Маякина, типичного представителя купеческого класса, ему удался больше, чем образ Фомы Гордеева. Пользуясь своим авторским правом, как он впоследствии скажет, он привнес в суждения Якова Маякина что-то и от философии Ф. Ницше, в значительной степени повлиявшей и на формирование мировоззрения самого писателя, о чем неоднократно писали исследователи, отмечая, что Горькому близка идея о Ницше о сильной личности, но ее роль в истории человечества понималась писателем и философом по-разному (С.В.Заика, Д.А.Балика [\[4, 1, 18, 2\]](#)). В образе Якова Маякина эта идея получает своеобразную интерпретацию, согласно которой ницшеанский мотив права сильной личности распоряжаться судьбами людей, получает иную трактовку. «Как могут быть все счастливы и равны, - в форме риторического вопроса отвечает крестнику о законе жизни Маякин, - если каждый хочет выше другого быть?» [\[7, с.376\]](#), что подтверждает его право реализовать свою волю и веру в силу капитала, которую он так и не смог внушить своему крестнику Фоме.

Главный герой повести – Фома Гордеев – проходит испытание множеством верований людей, которые его окружают. Вера каждого персонажа проходит испытание сознанием Фомы, расширяет горизонт его знаний о мире, что и определяет особенности сюжетно-композиционного строения повести. Не случайно одним из главных наставников Фомы в своей вере становится его крестный – Яков Маякин, человек, который по православному закону обязан быть его духовным наставником, научать его общению с Богом. Ведь согласно православным традициям крестные «должны быть крепки в вере, должны молиться, жить полноценной церковной жизнью, воспитывать крестника в вере» [\[15\]](#).

Особая роль в идейно-философской концепции повести принадлежит Якову Маякину, который внушает Фоме свое представление о вере. Оно связано, прежде всего, с верой в силу денег, в силу труда, цель которого накопление богатства: «А кто, по нынешним дням, самые сильные люди? Купец в государстве первая сила, потому что с ним-миллионы!», - объясняет он Фоме [\[7, с.282\]](#) Имя Господа, которое часто звучит в его словах, упоминается им всеу, оправдывая жажду наживы. Маякин уверен, что «сколько бы человек ни грешил, если есть капитал, то ему Бог все простит» [\[7, с.286\]](#). На милость Господа надеется и многогрешный Ананий Щуров, веруя в «милость господню, «а Яшка, - добавил Ананий, - не верит ни в чох, ни в сои, ни в птичий грай... Яшка в бога не верит... это я знаю! И за то, что не верит, — на земле еще будет наказан!» [\[7, с.305\]](#).

Маякину принадлежат многочисленные отсылки к библейским и евангельским притчам, которые он интерпретирует на свой манер. Даже на смертном одре он уповаает на милость Бога, так как жил, не унывая, и греха не боялся, ибо «Господь назначил человека на устройство жизни... а ума ему не так уж много дал — значит, строго искать недоимок не станет!.. Ибо свят он и многомилостив...» [7, с.457]. Сам же хозяин города не готов простить Фому и восклицает: «Хотя все мы — христиане, но прощенья тебе не будет от нас... Так и знай...» [7, с.453]. Справедливость слов Щурова о том, что в Бога Маякин не верит, подтверждается эпизодом объяснения крестного о домах для обездоленных, придуманных купечеством для того, чтобы «запирать их в дома разные и, чтоб не дорого было содержать их там, работать заставили их, стареньких да увечных... И милостыню подавать не нужно теперь, и, убравши с улиц отрепышей разных, не видим мы лютой их скорби и бедности, а потому можем думать, что все люди на земле сыты, обуты, одеты... Вот они к чему, дома эти разные, для скрyтия правды они... для изгнания Христа из жизни нашей!» [7, с.281].

Пожалуй, наиболее часто слово «вера» употребляет именно Яков Маякин, характеризуя свое отношение к Фоме, который постепенно теряет его *доверие*. В данном контексте вербализация концепта «вера» происходит на периферии лексем со значением «надежда» и «доверие», так как одно из устаревших значений слова «вера» - «надежда» рассматривалось как синоним слова «доверие» [5]. Со временем тает надежда его на то, что из Фомы вырастет достойный наследник капитала. После открытой конфронтации с Фомой и его слов, о том, что тот собирается разбазарить все состояние отца ради собственной свободы, Маякин говорит своей дочери Любе: «На Фому надежда плоха... хоть я и не отступлюсь от него...». [7, с.378].

Несколько вариантов веры связаны с женскими образами повести, несмотря на то, что сам автор в письме к Дороватовскому в июне 1899 г. отмечал их недостаточную разработанность: «Женщины - не удаются. Много совершенно лишнего, и я не знаю, куда девать нужное, необходимое» [10, с.346]. Тем не менее, включенные в повесть любовные испытания героя становятся дополнительным аргументом в характеристике Фомы: они не делают его жизнь осмысленнее, вера встреченных им женщин не способствует духовному возрождению героя. Пелагея оставляет Фому, так как она верит в свою правду об отношениях мужчины и женщины, отвергает его предложение жениться на ней, разбивая его сердце и вызывая у Фомы глубокую тоску. Разочарование, испытанное Фомой, рождает «помимо *страха* за отца и *тоски* о женщине <...> какое-то новое, сильное и едкое ощущение. Он не мог назвать его себе, но оно казалось ему близким к обиде на кого-то <...>» [7, с.247]. С образом Пелагеи в повесть входит образ *веры в судьбу*: герой вспоминает это слово, которое часто слышал от тетки Анфисы, и оно теперь ассоциируется им с «силой, подобной силе бога». С образом Софьи Медынской в повесть введена тема интеллигенции- иной вариант веры в судьбу, которая понимается Медынской как способ защиты от обыденности. Фома интересуется Софью как необычный представитель купеческого сословия, с которыми она кокетничает от скуки, при расставании признаваясь, что ей «только хотелось видеть [Фому] около себя...» [7, с.299]. Веру как цель жизни и ее идеалы Фома не улавливает и не понимает, поэтому и в этом случае его настигает очередное разочарование. Саша, очередная подруга Фомы, сразу определяет суть их отношений: «Я лгать не буду, прямо говорю, люблю за деньги, за подарки. Можно и так любить. Ты подожди, присмотрюсь к тебе, и, может, полюблю бесплатно... а пока—не обессудь... мне, по моей жизни, много денег надо...» [7, с.330]. Круг замыкается, Фома опять сталкивается циничной верой в силу

капитала, о чем не раз твердил ему Маякин.

Еще один важный штрих, касающийся отношений героя к интеллигенции, связан с образом Ежова, в словах которого о вере звучит авторская оценка современной интеллигенции, которая много говорит, но мало делает. Уверенность Ежова в том, что «нужно жить всегда влюбленным во что-нибудь недоступное тебе... Человек становится выше ростом оттого, что тянется кверху» [7, с.387] близка и самому Горькому. Не случайно этого героя автор наделяет профессией журналиста. Несмотря на то, что Ежов сетует на жизнь, он верит в свои силы, способность выступить обличителем порочности современного общества. Ежов опровергает веру маякиных в то, что капитал – это сила, потому, что наследники капитала вроде Фомы уже не способны продолжить дело отцов. «Брось! - кричит Ежов. - Ничего ты не можешь! Таких, как ты, - не надо... Ваша пора, — пора сильных, но неумных, прошла, брат! Опоздал ты... Нет тебе места в жизни...» [7, с.392].

По сути, все повествование о судьбе Фомы представляет собой цепь эпизодов, в которых автор знакомит героя с верой (уверенностью) других персонажей, что мотивирует нарастающее в нем чувство внутреннего напряжения. Он не принимает веру других, но и не находит точку опоры в себе, интуитивно ощущая невозможность понять, что же он такое, для чего живет и во что верит. Отсутствия веры в себя Фома осознает, как «бездонную, томительную пустоту» <...> в темной глубине ее он подозревал притаившееся существование какой-то враждебной ему силы, пока еще бесформенной, но уже осторожно и настойчиво стремившейся воплотиться...» [7, с.257]. В данном контексте образ враждебной силы - символ судьбы, вера в трагичность, которой постепенно замещает веру Фомы в человека, веру в то, что он обретет родственную душу, которая поймет его страдания. В повести эта потеря Фомой веры в человека сопровождается растущей душевной мукой, находящей выход в безобразных кутежах и пьянстве. Таким образом, смысловое ядро концепта «вера» расширяется за счет обогащения его периферии такими ассоциативными характеристиками внутреннего мира героя, как «тоска», «страх», «пустота», имеющими отрицательную коннотацию. Концепт веры в повести можно рассматривать и с точки зрения *неверия* Фомы в собственные силы, так как «из каждого впечатления у Фомы сейчас же выделялась колкая мысль об его неспособности к жизни» [7, с.422]. Так реализуется еще одно периферийное значение концепта «вера»: *неверие как неспособность* найти свое место в жизни.

Приведенные примеры показывают, что контекст употребления концепта «вера» каждый раз различен, а парадигма его признаков оказывается чрезвычайно широкой. В парадигму лексических значений слова входят такие смысловые компоненты, которые связаны с обозначением «уверенности», «убежденности», «верования», то есть отсутствия всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; «верить во что, кому или чему; иметь веру, дать веру, поверить; принимать за истину, не сомневаться, быть уверенным» [19].

Одним из важнейших вариантов реализации концепта становится религиозный аспект. В разных контекстах повести, мотивируя поступок персонажа, автор использует лексемы, находящиеся на периферии ядра концепта «вера». Его актуализация происходит через употребление слов «бог», «молитва», «господь», «Христос». Истоком нравственного воспитания Фомы была искренняя, стихийная вера тетки, наставлявшей мальчика: «Бога помни, Фомушка» [7, с.220], что в данном контексте означает пожелание быть добрым и отзывчивым, но может иметь и другой смысл: «побойся бога», помни о возможном

возмездии за неблагоприятные поступки. Ночные страхи мальчика тетка Анфиса изгоняет советом прочитать про себя молитву «Да воскреснет *бог*», будучи убежденной, что она прогонит бессознательное темное начало, скопившееся в душе Фомы. Включая в текст молитву, созданную на основе 67 псалма Давидова [\[22\]](#), Горький тем самым подтверждает глубину и искренность веры тетки Анфисы в то, что произнесенное вечернее правило перенесет ребенка в рай, подобно тому, как возвращение Давидом Ковчега Завета в Иерусалим воспринималось как воскресение Иисуса. Вера Анфисы – простонародная вера в Бога, а одним из возможных вариантов истоков образа тетушки могли стать воспоминания писателя о бабушке Акулине, чей образ в полной мере воплотится гораздо позднее в «Детстве», написанном уже в 1913 году. Можно предположить, что в вербализации концепта «вера» отразились элементы автобиографического характера, на что указывает ряд исследователей. [\[21,16,3\]](#). Возможно, что народные предания и сказки тетки Анфисы послужили своеобразным мостиком от этого образа к образу бабушки Акулины, одному из центральных в первой части автобиографической трилогии Горького.

Концепт «вера» реализуется в повести и опосредованно, через воспроизведение особенностей восприятия Фомой рассказов Анфисы, как это происходит с «Повестью о Христовом крестнике», малоизученном памятнике XVII столетия [\[14, с.156-158\]](#). Сама повесть в тексте не названа, сказано, что Фома «знает эту страшную сказку о крестнике бога, не раз он слышал ее и уже заранее рисует пред собой этого крестника...», посланного Богом и Богородицей на землю карать грешников. Воображение ребенка рисует картины «нестерпимых мук, коим осуждены грешники... И слышит он тихие стоны и просьбы их: «О-о-о! Человече! Спроси у *господа*, долго ли еще мучиться нам?» [\[7, с.223\]](#).

В ином контексте поминает Бога Игнат, для которого наставление сыну «Господа нашего, смотри, не забудь... Это верно!» означает уверенность в том, что пожертвование на церковь – способ «задобрить» Его. А его выражение «Бога и родителя — чти! представляет собой словесное клише, которым Игнат обозначает родительское участие в воспитании сына [\[7, с.220\]](#).

Известно, что Горький несколько раз возвращался к редактированию текста повести [\[6, с.397-490\]](#). Проведенный сравнительный анализ черновых вариантов и окончательного текста показал значительное сокращение количества материала, показывавшего благоговейное отношение Фомы к Богу, молитвенные обращения к нему, которые в детстве облегчали его страдания [\[16, с.598, с.615\]](#). Так, например, из финальной редакции текста был удален эпизод наставления Фомой полупьяного, который жалуется на несправедливую жизнь. «Жизнь не бог, а люди строят! — выпалил Фома и даже сам удивился дерзости своих слов... Строй свою жизнь своим разумом. Бог же будет судить тебя... Все мы на службе его... и всем нам одна перед ним цена...». [\[7, с.601\]](#).

В образе Фомы Гордеева автор запечатлел человека, который интуитивно не принимает нормы морали общества, в котором он живет. Как известно, Горький сократил большие эпизоды из повести, чтобы не вызвать у читателя ошибочное представление об образе Фомы, например, о его невменяемости или покаянии перед Богом в искупление греха богатства. Актуализация концепта «веры» происходит также через ассоциативное восприятие образа Фомы Гордеева с евангельским апостолом Фомой, одним из двенадцати ближайших учеников Христа, который не верил в Воскрешение Христа, пока не увидел Господа своими глазами.

Еще современными Горькому критиками было замечено, что писатель, создавая образ Фомы, часто наделяет его своими суждениями, так же, как и поиски героем своего места в жизни восходят к фактам биографии писателя (Н.К.Михайловский) [\[16, с.594\]](#). Очевидно, что вопросы, волновавшие Фому Гордеева, о понимании самого себя и о своем месте в жизни определяли особенность интерпретации им биографического материала в художественных произведениях. Нельзя не провести параллель между духовными метаниями Фомы Гордеева и самого Горького, о чем писатель напишет позднее в своем очерке «О вреде философии», относящимся к нижегородскому периоду его поисков смысла жизни, когда в результате посещения кружков самообразования, встреч с членами общества «трезвых философов» в сознании молодого Пешкова поселился «тревожный хаос» и он «почувствовал, что мозг мой плавится и кипит, рождая странные мысли, фантастические видения и картины. Чувство тоски, высасывающей жизнь, охватило меня, и я стал бояться безумия» [\[8, с.58\]](#). К чему-то очень напоминающему эту жизненную реальность приводит Горький и своего героя в финале повести. Тоска как состояние души, вызванное потребностью человека понять себя и определить свое место в жизни, было хорошо знакомо писателю [\[20\]](#). Однако Фома Гордеев хочет не только верить во что-то, но и понимать, в чем для него смысл жизни, и кто он.

Современная критика упрекала Горького в немотивированности финала повести (А.И.Богданович) [\[16, с.618\]](#). Однако финал повести вполне закономерен, так как Фоме Горький уготовил лишь судьбу пророка, предвестника гибели буржуазного класса, а не активного борца с ним. Протест Фомы – его «обвинительная» речь на палубе парохода ничего не изменяет в сознании тех, к кому он обращается: «Я пропал... знаю! Только — не от вашей силы... а от своей слабости... да!» [\[7, с.455\]](#). Но в ней звучит и угроза, отсылающая читателя к тому, кого Маякин, Щуров и многие другие считают милостивым, прощающим прегрешения «крепких духом, умных людей». Образ Бога и связанный с ним мотив посмертного наказания: «не в огне, а в грязи кипящей варить вас будут. Веками не избудете мучений...» [\[7, с.450\]](#) в гневных обличениях Фомы предстают в финале как еще один вариант периферийного значения концепта «вера», как *надежда* героя на то, что не будет прощения тем, кто во имя умножения капитала рассчитывал на Его милость.

Свое понимание Бога писатель кратко формулирует в письме Ф.Д.Батюшкову от 9 октября 1898 из Нижнего Новгорода в период работы над повестью. Можно с известной долей уверенности предположить, что выражение, которое Горький использует для определения своей натуры «...мысли, и чувства мои никогда не уравновесятся, никогда не придут к одному знаменателю — нет места богу в душе моей...», могут быть интерпретированы как своеобразный вариант финальной ситуации, в которой оказывается его Фома Гордеев. Однако если герой повести стремится к обретению внутреннего покоя и ясности, то ее автор декларирует веру в творческую силу человека, используя славянское выражение «аз есмь», характеризуя свою задачу писателя как творца иного мира: «аз есмь волна морская, лучи солнца отражающая и поющая о жизни с похвалою и гневом» [\[10, с.275.\]](#).

В результате проведенного нами исследования можно сделать вывод о том, что, анализируемый концепт «вера» в повести «Фома Гордеев», помимо своего основного словарного значения, имеет широкое смысловое наполнение, актуализирующееся через систему образов и композицию произведения. Весь спектр дополнительных ассоциативных значений концепта «вера», а именно «надежда», «тоска», «страх», «пустота», «неверие», обусловлен задачей писателя показать существенные изменения, происходящие в обществе, переживающем назревание нравственного и

идеологического кризиса. В суждениях и поступках нетипичного главного героя повести, а также других персонажей повести, воплотились общая картина русской действительности рубежа эпох, назревающий социальный сдвиг и сопровождающие его поиски человеком нравственной опоры в меняющемся мире, в том числе и самого автора, вырабатывающего собственное мировоззрение.

Библиография

1. Балика Д.А. Горький над страницами философских книг (По неизданным материалам) // Новый мир. 1938. № 8. С. 253-261.
2. Басинский П. Ранний Горький и Ницше. Горький – художник и революция. Горьковские чтения-1990. Вып. 2. Новгород: Изд-во НГУ, 1992. С. 20-26.
3. Барахов В.С. Концепция человека у раннего Горького: «Фома Гордеев». Максим Горький и XX век: Горьковские чтения. 1997 год: Материалы международной конференции: Изд-во Нижегород. ун-та, 1998. С. 25-32.
4. Заика С.В. Горький и Ницше // Максим Горький сегодня. Горьковские чтения-1995. Н.Новгород, 1996. С. 42.
5. Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. М.: «Аделант», 2014. – 800с.
6. Горький А.М. Полное собрание сочинений: Варианты к художественным произведениям. М.: Наука, 1974 Т. 1: Варианты к томам I-V. 1885-1907. – 638 с.
7. Горький А.М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. В 25 т. Т.4. М.: ИМЛИ РАН, 1968. – 638 с.
8. Горький А.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т.15. Рассказы, очерки, заметки 1921-1924. М.: Гослитиздат, 1953. – 431 с.
9. Горький А.М. Полное собрание сочинений: Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933-1936. В 30 т. Т.27. М.: Гослитиздат, 1953. – 590 с.
10. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т.1, М.: Наука. 1997. – 695 с.
11. Горький А.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23. М.: ГИХЛ, 1953. – 463 с.
12. Захарова, В. Т. Нижегородский период в жизни и творчестве М. Горького: пути становления художественного сознания / В. Т. Захарова, М. Г. Уртминцева // Новый филологический вестник. – 2018. – № 2(45). – С. 138-153.
13. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3-9.
14. Пигин А.В. Повесть о христовом крестнике – малоизученное произведение XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X международной научной конференции (9-13 сентября 2019 года. Москва, Россия). Приложение к журналу Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2019. С. 156-157.
15. Попиченко Е. Мои вторые родители. Беседа с протоиереем Евгением Попиченко о крестных родителях. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/authors/1562.htm>. Дата обращения бращения: 26.06.2023.
16. Смирнова Л.Н. Л.Н. Примечания к повести М.Горького «Фома Гордеев». Полное собрание сочинений: Художественные произведения. В 25 т. Т.4. М.: ИМЛИ РАН, 1968. С. 585-631.
17. Спиридонова, Л. А. Глава 15. Творчество Горького в контексте Серебряного века / Л. А. Спиридонова // М. Горький-мыслитель, художник, человек. – Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2022. – С. 254-284.
18. Спиридонова, Л. А. М. Горький-мыслитель, художник, человек / Л. А. Спиридонова. – Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2022. 432 с.
19. Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]. URL: <https://>

slovardalja.net/word.php?wordid=2811. Дата обращения: 23.06.2023.

20. Уртминцева, М. Г. Автобиографическое начало в художественной структуре произведений М. Горького 1890-х-1900-х годов / М. Г. Уртминцева // Acta Eruditorum. – 2018. – № 27. С. 90-95.

21. Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде. Очерк жизни и творчества. 1889-1904. 2-е изд., перераб. и доп. Горький, Волго-Вятское кн. изд-во, 1968, 248 с.

22. Чиженко А. Когда нужно читать молитву «Да воскреснет Бог...»? [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/103361.html>. Дата обращения: 23.06.2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Смысловой потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к произведениям советской эпохи, которые в настоящий период подвергаются переосмыслению.

В настоящей работе автор обращается к творчеству Максима Горького, который рассматривался ранее в науке вне культуры Серебряного века, хотя его ранние произведения и, в частности, рассматриваемая повесть «Фома Гордеев», безусловно, вписываются в философский контекст Серебряного века, в поиски русской интеллигенцией ответов на вызовы времени.

В данном произведении в создании образов персонажей автор использует практически всю парадигму признаков концепта «вера», комбинируя их в зависимости от характера героя или ситуации, в которой он находится, что обуславливает цель работы, а именно: рассмотрение потенциала концепта «вера» в творчестве М. Горького.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Данный факт не позволяет научное приращение знание и новизну исследования.

Библиография статьи насчитывает 22 источника исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу. Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации усилило бы теоретическую составляющую исследования. При составлении библиографии автором был нарушен

общепринятый принцип ГОСТа.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях в области отечественной филологии.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Смысловой потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Немкина Н.И. Мультиmodalность образов китайского фольклора // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70957 EDN: HWLLJK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70957

Мультиmodalность образов китайского фольклора

Немкина Николь Игоревна

аспирант, Высшая школа перевода; Московский государственный университет имени МВ.
Ломоносова

109125, Россия, г. Москва, ул. Саратовская, 22

✉ nikol.nemkina@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70957

EDN:

HWLLJK

Дата направления статьи в редакцию:

31-05-2024

Дата публикации:

07-06-2024

Аннотация: В данной научной статье исследуется феномен мультиmodalности на материале китайских фольклорных образов. Объектом исследования стали образы вымышленных героев китайских фольклорных произведений, а предметом – анализ образов фольклорных произведений Китая в их мультиmodalном выражении в современных адаптациях. Цель исследования – показать, как современные дискурсивные практики, характеризующиеся высокой степенью мультиmodalности, влияют на развитие концепта образа фольклорного произведения в сознании реципиента. Задачи, которые решались в рамках данного исследования: 1) описание явления мультиmodalности в контексте современных мультимедийных технологий; 2) анализ концептов образов в мобильной игре, мультфильмах и телепередаче; 3) оценка влияния мультиmodalности на особенности развития концептов образов и их восприятие в сознании реципиента. В качестве методов были использованы метод сплошной выборки при сборе анализируемого материала, а также методы

семантического, контекстуального и концептуального анализа. Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые материалом анализа выступают различные образы фольклорных произведений Китая в их современной интерпретации. В результате комплексного анализа были сделаны следующие выводы: мультимодальность по-разному воздействует на степень восприятия образа в сознании реципиента, с одной стороны, она ведет к упрощению понимания смыслов, с другой – к усложнению систем создания этих смыслов. Одним из проявлений такого усложнения является существование высокой степени интертекстуальности, что может подрывать представления о вымышленных героях, приводить к ложному принятию одних персонажей за других. Желание приблизиться к предпочтениям современного зрителя приводит как к незначительному различию базовых признаков концептов, так и к их полной противоположности, что так же воздействует на процесс восприятия образа. Тем не менее несмотря на значительную степень адаптации образов, вызывающих различные оценки пользователей, социальные и культурно-исторические процессы динамично меняющегося мира требуют соответствия условиям функционирования современных дискурсивных практик.

Ключевые слова:

мультимодальность, концепт, концептуальное ядро, адаптация, образы китайского фольклора, вымышленный герой, степень трансформации, мультимедиа, восприятие образа, дискурс

Образ героя фольклорного произведения, его концептуальное ядро, выраженное различными семантическими характеристиками в тексте, формируется за счет особенностей восприятия окружающего мира, опирающихся на универсальный, национальный и индивидуально-ассоциативный компоненты. Текст произведения формирует образ героя при помощи различных приемов и средств, используемых в системе фольклорного произведения. Благодаря портретным характеристикам создается внешний образ. Функциональные характеристики позволяют описать образ героя через его действия и поступки. Кроме того, речевые особенности героя, его взаимоотношение с другими персонажами, окружающие его предметы и место, в котором он находится – все это в определенной степени создает уникальный образ в сознании реципиента.

Для семантического анализа необходим также учет невербального (социального, культурного, психологического) контекста высказывания. «Внеязыковые аспекты коммуникации, соотносясь с вербальной формой их репрезентации в тексте, составляют в своей совокупности дискурс» [\[1, с. 38\]](#). С развитием новых каналов коммуникации, изменением привычных способов общения и восприятия информации, в современной лингвистической науке все чаще стали использовать термин *мультимодальность*. В настоящее время можно встретить различные трактовки данного понятия, от простого «текст + изображение», до более сложного – «семиотическое явление, совмещающее в едином коммуникативном пространстве знаков знаковые комплексы, относящихся к разным по способу (де)кодирования информации семиотическим системам – вербальным, графическим, музыкальным, математическим, жестовым и пр.» [\[2, с. 319\]](#). Таким образом, в современном дискурсивном пространстве мультимодальность опирается на различные способы описания с использованием аудио-, видео- и текстового материала.

Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к культурному наследию

народа Китая, получающему наиболее яркое воплощение в фольклоре, где основополагающей категорией является фольклорный образ.

Научная новизна работы обусловлена тем, что образы вымышленных героев впервые описываются в современной репрезентации фольклорных произведений Китая, учитывая дискурсивные факторы современной языковой среды, характеризующейся высокой степенью мультимодальности.

Теоретическая значимость данного исследования определяется введением комплексного подхода, сочетающего анализ на языковом и концептуальном уровнях. Значимость данного исследования также состоит в том, что оно может выступить дополнением к исследованиям в области мультимодальности и сопоставительного изучения образов фольклорных произведений в разных языках.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы во время проведения курсов по фольклору, дискурсологии, страноведению, лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, а также на занятиях практического курса китайского языка и сопоставительного изучения языков и культур Китая и России.

Помимо формирования смысла образа за счет антропонимического материала и функционирования в тексте, еще одним смыслообразующим элементом выступают мультимодальные черты образа. Такие черты наиболее ясно выражаются в описании образа при помощи средств мультимедиа (изображения, звуков), путем экспрессивных характеристик (жестами, позой, выражениями лица и просодией), а также посредством мультимодальных метафор. По мнению некоторых исследователей, «с появлением фокуса мультимодальности изменился сам способ восприятия мира. Доминирующее ранее в качестве основного носителя информации слово, заменяется образом, что выражается и в приоритете визуального ряда над вербальным» [\[3, с. 70\]](#).

Таким образом, основной категориальный признак, заключённый в мультимодальности – множественность. В данное понятие входят каналы восприятия и передачи информации, в том числе при помощи материальных средств и технологий, способствующих формированию принципиально нового строения текстов в медиа пространстве, а также синтез текстуальных форм и экстралингвистических элементов – выявление семантических полей как различных кодов предъявления информации. Чрезвычайно важны прикладные аспекты разработки мультимодальности, прежде всего, мультимодальный дискурс-анализ: соединение процедур дискурс-анализа с включением в зону внимания неязыковых элементов сообщения. Необходимость учитывать весь спектр значений, задействованных в дискурсивных практиках, способствует распространению исследований мультимодального дискурса в рамках междисциплинарного подхода.

Тенденция обращения к фольклорным героям в рамках современного дискурса набирает все большую популярность. К социальным и культурно-историческим предпосылкам подобного трансдискурсивного перехода можно отнести стремление встать на путь развития культуры и ее особенностей, исходя из запросов современного общества, живущего в мультимодальной языковой среде. К особенностям такого рода взаимодействия людей и переработанного текста относится культурное и ментальное единство, позволяющее понимать текст на экстралингвистическом уровне, когда «коммуниканты опираются на социокультурные, исторические, научно-образовательные и интеллектуальные факторы, не всегда представленные в текстовом формате, но

ощущаемые в процессе текстопорождения» [\[4, с. 550\]](#).

«Во вторичном тексте изменение нацелено не только на слово, а на систему образов и художественный мир в целом» [5: с. 159]. Изменениям могут быть подвержены языковые и концептуальные особенности, что может проявляться как в незначительном различии базовых признаков, так и в их полной противоположности. Тем не менее замена одного или нескольких признаков не всегда приводит к изменению концептуального ядра. Сокращение как одна из форм проявления вторичности может способствовать либо полной утрате признаков концепта, либо привести к его последующему развитию. Расширяясь до возможного предела, в концепте выделяется ядро, периферия и концептуальная доминанта. «Помимо традиционного для концептологии разделения на ядро, ближнюю и дальнюю периферию стало возможным говорить о концептуальной доминанте и предложить ввести данное понятие применительно к изучению концептов, обладающих разнородным, многоуровневым содержанием, а также часто представленных в художественных произведениях» [5: с. 301]. Пространство, предоставляемое современными технологиями, а также динамическая и интерактивная природа языка и его чувствительность к контексту способствуют расширению возможностей для развития содержания концепта и активизируют процессы, связанные с его функционированием в иной дискурсивной среде.

В Китае первая мобильная игра от "Tencent" под названием "King of Glory" (《王者荣耀》) завоевала популярность не только внутри страны. В ней можно встретить героев китайских мифов и сказок, например Паньгу и Нюйва. В данной игре Паньгу – воин, держащий топор, его виртуальная роль и внешние характеристики соответствует представлению в мифе. Образы лучника Хоу И и Чан Э так же не подверглись значительной модификации, Хоу И сражается с помощью своего волшебного лука, а Чан Э все так же прекрасна и ее действия в игре сопровождаются главными атрибутами – зайцем и луной. Кроме того, в игре, как и в мифе, Чан Э и Хоу И являются супружеской парой.

Тем не менее другой персонаж – Нюйва, несмотря на то что в видеоигре она имеет способности созидания и защиты, ее роль и образ подверглись практически полной модификации как на уровне внешнего облика, так и внутреннего. Во-первых, классический образ Нюйвы – полуженщина, полужмея, ее обычно изображают с человеческой головой и змеиным телом, однако в мобильной игре она представлена в человеческом облике. Во-вторых, в Китае Нюйва считается божеством, подарившим жизнь, ее возводят в культ матери прародительницы, в видеоигре Нюйва – маг, нападающий на других и использующий божественные способности для уничтожения. Некоторые пользователи данной видеоигры считают, что такое пренебрежение реальными чертами и ролью героя могут подорвать представления людей о священных образах китайской мифологии.

Рис.7.Нюйва с телом змеи

Рис.8.Нюйва в человеческом облике в видеоигре "King of Glory"

Выступая в качестве особой коммуникативной среды, видеоигры способствуют формированию значения в зависимости от контекста задуманного сюжета, а также от возможностей персонажей, определяющих их силу и роль в исходе игры. «Модификации специальных значений связаны не только с изменением концептуального объема термина, ...но и со способом конструирования значения в тексте [\[6, с. 102\]](#). Следовательно, за счет новых концептуальных характеристик, вызванных сюжетом видеоигры, объем концепта увеличивается, приобретая новые оттенки значения.

Следует отметить, что в данной видеоигре помимо традиционных китайских персонажей Паньгу, Чан Э, Хоу И и Нэчжа, встречаются герои древнегреческой мифологии, например богиня мудрости Афина. Такое смешение героев не только разных китайских мифов, но и героев древнегреческой мифологии, говорит о высокой степени интертекстуальности, что может во многом усложнять восприятие пользователя. Один игрок по имени Лу Цютун (卢秋彤), комментируя трансформацию образа Нюйвы в игре, написал, что анализируя все способности, внешние характеристики и функцию героя в игре, он ошибочно воспринял Нюйву за богиню древнегреческой мифологии Афину, что говорит о столкновении двух различных концептосфер образов, ввиду их ошибочного уравнивания в игре.

Другой пользователь игры по имени Янь Сяочжэнь (颜晓臻) считает: 游戏现实的历史普及教育十分有限,《王者荣耀》只能通过形象塑造,影响玩家对人物的外型记忆,而无法完成人物故事、精神价值等更深刻的意义的传播。 'Популяризация мифологического знания в данной игре очень ограничена. "King of Glory" может сформировать образ в сознании игрока лишь опираясь на внешние характеристики игрового персонажа, однако не способствуют распространению духовных ценностей и более глубоких смыслов, заключенных в реальных мифах' [\[7\]](#).

Тем не менее создатели игры преследуют иные цели, в частности, коммерческие. Бесспорно, что апеллирование к ранее созданным вербальным текстам позволяет авторам мобильной игры вписать свое электронное произведение в контекст китайской культуры, тем самым привлекая больше пользователей, но большинство игроков в процессе игры вряд ли задумываются о неверном истолковании образов героев древних мифов, для них первостепенной задачей является выполнить задания и перейти на следующий уровень. Таким образом, в процессе виртуальной игры происходит «скрытое от наблюдения формирование структур знания» [\[6, с. 101\]](#), которое усиливается мультимодальностью, так как пользователю больше не нужно с помощью воображения представлять образ, описываемый вербальными средствами, внешний облик героя уже

создан графически и представлен на экране телефона.

Такие же цели преследуют создатели мультфильмов с участием мифических героев. Одним из самых частых экранизаций мифического сюжета является легенда о белой змейке, кинокартины на ее основе популярны не только в Китае, но и имеют большой интерес за рубежом. В качестве примеров для анализа образа в адаптированном произведении о Белой змее были отобраны два наиболее известных и современных мультфильма: 《水漫金山》(«Наводнение в храме Цзиньшань»), выпущенный в 2012 году в Китае и 《白蛇:缘起》(«Белая змея: начало»), выпущенный в 2019 году в Китае совместно с американской киноиндустрией, а также его продолжение 《白蛇2:青蛇劫起》(«Белая змея 2: Скорбь зеленой змеи»), выпущенное в 2021 году.

В первом мультфильме, состоящем из 52 серий помимо основных персонажей легенды Бай Сучжэнь или Белой змеи, Сяоцин, Фахая и Сюй Сяня, представлены новые действующие лица: антагонист водяная змея с лягушачьим лицом (蛙面水蛇), Бодхисаттва Гуаньинь (观音菩萨) и царь драконов и повелитель вод Лун Ван (龙王). Добавление нового антагониста сделано с целью наполнения сюжета противоречиями бинарных оппозиций, когда сталкиваются любовь и ненависть, добро и зло, справедливость и пристрастность, то есть то, что соответствует образу мышления большинству молодых людей, воспринимающих все в черно-белых тонах, а значит входящих в число целевой аудитории.

Образ Белой змеи в мультфильме значительно не поменялся, Бай Сучжэнь все так же добра и прекрасна, однако иногда она прибегает к злоупотреблению своими способностями в корыстных целях, например, затуманив рассудок продавца, желавшего получить деньги за зонт, приобретенный Бай Сучжэнь. Такое незначительное изменение ведет к смещению периферийных зон концепта, которые заменяются на *корысть* и *злоупотребление волшебной силой*. По сюжету Белая змейка по-прежнему стремится отплатить добром юноше по имени Сюй Сянь, спасшего ей жизнь, следовательно, ядерный концепт *благородство* сохранен. Следует отметить, что в данной кинокартине мультимодальное описание китайской истории выражено с помощью музыкального сопровождения в классическом китайском стиле. Во время просмотра зрители могут услышать звучание таких китайских музыкальных инструментов, как бамбуковая флейта, гучжэн и барабан тангу.

Другой анимационный фильм, снятый в 2019 году, так же подвергся определенным адаптациям. По мнению критиков, в данной картине отлично воплощаются черты китайской культуры: живопись тушью, катание на лодках, пейзаж, пагода, зонтик, шпилька для волос, лацкан и манера движения персонажей – все это представлено в китайском стиле. Подобное «китайское» мультимодальное представление позволяет оценить данную картину как преимущественно культурное произведение Китая, однако по мнению одного из российских обозревателей «мультфильм явно заразился “диснеевостью” с обязательным комичным животным-компаньоном и карикатурными злодеями» ^[8], что объясняется выходом картины совместно с американской кинокомпанией. Яркие спецэффекты и весьма симпатичное оформление персонажей способствует погружению в эстетический мир легенды. К положительным особенностям мультимодальности здесь можно отнести возможность всеобъемлющего восприятия образа, от его внешних черт до внутренних характеристик.

Сюжет картины далек от повествования в легенде, в его основе лежит история спасения Бай Сучжэнь Сюй Сянем. Несмотря на то что в мультфильме показана жертвенность возлюбленных, кинозрители расходятся во мнениях, принимая любовную историю Бай

Сучжэнь и Сюй Сянь за «поверхностное и не самое убедительное развитие отношений» [8]. Кроме того, некоторые расценивают мультфильм как «не совсем детскую драму, в которой найдётся место и жестокости, и даже любовной сцене» [8]. Жестокость главным образом присуща Белой змее, что является новым признаком, входящим в концепт образа. Будучи на перепутье, главная героиня овладевает огромной силой, убивает людей воинов и уничтожает город Юньчжоу. Данный концепт усиливается мультимодальностью за счет представления Бай Сучжэнь в образе огромного питона.

История продолжается во второй части «Белая змея 2: Скорбь зеленой змеи». Зрители так же склонны считать данную адаптацию лишь отдаленным подобием классического сюжета. Несмотря на смещение главной роли с Бай Сучжэнь на Сяо Цин, именно благодаря Белой змее происходит становление Сяо Цин, Бай Сучжэнь всегда рядом, направляет, помогая, но главная ее задача – подбирать осколки и снова ставить Сяо Цин на ноги. Следовательно, ядерный концепт Белой змеи *благородство* выражен в данном мультфильме посредством помощи Сяо Цин и ее спасению. Кроме того, мультимодальность дополняет концепт образа Бай Сучжэнь за счет представления Белой змеи в мужском облике. В конце истории «Белая змея 2» мы узнаем, что Бай Сучжэнь после перерождения жертвует собой, чтобы спасти Сяо Цин. Будучи в ином облике, Белая змея по-прежнему отличается благородством и смелостью, а отношения когда-то близких сестер метафорически заменяются образом влюбленных, так как по сюжету Сяо Цин долгое время не знает, что Бай Сучжэнь переродилась в мужчину.

Концепт Белой змеи расширяется, новый концепт, выявленный в ходе анализа – жертвенность, благодаря которой Белая змея готова пожертвовать своей жизнью ради спасения родного ей человека, будь то Сюй Сянь или Сяо Цин.

Таким образом, мультимодальность, воплощенная в мультфильмах о Белой змее, может быть представлена как объединение в едином произведении нескольких смысловых составляющих как на языковом, так и неязыковом уровнях. Это проявляется в визуальном наполнении, музыкальном сопровождении и вербальном выражении, а также метафорически. В концепте образа Белой змейки сохранен ядерный признак *благородство* и добавлена концептуальная доминанта *жертвенность*. К концептуальной периферии можно отнести новые признаки *злоупотребление волшебной силой* и *жестокость*.

Культура древнего Китая воплощается в жанре традиционного китайского комедийного представления с преобладанием разговорных форм Сяншен (相声), характеризующимся изобилием каламбуров и аллюзий. В данном жанре исполнительного искусства мультимодальность ярко выражена в виде просодии и языка тела.

Просодия очень разнообразна, к ней относят паузацию, акценты, тоны в акцентах, темповые и долготные характеристики, тональные регистры, степени редукции, гортанные признаки, громкость и т. д. Наряду с просодией жесты, поза и мимика так же несут в себе определенные значения. По мнению Пола Экмана, мимика, выражающая основные эмоции (удивление, страх, гнев, отвращение, печаль и счастье) универсальна, и воспринимаются в разных культурах одинаково [9, с. 251-252]. Во всех языках и культурах слова и жесты представляют собой универсальный набор семиотических средств, используемых в моменте коммуникации, чаще всего стихийном и произвольном, где важным представляется концептуальное осмысление слов и телодвижений [10, с. 9].

В одном из юмористических шоу Сяншен была представлена миниатюра «Мулань вступает

в армию». В ее основу положена китайская история о Хуа Мулань – отважной девушке, переодетой в мужскую одежду. Образ Мулань считается символом женской силы и патриотизма в китайской культуре. В миниатюре, представленной в 2015 году, показывают не только трансформированный образ девушки, но и особенности культуры, обычаи и символику Китая, выраженные с помощью костюмов, прически, декораций и музыки.

В начале представления мы видим комикессу Цзя Лин в роли Мулань, одетую в традиционный китайский наряд и грызущую ножку жареной курицы на сцене. Ее перевоплощение в образ прожорливой простушки воспринимается зрителем с первых секунд представления. Затем на сцене появляется страж императора, который пришел в дом Мулань за рекрутом. На первый взгляд, сюжет развивается согласно событиям в легенде, однако ответ отца и дочери, а также их эмоциональная экспрессия дают понять, что миниатюра далека от всем известной истории и ее развитие пойдет по иной линии. Мулань поступает на службу в армию не по своей воле, а в результате лжи ее отца, сообщившего стражу о том, что у него сын, а не дочь. На службе Мулань удостоивается звания помощника генерала, но происходит это не благодаря ее храбрости и подвигам, а ввиду случайностей, интересным образом обыгранных в миниатюре.

Неудивительно, что полная противоположность базовых признаков образа привела к спорным оценкам зрителями. За основу миниатюры была взята история о Мулань, которую обыграли таким образом, чтобы зрители смогли насладиться юмористическим подтекстом с главным фокусом именно на переворачивании образа с ног на голову. Именно так телепередачу описывает один из зрителей: 喜剧演员贾玲在2015年6月的某个卫视节目中, 出演了喜剧小品《木兰从军》, 在该节目中她扮演了一个贪吃、不孝、胸无大志、贪生怕死的花木兰形象。这个表演将传统的花木兰英雄形象进行了颠覆性的改编, 引起了广泛的争议。尽管有人认为这种表现方式歪曲了英雄形象, 但也有人认为这是以一种新的形式来表达一个众所周知的传统故事, 是一种娱乐价值的体现¹。Комикесса Цзя Лин снялась в комедийном скетче «Мулань вступает в армию» в программе спутникового телевидения в июне 2015 г. В этой программе Цзя Лин была в образе Хуа Мулань и сыграла ее как жадную, не почитающую родителей, ленивую и трусливую девушку. Такая адаптация подорвала представление о традиционном образе героини Хуа Мулань, что вызвало широкую полемику. И хотя есть те, кто считают, что такое выражение искажает образ героя, другие называют это новой формой представления хорошо известной традиционной истории, воплощающей ценности развлекательной сферы^[5]. Следовательно, разрушение привычных моделей интерпретации способствует созданию комического эффекта.

Мультимодальность в данном телевизионном шоу усиливает концепт Мулань за счет яркой эмоциональной экспрессии. На рис. 1, 2, 3, 4 изображена мимика, описывающая различные эмоциональные состояния героини. Поскольку Мулань находилась в условиях, где ей приходилось лгать, то на первых трех изображениях можно увидеть опущенные вниз глаза. Считается, что, когда человек врет, он старается избегать прямого визуального контакта и часто уводит взгляд. Все мимические выражения лица сопряжены с попыткой избежать наказания или не раскрыть лжи, что ставит девушку в неловкое положение, отчетливо представленное языком тела.

Рис. 1. Стыд

Рис. 2. Скрытая радость

Рис. 3. Лживое согласие

Рис. 4. Страх, сопряженный с тревогой

Движения тела так же обладают определенным объемом семантического материала. Получив задание от командира выполнить бег, Мулань побежала характерным для девушки способом, разбрасывая руки в разные стороны, что вызвало недоумение у командира и боевых товарищей, не знающих, что Млуань девушка. В конце представленной миниатюры зрители видят другую Мулань, пройдя немало испытаний, девушка закалила характер и осознала, что прежде, чем чего-либо добиться, необходимо чем-то пожертвовать.

Следует отметить, что общей чертой образов, рассмотренных с разных ракурсов мультимодальности, является стремление продемонстрировать момент становления героя как личности, испытывая трудности и преодолевая их. К причинам появления нового сюжетного акцента может относиться стремление приблизиться к предпочтениям современного зрителя, живущего в обществе, где важной частью общего дискурса выступает мотивационный дискурс, представленный побуждением и стремлением к саморазвитию.

Таким образом, мультимодальность по-разному воздействуют на степень восприятия образа в сознании реципиента, с одной стороны, она ведет к упрощению понимания смыслов, с другой – к усложнению систем создания этих смыслов. Одним из проявлений такого усложнения является существование высокой степени интертекстуальности, что может подрывать представления о вымышленных героях, приводить к ложному принятию одних персонажей за других. Желание приблизиться к предпочтениям современного зрителя приводит как к незначительному различию базовых признаков концептов, так и к их полной противоположности, что так же воздействует на процесс восприятия образа. Тем не менее несмотря на значительную степень адаптации образов, вызывающих различные оценки пользователей, социальные и культурно-исторические процессы динамично меняющего мира требуют соответствия условиям функционирования современных дискурсивных практик.

Библиография

1. Манерко Л.А., Папонова В.В. Содержание концепта сказочного героя в русском и англоязычном фольклоре. Материалы научной конференции, 28 января, Москва: МГЛУ,

2003: 38-48.

2. Ирисханова О.К. Семиотика плаката в социокогнитивном освещении: лейбористы, капиталисты и углеродные следы. Актуальные проблемы современного языкознания. Москва: МАКС Пресс, 2012: 313–333.

3. Омеляненко В.А. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности. Коммуникативные исследования. – 2018. – № 3 (17). – С. 66–78.

4. Манерко Л.А. Тенденции визуализации концептуально-смыслового пространства в англоязычном академическом дискурсе. Материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике, 30 мая – 1 июня, Москва: ФЛИНТА, 2024: 549-553.

5. Шарапова А.А. Эволюция мифа о короле Артуре и особенности его языковой репрезентации в англоязычном культурно-историческом пространстве (XV-XXI вв.). Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. (10.02.04). МГУ. – Москва, 2015.

6. Новодранова В.Ф., Мотро Ю.Б. Семантические модификации термина в медицинском дискурсе // Вестник Челябинского университета. 2011. № 33 (248). С. 101–104.

7. 百度百科 (Энциклопедия Байду). Режим доступа: <https://www.baidu.com/> (дата обращения: 01.06.2024).

8. Дзен. Непопулярный контент. О мультфильме «Белая Змея». Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YKwJwucWmgiBPIB4> (дата обращения: 02.06.2024).

9. Ekman P. Universals and Cultural Differences in the Facial Expressions of Emotions, edited by J. Cole. – University of Nebraska Press, 1971.

10. Iriskhanova O., Cienki A. Aspectuality across languages: Event construal in speech and gesture. / Amsterdam: John Benjamins, 2018. 221 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современное гуманитарное научное знание характеризуется обращенностью к проблемам взаимопроникновения различных его сфер как в содержательном, так и в структурном планах. Рецензируемая статья посвящена изучению отражения традиционных образов китайского фольклора в современном искусстве, которое, в свою очередь, строится на основе мультимодальности дискурса – различных способах «описания с использованием аудио-, видео- и текстового материала». Данная актуальная проблематика вызвана необходимостью анализа нового прочтения фольклорных образов в массовой культуре; в работе основное внимание сосредоточено на поиске ответов на вопросы: насколько адекватны репрезентации мифов первоисточникам, как оцениваются нововведения носителями культуры, плюсы и минусы трансформаций, перспективы подобных свободных трактовок. Такая постановка проблемы в цепочке «фольклорный герой – репрезентация образа – новый герой» вскрывает нюансы, не изученные ранее в специальной литературе на материале китайского фольклора. Результаты работы, полученные на основе комплексного подхода, сочетающего анализ на языковом и концептуальном уровнях, интересны как образец исследования в данном ключе традиционных мотивов мирового фольклора, претерпевающих возрождение в условиях новой реальности. В частности, приведенные исследователем примеры использования в современных компьютерных играх традиционных китайских персонажей Паньгу, Чан Э, Хоу И и Нэчжа в одном тексте с героями древнегреческой мифологии, например, Афины, говорит в пользу значительных изменений в репрезентации древнего мифа, о «высокой степени интертекстуальности,

что может во многом усложнять восприятие пользователем». Разбирая концепт образа Белой змейки, автор выявляет ядерный признак «благородство» и концептуальную доминанту «жертвенность», а также новые признаки «злоупотребление волшебной силой» и «жестокость». В основе данных видоизменений лежит, по справедливому замечанию автора, «стремление приблизиться к предпочтениям современного зрителя, живущего в обществе, где важной частью общего дискурса выступает мотивационный дискурс, представленный побуждением и стремлением к саморазвитию». Подобные словоупотребления разрушают привычные модели интерпретации, способствуя созданию разных эффектов, в том числе и комического. Кроме того, по наблюдениям исследователя, мультимодальность ведет к упрощению понимания смыслов, с другой стороны, она может привести к усложнению систем создания этих смыслов, что в конечном итоге создаст ложные представления о персонажах, их функциях и особенностях.

Стиль и структура статьи соответствуют требованиям. Содержание раскрывает обозначенную тему.

Вместе с тем, имеются недочеты в синтаксисе («Доминирующее ранее в качестве основного носителя информации слово, заменяется образом, что выражается и в приоритете визуального ряда над вербальным»), стилистике («что объясняется выходом картины совместно с американской кинокомпанией», «Следовательно, ядерный концепт Белой змеи благородство выражен в данном мультфильме посредством помощи Сяо Цин и ее спасению») и др.

В целом, представленная на рассмотрение статья «Мультимодальность образов китайского фольклора», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», может быть рекомендована в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Lekomtseva I.A., Vyunova E.K., Abdulmanova A.K. Recurrent grammatical errors in student Russian-to-English consecutive interpreting // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43475 EDN: GSYPRE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43475

Recurrent grammatical errors in student Russian-to-English consecutive interpreting / Типичные грамматические ошибки при становлении навыка последовательного перевода

Лекомцева Ирина Алексеевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 11

✉ rainbow5@mail.ru

Вьюнова Екатерина Кирилловна

ORCID: 0000-0001-9977-7829

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 11

✉ kate_vyunova@list.ru

Абдульманова Аделя Хамитовна

ORCID: 0000-0002-3079-0803

кандидат филологических наук

доцент, кафедра английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 11

✉ aahvsp@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43475

EDN:

GSYPRE

Дата направления статьи в редакцию:

01-07-2023

Дата публикации:

07-06-2024

Аннотация: Предметом исследования являются грамматические ошибки при становлении навыка последовательного перевода у студентов бакалавриата. Объектом исследования является эрратологический аспект в процессе обучения устному переводу. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как различные типы ошибок в последовательном переводе и специфику последовательного перевода как речевой деятельности. Особое внимание уделяется классификации типичных грамматических ошибок в последовательном переводе студентов бакалавриата. Приводятся возможные причины появления грамматических ошибок при становлении навыка последовательного перевода у студентов. Среди основных причин возникновения типичных грамматических ошибок можно выделить как собственно языковые, так и когнитивные причины. Основным выводом проведенного исследования является то, что в процессе обучения последовательному переводу стоит обратить особое внимание студентов на грамматический аспект перевода, а не только на умение владеть переводческой скорописью и навыки презентации. Особым вкладом авторов в исследовании темы является типология наиболее частотных грамматических ошибок при последовательном переводе с русского языка на английский язык. Новизна исследования заключается в выборе объекта исследования, поскольку эрратологический аспект в процессе обучения последовательному переводу не достаточно представлен в теоретическом и практическом освещении как в общей теории перевода, так и в частной теории перевода.

Ключевые слова:

переводческие ошибки, анализ ошибок, причины ошибок, последовательный перевод, типология грамматических ошибок, переводческая эрратология, становление навыка перевода, обучение последовательному переводу, грамматический аспект, теория устного перевода

1 Introduction

Translation as intellectual activity has been in existence since very early times. Throughout its history, it has played the vital part in shaping human culture nationally and globally. With international collaborations and engagement experiencing an unprecedented growth and becoming more and more diverse today, translation has reached new heights. It lies at the heart of our most innovative activities in culture and business. Much progress has been made in theory and practice of translation and interpreting both in Russia and beyond. Yet gaining a deeper insight into the nature of translating and interpreting processes is much in demand today, particularly translation, particularly interpreting errors have never been accorded full-scale treatment, both in terms of theory and practice.

The goal of this article is, then, to provide a classification of and explain some of the most recurrent interpreting errors made by students in Russian-to-English consecutive

interpreting. Assumingly, the key source of errors in consecutive interpreting is inadequate linguistic competence and performance, i.e. rules, laws, or principles of analogy, i.e. a tendency to analogical transfer, to transfer grammatical patterns specific to a native language into a foreign language. Among other possible sources of grammatical errors in consecutive interpreting are severe time constraints, or its German translation *Zeitnot*, having to select among several possible alternatives (decisions in the course of consecutive interpreting, or language choices), unpredictable syntax, and quick speech motor actions.

The phenomenon of errors had been at the focus of psychology, linguistics, literature studies, and pedagogy long before it became the focus of the error analysis that is primarily concerned with the errors that appear in second language acquisition.

Late 1960s saw the revival of interest to errors and mistakes in foreign language acquisition. At this time, the error analysis theory was established as a theory-based research approach [6; 7; 18]. The causes of errors were revised and were eventually regarded as a valuable source of information to gain a deeper insight into the process of second-language acquisition.

Translation studies, in its turn, has made systematic and objective descriptions of such basic translation concepts as equivalence, translatability, shift, a range of approaches to translation, units of translation, and models of translation to name just a few [2;3]. There was much said and written about translation quality assessment [11], yet less about quality assessment in consecutive interpreting [12], particularly from the perspective of how to make systematic use of the insights into the errors and mistakes in training interpreters [1; 16] and investigating the relation between interpreting and second language acquisition [15]. Interpreting has been treated from the perspective of cognitive studies and psycholinguistic inquiries [9; 10]; from extralinguistic aspects of interpreting and their relations with the quality in interpreting in various settings [8] or methodology in interpreting studies [4].

Interpreting as a complex cognitive activity demands a high level of linguistic competence and performance to ensure quality in consecutive interpreting, especially on the international arena. Figuratively, interpreting errors are words that changed history. To help students achieve proficiency in interpreting, there should be a considerable emphasis placed on achieving proficiency in languages [5].

Most of the articles that deal with assessing the quality in consecutive interpreting are those that are wide in scope. The focus is on the quality of what the interpreter produces in terms of content, language, delivery, interactional competencies, and discourse management. In a wider sense, quality also refers to interpreter reliability, compliance with principles of professional ethics, empathy and trustworthiness [12; 17].

There is much room, nonetheless, for the smaller scale studies dealing with purely linguistic aspect of interpreting, particularly in terms of grammatical categories which may be differently expressed in languages and the way this area of language structure affects decisions in the course of interpreting. In the present article, we provide just such an emphasis.

Originality of the article lies in the fact that there are few works with a focus on error analysis in Russian-to-English consecutive interpreting in Russia. Error analysis in Russian-to-English consecutive interpreting is vitally important as it has pedagogical implications.

While pedagogical implications of our findings are primarily practice-oriented, scientific significance of the article, as we see it, is important for the theory of consecutive interpreting as it lies in the assumption that, in the long-term perspective, our results and findings can make a significant contribution to developing a linguistic typology of interpreting errors in typologically and structurally different languages, i.e. language-specific and language-pair specific errors.

2 Methodology

For a start, we should make a distinguishing explanation of an error and a mistake. A mistake is a minor inaccuracy largely due to the fact that the interpreter is exhausted or overexcited, yet he/she makes an attempt to correct himself/herself (in Russian, it is generally referred to as a slip of the tongue or minor mistake in speech). An error is a recurrent, systematic violation of the rules of the second language, i.e. errors that students regularly make in the process of second language acquisition and do not correct themselves as these errors reflect a certain stage of the process of second language acquisition. The focus of the article is on the errors.

Error typology can be based on the causes of errors and, in this regard, it presupposes examining errors from the psycholinguistic approach. Error typology can reveal learning strategies, stages, and specifics of second language acquisition. The source of errors in the target language (foreign language) can be the form of the source language (mother tongue). The errors that are caused mainly by mother tongue interference are generally referred to as interlingual errors. The second source of the errors is intralingual factors, regardless of the mother tongue. These errors are generally referred to as intralingual errors.

The samples that were scrutinised and analysed for errors were taken from the assessment materials for the course in Consecutive Interpreting and covered the following topics: politics, economics, finance, banking, public relations, health, childcare. The total number of samples is more than one hundred errors. The study involved third-year bachelor's students in 'Cross-Language Communication and Translation: English' at St Petersburg University. Their mother tongue was Russian, while English was the second language. Thus, the target language was a foreign language.

Let us consider errors from a grammatical perspective. Grammar of any language is determined by the typological characteristics of a language. This is what makes languages typologically and structurally different and determines the kind of distinctions between languages. Yet some features tend to be typologically similar or even coexist in different languages. Inevitably, the grammatical system of the language is a factor which influences the way in which we translate or interpret. These differences are at the core of grammatical problems in translation. Since grammar is organised along two main dimensions: morphology and syntax, the grammatical problems in translation arise from lack of equivalence both in morphology and in syntax. Lack of equivalence in morphological and syntactical levels is at the core of translation studies, too. These specific contrasts in the grammatical systems are presupposed by the specifics of the given language [\[20\]](#).

We have analysed more than one hundred of grammatical errors made by students in consecutive interpreting. All errors fall into four groups.

2.1 Recurrent interpreting errors in the use of articles

The first group includes most of the cases and is primarily associated with the errors in the

use of the articles in English. The lack of a definite and indefinite article in the Russian language can cause difficulties in acquiring or using English articles. The Russian language has other means to compensate for the lack of articles as a part of speech and to express its functions. Among these means are other parts of speech and context.

The most recurring errors in the use of articles can be classified according to the type of the article and causes of errors.

2.1.1 Omitting a definite article

Example 1. *Будущее* этих детей не выглядит светлым. (original)

Future of these babies is very sad. (translation)

Generally, we usually use zero article before an abstract noun or a name of an individual person or place. However, in the context the abstract noun *future* is followed by an of-phrase *of these babies*. The postpositional of-phrase makes the reference specific, and we therefore use the definite article. In the process of consecutive interpreting, the interpreter, as we assume, did not take into account the sentence structure and therefore omitted the article.

Example 2. Сейчас *Российское* правительство заявляет, что более не может финансировать из госбюджета государственное здравоохранение. (original)

Now *government* claims that the NHS can't be financed only by *government*. (translation)

We should use the definite article as the concept the word *government* is referring to is repeatedly nominated throughout the vertical context of the sentence, i.e. this noun is meant and it is not new to the interpreter. Additionally, the original text refers to the Russian Government, and as the attributive adjective *Russian* is omitted in the phrase, we should use the definite article before the noun *government*.

2.1.2 Omitting an indefinite article

Let us consider the cases when an indefinite article is omitted.

Example 3. Большинство из них мало информированы о путях распространения этой инфекции. (original)

Most of them do not have *precise* information how it's transmitted. (translation)

The indefinite article is omitted before the abstract noun *information*. By using the prepositional attributive adjective *precise* in the attributive phrase with the noun, we define the noun and normally should use the indefinite article. Presumably, the interpreter did not take it into account and subsequently made the error.

The context, both horizontal and vertical, presupposes most cases of errors in the use of article. As the Russian language lacks a grammatical category of article, the errors in the use of article in English can be referred to as interlingual errors.

2.2 Recurrent interpreting errors in the use of voice

The second group of grammatical errors is a wrong use of the voice. In translation, as a rule, various means of expressing how the subject of the sentence acts or is acted upon undergo changes and this may result in errors in the use of the voice forms in the target language. In the Russian language, the active constructions are used more often than

passive constructions. Yet, as our study has shown, students tend to use passive constructions in Russian-English consecutive interpreting, particularly in case of rendering reflexive verbs.

2.2.1 Use of passive constructions instead of active constructions

Example 4. Именно это является причиной стремительного *распространения* инфекции в городе. (original)

It is the main reason why this disease *is* so quickly *spread* through the city. (translation)

Presumably, the cause of the error is inability to understand the meaning of the original sentence. The interpreter regarded the subject of the sentence as an agent, rather than an object of the happening expressed by the verb. Additionally, what is more plausible, there is a blending of two models in the target language. The first model is *is wide spread*, which is among the most frequently used phrases in English. While the first model refers to a state, the second model *is quickly spreading* describes the happening and is more appropriate for translation. Having these two models in mind as possible translation choices affected the decision in the course of translation. The interpreter, being confronted with a stressful situation, blended two concepts. Consequently, the target text has a passive-like construction, which distorts the original meaning to a degree.

2.2.2 Use of the active voice instead of the passive voice

Example 5. На территории страны зарегистрировано 86000 ВИЧ инфицированных. (original)

Now 86,000 HIV positive people *registered* in Russia. (translation)

There may be two ways to explain the cause of the error. In the course of making choices in consecutive interpreting, the interpreter links an infinitive form of the Russian verb *регистрировать* and an infinitive form of the Russian reflexive verb *регистрироваться*. As the Russian and English languages are different in the way in which they express how the subject of the sentence acts or is acted upon, it may result in errors in rendering Russian reflexive verbs into English. For example: *Her hopes realised/his suspicions confirmed* instead of *Her hopes were realised/his suspicions were confirmed*. The other reason of the error is that the subject of the sentence is a multi-word construction, which is not associated with the traditional model of the passive construction in the mind of the interpreter. If the subject of the sentence was more precise, there would be no interpreting error.

2.3 Recurrent interpreting errors in the use of tense

The third group of grammatical errors in consecutive interpreting is errors in the use of the tenses. The grammatical category of the tense is a core category in the system of grammatical tenses and aspects. This group of recurring interpreting errors is particularly numerous largely due to the fact that tenses and aspects in Russian and English are different. Among these differences are a number of tenses in English and Russian, a close relationship between the aspect and tense in English (unlike in Russian where only imperfective verbs are used in past, present, or future tenses), and a difference between the time which the tense relates the happening described by the verb and the grammatical tense. For a start, let us analyse a common case where the perfect is used instead of the preterite.

2.3.1 Using Present Perfect instead of Past Simple

Example 6. В прошлом году правительство *выделило* 2 миллиона долларов на лекарства, проведение тестирований ... (original)

Last year the government *has given* \$2mln to this sphere. (translation)

Both the source text and target text refer to the same time-scale. Yet we have two arguments, at least, to prove that there is an interpreting error. The Present Perfect Tense generally relates an accomplished happening to time in the present, which seemingly could convey the original. There must be no indication of the definite time of the past in the sentence as the gap between the happening and the moment of speaking may be different. Yet the definite time of the past happening is given here by the past time adverbial *last year*. In other words, the Perfect Aspect cannot be used with adverbials referring to a past point or period of time and in this sentence the time reference is made to the past in the preceding horizontal context. Additionally, the Perfect Aspect cannot be used in narration where the reference is made to a set of the past events [13]. Thus, the Perfect Aspect cannot be used in the vertical context, too. The reason for this error is that the interpreter did not take into account the factor of contextual proximity with the phrase referring to the time in the past and grammar rules of how the Perfect Aspect should be used.

2.3.2 Blending the forms of two tenses

Let us move on to the cases of blending the forms of two tenses that refer to the same time-scale.

Example 7. Однако тория оптимизма *остается* не менее привлекательной ... (original)

This theory of optimism *is not stay* less attractive. (translation)

In translation, there is a construction that does not exist in English. Structurally, it resembles the form of the Progressive Aspect and Present Simple Tense. Presumably, the interpreter, when deciding which tense to use, blended the forms of the Present Simple Tense (*does not stay*) and Present Progressive Tense (*is not staying*). On the one hand, the interpreter realised that there was a need to emphasise that the happening that continued over a period should be expressed by the Progressive Aspect, and, on the other hand, the interpreter reckoned that in the context he/she could use the Present Simple Tense as the Simple Tense is the core tense in the system of grammatical tenses and aspects and it is the main way of referring to something which occurs at the present moment (for example, while making comments).

2.4 Recurrent interpreting errors in the use of number

The fourth group of interpreting errors comprises errors in the use of the grammatical category of number. There may be several sub-groups depending on the nature of errors and their causes.

2.4.1 Using plural instead of singular and vice versa

Example 8. трудно предсказать будущее развитие *эпидемии* ... (original)

It is hard to predict the future development of the *epidemics* ... (translation)

The Russian noun *эпидемия* is singular in the Russian language, and in translation the English noun *epidemics* is used in plural. Presumably, the cause of the error is making a

false analogy with such nouns, as *physics*, *acoustics* etc., which are plural, but treated as singular, rather than the context or a minor mistake in speech. Additionally, the cause of the error is stress and severe time constraints in the process of consecutive interpreting. This analogy-based error can be classified as intralingual as there is no influence of the mother tongue.

Another cause of errors in the use of the number can be minor mistakes in speech.

Example 9. Терроризм представляет сегодня главную опасность правам и свободам человека. (original)

Terrorism is the main threat to human rights and *freedom*. (translation)

Both homogenous parts of the sentence in the source text are plural, while the noun *freedom* in the target text is used as singular.

2.4.2 Subject-verb disagreement

Now let us deal with the errors in subject-verb agreement in number

Example 10. ...последствия существующих инфекций очевидны. (original)

...the *consequence* of the current infections *are* obvious. (translation)

This error is that the verb *to be* is used in plural and does not agree with its subject *consequence* that is used in singular. This may be explained by the fact that the verb is contextually close to the noun *infections* that is used in plural.

Example 11. Проституция и наркомания являются основными причинами резкого роста заболеваемости СПИДом... (original)

Prostitution and *drugs addiction* are the main reasons of the sharp increase of the number of HIV positive... (translation)

In this case, the interpreter fails to recognise the part of the speech. The word *drug* is part of the attributive phrase *drug addiction* and can be referred to as an adjective. Yet it was not taken into account in consecutive interpreting. Thus, the word *drug* cannot be used in plural as there is no number agreement in form of adjectives with nouns in English.

3 Results and discussion

The present article identified and explained some of the most recurrent errors in Russian-to-English consecutive interpreting made by students. All errors fall into four groups. Among them are: errors in the use of articles; errors in the use of tenses; errors in the use of voice; and errors in the use of number. The main sources of errors are extra-linguistics factors (psychological or cognitive factors), e.g. severe time constraints, analogical transfer; and linguistic factors, i.e. intralingual (i.e. inadequate linguistic competence and performance) and interlingual (i.e. influence of the mother tongue).

The errors of the use of articles take up 40% in Russian-to-English consecutive interpreting in the corpus of our study. It is the largest proportion of all the errors. This may partly be due to a lack of the grammatical category of articles in the Russian language and inevitably they can be the key 'problem triggers' (the term of Gile) for students in consecutive interpreting. The errors in the use of voice account for 25%, which is a relatively large number. Voice can certainly be a problem trigger. Although the grammatical category of voice is present both in Russian and English, the relation between the subject and the verb

may be as well different in these languages as they may be differences in how they depict a situation and the logical relation between the agent, verb, and object. Errors in the use of tenses are the third largest group in the corpus (20%). Errors in the use of number account for roughly 15% of all errors. The source of these errors is mostly the immediate linguistic context.

Supposedly, the key reason behind most of interpreting errors is a tendency to analogical transfer. In other words, this is primarily due to inadequate linguistic competence and performance, apart from psychological or cognitive factors, i.e. nervousness, cognitive saturation, as overwhelming number of errors are largely due to interlingual and intralingual sources, i.e. linguistic contextual factors, a lack of grammatical categories in the target language or differences in grammatical functions or language specific means of expressing grammatical categories that coexist in the source and target languages. Yet this linguistic factor of interpreting errors can be explained by psycholinguistic reasons. When it comes to decision making and problem solving, we rely on our past experience [19], or when it comes to language choices, we rely on our mother tongue. Here, our assumption that the key source of errors is linguistic in nature can be proved by the fact that the findings of comparative studies of interpreting errors from English to French, German, and Japanese suggest that there are more errors in the Japanese renderings than German or French renderings [9]. Japanese and English are typologically different languages. Language specific idiosyncrasies are inevitably a relevant factor in interpreting.

In this regard, our results and findings are in agreement with those received by the Chinese researchers. Yet their corpus of samples also includes errors in logical relationship and use of nouns. This can be explained by the fact that English and Chinese are typologically different languages [1]. The Indonesian researcher reports that the most recurrent error made by Indonesian students in consecutive interpreting is additions that are largely due to problems in interpretation of the message to render in the target language. Yet psychological reasons, i. e. nervousness, is ranked first among possible sources of errors. Lack of language proficiency comes second [14].

Interpreting error analysis in typologically different languages and their causes can contribute to a linguistic typology of language-specific and language-pair specific interpreting errors and improving methodological issues in training interpreters.

4 Conclusion

Having analysed the most recurrent grammatical errors in student Russian-To-English consecutive interpreting, we can conclude that there should be a considerable emphasis placed on the grammatical aspect in teaching consecutive interpreting, rather than on equipping students with note-taking and presentation skills. Hopefully, it may serve as a convincing argument for students to become more concentrated on ensuring quality in consecutive interpreting, rather than merely on rendering the content of the source text.

Error analysis in student consecutive interpreting can make a positive contribution into the practice of training interpreters as it reveals what problems students meet with in the process of training, and is also meant to discuss on the possibility of avoiding the errors through adequate training. In this regard, analysing errors and their sources are the key to gain a deeper insight into second language acquisition and training interpreters, too. Additionally, such works on error analysis can make valuable contributions in a typology of interpreting errors in typologically different languages.

As grammar can be seen as a set of rules which determine what kind of information has to be made explicit in utterances, among the promising areas for further research, as we can see it, in terms grammatical errors in the process of student consecutive interpreting may be identifying and explaining those errors relating to organising information, textual cohesion, logical relations, discourse parameters, i.e. tenor, register, and mode.

Библиография

1. Badea M., Presada D. The effectiveness of error analysis in translation classes. A pilot study // *Porta Linguarum*. 22. 2014. Pp. 49-59.
2. Baker M. *In other words: a coursebook on translation*. London: Routledge. 2018.
3. Bell R. *Translation and translating: theory and practice (applied linguistics and language study)*. London: Routledge. 1992.
4. Brenda N., Laurie S. *Advances in interpreting research: inquiry in action*. Amsterdam: John Benjamin Publishing House. 2011.
5. Chang C. English language needs of Chinese/English interpreting students: an error analysis of the Chinese-to-English short consecutive interpreting test // *English teaching & learning*. 42. 2018. Pp. 207-225.
6. Corder, S. P. The significance of learners' errors // *International review of applied linguistics*. 5 (1-4). 1967. Pp. 160-170.
7. Corder, S. P. *Error and an interlanguage*. London: Oxford University Press. 1981.
8. Eva N.S. Ng, Ineke H.M. Crezee. *Interpreting in legal and healthcare settings. Perspectives on research and training*. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company. 2020.
9. Gile D. Errors, omissions and infelicities in broadcast interpreting // *Methods and strategies in process research integrative approaches in translation studies*. Amsterdam: John Benjamins Publishing House. 2011. Pp. 201-218.
10. Gile D. The contributions of cognitive psychology and psycholinguistics to conference interpreting // *A critical analysis. Psycholinguistic and cognitive inquiries into translation and interpreting*. Amsterdam: John Benjamins Publishing House. 2015. Pp. 41-64.
11. House J. *Translation quality assessment: past and present*. London: Routledge. 2014.
12. Kalina, S. Quality in interpreting // *Handbook of translation studies*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. Vol. 3. 2012. Pp. 134-140.
13. Leech G., Jan S. *A communicative grammar of English*. London: Routledge. 2002.
14. Prativi R. S. Common errors and problems encountered by students English to Indonesian consecutive interpreting // *Journal of English and education*. Bandung: Indonesia University of Education. 2016. 4(1). Pp. 127-146.
15. Pym A. *Translation error analysis and the interface with language teaching // The teaching of translation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 1992. Pp. 279-288.
16. Rong L. Che A. A. G., Lay H. A., Muhammad A. R. A. Error types in consecutive interpreting among student interpreters between Chinese and English: a pilot study // *Proceeding of the 7th Malaysia International Conference on Foreign Languages (MICFL2021)*. IR 4.0 in Foreign Language Studies. 4-5 October 2021, Universiti Putra Malaysia, Serdang, Selangor, Malaysia, compiled by Hazlina Abdul Halim, Lay Hoon Ang, Serdang, Selangor: Universiti Putra Malaysia 2021. Pp. 267-275.
17. Sasaki A. Identifying the language skill of consecutive interpreters. Towards the development of recommendations on language choices in interpreters' notes // *International journal of language, translation and intercultural communication*, 2018. 7. Pp. 33-44.
18. Selinker, L. *Interlanguage. Product information // International review of applied linguistics in language teaching*, 1972. 10. Pp. 209-241.

19. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис. 2005.

20. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2002.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Типичные грамматические ошибки при становлении навыка последовательного перевода», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», представленная на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду востребованности более глубокого исследования природы процессов письменного и устно-переводческого перевода, в частности переводческих ошибок, которым никогда не уделялось полномасштабного внимания, как с точки зрения теории, так и практики.

Цель рецензируемой статьи состоит в том, чтобы дать классификацию и объяснение некоторых наиболее часто встречающихся ошибок при устном переводе, допускаемых студентами при последовательном переводе с русского на английский.

Актуальность статьи заключается в том, что в России существует немного работ, посвященных анализу ошибок при последовательном переводе с русского на английский. Анализ ошибок при последовательном переводе с русского на английский важен, поскольку имеет методологическое значение для качественной подготовки будущих профессионалов в языковых вузах.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Слабой стороной исследования является практический материал. Так, неясен практический материал исследования, было бы проведено статистическое исследование проблематики. Автор не приводит данных о языковом корпусе, отобранном для проведения исследования. На каких принципах был отобран материал и насколько он актуален в современных реалиях?

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает всего 20 источников, из которых 18 зарубежные труды, а только 2 - на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям отечественных ученых, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не

умалют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории перевода, а также в практической подготовке переводчиков. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Типичные грамматические ошибки при становлении навыка последовательного перевода» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Albulanee A.H. The Phenomenon of "the Other" in the context of the American Dream in American Proletarian Literature and Left-Wing Political Discourse of the 1920s and 30s // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70047 EDN: GTLQDV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70047

The Phenomenon of "the Other" in the context of the American Dream in American Proletarian Literature and Left-Wing Political Discourse of the 1920s and 30s / Феномен "Другого" в контексте Американской мечты в американской пролетарской литературе и левом политическом дискурсе 1920-30-х годов

Альбулани Альван Хассан

ORCID: 0000-0003-0997-5472

доктор филологических наук

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042218123@pfur.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70047

EDN:

GTLQDV

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2024

Дата публикации:

08-06-2024

Аннотация: В условиях разворачивающегося мирового кризиса, вызванный пандемией COVID-19, является одним из самых глубоких со времен Великой депрессии. Глобальный кризис, порождающий серьезные социальные потрясения, усиливает политизацию литературного процесса и пробуждает литературный дискурс, выдвигающий на первый план "непреходящую реальность" национальной идентичности и социального класса. Пролетарская литература США 1920-30-х годов и вторящий ей левый политический

дискурс этого периода являются ярким примером понимания этих вопросов в американском обществе и в жизни простого человека. Данная статья своей целью имеет анализ и обобщение наиболее принципиальных аспектов американской пролетарской литературы, как явления 1920-30-х годов, и левого политического дискурса, проливающие свет на взаимосвязь двух феноменов, непосредственно связанных с американской идентичностью, - «Другого» и «Американской мечты». Статья основана на междисциплинарном анализе, который позволяет организовать и осмыслить исторические, литературные и социально-политические аспекты исследуемых явлений в рамках этой литературной традиции. Темы идентичности и инаковости в американской истории и литературе данного периода были критически проанализированы на примере исторических документов, художественных текстов и теоретических исследований. Статья вносит вклад в научную дискуссию о взаимосвязи литературы, истории и идеологии в формировании представлений о факторах формирования идентичности и диалогических исключениях, ведущих к таким социальным последствиям, как отчуждение и маргинализация. Новизна исследования заключается в ее синтезирующем характере; выявлены важные аспекты и закономерности, объединяющие корпус источников разнообразного масштаба по теме Американской мечты и концепта "Другого", относящейся к отдельным лицам или группам, которые исключены из идеализированного видения успеха, по причине существования системных препятствий доступа к тем же возможностям и результатам, которыми обладает основная или доминирующая культура. Результаты исследования открывают путь для дальнейших литературоведческих исследований более широких социально-политических контекстов, которые формировали производство и восприятие пролетарской литературы, и их значения для современного понимания американского общества и социальных вызовов, которые стоят перед ним.

Ключевые слова:

сравнительное исследование, пролетарская литература, американский роман, политический дискурс, Американская мечта, идентичность, концепт Другого, мейнстрим, отчуждение, маргинализация

Introduction: The American Dream and the Concept of the "Other"

In 2020, the modern world faced a global crisis caused by the COVID-19 pandemic. Like previous global economic crises, the subsequent coronavirus recession caused significant changes in the social sphere. The pandemic has become another "black swan" of globalization, which has intensified the existing problems of geopolitics and economics, becoming a harbinger of serious social upheavals. Unequal access to public goods and healthcare, deterioration of social well-being, loss of income have exacerbated the problems of social differentiation and inequality [\[1, p. 2139\]](#). The social consequences of the post-coronavirus reality have been the displacement of people to the margins of society, to social isolation and loneliness. These changes in people's lives and their social identity happened unexpectedly, and all they were left with was an undermined self-awareness. For these people, this is a time of survival, when many ideologies and beliefs are shaken and questioned, including the trust and faith of the working class that "hard work will bring prosperity," as promised by national myths and stereotypes that give significance to events in everyday life, such as the American Dream [\[2\]](#).

The American Dream has long been revered as a cornerstone of the United States' national identity. It encapsulates the belief that industriousness and perseverance pave the way for success and upward mobility, irrespective of one's background or circumstances. This aspirational framework has animated the ambitions of countless Americans across generations, instilling in them an unwavering resolve to pursue their dreams and aspirations. Nevertheless, amidst the vigorous pursuit of this ideal lies the stark reality of exclusion and marginalization experienced by those categorized as "the other".

The concept of "the other" is an integral element of modern identity theories, the relevance of which in the light of the study of national and social identity is beyond doubt [\[3, pp. 46-47\]](#). The figure of Other is intuitively obvious to many researchers and is taken as an abstract carrier of the function of a "boundary marker" or "mirror reflection" [\[4\]](#). At the same time, the transfer of the concept of "the other" from philosophy to the social sciences and humanities requires the problematization of what seems "obvious". The processes of such rethinking have already intensified in many disciplinary areas, including comparative literature studies.

The purpose of the article is to summarize the most fundamental aspects of American proletarian literature, as a phenomenon of the 1920s and 30s, and left-wing political discourse, shedding light on the relationship between two phenomena directly related to American identity - the "other" and the "American Dream" - and outline a range of issues that need additional research and theoretical understanding. Critically, this exploration is guided by an awareness of the structural limitations within the traditional narrative of the American Dream, prompting a reevaluation of its inclusivity and accessibility. By critically examining the underlying assumptions and inherent biases embedded within this narrative, we seek to shed light on the discrepancies between the idealized vision of the American Dream and the lived realities of marginalized communities. The concept of the "other" we use to analyze the situation of marginalized individuals and groups who find themselves deprived of the opportunity to fully realize the promises of the American dream [\[5, p. 28\]](#). These people face systemic barriers and widespread discrimination based on factors such as race, ethnicity, gender, or socioeconomic status that prevent them from accessing the same opportunities and resources enjoyed by their more privileged counterparts.

Our analysis is based on an interdisciplinary approach combining historical, literary, and socio-political aspects of the phenomenon under study. This will make it possible to organize and comprehend the research material in the context of this literary tradition, as well as the sociological and thematic boundaries that defined the genre of proletarian literature. Based on a corpus of primary sources, including historical documents, literary texts and theoretical studies, we critically analyze the themes of identity and otherness in American history and literature of this period using the example of the American novel. Using this methodological framework, we strive to contribute to the scientific discussion about the relationship of literature, history and ideology in the formation of ideas about national identity on the example of the United States.

Understanding the American Dream

The image of the American dream is deeply woven into the fabric of American society. There have been many interpretations of the American dream. The symbol is multifaceted, universal and still open to interpretation. According to Bernard DeVoto, "the feeling that was not too accurately called the American dream is a complex feeling that is not so easy to formulate... it was hidden in the desire to move West, which became both its result and

condition" [\[6, p. 54\]](#).

The Merriam-Webster Dictionary defines it as "an American social ideal that stresses egalitarianism and especially material prosperity," to which it adds: "a happy way of living that is thought of by many Americans as something that can be achieved by anyone in the U.S. especially by working hard and becoming successful" [\[2\]](#), while the definition given by the Oxford English Dictionary almost rephrases the idea: the American Dream is "the ideal that every citizen of the United States should have an equal opportunity to achieve success and prosperity through hard work, determination, and initiative." [\[7\]](#)

One fundamental tenet underpinning the American Dream is the principle of equal opportunity. At its essence, the American Dream encapsulates the belief that every individual, regardless of their background, ethnicity, or socioeconomic status, possesses the inherent right to pursue their aspirations, attain economic prosperity, and ultimately find fulfillment and happiness. This foundational concept embodies the notion that the United States is a land of boundless possibilities, where hard work, determination, and meritocracy are the pathways to success.

Embedded within the fabric of the American Dream is the promise of upward mobility, where individuals can transcend the circumstances of their birth and carve out their destinies. The American Dream asserts that regardless of background, everyone has an equal chance to realize their potential and fulfill their dreams.

Furthermore, the American Dream embodies the idea of a meritocratic society, wherein individuals are rewarded based on their talents, efforts, and contributions rather than their inherited privileges or social connections. This meritocratic ethos underscores the belief that success is attainable through personal initiative and persistence rather than being predetermined by factors beyond one's control. "[...] There could be no other limit to what Americans could do but the sky. [...] There was no other limit but the sky: American ingenuity, American willpower, American energy could not be stopped, and it would go on forever [...]" [\[6, p. 55\]](#). In essence, the American Dream encapsulates the aspirational vision of a society where equality of opportunity is the cornerstone of progress and prosperity. It is a beacon of hope that inspires individuals to pursue their ambitions, overcome obstacles, and strive for a better future, regardless of their circumstances.

However, not everyone agrees with these beliefs. A number of researchers [\[9, p. 10\]](#) argue that there is no single American dream. There are many American dreams, depending on the ideas about it. The latter are formed under the influence of various factors such as class, race, origin, age and religion. Thus, the American Dream can be described "as beliefs and ideals associated with America and with achieving success in life, rather than with one thing" [\[8\]](#). Nevertheless, it is a significant part of the national identity of Americans, which remains a dream for many who believe in it [\[10\]](#).

Understanding America as an "invention" rather than a discovery is pivotal to grasping the embryonic concept of the nation. In *Marvelous Possessions: The Wonder of the New World* (1991), Stephen Greenblatt discusses this construction as the product of "the imagination at work" or "practical imagination." This notion of invention, or myth-making inherent in the American Dream, starkly contrasts an authentic portrayal of America, serving as a means to reveal the true essence of the nation. Greenblatt delves into the early discourse surrounding discovery, viewing it as "a supremely powerful register of the characteristic claims and limitations of European representational practice" [\[11, p. 23\]](#). This colonial

discourse vividly illustrates the challenges encountered in bridging the gap between two divergent systems of representation. By rejecting notions of reciprocity, the colonizers "project vain fantasies" [12]. The encounter with otherness occurs within the cultural framework imposed by the "discoverers." [11, p. 117]. Thus, the concept of the American Dream is symbolic, subjective and ambiguous to the extent that it absorbs different, including opposite meanings, but the encounter with otherness ("othering") always occurs within the framework of the culture imposed by the "discoverers" [13].

Defining "the Other"

The concept of the "other" is an important element of many modern theories of identity, regardless of its level [3, p. 47]. Having considered the genesis of the concept of the "other" in interdisciplinary discourse, we will outline a number of points that are particularly important for this study.

In the personalist philosophy of the 20th century, the concept of the "other" is primarily associated with the problems of intersubjectivity and communication. At the same time, some authors believe that the existence of the Other is an obligatory stage in the development of an individual's personality, while others assert the opposite characteristics of the Self and the Other. When analyzing the category of the Other as one of the central ones in the theory of identity, we see that when moving from the topic of personality formation to collective political identity, a system of the Self and the Other arises, as well as models of Our Own - Others or Us - Them.

In modern research, the concept of the "other" is debatable. Its semantics are related to otherness, differences that are perceived as significant, setting boundaries. Otherness has various social consequences, from recognizing the dissimilarity of the Self and the Other to antagonism and hostility. Since the category of the Other describes the construction of boundaries, it is associated with a complete or partial exclusion [4]. At the same time, otherness is quite often associated with antagonism and extreme forms of exclusion, as well as subsequent alienation and marginalization. Unlike political discourse, in social practice, the construction of boundaries using differences does not always involve exclusion. There is a multiplication of hybrid identities based on partial inclusion or exclusion for various reasons [13].

Most researchers of the phenomenon of the "other", considering the phenomenon of the "other" within the constructivist paradigm, as a dynamic relationship. At the same time, there are few studies that consider the mechanisms of its constitution and reproduction. An interesting attempt to answer the question of the reasons for endowing individuals and groups with the properties of the "other" is the work in the field of postcolonial and feminist discourses.

Indian literary critic, Professor at the University of Pennsylvania Ania Loomba, "the Other" as a concept is pivotal in shaping Creole and hybrid identities [14, p. 179]. Otherness, within a postcolonial context, establishes a distinction between the colonizer and the colonized. Literary critic, postcolonial researcher and one of the most famous researchers in the field of postcolonialism Homi Kharshedji Bhabha elaborates on this dynamic by illustrating how the colonizer extends an "invitation to identity," whereby individuals are categorized as "doctors, writers, students," thereby accentuating their perceived differences and solidifying their status as part of the colonizer's realm [15, p. 174]. This act of invitation effectively constructs the Other. The notion of difference becomes central to the formation of the

Other, as highlighted by Bhabha [\[15, pp. 12-23\]](#). He elucidates on the gap between the colonialist self and the colonized Other, terming it as the figure of colonial otherness. Literary critic Edward Said further explores this concept, contending that through the imposition of hierarchies, the West delineates its own identity by juxtaposing it against the essentialized characteristics attributed to the Oriental "other" [\[16, p. 210\]](#). The West establishes its identity by accentuating cultural disparities and positioning the East as the Other.

According to the American-Palestinian writer and literary critic Edward Said, the definition of identity or otherness in the routine practice of individuals is based on socially shared structures - "grammars" or sets of rules according to which "otherness" is articulated [\[16\]](#). The grammar of Said's orientalism dictates the logic of a hierarchically arranged binary opposition, which represents the Self and the Other in a mirror image - direct or inverted. Said argues that by imposing hierarchies, the West outlines its own identity, contrasting it with the essential characteristics attributed to the Eastern "other" [\[17, p. 210\]](#). The West establishes its identity by emphasizing cultural inequality and positioning the East as something else.

Despite the widespread opinion that identities are formed through contrasting the identities of significant others, there is no unity in the theoretical literature in understanding in which cases the "other" can be considered "significant", and what makes it so. The notion of the Other, as delineated above within postcolonial and feminist discourses, differs from the concept articulated by Greenblatt [\[11\]](#). In Greenblatt's framework, the Other is defined by authority, where the determining factor lies in the perspective of the individual in power. For instance, if the authoritative figure happens to be a woman, she may perceive a man as the Other, mainly if she views him as possessing demonic or heretical traits. In this context, the designation of the Other is contingent upon the subjective judgment of the authority figure, representing an individualized decision-making process. In contrast, within postcolonial and feminist studies, the construction of the Other is shaped by broader societal, cultural, and historical forces. Here, what constitutes the Other is collectively determined, reflecting the consensus of the community or culture at large. The alienation of the Other within this framework is regarded as a socio-cultural phenomenon, stemming from systemic processes rather than the unilateral decision of a single individual.

In postcolonial and feminist analyses, the construction of the Other is intricately tied to power dynamics and historical narratives of domination and subjugation. Colonial encounters often involved the imposition of Western norms and values onto colonized peoples, categorizing the colonized as the Other. This process was instrumental in justifying colonial rule and perpetuating systems of oppression. Similarly, within feminist discourse, the concept of the "other" is often linked to patriarchal structures that marginalize and subordinate women, relegating them to a position of alterity vis-à-vis men.

Moreover, the construction of the Other within postcolonial and feminist frameworks extends beyond individual interactions to encompass broader social structures and discourses. It is not merely a matter of personal perception but rather a product of entrenched societal norms, cultural representations, and historical legacies [\[10, p. 99\]](#). The Otherness attributed to specific groups or individuals is often reinforced and perpetuated through institutional practices, media representations, and discursive formations, shaping both individual identities and collective consciousness. Thus, the "other" is a critical lens to interrogate power relations, cultural hegemony, and systems of privilege and

marginalization in society. Thus, social identity is determined by many factors, but to a greater extent by such "national" characteristics as social interactions and spatiality. The concept of the "other", in turn, reflects a critical view of power relations, cultural hegemony, and systems of privilege and marginalization in society.

Calls for Rediscovery and Attempts at Counter narratives

The first years after the revolution were marked by an explosion of popular energy in many countries. At this time, literature is born, which comes out of the depths of the artistic potential of the common people. The literature of this period is characterized by an amazing diversity of thought. The very concept of proletarian literature as a genre presupposes literature that mediates the sociological reality of the working class and its cultural expression, which was emphasized in the 1920s by Mike Gold's fundamental formulation that the purpose of proletarian literature is "to create a picture of what the working class looks like in this country" [\[18\]](#). As Edwin Seaver argued at the Congress of American Writers in 1935, "[... It is not the style, not the form, not the plot, not the characters and not the class that are the fundamental differences of the proletarian novel, but the interest in political issues" [\[19\]](#).

The onset of the Great Depression in the late 1920s called into question the notion of individual economic success that was at the core of American identity. Leftist movements gained momentum, and the number of members of the American Communist Party increased dramatically, which sparked theoretical discussions about the cultural and political goals of the movement. Publications such as *New Masses*, founded in 1926, became platforms for intellectuals and writers to discuss the nature of "proletarian literature" [\[20, pp. 9-28\]](#).

In the midst of the economic turmoil of the Great Depression, a counter-project arose that challenged the capitalist and individualist spirit of America [\[21\]](#). This counter-project promoted a collective approach based on class struggle, challenging the idea of America as a society of unlimited possibilities [\[22, p. 6\]](#).

On the one hand, the concept of "proletarian literature" is based on different slogans, declarations and creative personalities, but, on the other hand, it represents a certain unity of ideological and aesthetic phenomena, which reflected the features of literature, as it seemed, of "multitudes", i.e. the masses awakened to active life. The works of these authors provided an adjustment to depoliticized fiction focused on the whims of the bourgeoisie. It was considered necessary to reflect the difficult and turbulent history of the US labor movement and other interconnected and overlapping liberation movements [\[23\]](#).

Literary works showcasing a variety of genres and formal experiments. Works by Michael Gold ("Jews without Money", 1930), Bruno Traven ("Death Ship", 1926), Agnes Smedley ("Daughter of the Earth", 1929), Edward Dahlberg ("Bottom Dogs", 1929), John Dos Passos "USA", 1930), Erskine Caldwell ("The American Land", 1931), Jack Conroy ("The Disinherited", 1933), Robert Cantwell ("The Land of Plenty", 1934), Henry Roth ("Call It a Dream", 1934), Clara Weatherwax's ("Marching! Marching!", 1935) John Steinbeck ("The Grapes of Wrath", 1939), although they did not fully define the nature of all art words, but they expressed the mood of the era, the peculiarity of the spiritual atmosphere of a complex and controversial moment in American history.

Despite the ideological constraints imposed by the Communist Party, many writers maintained autonomy. They incorporated experimental techniques from modernist movements into their works. Left-wing writers and intellectuals, especially those associated

with the "proletarian" movement of the early 1930s, sought to create counter-narratives in their works, restoring American identity and rethinking it. Proletarian literature brought a renewal of revolutionary romanticism," it created a fundamentally new psychological atmosphere in literature. The novelists of the Great Depression period were the first artists who "heard the footsteps" of the new hero. They endeavored to amplify alternative voices from American history and discourse, experimenting with form and content and introducing new figures such as the worker, the wanderer, and women. However, despite their efforts, the legacy of these works has largely been overshadowed. The prevailing image of the Great Depression remains one depicted by authors like Steinbeck, who focused on the plight of poor farmers (Okies), or by photographers like Dorothea Lange, whose iconic images captured stoic faces amidst adversity.

The commonality of the ideals of the galaxy of proletarian authors leads to a commonality of stylistic tendencies, which manifests itself in the form of appeals, angry invectives, socially saturated symbols. These literary works aimed to debunk the fundamental myths about American identity, questioning concepts such as freedom of movement and the power of personality. They deliberately featured foreign characters to emphasize the importance of solidarity beyond national borders. However, despite their disagreement, the relationship of radical writers with America remained difficult, as they often referred to the fundamental principles of the nation, even challenging the prevailing narrative [\[17, pp. 21-30\]](#).

In fact, these attempts to create counter-narratives were aimed at offering alternative interpretations of American identity and history, challenging the dominant discourse and advocating social change.

It is important to note that proletarian literature in the United States has an ambiguous history, full of hard struggle against repression and marginalization. The post-World War I era in the United States was characterized by a resurgence of American identity, marked by concrete measures of repression against perceived threats to national unity [\[24\]](#). In his 1920 election campaign, US President Warren G. Harding declared, "America's present need is not heroics, but healing; not nostrums, but normalcy; not revolution, but restoration; not agitation, but adjustment; not surgery, but serenity; not the dramatic, but the dispassionate; not experiment, but equipoise; not submergence in internationality, but sustainment in triumphant nationality" [\[25, pp. 71-81\]](#). This speech advocated a return to normalcy, which starkly contrasted the policies of his predecessor, Woodrow Wilson. Instead of venturing into international politics, Harding promoted America's withdrawal within its borders, encapsulated by his campaign slogan, "America first." But what exactly does this "normalcy" he espouses entail?

Understanding this notion of "normalcy" requires considering the "abnormality" it seeks to counter. In the 1920s, certain groups were excluded from the consolidation of the American national narrative. This narrative centered on themes of success, individualism, and the pursuit of prosperity, effectively marginalized various groups, including blacks, immigrants, radicals, and avant-garde artists, deeming them "un-American." Radicals, in particular, were scrutinized due to their ethnic origins (many anarchists and communists were of foreign descent), social beliefs (advocating for the proletariat contradicted individualism), and political convictions (being labeled as "reds" implied subservience to foreign powers like the Soviet Union).

During the "white terror" or red scare of 1919-1920, led by Minister of Justice A. Mitchell Palmer, hundreds of anarchists, socialists, and communists were arrested, some subjected

to beatings, and others deported to Russia [\[26, p. 119\]](#). Throughout the 1920s, strikes and labor movements faced violent suppression, exemplified by events like the Gastonia strike in North Carolina in 1929, which inspired novels such as "To Make My Bread" by Grace Lumpkin and "Beyond Desire" by Sherwood Anderson, both published in 1932. A defining moment in the exclusion of the "other" from the national community occurred in 1920 with the arrest of Nicola Sacco and Bartolomeo Vanzetti, anarchists and Italian immigrants, whose subsequent execution in 1927 became symbolic of America's rejection of certain groups [\[27, p. 371\]](#).

Questions arose about whether proletarian literature should exclusively feature proletarian authors, focus solely on proletarian themes, or adopt a particular stylistic approach. These debates were central to shaping the direction of the movement, particularly between "organic" intellectuals of the Communist Party and fellow travelers accused of wavering in their solidarity with workers.

The "Americanization" of Communist Discourse and the Triumph of Consensus in the American National Novel

Exclusivity is deeply rooted in American ideology, but it has been criticized more than once [\[28, pp. 1-39\]](#). The American Communists were accused of overemphasizing the peculiarities of capitalism in their country and of succumbing to factionalism. In particular, Stalin's speeches delivered at the presidium of the Executive Committee of the Communist International on May 6 and 14, 1929, were later translated and published in the United States as a pamphlet in 1931. Against this background, the debate around the relationship between communism and Americanism continued in party-related magazines throughout the 1930s, especially on cultural and literary issues [\[29, p. 13-36\]](#). For instance, in his article "Wilder: Prophet of the Genteel Christ," published in *The New Republic* in October 1930, Michael Gold, the editor of *New Masses*, criticized writer Thornton Wilder for his "cosmopolitanism": "Mr. Wilder is he Swedish or Greek, or is he American? A foreigner would have difficulty knowing this by reading his books" [\[30, p. 49\]](#). Even after the purges of the late 1920s and the alignment with the proletarian turn of the Comintern, the question of Americanness persisted. Writers and intellectuals who engaged with the Communist Party and its ideals during the 1920s and 1930s often grappled with their relationship to their own country. While vehemently condemning the capitalist system of the United States, many could not completely renounce the ideal of America. As early as 1921, Michael Gold saw in Walt Whitman the first American proletarian writer [\[22, pp. 20-24\]](#).

This convergence culminated in the politics of the popular front and Earl Browder's slogan in 1936: "Communism is the Americanism of the 20th century" [\[31, p. 104\]](#). Reflecting this shift, a debate published in *Partisan Review* and *Anvil* in 1936 on the relationship between Marxism and Americanism vividly illustrates the continuity many writers perceive between the promise of America and communism. For Joseph Freeman, the prideals of America inevitable lead to communism: "Long before I heard of Lenin, Long before the October Revolution, I leaned from America sources those ideas which, taken to their logical conclusion, lead straight to communism" [\[32, pp. 4-14\]](#). Proletarian novels abound with references to the symbols of America: The War of Independence, the 4th of July, the character of Washington, and the Declaration of Independence. These symbols aim to reconstruct a new America by dissociating its foundations from those of capitalism. This theme is evident in Clara Weatherwax's novel "Marching! Marching!" published in 1935. At the end of the book, one of the characters attending a union meeting declares:

"They talk about radical stuff from elsewhere. But communism is Americanism! That's what it is! Americanism? Didn't we make the revolution to create our country? To have our freedom of expression? To have a government for the people and by the people? And the people are not the masses? Well, I would like to see what we are if we are not the people. And now that all these bosses and politicians are running the country with their pockets full, it's time to take it back from them and run it for us, the people, again. We have already buried some, kings. We did it in 1776, and good God we're going to do it again" [\[33, p. 208\]](#).

The nation's history sets the stage for a communist revolution, wherein "the masses" and "the people" become synonymous. Once viewed as a foreign ideology, Marxism becomes seamlessly integrated into the national narrative.

In Michael Gold's autobiographical novel "Jews Without Money" (1930), a similar theme emerges. America is depicted as a land of illusion—a new Eden masking the reality of a new Egypt for Jewish immigrants—and as the land of the free, offering the narrator the opportunity to forge a new identity. Generational divides widen, with parents clinging to the relics of their past. At the same time, their children strive to embrace America despite its contradictions:

"The backyard was a curious spot. It had once been a graveyard. Some of the old American headstones had been used to pave our Jewish yard. The inscriptions were dated a hundred years ago. But we had read them all, we were tired of weaving romances around these ruins of America. Once we had torn up a white gravestone. What an adventure. We scratched like souls with our hands deep into the earth until we found moldy dirty human bones. What a thrill that was. I owned chunks of knee bone, and yellow forearms, and parts of a worm-eaten skull. I had them cached in a secret corner of my home, wrapped in burlap with other treasured playthings" [\[34, p. 62\]](#).

Through their actions, the children create a dual identity: they are seen as both the outsiders condemned by "native" Americans and the legitimate heirs to the abandoned remnants of the nation. The transformation from pristine tombs to weathered bones symbolizes reclaiming ownership as these artifacts find their way back into the hands of those who identify with them. Immigrant children aspire to take ownership of these remnants of America, even if they are worn and decayed. Their excitement arises from the rebellious act and the sense of pride in finally possessing a tangible piece of America, thereby solidifying their sense of belonging in this country.

The paradoxical integration of foreigners into the American narrative reaches its zenith in John Dos Passos' U.S.A. trilogy, where the characters of Sacco and Vanzetti – Italians, workers, anarchists – are likened to the pilgrim fathers fleeing England for the New World in the 17th century. They are thus portrayed as the true founders of America: "How can you know who are your betrayers, America, or that this fish peddler you have in Charlestown Jail is one of your founders, Massachusetts?" [\[35, p. 350\]](#).

Conversely, it is the "powerful" figures such as judges and university presidents who are depicted as traitors, foreigners, "strangers who have turned our language inside out who have taken the clean words our fathers spoke and made them slimy and foul" [\[35, p. 330\]](#). The conflict between two classes transforms into a battle between two Americas.

The appropriation of American symbols by proletarian and radical novelists raises questions about whether it amounts to an abandonment of dissent, merely reiterating the American

promise without fundamentally challenging it. However, this recourse to founding ideals can also be viewed as a deliberate form of protest, expressed within the framework of American rhetoric, aimed at exposing the construction of a national narrative that, despite its universal facade, ultimately serves to protect class interests. Despite this "Americanization" of communist discourse, the legacy of these works was discreet at best, quickly overshadowed by the more conciliatory tone of Popular Front productions. This raises broader questions about the American national novel's capacity to assimilate or erase dissenting voices and whether it ultimately signifies the triumph of consensus.

Conclusion: Towards Further Inquiry

This study was devoted to generalizing the most fundamental aspects of American proletarian literature, as a phenomenon of the 1920s and 30s, and left-wing political discourse, shedding light on the relationship between two phenomena directly related to American identity - the "Other" and the "American Dream".

To achieve this goal, we critically analyzed the concepts of the American dream, identifying its inherent biases and limitations in taking into account the diverse experiences and realities of marginalized communities. We have questioned the widespread notion of the American Dream as a universally achievable goal, given how systemic inequalities and entrenched social hierarchies prevent marginalized groups from realizing it.

In addition, we examined the approaches to the concept of the "other" that exist in interdisciplinary discourse, including postcolonial and feminist analysis. These approaches can hardly be automatically transferred to philology, but they seem very promising for the purposes of literary analysis: studying the internal logic of different ways of using the "other" makes it possible not only to simply admit that "there is no self without the "other", but to analyze different modalities of identity formation at any level and dialogical exceptions leading to social consequences such as exclusion and marginalization. However, the "Self"- "Other" relationship is not limited to antagonism and exclusion. The range of variants of "otherness" that can manifest themselves in different ways in relationships with the "Self" is wide, so we can talk about the "multiplication of hybrid identities."

The study of proletarian literature in combination with the left-wing political discourse of the 1920s-30s gives an idea of the complex interaction of politics, culture and literary criticism in the 1920s-30s and allows us to draw the following conclusions.

The marginalization of radical and proletarian works in subsequent decades, particularly after McCarthyism and shifts in literary academia, underscores the enduring influence of political ideology on cultural production and reception. This phenomenon highlights the importance of historical context in shaping literary discourse and transmitting literary heritage.

The enduring importance of proletarian literature lies in the formation of ideas about American identity and cultural heritage. Further research is needed to better understand the complexities associated with proletarian literature and its perception. Future research may focus on the broader socio-political context that influenced the creation and perception of these works, as well as their significance for modern understanding of American identity and cultural heritage. Moreover, studies of the interrelationship of race, gender and class in proletarian literature offer fertile ground for further research on identity construction and representation, exploring how the voices of marginals intersect and diverge within the proletarian literary landscape.

By continuing to explore the intersections of politics, culture, and literary criticism, scholars can contribute to a fuller understanding of the enduring legacy of proletarian literature and its relevance to contemporary discourse. The revival of interest in proletarian literature during the social upheavals of the 1960s and 1970s, as well as the revival of socialist discourse in recent years, indicates the continued relevance of these works. This revival not only helps to bring back the voices of the marginalized, but also encourages a critical reassessment of the dominant narratives and cultural representations.

This study's significant contribution lies in its elucidation of the concept of the "other" within the context of the American Dream. By highlighting the exclusionary nature of the idealized vision of success, we have underscored the pervasive systemic obstacles marginalized individuals and groups face. Immigrants, people of color, and others marginalized by societal structures often find themselves relegated to the periphery of the American Dream, denied equal access to opportunities and outcomes enjoyed by the dominant culture. While the American Dream remains deeply entrenched in American culture as a symbol of hope and opportunity, our study reveals the urgent need for introspection and action to address systemic inequalities and dismantle barriers to success. By recognizing the realities faced by "others" and confronting them, we can strive to forge a more inclusive vision of the American dream in light of ongoing discussions about social justice and equality.

Библиография

1. Alizadeh H., Sharifi A., Damanbagh S. et al. Impacts of the COVID-19 pandemic on the social sphere and lessons for crisis management: a literature review // *Nat Hazards*. – 2023. – Vol. 117. – pp. 2139-2164.
2. Merriam-Webster Dictionary. 2020 // Merriam-Webster Incorporated. URL: <https://www.merriam-webster.com>.
3. Abizadeh A. Does collective identity presuppose an other? On the alleged incoherence of global solidarity // *American political science review*. – 2005. – Vol. 99. – № 1. – pp. 45-60.
4. Wearing M. Preface / M. Wearing (Ed), *Social Identity*. New York: Nova Science Publishers, 2011. – 219 p.
5. Peiman A. B., Bahman Z. The formation of a hybrid identity in Tsitsi Dangarembga's *Nervous Conditions* // *African Journal of History and Culture*. – 2012. – Vol. 4 (3). – pp. 27-36.
6. DeVoto B. *DeVoto's West: History, Conservation, and the Public Good* / E. K. Muller (eds). Ohio University Press, 2005. – 312 p.
7. Oxford English Dictionary. 2024 // Oxford University Press. URL: https://www.oed.com/dictionary/american-dream_n?tl=true.
8. Pells R. H. *Radical Visions and American Dream: Culture and Social Thought in the Depression Years*. University of Illinois Press, 2004. – 448 p.
9. Cullen J. *Born in the U.S.A.: Bruce Springsteen and the American Tradition*. New York: HarperCollins, 1997. – 272 p.
10. Martin J. *Identity* / A. Jackson, P. Jackson, D. Sibley, N. Washbourne (eds), *Cultural Geograph: A Critical Dictionary of Key Concepts*. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2005. – pp. 97-102.
11. Greenblatt S. *Marvelous Possessions: The Wonder of the New World*. New York: Oxford University Press, 1991. – 202 p.
12. Pappas G. *The Magic City: Unemployment in a Working-Class Community*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. – 232 p.
13. Mohrem B. Examining the Concept of the «Other» According to Edward W. Said //

- International Journal Online of Humanities. – 2020. – Vol. 6 (2). – pp. 1-14.
14. Loomba A. Colonialism/Postcolonialism. Third edition. London: Routledge, 2015. – 312 p.
 15. Bhabha H. K. Remembering Fanon: Self, Psyche and the Colonial Condition / P. Williams and L. Chrisman (eds), Colonial Discourse and Postcolonial Theory, London: Routledge, 1994. – pp. 112-123.
 16. Said E. W. Orientalism. Penguin, 2003. – 396 p.
 17. Algren N. A Son of America. Paris: Editions 10/18, 2000. – pp. 21-30.
 18. Gold M. The Mike Gold Reader; from the writings of Michael Gold. New York: International Publishers, 1954. – 188 p.
 19. George A., Selzer J. What Happened at the First American Writers' Congress? Kenneth Burke's «Revolutionary Symbolism in America» // Rhetoric Society Quarterly. – 2003. – Vol. 33. – No. 2. – pp. 47-66.
 20. Freeman J. Introduction / G. Hicks, J. North, M. Gold, P. Peters, I. Schneider, A. Calmer (eds), Proletarian Literature in the United States. New York: International Publishers, 1935. – pp. 9-28.
 21. Swados H. The American Writer and the Great Depression. Indianapolis, IN: Bobbs-Merrill, 1966. – 521 p.
 22. Gold M. Towards Proletarian Art // The Liberator. – 1921. – Vol. 4. – pp. 20-24.
 23. Schrager A. L. The Syntax of Class: Writing Inequality in 19th century America. Princeton: Princeton University Press, 2003. – 168 p.
 24. Foster W. Z. Toward Soviet America. New York: International Publishers, 1932. – 87 p.
 25. Warren G. H. National Ideals and Policies // The Protectionist. – 1920. – pp. 71-81. URL: <http://millercenter.org/president/harding/speeches/readjustment>.
 26. Aaron D. Writers on the Left: Episodes in American Literary Communism. New York: Columbia University Press, 1992. – 494 p.
 27. Watson B. Sacco & Vanzetti: The Men, the Murders, and the Judgment of Mankind. New York: Viking, 2007. – 433 p.
 28. Stalin J. Stalin's Speeches on the American Communist Party. New York: Central Committee, Communist Party USA, 1931. – pp. 1-39.
 29. Fried A. Communism in America. A History in Documents. New York: Columbia University Press, 1997. – 435 p.
 30. Gold M. Thornton Wilder: Prophet of the Genteel Christ // The New Republic, LXIV, 1954. – 266 p.
 31. Browder E. What is Communism. New York, Workers' Library, 1936. – 254 p.
 32. Theodore D. What is Americanism? A Symposium on Marxism and the American Tradition // Partisan Review. – 1936. – Vol. 3. – No. 3. – pp. 4-14.
 33. Weatherwax C. Marching! Marching!. New York: The John Day Company, 1935. – 256 p.
 34. Gold M. Jews Without Money. New York: Carroll and Graf, 1996. – 320 p.
 35. Dos Passos J. The Big Money. New York: Houghton Mifflin, 2000. – 448 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Американская мечта и определение «другого» предлагаемая к публикации в журнале «Litera» на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей реализации «американской мечты», которая долгое время была центральным принципом

национального духа в Соединенных Штатах.

В этой статье автор исследует пересечение американской мечты и концепции «другого», стараясь выявить, как эти две идеи взаимодействуют и формируют социальный ландшафт Соединенных Штатов.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. Однако не совсем понятно к какой области относится исследования, так как ни филологической, ни философской методологии автором не было применено в ходе исследования. Неясен практический материал исследования, на который автор опирается в своей работе. Теоретические измышления не иллюстрируются статистическими данными или языковыми примерами, а также не представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Работа создает впечатление компиляционной, нежели чем исследовательской.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, основной части и выводов. Структурно во введении отсутствует постановка проблематики, нет четких целей и задач, что не позволяет сопоставить вводную часть с выводами по итогам работы. Вводная часть не позволяет сделать вывод о наличии новизны исследования и восполнении научной лакуны.

В основной части отсутствует ход исследования, позволяющий сделать суждение о наличии научной методологии. Суждения автора не подкреплены научными данными, примерами, статистическими выкладками.

Заключение в статье в научном понимании отсутствует. Автор не приводит выводов, которые можно было сопоставить с поставленными задачами, также отсутствует перспектива дальнейшего исследования.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены работы как российских, так и зарубежных исследователей. Неясно зарубежные работы приведены в русском переводе или автор перевел названия книг самостоятельно.

Считаем, что обращение к научным работам российских исследователей, таких как диссертации и монографии по сходной тематике, несомненно, обогатило бы теоретическую оставляющую работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории и культуры. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Американская мечта и определение «другого» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения корректив, а именно уточнение методологии исследования, его цели и задач; подтверждения выводов практическим материалом, подученным в ходе исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Американская мечта и определение «другого»» автор видит «идентичности, динамику власти и социального неравенства ... присущих осуществлению Американской мечты в американском обществе», фактически же, автор

анализирует рабочее движение Америки между двумя войнами 20 века. То есть, в статье присутствует несоответствие между заявленным и реальным предметом исследования. Методология исследования, заявленная автором, претендует на единство социологического, культурного и исторического анализа Американской мечты и ее взаимосвязи с концепцией "Другого". Фактически в статье автор предлагает небольшой обзор исследовательских трактовок концепта «американская мечта» и концепции «Другого» в его этническом аспекте и исторический анализ положения рабочего как Другого, на основании американской литературы 20-30-х годов.

Актуальность исследования, по замыслу автора, связана с критикой распространенного представления об Американской мечте как об универсальной и достижимой цели, выявлением механизмов, конструирования «Другого» как представителя иной расы, этнической принадлежности, класса, пола и других осей идентичности в американском обществе.

Научная новизна статьи должна была бы состоять в раскрытии критического потенциала концепта «Другой» по отношению к декларируемому универсализму американской мечты, что к сожалению, не происходит.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, однако логика построения работы нарушена. Автор допускает логическую ошибку, заключающуюся в несоответствии поставленных целей и реально осуществленных задач. Ряд выводов статьи носят декларативный характер. Примером этому может служить утверждение о том, что «тщательно изучая различные аспекты Американской мечты, мы выявили системные барьеры и неравенство, увековечивающие ее неуловимый характер, особенно для маргинализированных сообществ», поскольку «различные аспекты» представлены в работе рассмотрением нескольких литературных произведений и не затрагивают никакие другие аспекты культуры и социальной жизни Америки, выводы слишком глобальны по отношению к проводимой в статье аналитике. Отсутствует в работе и заявленная методология – «качественный подход, включающий контент-анализ и дискурсивный анализ», которые по замыслу автора, должны были бы позволить «детально разобраться в сложностях Американской мечты и ее последствиях для сплоченности общества».

Структура и содержание представленной работы не полностью соответствуют заявленной теме. В заглавии и введении, автор выражает намерение исследовать динамику трактовок «американской мечты» и практики ее критики с позиции маргинализированных групп, на которых не распространяются реалии «равных возможностей». Автор заявляет, что его исследование направлено на изучение «последствий этой динамики для более широкой социальной справедливости и равенства». Однако содержание статьи значительно уже и ограничивается констатацией "выпадения" из американской мечты представителей рабочего класса. Рассматривая концепцию «Другого», автор берет тот ее аспект (ссылаясь на исследования Лумба, Бхабха и Саида), который делает это понятие ключевым для формирования гибридной идентичности, отражает отношение колонизатора к колонизируемому. Однако, эта теоретическая посылка не рассматривается на фактическом материала. Во второй части статьи речь идет о «пролетарской литературе» Америки 20-30-х годов, отражающей позицию рабочего как Другого, который, несмотря на преследования властей, оказывается увлеченными коммунистическими идеями, связывая их с традиционными ценностями американской культуры. Получается, что первая часть статьи, посвященная постановке проблемы и анализу того, чем по сути является нарратив «американской мечты» делает серьезную заявку на более глубокое исследование, чем то, которое фактически содержится во второй части работы. Автор обещает в первой части статьи «рассмотрение потенциальных путей устранения системного неравенства и формирование более

инклюзивного видения американской мечты», но этого не происходит, в качестве выводов автор подчеркивает «непреодолимое значение пролетарской литературы в формировании представлений об американской идентичности и культурном наследии». Вызывает вопросы и представление статьи на английском языке, что могло быть оправдано тематикой работы, если бы вся используемая автором литература не была либо исходно русскоязычной, либо переведённой на русский язык.

В настоящем виде статья не может быть рекомендована к публикации. Однако, тема, поднимаемая автором весьма интересна и ракурс рассмотрения – американской мечты сквозь призму Другого – весьма продуктивен. Автору необходимо при переработке статьи реализовать дону из двух стратегий: либо доработать фактическую часть исследования в соответствии с заявленными в первой части целям и для этого принять в круг рассмотрения не только дубовость рабочего, но и этнических, гендерных, религиозных «Других», не ограничиваясь литературными источниками. Либо, сделав ставку на второй части работы, согласовать с ней цель и задачи исследования, так чтобы выводы относительно «пролетарской литературы» соответствовали теме исследования.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В условиях идеологического противостояния и все усиливающегося давления со стороны коллективного Запада на Россию становится актуальным исследование идеологического дискурса, который находится в полярном отношении к главенствующим идеям экономики потребления и крайнего индивидуализма с их тягой к навязыванию идеи превосходства рационального и успешного человека «передового» мира. Так, данная статья посвящена исследованию изучению политического дискурса с «левым» уклоном в литературе США 1920-30х годов, а именно феномену «Другого». Автор весьма последовательно и четко раскрывает предмет исследования, сформулированы его основная цель и ключевые задачи. В структурном отношении статья разбита на тематические подзаголовки, что делает восприятие материала очень удобным для читателя. Научная и практическая новизна не вызывают сомнений, а тематика исследования вполне релевантна проблематике журнала Litera. Список литературы представлен значительным количеством зарубежных источников. Статья производит впечатление законченного и полноценного исследования, выполнена на достаточно высоком научном уровне и может быть рекомендована к публикации без внесения каких-либо значимых исправлений или дополнений. Данное исследование вызовет значимый интерес у читательской аудитории журнала и всех специалистов, которые интересуются проблематикой идеологического и культурного спектра в философской литературе. К небольшому замечанию критического плана могло бы быть отнесено отсутствие какой-либо визуализации и инфографики, которая на наш взгляд могла бы наиболее наглядно описать феномен «другого» в американской литературе исследуемого периода. In conditions of ideological confrontation and ever-increasing pressure from the collective West in Russia, the study of ideological discourse, which is in polar relation to the leadership of the ideas of the consumer economy and, to some extent, individualism with their craving for imposing the ideas of the superiority of the reasonable and profitable person of the "advanced" world, becomes relevant. . So, a spectacular article devoted to the study of the political course of the United States with a "leftist" bias in the

book of the 1920s and 30s, namely the phenomenon of the "Other". The author reveals the subject of the study in great detail and clearly, formulates its main goal and main objectives. Structurally, the article is divided into thematic subheadings, which makes the perception of the material very convenient for the reader. The scientific and practical novelty is beyond doubt; the case studies are fully consistent with the issues of the *Litera* journal. List of literature presented from foreign sources. The article gives the impression of a complete and reliable study performed at a fairly high scientific level and may be preferable for publication without making any significant corrections or additions. This study is of considerable interest in scientific journals and all readers who are interested in problems of an ideological and cultural nature in philosophical literature.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фан С. Особенности проявления карнавального начала в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70966 EDN: GXCZKY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70966

Особенности проявления карнавального начала в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект»

Фан Сяожань

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ jm.fang@foxmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70966

EDN:

GXCZKY

Дата направления статьи в редакцию:

01-06-2024

Дата публикации:

08-06-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению феномена карнавализации в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». В работе анализируются ключевые проявления карнавализации в повести, такие как создание игровой атмосферы, стирание границ между реальным и фантастическим, метаморфозы героев, использование гротеска и совмещение комического с трагическим. Особое внимание уделяется образу Невского проспекта как карнавализованного пространства, где происходит смешение различных социальных слоев, масок и ролей. Также в статье рассматриваются параллельные сюжетные линии поручика Пирогова и художника Пискарева. Исследование демонстрирует, как Гоголь мастерски использует элементы карнавализации для создания многогранной и амбивалентной картины жизни, в которой высокое и низкое, трагическое и комическое сочетаются и взаимодействуют друг с другом. В работе,

наряду с общенаучными методами анализа, синтеза и обобщения, используется описательный и сопоставительный методы. Научная новизна данной работы заключается в рассмотрении сцены смерти главного героя повести художника Пискарева, в аспекте теории карнавала. По результатам проведенного исследования установлено, что в повести «Невский проспект» ярко проявляются ключевые особенности карнавализации: создание игровой, праздничной атмосферы в конкретном пространстве Невского проспекта; стирание иерархических и социальных различий между персонажами; переплетение иллюзорного и реального миров; использование гротескных образов и совмещение смехового начала с трагическим. Особое внимание уделяется анализу сцены самоубийства Пискарева, которая рассматривается как кульминация карнавального действия, где трагическое событие приобретает амбивалентный характер и становится своеобразным символом краха романтических иллюзий героя. Карнавальная образность позволяет Гоголю передать собственное видение Петербурга как города контрастов, где высокое граничит с низменным, а красота превращается в пошлость. Таким образом, исследование вносит значительный вклад в понимание роли карнавализации в художественном мире повести «Невский проспект» и расширяет представление о творческом методе Н.В. Гоголя.

Ключевые слова:

Невский проспект, Г о г о л ь , карнавализация, о б р а з , с м е х , метаморфоза, амбивалентность, карнавальный гротеск, комическое, трагическое

Введение

Термин *карнавализация* был введен в литературоведение М.М. Бахтиным для описания воздействия античных и средневековых народных празднеств и обрядовых действий, известных как «карнавал», на образно-символическое мышление и творческую память человека. Концепция карнавализации основана М.М. Бахтиным на анализе произведений Ф. Рабле и Ф.М. Достоевского, а также на изучении древнегреческих и римских карнавалов [\[1\]](#).

Во многих работах, посвященных изучению проблематики и поэтики повести «Невский проспект», затрагивается феномен карнавализации. Так, А.Д. Соловьева отмечает амбивалентность мечты в повести [\[10\]](#). И.А. Завьялова рассматривает элементы, образующие поэтику гоголевского гротеска как особой формы комического, в частности, особенности организации пространства и времени и воплощение мотивов рождения и смерти в их связи с христианской традицией [\[6\]](#). С.В. Каратаева исследует специфику репрезентации телесного начала в повести [\[7\]](#). О карнавальной традиции в целом в творчестве писателя говорит Ю.В. Манн [\[8\]](#).

Основная часть

Произведения Н. В. Гоголя во многом пронизаны мироощущением карнавала. Писатель умело использовал карнавальные образы и темы для создания своего неповторимого художественного мира. Карнавальное начало стало для Гоголя способом выражения отношения к человеку и обществу, искусству и жизни, мечте и реальности. Карнавальное начало в повести «Невский проспект» воплощается на нескольких уровнях: в системе образов, организации сюжета и композиции. Невский проспект в повести предстает в виде карнавального пространства, где причудливо переплетается реальное и

фантастическое, трагедия и комедия, благородство и пошлость.

Повесть «Невский проспект» принято относить к так называемым «петербургским» повестям Гоголя. Карнавальное начало реализуется здесь прежде всего через образ Невского проспекта. Эта главная магистраль Санкт-Петербурга предстает как своего рода театральная сцена, на которой разворачивается пестрое карнавальное действо с участием представителей разных сословий.

По мысли М. Бахтина, во время карнавала «жизнь на короткий срок выходит из своей обычной, узаконенной и освященной колеи и вступает в сферу утопической свободы» [\[1, с. 103\]](#). На Невском проспекте стираются сословные границы, представители разных слоев общества смешиваются в пеструю толпу. На улице «старухи в изодранных платьях и салопях, совершающие свои наезды на сострадательных прохожих» и «нищие собираются у дверей кондитерских на черствые пироги и объедки» [\[4, с. 8\]](#). Для этих людей Невский проспект — место, где можно заработать на жизнь, более того, эта улица выступает и как «выставка всех лучших произведений человека» [\[4, с. 11\]](#), где можно встретить «служащих с бархатными, атласными бакенбардами» [\[4, с. 9\]](#), «дам с тысячами сортами шляпок, платьев и платков» [\[4, с. 9\]](#) и «людей с перстнем с талисманом» [\[4, с. 11\]](#).

Невский проспект в повести Гоголя напоминает читателю маскарад, иллюзорный мир, где люди ходят в масках. Согласно Бахтину, «в романтическом гротеске маска, оторванная от единства народно-карнавального мироощущения, получает ряд новых значений, чуждых ее изначальной природе: маска что-то скрывает, обманывает и т.д.» [\[1, с. 121\]](#). Мотив Обмана в повести выражается в постепенном стирании границ между реальностью и миражом. Автор подчеркивает неустойчивость и обманчивость Невского проспекта: «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» [\[4, с. 39\]](#).

В эпизоде, где художник Пискарев воспылал страстью к незнакомой красавице, Гоголь мастерски показывает, как истончается эта грань в восприятии героя. Пискарев, увидев прекрасную незнакомку, тут же погружается в мир фантазий и мечтаний, теряя связь с реальностью. «Тротуар неся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу, и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз» [\[4, с. 15\]](#). Данный фрагмент показывает, как реальность искажается в восприятии героя, как грань между действительностью и фантазией становится зыбкой и неуловимой.

М. Бахтин говорит о карнавале как о «второй жизни», «втором мире» [\[1, с. 21\]](#). Ритуалы и формы развлечений, основанные на смехе, придают миру и межличностным отношениям неофициальный характер. Это позволяет временно отстраниться от официальной жизни и погрузиться во вторую, карнавальную реальность. Такое двоемирие существовало в человеческом сознании на начальных этапах культурного развития в Средние века, и в эпоху Возрождения.

Карнавальный принцип означает сосуществование и переплетение двух противоположных миров. В «Невском проспекте» этот принцип воплощен в параллельных сюжетных линиях поручика Пирогова и художника Пискарева, которые представляют собой два контрастных мировосприятия, два способа взаимодействия с реальностью. Их жизни разворачиваются в противоположных пространствах: обыденном мире и мире возвышенных грез. Оба персонажа были очарованы фантастическим Невским

перспектом, но когда они столкнулись с крахом своей представлений, то оба пережили своего рода прозрение.

Ценностными ориентирами Пирогова являются повседневные, материальные вещи, а не возвышенные идеалы, он гонится за мимолетным счастьем. Преследуя белокурую незнакомку, Пирогов стремительно скрылся в подворотне одного из довольно захудалых домов. Его приключения разворачиваются в прозаическом мире немецких ремесленников, где царят грубые нравы и плотские утехы. Столкновение с этой реальностью для Пирогова становится своего рода отрезвляющим опытом, после которого он возвращается к привычной жизни. Поручик Пирогов с самого начала относился к встрече с замужней блондинкой как к приключению и не стремился к глубокой привязанности. И хотя он чувствует себя незаслуженно оскорбленным, у него хватает практичности и легкомыслия, чтобы быстро выкинуть из головы этот неприятный инцидент. Автор саркастически замечает: «Но все это как-то странно кончилось: по дороге Пирогов зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, прочитал кое-что из «Северной Пчелы» и вышел уже не в столь гневном положении» [\[4, с. 38\]](#).

Напротив, внутренний мир Пискарева – это мечтательный идеалистический мир, далекий от реальности. Герой находится в том состоянии, когда все вокруг являет собой некое неземное сияние, когда люди испытывают необъяснимое наслаждение, все хорошее становится еще лучше. Он «робок и странен», живет в благородном мире грез. Пискарев идеализирует случайно встреченную красавицу и считает ее «божеством». Столкновение с прозаической реальностью публичного дома становится трагедией героя. Не в силах совместить гнусную реальность с романтическими идеалами, он предпочитает уйти в свой мир грез и предаться вечному сну. Совершенно разные жизненные ситуации Пискарева и Пирогова отражают главную идею повести «Невский проспект», которую Г.А. Гуковский, сформулировал так: «...пошлость блаженствует, а благородство гибнет в муках...» [\[5, с. 336\]](#).

Через историю Пирогова и Пискарева автор раскрывает суть карнавального характера Невского проспекта, который является пространством, где сталкиваются начала двух полюсов бытия. Невский проспект – это испытание для героев, заставляющее их отказаться от своих фантазий и столкнуться с неприглядной стороной жизни. Но если для Пирогова это испытание было всего лишь забавной любовной неудачей, то для Пискарева оно стало настоящей трагедией, разрушившей его романтический мир. Так воплощается Гоголем карнавальный принцип амбивалентного мира, объединяющий возвышенное и низменное.

Символическим пространственным образом, раскрывающим двойственную природу мира в повести «Невский проспект», является лестница. Прежде всего, образ лестницы представляет собой ниспровержение и смещение реального пространства. Описание лестницы неоднократно встречается в повести, например, когда Пискарев впервые видит красавицу, «лестница вилась, и вместе с нею вились его быстрые мечты» [\[4, с. 18\]](#). Пискарев бежал со всех ног, «взлетал» по лестнице, но путь в рай оказывается путем в ад. Перед героем раскрывается вся низменная и презренная жизнь, и, чтобы вернуться к реальности, по лестнице надо сбегать вниз. Как отмечает Бахтин, для карнавала характерна «логика непрерывных перемещений верха и низа» [\[1, с. 20\]](#). Таким образом, контраст между мечтой и реальностью становится еще более ощутимым. Лестница превращается в пространственный туннель, связывающий возвышенный мир иллюзий и низменную реальность.

Во-вторых, образ лестницы разделяет мир надвое. В сцене, когда Пискарев во сне посещает бал, «воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверх» [4, с. 19]. Блестящие перила наводят на мысль о роскоши, в отличие от грязной, темной лестницы в реальности. Можно сказать, что лестница во сне – это вход в царство веселья, символизирующий начало сна, который ведет человека в мир сновидений. Известно, что «основное карнавальное действие – шутовское увенчание и развенчание короля» [1, с. 20]. Пискарев, который в реальности является бедным художником низкого статуса, во сне становится почетным гостем на балу и танцует с выбранной им девушкой. Лестница выступает как мост между двумя различными состояниями, позволяя ему на время ощутить карнавальное мироустройство, в котором стираются привычные социальные грани.

На протяжении всей повести образ лестницы проходит через жизненную траекторию главных героев. Для Пискарева лестница служила своеобразным порталом между реальностью и мечтами, а история Пирогова разворачивалась в карнавальном пространстве, где «верх» и «низ» символизировали не только физическое расположение, но и противоположные полюса социальной иерархии. Лестница образно отражает перипетии в судьбе героев, символизируя иллюзорную радость и жестокое разочарование. Бинарные оппозиции «идеал и реальность», «благородное и скромное» подобны верху и низу лестницы, персонажи теряются между ними и не могут обрести гармонию и устойчивость в жизни.

Важным проявлением карнавала становятся мотивы метаморфозы и переодевания. М. Бахтин отмечает, что для карнавала характерны «перемена одежд и своего социального образа: переодевания, превращения» [1, с. 86]. Эти явления связаны с мыслями об изменчивости и непостоянстве. В иллюзорном мире внешность может обманывать людей, а истинная сущность, как правило, скрыта под маской. Трансформация отражается в изменении взгляда главного героя на окружающий мир и людей. После встречи с прекрасной незнакомкой на Невском проспекте внутренний мир Пискарева претерпевает ряд изменений: «Боже, какие глаза! Все положение, и контура, и оклад лица — чудеса! <...> Такая красавица, такие божественные черты — и где же? в каком месте!..» [4, с. 18]. Сначала Пискарев был счастлив, но, обнаружив, что эта красивая женщина была всего лишь обычной проституткой, он испытал глубокое разочарование.

Мотивы метаморфозы и переодевания отражаются и в том, как по-разному Пирогов относится к окружающим его людям в разных ситуациях. Когда Пирогов погнался за красавицей, он впервые увидел жестящика Шиллера. Пирогов вежливо вел себя, он «слегка наклонился и с свойственной ему приятностью сказал: Вы извините меня...» [4, с. 32]. Но, когда он повернулся к блондинке, его поведение стало очень легкомысленным: «А, здравствуйте, моя миленькая! вы меня не узнали? плутовочка, какие хорошенькие глазки! — при этом поручик Пирогов хотел очень мило поднять пальцем ее подбородок» [4, с. 33]. Свежесть впечатлений и волнение первой встречи мешали Пирогову контролировать свои мысли, и в тот момент он был вульгарен. Но, когда Пирогов и блондинка встретились снова, чтобы произвести хорошее впечатление и продемонстрировать свое обаяние, «Пирогов поступил на этот раз довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показал всю красоту своего гибкого перетянутого стана» [4, с. 37]. На этот раз он был так же вежлив, как и при первой встрече с Шиллером.

Карнавальный гротеск и смех проявляются в повести через сочетание трагедии и

комедии, высокого и низкого. В.Г. Белинский характеризует Невский проспект так: «...это две полярные стороны одной и той же жизни, это высокое и смешное о — бок друг другу» [\[3, с. 178\]](#).

Использование Гоголем приема карнавального гротеска и смеха для создания контрастов подчеркивает абсурдность и иллюзорность мира Невского проспекта. В описании этого городского пространства наблюдается следующее явление. Части тела, элементы одежды, должности, звания занимают место человека и существуют отдельно от него. Г.А. Гуковский утверждает, что описания Гоголя «лишены черт индивидуального портрета» [\[5, с. 261\]](#). И.Н. Шатова предлагает новый вариант интерпретации этого явления, указывая на «присутствие элементов карнавального гротеска в произведении Гоголя (редукция персонажа до одного внешнего признака)» [\[12\]](#). Так, Шиллер не считал свой нос простым органом тела, тот факт, что нос является символом огромного аппетита к табаку, побуждает бережливого Шиллера принять меры к избавлению от своего разорителя.

Карнавальный гротеск подразумевает размывание границ, инверсию повседневных иерархий, акцент на теле, а не на духе или разуме человека. В карнавальной культуре тело и его части часто выступают в качестве символов общественных процессов. Использование Гоголем карнавального гротеска для подчеркивания искусственности и условности социального статуса и ролей делает его героев одновременно смешными и жалкими, закладывает трагический подтекст повести.

Трагедия и комедия переплетаются в истории Пискарева. Жгучее чувство к брюнетке закладывает основу для трагедии, когда выясняется, что она на самом деле женщина легкого поведения. Однако трагедия Пискарева приобретает комическое измерение, когда он пытается спасти красавицу, полагаясь на фантазию и советуя ей жить по законам добродетели.

В «Невском проспекте» гротеск становится реалистическим способом художественного обобщения. Гоголь использует карнавальные образы, чтобы показать иллюзорность бытия и трагичность человеческого существования. Соединяя высокое и низкое, трагическое и комическое, писатель создает многомерную картину мира, где смех одновременно обнажает и утверждает богатство и противоречивость жизни.

Карнавальное начало отразилось и в сцене смерти Пискарева. Этот эпизод привлекал внимание многих ученых, отмечавших роль социальной среды в трагической судьбе Пискарева (Н.Л. Степанова, В.В. Жданова, Е.С. Роговер, Т.А. Калганова и др.). Д.А. Нечаенко связывал смерть Пискарева с мистериальным действием, карнаваллизацией [\[9\]](#). На первый взгляд, в повести представлен трагический сюжет: разочаровавшийся в жизни художник решает покончить с собой. Однако автор изображает смерть главного героя в гротескно-карнавальном ключе, соединяя трагедию и комедию.

Смерть в карнавальной системе координат выражается в «сочетании смерти со смехом» [\[1, с. 437\]](#). В повести сцена смерти Пискарева ассоциируется со смехом красавицы и её приятельницы. Образ красавицы сопровождается смехом, по мере развития сюжета восприятие смеха Пискаревым претерпевает изменения.

Первая встреча Пискарева с красавицей происходит на Невском проспекте. Следуя за ней, он боится быть замеченным. Однако, когда красавица оборачивается, Пискареву кажется, что на ее губах мелькает легкая улыбка: «Красавица оглянулась, и ему показалось, как будто легкая улыбка сверкнула на губах ее» [\[4, с. 15\]](#). Эта мимолетная

улыбка зарождает в сердце Пискарева чувство влюбленности.

Тем не менее, при следующей встрече в приюте восприятие улыбки красавицы меняется. Ее улыбка приобретает оттенок пошлости и наглости: «Красавица значительно улыбнулась, эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости» [\[4, с. 17\]](#). Идеальный образ богини, созданный Пискаревым, начинает разрушаться.

Окончательный крах иллюзий Пискарева происходит, когда он пытается убедить красавицу изменить свою жизнь. Смех красавицы и ее приятельницы полон сарказма и издевки: «приятельница сделала какую-то глупую мину на жалком лице своем, которую чрезвычайно рассмешила красавицу» [\[4, с. 27\]](#). Смех перестает сопутствовать красоте и любви, становясь одним из факторов, толкающих Пискарева на самоубийство. По словам Л.Ю. Фуксона, «в мире «Невского проспекта» улыбка и смех совершенно лишены подлинной веселости» [\[11, с. 24\]](#). Смех раскрывает иллюзии главного героя, обнажает несовершенство мира. Именно через улыбку и смех раскрывается трагический переход Пискарева от фантазии к отчаянию.

Хотя карнавальная смерть подчеркивает прямое столкновение героя со смертью, она не подразумевает пассивное ожидание смерти как конца жизни, которая может наступить в любой момент, а, скорее, трактует уход из жизни как неотъемлемую часть ее циклического развития, в которой смерть неизбежно сопровождается обновлением жизни. Гоголевский образ смерти носит амбивалентный характер. Согласно теории Бахтина, «Рождение и смерть представляют собой утвердительный и отрицательный уровни дуализма, а образ карнавальной смерти содержит и рождение, и смерть» [\[1, с. 438\]](#), и смерть всегда «чревата новым рождением» [\[1, с. 304\]](#).

На этом основании К.В. Барина выдвигает идею о том, что смерть может быть связана с сексуальными образами. [\[2, с. 8\]](#) Так, приют служит местом для занятия секс-бизнесом и местом, где разрушаются прекрасные фантазии главного героя. Мечты Пискарева и его стремление к идеальной женщине воплощают подавленное сексуальное желание. Его идеализация женщины и стремление к недостижимому идеалу красоты могут рассматриваться как форма сублимации сексуальных порывов, которая в конечном итоге приводит к психологическому конфликту и трагической развязке. Кроме того, стремление Пискарева к воплощению своего идеала можно рассматривать как метафору «рождения», отражающую его желание возвращать и создавать прекрасное. Когда возможность такого «рождения» разрушается столкновением с реальностью, герой выбирает саморазрушение и смерть, чтобы избавиться от боли. Причем смерть Пискарева – это не только наказание за излишнюю мечтательность, но и избавление от трагической реальности. Для главного героя смерть – это карнавальное «облегчение», после которого начинается возрождение.

Сцена смерти Пискарева воспринимается и как естественное следствие распада жизни, и как гротескная случайность. Трагедия лишена смысла и напоминает абсурдный фарс.

Смерть главного героя изображается через описание инструментов, к ней приведших, — руки и маленькой бритвы: «Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутым рукам и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была неверна...» [\[4, с. 28\]](#). Рука – это часть тела, которая олицетворяет жизнь и подвижность. Маленькая бритва в качестве ежедневного инструмента для ухода за собой должна была использоваться для поддержания опрятности и приличия в жизни. И тот, и другой образ изначально связан с жизнью и бодростью, но в сцене смерти

Пискарева они становятся убийственными инструментами для завершения жизни, олицетворяя собой двойственный характер смерти, тонкую грань между жизнью и смертью. По сравнению с другими способами самоубийства (например, повешение, принятие яда и т.д.) самоубийство с помощью маленькой бритвы кажется еще более неэффективным и трудоемким. Этот, казалось бы, непрактичный способ смерти, с одной стороны, подчеркивает твердое намерение Пискарева покончить с собой, а с другой стороны — еще больше усиливает абсурдный, антигероический характер смерти, делая ее похожей на фарс.

Сцена смерти Пискарева полна карнавальных образов. Автор использует гротеск, чтобы соединить трагедию и комедию, высокое и низкое. Смерть главного героя одновременно трагична и гротескна, карательна и освободительна. Через гротескное изображение смерти Пискарева Гоголь раскрывает иллюзорность романтического взгляда на жизнь и трагичность человеческой судьбы.

Заключение

Повесть Н.В. Гоголя «Невский проспект» воплощает ключевые особенности карнавализации в творчестве писателя: 1) создание игровой, праздничной атмосферы на Невском проспекте, где стираются границы между реальным и фантастическим, трагедией и комедией; 2) стирание иерархических и социальных различий между персонажами в пространстве Невского проспекта; 3) переплетение иллюзорного и реального миров, метаморфозы и переодевания героев; 4) использование гротескных образов и совмещение смехового начала с трагическим; 5) амбивалентность карнавальных образов, где высокое соседствует с низменным, а красота превращается в пошлость.

Таким образом, карнавализация является одной из ключевых особенностей поэтики Гоголя в «Невском проспекте» и позволяет писателю создать многомерный, противоречивый образ Петербурга как города контрастов.

Библиография

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Баринова К.В. Особенности проявления и трансформация карнавального начала в пьесе Николая Эрдмана «Самоубийца» // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2009. № 319. С. 7–10.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1976. 736 с.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 3: Повести. М.: Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009. 688 с.
5. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. 532 с.
6. Завьялова И.А. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя: гротеск в изображении «Странного города» // Известия Самарского научного центра РАН. Самара. 2012. № 2(3). С. 727–731.
7. Каратаева С.В. «Невский проспект»: поэтика телесности // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. Барнаул. 2009. № 9. С. 108–117.
8. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Изд-во «Coda», 1996. 474 с.
9. Нечаенко Д.А. О современной трактовке сновидений художника Пискарева в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1499/> (дата обращения 24.05.2006).

10. Соловьева А.Д. Амбивалентность мечты в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Палимпсест: литературоведческий журнал. Нижний Новгород. 2022. № 3(15). С. 15–24.
11. Фуксон Л.Ю. Символический и ценностный аспекты интерпретации литературного произведения (повесть Гоголя «Невский проспект») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М.: 1997. Т. 56. № 5. С. 22–29.
12. Шатова И.Н. О карнавальной природе ранней прозы К. Вагинова // Мова і культура. Киев. 2009. Вып. 11. Т. 11. С. 258–265

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проза Н.В. Гоголя рассматривается в истории литературы многогранно. Исследователи уделяют должное внимание форме его текстов, сюжетике, образному ряду, языку, стилю. Вариантов трактовки «Невского проспекта» в критике достаточно. Однако, новый взгляд, новая вариация вполне интересна, и может иметь место. Автор рецензируемой статьи касается особенностей проявления в повести Н.В. Гоголя карнавального начала. Считаю, что подобный формат постановки проблемы уместен, при этом же тема соотносится с одной из рубрик издания. Работа целостна, достаточно системна, аналитически выверена. Начало труда предваряет отсылка к исследованиям М.М. Бахтина, в частности отмечено, что «термин карнавализация был введён в литературоведение М.М. Бахтиным для описания воздействия античных и средневековых народных празднеств и обрядовых действий, известных как «карнавал», на образно-символическое мышление и творческую память человека. Концепция карнавализации основана М.М. Бахтиным на анализе произведений Ф. Рабле и Ф.М. Достоевского, а также на изучении древнегреческих и римских карнавалов». На мой взгляд, не помешала бы в этом месте красивая цитата, с правильным оформлением – «...» [7, стр. 876]. Теоретические отсылки убедительны, они играют роль маркеров путей анализа. Чередование собственно практического и теоретического выигрышно для научного изыскания. Текст дробится на смысловые блоки, это правильно, следить за развитием мысли элементарно удобнее. Стиль данного сочинения соотносится с научным типом; термины и понятия, которые используются в работе, унифицированы. Оценка, трактовка, понимание специфики «Невского проспекта» на уровне целого объективна. Например, «произведения Н. В. Гоголя во многом пронизаны мироощущением карнавала. Писатель умело использовал карнавальные образы и темы для создания своего неповторимого художественного мира. Карнавальное начало стало для Гоголя способом выражения отношения к человеку и обществу, искусству и жизни, мечте и реальности. Карнавальное начало в повести «Невский проспект» воплощается на нескольких уровнях: в системе образов, организации сюжета и композиции. Невский проспект в повести предстает в виде карнавального пространства, где причудливо переплетается реальное и фантастическое, трагедия и комедия, благородство и пошлость», или «карнавальный принцип означает сосуществование и переплетение двух противоположных миров. В «Невском проспекте» этот принцип воплощен в параллельных сюжетных линиях поручика Пирогова и художника Пискарева, которые представляют собой два контрастных мировосприятия, два способа взаимодействия с реальностью. Их жизни разворачиваются в противоположных пространствах: обыденном мире и мире возвышенных грез. Оба персонажа были очарованы фантастическим Невским проспектом, но когда они столкнулись с крахом своей представлений, то оба пережили своего рода прозрение» и т.д. Тема по ходу работы раскрывается

планомерно, явных фактических нарушений не выявлено. Автору удастся посмотреть на гоголевский текст как в целом, так и в деталях. Например, «символическим пространственным образом, раскрывающим двойственную природу мира в повести «Невский проспект», является лестница. Прежде всего, образ лестницы представляет собой ниспровержение и смещение реального пространства. Описание лестницы неоднократно встречается в повести, например, когда Пискарев впервые видит красавицу, «лестница вилась, и вместе с нею вились его быстрые мечты», или «Важным проявлением карнавала становятся мотивы метаморфозы и переодевания. М. Бахтин отмечает, что для карнавала характерны «перемена одежд и своего социального образа: переодевания, превращения» [1, с. 86]. Эти явления связаны с мыслями об изменчивости и непостоянстве. В иллюзорном мире внешность может обманывать людей, а истинная сущность, как правило, скрыта под маской. Трансформация отражается в изменении взгляда главного героя на окружающий мир и людей. После встречи с прекрасной незнакомкой на Невском проспекте внутренний мир Пискарева претерпевает ряд изменений...» и т.д. Формальный ценз включения цитат выдержан. Статья обладает должным научным весом: «Карнавальный гротеск подразумевает размывание границ, инверсию повседневных иерархий, акцент на теле, а не на духе или разуме человека. В карнавальной культуре тело и его части часто выступают в качестве символов общественных процессов. Использование Гоголем карнавального гротеска для подчеркивания искусственности и условности социального статуса и ролей делает его героев одновременно смешными и жалкими, закладывает трагический подтекст повести». Суждения исследователя, на мой взгляд, объективны, точны, они имеют и расширительный характер, что может быть использовано далее. Необходимая систематизация данных сделана уместно, отсылки к исследователям прозы Н.В. Гоголя, повести «Невский проспект» наличны. Например, «Карнавальное начало отразилось и в сцене смерти Пискарева. Этот эпизод привлекал внимание многих ученых, отмечавших роль социальной среды в трагической судьбе Пискарева (Н.Л. Степанова, В.В. Жданова, Е.С. Роговер, Т.А. Калганова и др.). Д.А. Нечаенко связывал смерть Пискарева с мистериальным действием, карнавализацией [9]. На первый взгляд, в повести представлен трагический сюжет: разочаровавшийся в жизни художник решает покончить с собой. Однако автор изображает смерть главного героя в гротескно-карнавальном ключе, соединяя трагедию и комедию». Заключительный блок содержит итоговые выводы, соответствующие основной части. Автор отмечает, что «повесть Н.В. Гоголя «Невский проспект» воплощает ключевые особенности карнавализации в творчестве писателя: 1) создание игровой, праздничной атмосферы на Невском проспекте, где стираются границы между реальным и фантастическим, трагедией и комедией; 2) стирание иерархических и социальных различий между персонажами в пространстве Невского проспекта; 3) переплетение иллюзорного и реального миров, метаморфозы и переодевания героев; 4) использование гротескных образов и совмещение смехового начала с трагическим; 5) амбивалентность карнавальных образов, где высокое соседствует с низменным, а красота превращается в пошлость». Список источников полон, вариативен. Цель работы достигнута, поставленный ряд задач решен. Считаю, что статья «Особенности проявления карнавального начала в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ф., Галай К.Н. Исследование женских образов в современных китайских литературных произведениях //

Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70534 EDN: MPCFDC URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70534

Исследование женских образов в современных китайских литературных произведениях

Ван Фань

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский Университет Дружбы Народов им.
Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 3

✉ FanWangz_nefuer@163.com

Галай Карина Назировна

доктор филологических наук

доцент; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им.
Паириса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 6, 3

✉ FanWangz_nefuer@163.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70534

EDN:

MPCFDC

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2024

Дата публикации:

09-06-2024

Аннотация: Данная статья представляет собой исследование женских образов в современных китайских литературных произведениях. Она анализирует эволюцию представлений о женщинах в современной китайской литературе и их важную роль в демократизации общества. Через изучение произведений таких авторов, как Лу Синь,

Лао Шэ, Чэнь Чжунши, Юй Хуа и других, статья раскрывает разнообразные аспекты женского опыта, включая социальную несправедливость, дискриминацию и эксплуатацию. Кроме того, она подчеркивает влияние литературы на формирование общественного мнения о роли и правах женщин, а также обсуждает возможные пути к созданию более равноправного и инклюзивного общества в будущем. Предметы исследования – произведения современных китайских писателей и женские образы этих литературных произведений. Основными материалами исследования стали современные китайские литературные произведения различных жанров и направлений, включая романы, рассказы, стихи и эссе. Методы исследования – анализ литературных источников по теме исследования, сравнительный анализ, контент-анализ, интерпретация текстов, исторический метод. Цель исследования состоит в анализе и оценке представлений о женских образах в современных китайских литературных произведениях с учетом их влияния на процессы демократизации общества. Научная новизна данного исследования заключается в том, что оно представляет первоначальный исследовательский взгляд на женские образы в современной китайской литературе и их влияние на процессы демократизации общества. Работа основана на анализе современных литературных произведений и включает в себя исследование различных аспектов женского опыта в контексте китайской культуры и общества. В результате исследования выявлены новые тенденции и закономерности в представлении женских персонажей, а также сформулированы новые подходы к пониманию и решению проблем гендерного неравенства и социальной дискриминации в китайском обществе.

Ключевые слова:

Женские образы, Китайская литература, Демократизация общества, Гендерное неравенство, Современное китайское общество, Литературный анализ, Социальная справедливость, Эмансипация женщин, Политические изменения, Инклюзивное общество

Образы женщин в современной китайской литературе играют важную роль в отражении и развитии общественных ценностей, а также в формировании представлений о социокультурных изменениях и гендерном равенстве. Одним из важных элементов анализа современной китайской культуры и общества является исследование женских образов в произведениях китайской литературы. Мы можем получить глубокое понимание проблем, связанных с гендерными отношениями, социальной справедливостью и культурными трансформациями, которые происходят в современном Китае, изучая различных персонажи и их судьбы в литературе. Целью этой статьи является изучение женских образов в произведениях современной китайской литературы с целью выявления изменений в представлениях о женщинах, их ролях и статусе в современном обществе. Кроме того, она рассмотрит влияние этих образов на процессы демократизации и социокультурные изменения в Китае.

Исследование женских образов в современных китайских литературных произведениях имеет высокую актуальность в контексте современных общественных и культурных изменений в Китае. Стремительные трансформации в обществе создают новые вызовы и возможности для женщин, и исследование их образов в литературе позволит лучше понять эти изменения и их влияние на социокультурные процессы.

Исследование будет опираться на теоретические концепции из области гендерных и

литературных исследований, а также на социологические и культурные теории, связанные с формированием общественных представлений о женщинах и их роли в обществе.

Результаты исследования будут иметь практическую значимость для понимания изменений в общественном мнении о роли женщин и их правах в современном Китае, а также для разработки рекомендаций по повышению осознания гендерного равенства и содействию демократическим процессам в обществе.

Независимость и свобода женщин являются важной частью процесса демократизации Китая. Реалистическая и критическая литература подчеркивает статус женщин как уязвимой группы в наше время. Молодое поколение находится под глубоким влиянием идеологической тенденции демократии и свободы, и они полностью осознают, что этот старый феодальный образ мышления, суть которого заключается в том, что мужчина управляет женщиной, должен полностью измениться, таким образом, движение за права женщин по-прежнему является важным вопросом для развития человеческой цивилизации.

Лу Синь, Лао Шэ, Чэнь Чжунши, Юй Хуа и другие современные авторы натурально изображали реалии жизни женщин и их переживания, разоблачая остатки феодального мышления и обнаруживая трагичные аспекты жизни героинь. Сила литературы заключается в способности пробудить у читателей самоосуждение, сделав уважение к женщинам неотъемлемой частью социального морального кодекса и признаком цивилизованного общества.

В данной статье будет проведен анализ положения женщин в современном мире через призму трех основных тезисов.

1. Женщинам трудно стать экономически независимыми в условиях мелкокрестьянского хозяйства.

За тысячелетнюю историю литературного творчества Китая мы создали большое количество народных произведений и мифов о любви и браке, таких как «Лян Шаньбо и Чжу Интай», «Мэн Цзянну плачет у Великой стены», «Легенда о белой змее», «Пастух и ткачиха», «Сказочная спичка» и «Лotosовый фонарь» и так далее. Предыстория создания этих классических литературных произведений отражена в эксплуатации фермеров классом помещиков в условиях мелкокрестьянского хозяйства, что на протяжении тысячелетий приводило к крайне тяжелым условиям жизни людей, находящихся на дне. Это показывает, что многолетняя феодальная земельная система создала неравную ценность творческого труда мужчин и женщин на экономической основе.

Будь то госпожа Сянлинь в произведении Лу Синя «Благословение» или Тянь Сяоэ в произведении Чэнь Чжунши «Равнина Белого Оленя», можно увидеть то, что большое количество женщин в то время в значительной степени полагалось на мужской труд, как необходимый для выживания. Без мужчины они сталкиваются с серьезным кризисом выживания. При потере мужчины, героини не получают сочувствие и помощь, но вместо этого они становятся уязвимы перед дискриминацией, обманом, угнетением и эксплуатацией со стороны низов общества.

Любовь госпожи Сянлинь трагична и на протяжении произведения претерпевает трансформацию от беспомощности до принятия. Невестка Сянлинь живет в обществе, где семьи создаются согласно классовой принадлежности и брак молодых людей

планируется родителями. Приказы родителей и сватов — неизбежно решают судьбу женщины. У женщин часто нет другого выбора, кроме как стремиться к любви и браку, поэтому можно отметить общие для молодых девушек фантазии о хорошем муже и мечты об удачном браке. Такое феодальное мышление ограничивало стремления девочек на протяжении тысячелетий.

Читатели могут почувствовать противоречие и борьбу между чувствами сестры Сянлинь и реалиями ее жизни. Традиции общества стали для женщин «законной» причиной подчиняться, сдаваться, идти на компромисс и ограничивать себя. Поэтому изображение образа строптивой Хунью в «Верблюде Сянцзы», несомненно, очень уместно. Образы крестьянок распространены и в других произведениях г-на Лао Шэ. Однако, оценки исследователей касательно Хунью всегда были неоднозначными и противоречивыми. Некоторые были даны с политической точки зрения, некоторые с художественной, но, что более важно, это всегда были своего рода личные симпатии и антипатии, основанные на нормативных требованиях мужчин к женщинам.

Мало кто любит Хунью, но она смела, жизнерадостна, она любит, когда хочет любить, и говорит открыто о своей любви. Она посвящает себя герою Сянцзы по собственной инициативе, совершенно не стесняясь. И когда Хунью и Сянцзы вместе, Хунью всегда опережает Сянцзы. Она более милая и искренняя, в то время как Сянцзы кажется лицемерным и холодным.

Хотя Хунью негативно относится к другим, она искренна в своем отношении к Сянцзы, и поэтому мы не можем сказать, что она — плохой человек. У нее может быть плохой характер, она может быть груба и недостаточно образована. При этом она не эгоистична, у нее такое же доброе сердце, как у других людей. Можно осуждать эту героиню за грубость и смеяться над ее необразованностью, но нельзя осуждать ее и смеяться над искренностью, которая идет от всего сердца. Таким образом, положительные и отрицательные ее качества — это одно и то же, являющееся следствием выражения живого человеческого желания.

В работах г-на Лао Шэ также присутствует образ Цзыцзюнь, бунтаря, которого реакционный феодальный класс, такой как Ша Фэй, считает неправильным и аморальным. Он описывает образы строптивых женщин, таких как Хунью и Да Чибao, которым не хватает мягкости и добродетели, преодолевая обычное неприятие мужского общества, которое хочет видеть женщину исключительно нежной и добродетельной.

Лао Шэ восхищается женщинами, которые не соответствуют этим стандартам в своих произведениях. Его представление о женщинах не ограничено традиционными "нормами жены". Лао Шэ использует образ строптивой женщины для противопоставления его традиционным женским образам.

Автор использует образ крестьянки для выражения граней женской личности в условиях традиционного общества и показывает судьбу этих женщин с точки зрения этики, используя эти аргументы как антитрадиционную отправную точку для критики подавления и искажения человеческой природы феодальным традиционным сознанием.

Однако влияние традиционного мышления имеет глубокие корни у Лао Шэ, и образы землероек четко отражают потенциальное патриархальное сознание автора и его потенциальные ценностные дилеммы. Героиню Хунью в «Рикше» Лао Шэ можно назвать уникалом, которая не следует феодальной идеологии. Хунью смело преследует Сянцзы, даже вопреки воле отца и несмотря на лишение наследства. Весь процесс свадьбы она организует сама, в ходе чего возникают драматические конфликты и социальные

противоречия.

Такое неравенство в социальном статусе и экономическом положении не только не сделало пару счастливой, но и усилило давление на самого обедневшего Сянцзы. Сянцзы, который не хочет есть мягкий рис (Не хочет зависеть от женщин в еде), не желает мириться с давлением общественного мнения и всегда хочет полагаться на свой собственный труд. Это резко контрастирует с сильной Хунью.

Конфликт между мышлением бедных и логикой богатых отражает неправильный порядок вещей, разумный, но неправильный расчет. Любовь Сянцзы к Сяо Фуцзы, девушке из бедной семьи (девушке, которая была вынуждена продавать свое тело, чтобы прокормить семью), исходит из сердца. Забота и любовь, проявленные им, являются внутренней мотивацией Сянцзы стремиться к счастью. Он надеется, что упорный труд поможет ему заработать деньги, чтобы спасти Сяо Фуцзы. В конце концов, Сяо Фуцзы решает покончить с собой под давлением невыносимой мучительной жизни. Внутренняя надежда Сянцзы разбивается, и его дух падает. Смелые поиски любви Хунью полны противоречий в глазах мира, а ее несчастная семейная жизнь еще более противоречива и трагична. Свободный выбор любви требует не только мужества, но и ясного взгляда на мир, непоколебимых ценностей и наличия собственных взглядов на жизнь. Однако под влиянием феодальных представлений о роли женщин откуда таким взглядам взяться у молодых женщин? Лао Шэ не только раскрывает несправедливость и непросвещенность общества через свой роман, но и вдохновляет людей в их стремлении к счастью. Трагический финал романа оставляет горькое послевкусие: Сянцзы, обремененный тяжестью, уходит из жизни на улицах, лишившись всего.

2. Ценность женщин отражается через сексуальную эксплуатацию.

Тянь Сяоз в статье Чэнь Чжунши «Равнина Белого Оленя» — красивая и непокорная девушка, переходная фигура между традиционными женщинами и новыми женщинами. Произведение «Равнина Белого Оленя» дает яркое описание трагической судьбы этой женщины. Тянь Сяоз, женщина из ученой семьи, с самого начала была продана родителями в наложницы Го Цзюрену, который по возрасту годился ей в деды.

Как наложница, она подвергалась издевательствам со стороны жены. Однако по натуре она не была кроткой женщиной. Воля к жизни побудила ее "соблазнить" Хэй Ва, после чего она получила возможность жить с Хэй Ва в пещерном жилище. Она думала, что это продлится долго, но судьба не была милосердной. У этой героини мятежный дух, и она осмеливается добиваться той любви и жизни, которую хочет, она лидер: некоторое время она даже была представителем женщин в Сельскохозяйственной ассоциации. Она осмеливается на месть, например решается вымочить «мармелад» Го Цзюжэня в собственной моче, чтобы отомстить.

Несмотря на то что она самая низкая по положению женщина на всей «Равнине Белого Оленя», она также единственная, кто манипулирует мужчинами, единственная женщина, которая когда-либо давала пощечину мужчине, единственная женщина, которая мочилась на лицо Лу Цзилия и Лу Сяньюэ.

Однако, ее сопротивление было неполным, и она в итоге вызвала еще большие бедствия из-за своего сопротивления. Потеряв поддержку со стороны мужчины Хэй Ва, она быстро поддалась патриархальному миру вокруг нее и стала искать других мужчин, на которых можно было бы положиться, а также быстро стала падшей женщиной.

Проведя углубленный анализ сопротивления Тянь Сяоз, мы обнаружим, что

сопротивление Тянь Сяоэ не является осознанным сопротивлением. Она хочет использовать секс как единственное оружие для изменения своего социального статуса. У нее больше свободы, чем Лу Ленг, более активный сексуальный выбор, она осознала значение женского тела для мужчин и научилась использовать свое тело для осуществления «дипломатии» для получения благ и защиты мужчин. Секс – всего лишь ее средство, а изменение статуса – ее истинная цель.

С одной стороны, выбор Хейвы продиктован инстинктивной потребностью оказаться в безопасности и жить свободно. Соблазнив Лу Цзиля, она осуществила влияние на него, поскольку в суровых условиях того времени ей было бы трудно выжить без его защиты. В результате, их отношения были взаимовыгодными: он получил ее тело, а она защиту.

В своем феминистском произведении «Безумная на чердаке» Гилберт и Герба приведены два нехарактерных женских образа для западной мужской литературы до XIX века — «ангел» и «соблазнительница». В произведении разоблачается общество и его пороки, скрытые за этими образами. Такое же разделение мы видим и в произведении Чэнь Чжунши «Равнина Белого Оленя». Тянь Сяоэ имеет как добрую и послушную сторону, так и мятежную и развратную. Она представляет собой «переплетение двух образов»: "ангела" и "искусительницы". Однако, будучи писателем-мужчиной, по-прежнему находящимся под глубоким влиянием патриархальной дискурсивной системы, автор описал Тянь Сяоэ Чэнь Чжунши через призму своей собственной мужской точки зрения. Ослабляя ее образ "ангела", он усиливает ее образ «искусительницы», тем не менее, в результате, через переплетение этих образов автор сочинил трагическую песню сопротивления патриархальной системе.

Ценность «Равнины Белого Оленя» заключается в том, что автор использует беспристрастную, спокойную и оптимистичную манеру при описании своих персонажей. В жизни они много работают, сопротивляются трудностям, борются за жизнь и идут на компромиссы. Эта серия персонажей — энциклопедия образов сельского Китая. Среди них Тянь Сяоэ находится в центре описания автора. Это трагическая песня, написанная писателем для тысяч сельских женщин. Байлюань - обычная деревня, находящаяся под влиянием феодальных ценностей, и Тянь Сяоэ боролась насмерть, глубоко врезаая свой след на надгробии феодальной этики.

На самом деле трагедия Тянь Сяоэ вызвана социальными ограничениями, с которыми приходится сталкиваться женщинам, как с первородным грехом: как только она родилась женщиной в таком обществе – она уже поплатилась за это. Низкий статус женщин, а потому и зачастую их трагическая судьба, существует с тех пор, как исчезло матрилинейного кланового общество. Трагедия главным образом возникает из-за бессилия личности в борьбе между личными и общественными силами. Именно это бессилие и приводит к их трагедии.

3. Ценностная эксплуатация женщин отражается на плодах труда.

Госпожа Сянлинь в произведении Лу Синя «Благословение» является истинным воплощением эксплуатации тысяч китайских работниц до новейшего времени: трагическая судьба сделала ее вдовой, сына съели волки, а дом занял домовладелец. Она была небогата и работала горничной. Когда она выполняла обязанности, работодатель высмеивал ее жизненный опыт и считал ее несчастной женщиной, убившей мужа и детей.

Ее невзлюбили и во время празднования Нового года ей не разрешили появиться в зале

предков. Героиня была маргинализирована. Как член общества, каждый человек надеется быть принятым этим обществом. Люди стараются интегрироваться в социум и взаимодействовать с ним, отлучение индивида от общества может быть очень болезненным, как мы видим на примере героини. Поскольку общество не принимало героиню, чтобы завоевать уважение окружающих, она решила пожертвовать деньги на приобретение порога в даосском храме, поэтому она упорно трудилась и потратила все свои сбережения. После того, как она сделала пожертвование, она громко объявила всему миру, пыталась донести до каждого встречного, что она очистилась от своих грехов и стала такой же, как и все остальные.

Это демонстрирует ее одиночество и хрупкость, а также ее стремление интегрироваться в общество и быть принятой коллективом. Однако, в жестоком обществе наступил Новый год, и ее работодатель по-прежнему считал ее плохой женщиной, не позволяя ей войти в зал предков, чтобы принести благословение.

Сянлинь была убита горем, она отдала все, что имела, но в конце концов ее все равно не уважали. Когда она узнала, что ее обманули, она взяла кухонный нож и побежала в даосский храм, чтобы вырубить порог.

В конце концов героиня сошла с ума и умерла от голода и болезней холодной зимой. Сянлинь была продуктом деструктивного феодального общественного строя того времени и результатом давления феодальной этики и морали. Как типичный персонаж с трагической судьбой в условиях феодального общества, Сянлинь в произведениях Лу Синя отражает реалии темной эпохи феодализма. Беды, происходящие с простым рабочими людьми, — это не только личное горе, но и социальная трагедия. Невестка Сянлинь - женщина из низа общества, трудолюбивая и безропотная, при этом все плоды ее труда не достаются ей из-за обмана и эксплуатации.

Се Инлань, доцент кафедры китайского языка Университета Юньчэн пишет: «Жизнь сестры Сянлинь происходила не только под политическим и экономическим гнетом и подвергнута пыткам, но и замучена морально; она не только была несчастна при жизни, но и умерла в страхе. ---По ее мнению, смерть - это не конец несчастной жизни, а начало еще большего террора. Это типичный пример глубокого наблюдения Лу Синя над судьбами тысяч несчастных людей в феодальном обществе Китая. Полная трагедия именно этой глубокой трагической силой произведение потрясает сердца людей».

Госпожа Сянлинь — сельская женщина из низшего слоя общества. Она обладает трудолюбивым, добросердечным, простым и сочувствующим характером, какой традиционные китайки должны были иметь. Обладая добротой и стойкостью, между тем, как и все женщины в феодальном обществе, она находилась в эксплуатируемом и угнетенном положении. Однако она понятия не имела о своем статусе и судьбе эксплуатируемой и охотно принимала экономическую эксплуатацию и духовное порабощение со стороны феодального общества, вот что печально в ее характере. Когда произошла серьезная перемена в судьбе, никто не сочувствовал госпоже Сянлинь. Она находилась в центре противоречивой и болезненной борьбы. Конечно, она не могла изменить свою судьбу, поэтому она стала объектом унижений, обмана и презрения со стороны феодального общества.

Заключение

В заключительной части нашего исследования о женских образах в современных китайских литературных произведениях следует подвести итоги нашей работы и сформулировать выводы.

В ходе исследования были поставлены следующие задачи: анализ эволюции представлений о женских образах, изучение роли женщин в демократизации общества, оценка влияния женских образов на формирование общественного мнения о гендерном равенстве и социокультурных изменениях в Китае.

В результате научного исследования обнаружены следующие факты:

1. Анализ литературных произведений позволил выявить изменения в представлении о женщинах на протяжении времени и их влияние на формирование общественных ценностей и норм.
2. Исследование подтвердило значимость участия женщин в процессах демократизации и подчеркнуло их влияние на формирование общественного мнения и политических изменений.
3. Исследования показали, что литературные произведения могут способствовать повышению осознания обществом проблем гендерного неравенства и формированию новых ценностей относительно роли и прав женщин.

Таким образом, наше исследование вносит вклад в понимание роли женщин в современном китайском обществе и предлагает направления для дальнейших исследований в этой области.

Мы установили, что современная китайская литература активно отражает изменения в представлениях о женщинах, их роли и статусе в обществе. Выводы нашего исследования позволяют утверждать, что современная китайская литература играет значимую роль в формировании представлений о женщинах и их роли в обществе. Она способствует повышению осознания обществом проблем гендерного неравенства и социальной дискриминации, а также формированию новых ценностей относительно роли и прав женщин.

Перспективы дальнейшего исследования включают более глубокий анализ конкретных литературных произведений, а также исследование реакции общества на них. Также важно изучить влияние современной китайской литературы на формирование молодежной культуры и общественных движений в Китае.

Библиография

1. Чжу Ч., «Рассматривая образ крестьянок в произведениях писателя Лао Шэ с точки зрения Хунью[D], Северо-восточный педагогический университет, китайская литература, 2007.
2. Гао М., Переплетение образов «ангела» и «соблазнительницы»-Анализ образа Тянь Сяоз в рамках патриархальной дискурсивной системы «Равнины Белого Оленя», Пекинский университет науки и технологий, Сравнительные исследования культуры Инновации.2019, 3 (15):59-60
3. Ли С., Новое исследование женского образа Тянь Сяоз в «Равнине Белого Оленя», Школа свободных искусств, Университет Яньань, Оценка шедевров, 2018, (27)
4. Кэ Куньян. Краткий анализ трагической судьбы Госпожи Сянлинь в «Благословении»-с позиций этико-нравственной критики [J]. Культурно-просветительские материалы, 2021(18):24-25,100
5. Се Инлань. Хотеть быть рабыней, но не получить этого—Анализ образа Госпожи Сянлинь в «Благословении» Лу Синя [J]. Журнал колледжа Юньчэн, 2002(04):62-63.
6. Чжао Константин. Трансформация женских образов в произведениях Лао Шэ. // Бурятский государственный университет, 2019
7. Желоховцев А.Н. Судьба творческого наследия Лао Шэ // ПДВ, 1979.-№ 2. С. 195-

197.

8. Лао Шэ Избранное / Шэ Лао. – М.: Прогресс, 1982 – 512 с.

9. Федоренко П.Т. Лао Шэ и его творчество: предисл. // Лао Шэ. Избранное. Сборник. Пер. с кит. М.: Радуга, 1982 С. 5-16

10. Михайлова М.В., Шэ Сяолин. Лу Синь в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика, 2015

11. Захарова Н.В. Лу Синь и Ху Ши: два взгляда на пути развития современной литературы Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2023

12. Хасанова Ф.М. Лексико-семантический анализ лексики произведений Лао Шэ // Universum: филология и искусствоведение, 2020

13. Лисовик Т. В. Образ «новой женщины» в китайской прозе XX-XXI вв. // Филологический факультет; Кафедра китайской филологии; науч. Рук. Крылова СИ.- 2019.

14. Молодых В. И., Леонтьева Т. И. Трансформация женского образа в современной китайской художественной литературе.

15. Ван М. Любимые женские образы русской и китайской литературы от древнего времени до современности // Русский язык и культура в зеркале перевода.-2019.-№. 1.- С. 320-331.

16. Абдрахманова, З.Ю. Последний этап творчества Лао Шэ (1949-1966 гг.): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.06 / З.Ю. Абдрахманова; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М., 1987 – 26 с.

17. Барашкова Д.С. Мир "маленького человека" в творчестве Лао Шэ (на примере романа «Рикша») // Studia Humanitatis, 2016

18. Чжан Айлин. // Тяньди, 1944. № 6. С. 15-17.

19. Чжан Айлин. Лю Цин // Чжан Чуаньци, 2000. С. 292-312.

20. Чжан Айлин. Синь Цзин // Чжан Чуаньци, 2000. С. 207-238.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современная китайская литература отлична от классической. Работы по изучению произведений созданных в последнее время требует внимательной концептуальной базы. Вектор анализа касается тематики, проблематики, образного ряда, приемов и средств художественного рисования. Рецензируемая статья направлена на конструктивный разбор женских образов на примере современной литературы Китая; точно автор останавливается на трансформации женского образа, отношения к указанной номинации. В начале труда отмечено, что «исследование женских образов в современных китайских литературных произведениях имеет высокую актуальность в контексте современных общественных и культурных изменений в Китае. Стремительные трансформации в обществе создают новые вызовы и возможности для женщин, и исследование их образов в литературе позволит лучше понять эти изменения и их влияние на социокультурные процессы». Следовательно, автору интересно проследить как динамику процесса изменений, так и логику стабилизации существующего положения. На мой взгляд, методология исследования уместна, это и систематизация, и векторный анализ, и эмпирическая оценка, и сопоставительный принцип. Текст достаточно однороден, концепция ориентирована на выявление типологически однородных условий, которые представлены в современной китайской литературе. Конкретизация авторов, которые взята в качестве иллюстративного фона, дана,

например, в следующем фрагменте: «Лу Синь, Лао Шэ, Чэнь Чжунши, Юй Хуа и другие современные авторы натурально изображали реалии жизни женщин и их переживания, разоблачая остатки феодального мышления и обнародуя трагичные аспекты жизни героинь. Сила литературы заключается в способности пробудить у читателей самоосуждение, сделав уважение к женщинам неотъемлемой частью социального морального кодекса и признаком цивилизованного общества». Помимо буквально литературоведческого принципа анализа в работу вводится и альтернативная канва: «исследование будет опираться на теоретические концепции из области гендерных и литературных исследований, а также на социологические и культурные теории, связанные с формированием общественных представлений о женщинах и их роли в обществе». В статье проведен анализ положения женщин в современном мире на основе китайской литературы через призму трех основных тезисов: 1. Женщинам трудно стать экономически независимыми в условиях мелкокрестьянского хозяйства. 2. Ценность женщин отражается через сексуальную эксплуатацию. 3. Ценностная эксплуатация женщин отражается на плодах труда. Основные магистрали, которые автор и хотел конкретизировать выражены, уточнены, проиллюстрированы. Стиль работы тяготеет к научному типу, формальные требования издания учтены. Например, «за тысячелетнюю историю литературного творчества Китая мы создали большое количество народных произведений и мифов о любви и браке, таких как «Лян Шаньбо и Чжу Интай», «Мэн Цзянну плачет у Великой стены», «Легенда о белой змее», «Пастух и ткачиха», «Сказочная спичка» и «Лотосовый фонарь» и так далее. Предыстория создания этих классических литературных произведений отражена в эксплуатации фермеров классом помещиков в условиях мелкокрестьянского хозяйства, что на протяжении тысячелетий приводило к крайне тяжелым условиям жизни людей, находящихся на дне. Это показывает, что многолетняя феодальная земельная система создала неравную ценность творческого труда мужчин и женщин на экономической основе», или «такое неравенство в социальном статусе и экономическом положении не только не сделало пару счастливой, но и усилило давление на самого обедневшего Сянцзы. Сянцзы, который не хочет есть мягкий рис (Не хочет зависеть от женщин в еде), не желает мириться с давлением общественного мнения и всегда хочет полагаться на свой собственный труд. Это резко контрастирует с сильной Хунью» и т.д. Считаю, что небольшая правка нужна в режиме цитации, их нужно унифицировать – «...» [2, стр. 222]. Не видим этого, допустим, в следующем фрагменте: «Се Инлань, доцент кафедры китайского языка Университета Юньчэн пишет: «Жизнь сестры Сянлинь происходила не только под политическим и экономическим гнетом и подвергнута пыткам, но и замучена морально; она не только была несчастна при жизни, но и умерла в страхе. ---По ее мнению, смерть - это не конец несчастной жизни, а начало еще большего террора. Это типичный пример глубокого наблюдения Лу Синя над судьбами тысяч несчастных людей в феодальном обществе Китая. Полная трагедия именно этой глубокой трагической силой произведение потрясает сердца людей» и т.д. Выводы по тексту соотносятся с основным блоком: автор отмечает, что «современная китайская литература активно отражает изменения в представлениях о женщинах, их роли и статусе в обществе. Выводы нашего исследования позволяют утверждать, что современная китайская литература играет значимую роль в формировании представлений о женщинах и их роли в обществе. Она способствует повышению осознания обществом проблем гендерного неравенства и социальной дискриминации, а также формированию новых ценностей относительно роли и прав женщин». Серьезных замечаний к тексту нет, он имеет должный практический характер, материал уместно использовать при изучении китайской литературы. P.S. Если мой вариант названия работы устроит автора, это будет неплохо: «Трансформация восприятия образа женщины в современной китайской

литературе». В целом же рекомендую данную статью к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фэн В., Перфильева Н.В. Специфика перевода на китайский язык названий медицинских препаратов в рекламе // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70976 EDN: KZYACH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70976

Специфика перевода на китайский язык названий медицинских препаратов в рекламе

Фэн Вэнь

ORCID: 0000-0002-5206-9822

аспирант; кафедра "Общее и русское языкознание"; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15к1, кв. 80а

✉ 1042228133@pfur.ru

Перфильева Наталия Владимировна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра "Общее и русское языкознание"; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Миклухо-Маклая, 80, оф. 638

✉ perfilyeva-nv@rudn.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70976

EDN:

KZYACH

Дата направления статьи в редакцию:

08-06-2024

Дата публикации:

15-06-2024

Аннотация: В последние годы в связи с последствиями пандемии COVID-19, взаимодействие между странами в области медицины становится все более значимым. Развивается сотрудничество, на рынках препаратов появляется все больше иностранной

продукции. Этот факт обуславливает возрастание интереса к проблемам адаптации названий лекарственных средств на другой язык, в частности китайский. В статье анализируются четыре способа перевода медицинских терминов в рекламе: фонетический, семантический, смешанный, а также семантический способ с учетом специфики китайской медицины. Предметом исследования является специфика перевода иностранных медицинских терминов на китайский язык. Цель работы состоит в анализе способов перевода медицинских терминов на китайский язык. А также в предложении использования нового способа перевода - семантического способа с учетом специфики китайской медицины. Материалом исследования послужили медицинские термины (60 единиц) и их перевод на китайский язык. Для решения поставленной цели были использованы следующие способы: описательный метод, метод анализа теоретической литературы, а также приемы систематизации и классификации материала. Новизна исследования заключается в анализе перевода названий препаратов на китайский язык с учетом специфики медицины Китая. В статье приводятся примеры, иллюстрирующие способы перевода медицинских терминов на китайский язык, а также предлагается новый метод перевода медицинских терминов – семантический способ с учетом специфики китайской медицины. Было выявлено, что наименования, переведенные при помощи фонетического способа, нередко сохраняют связь с латинскими словами. При использовании семантического способа подбираются такие иероглифы, которые указывают на то, от чего именно помогает лекарство. Перевод названий медицинских препаратов с помощью смешанного способа не только сохраняет звучание языка оригинала, но и содержит информацию о полезных свойствах товара. Часто при переводе на китайский язык с английского добавляются слова, несущие специфику китайской медицины. При переводе названий европейских препаратов с учетом специфики китайской медицины часто добавляются реалии китайского языка и культуры, для того чтобы сделать действие средства более понятным потребителю. Перевод нередко подкрепляется визуализацией, отсылающей к китайским фразеологизмам и образам традиционной культуры.

Ключевые слова:

переводческие способы, медицинская реклама, китайский язык, китайская медицина, медицинские термины, фонетический способ, семантический способ, смешанный способ, названия медицинских препаратов, специфика перевода

Греческая медицина стала основой развития медицины Древнего Рима. Появление собрания сочинений Гиппократ знаменует собой зарождение западной медицины, и именно его труды стали источником развития медицинской терминологии. Стоит отметить, что многие понятия традиционной китайской медицины также были заимствованы из греческого, что обуславливает схожесть некоторых терминов. Как отмечают исследователи, основная причина появления заимствованных слов – языковые контакты различных наций. Первые медицинские заимствования появились в китайском языке ещё в период правления Династии Восточная Хань (25 г. – 220 г. н.э.) [\[10, с. 132\]](#). В конце правления династии Цин были созданы храмовые больницы и медицинские образовательные учреждения, вследствие чего увеличилась потребность в переводе медицинских трудов на китайский язык. К 1890 году примерное количество европейских медицинских книг, переведенных на китайский, достигло 50 [\[1, с. 88\]](#).

Большинство иностранных медицинских терминов не имеет эквивалентов в китайском

языке, что обуславливает необходимость использования различных способов перевода.

1. Теория и способы перевода на китайский язык медицинских терминов в рекламе.

Теория функциональной эквивалентности Ю. Найды оказала большое влияние на историю китайского перевода. В 1964 году Ю. Найда в книге «К науке переводить» впервые предложил теорию функциональной эквивалентности и провел различие между формальной и динамической эквивалентностью. Лингвист считал, что формальная взаимность сосредоточена на оригинальном языке и максимально воспроизводит форму и содержание оригинального текста [2, с. 23]. При переводе, основанном на динамической эквивалентности, человек, читающий перевод должен испытывать те же эмоции и ощущения, что и человек, читающий текст в оригинале. Именно поэтому для переводчика очень важно передать стиль исходного текста [9, с. 26]. Ю. Найда отмечает, что перевод – это не только лексическая, но и семантическая, стилистическая эквивалентность. Он передает не только поверхностную лексическую, но и глубокую культурную информацию [6, с. 38]. Семантическая эквивалентность при этом имеет первостепенное значение для правильной передачи содержания, стиль текста должен отойти на второй план. Без семантической эквивалентности перевод в истинном смысле этого слова невозможен.

Для достижения эквивалентности перевода нужно учитывать не только языковые особенности оригинального текста, но и культурные традиции языка перевода.

Н.В. Перфильева и Ху Пэйпэй в статье «Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык» пишут о том, что при переводе заимствованных слов используется 4 способа перевода: фонетический, семантический, смешанный и графический [4, с. 289]. При проведении исследования было отмечено, что многие китайские наименования препаратов содержат элементы традиционной медицины. Поэтому автор данной статьи предлагает рассмотреть еще один способ перевода в контексте адаптации названий медицинских препаратов на китайский язык – семантический способ с учетом специфики китайской медицины.

2. Значение теории функциональной эквивалентности для перевода рекламы.

Хань Тин в статье «Применение теории функциональной эквивалентности при переводе рекламы» описывала четыре основные функции рекламы: привлечение внимания потребителя, возбуждение потребительского интереса, стимулирование желания потребителя и поощрение к покупке [9, с. 23].

Каждый язык несет в себе определенные особенности истории и культуры страны, а также народа, говорящего на нем. В связи с этим менталитет, обычаи, культурные традиции страны влияют на смыслы, проникают в семантику каждого понятия [7, с. 26]. Специалист, занимающийся переводом медицинских терминов для рекламы, должен учитывать эти факторы. По мнению Ю. Найды, для успешного перевода знакомство с культурой двух языков важнее, чем овладение ими. Перевод – это не только межъязыковая и культурная коммуникация, но также и обмен информацией между двумя разными культурами. При переводе медицинской рекламы нужно выбирать подходящие стратегии перевода в соответствии с контекстом.

3. Способы перевода названий лекарств на китайский язык

3.1 Фонетический способ.

Это наиболее распространенный способ перевода медицинских терминов, при котором переведенный текст передает только произношение исходного языка.

Таблица 1. Перевод медицинских терминов с помощью фонетического способа

Названия препаратов	Перевод с помощью фонетического способа	Значения иероглифов	Функция препаратов	Рекламное изображение
Bayer	拜耳 [baier]	拜 'прощаться' 耳 'ухо'	Отбеливающая зубная паста	
Ritalin	利他林 [litalin]	利 'полезный' 他 'он' 林 'лес'	Лечение гиперактивности у детей и подростков	

Большинство препаратов, переведенных на китайский язык фонетическим способом, сохраняют оригинальные латинские названия.

3.2 Смешанный способ.

Для многих иностранных лекарств используется смешанный способ перевода: сохраняется произношение наименования лекарства, а семантика иероглифов содержит информацию, для чего и в какой форме применяется данный препарат [\[3, с. 75\]](#).

Таблица 2. Перевод медицинских терминов смешанным способом

Названия препаратов	Перевод сематическим способом	Значения иероглифов	Функция препаратов	Рекламное изображени
Norfloxacin capsules	诺氟沙星胶囊	诺氟沙星 [Норфлуксацин] 胶囊 'капсулы'	Противовоспалительное средство	
Leucovorin Calcium	亚叶酸钙	亚叶酸 [лейковорин] 钙 'кальций'	Антидот при высокодозной терапии Метотрексатом	
Flucloxacilin sodium capsules	氟氯西林钠胶囊	氟氯西林 [флуклоксацилин] 钠 [натрий] 胶囊 'капсулы'	Антибиотики пенициллинового ряда	

Для того чтобы облегчить понимание особенностей препарата, при переводе наименований лекарств с помощью смешанного способа, в названии на китайском языке, как правило, сохраняются оригинальные английские медицинские термины.

3.3 Семантический способ.

Семантический способ позволяет в полной мере использовать идеографические преимущества китайских иероглифов и достичь краткости и ёмкости названия при переводе.

Таблица 3. Перевод медицинских терминов сематическим способом

Названия препаратов	Перевод смешанным способом	Значения иероглифов	Функция препаратов	Рекламное изображение
Legalon	利肝隆	利 'полезный' 肝 'печень' 隆 'крепнуть'	Таблетки для улучшения функции печени	
Concerta	专注达	专注 'сосредоточить' 达 'добиться'	Для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности	
Xalacom	视力佳	视力 'зрение' 佳 'хороший'	Таблетки для улучшения зрения	
Seroxat	赛乐特	赛 'превосходить' 乐 'радость' 特 'очень'	Антидепрессант	

Проанализируем приведенный пример:

视力佳 [shilijia] от латинского xalacom. Проанализируем значение каждого иероглифа: 视 'зрение'; 力 'хороший'. Название данного препарата в переводе на китайский язык буквально означает *хорошее зрение*. В данном случае использование семантического способа перевода позволяет улучшить продажи препарата.

Проанализируем рекламное изображение:

Фото 1. Реклама Xalacom

В рекламе изображена упаковка препарата, стоящая в чистой, сверкающей воде. Стоит отметить, что это изображение выбрано с определенной целью, а именно – визуально показать действие препарата, ведь в китайском языке есть поговорка: *глаза яркие, как вода* (像水一样亮的眼睛). Этот прием позволяет привлечь большее число покупателей.

3.4 Семантический способ с учетом специфики китайской медицины.

При переводе названий лекарственных препаратов или аннотаций к ним на китайский язык нередко употребляются слова, которые отсутствуют в названии оригинала [5, с. 9], так как традиционная китайская и западная медицина принадлежат к двум разным системам [11, с. 154]. В традиционной китайской медицине есть множество концепций, которых нет в западной. Таким образом при переводе названий медицинских препаратов часто используется семантический способ с учетом специфики китайской медицины.

Таблица 4. Перевод медицинских терминов семантическим способом со спецификой китайской медицины

Названия препаратов	Перевод на китайский язык	Рекламное изображение
Yale Stimulant Remedy 'Йельское стимулирующее средство'	艾罗补脑汁 'Тонизирующий сироп для мозга'	
Doan's backache kidney pills 'Таблетки от боли в спине и почках Доана'	兜安氏秘制保肾丸 'Таблетки для защиты почек'	
Grimault & Co's Syrup of Hypophosphite of Lime 'Сироп гипофосфита лайма от Grimault & Co'	克利马尔补阳糖汁 'Сироп для укрепления здоровья'	

Проанализируем вышеуказанные примеры:

Английский препарат Grimault & Co's Syrup of Hypophosphite of Lime был переведен на китайский как克利马尔补阳糖汁 [kelimaerbuyangtangzhi]. Рассмотрим значение каждого иероглифа: 克利马尔 'Кэримаэр' (название производителя); 补阳 'укрепление Ян'; 糖汁 'сироп'. Для китайского потребителя это лекарство было переведено как «Кэримаэр сироп для укрепления Ян», где «укрепление Ян» отражает особенности традиционной китайской медицины. Выражение 补 'укрепление, усиление' впервые появилось в «Трактате Жёлтого императора о внутреннем» (Хуанди нэй цзин 黄帝内经). С точки зрения традиционной китайской медицины, использование слова 补 «укрепление», «усиление» также соответствует китайской медицинской концепции. Как пишет китайский ученый У Фанчжэн, «китайцы всегда принимают лекарства для лечения болезней, когда они больны, и принимают лекарства для укрепления своего организма, когда они не больны» [8, с. 151]. Таким образом, иероглиф 补 'укрепление, усиление' позволяет показать потребителю, что данное лекарство полезно для организма. А 阳 'Ян', которое означает

энергию и силу, в китайской медицине противопоставляется пассивному началу «Инь».

Это название отвечает потребностям китайского рынка и позволяет улучшить продажи препарата. Слова 秘制 'секретный рецепт', 阳 'Ян', 补 'укрепление', 'усиление' и др. являются широко используемыми описаниями лекарств в культуре традиционной китайской медицины. Они могут быть использованы для описания различных препаратов и улучшения восприятия лечебного эффекта китайским потребителем. Названия медицинских препаратов, переведенные таким образом, отражают традиции китайской медицины.

Проанализируем рекламное изображение:

Фото 2. Реклама 克利马尔补阳糖汁

В центре нарисован огонь. Это обусловлено тем, что в традиционной китайской медицине концепция 阳 «Ян» дает людям силу, приносит организму тепло. Слева и справа от изображения огня описан медицинский эффект препарата.

Рассмотрим еще один пример:

Английский препарат Doan's backache kidney pills (Таблетки от боли в спине и почках Доана) был переведен на китайский как 兜安氏秘制保肾丸 [douanshimizhibaoshenwan]. Проанализируем значение каждого иероглифа: 兜安氏 'Доан' (Джеймс Доан, изобретатель препарата), 秘制 'приготовленный по секретному рецепту', 保 'защищать', 肾 'почка'; 丸 'пилюля'. В названии препарата на китайском языке был добавлен иероглиф 保 'защищать'. Дополнительные иероглифы 秘制 'приготовленный по секретному рецепту' позволяют усилить эффект, производимый на покупателя. Для китайского потребителя это выражение означает надежность и гарантированную эффективность. Такой перевод названия лекарства включает концепцию традиционной китайской медицины и интегрирован в китайскую культуру. Рассмотрим рекламное изображение:

Фото 3. Реклама 兜安氏秘制保肾丸

В правом верхнем углу изображен мужчина, на теле которого графически выделена область действия препарата – спина и почки. Текст плаката написан на древнем китайском языке, что позволяет автору рекламы показать потребителям, что это лекарство имеет долгую историю, он надежен и проверен.

В данной статье были проанализированы основные способы перевода названий медицинских препаратов на китайский язык в рекламе. Было выявлено, что наименования, переведенные при помощи фонетического способа, нередко сохраняют

связь с латинскими словами. При использовании семантического способа подбираются такие иероглифы, которые указывают на то, от чего именно помогает лекарство. Перевод названий медицинских препаратов с помощью смешанного способа не только сохраняет звучание языка оригинала, но и содержит информацию о полезных свойствах товара. Часто при переводе на китайский язык с английского добавляются слова, несущие специфику китайской медицины. При переводе названий европейских препаратов с учетом специфики китайской медицины часто добавляются реалии китайского языка и культуры, для того чтобы сделать действие средства более понятным потребителю. Перевод нередко подкрепляется визуализацией, отсылающей к китайским фразеологизмам и образам традиционной культуры.

Библиография

1. Е Цзайшенг. Общая история современного книгоиздания в современном Китае. Пекин: Издательство китайской литературы (叶再生. 近代中国现代图书出版通史. 北京: 中国文学出版社), 2002. 88 с.
2. Nida, Eugene A, Charles R Tamber. The Theory and Practice of Translation. Leiden: EJ Brill, 1969. 23 с.
3. Линь Шэнцю, Ван Цзебин. Рассмотрение стратегии перевода названий лекарств с точки зрения теории скопуса // Журнал обучения за пределами кампуса в Китае (林生趣, 王泽兵. 从目的论视角看药品名称的翻译策略. 中国校外教育), 2019. 75 с.
4. Перфильева Н. В., Ху Пэйпэй. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 287–296. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301
5. Перфильева Н.В., Ху Пэйпэй. Понятие слова в китайском языке. Ассимиляция английских неологизмов в китайском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 4. С. 49-55.
6. Се Тяньчжэнь. Введение в современную теорию иностранного перевода. Тяньцзинь: Издательство Нанькайского университета (谢天振. 当代国外翻译理论导读. 天津: 南开大学出版社), 2008. 38 с.
7. Син Юйси. Стилиевые и грамматические особенности научного стиля в современном китайском языке. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. (邢玉思. 现代汉语科学风格的文体与语法特征), 2014. 9 с.
8. У Фанчжэн. Изображения и прорисовка тела в китайской медицинской рекламе начала двадцатого века. Искусствоведение (吴方正. 二十世纪初中国医疗广告图像与身体描绘. 艺术学研究), 2009. 151 с.
9. Хань Тин. Применение теории функциональной эквивалентности при переводе рекламы. Объединенный журнал профессиональных колледжей Тяньцзиня (韩婷. 功能对等理论在广告翻译中的应用. 天津职业院校联合学报), 2023. С. 23-26.
10. Чжан Цзяхуа. Общий обзор современного русского языка. Пекин: Шануиньшугуань, (张家骅. 新时代俄语通论. 北京: 商务印书馆), 2006. 132 с.
11. Чэнь Сюэлэй. Обзор медицинского двуязычного словаря // Шанхай: Фуданьское университетское издательство. (陈雪雷. 医学双语词典述评. 上海: 复旦大学出版社) 2006. 154 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы перевода все чаще поднимаются в формате научных изысканий.

Достоверность, правильность, объективность как составляющие данного процесса манифестируются исследователями приоритетными. Тема данной статьи направлена на выявление специфики перевода на китайский язык названий медицинских препаратов в рекламе. Считаю, что подход к анализу выбран верно, в работе превалирует стремление к объективности, что стоит оценить только положительно. Суждения по ходу работы точны, должный ссылочный формат выдержан. Например, «Греческая медицина стала основой развития медицины Древнего Рима. Появление собрания сочинений Гиппократ знаменует собой зарождение западной медицины, и именно его труды стали источником развития медицинской терминологии. Стоит отметить, что многие понятия традиционной китайской медицины также были заимствованы из греческого, что обуславливает схожесть некоторых терминов. Как отмечают исследователи, основная причина появления заимствованных слов – языковые контакты различных наций [10, с. 132]», или «Теория функциональной эквивалентности Ю. Найды оказала большое влияние на историю китайского перевода. В 1964 году Ю. Найда в книге «К науке переводить» впервые предложил теорию функциональной эквивалентности и провел различие между формальной и динамической эквивалентностью. Лингвист считал, что формальная взаимность сосредоточена на оригинальном языке и максимально воспроизводит форму и содержание оригинального текста [2, с. 23]. При переводе, основанном на динамической эквивалентности, человек, читающий перевод должен испытывать те же эмоции и ощущения, что и человек, читающий текст в оригинале. Именно поэтому для переводчика очень важно передать стиль исходного текста [9, с. 26]» и т.д. Работа дробится на смысловые блоки, дифференциация позволяет следить за развитием авторской мысли. Отмечу, что автор заинтересован предметом исследования, достаточно внимателен к «уже сказанному». При этом умело в работе выстраивается т.н. конструктивный диалог. Таблицы, схемы дают возможность автору обобщить наработки, представить открыто полученный результат. Аналитическая составляющая проявляется в каждой части работы: например, «Проанализируем приведенный пример:

视力佳 [shilijia] от латинского *halasom*. Проанализируем значение каждого иероглифа: 视 'зрение'; 佳 'хороший'. Название данного препарата в переводе на китайский язык буквально означает хорошее зрение. В данном случае использование семантического способа перевода позволяет улучшить продажи препарата». Серьезных фактических ошибок не выявлено, но текст необходимо вычитать, встречаются опечатки, лишние знаки: «Линь Шэнцю, Ван Цзебин. Рассмотрение стратегии перевода названий лекарств с точки зрения теории скопоса // Журнал обучения за пределами кампуса в Китае (林生趣, 王泽兵. 从目的论视角看药品名称的翻译策略. 中国校外教育), 2019. 75 с.». Научная работа должна выглядеть соответствующим образом. В итоговой части отмечено, что «наименования, переведенные при помощи фонетического способа, нередко сохраняют связь с латинскими словами. При использовании семантического способа подбираются такие иероглифы, которые указывают на то, от чего именно помогает лекарство. Перевод названий медицинских препаратов с помощью смешанного способа не только сохраняет звучание языка оригинала, но и содержит информацию о полезных свойствах товара. Часто при переводе на китайский язык с английского добавляются слова, несущие специфику китайской медицины. При переводе названий европейских препаратов с учетом специфики китайской медицины часто добавляются реалии китайского языка и культуры, для того чтобы сделать действие средства более понятным потребителю. Перевод нередко подкрепляется визуализацией, отсылающей к китайским фразеологизмам и образам традиционной культуры». Считаю, что заключение соотносится с основной частью, итог подведен верно. Основные требования издания учтены, тема раскрыта, цель исследования достигнута. Материал может найти практическое применение, ряд установок, которые высказаны исследователем,

целесообразно использовать в качестве отправной точки для новых изысканий. Рекомендую статью «Специфика перевода на китайский язык названий медицинских препаратов в рекламе» к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика перевода на китайский язык названий медицинских препаратов в рекламе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», посвящена выявлению особенностей перевода терминологизированной лексики из сферы медицины на китайский язык. Как правильно подмечает автор, «большинство иностранных медицинских терминов не имеет эквивалентов в китайском языке, что обуславливает необходимость использования различных способов перевода». Исследование написано на актуальную тему, так как проблема возникновения терминов в современных условиях в различных языках связана с процессами неконтролируемого заимствования. Закрепление терминов в текстах рекламы способствует внедрению в узус лексики, не характерной для китайского языка, что требует ее осмысления в плане словообразования. В части создания неологизмов китайский язык всегда отличался корректным отношением к заимствованиям, строгим отбором и кодификацией. Медицинские термины, появившиеся через визуальные тексты рекламы, являются порождением последних лет, характеризуют специфику протекания процесса номинации в настоящем времени. Поэтому тема, разрабатываемая в исследовании, актуальна. Стиль изложения статьи соответствует требованиям научного описания. Структура статьи логична, текст подразделен на четкие подразделы, облегчающие читательское восприятие мысли автора. Поднятая в статье проблематика находит свое обоснование в трех подразделах: 1. Теория и способы перевода на китайский язык медицинских терминов в рекламе. 2. Значение теории функциональной эквивалентности для перевода рекламы. 3. Способы перевода названий лекарств на китайский язык. Автор, проанализировав основные способы перевода названий медицинских препаратов на китайский язык в рекламе, задается целью обнаружить наиболее подходящие стратегии перевода при использовании в медицинской рекламе. Наименования, переведенные при помощи фонетического способа, являются самым распространенным способом образования медицинских терминов в переводе. Их особенность в том, что они нередко сохраняют связь с латинскими первоисточниками. В основе смешанного способа лежит соблюдение артикуляционных особенностей иноязычного слова в языке-приемнике. Краткость и емкость терминов – основные требования, предъявляемые к ним, сохраняются при использовании семантического способа перевода. Иероглифичный характер подобных знаков является наиболее информативным с точки зрения указания на действие препарата.

Еще одним способом образования медицинских терминов стал семантический, который учитывает специфику китайской медицины, не имеющую аналогов в европейской медицине. Поэтому, как отмечает автор, «при переводе названий европейских препаратов с учетом специфики китайской медицины часто добавляются реалии китайского языка и культуры для того, чтобы сделать действие средства более понятным потребителю. Перевод нередко подкрепляется визуализацией, отсылающей к китайским фразеологизмам и образам традиционной культуры».

В целом, на наш взгляд, статья «Специфика перевода на китайский язык названий медицинских препаратов в рекламе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera»,

содержит интересные сведения по номинации и контактному развитию языков, привлечет внимание читателей, поэтому рекомендуется в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Аль-Анбаги Ш, Шаклеин В.М. Специфика синтаксических конструкций русского делового письма (на фоне арабского) // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71034 EDN: KQROWG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71034

Специфика синтаксических конструкций русского делового письма (на фоне арабского)

Аль-Анбаги Шайма Тамер Хасан

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ shaimatamerhasan@yandex.ru

Шаклеин Виктор Михайлович

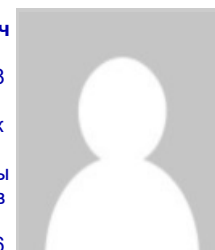
ORCID: 0000-0003-3576-3828

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания; Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ shaklein@rudn.ru

[Статья из рубрики "Профессиональный язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71034

EDN:

KQROWG

Дата направления статьи в редакцию:

10-06-2024

Дата публикации:

17-06-2024

Аннотация: Объектом исследования стали синтаксические особенности современной русской и арабской деловой переписки; предметом исследования – специфические черты синтаксиса современных русских деловых документов, которые становятся более

явными в сопоставлении с арабским деловым письмом. Научная новизна исследования состоит в выявлении особенностей, характерных для русского делового письма на современном этапе его развития, и сопоставление данных особенностей с чертами арабских деловых писем. Также определённую новизну представляет проводимая автором связь между историей и культурой русского и арабского официально-делового стилей и трансформациями, которые в разной степени активно в них происходят в настоящий момент. Одной из задач автора стало выяснить, почему новые особенности деловой переписки, распространяющиеся под влиянием глобализации, проявляются по-разному в разных языках. Исследование проводилось на основе структурно-семантического, сравнительно-сопоставительного и функционального подходов с помощью методов компонентного анализа текста писем, интерпретации их структуры и содержания, наблюдения, описания, сопоставления. В результате исследования отмечено, что синтаксический строй современного русского делового письма в настоящий момент активно развивается. Усиливается личностный характер делового письма, меняются способы выражения императивности, повышается уровень эмоциональности, и всё названное отражается на типах используемых синтаксических конструкций. В арабском деловом письме трансформации менее ярко выражены, что связано с историей его развития и особенностями арабской культуры. В электронной деловой переписке синтаксис русского и арабского делового письма имеет схожие изменения. Делается вывод о том, что на русское и арабское деловое письмо оказывают влияние не только глобализационные процессы, но и их самобытная древняя история, а также русская и арабская культура, что обуславливает отличия синтаксического строя.

Ключевые слова:

официально-деловой стиль, деловое письмо, деловая переписка, русский язык, арабский язык, личностный характер, императивность, электронное письмо, синтаксис, синтаксические конструкции

Введение

Деловое общение прочно вошло в коммуникативные реалии современного человека. Официально-деловой стиль, в рамках которого развивается деловая переписка, отличается наибольшей степенью стандартности на фоне других функциональных стилей языка. Для него характерна устойчивость и структуры, и содержания, и стилистических характеристик текста, ему свойственны черты, определяемые исторически, сложившиеся в ходе развития стилистической системы каждого языка вообще и официально-делового стиля, в частности. В то же время в настоящий момент трансформациям подвержены самые разные факты, формы и сферы использования языков; не остаётся в стороне от определённых изменений и деловая переписка. В России и арабоязычных странах развитие официально-делового стиля шло своими путями, и к середине XX в. стиль сформировался в своих основных чертах, определяемых культурно и исторически. Сейчас на динамику деловой переписки на русском и арабском языках влияют многие факторы: история, традиции, глобализация, изменения в этических нормах и др. Для развития русского делового письма важным фактором стало изменение системы экономических отношений в России. В советское время деловая переписка практически не велась, поскольку все экономические вопросы решались путём государственного регулирования, а значит, деловое письмо как жанр официально-делового стиля не развивалось. В 1980–1990-х гг. ситуация изменилась, появилось множество частных

компаний и фирм, которые начали вести между собой деловую переписку, кроме того, увеличилась значимость переписки для организаций сфер образования и управления, для дипломатической сферы. Это вызвало активное развитие делового письма.

Обзор литературы

Синтаксический строй является одной из ключевых характеристик делового письма, поскольку с помощью синтаксических конструкций письмо получает своё окончательное оформление, свой итоговый вид, кроме того, синтаксические конструкции обладают способностью транслировать определённые смыслы адресату имплицитно, а значит, непрямо воздействовать на него. В то же время синтаксические конструкции и русского, и арабского делового письма изучены в лингвистике в меньшей степени, чем единицы других языковых уровней, например, лексические, графические, орфографические, морфологические.

Деловые письма привлекают исследователей меньшей регламентированностью по сравнению с другими официально-деловыми документами и в то же время сохранением ими правовой силы: «Деловое письмо является особым типом документов, менее жестко регламентированным, чем контракт или постановление, но имеющим юридическую значимость» [1, с. 85]. Н. А. Карабань анализирует вводные конструкции и модальные слова в деловом письме как средства реализации категории вежливости [2, с. 5]. С. Ю. Федюрко и О. А. Андросова отмечают влияние на синтаксис делового письма коммуникативных задач переписки [3, с. 105]. Е. Ю. Кузьмина выявляет преобладание в русском деловом письме неосложнённых распространённых предложений с различными второстепенными членами [4, с. 3]. Некоторые инновации в области синтаксиса русского делового письма (восклицательные предложения, слоганы, явления экспрессивного синтаксиса) выявляет А. В. Михайлова [5, с. 16-17]. М. Г. Голикова отмечает изменения синтаксического уровня делового письма, связанные с его переходом в электронный формат [6, с. 20]. Влияет на синтаксис русской деловой речи и внедрение в него элементов разговорного стиля [7, с. 105]. Синтаксис современного русского делового письма анализируется фрагментарно; рассмотрение синтаксических особенностей арабской деловой переписки можно увидеть вообще в единичных публикациях. К примеру, А. К. Шабан упоминает, что синтаксические средства являются здесь одним из способов выражения вежливости [8, с. 13].

В целом сказать, что синтаксическая структура современного русского и арабского делового письма является хорошо изученной в лингвистике, нельзя. Остаётся множество лакун и не затронутых учёными вопросов, которые, как мы считаем, продуктивно рассмотреть, используя сравнительно-сопоставительный подход.

Цель статьи – выявить основные особенности синтаксического строя, характерные для русского делового письма на данном этапе его развития, сопоставив строй русского и арабского делового письма.

Материалом для практического исследования стали тексты деловых писем на русском и арабском языках. Страна происхождения писем арабоязычных корреспондентов – Ирак. Все было рассмотрено около трёхсот писем, 200 из которых обслуживают переписку внутри России, около 100 – международную переписку на русском и арабском языках между российскими и иракскими деловыми кругами (в сфере дипломатии, образования, торговли и др.).

Результаты исследования

Перечень основных, стандартных синтаксических конструкций, использование которых характерно для русского делового письма, находим в учебно-научной литературе, где к ним относят:

- прямой порядок слов в предложении;
- преобладание распространённых простых повествовательных предложений большого объёма;
- страдательные синтаксические конструкции;
- применение определённо-личных и инфинитивных предложений;
- расщепление сказуемого: *оказать влияние* вместо *влиять*;
- употребление рядов однородных членов, в том числе с нумерацией;
- нанизывание падежей: *для решения задачи повышения продаж*;
- преобладание в сложном предложении союзной связи над бессоюзной;
- редкое использование вводных слов и др. [\[9, с. 261-275\]](#).

Данные особенности выработались в русском деловом письме на протяжении всей истории его развития и являются стандартными, составляют основу его синтаксической структуры. Т. В. Сушенцова отмечает, что они выступают как характерные для синтаксического строя и современных деловых документов, поскольку их использование «подчинено прагматической установке самого текста» [\[10, с. 68\]](#). С этим нельзя не согласиться, однако хочется остановиться на тех трансформациях традиционных синтаксических структур, которые наблюдаются в современном русском деловом письме.

Во-первых, наблюдаются изменения, цель которых – усиление личностного характера деловой переписки, повышение в ней роли автора, более чёткое проявление его личности. Если ранее автор делового письма находился на периферии коммуникативного делового пространства, был неважен, то теперь его личность всё чаще получает проявление. Второстепенное положение автора достигается в деловом письме за счёт использования страдательных синтаксических конструкций («*В случае заинтересованности Вам будет направлено официальное коммерческое предложение*») и определённо-личных предложений («*Гарантируем, что продукция нашего завода, поставляемая по Вашему заказу, соответствует ГОСТу и требованиям, содержащимся в заказе*»). Автор при этом отходит на второй план, его позиция транслируется как менее важная, чем обсуждаемые деловые вопросы. В современных русскоязычных деловых письмах наблюдаются предложения, где позиция автора является более определённой, а сам он назван с помощью подлежащего в двусоставном предложении. Чаще всего используется наименование «коллективного субъекта» с помощью местоимения *мы*: «*Мы высоко ценим наше сотрудничество и надеемся на продолжение его в дальнейшем*». Местоимение *я* по-прежнему является недопустимым в деловой речи.

В арабском деловом письме позиция субъекта не выражается посредством местоимения в связи с грамматическими особенностями арабского языка, предложения которого состоят «из спрягаемой формы глагола, включающей как действие, так и действующий субъект» [\[11, с. 317\]](#). Например:

يسرنى أن اتقدم إليكم يا سيادة ... المحترم بأحر التهاني

Возможный вариант перевода включает местоимение: «Я рад передать Вам мои самые тёплые поздравления», однако в структуре арабского предложения произошло слияние субъекта и действия, поэтому местоимение отсутствует. Выражение субъектности, акцентирование личности автора письма происходит здесь с помощью других инструментов. В частности, в арабском деловом письме обязательно указание всех регалий автора, его научных званий и других сведений, демонстрирующих его заслуживающие уважения достоинства. В целом же арабское деловое письмо строится на основе коллективного характера арабской культуры, и концентрация на личности автора здесь недопустима.

Во-вторых, в современном русскоязычном деловом письме изменяются синтаксические средства выражения императивности.

Для авторов деловых писем важной является передача адресатам побуждения, транслируемого в числе прочего за счёт синтаксических конструкций, которые можно назвать ядерными средствами выражения императивности [12, с. 61]. Влияние на адресата, побуждение его к совершению какого-то действия – одна из основных целей автора письма. В русской деловой переписке традиционно применяются средства непрямого выражения императивности. К примеру, вместо повелительного может быть использовано изъявительное наклонение: «Вторично напоминаем о необходимости представить смету на строительство объекта по адресу... не позднее 15 декабря текущего года. В противном случае данный объект будет исключён из плана работ нашей фирмы». В данном случае побуждение усилено с помощью указания возможного последствия несоблюдения условий договора. Императивность может выражаться с помощью инфинитивных предложений, которые объединяются в список с чёткими указаниями того, что должен сделать партнёр: «1. Создать оперативный штаб. 2. Провести срочную инвентаризацию состояния естественных и искусственных гидросистем...». Безличность таких конструкций снижает степень прямого воздействия на адресата, уменьшает давление на него.

В современном русском деловом письме наблюдаются две противоположные тенденции. Побуждение, с одной стороны, может ещё более смягчаться, с другой – становиться более прямым, утрачивать завуалированность. В первом случае, к примеру, адресант может оставаться демонстративно вежливым даже при нарушении адресатом условий договора и расторжения с ним делового партнёрства: «Несмотря на приостановление сервисного обслуживания, в дальнейшем рассчитываем на возобновление сотрудничества с Вами». Во втором случае императивность начинает передаваться прямо, с помощью побудительных предложений: «Заполните данные формы и пришлите в указанные сроки». Данные изменения, по нашему мнению, связаны с отмеченным выше повышением личностного характера русскоязычной переписки. Авторы писем отступают от стандартных форм выражения императивности, формулируя побуждение так, как считают нужным и допустимым. Возможно, появление таких форм связано с историей русского официально-делового стиля, который восходит к разговорному стилю, а значит, способен отражать речевую специфику говорящего.

Для современного арабского делового письма в соответствии с традицией характерны не прямые формы выражения императивности. Сюда не могут проникнуть иные формы, распространённые в устной речи, поскольку здесь применяются особые формы императивности «раджа» и «вадда», в некоторой степени соответствующие сослагательному наклонению [13, с. 30]. Например:

نحن طلبنا ان ترسل الينا اخر قائمة بالمبيعات

Перевод: «Не могли бы вы отправить нам...». Возможно, данная синтаксическая особенность арабского делового письма связана с тем, что официально-деловой стиль в арабском языке восходит к художественному, а не к разговорному стилю, как в русском, и не может испытывать на себе его прямого влияния.

В настоящее время деловая коммуникация главным образом осуществляется посредством интернета, электронной почты, предназначенной для обслуживания учреждений и предприятий, что связано с удобством и скоростью передачи информации. Интересно, что в электронной деловой переписке, где сокращается социальная дистанция между автором и адресатом [14, с. 76], и в русском, и в арабском деловом письме наблюдаются схожие трансформации, в том числе касающиеся синтаксического строя. Возможно, это связано, во-первых, с тем, что в интернет-сфере сильнее действуют глобальные тенденции, на нее большее влияние оказывает мировое коммуникативное пространство, во-вторых, с тем, что общение в сети интернет приобретает многие качества устной речи. Назовём эти трансформации:

- упрощённость рамочных реквизитов письма, в первую очередь начальных, из которых может остаться только обращение, поскольку остальные (время отправления, дата, адресант и др.) указываются автоматически;
- более простой синтаксис, короткие предложения;
- использование вопросительных и восклицательных предложений.

Как видим, данные особенности касаются упрощения синтаксического строя и повышения эмоциональности письма, то есть, действительно, отражают тенденцию к проникновению в него в электронной форме черт устной речи, снижению уровня официальности. Кроме того, и в русском, и в арабском деловом электронном письме ярче выражен личностный характер переписки, за его текстом сильнее видно личность автора. Письмо становится более индивидуализированным, во многом сохраняя при этом стандартизированность и регламентированность.

Заключение

Деловая переписка в различных странах современного мира приобретает всё больше схожих черт в связи с глобализацией мирового пространства, усилением международных деловых связей, влиянием на мировую деловую коммуникацию европейской традиции. Подвергается изменению и синтаксический строй деловых писем. В частности, в русском деловом письме появляются конструкции, отражающие усиление личностного характера деловой переписки, например, двусоставные предложения, и сокращается число конструкций, с помощью которых личностный характер не выражен: страдательные, определённо-личные предложения. Трансформируются синтаксические способы выражения императивности за счёт сокращения предложений с прямой побудительностью. Синтаксис арабского делового письма более стабилен и в большей степени сохраняет стандартные синтаксические конструкции, что мы связываем с его историей. В отличие от русского официально-делового стиля, он восходит не к разговорному, а к художественному стилю и в меньшей степени допускает появление структур, характерных для устной речи. Одновременно коллективный характер арабской деловой коммуникации препятствует проявлению индивидуальности автора письма. У электронной деловой коммуникации изменения более ярко выражены и встречаются не

только в русском, но и в арабском деловом письме, что отражает большую демократичность этой сферы коммуникации, её глобальный характер и проникновение к ней особенностей устной речи.

Перспективы проведённого в данной работе исследования состоят в анализе наиболее актуальных тенденций развития русской и арабской деловой переписки, которых в настоящий момент становится всё больше в связи с активизацией взаимодействия между Россией и арабоязычными странами.

Библиография

1. Майдурова Ю. В. Национальные особенности речевого этикета в деловом письме (на материале русского и английского языков) // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2009. № 1. С. 85–90.
2. Карабань Н. А. Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 25 с.
3. Федюрко С. Ю., Андросова О. А. Основные характеристики делового письма // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. С. 105–106.
4. Кузьмина Е. Ю. Принципы организации распространенного предложения-высказывания официально-делового стиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 24 с.
5. Михайлова А. В. Инновации в официально-деловом стиле русского языка новейшего периода (на материале жанров договора и письма-предложения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 20 с.
6. Голикова М. Г. Деловое электронное письмо: нормы и факты // Мировые языки в экономике будущего: сборник научных трудов. Оренбург: ОГУ, 2021. С. 20–24.
7. Человек в социокультурном измерении: монография / И. В. Глушко, Т. М. Зуева, М. Н. Крылова, И. М. Лаврухина, А. В. Яровой. Зерноград: АЧИИ, 2022. 222 с.
8. Shaban A. K. Verbalization of politeness in business discourse in Arabic // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы X международной научной конференции. Челябинск: ЧГУ, 2020. С. 13–16.
9. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
10. Сушенцова Т. В. Синтаксическая регламентированность текстов официально-делового стиля // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2022. № 1 (44). С. 68–72.
11. Абдулина В. Предложение как единица синтаксиса в арабском языке // Минбар. Исламские исследования. 2015. Т. 8. № 2. С. 315–318.
12. Крылова М. Н. Средства выражения императивной семантики в русском языке (функционально-семантическое поле императивности) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8. № 4. С. 54–64. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_4_54.
13. Хомутова Т. Н., Шабан А. К., Фаткулин Б. Г. Лингвистические средства выражения вежливости в деловом письме-просьбе: контрастивное исследование (на материале английского, арабского и русского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16. № 2. С. 27–35. DOI: 10.14529/ling190204.
14. Сатучина Т. Ю. Фактор социальной дистанции, детерминирующий вариативность деловой интернет-коммуникации (на материале электронных писем) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 2. С. 76–79. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-2-76-79

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Специфика синтаксических конструкций русского делового письма (на фоне арабского)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно является актуальной ввиду важности официальной переписки на международном уровне. Работа является сопоставительной, выполненной на материале арабского и русского языков. Автор обращается к проблематике стилистики русского и арабского языков в части исследования особенностей официально-делового стиля в данных языках. Цель статьи – выявить основные особенности синтаксического строя, характерные для русского делового письма на данном этапе его развития, сопоставив строй русского и арабского делового письма.

Материалом для практического исследования стали тексты деловых писем на русском и арабском языках. Страна происхождения писем арабоязычных корреспондентов – Ирак. Все было рассмотрено около трёхсот писем, 200 из которых обслуживают переписку внутри России, около 100 – международную переписку на русском и арабском языках между российскими и иракскими деловыми кругами (в сфере дипломатии, образования, торговли и др.).

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим, что автор обоснованно подошел к теоретической базе исследования и представил убедительные данные, которые проиллюстрированы отрывками текстов на арабском языке с авторским переводом на русский, а также примерами из русскоязычных источников.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справку разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описания результатов исследования и представления выводов. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Перспективы проведенного в данной работе исследования состоят в дальнейшем более глубоком анализе наиболее актуальных тенденций развития русской и арабской деловой переписки, которых в настоящий момент становится всё больше в связи с активизацией взаимодействия между Россией и арабоязычными странами.

Библиография статьи насчитывает 14 источников российских исследователей. Считаем, что при заявленной проблематике целесообразным бы было обращение к трудам зарубежных лингвистов на арабском языке.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам - востоковедам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление от знакомства с работой положительное, статья «Специфика синтаксических конструкций русского делового письма (на фоне арабского)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кулакова Д.В., Олейников С.В., Пую А.С., Громова Л.П. Аксиологические основания профессиональной деятельности журналиста // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71023 EDN: KTJGNV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71023

Аксиологические основания профессиональной деятельности журналиста

Кулакова Дарина Владленовна

аспирант; кафедра международной журналистики; Санкт-Петербургский Государственный Университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ darina.kulakova@yandex.com

Олейников Сергей Викторович

доктор политических наук

профессор; кафедра журналистики; ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Покровская, 128

✉ olen_serg@inbox.ru

Пую Анатолий Степанович

доктор социологических наук

профессор; кафедра международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ a.puju@spbu.ru

Громова Людмила Петровна

доктор филологических наук

профессор; кафедра истории журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ NikonovS@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71023

EDN:

KTJGNV

Дата направления статьи в редакцию:

Дата написания статьи в редакцию:

10-06-2024

Дата публикации:

17-06-2024

Аннотация: Профессиональная деятельность журналиста имеет четко выраженный ценностный характер, отражающий мировоззренческие и этические принципы данной сферы. В данной статье анализируются следующие ценностные ориентиры журналистики: 1. Принцип человеколюбия, основанный на гуманистических идеалах и ответственном отношении к людям. 2. Принцип правдивости, подразумевающий точность передачи информации и интерпретации фактов как профессиональный долг. 3. Принцип честности, предполагающий не только недопущение введения аудитории в заблуждение, но и отказ от причинения вреда людям. 4. Принцип ответственности, включающий в себя совокупность требований к профессионализму, качеству текста, объективности и балансу. Данные ценностные установки представляют собой идеальные сущности, существующие в мире должного и целевых ориентиров. Будучи укорененными в философской традиции, они упорядочивают и наполняют оценочным содержанием профессиональную деятельность журналистов, определяя ее ориентацию на служение обществу и утверждение гуманистических идеалов. В работе использованы следующие методы: 1. Теоретический анализ философской и научной литературы по проблеме аксиологических оснований журналистики. 2. Сравнительно-аналитический метод, примененный при сопоставлении различных концепций ценностей в философской традиции. 3. Интерпретативный метод, использованный для содержательного анализа и оценочного наполнения ценностных принципов, составляющих аксиологическую основу профессиональной деятельности журналистов. Обобщая, можно сказать, что система ценностей журналистики характеризуется принципами человеколюбия, правдивости, честности и ответственности. Эти ценностные установки отражают мировоззренческую и этическую основу профессиональной деятельности журналистов. Проведенный анализ позволяет заключить, что система ценностей журналистики является фундаментом, определяющим ее мировоззренческие и этические основания. Ключевыми ценностными принципами в данной профессиональной сфере выступают человеколюбие, правдивость, честность и ответственность. Эти ценности представляют собой нормативные ориентиры сознания и поведения журналистов, упорядочивающие и наполняющие оценочным содержанием их профессиональную деятельность. Укорененные в философской традиции, они трактуются как идеальные сущности, существующие в мире должного и целевых установок. Таким образом, аксиологическая основа журналистики определяет ее ориентацию на истину, служение обществу и утверждение гуманистических идеалов. Данная ценностная система задает этический вектор медиакommunikаций, делая журналистику социально ответственной профессией.

Ключевые слова:

ценностное содержание, журналистика, аксиология, массмедиа, принципы, профессиональная деятельность, аксиологический анализ, массмедийное пространство, этика, онтология журналистики, информация

Введение

Роль и влияние ценностей журналистики часто обсуждается в повседневной речи, но реже изучается в научных исследованиях. Согласно одним теориям [\[12, 13\]](#), журналистика способствует эффективному распределению ресурсов и необходима для демократии. Согласно другим теориям [\[11, 14\]](#), у новостных организаций и журналистов могут быть иные цели, а меры по защите журналистов могут иметь негативные последствия.

Разгадка основных ценностных ориентиров современных средств массовой информации находится в фокусе аксиологических исследований массмедиа. Однако проблема изучения этих ценностей коренится глубоко в самой природе массмедиа как социального института. Возникает вопрос: что именно является предметом такого исследования – содержательное наполнение массмедиа или сами массмедиа как социальный феномен?

Современные медиа-исследователи и ученые говорят о выделении особой подсистемы медийного и информационного пространств, называя его массмедийным пространством [\[1;259\]](#). Массмедийное пространство — это пространство, которое насыщено информацией массового характера. Источники информации в нем — средства массовой информации, потребители — массовая аудитория [\[1;259\]](#). Являясь антропологичным по своей сути, массмедийное пространство «имеет сильнейшее воздействие на сознание, волю и действия» [\[1;304\]](#) человека – своего создателя. С точки зрения данного подхода, массмедиа – пространство столкновения (сопоставления, сравнения) ценностей. Таким образом, массмедийное пространство можно рассматривать как арену, где происходит взаимодействие и конкуренция различных ценностных систем, транслируемых через медиаконтент. Исследование подобного ценностного измерения массмедиа представляет собой перспективное направление в теории журналистики.

Цель и методы исследования

Цель исследования – выявить и проанализировать ценностное содержание профессиональной деятельности журналиста.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы:

1. Теоретический анализ философской и научной литературы по проблеме аксиологических оснований журналистики. Данный метод позволил выявить и систематизировать ключевые ценностные принципы, определяющие мировоззренческую и этическую основу профессии.
2. Сравнительно-аналитический метод, примененный при сопоставлении различных концепций ценностей в философской традиции, в частности, идей Иммануила Канта о трактовке ценностей как идеальных сущностей «мира должного». Это способствовало более глубокому пониманию специфики ценностных ориентиров журналистики.
3. Интерпретативный метод, использованный для содержательного анализа и оценочного наполнения ценностных принципов, составляющих аксиологическую основу профессиональной деятельности журналистов.

Совокупность данных методов позволила комплексно исследовать ценностное содержание журналистики, выявить его структурные компоненты и определить их роль в

упорядочении и оценке медиакommunikативной практики.

Результаты исследования

В сферу исследований аксиологии массмедиа входят вопросы изучения пропагандируемых в СМИ ценностей, их восприятия аудиторией и влияния на культуру, общество и социальную сферу. Как отмечает медиа-исследователь В.А. Сидоров, для аксиологии массмедиа особую актуальность приобретает анализ «медийных деструкций в духовной жизни общества» [\[9\]](#). Медиатизация действительности, когда индивид сталкивается лишь с «медиафактами» и «медиасобытиями», может вести к «цифровому отчуждению» человека, стиранию граней между подлинным и мнимым, красотой и безобразием, добром и злом [\[9\]](#). Таким образом, в медийности кроется потенциал деструкции духовных ценностей общества, что определяет ключевое проблемное поле аксиологии массмедиа.

Одна из основных проблем, стоящих перед аксиологией массмедиа, заключается в сложности ее научной идентификации и выделения в качестве самостоятельной области знаний. Это связано со сложной, мультидисциплинарной природой журналистики, которая включает в себя элементы философии, социологии, политологии, психологии и других научных дисциплин. Поэтому не всегда возможно однозначно определить, какие именно аспекты следует относить к сфере аксиологии массмедиа.

Ценностные ориентиры, транслируемые через массмедиа, могут быть весьма разнообразными и зависят от множества факторов. Это могут быть политические установки, корпоративные интересы, культурные и социальные традиции и так далее. Некоторые СМИ стремятся к ценностной нейтральности, представляя разные точки зрения, в то время как другие активно пропагандируют определенные ценности, усиливая их влияние в обществе.

Данное обстоятельство создает серьезные методологические и концептуальные трудности для аксиологии массмедиа как самостоятельной области исследования. Ее предметное поле оказывается размытым, пересекающимся с различными социогуманитарными дисциплинами, что требует особого теоретико-методологического подхода к изучению ценностных аспектов функционирования медиасферы. Преодоление этих проблем может стать важным шагом на пути формирования аксиологии массмедиа как перспективного направления медиаисследований, способного углубить понимание роли и влияния массовых коммуникаций на ценностно-нормативную систему современного общества.

Исследователи справедливо отмечают, что массмедиа занимают ведущую позицию в области идеологического воздействия на общество и личность. Они становятся ключевыми трансляторами культурных достижений, активно влияя на принятие или отрицание обществом тех или иных ценностей [\[8\]](#).

С другой стороны, аксиология медиа – это сама система ценностей, заложенная в медийной системе. Основная задача аксиологического подхода к массмедиа заключается в выявлении и анализе доминирующих ценностей, преобладающих в медийном пространстве.

Аксиологический анализ массмедиа представляет собой исследование определенной иерархии ценностей, отражающей приоритетные идеалы, склонности и интересы, которые акцентируются и транслируются в информационном пространстве.

Журналистика как особый вид социально-творческой деятельности опирается на систему фундаментальных аксиологических ориентиров, формирующих мировоззренческие основы этой профессии. Философский анализ позволяет выделить ключевые ценности, определяющие ее ценностно-нормативную сущность.

Онтологические ценности журналистики связаны с адекватным отображением объективной реальности. Журналист стремится к максимальной объективности и достоверности в представлении событий и явлений, избегая субъективных искажений и предвзятости. Он ориентирован на всеохватность и многомерность описания действительности, на раскрытие ее сущностных характеристик.

Гносеологические ценности журналистики проявляются в стремлении к познанию окружающего мира, к расширению знаний и достижению истины. Журналист выступает в качестве исследователя социальной реальности, нацеленного на ее глубокое понимание и объяснение. Познавательная активность журналиста направлена на выявление закономерностей общественного развития.

Аксиологические ценности журналистики отражают ее социальную роль и общественное предназначение. Свобода слова и независимость журналиста рассматриваются как необходимые условия для объективного отражения действительности. Социальная ответственность перед обществом определяет направленность журналистской деятельности на защиту прав и интересов граждан, на содействие развитию демократических институтов.

Этические ценности определяют нравственную сущность журналистской профессии. Журналист должен быть образцом честности, порядочности и неподкупности. Он обязан следовать этическим кодексам и нормам, сохраняя верность профессиональной этике.

Праксеологические ценности журналистики включают профессионализм, компетентность и высокое мастерство. Журналист должен постоянно совершенствовать свои навыки, осваивать новые технологии, проявлять творческий подход и инновационность.

Экзистенциальные ценности журналистики отражают ее значение для самореализации и самовыражения личности. Журналистика дает возможность реализовать творческий потенциал, завоевать общественное признание и доверие.

Данные ценности раскрывают глубинную сущность журналистики как особого вида духовно-практической деятельности. Они отражают аксиологический фундамент профессии, её ориентацию на раскрытие истины, служение обществу и утверждение гуманистических идеалов.

Философский взгляд подчёркивает мировоззренческую, мыслительную и нравственную основу журналистской профессии, что имеет принципиальное значение для понимания её социальной роли и назначения.

Так, в журналистской среде можно выявить первый ценностный принцип – ценность человеколюбия, которая в более широком ключе «исходит из метаценностей доброты и любви» [5]. Этот принцип предполагает следование установке «не навреди», когда слово рассматривается не только как инструмент, способный «убить», но и как средство «спасения» [5]. Философский анализ медиакommunikации показывает, что язык представляет собой главный способ познания и описания мира, отражая определенный способ мышления и национально-культурную традицию [6, 7]. Соответственно, основной инструмент деятельности журналиста – это ретрансляция на массовую аудиторию

различных образов и высказываний. Однако нарушения в коммуникативном процессе могут приводить как к прекращению коммуникации, так и к искажению транслируемых кодов, фактов и информации. Следовательно, аксиологический аспект журналистской деятельности связан с особой ответственностью за используемые языковые средства, их влияние на массовое сознание и социокультурные процессы.

Другим важным ценностным принципом журналистики является принцип правдивости, основывающийся на ценности истины. Точная передача информации и интерпретация фактов считаются профессиональной заповедью журналистов. При этом, если вопросы формата, стиля или подачи материала могут иметь субъективный характер, то ошибки в профессиональной деятельности не оправданы.

Принцип правдивости тесно связан с ценностью честности, которая трактуется не только как «не вводить в заблуждение», но и как «не наносить вред людям и не причинять боль невиновным» [\[5\]](#).

Третьим ключевым ценностным ориентиром журналистики выступает принцип ответственности, включающий в себя точность, честность, объективность, качество текста. Ответственность журналиста проявляется в его отношении к аудитории, которой он служит. При этом принцип ответственности основывается на «необходимости» [\[2; 11\]](#), что сближает его с ценностью свободы. Как отмечал Бенедикт Спиноза, свобода неразрывно связана с необходимостью, поскольку человек ограничен природными и социальными пределами [\[10\]](#). С этической точки зрения, принцип ответственности соотносится с понятием нравственного долга, фиксирующего моральную необходимость определенных поступков [\[3\]](#).

Выводы

Обобщая, можно сказать, что система ценностей журналистики характеризуется принципами человеколюбия, правдивости, честности и ответственности. Эти ценностные установки отражают мировоззренческую и этическую основу профессиональной деятельности журналистов.

Данные ценности представляют собой нормативные основания сознания и поведения людей. Согласно философии Иммануила Канта, ценности воспринимаются как «идеальные сущности, существующие в мире должного и целевых ориентиров, однако они также упорядочивают и оценочно наполняют действительность» [\[4, с. 61\]](#).

Проведенный анализ позволяет заключить, что система ценностей журналистики является фундаментом, определяющим ее мировоззренческие и этические основания. Ключевыми ценностными принципами в данной профессиональной сфере выступают человеколюбие, правдивость, честность и ответственность.

Эти ценности представляют собой нормативные ориентиры сознания и поведения журналистов, упорядочивающие и наполняющие оценочным содержанием их профессиональную деятельность. Укорененные в философской традиции, они трактуются как идеальные сущности, существующие в мире должного и целевых установок.

Таким образом, аксиологическая основа журналистики определяет ее ориентацию на истину, служение обществу и утверждение гуманистических идеалов. Данная ценностная система задает этический вектор медиакommunikаций, делая журналистику социально ответственной профессией.

Библиография

1. Байчик, А.В. Массмедийное пространство ценностного конфликта: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2022.
2. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности Архивная копия от 23 ноября 2018 на Wayback Machine. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма (2009). С. 11.
3. Гусейнов А.А. Долг // Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001.
4. Ерофеева И. В. Аксиологические приоритеты в стратегии развития СМИ Забайкальского края / И. В. Ерофеева // Феноменология современных медиасистем и медиатекстов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры журналистики, Тирасполь, 16–17 ноября 2018 года / Ответственные редакторы: С.Л. Распопова, С.В. Олейников. – Тирасполь: Издательство Приднестровского университета, 2018. – С. 61.
5. Корженева О. Ценности журналистики: история и современность// Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2010. №3.
6. Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции / С. В. Никоненко. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
7. Песина С. А. Слово в понимании философии языка и лингвистики. Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2011. № 2 URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2011/02/2011-02-11.pdf> (дата обращения: 22.11.2023).
8. Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе // URL: http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp/01.php (дата обращения: 11.01.2024).
9. Сидоров В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 117-125.
10. Шустова О. Б., Сидоров Г. Н. История развития философской проблемы свободы и ответственности ученого и философа в контексте рациональности // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. №S6.
11. Akinkoya, O. F., Odetoyinbo, A. C., & Ogbuehi, C. S., AGENDA SETTING IN DEMOCRATIC SOCIETIES: ASSESSING THE ROLE OF THE PRESS IN POLITICAL COMMUNICATION FRAMING. URL: <https://crawfordjournalofpolitics.org/articles/VOL.%201%20NO.%202,%20September.%2020-20-ddJWg7qmtEsZ1tlvLxCGW81H-15-12-2020-12PM.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).
12. Lorenz-Spreen, P., Oswald, L., Lewandowsky, S. and Hertwig, R., 2023. A systematic review of worldwide causal and correlational evidence on digital media and democracy. Nature human behaviour, 7(1), pp.74-101. URL: [nature.com](https://www.nature.com/articles/s41562-023-03555-1) (дата обращения: 05.06.2024).
13. Robinson, L., Schulz, J., Blank, G., Ragnedda, M., Ono, H., Hogan, B., Mesch, G.S., Cotten, S.R., Kretchmer, S.B., Hale, T.M. and Drabowicz, T., 2020. Digital inequalities 2.0: Legacy inequalities in the information age. First Monday, 25(7). URL: [ox.ac.uk](https://www.firstmonday.org/issue/25.7/robinson.html) (дата обращения: 05.06.2024).
14. Wang, D. & Guo, S. Z., 2023. Aggregation and the New News Order: A Practice Theory Approach. Digital Journalism. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/21670811.2023.2273529> (дата обращения: 05.06.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вектор развития журналистики неоднороден. Работы, связанные с дешифровкой проблем ценностных ориентиров, появляются вновь и вновь, но именно этот ракурс и поддерживает диалогическую составляющую проблемы. Как отмечает в начале рецензируемого труда, «согласно одним теориям, журналистика способствует эффективному распределению ресурсов и необходима для демократии. Согласно другим теориям, у новостных организаций и журналистов могут быть иные цели, а меры по защите журналистов могут иметь негативные последствия», «Разгадка основных ценностных ориентиров современных средств массовой информации находится в фокусе аксиологических исследований массмедиа. Однако проблема изучения этих ценностей коренится глубоко в самой природе массмедиа как социального института. [Следовательно] Возникает вопрос: что именно является предметом такого исследования – содержательное наполнение массмедиа или сами массмедиа как социальный феномен?». Цель исследования и задачи работы сформулированы достаточно точно; магистраль разверстки темы дана в ступенчатой конструктивной парадигме. Например, «1. Теоретический анализ философской и научной литературы по проблеме аксиологических оснований журналистики. Данный метод позволил выявить и систематизировать ключевые ценностные принципы, определяющие мировоззренческую и этическую основу профессии. 2. Сравнительно-аналитический метод, примененный при сопоставлении различных концепций ценностей в философской традиции, в частности, идей Иммануила Канта о трактовке ценностей как идеальных сущностей «мира должного». Это способствовало более глубокому пониманию специфики ценностных ориентиров журналистики» и т.д. Методологическая основа труда имеет связность с интерпретативной, сравнительно-аналитической практикой, считаю, что это интересно, продуктивно, фактически грамотно. Текст статьи дробится на смысловые блоки, логика научной наррации оправдана, связность частей поддерживается внутренним желанием автора объективировать изучаемый вопрос, приблизится к спектру рецептивного характера. Ссылки и цитации даны в формате указанном изданием: например, «как отмечает медиа-исследователь В.А. Сидоров, для аксиологии массмедиа особую актуальность приобретает анализ «медийных деструкций в духовной жизни общества» [9]. Медиатизация действительности, когда индивид сталкивается лишь с «медиафактами» и «медиасобытиями», может вести к «цифровому отчуждению» человека, стиранию граней между подлинным и мнимым, красотой и безобразием, добром и злом [9]. Таким образом, в медийности кроется потенциал деструкции духовных ценностей общества, что определяет ключевое проблемное поле аксиологии массмедиа» и т.д. Стиль соотносится с научным типом: например, «журналистика как особый вид социально-творческой деятельности опирается на систему фундаментальных аксиологических ориентиров, формирующих мировоззренческие основы этой профессии. Философский анализ позволяет выделить ключевые ценности, определяющие ее ценностно-нормативную сущность. Онтологические ценности журналистики связаны с адекватным отображением объективной реальности. Журналист стремится к максимальной объективности и достоверности в представлении событий и явлений, избегая субъективных искажений и предвзятости. Он ориентирован на всеохватность и многомерность описания действительности, на раскрытие ее сущностных характеристик». Работа целостна, оригинальна, интересна; материал целесообразно использовать в вузовской практике. Автор приходит к выводу, что «проведенный анализ позволяет заключить, что система ценностей журналистики является фундаментом, определяющим ее мировоззренческие и этические основания. Ключевыми ценностными принципами в данной профессиональной сфере выступают человеколюбие, правдивость, честность и ответственность [...]. Таким образом, аксиологическая основа журналистики определяет ее ориентацию на истину, служение обществу и утверждение гуманистических идеалов.

Данная ценностная система задает этический вектор медиакommunikаций, делая журналистику социально ответственной профессией». Основные показатели издания выдержаны, цель - достигнута; труд не нуждается в серьезной правке. Рекомендую статью «Аксиологические основания профессиональной деятельности журналиста» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лю Ю. Женские образы в сказках А.П. Платонова // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71037
EDN: JWETQN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71037

Женские образы в сказках А.П. Платонова

Лю Юэ

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ liuyue159@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71037

EDN:

JWETQN

Дата направления статьи в редакцию:

11-06-2024

Дата публикации:

18-06-2024

Аннотация: Объектом исследования стали сказки А.П. Платонова, а предметом – анализ женских образов. В данной научной статье исследуются женские образы на материале сказок А.П. Платонова. Цель исследования – расширить понимание литературного наследия автора, а также показать важные аспекты человеческой природы, отношения между людьми и роль женщины в истории и культуре. Задачи, которые решались в рамках данного исследования: 1) провести анализ роли женщин в сказках Платонова; 2) изучить образ женщин через призму социокультурного контекста; 3) выявить типы сказочных героинь, встречающихся в произведениях А.П. Платонова. Героини сказок представлены такими женскими образами, как «героиня-спасительница» или «женщина-воин», «злая мачеха», «добрая фея» или «волшебница», мудрая «старушка». В качестве методов были использованы литературный анализ, типологический анализ, культурологический подход, структурный метод и другие. Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые материалом для анализа выступают женские образы в

сказках А.П. Платонова. В результате комплексного анализа были сделаны следующие выводы: изучение женских образов в сказках Андрея Платонова позволяет увидеть разнообразие типологических образов женщин, социокультурные особенности, заложенные в его произведениях, особенности домашнего быта, материнства и других аспектов, связанных с женщинами. Изучение этих аспектов помогает расширить кругозор читателя. Также героини служат критикой общественных норм и ценностей, выявлять проблемы неравенства, дискриминации или несправедливости. Изучение этих образов помогает осознать сложности и вызовы, с которыми сталкиваются женщины, их роль и положение в обществе, их права, обязанности и ограничения. Автор использует женские образы как символы или метафоры для передачи определенных идей или концепций, они помогают расширить понимание текста и обнаружить скрытые значения.

Ключевые слова:

сказка, женские образы, фантастика, реальность, метафоры, символы, герой, типология ролей, социокультурные особенности, женская сила

Сказка, по определению Д.Д. Пучкова, это один из видов фольклорной прозы, встречающийся у различных народов и подразделяющийся, в свою очередь, на такие жанры, как волшебные сказки, бытовые сказки, животные сказки, сказка-быль, и многое другое [\[6, с. 6\]](#).

«Сказка – это эпическое, чаще всего прозаическое произведение с установкой на вымысел, произведение с фантастическим сюжетом, условно-фантастической образностью, устойчивой сюжетно-композиционной структурой и ориентированной на слушателя формой повествования» [\[2, с. 13\]](#).

Сказки являются не просто развлекательным материалом, а скрытой формой передачи ценностей, мудрости и философии народа, которая проникает сквозь время и пространство, оставаясь актуальной и значимой для всех поколений. Женские героини играют важную роль в мире сказок. Они часто представлены как сильные, умные, самостоятельные и добрые персонажи, которые преодолевают трудности и испытания на своем пути. Женские героини в сказках могут воплощать различные архетипы, такие как принцессы, феи, ведьмы, злодейки или обычные девушки.

Часто сказки через женских героинь передают определенные ценности и уроки, такие как доброта, мудрость, смелость, преданность, сострадание и трудолюбие. Иногда женские героини сталкиваются с темами самопожертвования, любви, справедливости и верности. Каждая из них несет в себе особую символику и отражает определенные аспекты человеческой природы и жизни [\[11\]](#).

В настоящей статье рассмотрим женские образы в сказках Андрея Платоновича Платонова. Как отмечает Я.О. Шумков, создавая их, писатель во многом ориентировался на традиции русской и башкирской классической литературы [\[12, с. 134\]](#).

Сказки этого автора являются уникальными произведениями, которые сочетают в себе реальность и фантастику, создавая особую атмосферу и образы. Автор использует метафоры, символику и необычные сюжеты, чтобы подчеркнуть важные жизненные и философские идеи. Это сочетание реальности и фантастики помогает читателям воспринимать и понимать сложные темы через простые и доступные образы. Такой стиль

позволяет обращаться к важным вопросам человеческого существования, культуры, морали и этики, делая произведения А.П. Платонова запоминающимися и актуальными на протяжении многих лет.

Искусно сохраняя фольклорный дух, писатель сумел обогатить народные сюжеты и вложить в них свои самые сокровенные мысли [\[8\]](#).

Изучение женских образов в сказках Андрея Платонова имеет важное значение, поскольку они являются неотъемлемой частью его литературного наследия и вносят значительный вклад в понимание гендерных ролей, общественных норм и ценностей.

Рассмотрим женский образ Безручки в одноименной сказки А.П. Платонова «Безручка» [\[5\]](#), в основе которой лежит фольклорная сказка А.Н. Афанасьева «Косоручка», в сюжете которой брат изгоняет из дома свою оклеветанную сестру и отрубает ей руки; она выходит замуж, но вновь оклеветана и изгнана вместе с ребенком; наконец происходит чудесное исцеление: руки отрастают, когда Безручка пытается достать упавшего в колодец сына [\[10\]](#).

Сказка «Безручка» А.П. Платонова представляет собой переосмысление военной тематики в контексте послевоенного времени. Необходимо отметить, что творчество автора было глубоко затронуто опытом Великой Отечественной войны, и при помощи фольклорного сюжета о Безручке, автор передает своё видение войны как борьбы живых людей с неодушевленным врагом, жизни со смертью.

В сказке военная тема пронизывает всю историю. Муж Безручки уходит на войну, а сама героиня сталкивается с трудностями и испытаниями, которые приводят к чудесному исцелению ее рук. Этот момент исцеления, повторяющийся трижды в сказке, символично отражает не только фольклорный мотив, но и обращение к теме войны как к катарсису, который помогает установить порядок в хаосе.

А.П. Платонов также через образы отца и матери, утверждает связь между войной и родительской заботой. Мать рождает детей для жизни, их жертва во имя Родины воспринимается как оскорбление матери. Весь народ представлен как единое целое, где каждая жертва имеет свое значение.

Сказка «Безручка» представляет героиню, становящуюся символом силы и преданности воинам, способной утешать и помогать им в трудные моменты. «Стала она утешать больных и умирающих, и, бывало, кто бы умереть должен, глядь, и не помирает при добрых словах Безручки; кто духом ослаб, так Безручка впереди него как врага идет, и оробевший воин вновь поднимает меч. Так было дело» [\[5, с. 285\]](#).

Образ Безручки символизирует идею о том, что даже изначально слабый и уязвимый человек может обрести силу и стать защитником других благодаря любви и состраданию.

Также в сказке «Безручка» имеется и противоположный образ женщины, жены брата. Хозяйка избы, изменяя содержание письма и создавая ложные представления о ребенке, представляет собой образ предательства и жестокости. Ее поступок демонстрирует, как люди могут быть жестокими и безжалостными в своих действиях, порой не задумываясь о последствиях для других.

Этот фрагмент отражает сложные моральные дилеммы, вопросы верности, преданности и жертвенности, что делает его глубоким и проникновенным текстом.

Таким образом, в сказке А.П. Платонова «Безручка» представлено два образа женщин. Одна из них – жена брата – символ жестокости, зависти, злобы. Вторая, Безручка, символизирует силу, мужество, верность, преодоление жизненных трудностей.

В сказке А. Платонова «Афоня» описан образ матери как преданной и любящей женщины, чья судьба была трагически оборвана в результате ужасных событий в деревне. Мать Афони проявляет глубокую заботу и любовь к своему сыну, что видно из ее последних моментов, когда «...мать Афони еще стояла немного, чтобы дольше видеть своего сына, так она любила его и хотела быть с ним. Потом у нее глаза стали белые, как слепые, и она тоже упала на землю и умерла.» [\[5, с. 212\]](#).

Хотя матери Афони пришлось столкнуться с ужасом и трагедией, она продолжала проявлять свою нежность и заботу к сыну до самого конца. Ее любовь и жертвенность передают читателю глубокие чувства и эмоции, вызывая сочувствие и печаль.

Образ матери в этом рассказе напоминает нам о силе материнской любви и жертвенности, которые могут преодолеть даже самые тяжелые испытания и трагедии.

Рассказ «Ещё мама» [\[5, с. 171-177\]](#), представляет собой историю о мальчике по имени Артем, который отправляется в школу впервые. В процессе этого путешествия он переживает различные эмоции и встречает разных персонажей, каждый из которых символизирует определенные аспекты его жизни и окружения

В данном рассказе есть две женские фигуры, представленные мамой героя и его учительницей.

Евдокия Алексеевна – мать Артема, символизирует заботу, любовь и поддержку. Она старается подготовить своего сына к школе, но также понимает его эмоции и старается утешить его.

Учительница Аполлинария Николаевна – представляет собой символ нового этапа в жизни Артема. Она становится фигурой авторитета и заботы в отсутствие матери, что помогает мальчику приспособиться к новой среде.

Обе женщины помогают Артему пройти процесс взросления и осознания новых ответственностей, его переживания и встречи на пути к школе становятся значимыми для его личностного развития.

В сказке «Железная старуха» [\[5\]](#) мать главного героя Егора также символизирует заботу и поддержку. Она является опорой для мальчика и помогает ему разобраться в происходящих событиях.

Железная старуха – загадочный персонаж, который представляет собой символ судьбы или горя. Она вызывает у Егора чувство страха, но также пробуждает его решимость и силу.

В сказке «Земля» мать главного героя Вани в начале изображается как юная, красивая и добрая женщина, которая испытывает радость от рождения своего сына. Она ощущает восторг и любовь к малышу, что приносит ей счастье. С течением времени она сталкивается с тяжелой, нудной работой, что приводит к угасанию её красоты и появлению болезней. Это символизирует жертву материнства и трудности жизни.

Смерть матери оставляет Ваню в состоянии печали, но он продолжает общаться с ней в своих мыслях и воспоминаниях, что отражает его привязанность к ней.

В сказке «Семен» мать характеризуется автором, как «...Она там стряпала, кормила и качала последнюю девочку, стирала, штопала и чинила белье, мыла полы, бедные деньги берегла, как большие, сама дрова с девчонкой на руках ходила собирать около склада, где их мужики возили и роняли нечаянно с возов, а потом не подымали, чтоб легче было лошадям, — дрова чужие, а лошади свои.» [\[4\]](#).

Автор передает нам образ матери, которая выполняет множество тяжелых и утомительных работ, чтобы обеспечить свою семью. Она заботится о детях, готовит пищу, стирает и чинит одежду, убирает в доме, экономит деньги, собирает дрова и помогает мужчинам при работе.

Этот отрывок показывает нам не только физическую тяжесть ее труда, но и ее моральное величие. Мать в этой сказке представлена как символ бескорыстной любви и самоотверженности, готовой жертвовать своим комфортом ради благополучия своей семьи. Ее труд становится символом материнской заботы и жертвенности.

Автор использует реалистическое описание материнского труда, чтобы подчеркнуть его важность и ценность. Этот образ матери является одним из ключевых элементов сказки, который помогает читателям почувствовать глубину любви и самоотверженности материнства.

В сказке «Иван Бесталанный и Елена Премудрая» [\[5\]](#) мать является вдовой, крестьянкой, которая растила своего сына Ивана. Она заботится о нем и переживает за его будущее, так как он вырос бесталанным и неудачливым.

Мать представлена как трудолюбивая и заботливая женщина, старающаяся обеспечить сыну лучшее, несмотря на трудности и бедность.

Ее главной заботой становится желание женить сына, чтобы он имел разумную жену, которая помогла бы ему в жизни и в хозяйстве, «Нужно бы женить его: у разумной жены, гляди-ко, и неudelный муж в хозяйстве работник и даром хлеба не ест. Да кто, однако, возьмет в мужья ее бесталанного сына? Не только что красная девица, а и вдова, поди, не возьмет!».

Однако, после того, как Иван нашел себе жену при помощи старика, мать не верит в сына: «Боюсь я, сынок,- сказала матушка Ивану.- Ишь она, Еленушка, жена твоя, красавица писаная какая, богатая да знатная, чем ты ее заслужил? Мы-то с отцом твоим в бедности жили, а ты и вовсе без судьбы родился».

Елена Прекрасная из данного произведения представлена как загадочная и привлекательная женщина, вызывающая различные эмоции у персонажей. Ее красота и богатство делают ее объектом зависти и восхищения. Она обладает властью над мужчинами, включая Ивана, который чувствует себя неудовлетворенным в ее присутствии.

Елена Прекрасная представлена как символ женской красоты и загадочности, способной изменить свою судьбу с помощью волшебства. Ее решение уйти, превратившись в голубицу, показывает ее стремление к свободе и независимости.

Иван же вначале изображен как пассивный и неуверенный в себе персонаж, который не способен понять и ценить свою жену. Его действия приводят к необратимым последствиям, и он остается один, чтобы впоследствии найти свою жену и обрести совместную мудрость.

Сказка «Падчерица» ^[5] напоминает классическую сказку с моралью о том, что добро всегда побеждает зло. В ней прослеживается тема благодарности и сострадания, которые играют важную роль в развитии событий. Девушка, Гульбика, оказывает доброту и заботу как по отношению к старухе, так и к собачонке, что в конечном итоге спасает ее от змей.

Злобная мачеха и ее дочь, в свою очередь, падают жертвами своего собственного жадного и злого поведения. Справедливость наказывает их за их злые поступки.

Сказка также подчеркивает важность добрых поступков и помощи другим, а также то, что добро всегда находит путь к победе.

Старуха, которую встречает Гульбика в конце сказки, представлена как добрая и мудрая личность, готовая помочь девушке. Она принимает Гульбику в свой дом, утешает ее и предлагает остаться на некоторое время. Старуха учит Гульбику терпению, заботе и доброте, обучая ее простым сказке «Во времена давно прошедшие была одна злая-презлая женщина» образ мачехи представлен как типичный негативный персонаж, символизирующий жестокость, эгоизм и несправедливость. Мачеха является жестокой и бесчеловечной, заставляя падчерицу Гульбику работать без перерыва и не ценя ее усилий.

С другой стороны, Гульбики представлена как добрая, трудолюбивая и отзывчивая девушка, которая несмотря на тяжелое положение, сохраняет свою доброту и сострадание. Она ищет потерянный бытовым навыкам.

Таким образом, через противопоставление образов мачехи, Гульбики и старухи автор передает важные ценности: доброту, сострадание, трудолюбие и мудрость. Сказка показывает, что даже в сложных ситуациях доброта и уважение к другим людям могут привести к благополучию и поддержке.

В сказке «Ленивая девочка» ^[7] прослеживается контрастный образ бабушки и внучки, который символизирует различные подходы к труду, ответственности и заботе. Бабушка представлена как символ старости, опыта и мудрости, но в то же время она вынуждена просить у соседей проса из-за своей немощности. Ее стремление посеять что-то и подготовиться к будущему сезону показывает ее заботу о сохранении жизни и продолжении рода.

С другой стороны, внучка изображена как ленивая и безответственная, не видящая смысла в труде и заботе о будущем. Ее отношение к бабушке и к работе на поле показывает ее эгоистичный характер и недостаток понимания ценности труда и самообеспечения.

Через противопоставление этих двух персонажей автор подчеркивает важность ответственности, трудолюбия и заботы о себе и о других. В конце сказки внучка осознает свою ошибку и начинает понимать ценность труда и подготовки к будущему. Этот образный прием позволяет читателям увидеть разницу между двумя поколениями и осознать важность трудовой деятельности и заботы о будущем.

В известном произведении А.П. Платонова «Финист-ясный сокол» ^[3] представлено три женских образа: Марьюшка, ее сестры, Царица и Баба-Яга и ее сестры, каждый из которых символизирует определенные качества и ценности.

Марьюшка – героиня произведения, которая совершает благие поступки и помогает

Финисту, что в конечном итоге приводит к их обоюдному спасению и счастью.

Марьюшка — младшая дочь, ласковая, работающая и добрая девушка, которая влюбилась в Финиста-ясна сокола. Любовь была взаимной, но злые и жадные сёстры разлучили их. Потом его околдовала царица. Когда девушка спасла его, он смог князей убедить в том, чтобы они их отпустили. Ей пришлось ради любви пройти много страшных и опасных испытаний. Но лишь только верность и упорство помогли ей вернуть любимого человека и обрести счастье.

Сестры Марьюшки представлены как негативные персонажи, жадные и злые, что создает контраст с добротой и преданностью Марьюшки.

Царица и Баба-Яга также играют важные роли в произведении. Царица символизирует коварство и эгоизм, в то время как Баба-Яга и ее сестры предстают как мудрые и добрые существа, что показывает разнообразие характеров в сказке.

В целом, сказка «Финист-ясный сокол» учит ценить доброту, трудолюбие и верность, а также показывает, что благие поступки всегда находят свое вознаграждение. Важным моментом является идея о том, что необходимо верить в свою мечту, не бояться трудностей и быть готовым к испытаниям на пути к счастью.

Сказочный финал произведения подчеркивает важность добрых поступков и верности, а также то, что каждый персонаж получает заслуженное вознаграждение за свои действия.

Эта сказка учит быть добрым, трудолюбивым и не бояться трудностей. Никогда не стоит сдаваться, стремясь к своей мечте. В произведении действуют как положительные, так и отрицательные герои. Но каждый из персонажей получает по заслугам. Так, Марьюшка оказалась доброй и храброй, поэтому она и завоевала счастье. А коварная царица торговала любимым человеком, поэтому и осталась ни с чем. Сказочный финал доказывает, что труды всегда будут награждены и сказка проповедует ценности добра, преданности и трудолюбия, подчеркивая важность этих качеств для достижения счастья и успеха.

Одним из последних произведений стала сказка - быль «Неизвестный цветок», которая была написана за год до кончины писателя, в 1950 году. В это время писатель тяжело болел, и неудивительно, что мотив борьбы за жизнь становится центральным в этом произведении. Сказку писатель подарил дочке Маше, которая потом посвятит свою жизнь памяти отца. Она как составитель и редактор организует свыше 50 посмертных изданий Платонова [\[9\]](#).

Сказка-быль представляет собой повествование о том, как важно и нужно в любой ситуации быть добрым и отзывчивым, помогать и оберегать окружающую нас природу.

Главным героем сказки является маленький цветок, который вырос на камнях. Чтобы жить, ему приходится каждый день много трудиться. Но цветок не унывает, а продолжает терпеливо бороться за каждый прожитый день. Упорство и целеустремлённость цветка, его рвение к жизни растёт вместе с ним самим. Характер цветка выступает противоположностью его внешнего вида: сильный и решительный внутри, снаружи он хрупок и одинок. Однако, пройдя все трудности, голод, жажду, он выкидывает небывалой красоты бутон, который издает восхитительный аромат на всю округу [\[11\]](#). Именно это благоухание и привлекло девочку, проходящую мимо пустыря девочку Дашу, которая отдыхала в пионерском лагере и очень скучала по маме. Она несла на почту

письмо и дорогой прижимала конверт к губам, даже завидовала ему, ведь письмо увидит маму раньше, чем она сама.

«На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шел с пустыря и приносил оттуда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, ее давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который все грустил по своей матери - розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть» [\[5, с. 178\]](#).

Мы можем отметить, что Даша искренна, все эмоции, которые она испытывает, явно видны, она идет по зову сердца. Поэтому так легко сворачивает с дороги на пустырь и направляется на поиски неведомого цветка с тонким и очаровательным ароматом. Даша представляет его таким же одиноким, как и она. Девочка думает, что он тоже скучает по своей маме.

Юная особа была поражена, увидев цветок, который вырос среди глины и камней. Даша никогда не видела подобного цветка — он был уникален и не походил ни на что известное ей. Она пыталась узнать его название, но сам цветок не знал этого, так как никто раньше не обращал на него внимания.

Даша, вдохновленная маленьким цветком, который рос среди глины и камней поцеловала его в знак поддержки.

На следующий день Даша пригласила своих друзей-пионеров, чтобы они увидели этот удивительный цветок. Ребята восхищались цветком, рассматривали его как настоящего героя и наслаждались приятным ароматом и обратили внимание на землю вокруг цветка, которая была непригодна к жизни.

Затем дети решили улучшить мертвую землю вокруг цветка, используя глину и золу в качестве удобрений. Они обошли весь пустырь, планируя количество необходимого удобрения и начали работы. В течение четырех дней пионеры трудились над улучшением почвы вокруг цветка.

После завершения работ дети отправились на прогулки по другим живописным местам и больше не заходили на пустырь. Их усилия помогли не только цветку, но и всему окружающему ландшафту, сделав его более живописным и здоровым.

Будучи доброй и неравнодушной, девочка сделала всё возможное, чтобы облегчить жизнь цветку: поговорила с ним, позвала на помощь ребят, чтобы превратить мёртвую землю пустыря в плодородную и пригодную для появления новых растений.

На следующий год Даша увидела, что «пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки. От цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика».

Однако прошлогоднего цветка Даша не увидела, и ей стало грустно. Когда она шла обратно, она вдруг увидела, меж двумя тесными камнями вырос новый цветок — «такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и еще прекраснее. Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и еще сильнее отца, потому что он жил в камне».

Сердце Даши наполнилось радостью. Ее старания не прошли даром. И пусть маленький цветок погиб осенью, на его месте вырос другой. Значит, благородный поступок девочки

и ее друзей пионеров принес свои плоды.

С помощью подобной композиции произведения автор подводит к мысли о непрерывности и цикличности жизни. Главная героиня олицетворяет нравственные проблемы: борьба добра и зла, любовь и сострадание ко всему живому на земле, преодоление трудностей жизни.

Таким образом, изучение женских образов в сказках Андрея Платонова позволяет увидеть разнообразие гендерных ролей, социокультурных особенностей и философских идей, заложенных в его произведениях.

Анализ женских образов помогает читателям осознать сложности и вызовы, с которыми сталкиваются женщины, позволяют сделать вывод, что жизнь женщины трудна, им приходится бороться за свое счастье, окружающие люди не всегда справедливы к ним.

Через женские образы автор критикует общественные нормы, выявляет проблемы неравенства, дискриминации и другие социальные аспекты. Женские образы используются как символы или метафоры для передачи определенных идей или концепций. Например, женщина-воин символизирует силу и решимость, а добрая фея - мудрость и защиту, некоторые из них выступают в качестве наставниц, защитниц, жертв обстоятельств или даже антагонистов, добавляя глубину и сложность к сюжетам сказок.

В сказках А.П. Платонова сразу определяется социальный статус женского персонажа, определяется сословная принадлежность героини - царевна, купеческая дочь, или напротив, бедная сиротка, крестьянка, работница, сестра, жена, мать. Однако, в сказках социальный статус персонажей не имеет важного значения, и даже может действовать в обратную сторону. Например, в сказках часто показывается, что обычные падчерицы или сиротки, проявляя свои лучшие качества и проходя испытания, получают богатое приданое и находят красавца-жениха, как это происходит в сказке «Падчерица». Таким образом, в этих историях более важными и показательными являются нравственные качества женщины, которые преумножаются и проявляются в сказочном мире. Важно не то, откуда она родом или какой у нее социальный статус, а какие ценности и качества она несет в себе.

В сказках встречаются несколько типов женских образов, такие как:

- «героиня-спасительница» или «женщина-воин», которая может быть матерью, женой, девочкой-пионеркой или мифическим персонажем Бабой- Ягой. Эти героини с помощью своего ума, мудрости или доброты спасает других персонажей или решает сложные проблемы, они являются сильными личностями, способными преодолевать трудности и лишения. Очень часто эти героини являются не только заботливыми и верными спутницами своего мужа, но и активными участниками событий, которые способны принимать важные решения и влиять на ход сюжета. При помощи главных героинь-молодых девушек, писатель подчёркивает непрерывность жизни, их доброту и желание помочь окружающим, сострадание и преодоление жизненных испытаний.
- «злая мачеха» - женский образ, который выступает в роли антагониста, создающего конфликты и препятствия для главных героев. Она часто символизирует эгоизм, зависть или жестокость. Эта героиня может быть женой, сестрой, царевной. Также встречаются и матери, которые не верят в успех своих детей, считают их «бесталанными».
- «добрая фея» или «волшебница», обладающая магическими способностями и помогающая героям достичь своих целей. Она является источником помощи, защиты и

мудрости, например, Баба-Яга.

- «мудрая старушка» - женщина старшего возраста, которая обладает мудростью и жизненным опытом и часто выступающая в роли наставницы или провидицы, помогая героям преодолеть жизненные испытания.

В целом, изучение женских образов в сказках Андрея Платонова позволяет более глубоко понять его творчество, а также рассмотреть широкий спектр гендерных, социокультурных и философских проблем, заложенных в его произведениях.

Библиография

1. Анализ сказки «Неизвестный цветок» (А.П. Платонов) [Электронный ресурс]. – URL: <https://litrekon.ru/analiz-proizvedenij/neizvestnyj-tsvetok-platonov/> (дата обращения: 29.08.2020).
2. Наговицын А. Е. Типология сказки [Текст] / А. Е. Наговицын, В. И. Пономарева. – М. : Генезис, 2011. – 336 с.
3. Платонов А.П. Волшебное кольцо. Русские сказки. Рисунки И. Л. Ушакова. М., 1960. С. 11-31.
4. Платонов А.П. Собрание сочинений в трех томах. – Т. 3. Рассказы. 1941–1945; Драматические произведения; Волшебное кольцо. Сказки; Из ранних сочинений; Из писем и записных книжек / сост. и примеч. В.А. Чалмаева. – М.: Сов. Россия, 1985. – 576 с.
5. Платонов А.П. Сухой хлеб: Рассказы, сказки / А. П. Платонов; сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко. М.: Время, 2012. 416с. (Собрание)
6. Пучкова, Д. Д. Женские образы в сказках Англии / Д. Д. Пучкова // Актуальные исследования. – 2023. – № 15-2(145). – С. 6-8. – EDN DKCLEC.
7. Рассказы о детях и для детей. Русские и башкирские народные сказки в пересказе А.П. Платонова [Электронный ресурс]. – URL: <https://predanie.ru/book/221165-rasskazy-o-detyah-i-dlya-detey-russkie-i-bashkirskie-narodnye-skazki-v-pereskaze/#/toc30>
8. Русские народные сказки в пересказе Андрея Платонова [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-37077608_286798 (дата обращения: 19.06.2019).
9. Филиппова А.С. Мотивный анализ сказки-были «Неизвестный цветок» А.П. Платонова [Электронный ресурс]. – URL: <https://school-science.ru/7/10/40198>
10. Хорькова, М. В. О специфике сказок А.П. Платонова / М. В. Хорькова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2010. – № 1. – С. 155-163. – EDN MBVUAZ.
11. Шевцова, Е. О. Сопоставительный анализ женских образов английской и русской сказок («The Earl of Mar's Daughter», «Перышко Финиста ясна сокола») / Е. О. Шевцова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 23. – С. 180-189. – EDN VPVBKV.
12. Шумков Я. О. Женские образы в рассказах А. Платонова 1930-40-х годов в контексте традиций русской классики / Я. О. Шумков // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. — Екатеринбург: УРФУ, 2018. — С. 134-141

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассмотрены женские образы в сказках Андрея Платоновича

Платонова. Как отмечается, создавая их, писатель во многом ориентировался на традиции русской и башкирской классической литературы, с этим, пожалуй, можно согласиться и признать это некоей отправной точкой. Работа имеет цельно-завершенный вид, она достаточно информативна, конструктивна. Суждения по ходу работы аналитически выверены: например, «Сказки этого автора являются уникальными произведениями, которые сочетают в себе реальность и фантастику, создавая особую атмосферу и образы. Автор использует метафоры, символику и необычные сюжеты, чтобы подчеркнуть важные жизненные и философские идеи. Это сочетание реальности и фантастики помогает читателям воспринимать и понимать сложные темы через простые и доступные образы. Такой стиль позволяет обращаться к важным вопросам человеческого существования, культуры, морали и этики, делая произведения А.П. Платонова запоминающимися и актуальными на протяжении многих лет», или «Сказка «Безручка» А.П. Платонова представляет собой переосмысление военной тематики в контексте послевоенного времени. Необходимо отметить, что творчество автора было глубоко затронуто опытом Великой Отечественной войны, и при помощи фольклорного сюжета о Безручке, автор передает своё видение войны как борьбы живых людей с неодушевленным врагом, жизни со смертью» и т.д. Методология исследования соотносится с т.н. вариантом эмпирической оценки текстов, но и систематизация является одной из вариативных примет работы. Стиль ориентирован на научный тип: «автор использует реалистическое описание материнского труда, чтобы подчеркнуть его важность и ценность. Этот образ матери является одним из ключевых элементов сказки, который помогает читателям почувствовать глубину любви и самоотверженности материнства. В сказке «Иван Бесталанный и Елена Премудрая» [5] мать является вдовой, крестьянкой, которая растила своего сына Ивана. Она заботится о нем и переживает за его будущее, так как он вырос бесталанным и неудачливым. Мать представлена как трудолюбивая и заботливая женщина, старающаяся обеспечить сыну лучшее, несмотря на трудности и бедность». Цитации даны верно, ссылочный блок полновесен. Материал может быть использован в школьной и вузовской практике. Автор не исключает по ходу статьи т.н. промежуточные итоги: например, «Таким образом, через противопоставление образов мачехи, Гульбики и старухи автор передает важные ценности: доброту, сострадание, трудолюбие и мудрость. Сказка показывает, что даже в сложных ситуациях доброта и уважение к другим людям могут привести к благополучию и поддержке». Выводы по тексту соотносятся с основным блоком: «В сказках А.П. Платонова сразу определяется социальный статус женского персонажа, определяется сословная принадлежность героини - царевна, купеческая дочь, или напротив, бедная сиротка, крестьянка, работница, сестра, жена, мать. Однако, в сказках социальный статус персонажей не имеет важного значения, и даже может действовать в обратную сторону. Например, в сказках часто показывается, что обычные падчерицы или сиротки, проявляя свои лучшие качества и проходя испытания, получают богатое приданое и находят красавца-жениха, как это происходит в сказке «Падчерица». Таким образом, в этих историях более важными и показательными являются нравственные качества женщины, которые преумножаются и проявляются в сказочном мире. Важно не то, откуда она родом или какой у нее социальный статус, а какие ценности и качества она несет в себе». Основные требования издания учены, цель работы достигнута. Рекомендую статью «Женские образы в сказках А.П. Платонова» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ло Д. Ценности в жанре протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70894 EDN: JSKZSP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70894

Ценности в жанре протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля

Ло Ди

ORCID: 0009-0009-2970-4216

аспирант; кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации; Уральский
Федеральный Университет

620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 40, кв. 35

✉ luodi574@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70894

EDN:

JSKZSP

Дата направления статьи в редакцию:

30-05-2024

Дата публикации:

18-06-2024

Аннотация: Предметом исследования является специфика экспликации ценностей в жанре протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля. Объектом исследования выступает жанр протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как экспликацию категории оценки и композиции, формирующие ценный потенциал жанра протокола в религиозной сфере, останавливает внимание на ключевых аксиологемах, отражающих традиционные религиозные установки. Особое внимание уделяется категории «композиция жанра протокола», которая отражает развитие темы и, соответственно, оценки в религиозном функциональном стиле. Композиция протокола в религиозном стиле практически полностью совпадает с экспликацией композиции в светском варианте официально-делового стиля и включает следующие части:

констатирующую, или содержательную (слушали), в которой заявляется тема, и итоговую, или удостоверяющую (постановили). Отличие композиционной структуры жанра протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля состоит в наличии вариативной констатирующей части. Исследование осуществляется с использованием категориально-текстового метода, разработанного в уральской научной школе лингвокультурологии и стилистики. Текстовые категории композиции и оценки эксплицируются в изучаемых текстах определенным специфическим образом, что позволяет отнести данные тексты к жанру протокола. Основные выводы проведенного исследования: в жанре протокола в религиозном стиле отражаются аксиологические религиозные установки, в том числе благодарность, уважение к жизни, забота об уязвимых группах населения, дух самопожертвования, антидискриминационные идеи, милосердия, прощения и др., которые сконцентрированы в композиционных констатирующей и итоговой частях текста. Новизна данного исследования в значительной степени заключается в недостаточной изученности жанра протокола в религиозном функциональном стиле. Церкви как общественной организации необходимо фиксировать информацию о ключевых событиях и принимаемых решениях. С этой целью церковь использует жанр протокола как инструмент, обеспечивающий полноту сохраняемой информации. Однако исследований, посвященных жанру протокола, практически отсутствуют, что в определенной степени ограничивает наши знания о религиозном функциональном стиле. Настоящее исследование призвано устранить этот недостаток и восполнять существующий пробел в описании жанра протокола в религиозной сфере. Изучение жанра протокола в религиозной сфере на категориально-текстовом основании осуществляется впервые.

Ключевые слова:

ценность, жанр протокола, религиозный стиль, официально-деловой подстиль, аксиологема, тема, композиция, категориально-текстовый метод, Русская Православная Церковь, религиозные установки

Религиозная коммуникация и ее функционирование является актуальным предметом современных филологических исследований. Учеными изучается религиозный стиль в целом [\[2, 7, 21, 43\]](#), его жанры [\[4, 6, 10, 23, 36\]](#), существование текстов в кризисную эпоху [\[28, 19\]](#), язык разных конфессий христианства [\[32, 47, 44, 26\]](#), проблемы перевода на народные языки [\[38, 42, 31, 40, 41\]](#). Особый интерес представляют исследования на пересечении различных форм общественного сознания [\[29, 34, 39, 33, 28, 35, 37, 45\]](#). Жанр протокола [\[27\]](#) и официально-деловой стиль в религиозной коммуникации недостаточно изучен, в то время как в светской активно исследуется [\[3, 25\]](#). Предметом нашего внимания в настоящем исследовании аксиологический потенциал жанра протокола в религиозном функциональном стиле [\[1, 8, 13, 16, 46\]](#).

Понятие «ценности» впервые было предложено немецким философом и естествоиспытателем Германом Лотце еще в 1860-х годах. «На рубеже XIX – XX веков оформляется в рамках философии уже особая дисциплина – аксиология, предметом которой становятся ценности» [\[14\]](#). Антрополог К. Kluckhohn отмечает, что «a value is a conscious or unconscious idea of the desired, characteristic of an individual or a group of individuals, which determines the choice of goals (individual or group) with taking into account possible means and methods of action» (ценность – это осознанное или

неосознанное представление о желаемом, свойственное для индивида или группы индивидов, определяющее выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия [перевод автора. – Л. Д.] [\[30\]](#). Ценности не только определяют, как мы понимаем ожидания и характеристики отдельных лиц или групп, но также направляют нас в выборе целей и принятии стратегий и методов действий, соответствующих этим целям. Как определяется в «Кратким психологическом словаре», «в широком понимании в качестве ценностей могут выступать не только абстрактные привлекательные смыслы или ситуативные ценности, но и стабильно важные для индивида конкретные материальные блага. В более узком значении принято говорить о ценностях как о духовных идеях, заключенных в понятиях, которые имеют высокую степень обобщения» [\[9\]](#).

В процессе углубленного изучения религиозного функционального стиля мы отмечаем значительную роль официально-делового подстиля, в котором протокол, как один из его репрезентативных жанров, еще не привлекал внимания ученых. Под протоколом традиционно понимается «жанр официально-делового стиля, цель которого документально зафиксировать ход обсуждения определённого вопроса и принятое официальное решение этого обсуждения» [\[17, с. 259\]](#). Церковь как общественная организация несет ответственность за регистрацию важной информации о важнейших событиях и ключевых решениях. Чтобы обеспечить полноту и точность этой информации, церковь широко использует протоколы в качестве основного инструмента записи.

В связи с широким распространением жанра протокола в религиозной сфере становится важным изучение его ценностного наполнения [\[27\]](#).

Целью исследования является изучение ценностей в жанре протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля.

Объектом исследования выступает жанр протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля.

Предметом анализа является специфика экспликации ценностей в жанре протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля.

Материал исследования – журналы (протоколы) Священного Синода, опубликованные на официальном сайте Русской Православной Церкви [\[22\]](#).

В работе используется категориально-текстовой **метод**, разработанный в уральской научной школе лингвокультурологии и стилистики [\[15\]](#).

Научная новизна заключается в том, что изучение жанра протокола в религиозной сфере на категориально-текстовом основании осуществлено впервые, что говорит об исследовательском потенциале и перспективах.

Текстовые категории темы и композиция тесно связаны между собой. Композиция текста как линейное развертывание его содержания типизируется по общим законам жанрообразования [\[5\]](#). В текстах протокола категории темы и оценочности оказываются связанными. Поэтому, прежде чем изучать ценности жанра протоколов заседаний, нам необходимо уточнить композиционно-тематические особенности жанра.

Жанр протокола в традиционном, светском, употреблении имеет строгую композицию, «его содержательные части строго определены и расположены в закреплённой

последовательности» [17, с. 259]. Выделяются следующие части протокола: констатирующая, или содержательная (слушали), в которой заявляется тема, и итоговая, или удостоверительная (постановили), в которой категория темы получает дальнейшее развитие. На основе анализа материала мы установили, что композиция жанра протокола в религиозном функциональном стиле практически полностью совпадает с традиционной композицией протокола, отличием является только наличие вариативной констатирующей части *имели суждение*.

Обратимся к результату анализа экспликации категории оценочности (ценностей) в жанре протокола. Наблюдения показывают, что ценностные суждения, аксиологемы, сосредоточены в композиционной констатирующей и итоговой части, которая вводится клише СЛУШАЛИ (справка), ИМЕЛИ СУЖДЕНИЕ или ПОСТАНОВИЛИ. Н. А. Купи считает, что «аксиологему целесообразно трактовать как вербальную номинацию ценности, являющейся базовой для индивида; для социальной группы; для национальной лингвокультуры в целом. В речи отдельные слова, словосочетания, являющиеся аксиологемами, могут приобретать аксиологическую маркированность» [12].

Проанализируем констатирующую часть протокола. *В период пандемии в Церкви активизировалось служение милосердия. С начала пандемии в большинстве епархий была организована дополнительная продуктовая и вещевая **помощь для нуждающихся*** [http://www.patriarchia.ru/db/text/5797265.html]; *В годы Великой войны священник Николай много писал о русских героях, погибших на фронтах, служил молебны, говорил проповеди, в которых призывал к **милосердию**, к **помощи пострадавшим, раненым, искалеченным** **воинам*** [http://www.patriarchia.ru/db/text/5605040.html]; *В связи со сложной социальной обстановкой и проблемами с продовольствием в Юго-Восточных областях Украины, было принято решение об отправке **гуманитарной помощи мирным** жителям и **нуждающимся людям** Донецкой и Луганской областей* [http://www.patriarchia.ru/db/text/4538212.html]. В композиционной констатирующей части (справка) содержится аксиологема милосердие. Священнослужители определяют милосердие как «высочайшая добродетель: деятельное сострадание и конкретно выраженная доброта по отношению к нуждающимся, обремененным и страдающим» [24]. «Милосердие – душевное сострадание, вызывающее желание помочь, защитить, спасти» [11]. Отмечается, что милосердие носит деятельный характер, «вызывает действенное участие в участии страдающих людей» [11, там же].

Церковь придает значение состраданию к страждущим, вдохновляет людей активно помогать душам, находящимся в беде, это демонстрирует гуманистическую заботу и моральную ответственность церкви.

Осознание человеческого спасения, дух самопожертвования, готовность терпеть боль и смерть также входят в число ценностей религии: *Во время Второй мировой войны организовал **спасение** тысяч сербских детей из концлагеря в Венгрии и **заступался** за паству, **защищая** ее от карательных акций. После войны епископ Ириней был по ложному обвинению осужден как враг народа и помещен под домашний арест на 17 месяцев, а по возвращении к церковному служению в 1946 году неоднократно подвергался физическим нападениям со стороны воинствующих безбожников и жестоким побоям, от последствий которых скончался 6 апреля 1955 года. День памяти – 24 марта / 6 апреля* [http://www.patriarchia.ru/db/text/6051881.html]. Самопожертвование – «действие человека, жертвующего собой, своими выгодами, материальными благами в пользу других, нуждающихся в этом. Это добровольная и радостная жертва, лежащая в

основе роста и развития человечества» [20]. Самопожертвование как поступок, превосходящий животные инстинкты, глубоко воплощает неуклонное стремление верующего к высшей духовной сфере, что вполне соответствует альтруистическим ценностям, пропагандируемым религией.

Антидискриминационные идеи, подчеркивающие человеческое равенство и взаимное уважение, также являются важной ценностью религии: *специальная сессия форума была посвящена **борьбе с расизмом, ксенофобией и дискриминацией**, а также проблеме нетерпимости и дискриминации в отношении христиан и верующих других религий* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/1230534.html>]; преступники также имеют право на свободу религиозных убеждений: *федеральной службе исполнения наказаний России было рекомендовано продолжить работу по укреплению взаимодействия с представителями религиозных организаций в целях **реализации прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания**, активнее использовать потенциал религиозных организаций в работе по профилактике рецидивной преступности среди лиц, отбывших уголовные наказания, а также продолжить работу по расширению сети реабилитационных центров для лиц, освобождающихся из мест лишения свободы* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/2367549.html>].

Каждая жизнь равна и уникальна с момента зачатия, и ее ценность и достоинство не должны отрицаться или умаляться: *ИМЕЛИ СУЖДЕНИЮ разработанном в Межсоборном Присутствии документе «**О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия**»* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6087932.html>].

Прощение считается одной из важных ценностей религии. Оно побуждает людей освобождаться от личных обид и стремиться к социальному миру и примирению в более широкой перспективе: *призыв к верующим России и Польши «просить **прощения** за нанесенные друг другу обиды, несправедливость и всякое зло» не означает забвения, сказано в документе. «Память представляет собой важную часть нашей идентичности. Мы также имеем долг памяти перед жертвами прошлого, которые были замучены и отдали свою жизнь за верность Богу и земному отечеству. **Простить** – значит отказаться от мести и ненависти, участвовать в созидании согласия и братства между людьми, нашими народами и странами, что является основой мирного будущего»* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/2507811.html>].

Итак, в композиционной части СПРАВКА содержится аксиологемы: уважение к жизни, забота об уязвимых группах населения, дух самопожертвования, милосердие, прощения, антидискриминационные идеи.

Примеры в итоговой части (постановили) показывают, что аксиологические суждения зачастую связаны с интенцией благодарности, которая сама является ценностью для православия [6]. Например: ***благодарить** Предстоятеля Русской Православной Церкви за **труды** и принесенную **радость молитвенного общения** архипастырям, пастырям, монашествующим и мирянам Коломенской епархии и Санкт-Петербургской митрополии* [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6087932.html>]. Интенция благодарения выражается с помощью инфинитива *благодарить* в первом значении: «1. Будучи внутренне обязанным кому-н., испытывать и выражать чувство благодарности, признательности» [18]. В речевом жанре благодарности с аксиологической позиции важен компонент прямого объект-адресата (кого-что благодарить?) и косвенного объекта (за что благодарить?). В нем сконцентрированы ценностные установки. Порядок благодарственного объект-адресата соответствует иерархической структуре и статусу: *благодарить* (кого?)

Предстоятеля Русской Православной, архипастыря, пастыря, монахов и мирян епархии. Благодарить (за что?) *за труды и принесенную радость молитвенного общения* – данные аксиологемы являются ключевыми для религиозной коммуникации.

Интенция благодарения также выражается с помощью сущ. *благодарность* в значении: «Чувство признательности к кому-н» [18, там же]. **Выразить глубокую благодарность** всем жертвующим большие и малые лепты **для поддержки** беженцев и пострадавших мирных людей, оставшихся в зоне конфликта, а также всем многочисленным труженикам, полагающим свои силы для поддержки упомянутых людей, в том числе с риском для жизни и здоровья [http://www.patriarchia.ru/db/text/6087932.html] **Выразить глубокую благодарность** (кому?) всем жертвующим и всем многочисленным труженикам. Порядок субъектов благодарности обусловлен важностью их роли с точки зрения церкви.

Таким образом, в жанре протокола в религиозном стиле отражаются аксиологические религиозные установки (благодарность, уважение к жизни, забота об уязвимых группах населения, дух самопожертвования, антидискриминационные идеи, милосердия, прощения и др.), которые сконцентрированы в композиционных констатирующей и итоговой частях текста.

Библиография

1. Вепрева И. Т. Система ценностей современного студенчества: от семейного благополучия до самореализации // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 277–288.
2. Гадомский А. К. Религиозный стиль в славянской теолингвистике // Актуальные проблемы стилистики. 2020. № 6. С. 79–88.
3. Дымарский М. Я. Корпус официально-деловых текстов русского языка // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2(109). С. 72–87.
4. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля. Москва, 2021.
5. Ицкович Т. В. Идиостиль православных проповедников в рамках категориально-текстовой концепции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 64–68.
6. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 87–93.
7. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль русской речи // Стилистика славянских стран на рубеже XX-XXI веков. Москва, 2023. С. 86–101.
8. Ицкович Т. В. Ценность семьи у молодежи (на материале живой разговорной речи) // Litera. 2020. № 12. С. 110–117. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34703 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_34703.html
9. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону, 1998.
10. Келер А. И. Категория адресанта в новоапостольской молитве: категориально-текстовой и аксиологический аспекты // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 1. С. 26–44.
11. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. Санкт-Петербург, 2014.
12. Купина Н. А. Аксиология и аксиологический лексикон: к определению и интерпретации понятий // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов международной научной конференции. Екатеринбург, 2021. С. 50–52.
13. Купина Н. А. Гуманитарные ценности текущего времени // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 3. С. 86–96.

14. Матвеев П. Е. Аксиология. Владимир, 2017.
15. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.
16. Матвеева Т. В., Шалина И. В., Вепрева И. Т. [и др.] Ценностное содержание разговорного диалога. Екатеринбург, 2021.
17. Матвеева Т. В. Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика. Москва, 2003.
18. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва, 2006.
19. Петрикова А. Отражение пандемии нового коронавируса в религиозном дискурсе // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 86–89.
20. Положенкова Е. Ю., Руденко А. М., Самыгин С. И. Основы духовной культуры. Ростов-на-Дону, 2016.
21. Прохвятилова О. А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2006. №5. С. 19–25.
22. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/>
23. Рядовых Н. А. Метафорическое осмысление святости в жанре акафиста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №10. С. 135–140.
24. Шипов Я. М. Моя церковь: Краткий справочник для детей и взрослых. Москва, 1998.
25. Ширинкина М. А. К истории изучения официально-деловой речи: аспекты, проблемы, тенденции // Актуальные проблемы стилистики. 2021. № 7. С. 63–71.
26. Gadomski A. Теоретические и методологические проблемы современной теолингвистики // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 32–33.
27. Itskovich T. V. Composition and Subject Structure of Minutes Genre in Religious Style / T. V. Itskovich, D. Karmanova, N. N. Nikolina // SHS Web of Conferences: The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH-2018), Volgograd, 23–28 апреля 2018 года / Volgograd State University, Volgograd, Russia. Vol. 50. Volgograd: EDP Sciences, 2018. P. 01207. DOI 10.1051/shsconf/20185001207.
28. Jankosz M. Jak kościół w polsce mówi o pandemii? Analiza języka listów i komunikatów Episkopatu Polski na tle medialnego dyskursu o koronawirusie // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 122.
29. Klimek-Grądzka J. Tekst religijny w politycznym przetworzeniu – „Gorzkie żale moskalofilskie” Telesfora Chełchowskiego // Stylistyka. 2020. T. 29. S. 317–328.
30. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Towards a General Theory of Action. Cambridge, 1951. Pp. 388–433.
31. Kozieł J. Перевод религиозной лексики в современном русском кинематографе на польский язык. Анализ на избранных примерах // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 48.
32. Madjjeva V. Ku modelowi konfrontatywnego badania języka prawosławia i katolicyzmu. // Stylistyka. 2020. T. 29. S. 25–40.
33. Makuchowska M. Dyrektywa pozytywnego wartościowania sacrum w stylu religijnym // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 72–73.
34. Pazio-Wlazłowska D. Portret kobiety prawosławnej (na materiale czasopisma „Slavanka”) // Stylistyka. 2020. T. 29. S. 345–364.

35. Pazio-Wlazłowska D. Rodzina w prasie prawosławnej (na materiale miesięcznika „Пензенский православный собеседник”) // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 85–86.
36. Petríkova A. Cerkovnyj kalendar' kak žanr religioznoj sfery obšeniâ (na materiale izdatel'skoj deâtel'nosti monašeskogo bratstva prepodobnogo Iova Počaevskogo v 1923–1944 gg. v Slovakii) // Stylistyka. 2020. T. 29. S. 251–269.
37. Rončáková T. Lexika a metaforika nábožensky motivovaných textov v sekulárných médiách // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 97.
38. Ružica S. Stilske karakteristike leksike prevoda tekstova iz sfere pravoslavne duhovnosti na savremeni srpski jezik // Stylistyka. 2020. T. 29. S. 385–397.
39. Sieradzka-Mruk A. Przemiany tytułów nabożeństwa drogi krzyżowej w XX wieku // Stylistyka. 2020. T. 29. S. 93–109.
40. Szarlej J. Feminatywy w Biblii hebrajskiej oraz ich polskie przekłady (na wybranych przykładach) // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 119–120.
41. Wideł-Ignaszczak M. Апостольское обращение как документ католической церкви – особенности перевода на русский язык / M. Wideł-Ignaszczak // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 21.
42. Wójcicka M. The religious genres of collective memory – an attempt at typology // Stylistyka. 2020. T. 29. S. 79–92.
43. Wojtak M. O gatunkach wypowiedzi i ich prasowych konkretyzacjach // Językoznawstwo: współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. 2014. T. 8. S. 95–105.
44. Wojtak M. O statusie genologicznym wybranych komunikatów przekazu religijnego // Stylistyka. 2020. T. 29. S. 41–53.
45. Zagórska K. Strategie komuniacyjne w mediach religijnych na przykładzie polskich i rosyjskich rozgłośni radiowych // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 44–45.
46. Вуловић Н. С. Аксиологеме с религијском компонентом којима се изражава дијада „богатство” – „сиромаштво” у српском језику // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.). Екатеринбург, 2021. С. 30–31.
47. Пазио-Влазловская Д. Супружеские ожидания в религиозном контексте: католические и православные брачные объявления // Quaestio Rossica. 2021. T. 9, № 2. С. 702–714.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение функциональных стилей, причем в режиме жанров, крайне важная составляющая теоретической стилистики. Как отмечает автор рецензируемого труда, «жанр протокола и официально-деловой стиль в религиозной коммуникации недостаточно изучен, в то время как в светской активно исследуется». Предметом же точечного внимания в настоящем исследовании [становится] аксиологический потенциал жанра протокола в религиозном функциональном стиле [стоит внести правку]. Работа достаточно интересна, информативна, суждения по ходу теста продуманы и верифицированы. Например, «в процессе углубленного изучения религиозного функционального стиля мы отмечаем значительную роль официально-делового подстиля, в котором протокол, как один из его репрезентативных жанров, еще не привлекал

внимания ученых. Под протоколом традиционно понимается «жанр официально-делового стиля, цель которого документально зафиксировать ход обсуждения определённого вопроса и принятое официальное решение этого обсуждения», или «Наблюдения показывают, что ценностные суждения, аксиологемы, сосредоточены в композиционной констатирующей и итоговой части, которая вводится клише СЛУШАЛИ (справка), ИМЕЛИ СУЖДЕНИЕ или ПОСТАНОВИЛИ. Н. А. Купина считает, что «аксиологему целесообразно трактовать как вербальную номинацию ценности, являющейся базовой для индивида; для социальной группы; для национальной лингвокультуры в целом. В речи отдельные слова, словосочетания, являющиеся аксиологемами, могут приобретать аксиологическую маркированность» и т.д. Материалом исследования стали журналы (протоколы) Священного Синода, опубликованные на официальном сайте Русской Православной Церкви. Общая открытость является объективной составляющей данного изыскания. Считаю, что примеры, которые вводятся в текст, правомерны, точны: «Осознание человеческого спасения, дух самопожертвования, готовность терпеть боль и смерть также входят в число ценностей религии: Во время Второй мировой войны организовал спасение тысяч сербских детей из концлагеря в Венгрии и заступался за паству, защищая ее от карательных акций. После войны епископ Ириней был по ложному обвинению осужден как враг народа и помещен под домашний арест на 17 месяцев, а по возвращении к церковному служению в 1946 году неоднократно подвергался физическим нападениям со стороны воинствующих безбожников и жестоким побоям, от последствий которых скончался 6 апреля 1955 года. День памяти – 24 марта / 6 апреля [<http://www.patriarchia.ru/db/text/6051881.html>]». Цитации даются в режиме рекомендованном изданием. Автор отмечает, что «в работе используется категориально-текстовой метод, разработанный в уральской научной школе лингвокультурологии и стилистики». Можно отметить, что цель статьи как таковая достигнута, поставленные задачи решены. В итоговой части обозначено, что «в жанре протокола в религиозном стиле отражаются аксиологические религиозные установки (благодарность, уважение к жизни, забота об уязвимых группах населения, дух самопожертвования, антидискриминационные идеи, милосердия, прощения и др.), которые сконцентрированы в композиционных констатирующей и итоговой частях текста». Серьезных нарушений не выявлено, материал имеет практико-ориентированный характер, его можно использовать при изучении официально-делового стиля в рамках разных жанров. Рекомендую статью «Ценности в жанре протокола в официально-деловом подстиле религиозного функционального стиля» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пасичник С., Мельник Г.С., Блохин И.Н., Байчик А.В. Дезинформация и «язык вражды» в сетевых СМИ Казахстана (итоги мониторинга 2022 г.) // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71046 EDN: MOIMKZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71046

Дезинформация и «язык вражды» в сетевых СМИ Казахстана (итоги мониторинга 2022 г.)

Пасичник Сергей

магистр; Уханьский университет (КНР)

430072, Китай, провинция Хубэй, г. Ухань, ул. Центр, 1

✉ sergey.passichnik@gmail.com**Мельник Галина Сергеевна**

ORCID: 0000-0002-1712-6836

доктор политических наук

профессор; кафедра цифровых медиакоммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ melnik.gs@gmail.com**Блохин Игорь Николаевич**

доктор политических наук

профессор; кафедра теории журналистики и массовых коммуникаций; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ i.blokhin@spbu.ru**Байчик Анна Витальевна**

ORCID: 0000-0003-0527-5858

доктор политических наук

профессор; кафедра Международной журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

✉ a.baychik@spbu.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71046

EDN:

МОІМКЗ

Дата направления статьи в редакцию:

12-06-2024

Дата публикации:

19-06-2024

Аннотация: В статье рассматривается проблема использования в медиатекстах казахстанских СМИ «языка вражды» и дезинформации, а также проблема вброса фейковых новостей в ходе политических событий января 2022 г. в Казахстане. Определяются цели дезинформации и оцениваются эффекты воздействия на массовую аудиторию. Во время трагических событий в начале года в стране произошло отключение интернета, что привело к информационному вакууму. После восстановления связи начался поток фейковых материалов различных форматов (аудио, видео, изображения и сообщения в социальных сетях), целью которых было разжигание страхов среди населения. Исследовались платформы WhatsApp, YouTube, Telegram и ВКонтакте. В рамках анализа использовался также кейс-анализ текстов. Материалы подбирались методом случайной выборки. Учитывались различные критерии для выбора публикаций, включая посещаемость, токсичность комментариев, количество статей и постов в онлайн-изданиях и социальных сетях, а также жанры материалов и наличие элементов языка ненависти. Цель данного исследования заключается во всестороннем анализе деструктивных последствий дезинформации, зафиксированной в казахстанских и российских СМИ в ходе попытки насильственного захвата власти в Республике Казахстан. В качестве методов использовались: критический анализ научной литературы, мониторинг медиа, дискурс-анализ, метод сравнительного анализа. Применялся также кейс-анализ текстов. В 2022 г. Казахстан столкнулся с новыми геополитическими и информационными вызовами: вооруженные пограничные конфликты, дезинформация и «язык вражды». Все эти риски привели к еще большей поляризации казахстанского общества, социально-политической напряженности и снижению уровня доверия к официальным СМИ. Ключевым фактором изменения ситуации может стать повышение информационной грамотности населения и ее продвижение путем сотрудничества с институтами гражданского общества, реализации программ всеобщего медиаобразования. Учитывая объем данных и количество обработанной информации, сложно уместить всю ситуацию и проанализировать, каким образом выстраивался дискурс «языка вражды» и дезинформации. Многократно растиражированные недостоверные и противоречивые сведения значительно увеличили напряженность сетевого медиаполя, способствуя большей поляризации мнений о чрезвычайном событии и агрессии участников информационного обмена.

Ключевые слова:

язык вражды, дезинформация, фейк, беспорядки, террористы, Казахстан, СМИ, информационное пространство, Журналистика, Международная журналистика

Введение

Обозначенная проблема рассматривается в аспекте концепций «постправды» и уточнения понятий «дезинформация» и «фейк» [\[7; 8; 10; 11; 14\]](#). В работах, раскрывающих особенности дезинформации, распространения фейковых (ложных) новостей, подчеркивается, что их распространение снижает уровень политических отношений, ведения политических дебатов, ухудшает деятельность оппозиционных сил, угрожает выборным процессам и усиливает поляризацию общества [\[1\]](#). Фейк рассматривается как сложное ментальное образование, которое отличается национальной спецификой.

Методологической базой послужили новейшие отечественные и зарубежные работы, посвященные: 1) дезинформации [\[4; 6; 7\]](#) и 2) фактчекингу [\[1; 2; 9; 13; 16\]](#).

Указывая на важность фактчекинга и процесс его институционализации, медиаэксперты выделяют два его направления: социальную эпистемологию и критический реализм. И если в рамках первого традиционно изучают «вопросы институализации норм, практик, авторитета журналистики» (проверка информации – всегда была одной из главных задач журналистики), то «второе направление связано с различными теориями истины, со способами верификации знаний и зависимыми от этого нормами, методами деятельности журналистов связано с со способами верификации знаний и зависимыми от этого нормами, методами деятельности журналистов» [\[1, с.54\]](#). В ряде работ изучаются генезис, условия существования и последствия бытования псевдо-информации в информационном поле [\[3\]](#); дается анализ медийной практики по предотвращению фейковых потоков в разных сферах жизни, например, здравоохранении [\[15; 17\]](#), военных конфликтах [\[16\]](#), политических коммуникативных практиках [\[3\]](#); предлагаются методики для журналистов по фактчекингу [\[5\]](#). Несмотря на институционализацию фактчекинга, не иссякает поток дезинформации, особенно в конфликтных противостояниях, информационных (гибридных, прокси-) войн. Изучение опыта январских событий в 1922 г. в Казахстане в какой-то мере, может способствовать осознанию представителями властных и медийных структур последствий деструктивной фейковой информации и умению их предвидеть.

Цель статьи – показать тенденции в репрезентации в казахстанских и зарубежных социальных сетях концепта «фейк» в ходе попытки насильственного захвата власти.

Методы и методология

Объектами изучения стали WhatsApp, YouTube, Telegram и ВКонтакте. В качестве методов использовались: критический анализ научной литературы, мониторинг медиа, дискурс-анализ, метод сравнительного анализа. Применялся также кейс-анализ текстов. Материалы отбирались методом случайной выборки. Учитывались различные критерии отбора публикаций, включая посещаемость, токсичность комментариев, количество статей и постов в онлайн-изданиях и социальных сетях, а также жанры материалов и наличие элементов «языка вражды».

Новизна исследования заключается, прежде всего: а) во введении в научный оборот новых данных, репродуцирующих в медиа события по предотвращению захвата власти в Казахстане; б) создании эмпирической базы данных, которые могут быть использованы как методологический материал для формирования информационной политики Республики.

Результаты исследования

Широкое освещение в научном дискурсе получили события, связанные с попыткой насильственного захвата власти в Казахстане в январе 2022 г. В этот период медиастратегии, основанные на манипулировании общественным сознанием, показали, как с помощью «языка вражды» достигаются политические цели.

Актуальность темы объясняется растущим риском засорения глобального информационного пространства недостоверными новостями, дезорганизации аудитории, подрыва доверия как к СМИ, так и к политическим институтам, ухудшения деятельности оппозиционных сил, усиления поляризации общества и деструктивного воздействия на интеллектуальные и моральные ценности общества. Риск распространения дезинформации и заведомо ложных сведений особенно высок в условиях госпереворота в Республике Казахстан и в контексте крупномасштабной информационной и психологической войны.

По словам президента Казахстана, инициаторы январских событий 2022 г. в Казахстане имели значительные связи в силовых структурах и криминальных кругах. Вследствие чего официальное название событий получило – насильственный захват власти, в соответствии части 3 статьи 179 УК Республики Казахстан. Следствие показало, что подготовка переворота началась в середине 2021 г. Поводом для этого стало необдуманное решение местных властей о повышении цен на сжиженный газ, что привело к выходу людей на мирные демонстрации в Мангистауской области.

Протесты и последующие беспорядки в Казахстане стали основной темой, обсуждаемым в социальных сетях в начале 2022 г. Активисты из «Лиги безопасного интернета» заявляют, что 2877 сообщений о происходящем в Центрально-Азиатской стране с января не являются достоверными (ТАСС. 10.01.2022 <https://tass.ru/obschestvo/13386881>). Глава организации Екатерина Мизулина отмечает, что около четверти фальсификаций были обнаружены в источниках, которые ранее распространяли недостоверную информацию о коронавирусе и вакцинах. По ее словам, сообщества фактически изменяют тему обсуждения, отвлекаясь от первоначальной: «не имеет значения, какую информацию используют распространители фейковых новостей для вызывания тревоги среди граждан России и стран СНГ». В качестве примера Екатерина Мизулина привела информацию о массовой сдаче оружия и переходе силовиков на сторону протестующих (ТАСС. 10.01.2022 <https://tass.ru/obschestvo/13386881>).

В ходе политического кризиса были выявлены два вектора информационных потоков. Один связан с внешними силами, направленными на провокацию этнического конфликта через интернет. Второй – информация, исходящая от официальных органов власти. Особое внимание было уделено навязыванию СМИ некорректного нарратива о терроризме, который после январских событий привел к массовому распространению фейков в СМИ. 7 января 2022 г. в Twitter-аккаунте президента Республики Казахстан Касыма-Жомарта Токаева также появилось заявление о 20 тысячах террористов, заявлялось, что «против нашей страны была развязана террористическая война»; «это была вооруженная агрессия со стороны международного терроризма против нашей страны»; «мы могли полностью утратить контроль над Алматы, который просто был отдан на растерзание террористам». Вечером 8 января 2022 г. запись была удалена.

5 января 2023 г. генеральный прокурор Берик Асыллов в интервью Tengrinews.kz ответил на вопрос о 20 тысячах террористов во время январских событий в Казахстане: «разная информация поступала, в том числе и такая ... Разная информация поступала, в том

числе и от граждан, что зарубежные преступники есть, в том числе говорили на иностранных языках – на кыргызском, узбекском, на разных» (Tengrinews.kz 05.01.2023 https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/na-vopros-o-20-tyisyachah-terroristov-otvetil-genprokuror-487810/). Он отметил, что у общества также появилось ощущение, что все нападавшие были террористами. Позже бывший советник первого президента Нурсултана Назарбаева Ермухамет Ертисбаев заявил, что информация, переданная Токаеву, была недостоверной, и цифру в 20 тысяч террористов ранее руководство Комитет Национальной Безопасности использовало, очевидно, для устрашения (Tengrinews.kz 05.01.2023 https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/na-vopros-o-20-tyisyachah-terroristov-otvetil-genprokuror-487810/).

В процессе исследования были обнаружены две основные линии дезинформации. Первая линия связана с заявлениями о приходе террористов из других стран. Также были распространены сообщения о том, что граждане других стран участвовали в массовых беспорядках за деньги. В кулуарах мажилиса генпрокурор Казахстана Берик Асыллов впервые заявил, что 20-ти тысяч иностранных террористов не было. «Иностранцев сегодня 19 человек задержано, это граждане РФ, Узбекистана, Кыргызстана. Фактически они все участники массовых беспорядков. 20 тысяч иностранных террористов не было, я не знаю, где вы это взяли». (Sputnik.kz 14.03.2022. <https://ru.sputnik.kz/20220314/genprokuror-oproverg-slova-tokaeva-o-20-tysyachakh-terroristov-vo-vremya-yanvarskikh-sobytiy-23501300.html>)

Вторая линия пропаганды связана с созданием образа внутреннего врага и указывает на участие религиозных экстремистов, включая запрещенную на территории Казахстана организацию «Йакын Инкар». Ранее сообщалось, что среди задержанных после январских событий в Казахстане есть ряд сторонников радикальной ячейки «Йакын Инк». Название данной экстремистской организации озвучили в документальном фильме телеканала «Хабар». Однако 25 февраля 2022 г. данная информация не подтвердилась. По запросу издания Tengrinews.kz (https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-privlekli-otvetstvennosti-yanvarskih-sobytiy-462885/) в МВД Республики Казахстан ответили, что среди административно осужденных и обвиняемых в уголовном порядке из числа лиц, задержанных органами внутренних дел, приверженцы религиозно-экстремистской организации «Йакын Инкар» отсутствуют.

События в Республике Казахстан в январе показали, что государство по-прежнему не может эффективно бороться с дезинформацией и фейками в СМИ и интернете. Кейс в Украине показывает, что с финансовыми вливаниями, медиаресурсами и поддержкой социальных сетей любые ложные сведения могут быть распространены на население в огромных объемах. Распространению фейков в Казахстане в январе способствовало присутствие информационных координаторов среди действующих бандитских формирований в Алматы и других городах. По заявлениям Токаева и правоохранительных органов, это стало одной из основных причин беспорядков, президент приводит следующее мнение: «надо отметить, что среди них, командиров бандитских формирований, были люди информационно очень хорошо, специально подготовленные. То есть, дезинформационная кампания, так называемые фейки, лились рекой просто».

В 2022 г. главными нарративами «языка вражды» были политическая ситуация в Казахстане и кризис на Украине, можно отметить, что тенденции дезинформации имеют схожую динамику. Самыми актуальными темами, вызывающими нетерпимость, были статус казахского и русского языков и наличие российских мигрантов в Казахстане.

В целом, наблюдения за информационной сферой Казахстана показали увеличение пропагандистских материалов с погружением в язык вражды. Лексика вражды наиболее часто используется в комментариях к статьям по спорным темам и в таких популярных медиа, как nur.kz, tengrinews.kz, azattyq-ruhy.kz.

В период 2022–2023 г. в Казахстане наблюдалось больше провокационных заявлений и высказываний российских официальных и публичных лиц о территориальной целостности Казахстана. Данные заявления стимулировали рост языка вражды в Интернете. Один из самых заметных случаев – это пост на странице Дмитрия Медведева, зампреда Совбеза РФ во «ВКонтакте» (nur.kz. 02.08.2022 <https://www.nur.kz/world/1981349-vzlomomobyasnil-pomoschnik-medvedeva-ego-provokatsionnyy-post-vkontakte/>), где Казахстан был назван «искусственным государством» и обвинялся в «геноциде русских». Хотя пост был удален через 10 минут, он был быстро распространен на других ресурсах. Высказывание Д. Медведева вызвало очень негативную реакцию в казахстанском обществе и усилило русофобию среди пользователей.

В свете геополитического кризиса в казахстанском обществе возросла потребность в укреплении и развитии собственной идентичности – культуры, традиций и прежде всего казахского языка. Поэтому любые упоминания или дискриминация государственного языка вызывают живую негативную реакцию общества. Иллюстративным примером в этой теме является высказывание бизнесмена Рамиля Мухоряпова, основателя Chocofamily (nur.kz. 20.10.2022 <https://www.nur.kz/society/1993587-osnovatel-chocofamily-okazalsya-v-tsentre-skandala-iz-za-vyskazyvaniy-o-kazahskom-yazyke/>). На встрече с российскими мигрантами, он прокомментировал ситуацию, когда человек обращается на русском языке, а ему отвечают на казахском. «На самом деле, если такое происходит, я буду лично крайне опечален. Но кроме ситуации, когда человек реально не знает русского. Потому что, мне кажется, это все равно чуть-чуть странно. Чуть-чуть какое-то проявление такого национализма. Это можно принять, но это не от большой культуры», – написал бизнесмен. Это заявление вызвало недовольство и привело к усилению межнациональных разногласий и антипатии к русскому языку. Кроме того, многие пользователи объявили бойкот Chocofamily. Позже в отношении Рамиля Мухоряпова было возбуждено уголовное дело по статье о разжигании межнациональной розни (часть 1 статьи 174 УК) за его высказывания о «национализме» и казахском языке.

Эта проблема «мигранты и русофобия» также связана с конфликтом на Украине, а именно с массовым уклонением россиян от мобилизации в сентябре и октябре 2022 г. Из-за большого потока россиян резко возросли цены на аренду жилья, были случаи, когда жильцов выселяли и сдавали квартиры по более высокой цене. Кроме того, некоторые граждане выражали опасения по поводу увеличения конкуренции за рабочие места. Эти настроения также активно выражались в комментариях пользователей социальных сетей. «Авиабилеты из-за них дорогие стали». «Из-за этого наплыва страдают иногородние студенты». «По факту их больше, зачем занижать? Мы им не рады» (Tengrinews.kz 18.10.2022 https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-rossiyan-ejednevno-priejzaet-v-kazahstan-480735/).

В 2022 г. в казахстанском медиапространстве распространялась дезинформация на абсолютно разные темы. Во время трагических событий начала года в Казахстане было отключение интернета, что создало некоторый информационный вакуум. После подключения возник поток фейков в различных форматах аудио, видео, изображения и сообщения в социальных сетях со спекуляцией на страхах населения.

Самым популярным фейком было утверждение о том, что «Арыстан КНБ» якобы следит за

мобильными телефонами. В сообщениях говорилось о появлении «новых правил коммуникаций», согласно которым будет вестись запись телефонных звонков, звонков и сообщений в WhatsApp, а все устройства подключены к «ведомственным системам службы прослушки и правительства CDMX». Однако оказалось, что это старый фейк, и некоторые казахстанские сайты, такие как Factcheck.kz и Stopfake.kz, опровергли эту информацию (Factcheck.kz 11.01.2022 <https://factcheck.kz/socium/fejka-arystan-knb-vse-ustrojstva-podklyucheny-k-vedomstvennym-sistemamproslushki/>). 7 января 2022 г. во время беспорядков в Алматы был задержан известный киргизский музыкант Рузахунов, бывший здесь на гастролях. Музыканта приняли за бандита и даже записали на видео его раскаяние, в котором он назвался другим именем и оговорил себя. На телеканале «Казахстан» музыканта представили как одного из тех, кто за деньги участвовал в январских событиях. После вмешательства посольства Киргизии Рузахунов вернулся домой. Видеосюжет об участии Рузахунова транслировался 9 января 2022 года (Tengrinews.kz 25.05.2023 https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/sud-astane-vyines-reshenie-isku-kyrgyzskogo-muzyikanta-500122/).

Помимо этого, на этом фоне в WhatsApp в различных чатах распространялась информация, которая не была проверена пользователями. Поток фейков о коронавирусе и негативном воздействии вакцины не уменьшается. Также популярны темы «Билл Гейтс», «5G башни», «чипирование», «сокращение численности людей на земле» и подобные. Эта информация просочилась даже на государственные телеканалы и различные информационные ресурсы.

После 24 февраля 2022 г. информационное пространство Казахстана заполнили фейковые новости. Это можно рассматривать как информационную войну, которая не ограничивается только конфликтом между Россией и Украиной, но также затрагивает соседние государства. Например, появился дипфейк о Владимире Путине и «итогах украинско-российских встреч», который быстро распространился в сети (Factcheck.kz 28.02.2022 <https://factcheck.kz/fastchesk/dipfejk-vladimira-putina-s-itogami-ukrainsko-rossijskoj-vstrechi-rasxoditsya-v-seti/>). Также появились утверждения о том, что казахстанскую военную технику якобы отправляют на территорию Украины (Stopfake.kz 20.03.2022 <https://stopfake.kz/ru/archives/11804/>), что на китайском телевидении показали карту раздела России (Factcheck.kz 30.04.2022 <https://factcheck.kz/mify/pravda-li-chto-na-kitajskom-televidenii-pokazali-kartu-razdela-rossii/>). Были распространены различные фейковые истории о людях, пытающихся избежать мобилизации, например, огромная пробка на границе между Россией и Казахстаном (Factcheck.kz 22.09.2022 <https://factcheck.kz/sluxi/ogromnayaavtomobilnaya-probka-na-granice-rossii-ikazaxstana-proverka-foto-ot-factcheck-kg/>).

Мониторинг прессы Казахстана в указанный период подтвердил вывод ряда исследований о том, что «многовекторность современных средств массовой информации обуславливает многократное повторение, тиражирование ложной информации, формирует сети лжи, в которых современному человеку сложно сориентироваться и решить, где истина, а где ложь» [1, с. 5]. А также подтверждает необходимость наращивания в профессиональной среде фактчекинговых усилий [11].

Учитывая объем данных и количество обработанной информации, сложно уместить всю ситуацию и проанализировать, каким образом выстраивался дискурс «языка вражды» и дезинформации. Однако в данной работе мы представили некоторые из наших основных выводов, касающихся различных тенденций разжигания ненависти и дезинформации в СМИ.

Выводы и рекомендации

В 2022 г. Казахстан столкнулся с новыми геополитическими и информационными вызовами: вооруженные пограничные конфликты, дезинформация и «язык вражды». Все эти риски привели к еще большей поляризации казахстанского общества, социально-политической напряженности и снижению уровня доверия к официальным СМИ. Ключевым фактором изменения ситуации может стать повышение информационной грамотности населения и ее продвижение путем сотрудничества с институтами гражданского общества, реализации программ всеобщего медиаобразования.

Библиография

1. Барбашина Э. В. (2021) Эпистемологические основания фактчекинга в условиях постправды // Фактчекинг как инструмент развития медиа и современного медиаобразования. Материалы Всерос. научн.-практ. конференции в междунар. участием. 1-2 окт. 2020 г. – Новосибирск: Изд-во Новосибирский гос. пед. ун-т, 2021. С. 49-57.
2. Бейненсон В. А. (2017) Проверка достоверности информации в условиях новых медиа: проблемы и возможности // Журналистика в системе альтернативных источников информации: сборник материалов науч. конф. (Нижний Новгород, 17 марта 2017 г.). Н. Новгород: Изд-во НГУ, 2017. С. 79-89.
3. Ершов Ю. М. (2018) Феномен фейка в контексте коммуникативных практик // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 52. С. 245-256. DOI: 10.17223/19986645/52/15.
4. Ефанов А. А. (2018) Функционирование псевдо-новости в полях телевидения и интернета: типология, практики, социальные эффекты [Электронный ресурс] // Коммуникология. 2018. № 1. С. 156-165.
5. Калинина Н. В. (2020) Фактчекинг в работе современного журналиста и СМИ // Вестник АмГУ. 2020. Вып. 88. С. 122-124.
6. Малюкова О. В. (2018) Современная аргументация: в плену у фейков // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 52-59.
7. Красников М.А. (2020) Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2020. 24 с.
8. Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. (2023) Постправда и концепт «война» в провокативном медиадискурсе // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. No 4. С. 164-172. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172.
9. Каменев Р.В. (2021) Фактчекинг как инструмент развития медиа и современного медиаобразования. Материалы Всерос. научн.-практ. конференции в междунар. участием. 1-2 окт. 2020 г. – Новосибирск: Изд-во Новосибирский гос. пед. ун-т, 2021. С.22
10. Судохолов А. П., Бычкова А. М. (2017) «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 143-169.
11. Allcott, H. Gentzkow, M. (2022) Social media and fake news in the 2022 election. Technical report, National Bureau of Economic Research, 2022. pp.211
12. Car, Viktorija; Nenadić, Iva. (2023) Information Crisis and Post-Truth Reality: The Complex Relationship Between Journalism and Fact-Checking (CROSBID 807342), 2023. С.157-165.
13. Drolsbach, C., Solove, K., Pröllochs N. Community notes increase trust in fact-checking on social media/ Publications – Nicolas Pröllochs (nproellochs.com) DOI

<https://doi.org/10.31219/osf.io/ydc42>

14. Fernández-Barrero, A., Rivas-de-Roca, R., and Pérez-Curiel, C. (2024). Disinformation and local Media in the Iberian Context: how to protect news credibility. *J. Media* 5, 65–77. doi: 10.3390/journalmedia5010005
15. Giarelis, N., Mastrokostas, C., Karacapilidis, N. (2024) A Unified LLM-KG Framework to Assist Fact-Checking in Public Deliberation The First Workshop on Language-driven Deliberation Technology (DELITE2024), pages 13–19 20 May, 2024.
16. Tandoc, E. C., Lim, Z. W., and Ling, R. (2018). Defining fake news: a typology of scholarly definitions. *Digit. Journal.* 6, 137–153. doi: 10.1080/21670811.2017.1360143
17. Vázquez-Gestal M, Pérez-Seoane J and Fernández-Souto A-B (2024) Disinformation and health: fact-checking strategies of Spanish health public institutions through YouTube. *Front. Commun.* 9:1406852. doi: 10.3389/fcomm.2024.1406852;
18. Wenzel, M., Stasiuk-Krajewska, K., Macková, V., and Turková, K. (2023). The penetration of Russian disinformation related to the war in Ukraine: evidence from Poland, the Czech Republic and Slovakia. *Int. Polit. Sci. Rev.* 45, 192–208. doi: 10.1177/01925121231205259.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Варианты манипуляций в СМИ известны уже давно, собственно, именно эти ухищрения и играют порой ключевую роль в распространении информации. Правда, насколько она достоверна – спорный вопрос. Рецензируемая статья касается проблемы дезинформации и «языка вражды» в сетевых СМИ Казахстана. Тема, на мой взгляд, актуальна, достаточно интересна, отчасти и нова. Работа имеет конструктивный характер, точка зрения на проблему манифестирована объективно и точно. Суждения и аналитические изводы по ходу статьи даны верно: например, «в работах, раскрывающих особенности дезинформации, распространения фейковых (ложных) новостей, подчеркивается, что их распространение снижает уровень политических отношений, ведения политических дебатов, ухудшает деятельность оппозиционных сил, угрожает выборным процессам и усиливает поляризацию общества [1]. Фейк рассматривается как сложное ментальное образование, которое отличается национальной спецификой», или «по словам президента Казахстана, инициаторы январских событий 2022 г. в Казахстане имели значительные связи в силовых структурах и криминальных кругах. Вследствие чего официальное название событий получило – насильственный захват власти, в соответствии части 3 статьи 179 УК Республики Казахстан. Следствие показало, что подготовка переворота началась в середине 2021 г. Поводом для этого стало необдуманное решение местных властей о повышении цен на сжиженный газ, что привело к выходу людей на мирные демонстрации в Мангистауской области» и т.д. Языковой блок, который аналитически рассматривается в сочинении общедоступен / открыт, считаю, что это также можно оценить положительно. «Объектами изучения стали WhatsApp, YouTube, Telegram и ВКонтакте. В качестве методов использовались: критический анализ научной литературы, мониторинг медиа, дискурс-анализ, метод сравнительного анализа. Применялся также кейс-анализ текстов. Материалы отбирались методом случайной выборки. Учитывались различные критерии отбора публикаций, включая посещаемость, токсичность комментариев, количество статей и постов в онлайн-изданиях и социальных сетях, а также жанры материалов и наличие элементов «языка вражды». Работа обладает должной аналитической чертой, автор не только

манифестирует данные, он подвергает их критической оценке: например, «В процессе исследования были обнаружены две основные линии дезинформации. Первая линия связана с заявлениями о приходе террористов из других стран. Также были распространены сообщения о том, что граждане других стран участвовали в массовых беспорядках за деньги. В кулуарах мажилиса генпрокурор Казахстана Берик Асыллов впервые заявил, что 20-ти тысяч иностранных террористов не было. «Иностранцев сегодня 19 человек задержано, это граждане РФ, Узбекистана, Кыргызстана. Фактически они все участники массовых беспорядков. 20 тысяч иностранных террористов не было, я не знаю, где вы это взяли». (Sputnik.kz 14.03.2022. <https://ru.sputnik.kz/20220314/genprokuror-oproverg-slova-tokaeva-o-20-tysyachakh-terroristov-vo-vremya-yanvarskikh-sobytiy-23501300.html>), или «Самым популярным фейком было утверждение о том, что «Арыстан КНБ» якобы следит за мобильными телефонами. В сообщениях говорилось о появлении «новых правил коммуникаций», согласно которым будет вестись запись телефонных звонков, звонков и сообщений в WhatsApp, а все устройства подключены к «ведомственным системам службы прослушки и правительства CDMX». Однако оказалось, что это старый фейк, и некоторые казахстанские сайты, такие как Factcheck.kz и Stopfake.kz, опровергли эту информацию (Factcheck.kz 11.01.2022 <https://factcheck.kz/socium/fejk-arystan-knb-vse-ustrojstva-podklyucheny-k-vedomstvennym-sistemamproslushki/>)» и т.д. В принципе методологическая составляющая работы выверена, полученные данные верны, правомерность суждений конкретизирована. Считаю, что ряд позиций в работе может быть уточнен далее, следовательно, перспектива рассмотрения темы актуальна. В итоговой части обозначено, что «в 2022 г. Казахстан столкнулся с новыми геополитическими и информационными вызовами: вооруженные пограничные конфликты, дезинформация и «язык вражды». Все эти риски привели к еще большей поляризации казахстанского общества, социально-политической напряженности и снижению уровня доверия к официальным СМИ. Ключевым фактором изменения ситуации может стать повышение информационной грамотности населения и ее продвижение путем сотрудничества с институтами гражданского общества, реализации программ всеобщего медиаобразования». Список источников оформлен верно, требования издания учтены. Цель / задачи исследования достигнуты, материал имеет практический характер, его можно использовать при освоении ряда дисциплин вузовского цикла. Рекомендую статью «Дезинформация и «язык вражды» в сетевых СМИ Казахстана (итоги мониторинга 2022 г.)» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Спалек О.Н. Лингвокультурные образы Москвы и Варшавы в паремиях русского и польского языков // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71056 EDN: LQFFRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71056

Лингвокультурные образы Москвы и Варшавы в паремиях русского и польского языков

Спалек Оксана Николаевна

доцент, кафедра славистики и центральноевропейских исследований; Российский государственный гуманитарный университет

143912, Россия, Московская область, г. Балашиха, Первомайский пр-д, 1, кв. 376

✉ oksanaspalek@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71056

EDN:

LQFFRQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-06-2024

Дата публикации:

21-06-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются паремии русского и польского языка, содержащие представления о Москве и Варшаве. Материалом послужили пословицы и поговорки, зафиксированные в словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» и собрании Ю. Кшижановского «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich». Паремиологический фонд играет особую роль в сохранении культурной памяти языкового сообщества, выражает наиболее важные и устойчивые стереотипы национального сознания. При этом вербализируемые в паремиях представления могут обладать как универсальным, вневременным характером, так и фиксировать особенности социально-исторического контекста, материальной и духовной культуры социума в определенную эпоху. В ходе исследования автор определяет, анализирует и сопоставляет компоненты лингвокультурных образов Москвы и Варшавы,

вербализованные в паремиях польского и русского языков. В настоящей работе был использован метод синхронного описания, а также методы семантического и лингвокультурного анализа. Научная новизна настоящей работы заключается в многокомпонентном анализе и сопоставлении выражения образа Москвы и Варшавы в русской и польской паремиологии. В ходе исследования удалось установить многокомпонентность лингвокультурных образов Москвы и Варшавы. В русских и польских паремиях содержатся представления о данных городах как о центрах экономической, политической и культурной жизни России и Польши. При этом в паремиях выражается традиционное отношение к Москве и Варшаве как к богатым, красивым городам с высоким уровнем жизни, развитой торговлей, но вместе с тем дорогим и опасным. Паремии характеризуют жителей Москвы и Варшавы, их привычки и нравы, а также отсылают к роли отдельных улиц и районов в жизни городов. В ходе исследования также было установлено, что паремии русского языка содержат представления о Москве как о городе, с которым связаны важные события в истории России, о городе с богатой архитектурой и определенными рельефными особенностями. Вышеперечисленных представлений о Варшаве в паремиях польского языка зафиксировано не было.

Ключевые слова:

лингвокультурология, паремиология, языковая картина мира, фразеология, стереотип, польский язык, русский язык, пословица, афоризм, сравнительное языкознание

Будучи средством общения и инструментом передачи информации, язык также выражает взаимоотношения человека с окружающим его миром, обычаи, традиции и ценности народа.

При этом, как справедливо указывает С.Г. Тер-Минасова [\[1, с. 40\]](#), «слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете». Исторически сложившаяся понятийная структура, с помощью которой носители языка понимают, классифицируют и интерпретируют мир, составляет языковую картину мира (ЯКМ) [\[2, с. 48\]](#).

При этом особую роль в формировании культурно-специфической модели мышления и выражении коллективной культурно-языковой идентичности играет паремиология.

Под термином «паремии» мы вслед за В.Н.Телия понимаем «афоризмы народного происхождения, пословицы и поговорки, представляющие собой передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенциозной форме отражены все категории и установки жизненной философии народа - носителя языка» [\[3, с. 241\]](#). Паремиологический фонд играет особую роль в сохранении культурной памяти языкового сообщества, выражает наиболее важные и устойчивые стереотипы национального сознания. При этом вербализируемые в паремиях представления могут обладать как универсальным, вневременным характером, так и фиксировать особенности социально-исторического контекста, материальной и духовной культуры социума в определенную эпоху.

Цель настоящего исследования - анализ и определение компонентов лингвокультурных образов Москвы и Варшавы, вербализованных в паремиях польского и русского языков.

Актуальность работы обусловлена большим интересом к паремиологии как к инструменту выражения ЯКМ в современном языкознании. Исследованием содержащихся в пословицах и поговорках стереотипных представлений занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты: *В.П. Жуков, Н.Н. Иванова, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, J. Adamowski, R. Grzegorzczkova, T. Szutkowski и др.*

Научная новизна настоящей статьи заключается в многокомпонентном анализе выражения образа Москвы и Варшавы в русской и польской паремиологии.

Материалом исследования послужили пословицы и поговорки, содержащиеся в словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» [4] и собрании Ю. Кшижановского «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich» [5]. Данные источники в основном содержат паремии, зафиксированные не позже начала XX века, поэтому отражают традиционные, во многом не актуальные сегодня представления о нынешних столицах России и Польши.

В настоящей работе был использован метод синхронного описания, а также методы семантического и лингвокультурного анализа.

В ходе исследования собранных паремий удалось вычленить ряд наиболее распространенных компонентов образов Москвы и Варшавы. Подробно рассмотрим каждый из них.

1. Москва и Варшава - цент экономической, политической и культурной жизни.

Москва и Варшава на протяжении многих столетий играли определяющую роль в экономической и культурной жизни России и Польши, обладали особой важностью и авторитетом среди других городов. Неудивительно, что в паремиях Москва и Варшава именуются «матерями» и «сердцем» русского и польского народов:

Москва всем городам мать; Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова; Питер — голова, Москва — сердце; dla Polaków ojciec Kraków, a Warszawa matka, букв. «для поляков отец - Краков, а Варшава - мать»; Kraków pan, Lwów ojciec, Warszawa matka, Lublin jest siostra tobie, букв. «Краков - господин, Львов - отец, варшава - мать, Люблин - сестра тебе».

Москва и Варшава имели важное значение в политической жизни страны, были символом центральной власти, о чем свидетельствует старинная пословица уральских казаков:

Живи, живи, ребята, пока Москва не проведала, то есть 'пока об этом не узнал государь'.

Для поляков Варшава тождественна по значимости Кракову, городу, который с 1038 до 1596 гг. являлся столицей Польши, а до 1734 г. был местом коронации польских королей: *Warszawa i Kraków - stolica Polaków*, букв. «Варшава и Краков - столица поляков».

Данные города в польских премиях также выступают символическими очертаниями, границами «своего» мира: *Od Warszawy do Krakowa zawsze bieda jednakowa*, букв. «от Варшавы до Кракова - всегда бедность одинакова».

2. Географическое положение Москвы и Варшавы.

Поскольку местонахождение Москвы и Варшавы известно каждому участнику языкового

сообщества, данные города в пословицах являются своеобразным ориентиром, по которому можно рассчитывать расстояние и определять направление: *Копна от копны, как от Ростова до Москвы, то есть 'далеко'; бабка от бабки, как от Москвы до Вятки, то есть 'далеко'; tak daleko z Krakowa do Warszawy jak z Warszawy do Krakowa*, букв. «так далеко от Кракова до Варшавы, как от Варшавы до Кракова»; *choć do Warszawy*, букв. «хоть до Варшавы», то есть «так хорошо подготовиться, что можно отправляться в дальнюю дорогу»; *на Евдокеи снег — урожай, теплый ветер — мокрое лето, ветер от Москвы — холодное лето*, в данном случае «от Москвы», означает «с севера».

По степени близости к Москве можно определить местонахождение других городов: *Ярославль городок — Москвы уголок; Нижний — сосед Москве ближний: дома каменные, люди железные. Воды много, а почерпнуть нечего.*

3. Москва - город с долгой историей.

Москва была основана в далеком 1147 году и отстраивалась и развивалась на протяжении многих веков, о чем свидетельствуют пословицы: *не разом (не в день, не в сутки) Москва построена; Москва веками строилась; Москва создана веками, Питер миллионами.*

Паремии содержат упоминания о нескольких непростых событиях в истории города. Так, память о пожарах 1443 и 1737 гг. хранят пословицы:

Москва сгорела от денежной (копеечной) свечи; Москва от искры загорелась.

Содержится в паремиях и упоминание о переносе столицы из Москвы в Петербург в 1712 г.: *одним глазом в Москву, другим в Питер.*

В польском материале паремий, содержащих упоминания о важных событиях в истории Варшавы, обнаружено не было.

4. Значимая роль Москвы в истории страны.

Среди паремий было зафиксировано немало единиц, содержащих представление о роли Москвы в важных исторических событиях России, например, о создании боярского правительства после свержения царя Василия Шуйского в 1610 г.: *видно, город велик, что семь воевод; московская разнобоярщина.*

Во времена Отечественной войны 1812 года в окрестностях Москвы происходили важные битвы, а сама Москва пережила страшный пожар и нашествие армии Наполеона: *от бородинской пушки под Москвой земля дрожала, речь идет о Бородинском сражении; пропал, как француз в Москве; отогрелся в Москве, да замерз на Березине; был не опален (Наполеон), а из Москвы вышел опален.*

Трагические события привели к возникновению выражения *волынка на Ходынке*, используемого для обозначения безнадежной и безвыходной ситуации. Употребление хоронима *Ходынка* отсылает нас к трагическим событиям 18 мая 1894 года, когда в честь коронации Николая II в Москве на Ходынском поле было устроено празднество с бесплатным угощением для простого народа. Закончилось торжество давкой, в результате которой погибло более тысячи человек. В свою очередь инструмент *волынка*, отличающийся заунывным звуком, символизирует в данном случае тревогу, безысходность.

Среди польских паремий не было зафиксировано единиц, свидетельствующих о важном значении Варшавы в исторических событиях Польши, но при этом есть пословица,

содержащая упоминание о событиях 1941, когда немцы подошли к Москве, но не смогли взять город: *stanął jak Hitler pod Moskwą*, букв. «застрял, как Гитлер под Москвой».

5. Москва и Варшава - красивые, богатые, сытые города, свидетельствуют об этом паремии: *кто в Москве не бывал, красоты не видал; в Москве все найдешь, кроме птичьего молока; в Москве все найдешь, кроме родного отца да матери; в Москве недорода хлеба не бывает; Москва любит запасец; Москва людна и хлебна; Москва — царство, деревня — рай*. В Москве даже грязь особая: *Московская грязь не марается*.

В Варшаве также есть все, что ни пожелаешь: *Warszawy nie zadziwisz*, букв. «Варшаву не удивишь», т.е. 'в Варшаве все есть'. Но несмотря на это, *trudno i w Warszawie o rościwą żonę*, букв. «даже в Варшаве сложно найти порядочную жену». Во второй половине XIX века, когда были зафиксированы следующие паремии, город был прекрасно освящен: *choć Warszawa ciasna, ale jasna*, букв. «хоть Варшава и тесная, но светлая», *świeci się Warszawa, świeci się i Kraków*, букв. «светится Варшава, светится Краков».

В начале XX века в Варшаве появляется узкоколейная железная дорога, о чем свидетельствует пословица *od Warszawy aż do Marek zapycha samowarek*, букв. «от Варшавы до Марок пыхтит самовар», т.е. 'едет паровоз'. Город также славился своими садами: *Warszawa ma ogrody, a Kraków sam ogród*, букв. «в Варшаве есть сады, Краков - сам сад».

Издавна беднота отправлялась в Москву и Варшаву на заработки: *в Москву идтить — только деньгу добыть; была бы догадка, а на Москве денег кадка; пошел на Москву торговать — на погорелое собирать; нужда из Сызрани в Москву пеши шла; poszła bieda do Warszawy i tam nie ma wielkiej sławy*, букв. «пошла беднота в Варшаву, и там не слишком прославилась». На то, что в Варшаве было много приезжих, указывает паремия *Warszawianka prosto od krowy*, букв. «варшавянка прямо от коровы», т.е. 'деревенская жительница, переехавшая в Варшаву'.

6. Москва и Варшава - города дорогие, жить и зарабатывать в них трудно.

На сложность выживания в городах указывают паремии: *в Москву бресть — последнюю копейку несть; Москва — кому мать, кому мачеха; Москва бьет с носка, а Питер бока повытер; в Москве толсто звонят, да тонко едят; Warszawa jest biednych matka: kto mało ma, weźmie do ostatka*, букв. «Варшава - мать бедных: у кого мало, оберет до нитки»; *w Warszawie, w Krakowie i we Lwowie kto nie ma pieniędzy, to się głodu namrze*, букв. «в Варшаве, Кракове и во Львове - у кого денег нет, тот от голода умрет». Выжить в Варшаве можно, только если имеются собственные запасы: *będzieszli z Litwy albo z Kijowa: gdy masz co w mieszku, to Warszawa schowa*, букв. «из Литвы ты или из Киева, если что-то в мешке есть, то Варшава укроет».

Богатство же можно определить по способности «купить город»: *а что просишь за Москву? (спросил богатый мужик и полез за пазуху)*, так говорили о человеке богатом, который все мог себе позволить. Аналогичная пословица есть и в польском языке: *spytałbym, co Warszawa kosztuje*, букв. «я спросил бы, сколько Варшава стоит».

При этом несмотря на большое число жителей, в Москве и Варшаве все друг другу чужие, на помощь рассчитывать не приходится, что подтверждается паремиями: *Москва слезам не верит; Москву не расквелишь*, т.е. 'не разжалобишь'; *Москва ни по чем не плачет; Москва по нашим бедам не плачет; живучи в Москве, пожить и в тоске; w Warszawie taki zwyczaj: kiedy nie masz, nie pożyczaj*, букв. «в Варшаве такой обычай:

когда у тебя [ничего] нет, в долг не бери».

7. В Москве и Варшаве высокий уровень преступности.

Богатство и развитая торговля в крупных городах, а также активный приток бедного населения способствовали распространению преступности, о чем свидетельствует, например, паремия *кто в Коле три года проживет, того на Москве не обманут*. В основе данной пословицы отождествление криминальной обстановки в Москве и Коле - Кольской гавани, где собирался сомнительный контингент: беглые и ссыльные.

В польских источниках были зафиксированы следующие паремии:

kto nie umie kraść i oszukiwać, nie ma się po co w Warszawie znajdować, букв. «кто не умеет красть и обманывать, тому не за чем находиться в Варшаве»; *lepiej w nocy na wsi niż w dzień w Warszawie*, букв. «Лучше ночью в деревне, чем днем в Варшаве», т.е. 'В Варшаве и днем очень опасно'.

При этом наказания за злодеяния бывают суровы: *хотел с Москвы сапоги снести, а рад с Москвы голову унести; Кольская губа, что московская тюрьма (не скоро выйдешь)*, в основе паремии - сравнение суровых условий содержания в московских тюрьмах со сложностями преодоления для русских мореходов Кольского залива [6, с. 368].

8. Москва богата своей архитектурой.

В городе много церквей, монастырей и храмов, о чем свидетельствуют пословицы в *Москве сорок сороков церквей* - поскольку церкви в Москве разделены на благочиния по сорокам. *Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая*.

С большого числа колоколен постоянно доносится звон: *у Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят* - в данной паремии перечисляются разные церкви; *не только звону, что в Москве; хлеба-соли покушать, красного звону послушать* - так говорили о путешествии в Москву; *в Москве каждый день праздник* - поскольку много церквей; *в Москве к заутрене звонили, а на Вологде звон слышали*.

В ходе исследования были также собраны паремии о колокольне Ивана Великого, которая на протяжении долгого времени оставалась самым высоким зданием в Москве: *выше Ивана Великого*, т.е. 'очень высокий', *Иван Великий - выше высокого; ростом с Ивана, а умом с болвана*, - а также шуточные поговорки: *кабы не кабы, так бы Ивана Великого в бутылку посадил; кабы Иван Великий был маленьким, а карман у меня большим, я бы его туда посадил; «Как на Ивана Великого крест вколотили?» - «А нагнули да воткнули»*.

Про высоких людей еще говорили *верста коломенская*, данное выражение появилось благодаря огромным верстовым столбам, установленным вдоль столбовой дороги, ведущей к Коломенскому кремлю.

Также была зафиксирована пословица об украшенном фресками Андрея Рублева куполе Спасского собора в Андрониковом мужском монастыре: *у Андропова шапка на Москве не теряется*.

Ряд собранных паремий посвящен Всехсвятскому мосту. Это был первый постоянный каменный мост через Москву-реку, по сравнению с остальными деревянными он выглядел надежно и монументально, отсюда и пословицы *он надежнее Каменного моста*;

честный человек лучше Каменного моста. Вместе с тем мост часто приходил в негодность и требовал постоянного ремонта и крупных финансовых вложений, что объясняет появление пословиц *дороже Каменного моста; добрый человек дороже Каменного моста*.

9. Москва и Варшава - города с развитой торговлей. Об этом свидетельствуют паремии: *славна Москва калачами, Петербург усадами*, поскольку в XIX в. в Петербурге было много гвардейцев, а в Москве купцов. Активно торговля велась и в Варшаве: *do Warszawy po buty, do Krakowa po żonę*, букв. «в Варшаву за обувь, а в Краков за женой»; *Warszawa nie Podlasie: kupiłem ja, kup i wasze*, букв. «Варшава не Подлясье: купил я, покупайте и вы». Интересно, что представление о Москве как о купеческом городе содержится не только в русских, но и в польских премиях: *czeka na to, jak Moskwa czasu na przedanie soboli*, букв. «ждет этого, как Москва времени для продажи соболиного меха», т.е. 'очень ждет'.

При этом как такового производства ни в Москве, ни в Варшаве нет: *Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенского едят; Warszawiak w prasy, a wilk u pług - jednaka z obu posługa*, букв. «варшавянин на работе, а волк у плуга - одинаковая от обоих польза», - данная пословица выражает отношение к жителям Варшавы, как к людям, не привыкшим работать на земле.

10. Москва примечательна своим рельефом.

В словаре В.И. Даля содержатся пословицы и поговорки *Москва горбатая; два брата с Арбата, а оба горбата; не ходи на Арбат, будешь горбат*, - которые указывают на холмистый характер местности.

Упоминаний о рельефе Варшавы польские паремии не содержат.

11. Своеобразие демографического состава Москвы и Варшавы.

В Москву в конце XVIII - начале XIX вв. помещики из провинции привозили девушек на смотрины, невест на выданье в ней было больше, чем в тогдашней столице Петербурге, где находились воинские части и военные училища, огромный штат чиновников и церковных служащих, отсюда и пословица *Питер женится, Москва замуж идет* ^[7].

В польском материале была зафиксирована паремия, свидетельствующая о проживании в Варшаве бок о бок представителей разных сословий: *kucharka w Warszawie dzieli worek z panią*, букв. «кухарка в Варшаве делит мешок с госпожой».

12. Привычки и нравы местных жителей.

Содержат паремии и представления об обычаях местных жителей. Так, москвичи любили карточные игры: *кто не вистует, вся Москва вистует* - пословица свидетельствует о популярности игры в вист среди горожан. Представление о Варшаве как о центре развлечений содержится в польских паремиях: *na uciechy i zabawy trzeba jechać do Warszawy*, букв. «для потехи и забавы нужно ехать в Варшаву».

Кроме того, словарь В.И. Даля содержит поговорку-дразнилку, отмечающую особенности московского произношения - аканье: *с Масквы, с пасáда, с авашнова ряда*.

В русской и польской паремиологии распространено представление о жителях Москвы как о лгунах: *московские люди землю сеют рожью, а живут ложью; w Hiszpanii praktyk, we włoszech doktor, we Francji fryjerz, w Niemczech rzemieślnik, w Danii, w Anglii, w*

Szkocji kupiec, we Wołoszech złodziej, w Turczach żołnierz, w Polsce prokurator, w Moskwie łgarz, w Prusiech gospodarz: pożywią się, букв. «в Испании практик, в Италии доктор, во Франции парикмахер, в Германии ремесленник, в Дании, в Англии, в Шотландии купец, в Италии вор, в Турции солдат, в Польше прокурор, в Москву лгун, в Пруссии хозяин - наживутся».

Следующая польская пословица выражает отношение к жительницам Варшавы: *warszawianka grzeczna, lecz niestateczna*, букв. «варшавянка вежлива, но непостоянна».

13. Особенности и предназначения районов и улиц Москвы и Варшавы.

В исследуемом материале было обнаружено большое число премий, содержащих названия московских и варшавских районов и улиц, предлагаем рассмотреть собранные пословицы и поговорки.

Кричать во всю Ивановскую - в пословице упоминается площадь Московского Кремля, расположенная рядом с колокольней Ивана Великого. В XVI—XVII вв. там располагались судебские службы и приказы, начальники которых были обязаны сообщать народу о царских указах. Но поскольку население в большинстве своем было неграмотным, указы громко зачитывали собравшимся.

Само по себе выражение *во всю Ивановскую* приобрело значение 'очень', 'сильно' и вошло в состав других паремий: *кутнуть во всю Ивановскую, катить во всю Ивановскую*.

Пишет, как помелом по Неглинной, т.е. 'пишет неразборчиво'. Выражение относилось к малограмотным дьякам, которые неразборчиво писали грамоты. На Неглинной же улице располагались многочисленные приказы.

Возникновение премии *скоморох с Пресни наигрывает песни* связано с тем, что в районе Пресни селилось много скоморохов.

Пословица *правда у Воскресения на Кадашах* распространилась в 30-е годы XIX в., своим появлением она обязана тогдашнему московскому голове Андрею Петровичу Шестову, дом которого находился у церкви Воскресения Христова в Кадашах. За годы работы Шестова московский бюджет многократно вырос, в связи с чем москвичи переделали старую поговорку *правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла*. В свою очередь *Петр и Павел* в данном случае - церковь Петра и Павла, за которой располагался застенки для пыток. Упоминание об этом мы найдем и в других паремиях: *правда у Петра и Павла; у всякого Павла своя правда*. Также застенки для пыток существовал и за храмом Варвары Великомученицы, о чем свидетельствует пословица *к Варваре на расправу*.

Близкое расположение Зарядья к Кремлю легло в основу каламбурной пословицы *едем из Зарядья в Кремль десятый день*, т.е. 'едем медленно'.

Употребление названий районов и улиц в некоторых паремиях обусловлено рифмой: *катись колбаской по Садовой-Спасской!*

Названия районов и улиц в составе паремий могут перечисляться для создания комичного эффекта: *у всех святых на Кулиджах, что в Кожухове за Пречистенскими вороты, в Тверской ямской слободе, не доходя Таганки, на Ваганке, в Малых Лужниках, что в Гончарах, на Воргунихе, у Николы в Толмачах, на Трех горах и пр, т. е. 'нигде'; за Яузой на Арбате, на Воронцовском поле, близ Вшивой горки, на Петровке, не доходя Мещанской, в Кожевниках, прошедши Котельников, в Кисловке под Девичьим, в*

Гончарах, на Трех горах, в самых Пушкарях, на Лубянке, на самой Полянке и пр, т. е. 'нигде'.

В польской паремиологии распространены паремии, содержащие некронимы: *machnąć kozła na Bródno*, букв. «полететь вверх тормашками на Брудно», т.е. 'умереть' - в районе Брудно располагалось кладбище; *bodaj cię krowami na Powązki wywieźli*, букв. «чтоб тебя на коровах на Повонзки вывезли», *dezertier z Powązek*, букв. «дезертир с Повонзок», т.е. 'чудом выживший'; *patrzy na Powązki*, букв. «смотрит на Повонзки», т.е. 'тяжело болеет'; *żyje za paszportem z Powązek*, букв. «живет с паспортом с Повонзок», т.е. 'вот-вот умрет', - Повонзки - кладбище в Варшаве. Помимо некронимов в премиях встречаются упоминания улиц и районов Варшавы: *istny Pociągów*, букв. «истинный Почеев», т.е. 'настоящий бардак, свалка', - в районе Почеев в Варшаве располагался рынок поддержанных вещей; *Panna z Nowego Świata*, букв. «панна с Нового Света», т.е. 'женщина легкого поведения', - Новый Свет - центральная улица в Варшаве; *rycerz z Rycerskiej ulicy*, букв. «рыцарь с Рыцерской улицы», т.е. 'бандит', - рыцарская улица имела репутацию злчного места; *z Wierzbowej nam wieści dają, gdzie tańczą albo grają*, букв. «с Вежбовой нам вести сообщают, где танцуют, а где играют», - на Вежбовой улице располагалась редакция издававшейся с 1821 до 1939 гг. Газеты «Варшавский курьер»; *do Botaniki na wodę i pierniki*, букв. «в Ботанический сад за водой и пряниками», - в середине XIX в. в Ботаническом саду продавали минеральную воду, за которой охотно приезжали жители Варшавы.

Зачастую наименования расположенных далеко друг от друга улиц содержатся в одной паремии, что создает эффект каламбура: *dzika wprost Okólnika*, букв. «Дика вдоль Окульника»; *róg Bednarskiej i Młynarskiej*, букв. «угол Беднарской и Млынарской».

Ряд наименований улиц включен в состав паремий ради рифмы: *i na Wróblęj nic bez rubli*, букв. «и на Врублей ничего [не купишь] без рублей»;

jak cię walnę, to polecisz na Krochmalną, букв. «как ударю, полетишь на Крохмальную»; *jak cię zwałę, to polecisz na Podwalę*, букв. «как ударю, полетишь на Подвале».

Некоторые названия улиц имеют буквальное значение и употребляются в премиях для игры слов: *ludna cudna, bo bezludna*, букв. «людная чудесная, потому что безлюдная»; *na Ciepłej mieszkasz, nie masz się czym chwalić: Ciepła nie ciepła, jak nie ma czym palić*, букв. «[если] на Чеплой [букв. «теплой»] живешь, хвалиться нечем: Чепла [букв. «теплая»] не теплая, потому что нечем топить»; *na Gołębiej ulicy mieszkają miłośnicy*, букв. «на Голембей [букв. «голубиной»] улице живут любовники»; *na Ptasiej ulicy w Szczygła kamienicy*, букв. «на Птащей [букв. «птичьей»] улице в доме Щигла [букв. «щегла»]»; *Niecała już cała*, букв. «Нецалая [букв. «нецелая»] уже целая», т.е. 'после ремонта'; *Próżna już niepróżna*, букв. «Пружна [букв. «пустая»] уже не пустая», поскольку ее застроили; *poszła Piękną i Hożą, a wróciła Wspólną i Niecałą*, букв. «пошла [по] Пенькной [букв. «красивой»] и Хожей [букв. «пригожей»], а вернулась [по] Вспульной [букв. «совместной»] и нецалой [букв. «нецелой»].

Таким образом, в ходе исследования удалось установить многокомпонентность лингвокультурных образов Москвы и Варшавы. В русских и польских паремиях содержатся представления о данных городах как о центрах экономической, политической и культурной жизни России и Польши. При этом в паремиях выражается традиционное отношение к Москве и Варшаве как к богатым, красивым городам с высоким уровнем жизни, развитой торговлей, но вместе с тем дорогим и опасным. Паремии характеризуют жителей Москвы и Варшавы, их привычки и нравы, а также отсылают к роли отдельных

улиц и районов в жизни городов. В ходе исследования также было установлено, что паремии русского языка содержат представления о Москве как о городе, с которым связаны важные события в истории России, о городе с богатой архитектурой и определенными рельефными особенностями. Вышеперечисленных представлений о Варшаве в паремиях польского языка зафиксировано не было.

Библиография

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. - 146 с.
2. Grzegorzczkova R. Pojęcie językowego obrazu świata. // Językowy obraz świata, red. J. Bartmiński. Lublin, 1990. - S. 41-49.
3. Телия В.М. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. - 289 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2020. - 984 с.
5. Krzyżanowski J., Świrko St. Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich, t. I - IV. Warszawa: 1967 - 1968. - XXXIX, 881, 1165, 996, 627 s.
6. Руднев Я.И., Шемякин В.И. Русская земля. Область крайнего севера. Т. I. С.-Петербург : Типо-литография М. П. Фроловой, 1899. - 398 с.
7. Синдаловский, Н. А. Словарь петербуржца. Санкт-Петербург: Норинт, 2003. - 320 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/speech-of-petersburg/fc/slovar-207-1.htm#zag-2285> (дата обращения: 18.06.2024 г.).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемого труда соотносится с магистралью лингвистического характера, соотношение с одной из рубрик издания также имеется. Явление паремии достаточно стабильно, синкретично, оно отражает менталику народа, касается некоей метафизической направляющей бытия этноса. Автор отмечает, что «цель исследования – это анализ и определение компонентов лингвокультурных образов Москвы и Варшавы, вербализованных в паремиях польского и русского языков», «актуальность исследования обусловлена большим интересом к паремиологии как к инструменту выражения языковой картины мира в современном языкознании. Исследованием содержащихся в пословицах и поговорках стереотипных представлений занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты: В.П. Жуков, Н.Н. Иванова, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, J. Adamowski, R. Grzegorzczkova, T. Szutkowski и др.». Таким образом, основные компоненты работы определены, собственно сам анализ тоже выверен и конструктивен. Считаю, что материал имеет практический характер, его можно использовать в школьной и вузовской практике. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, иллюстративный фон достаточен: например, «Москва и Варшава на протяжении многих столетий играли определяющую роль в экономической и культурной жизни России и Польши, обладали особой важностью и авторитетом среди других городов. Неудивительно, что в паремиях Москва и Варшава именуются «матерями» и «сердцем» русского и польского народов: Москва всем городам мать; Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова; Питер — голова, Москва — сердце; dla Polaków ojciec Kraków, a Warszawa matka, букв. «для поляков отец - Краков, а Варшава - мать»; Kraków pan, Lwów ojciec, Warszawa matka, Lublin jest siostra tobie, букв. «Краков - господин, Львов - отец, варшава - мать, Люблин - сестра

тебе», или «среди паремий было зафиксировали немало единиц, содержащих представление о роли Москвы в важных исторических событиях России, например, о создании боярского правительства после свержения царя Василия Шуйского в 1610 г.: видно, город велик, что семь воевод; московская разнобоярщина. Во времена Отечественной войны 1812 года в окрестностях Москвы происходили важные битвы, а сама Москва пережила страшный пожар и нашествие армии Наполеона: от бородинской пушки под Москвой земля дрожала, речь идет о Бородинском сражении; пропал, как француз в Москве; отогрелся в Москве, да замерз на Березине; был не опален (Наполеон), а из Москвы вышел опален» и т.д. Конкретика языкового материала не вызывает сомнений, от общедоступен, открыт: «материалом исследования послужили пословицы и поговорки, содержащиеся в словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» [4] и собрании Ю. Кшижановского «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich» [5]. Данные источники в основном содержат паремии, зафиксированные не позже начала XX века, поэтому отражают традиционные, во многом не актуальные сегодня представления о нынешних столицах России и Польши». Формат цитаций и ссылок соотносится с требованиями издания. Вектор сравнительно-сопоставительного толка также поддерживается на протяжении всей работы: «Москва и Варшава - красивые, богатые, сытые города, свидетельствуют об этом паремии: кто в Москве не бывал, красоты не видал; в Москве все найдешь, кроме птичьего молока; в Москве все найдешь, кроме родного отца да матери; в Москве недорода хлебу не бывает; Москва любит запасец; Москва людна и хлебна; Москва — царство, деревня — рай. В Москве даже грязь особая: Московская грязь не марается. В Варшаве также есть все, что ни пожелаешь: Warszawy nie zadziwisz, букв. «Варшаву не удивишь», т.е. 'в Варшаве все есть'. Но несмотря на это, trudno i w Warszawie o rościwą żonę, букв. «даже в Варшаве сложно найти порядочную жену». Во второй половине XIX века, когда были зафиксированы следующие паремии, город был прекрасно освящен: choć Warszawa ciasna, ale jasna, букв. «хоть Варшава и тесная, но светлая», świeci się Warszawa, świeci się i Kraków, букв. «светится Варшава, светится Краков». В заключительном блоке отмечено, что «в ходе исследования удалось установить многокомпонентность лингвокультурных образов Москвы и Варшавы. В русских и польских паремиях содержатся представления о данных городах как о центрах экономической, политической и культурной жизни России и Польши. При этом в паремиях выражается традиционное отношение к Москве и Варшаве как к богатым, красивым городам с высоким уровнем жизни, развитой торговлей, но вместе с тем дорогим и опасным. Паремии характеризуют жителей Москвы и Варшавы, их привычки и нравы, а также отсылают к роли отдельных улиц и районов в жизни городов». Основные требования учтены, текст не нуждается в серьезной правке; цель исследования достигнута, поставленные задачи решены. Рекомендую статью «Лингвокультурные образы Москвы и Варшавы в паремиях русского и польского языков» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чилингарян К.П. Проблематика теории референции знаков в современной лингвистике // Litera. 2024. № 6.

DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71111 EDN: HCKBAY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71111

Проблематика теории референции знаков в современной лингвистике

Чилингарян Камо Павелович

ORCID: 0000-0002-3863-8603

доцент; кафедра иностранных языков Высшей Школы Управления; Российский Университет дружбы народов им. П.Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, оф. 707

✉ chilingaryan_kp@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.71111

EDN:

HCKBAY

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Дата публикации:

27-06-2024

Аннотация: Предметом исследования является история развития и современное состояние теории референции, которое отражает разнообразие подходов и концепций. Некоторые исследователи считают, что референция является чисто семантическим явлением, другие подчеркивают важность контекста и прагматики для понимания референциальности. Также активно исследуется вопрос о влиянии культурных и социальных факторов на референцию в различных языках. История развития теории референции началась с работ Готлоба Фреге и Бертрانا Рассела в начале XX века. Фреге ввел понятие семантической референции, утверждая, что каждое слово имеет свой собственный референт в мире. Рассел развил эту идею, предложив теорию дескрипций, согласно которой слова указывают на объекты путем описания их характеристик. В дальнейшем развитии теории референции важную роль сыграли работы Людвиг Витгенштейна и Дональда Девидсона. Витгенштейн предложил концепцию

языковых игр, утверждая, что референция зависит от контекста и использования слова в определенной ситуации. Девидсон разработал теорию истинности, согласно которой референция определяется через связь между языком и миром. Прагматические и когнитивные аспекты методологии исследования важны для успешного проведения научных исследований. Референциальность знаков играет ключевую роль в этом процессе, обеспечивая эффективное представление и коммуникацию результатов исследования. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении классических работ философов, семиотиков и лингвистов, в т. ч. Платона, Аристотеля, Чарльза Пирса, Фердинанда де Соссюра и Умберто Эко, на теорию референции. Одним из ключевых понятий в изучении знаковых систем является референциальность. Референциальность позволяет связывать слова с конкретными объектами и понимать их значение. Одним из самых актуальных направлений исследований в области референции является изучение способов взаимодействия языковых единиц с контекстом и ситуацией общения. Это позволяет более глубоко понять процессы обозначения и интерпретации в языке, а также разработать новые теоретические модели, объясняющие эти процессы. Таким образом, научная новизна в исследовании референциальности знаков продолжает оставаться актуальной и важной для развития лингвистики и смежных дисциплин. Вклад автора в этой области может привести к новым открытиям и пониманию механизмов языковой коммуникации.

Ключевые слова:

конвенциональные знаки, прототипические слова, естественные знаки, знаковые отношения, референциальность, иконизм, конвенционализм, символ, индексальность знаков, интерпретант

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематического анализа развития теории референции, которая является одной из ключевых проблем в философии языка и семиотике, а также тем, что теория референции и проблематика взаимоотношения знаков играет важную роль в понимании процессов коммуникации и возможностей познания в современном обществе. Теория референции позволяет анализировать, как мы используем знаки для обозначения объектов и явлений реального мира. Референциальность — это ключевое понятие в лингвистике, которое описывает способность слов или выражений указывать на объекты в реальном мире. Теория референции изучает, каким образом язык связывает слова с их референтами и как это влияет на понимание текста.

Один из **методов исследования** историко-философский анализ, который позволяет проследить развитие теории референции от её истоков до современных взглядов.

Предметом исследования является история развития и современное состояние теории референции, которое отражает разнообразие подходов и концепций. Некоторые исследователи считают, что референция является чисто семантическим явлением, другие подчеркивают важность контекста и прагматики для понимания референциальности. Также активно исследуется вопрос о влиянии культурных и социальных факторов на референцию в различных языках. История развития теории референции началась с работ Готлоба Фреге и Бертрана Рассела в начале XX века. Фреге ввел понятие семантической референции, утверждая, что каждое слово имеет

свой собственный референт в мире. Рассел развил эту идею, предложив теорию дескрипций, согласно которой слова указывают на объекты путем описания их характеристик.

В дальнейшем развитии теории референции важную роль сыграли работы Людвиг Витгенштейна и Дональда Девидсона. Витгенштейн предложил концепцию языковых игр, утверждая, что референция зависит от контекста и использования слова в определенной ситуации. Девидсон разработал теорию истинности, согласно которой референция определяется через связь между языком и миром.

Материалом исследования послужили работы Платон. Кратил, Умберто Эко, Gombrich E. (1960), Lyons, John (1977), Круткин В. Л. (2006), Жак Деррида, Борхес Хорхе (1992), Клод Леви-Стросс (1987).

Теоретическую базу исследования составляют работы таких ученых и философов как Чарльз Пирс, Ф. де Соссюр, Gombrich E. (1960), Р. Джекендофф (1976), Ж. Бодрийяр, Аристотель, Августин Аврелий, Чарльз Пирс, Фердинанд де Соссюр, Рей Джекендофф (1976), William James (1890), Ролан Барт, Жан Бодрийяр.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов для дальнейшего изучения теории референции, а также для разработки новых подходов к анализу процессов коммуникации и познания.

Обсуждение и результаты

С точки зрения отношения между знаковым средством и референтом, традиционное дуалистическое различие между "конвенциональными знаками" (именами, которые мы даем людям и вещам) и "естественными знаками" восходит к Древней Греции (Платон "Кратил") [1]. Аристотель [2] рассматривает слова как прототипические примеры условных знаков. Августин Аврелий [3] в 397 году н.э. отличает "естественные знаки" (signa naturalia) от обычных знаков (signa data, "данные знаки") на том основании, что естественные знаки лишены интенциональности и интерпретируются как знаки в силу непосредственной связи с тем, что они обозначают (он приводит в пример дым, указывающий на огонь, и следы, указывающие на то, что мимо прошло животное). И "естественные", и "конвенциональные" знаки фигурируют в трехсторонней классификации Чарльза Пирса [4].

Проблематика теории референции знаков в работах Пирса

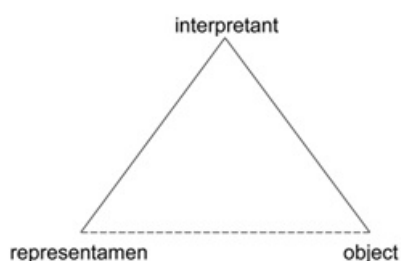

Рисунок 1. Модель семитического треугольника Ч. Пирса

То, что Пирс считает "самым фундаментальным" делением знаков было очень влиятельным. Хотя его часто неправильно интерпретируют как классификацию различных "типов знаков", оно относится к различным интерпретационным отношениям между знаковым средством и его референтом. В то время как соссюровские "знаковые отношения" существуют между означающим и означаемым (и являются внутренними для

языковой системы), в модели Пирса понятие является референциальным.

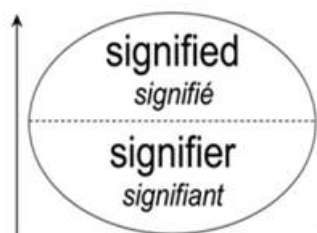

Рисунок 2. Диадическая модель знака по Ф. де Соссюру

Три различных отношения по Ч. Пирсу:

Символические: основаны на отношениях, которые в основе своей немотивированы, произвольны или чисто конвенциональны, так что их необходимо согласовывать и изучать. Это, например, язык в целом (плюс конкретные языки, буквы алфавита, знаки препинания, слова, фразы и предложения), цифры, азбука Морзе, светофоры, национальные флаги.

Иконические: основанные на воспринимаемом сходстве или подражании (включающие некоторые узнаваемо похожие качества, такие как внешний вид, звук, чувство, вкус или запах) - например, портрет, масштабная модель, метафоры, звуковые эффекты в каком-нибудь подкасте, дублированный саундтрек фильма, подражательные жесты.

Индексальные: основаны на прямой связи (физической или причинной). Эта связь может быть наблюдаема или выводима - например, "естественные признаки" (дым, гром, следы, эхо, несинтетические запахи и ароматы), медицинские симптомы, измерительные приборы (флюгер, термометр, часы, спиртовой уровень), записи (фотография, кино-, видео- или телесъемка, голос, записанный на аудионоситель), личные "торговые марки" (почерк, фразы).

Эти три устоявшиеся формы отношений между репрезентантом и объектом составляют часть триадической модели знака Пирса. Для Пирса знаковость — это трехсторонняя связь (требующая интерпретатора), а не просто двухсторонняя связь "знак-объект". Ничто по своей сути не является символом, иконой или указателем. Одно и то же знаковое средство в разных контекстах может включать в себя разные знаковые отношения.

Восстановление связи знака и реальности

Интересны воззрения Умберто Эко [\[5, 6\]](#). На Эко оказал большое влияние Пирс, но он критикует референциальный реализм Пирса и, как и Соссюр [\[7\]](#), исключает референциальность из своей собственной коммуникативной "теории кодов". Для Эко "предположение, что "значение" знака-вещи имеет какое-то отношение к соответствующему объекту" является "референциальным заблуждением".

Реальный объект, соответствующий знаку, абсолютно не имеет отношения к какой-либо семиотической цели. Он добавляет, что "референт знака — это ... абстрактная сущность, которая к тому же является лишь культурной конвенцией". Референт — это культурный мир. Что касается "иконизма", Эко настаивает на том, что само восприятие закодировано, как и отношение "сходства" между изображением и его референтом. Что касается индексов (или указателей), то "конвенциональные" корреляции выводятся из повторяющегося опыта ассоциирования индекса с его объектом. Эко является

конвенционалистом, рассматривая все знаки как конвенционально закодированные, а значения как "культурные единицы", которые вместе образуют семантическую вселенную. Поэтому он предпочитает "игнорировать разницу между мотивированными и произвольными знаками".

Знаковые отношения обычно ранжируются по степени условности или мотивации: преимущественно символические формы, такие как язык, в высшей степени условны или "немотивированы"; иконические формы всегда предполагают некоторую степень условности; индексальные формы "направляют внимание на свои объекты слепым принуждением". Индексальные и иконические знаковые средства можно рассматривать как ограниченные своими референтами. В рамках каждой формы конкретные знаки также различаются по степени конвенциональности или мотивированности. Такие характеристики влияют на их интерпретацию. Например, широко утверждается, что в то время, как символические и (в меньшей степени) иконические знаки требуют "декодирования" (по выражению структуралистов), индексальные знаки не являются частью системы знаков и зависят в основном от умозаключения. Наложения между этими тремя формами знаковых отношений подчеркивают тот факт, что конвенциональная, закодированная символика не может быть аккуратно отделена от других форм знаковых отношений.

Язык — это (преимущественно) символическая знаковая система, и он широко рассматривается как преимущественная символическая форма. Пирс заявляет, что "все слова, предложения, книги и другие обычные знаки являются символами", и мы будем следовать его использованию здесь. Соссюр ^[8] избегает называть лингвистические знаки "символами" из-за опасности путаницы с популярным употреблением, в котором символы никогда не бывают полностью произвольными, демонстрируя остатки "естественной связи" с тем, что они обозначают. Таким образом, важно помнить, что литературные, религиозные, мифические и геральдические "символы" не являются чисто символическими в семиотическом смысле.

Как утверждают К. Чилингарян и Д. Чистяков ^[9], для Соссюра не существует внутренней, прямой или самоочевидной связи между языковым означающим и означаемым (понятием, а не внеязыковым референтом). Отношения между ними – это внутренние связи внутри лингвистической системы. Связи между словами и идеями не имеют естественной основы. Принцип произвольности означает, что связь между знаком и его значением не является естественной или неизбежной. Например, слово "стол" на русском языке обозначает предмет, на котором можно поставить что-то, но нет никакой логической связи между звуками "ст", "о" и "л" и самим предметом. Это слово является "немотивированным" знаком, так как его значение не вытекает из его звуковой формы.

Пирс отмечает, что символы (которые он тогда называл "маркерами") "по большей части условны или произвольны". Произвольность относится здесь, конечно, к отношению знак-объект. Символ — это знак, "чья особая значимость или пригодность представлять именно то, что он представляет, заключается не в чем ином, как в самом факте существования привычки, предрасположенности или другого эффективного общего правила, согласно которому он будет интерпретироваться именно так. Возьмем, к примеру, слово "человек". Эти буквы нисколько не похожи на человека; не похож и звук, с которым они ассоциируются". В другом месте Пирс добавляет, что "символ выполняет свою функцию независимо от любого сходства или аналогии со своим объектом и в равной степени независимо от любой фактической связи с ним". Отсутствие зависимости от сходства или прямой связи способствует силе и гибкости символов в этом

смысле.

"Символ связан со своим объектом в силу идеи использующего символ разума, без которой такой связи не существовало бы". Он "становится знаком только или главным образом благодаря тому факту, что его используют и понимают как таковой". Символические знаки обычно понимаются как предназначенные для передачи чего-либо. Их предполагаемые значения не являются интуитивно очевидными: понимание символических знаков полностью зависит от нашего знакомства с соответствующими конвенциями (без которых они могут не обозначать или быть неправильно истолкованы). Мы воспринимаем символы в соответствии с "привычной связью", "правилом" или "законом, обычно ассоциацией общих идей, который действует так, что символ интерпретируется как относящийся к данному объекту". Следовательно, символ должен существовать в "постоянных связях, посредством которых он связан с чем-то иным, чем он сам".

В то время как произвольность считается ключевой "конструктивной особенностью" языка, смещение является другим ключевым свойством, которое позволяет использовать лингвистические знаки для представления объектов в их физическом отсутствии, включая сущности, существующие только в нашем воображении. Таким образом, значение действительно общих символов может выходить за рамки конкретных контекстов ("здесь и сейчас", к которым прикованы другие животные). Это резко отличается от индексальных знаков (что соответствует различию между семантическим и прагматическим значением). Такие качества позволяют символам быть хорошими средствами мышления. Символический способ наиболее эффективен при передаче абстрактных понятий и родов. Пирс отмечает, что "подлинный символ — это символ, имеющий общее значение", обозначающий скорее вид вещи, чем конкретную вещь. Лингвистические категории выполняют эту ключевую функцию. Хотя то, что мы называем реальностью, слишком богато и разнообразно, чтобы быть воспроизводимым по желанию, символы можно изучать и вспоминать в удивительной степени".

Символы широко рассматриваются семиотиками как наилучший пример слов, но они не ограничиваются этой формой. Они включают в себя любые условные знаки, обозначающие понятия, и любая форма означающего имеет потенциал для символического использования. Изображения могут обрести некоторый символический статус слов, хотя их объем и гибкость ограничены. Изображения не могут "походить" на референты абстрактных идей. Концепции не поддаются прямому изображению. Однако изображения могут быть использованы символически для представления объектов, связанных с абстрактными понятиями. Так, знакомый идеографический символ сердца используется для обозначения таких абстракций, как любовь, романтика, эмоции или здоровье. В Интернете простые изображения, похожие на дом, обозначающие ссылку на домашнюю страницу сайта, в первую очередь символически: они не похожи на конкретный дом, но условно обозначают понятие "дом". В некоторых контекстах изображение льва может функционировать как метафорический символ абстрактных понятий, таких как сила или храбрость (которые, конечно, являются традиционными ассоциациями, а не зоологическими особенностями львов).

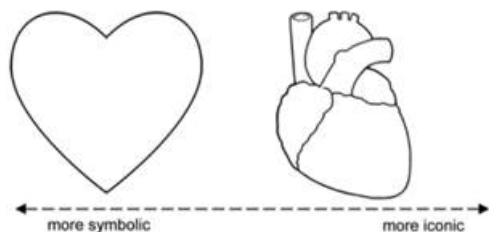

Рисунок 3. Символическое и иконическое изображение объекта

Когда изображения имеют устоявшееся общепринятое значение, они функционируют как иконические символы. Общественные вывески часто зависят от визуальных символов, которые предназначены для достижения общей референтности (в рамках ограниченного круга дискурса) и обеспечения авторитета. Например, в знаке "Вход с собаками запрещен" простое, схематичное изображение прототипа собаки, скорее всего, будет более эффективным общим символом, чем изображение конкретного вида собаки - хотя, в отличие от слова "собака", любое изображение собаки неизбежно напоминает некоторые виды собак больше, чем другие. Даже фотография может иметь символическую функцию (в соответствующем контексте), как, например, когда изображения монет используются для обозначения "экономики", когда это является темой телевизионных новостей.

Символические формы часто более косвенны. Только контекст и условия могут определить, предназначен ли знак с общим изображением мужской фигуры для обозначения людей в целом (как на знаке "Вход воспрещен") или только мужчин (как на двери туалета). В случае с дорожным знаком, где простое схематичное изображение оленя на указателе указывает на опасность диких животных, знак можно назвать индексально-символическим, поскольку олень является частью животного мира в целом и обозначает его.

Традиционная основа иконических знаково-объектных отношений заключается в сходстве. В семиотике иконы не обязательно являются визуальными, они могут включать в себя любой сенсорный способ. Тем не менее, фотографии широко цитируются в качестве ярких примеров иконичности. Необходимым свойством репрезентативной картины (например, портрета) является то, что она воспринимается как достаточно похожая на то, что на ней изображено, чтобы этот объект был узнан. Однако, начиная с Платона, философы отмечали, что все похоже на все остальное различными способами, имея множество общих свойств. Картины можно рассматривать как визуально похожие на свои объекты в бесчисленных отношениях (и в то же время заметно непохожие на них в других отношениях - например, они обычно плоские и обрамленные, свойства, которые больше всего напоминают свойства других картин). Хотя наиболее значимым изобразительным свойством часто считается форма контура, это не всегда так, например, при изображении неба, моря, облаков, дыма и так далее. Сходство не является отличительной чертой изобразительного представления, как это часто предполагается; оно не является достаточным условием, как в традиционных теориях сходства. Как и другие суждения, сходство зависит от контекста и системы отсчета.

Тем не менее, по крайней мере со времен древних греков, сходство обычно рассматривается как "естественная" основа изображения в отличие от условности слов. Иконические формы не привлекают нашего внимания к своему посредничеству, кажутся более прямыми и прозрачными, чем символические формы. Эрнст Гомбрих ^[10] говорит о "способности зрителя читать "иконичность" в знаке, "видя" референт в знаковом средстве - даже в таком весьма условном иконическом символе, как сердце на

игральной карте, которое имеет очень мало анатомического отношения к человеческому сердцу. Мы обычно недооцениваем важность нашего активного вклада в формирование смысла, но образы, в частности, обычно не нуждаются в "чтении" вообще.

Хотя иконические знаки часто определяются как естественные и противопоставляются конвенциональным, Пирс рассматривает иконические знаки как мотивированные и конвенциональные. Хотя "любой материальный образ" (например, картина) может восприниматься как похожий на то, что он изображает, он "в значительной степени конвенционален в своем способе представления".

Ч. Пирс говорит, что портрет человека, которого мы не видели, убедителен. До тех пор, пока на основании только того, что мы видим на нем, можем составить представление о человеке, которого он изображает, это икона. Но, на самом деле, это не чистая икона, потому что на нас сильно влияет знание того, что это эффект, вызванный внешностью оригинала через художника.

Тем не менее, Пирс утверждает, что "каждая картина (каким бы традиционным ни был ее метод)" является иконой. Для большинства семиотиков изображения не являются такими же конвенциональными, как лингвистические знаки. Однако многие структуралисты согласны с тем, что референция опосредуется не только сходством, но и репрезентативными конвенциями. Действительно, было высказано предположение, что иконические знаки напоминают не свои референты, а конвенциональные репрезентации этих референтов в рамках культуры. Хотя Эко утверждает, что то, на что похож иконический образ, является его ментальной репрезентацией, позже он предлагает влиятельную критику "иконичности" с конвенционалистской точки зрения.

Иконичность — это "вопрос степени". Каким бы "естественным" ни казалось сходство, изображения похожи на то, что они представляют, только в некоторых отношениях. То, что мы склонны распознавать в изображении, — это аналогичные отношения частей к целому: как в диаграмме. Даже самое "реалистичное" изображение не является копией или даже копией того, что на нем изображено. Не так уж часто мы принимаем изображение за то, что оно представляет. Конечно, картинки часто используются (как в подобных книгах) для иллюстрации того, о чем идет речь. Однако, в отличие от указателя, "икона не имеет динамической связи с объектом, который она представляет" и, следовательно, "не дает никакой гарантии, что такой объект, который она представляет, действительно существует". Иконичность не является объективным отношением между знаком и объектом: сходство находится в глазах (или, скорее, в сознании) смотрящего.

По мнению искусствоведов, картины не обязательно обозначают то, что они изображают (или отсылают к тому, на что они похожи): они могут быть как "символическими", так и иконическими. Однако, поскольку абстракции не поддаются прямому изображению, "иконический язык" имеет очень ограниченные репрезентативные возможности (как, например, высоко конвенционализированные пиктографические знаки). Лингвист Джон Лайонс [\[11\]](#) отмечает, что иконичность зависит от возможностей носителя. В то время как фонетические средства могут представлять характерные звуки (хотя и относительно условно), графические средства могут представлять характерные формы (как в случае с египетскими иероглифами). Иконические жесты, которые "удивительно похожи между языками", очень эффективны для передачи форм, местоположения и движения. В языках жестов для глухих иконические знаки имеют такое же преимущество перед разговорными языками.

Категория индексальных знаков у Пирса включает в себя то, что с древних времен считалось "естественными знаками". Августин Аврелий ^[31], считающий и слова, и изображения условными знаками, выделяет из них в качестве естественных знаков "те, которые, помимо намерения или желания использовать их в качестве знаков, все же ведут к познанию чего-то другого, как, например, дым, когда он указывает на огонь".

В отличие от иконических и символических знаков, индексальные знаки не представляют и не символизируют вещи. Хотя темные облака часто интерпретируются как знак скорого дождя, они не означают дождь (в смысле отражения какого-то намерения). Нет ничего условного или произвольного в том, что кучево-дождевые облака являются признаком грозы. Они также не обозначают дождь иконически, уподобляясь ему или сходству атрибутов. Однако они обозначают нечто иное, чем они сами, когда мы делаем вывод, что они указывают на приближающуюся грозу.

В отличие от символических и иконических знаков, природные знаки сами по себе не являются частью интерпретационной системы (хотя, тем не менее, они могут нуждаться в интерпретации в соответствии с конвенциями, как, например, прогнозы погоды). Конечно, естественные знаки, которые являются непосредственно референтными, не имеют места в соссюрвской модели.

По Пирсу, индекс "указывает" на что-то: например, "солнечные часы или часы указывают на время суток". Индекс осуществляет реальную физиологическую силу над вниманием и направляет его на определенный объект". Указательные знаки "направляют внимание на свои объекты путем слепого принуждения". Индекс обычно указывает в сторону от себя, но в некоторых случаях он указывает на себя (как в случае с этим самореферентным предложением).

Выбор Пирсом "указующего перста" (по-английски "указательный палец" - index finger) в качестве прототипического примера индексального класса может быть немного ошибочным, поскольку, в отличие от естественных знаков, человеческий акт указания является также и символическим знаком. Конечно, указательные жесты имеют индексальное измерение, хотя путешественники с лингвистическими проблемами могут подтвердить их ограниченную полезность как формы коммуникации.

Как и другие отношения знаков, индексальность требует интерпретации. Неградуированный термометр будет малополезен, и даже градуированный требует знакомства с соответствующими конвенциями - если вы привыкли к Цельсию, то 98 по Фаренгейту — это много или мало?

Тем не менее, индексальные отношения предлагают наиболее прямую связь с референтом, что сильно контрастирует с символическими отношениями. Индексальный знак является симптомом положения дел. Индексальность проявляется во многих формах. Дорожные знаки демонстрируют индексальность, когда они обозначают соответствующее местоположение (например, знак перекрестка на перекрестке), когда они указывают непосредственно на то, к чему они относятся (указатели направления), или когда они изображают что-то тесно связанное с тем, что они обозначают (изображение столовых приборов, указывающее на близлежащие столовые).

Хотя фотографии воспринимаются как иконические (визуально напоминающие свои объекты), Пирс отмечает, что они также являются индексальными (что заставляет некоторых называть их иконическими индексами). Фотографии, особенно моментальные, очень поучительны, поскольку мы знаем, что в некоторых отношениях они в точности

похожи на объекты, которые они изображают.

По словам В. Круткин [\[121\]](#), для социолога Пьера Бурдьё, "фотография обычно рассматривается как наиболее точное воспроизведение реального". Фотографические средства массовой информации, по-видимому, предполагают прозрачные отношения между знаковым средством и его референтом. Фотография основана на прямой причинно-следственной связи с внешним объектом. Из трех типов отношений, на которых основаны знаки, только индексальность может служить доказательством существования объекта. Пирс отмечает, что "фотография благодаря своей оптической связи с объектом, является доказательством того, что этот вид соответствует реальности". Во многих контекстах фотографии рассматриваются как доказательство того, что события произошли в момент их съемки, не в последнюю очередь в юридических контекстах: камеры видеонаблюдения и камеры контроля скорости, конечно, широко используются в этом качестве. Индексальная природа фотографии - причинная связь между дофотографическим референтом и знаком... ничего не может гарантировать на уровне значения". Еще до появления цифровой фотографии практиковались и "коррекция", и монтаж, но некоторые исследователи фотографии утверждают, что каждая фотография содержит "значительные искажения". Подобно тому, как изображения похожи на то, что они представляют, лишь в некоторых отношениях, в фотографии все, что показано, неизбежно превращается в плоский, деконтекстуализированный фрагмент, который обычно гораздо меньше по масштабу и (за исключением фильмов) неподвижен и безмолвен.

Как носитель информации, фотография в первую очередь индексальна; как "сообщение" (которое зависит от того, как фотография используется или интерпретируется), эта знаковая связь может не быть доминирующей. Как и все "фотографии, изменившие мир", знаменитая фотография Джо Розенталя 1945 года "Поднятие флага на Иводзиме" ("иконическая" в популярном смысле) в семиотическом смысле является прежде всего символической. Пирс утверждает, что все индексы относятся к единичным экземплярам (например, "этот человек"), тогда как символическое представление может относиться к общим классам экземпляров (например, "мужчины"). Несмотря на их буквальную специфику (что делает их непригодными для дорожных знаков), фотографии могут использоваться для обозначения общих классов. В рамках жанра рекламы сила знаменитой фотографической "ковбойской" рекламы сигарет Marlboro проистекает не столько из их индексальности как изображений конкретных людей, сколько из их символизации стереотипной концепции мужественности (даже в той степени, в которой нам, возможно, придется напоминать себе, что это не "мужественность", потому что форма функционирует, чтобы предполагать обратное).

Как уже отмечалось, Соссюр рассматривает и означающее, и означаемое как нематериальные, психологические формы; сам язык — это форма, а не субстанция. Для подтверждения своей точки зрения он использует несколько примеров. Например, в одной из нескольких шахматных аналогий он отмечает, что использование шахматных фигур из слоновой кости вместо деревянных никак не влияет на систему. Аналогично, он спрашивает, почему улица, которая полностью перестроена, может оставаться "той же самой улицей". Соссюр предполагает, что это происходит потому, что улица не является чисто материальной вещью, хотя он настаивает на том, что это не означает, что такие сущности "абстрактны", поскольку мы не можем представить себе улицу или поезд вне их материальной реализации.

Поскольку Соссюр рассматривает язык в терминах формальной функции, а не

материальной субстанции, все, что выполняет ту же функцию в системе, может рассматриваться как просто другая лексема того же типа. Соссюр отмечает, что звук — это не часть языка, а просто субстанция, которую язык использует. Он исходит из того, что средства, с помощью которых производится знак, не имеют значения, поскольку они не влияют на систему.

Пирс же признавал материальность знака: "Поскольку знак не тождественен обозначаемому, но отличается от него в некоторых отношениях, он должен обладать некоторыми свойствами, которые принадлежат ему самому по себе. Это и есть материальные качества знака". Тем не менее, материальность не имеет "никакого отношения к репрезентативной функции" и не фигурирует в его классификационных схемах.

Хотя Соссюр не считал материальность языкового знака релевантной для своей системы, большинство последующих теоретиков, принявших или адаптировавших его модель, решили вернуть материальность знаку. Современные теоретики "социальной семиотики" обычно утверждают, что материальная форма знака может генерировать собственные значения. Например, теоретики структурализма преобразовали соссюровскую модель знака, установив четкое различие между формой и значением, означающим и означаемым, которое Соссюр решительно отвергал. Структурализм утвердил "примат означающего".

Психоаналитическая теория также внесла свой вклад в переоценку означающего - во фрейдистской теории сновидений звук означающего мог рассматриваться как лучший проводник к его возможному означаемому, чем это можно было бы предположить при традиционной "расшифровке". Например, Фрейд сообщает, что в сновидении молодой женщины, собирающейся выйти замуж, были цветы - в том числе ландыши и фиалки. Согласно популярному символизму, лилии были символом целомудрия, и женщина согласилась, что они ассоциируются у нее с чистотой. Однако Фрейд был удивлен, обнаружив, что слово "фиалка" (violet) фонетически ассоциируется у нее с английским словом "violate", что говорит о ее страхе перед насилием.

Теоретики постструктурализма, хотя и подвергались широкой критике как идеалисты и релятивисты, также стремились переоценить знак. От Платона до Леви-Стросса устное слово занимало привилегированное положение в западном мировоззрении, создавая иллюзию абсолютного присутствия и прозрачности смысла. Речь стала настолько естественной, что "не только означающее и означаемое как бы объединяются, но и в этой путанице означающее как бы стирает себя или становится прозрачным". Письму традиционно отводилось второстепенное место.

Деконструкция Жака Деррида ^[13] ознаменовала "возвращение репрессированного". Стремясь создать "грамматологию" или исследование текстуальности, Деррида отстаивает примат материального слова. Он отмечает, что специфика слов сама по себе является материальным аспектом. Материальность слова не может быть переведена или перенесена на другой язык. Материальность — это как раз то, чего лишен перевод". Несмотря на характерную для постмодернизма иронию в такой позиции теоретика, которого многие считают крайним идеалистом, идеи Деррида легли в основу взглядов других теоретиков, стремившихся "рематериализовать" языковой знак, подчеркивая, что слова и тексты — это вещи. Однако следует отметить, что обвинение Деррида в фоноцентризме, выдвинутое против Соссюра, не учитывает мотивацию Соссюра, который реагировал против существующего приоритета письменного языка, и что в этом историческом контексте его радикальной целью было утвердить разговорный язык не

просто как деформированную форму письменного языка, но как достойный изучения сам по себе.

Материальные объекты могут сами по себе функционировать непосредственно как знаки, не только в виде "символов статуса" (таких как дорогие автомобили), но и как часть репертуара знаков, на которые люди опираются при развитии и поддержании чувства личной и социальной идентичности. Люди придают "символические значения" телевизорам, мебели и смартфонам, которые не определяются утилитарными функциями таких обыденных предметов. Основа для такого мышления уже была заложена в рамках структурализма.

Заключение

Знак как таковой, возможно, не является материальной сущностью, но у него есть материальное измерение - знаковое средство. "Фундаментальным для всего семиотического анализа является тот факт, что любая система знаков (семиотический код) переносится материальным носителем, который имеет свои собственные принципы структуры". Более того, некоторые медиа опираются на несколько взаимодействующих знаковых систем: телевидение и кино, например, используют вербальные, визуальные, слуховые и локомоторные знаки. Медиум не является "нейтральным"; каждый медиум имеет свои возможности и ограничения, и, как отмечает Умберто Эко, каждый из них уже "заряжен культурной знаковостью". Материальное выражение текста всегда значимо; это отдельно изменяемая семиотическая характеристика.

Формальная модель лингвистической знаковой системы Соссюра не предполагает прямых ссылок на реальность за пределами знака. Это не отрицание внеязыковой реальности, а отражение его понимания собственной задачи как лингвиста. Соссюр признает, что в большинстве научных дисциплин "объекты исследования даны заранее" и существуют независимо от "точки зрения" наблюдателя. Однако он подчеркивает, что в лингвистике, напротив, "именно точка зрения создает объект". Легко понять, как это может быть раскритиковано как идеалистическая позиция. Для реалиста известное существует заранее, оно полностью независимо от знающего и ни в коей мере не зависит от разума. Однако, согласно соссюровской модели, хотя лингвистические знаковые системы являются ментальными конструктами, они также социально сконструированы - интерсубъективно, а не чисто субъективно. Согласно позиции социального конструирования, лингвистические категории и знаки отражают не объективный мир, а "способ видения" нашей культуры. В отличие от номенклатурщиков, для которых вещи в мире заранее заданы и просто обозначены языком, соссюрианские принципы утверждают несущественную природу объектов.

В модели знака Пирса явно присутствует референт - нечто, находящееся за пределами знака, к которому относится знаковый аппарат (хотя и не обязательно материальная вещь). Однако в ней также присутствует интерпретант, что приводит к "бесконечной серии" знаков. В любом случае, для Пирса реальность может быть познана только через знаки. Он утверждает, что, с точки зрения логики, знаковость может быть только частичной, иначе знак уничтожит себя, став идентичным своему объекту.

В качестве иллюстрации ко многим уже рассмотренным нами семиотическим концепциям можно вспомнить рассказ Борхеса "Тлён, Укбар, Орбис Терциус"^[14]. Рассказ начинается с описания энциклопедической статьи о загадочной стране, Укбар, которая является первым свидетельством существования сговора группы интеллектуалов создать вымышленный мир, Тлён, в котором действуют особые метафизические и физические

законы и развивается действие легенд и сказаний Укбара. С течением времени рассказчику встречаются всё более существенные артефакты Тлёна, а в конце Земля становится Тлёном. Так знаки захватывают пространство и начинают подменять реальность.

Спектр на рисунке — это упрощенная схематизация философских взглядов на "реальность", которая может служить напоминанием о том, что мы не всегда говорим об одном и том же, когда ссылаемся на "мир". Три изображенные позиции выдвигают на передний план соответственно (слева направо) физическую, социальную и психологическую реальность, хотя они не разделимы.

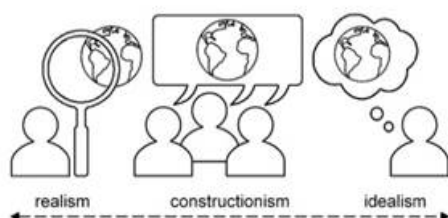

Рисунок 4. Реализм vs идеализм

Ирландский философ Джордж Беркли [\[15\]](#) стал знаменитым сторонником "субъективного идеализма", утверждая, что не существует независимых от разума вещей ("быть – значит быть воспринимаемым"). Его современник, английский писатель Сэмюэл Джонсон, в ответ на это якобы пнул камень, заявив: "Я опровергаю это так". Напоминает дзен-буддистские коаны, когда в ответ на особо хитрый вопрос о природе сознания учитель отвечает подзатыльник ученику.

Американский лингвист Рэй Джекендофф [\[16\]](#) утверждает, что языковые ссылки относятся не к независимо существующей реальности, а к нашему собственному представлению об этом мире, которое является "результатом взаимодействия между внешними данными и средствами, доступными для их внутреннего представления". Такой акцент на психологической реальности (или феноменальном мире) называется конструктивистским. Более социально ориентированная позиция конструктивизма подчеркивает роль языка и других семиотических систем в "социальном конструировании реальности". То, что мы коллективно признаем в дискурсе, является для нас реальностью.

Если для психолога Уильяма Джеймса [\[17\]](#) "первостепенной реальностью" является сенсорно воспринимаемый физический мир, то социолог Альфред Шюц [\[18\]](#) настаивает на том, что мы живем прежде всего в символической, intersubjective реальности: не частной, а социальной - "мире нашего общего опыта". Без такой intersubjectivity, поддерживаемой, в частности, языком, мы никогда не могли бы "иметь в виду одно и то же". Социальный мир встроен в материальный мир, но наше понимание реальности является продуктом общих способов описания и классификации. Никто не сомневается, что существует физическая среда, независимая от нас, но эта среда в той мере, в какой она является контекстом дискурса, сама в значительной степени "сконструирована". Культурные реалии, в которых мы живем, отражены в специфических для данной культуры "народных теориях" - само собой разумеющихся схемах, которые структурируют "области опыта".

Как отмечает философ Уильям Маршалл Урбан [\[19\]](#), "ни одно из понятий "независимость сознания" или "зависимость сознания" не имеет, как понятие, никакого смысла без другого", добавляя, что "коммуникация предполагает как идеализм, так и реализм". Два

полюса, вокруг которых всегда вращались вопросы реализма и идеализма, — это материя и разум". Мы можем избежать дуализма субъект-объект и разум-материя без редуктивной ассимиляции одного полюса в другой. Пирс, который называл свою позицию "объективным идеализмом", может рассматриваться как сочетание аспектов как реализма, так и идеализма. Действительно, один философ утверждает, что "ни одна здравая философия никогда не была исключительно той или другой". Хотя Пирс признает реальность вещей и событий, которые "не зависят от причуд меня и вас", в его социальной теории реальности именно согласие составляет реальность.

Соссюр [\[8\]](#), несомненно, согласился бы с этим. Однако нереферентная знаковая система, рассматриваемая отдельно от социального контекста использования, поднимает метафизический вопрос о связи языка и мира (или мира знаков). Великие основатели аналитической философии - Фреге, Карнап, Витгенштейн и Рассел - поставили вопрос "Как язык "подключается" к миру?" в самый центр философии". Но это уже другая история.

Хотя Соссюр [\[8\]](#) настаивает на взаимозависимости означающего и означаемого - и на том, что одно предшествует другому или имеет приоритет над ним - теоретики структурализма и постструктурализма отвергли или проигнорировали его позицию, или приняли его термины, но не его модель, утверждая вместо этого "примат означающего". Многие постулируют полное разделение означающего и означаемого (что не имеет смысла в рамках Соссюра). В деконструктивистском дискурсе "пустой" или "плавающий означающий" определяется как означающее с неопределенным, очень изменчивым, неопределимым или несуществующим означаемым. Такие сигнификаты означают разные вещи для разных людей: они могут означать множество или даже любое означаемое; они могут означать все, что хотят их собеседники. В не соссюровском состоянии радикального разрыва между означающим и означаемым, "знак" означает только то, что он означает.

"Плавающий означающий" упоминается в 1950 году в работе Леви-Стросса [\[20\]](#) "Введение в работы Марселя Мосса". Для Леви-Стросса такой означающий подобен алгебраическому символу, который не имеет имманентного символического значения, но может представлять что угодно. Первое явное упоминание "пустого означающего" принадлежит Ролану Барту [\[21\]](#) в эссе "Миф сегодня". Барт определяет пустой означающий как тот, у которого нет определенного означаемого. Он также говорит о лингвистических знаках как о настолько открытых для интерпретации, что они представляют собой "плавающую цепь означаемых".

В то время как Соссюр считает, что означающее и означаемое (какими бы произвольными ни были их отношения) неразделимы, как две стороны листа бумаги, постструктуралисты отвергли то, что они считали полностью стабильными отношениями, заложенными в его модели.

Жак Деррида ссылается на "игру" или "свободную игру" сигнификатов: они не фиксированы на своих означаемых, но указывают за пределы себя на другие сигнификаты в "неопределенном направлении означающего к означаемому". Философ стремился "деконструировать" западные метафизические системы, отрицая существование каких-либо конечных определяемых значений. Деррида ввел термин *différance*, чтобы намекнуть на то, что значение бесконечно откладывается. Он утверждает, что знаки всегда "отсылают" к другим знакам, и не существует окончательного "трансцендентного означаемого", независимого от языка,

предлагающего иллюзорное завершение значения и "обнадеживающий конец отсылки от знака к знаку".

Деррида заявил, что "il n'y a pas de hors-texte", что переводится как идеалистическое заявление о том, что "нет никакого внешнего текста" (there is no outside text). Для материалистов-марксистов и реалистов семиотический идеализм неприемлем: "нельзя допустить, чтобы знаки поглощали своих референтов в бесконечной цепи означивания, в которой один знак всегда указывает на другой, и круг никогда не разрывается вторжением того, к чему отсылает знак". Однако акцент на неизбежности знаковости не обязательно должен означать отрицание какой-либо "внешней реальности".

В духе романтической тоски по непосредственному миру Жан Бодрийяр интерпретирует многие репрезентации как средство сокрытия отсутствия реальности; он называет такие репрезентации "симулякрами" (или копиями копии без оригиналов). Он видит дегенеративную эволюцию способов репрезентации, в ходе которой знаки все больше теряют смысл:

Таковы последовательные фазы образа:

- Он является отражением базовой реальности.
- Он маскирует и извращает базовую реальность.
- Он маскирует отсутствие основной реальности.
- Он не имеет никакого отношения ни к какой реальности: он сам является чистым симулякром.

Бодрийяр предполагает, что, когда возникли речь и письмо, знаки были придуманы, чтобы указывать на материальную или социальную реальность, - референтная связь, которая с тех пор все больше разрушается. С индустриализацией, когда появились реклама, пропаганда и коммодификация, знак стал скрывать "основную реальность". В постмодернистскую эпоху гиперреальности, когда то, что в средствах коммуникации является лишь иллюзией, кажется вполне реальным, знаки скрывают "отсутствие реальности" и лишь кажутся чем-то означающим.

Для Бодрийяра ^[22] симулякры, знаки, характеризующие поздний капитализм, существуют в трех формах: подделка (имитация), когда все еще существует прямая связь между знаками и референтами; производство (иллюзия), когда существует косвенная связь; и симуляция (подделка), когда знаки находятся в отношении только к другим знакам, а не к какой-либо фиксированной внешней реальности. Утверждение Бодрийяра о том, что войны в Персидском заливе никогда не было, безусловно, провокационно, и вряд ли удивительно, что пренебрежительный ярлык семиологического "идеалиста", который он применяет к Соссюру, был применен и к нему. Опасность радикального эпистемологического релятивизма стала слишком очевидной, когда, столкнувшись с неудобной правдой, старший помощник 45-го президента США - Дональда Трампа - заявил, что существуют "альтернативные факты".

Такие перспективы, конечно же, поднимают фундаментальный вопрос: "Что такое "реальность"? То, что мир, в котором мы живем, является социальной конструкцией, не делает его менее реальным для нас. Субъективные (или интерсубъективные) реалии могут быть такими же мощными, как и физические. Продукты социального конструирования имеют значение. Как заметил американский социолог Уильям Томас, "если [мы] определяем ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям"

(так называемая "теорема Томаса"). Таким образом, реальность и истину можно рассматривать как конструирование перспективы. Это не отрицание "внешней реальности", если мы утверждаем, что большая часть наших знаний о мире является косвенной; мы воспринимаем многие вещи в основном (или даже исключительно) так, как они представлены нам в наших средствах массовой информации и коммуникационных технологиях.

Библиография

1. Платон. Кратил // Собрание сочинений в четырёх томах / Общая редакция А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Автор вступительной статьи и статей в примечаниях А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 613—681. — (Философское наследие). — ISBN 5-244-00451-4.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Минск: Литература, 1998. С. 1064 – 1112.
3. Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан / перевод, вступительная статья и примечания А.А.Тациана. – Краснодар: Глагол, 2004.
4. Чарльз Пирс – "Что такое знак?"
<https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/07/image/07-088.pdf>
5. Umberto Eco – A Theory of Semiotics <https://www.amazon.com/Theory-Semiotics-Advances/dp/0253202175>
6. Умберто Эко. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. — СПб.: «Симпозиум», 2007. — 502 с.
7. Фердинанд де Соссюр – "Курс общей лингвистики"-
<http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/saussure1.pdf>
8. Cercle Ferdinand de Saussure – швейцарское общество изучения Фердинанда де Соссюра <https://www.cercleferdinanddesaussure.org/>
9. Чилингарян К.П., Чистяков Д.И. (2024). Знак и семиотика//Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. вып. 4 (64)
10. Gombrich E. (1960) Art and Illusion. A Study in the Psychology of Pictorial Representation. London: Phaidon Press.
11. Lyons, John (1977). Semantics, 2 vols. London and New York: Cambridge University Press.
12. Круткин В. Л. Пьер Бурдье: фотография как средство и индекс социальной интеграции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2006. №3.
13. Жак Деррида-"Письмо и различие" <https://www.labirint.ru/books/322277/>
14. Борхес Хорхе. Тлён, Укбар, Orbis tertius. Издательский дом: Северо-Запад. 1992
15. Berkeley, George (1734). A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge. Sclar Press.
16. Джекендофф, Рэй (1976). Семантика и познание. Кембридж, Массачусетс: Издательство MIT Press. стр. 283. ISBN 0-262-10027-4.
17. William James. (1890). The Principles of Psychology, 2 vols., Dover Publications 1950, vol. 1: ISBN 0-486-20381-6, vol. 2: ISBN 0-486-20382-4
18. Schutz, Alfred (1972). "Collected Papers I". Phaenomenologica. doi:10.1007/978-94-010-2851-6. ISBN 978-90-247-3046-9. ISSN 0079-1350.
19. Wilbur Marshall Urban (2002). Valuation: Its Nature and Laws, Wilbur Marshall Urban, ISBN 041527897X, 9780415278973, Psychology Press.
20. Клод Леви-Стросс, Введение в работы Марселя Мосса. Лондон: Routledge, 1987
21. Ролан Барт – "Мифологии" <https://www.labirint.ru/books/433738/>
22. Жан Бодрийяр – "Симулякры и симуляция" <https://www.labirint.ru/books/610575/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статья является «история развития и современное состояние теории референции, которое отражает разнообразие подходов и концепций. Некоторые исследователи считают, что референция является чисто семантическим явлением, другие подчеркивают важность контекста и прагматики для понимания референциальности». Считаю, что предмет соотносится с одной из рубрик издания, тема, на мой взгляд, актуальна. Как отмечает автор, актуальность исследования также обусловлена необходимостью «систематического анализа развития теории референции, которая является одной из ключевых проблем в философии языка и семиотике, а также тем, что теория референции и проблематика взаимоотношения знаков играет важную роль в понимании процессов коммуникации и возможностей познания в современном обществе», ибо теория референции позволяет анализировать, как мы «используем знаки для обозначения объектов и явлений реального мира». Методы исследования соотносятся с достижениями науки последних лет. Материал, который выбран для оценки нетривиален, собственно это и придает работе необходимую научную новизну: материалом исследования послужили работы Платон. Кратил, Умберто Эко, Gombrich E. (1960), Lyons, John (1977), Круткин В. Л. (2006), Жак Деррида, Борхес Хорхе (1992), Клод Леви-Стросс (1987). Стиль исследования соотносится с собственно научным типом: например, «С точки зрения отношения между знаковым средством и референтом, традиционное дуалистическое различие между "конвенциональными знаками" (именами, которые мы даем людям и вещам) и "естественными знаками" восходит к Древней Греции (Платон "Кратил") [1]. Аристотель [2] рассматривает слова как прототипические примеры условных знаков. Августин Аврелий [3] в 397 году н.э. отличает "естественные знаки" (signa naturalia) от обычных знаков (signa data, "данные знаки") на том основании, что естественные знаки лишены интенциональности и интерпретируются как знаки в силу непосредственной связи с тем, что они обозначают (он приводит в пример дым, указывающий на огонь, и следы, указывающие на то, что мимо прошло животное). И "естественные", и "конвенциональные" знаки фигурируют в трехсторонней классификации Чарльза Пирса [4]» и т.д. Цитации / ссылки даются в обозначенном режиме. Основные положения, которые манифестируются по ходу статьи, соотносятся с положениями-оригиналами. Работа имеет системный характер, серьезные фактические нарушения не выявлены. Аналитическая составляющая транслируется по ходу всей работы: например, «Как уже отмечалось, Соссюр рассматривает и означающее, и означаемое как нематериальные, психологические формы; сам язык — это форма, а не субстанция. Для подтверждения своей точки зрения он использует несколько примеров. Например, в одной из нескольких шахматных аналогий он отмечает, что использование шахматных фигур из слоновой кости вместо деревянных никак не влияет на систему. Аналогично, он спрашивает, почему улица, которая полностью перестроена, может оставаться "той же самой улицей". Соссюр предполагает, что это происходит потому, что улица не является чисто материальной вещью, хотя он настаивает на том, что это не означает, что такие сущности "абстрактны", поскольку мы не можем представить себе улицу или поезд вне их материальной реализации» и т.д. Считаю, что статья оригинальна, информативна, содержательна; материал можно использовать при изучении дисциплин гуманитарного цикла. Цель работы достигнута, вариатив заключения сделан. Рекомендую статью «Проблематика теории референции

знаков в современной лингвистике» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Панова Е.В. Место климатической повестки в современных глобальных коммуникациях // Litera. 2024. № 6.

DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70898 EDN: DKRPXD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70898

Место климатической повестки в современных глобальных коммуникациях

Панова Елена Васильевна

ORCID: 0000-0001-8782-3680

кандидат политических наук

Руководитель Аппарата Комитета Госдумы; Госдума России

109012, Россия, г. Москва, ул. Охотный Ряд, 1

✉ karrypoupe@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.70898

EDN:

DKRPXD

Дата направления статьи в редакцию:

30-05-2024

Аннотация: Предметом нашего исследования является климатическая повестка как часть экологической политики государств. Внимание автора к данному вопросу обусловлено неустойчивостью международной системы, на которую влияют текущие экономический и энергетический кризисы, конфликтные отношения между различными странами. Это отражается на характере коммуникаций и принимаемых решениях, которые фиксируются в различных международных документах. Для нас было важно также рассмотреть насколько сильно процессы неустойчивости влияют на выполнение ключевыми игроками своих обязательств. В ходе анализа основных сообщений мы также рассмотрели современные тенденции развития мировой экологической повестки и определили ключевые факторы, влияющие на принятие текущих стратегических документов. Отдельно автор обращает внимание на обязательства различных государств по выполнению договоренностей в системе международных отношений. Нами проанализированы официальные документы, одобренные на площадке ООН по вопросу изменения климата, принятые в 2021-2023 годах. Особое внимание уделено анализу

ключевых решений и сообщений, транслируемых всему международному сообществу. Научная новизна проявляется в нескольких ключевых аспектах. В первую очередь, рассматриваются решения с точки зрения принятия политических решений, выстраивания коммуникативных процессов с целевыми группами. Второй аспект связан с определением факторов, влияющих на реализацию экологической и климатической политики. И, наконец, мы рассмотрели как повлияли мировой энергетический кризис, ситуация на Украине на климатическую повестку и произошла ли ее трансформация в глобальном масштабе. Результатом исследования является вывод о том, что проблема изменения климата остается ключевой в повестке дня международного сообщества. Более того, предпринимаются попытки закрепления в стратегических документах связи «природные ресурсы – климатические изменения – ответственность», что отражается в планах введения полного отказа от использования ископаемого топлива. Серьезные шаги предпринимаются по вовлечению в этот процесс развивающихся стран, через оказание финансовой и иной поддержки. Главным проводником борьбы с изменением климата определена молодежь, что свидетельствует о долгосрочном характере принимаемых решений. Кроме того, международные договоренности предполагают дальнейшую трансформацию существующей системы через корректировку национальных целей, диверсификацию энергетического сектора, проведение экономических реформ и изменение существующих финансовых систем, нацеленных на достижение климатических целей.

Ключевые слова:

изменение климата, выбросы, коммуникации, экологическая политика, международное сотрудничество, устойчивое развитие, климатические стратегии, экологическая ответственность, климатическое финансирование, глобализация

За последние 50 лет мы наблюдаем значительные изменения экологической политики государств. Вопросы экологии из периферийной позиции заняли одно из центральных мест не только на внутреннем, но и на внешнеполитическом пространстве. Во многом этому способствовали развитие технологий, экологические, экономические и социальные кризисы.

Энергетический кризис в 70-х годах прошлого века стал толчком для процессов энергосбережения [\[1, с.10\]](#). Развитие ядерной энергетики и химической промышленности, аварии на производствах привели к возникновению социальных протестов и стимулировали глобализацию экологической повестки, развитие международного сотрудничества в области формирования общих принципов экологической политики государств. Ведущая роль в этом вопросе принадлежит ООН, на площадке которой и формировались основные международные документы. 70-е годы XX века стали поворотными в выработке общих подходов рационального использования ресурсов и охраны окружающей среды. Они нашли свое отражение в Декларации ООН по проблемам окружающей среды [\[2\]](#), Программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП) [\[3\]](#) и пр.

Главным результатом десятилетия стало закрепление экологической повестки на глобальном уровне. Международные авторские коллективы участвовали в подготовке доклада «Наше общее будущее» [\[4\]](#), который лег в основу Концепции устойчивого развития [\[5\]](#). В широком смысле Концепция устойчивого развития основана на пяти

принципах [\[6\]](#).

- человечество имеет возможность придать развитию устойчивый и долговременный характер в интересах текущих и будущих поколений;
- ограничения в использовании природных ресурсов связаны с технологическими возможностями, социальной организацией и способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности;
- удовлетворение основных потребностей всех людей и предоставление им возможности достичь более благополучной жизни;
- необходимости согласования интересов бизнеса и корпораций с экологическими возможностями планеты, особенно в отношении потребления энергии;
- размеры и темпы роста населения должны быть согласованы с изменяющимся производительным потенциалом Земли.

Именно эти принципы заложены в программный план действий - «Повестка дня XXI века» [\[7\]](#). Концепция устойчивого развития в целом включает в себя экономические, социальные и экологические аспекты. С ее принятием началась перестройка национальных стратегий в вопросах экологии и рационального использования природных ресурсов, во многом опирающиеся на международные принципы и договоренности.

Если до 2000-х годов вопросы экологической политики носили больше дискуссионный характер, то в 2002 году после принятия Политической декларации [\[8\]](#), в которой государства-члены обязались усилить взаимосвязанные основы устойчивого развития на всех уровнях, наступил период реализации. В 2008 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, которая подчеркивала ответственность каждого государства за свое устойчивое развитие и необходимость сотрудничества между государствами и международными организациями [\[9\]](#). Были сформированы основы идеологии развития мира на ближайшие десятилетия, которые нашли отражение в таких документах, как "Будущее, которое мы хотим" (2012), Цели в области устойчивого развития ООН (2015) на период 2016-2030 гг. и Парижское климатическое соглашение (2015). В этих документах были зафиксированы ключевые сообщения, которые транслировались всему миру, различным социальным группам и лицам, принимающим решения.

ООН утвердило 17 целей устойчивого развития, которые охватывают различные сферы общества и являются взаимосвязанными [\[10\]](#). Среди них 8 целей, связанных с решением экологических проблем, таких как обеспечение хорошего здоровья и благополучия, доступ к чистой воде и санитарии, использование недорогостоящей и экологически чистой энергии, создание устойчивых городов и населенных пунктов, ответственное потребление и производство, сохранение морских и сухопутных экосистем, борьба с изменением климата. По всем целям идет системная работа, результаты которой постоянно обсуждаются на международных площадках и в целом не вызывают споров, за исключением темы изменения климата.

Данный вопрос подробно рассматривался и изучался одновременно с формированием Концепции устойчивого развития, он напрямую связывался с хозяйственной деятельностью человека и выбросами в атмосферу парниковых газов. И на первом этапе приоритет отдавался сохранению природы. Согласно выводам ученых, а затем и заявлениям политиков от влияния климатических изменений зависит безопасность на

планете и потери от происходящих природных явлений [\[11\]](#).

В 1992 году на конференции ООН была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) [\[12\]](#). В этом договоре страны согласились «стабилизировать концентрации парниковых газов в атмосфере, чтобы предотвратить опасное вмешательство человеческой деятельности в климатическую систему». Конвенцию подписали 197 различных сторон. С 1994 года, когда Конвенция вступила в силу, ежегодно проходят Конференции сторон рамочной конвенции ООН по изменению климата (КС). В ходе таких встреч страны ведут переговоры о различных расширениях первоначального договора для установления юридически обязательных ограничений на выбросы и подписывают сопутствующие итоговые документы. Так, в 1997 году был подписан Киотский протокол [\[13\]](#), который фиксировал обязательства стран по сокращению выбросов загрязняющих веществ. В соответствии с протоколом, Европейский союз обязался сократить выбросы на 8% к 2008-2012 годам, США - на 7%, Япония - на 6%. Хотя Киотский протокол был подписан 40 странами, не все из них его ратифицировали. Тем не менее, данный документ стал важным шагом в международной экологической интеграции, значимым результатом глобальных коммуникаций. Киотский протокол обязал промышленно развитые страны и страны с переходной экономикой достичь количественных целей по сокращению выбросов шести парниковых газов. Первый период обязательств по Киотскому протоколу длился с 2008 по 2012 годы. Дохинская поправка 2012 года установила второй период обязательств с 2013 по 2020 годы.

В декабре 2015 года стороны приняли Парижское соглашение [\[14\]](#), которое требует от всех стран-участниц определять, планировать и регулярно отчитываться по определяемым на национальном уровне вкладам по сокращению выбросов (ОНУВ), которые они берут на себя для смягчения последствий изменения климата. Глобальная цель заключается в том, чтобы не допустить повышения температуры более чем на 1,5 градуса Цельсия по сравнению с температурой, зафиксированной в доиндустриальный период. Постепенно приоритет сохранения природы сменялся на устойчивость экономической и социальной систем.

Пандемия covid-19 и дальнейшие мировые кризисы окончательно скорректировали эту трансформацию. Ученые зафиксировали только временное снижение объема выбросов, вызванное мерами защиты от пандемии, которые быстро достигли пиковых нагрузок после возобновления работы производственных мощностей [\[15\]](#).

Опираясь на научные данные, после пандемии международное сообщество активизировало работу по адаптации к изменению климата, скорректировав отдельные решения, не меняя главной цели по недопущению повышения температуры более чем на 1,5 градуса Цельсия. Мы проанализировали итоговые документы Конференции сторон (далее - КС) за последние три года с целью определения произошедших изменений, которые напрямую влияют на национальные стратегии. Для проведения эмпирического анализа автор использовал документы ООН и Конференции сторон, которые обсуждались и были приняты большинством стран-участников в 2021-2023 годах. Выбор данного периода обусловлен изменениями в международной политике, которые связаны с последствием пандемии, началом военной операции на Украине, энергетическим кризисом.

КС-26 состоялась в 2021 году и завершилась подписанием Климатического пакта Глазго [\[16\]](#). В нем подтверждена цель по сдерживанию роста глобальной температуры на уровне

1,5 °C по сравнению с доиндустриальным уровнем, а также сокращение глобальных выбросов углекислого газа на 45 процентов к 2030 году по сравнению с уровнем 2010 года и до нулевого уровня к середине столетия. Страны также договорились взять на себя большие обязательства в 2022 году, и обновить национальные планы, поставив более амбициозные цели (обновленные планы в ООН представили лишь 23 страны).

Ключевым событием стало обсуждение необходимости расширения действий и поддержки, включая финансовую и технологическую, развивающимся странам. Отдельное внимание уделялось планам мобилизации климатического финансирования из всех источников на сумму свыше 100 миллиардов долларов США в год.

Велись дискуссии по ускорению разработки, внедрения и распространения технологий по производству экологически чистой энергии; поэтапному отказу от развития угольной энергетики и предоставления субсидий на ископаемое топливо, одновременно обеспечивая адресную поддержку бедных и наиболее уязвимых слоев населения.

Подчеркивалась важность защиты, сохранения и восстановления природы и экосистем для достижения цели Парижского соглашения, в том числе за счет лесов и других наземных и морских экосистем, выступающих в качестве поглотителей и резервуаров парниковых газов.

В Климатическом пакте отмечалось «признание роли многосторонности в решении проблемы изменения климата и содействии региональному и международному сотрудничеству с целью усиления действий по борьбе с изменением климата в контексте устойчивого развития <...>, демонстрируя солидарность, особенно с развивающимися странами». Также рассматривалось выстраивание партнерских отношений между фондами, техническими агентствами, гражданским обществом и сообществами (коренные народы, местные общины и пр.) для обмена опытом и мнениями. Особое внимание было обращено к молодежи, неправительственным организациям-наблюдателям, женщинам.

Как видим из анализа документов, КС-26 запустил процесс более активного вовлечения развивающихся стран в климатическую повестку и построение планов по постепенному сокращению использования ископаемого топлива, особенно угля, ключевой целевой аудиторией для продвижения климатической повестки была определена молодежь, отдельная работа по вовлечению которой начала системно выстраиваться на международной площадке.

На Конференции сторон-27 в 2022 году была подтверждена общая цель -ограничения повышения глобальной температуры до 1,5 °C ^[17]. Вместе с тем страны подняли вопрос о невозможности выполнить ранее взятые обязательства из-за ситуации на Украине, так как это обострило глобальный инфляционный, энергетический и продовольственный кризис, нарушило цепочки поставок товаров и услуг. Германия сократила климатические цели в краткосрочной перспективе, а Китайско-Американская рабочая группа по климату приостановила свою деятельность. Межправительственная группа экспертов по изменению климата подтвердила, что текущая политика национальных государств может привести к потеплению на 2,1–2,9°C по сравнению с доиндустриальным уровнем. Текущие же обязательства стран приведут к увеличению выбросов на 10,6% к 2030 г. по сравнению с уровнем 2010 г.

Одной из главных тем стал вопрос компенсации развивающимся странам со стороны развитых стран за причиненный им ущерб в результате изменения климата. Вопрос впервые был поднят на саммите в 1992 г. Суть его заключается в том, что, по мнению

развивающихся стран, развитые страны несут основную ответственность за выбросы парниковых газов, приведшие к глобальному потеплению, а страдают от изменения климата развивающиеся страны, несмотря на их незначительный вклад в обострение этого процесса. Поэтому долгом и обязанностью развитых стран является оказание им помощи в проведении климатической политики [\[18\]](#).

Еще в 2009 г. на конференции КС-15 в Копенгагене развитые страны взяли на себя обязательство ежегодно выделять развивающимся странам к 2020 г. 100 млрд долл. на осуществление программ по сокращению выбросов парниковых газов и адаптации к последствиям экстремальной погоды. Однако эта цель не была достигнута. Например США, которые должны были предоставлять 40 млрд долл., в 2020 г. выделили всего 7,6 млрд долл., Австралия и Канада – только треть финансирования, а Великобритания – три четверти. Поскольку по имеющимся оценкам от 66% до 80% финансирования, выделяемого развитыми странами, направляется на сокращение выбросов парниковых газов, то развивающимися странами и был поднят вопрос о раздельном возмещении ущерба от стихийных бедствий, вызванных изменением климата. Иными словами вопросы адаптации к изменению климата и покрытия ущерба в ходе коммуникативного процесса между развитыми и развивающимися странами были разделены.

На КС-27 впервые развитые страны согласились ежегодно направлять средства на возмещение ущерба бедным странам [\[19\]](#), которые внесли наименьший вклад в климатический кризис. Было принято решение о создании специального Фонда по финансированию потерь и ущерба (далее - Фонд). При этом инициатива исключила признание за развитыми странами юридической ответственности за ущерб, связанный с климатом. Обещания предоставить финансирование для Фонда дали ряд стран, в том числе Австрия, Бельгия, Дания, Канада, Новая Зеландия, Франция, ФРГ, Шотландия.

Необходимо обратить внимание на то, что США и ЕС закрепили в соглашении формулировку, которая может расширить базу доноров, включив в нее крупные развивающиеся экономики, прежде всего Китай, являющийся крупнейшим эмиттером парниковых газов. Китай выступил против данной инициативы, при этом выразив готовность предоставить средства и другую помощь развивающимся странам.

На повестке осталась тема глобального перехода к низкоуглеродной экономике, что было закреплено в Плане реализации [\[20\]](#). Предложение Индии и более 80 других стран о «поэтапном отказе» от всех видов ископаемого топлива, не только угля, но также нефти и газа, было заблокировано крупными производителями нефти, такими как Канада и Саудовская Аравия, а также Китаем.

Что касается климатического финансирования, то в Плане реализации подчеркивалось, что в возобновляемую энергетику необходимо инвестировать около 4 триллионов долларов США в год до 2030 года, чтобы иметь возможность достичь нулевых выбросов к 2050 году. Предоставление такого финансирования потребует быстрой трансформации финансовой системы, ее структур и процессов с привлечением правительств, центральных и коммерческих банков, институциональных инвесторов и других финансовых субъектов.

Для сохранения экосистем было запущено Партнерство лидеров лесного хозяйства и климата, которое направлено на объединение действий правительств, предприятий и общественных лидеров для прекращения утраты лесов и деградации земель к 2030 году.

В итоговом документе признавалась важная роль коренных народов, местных общин,

гражданского общества, включая молодежь и детей, в решении проблем изменения климата и реагировании на них.

Итогом КС-27 стало принятие конкретного плана действий. В нем можно выделить три ключевых направления: создание Фонда потерь и ущерба для помощи развивающимся странам, ставка на развитие возобновляемой энергии, в том числе через реформирование финансовых институтов, расширение списка основных бенефициаров борьбы с изменением климата.

Главным событием КС-28 в 2023 году стало принятие Глобального обязательства по возобновляемой энергетике и энергоэффективности [\[21\]](#). Документ призывает утроить мировые мощности по производству энергии из возобновляемых источников к 2030 году. Итоговый документ не включает, продвигаемый США и ЕС тезис о необходимости «поэтапного полного отказа от углеводородов», но содержит формулировку, что ископаемое топливо вносит самый значительный вклад в изменение климата и необходим «постепенный уход» от него. Сроки и механизмы «ухода» в документе не прописаны.

На этом фоне ОАЭ и Саудовская Аравия представили Хартию по декарбонизации нефти и газа, которая направлена на ускорение действий по борьбе с изменением климата в этом секторе. Инициативу поддержали 50 нефтегазовых компаний со всего мира с совокупной долей добычи нефти более 40%, в их числе — Saudi Aramco, SOCAR, BP, ENI, Shell, ПАО «ЛУКОЙЛ» и др. Участники обязуются сократить нетто-выбросы углекислого газа до нуля к 2050 году или ранее и метана при добыче нефти и газа почти до нуля к 2030 году.

В итоговом документе КС также говорится о целесообразности развития низкоуглеродных энергетических технологий, в том числе атомной энергетики, природного газа, «зеленого» водорода и технологий улавливания парниковых газов.

К встрече КС-28 в 2023 году был запущен Фонд потерь и ущерба. Страны пообещали перевести на его счета более 650 миллионов долларов. Решение об обновлении национальных планов действий по борьбе с изменением климата было сдвинуто на 2025 год. Как мы видим между основными участниками идут активные коммуникативные процессы по согласованию действий и обязательств, при этом стратегическая цель остается неизменной, но сроки выполнения ранее утвержденных программ сдвигают вправо.

На КС-29 в текущем году стороны должны конкретизировать условия доступа к средствам Фонда потерь и ущерба, практической реализации призывов Глобального подведения итогов, достигнуть договорённости вокруг коллективных целей по адаптации и финансированию.

Как мы видим, проблема изменения климата остается ключевой в повестке дня международного сообщества. Основные дискуссии ведутся вокруг темы отказа от использования ископаемого топлива, предпринимаются попытки закрепления в международных документах связи «природные ресурсы – климатические изменения – ответственность». Страны, богатые на природные ресурсы, хоть и блокируют эту инициативу, в то же время объединяются для выработки собственных предложений по данному вопросу. Другим значимым направлением международной климатической повестки является выстраивание отношений с развивающимися странами, что включает в себя предоставление средств для борьбы с последствиями изменения климата и адаптацию к происходящим изменениям через технологические решения. Главным проводником необходимости борьбы с изменением климата определены дети и молодежь,

что подтверждает стратегический характер климатической повестки.

Принимаемые меры в результате достигнутых договоренностей также свидетельствуют о дальнейшей трансформации существующей системы через корректировку национальных целей, диверсификацию энергетического сектора, проведение экономических реформ и изменение существующих финансовых систем, нацеленных на достижение климатических целей.

На наш взгляд, к основным факторам, которые влияют на текущие процессы, относятся: глобализация климатического вопроса, острота социальной повестки, в том числе в развивающихся странах, объединение стран в союзы для продвижения и отстаивания собственных интересов (США и ЕС, развивающиеся страны, страны, богатые природными ресурсами и прочее), экономическая ситуация, интересы ключевых субъектов.

Библиография

1. Приоритеты национальной экологической политики России. / Под. ред. В.М. Захарова. – М.: ООО «Типография ЛЕВКО», Институт устойчивого развития / Центр экологической политики России, 2009. – С. 10.
2. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме 1972 г. / Официальный сайт ООН / [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml
3. Программа ООН по окружающей среде учреждена на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 2997 от 15 декабря 1972 года / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/ru/ga/unep/>
4. Наше общее будущее Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) Перевод с английского. Под редакцией С.А. Евтеева и Р.А. Перелета.
5. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
6. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., 1989.
7. Повестка дня на XXI век. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
8. Доклад Всемирной встречи на высшем уровне в Йоханнесбурге / [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/Conf.199/20>
9. Резолюция ГА ООН №63/217 от 19.12.2008 / [Электронный ресурс] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/483/83/PDF/N0848383.pdf?OpenElement>
10. Резолюция ГА ООН от 18.09.2015 / [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/70/L.1>
11. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принят 11 декабря 1997 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml
12. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml
13. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml
14. Парижское соглашение, 2015. URL:

https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf

15. Кочуров Б.И., Шац М.М., Скачков Ю.Б., Черная В.В., Лобковский В.А. Изменения климата и пандемия коронавируса, 2021. DOI: 10.24412/1728-323X-2021-5-68-75

16. Glasgow Climate Pact, 2021 URL:

https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma3_auv_2_cover%20decision.pdf

17. Decisions taken at the Sharm El-Sheikh Climate Change Conference URL:

<https://unfccc.int/cop27/decisions>

18. Итоги саммита COP 27. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/results-of-the-climate-summit-cop27>

19. COP27 Reaches Breakthrough Agreement on New "Loss and Damage" Fund for Vulnerable Countries URL: <https://unfccc.int/news/cop27-reaches-breakthrough-agreement-on-new-loss-and-damage-fund-for-vulnerable-countries>

20. Decision-/CP.27 Sharm el-Sheikh Implementation Plan

https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cop27_auv_2_cover%20decision.pdf

21. КС-28 свидетельствует о начале конца эры ископаемого топлива

<https://unfccc.int/ru/news/soglashenie-na-ks-28-signaliziruet-nachalo-konca-epokhi-iskopaemogo-topliv>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы экологии, как отмечает в начале рецензируемого труда автор, из периферийной позиции последнее время заняли одно из центральных мест не только на внутреннем, но и на внешнеполитическом пространстве. Вероятно, что во много этому способствует развитие технологий, а также экологические, экономические и социальные кризисы. Утверждение, на мой взгляд, вполне объективное, да и проблему стоит решать уровнево. Следовательно, данный материал имеет актуальность, должную новизну и научную перспективу. Предметно, ориентир направлен на дешифровку «места климатической повестки» в современных глобальных коммуникациях. Работа статистически и фактографически выровнена, информационная составляющая труда высока. Автор уделяет много внимания магистрали развития экологического контента. Блоки имеют хронологически поставленный вид. Например, «В 1992 году на конференции ООН была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) [12]. В этом договоре страны согласились «стабилизировать концентрации парниковых газов в атмосфере, чтобы предотвратить опасное вмешательство человеческой деятельности в климатическую систему». Конвенцию подписали 197 различных сторон. С 1994 года, когда Конвенция вступила в силу, ежегодно проходят Конференции сторон рамочной конвенции ООН по изменению климата (КС). В ходе таких встреч страны ведут переговоры о различных расширениях первоначального договора для установления юридически обязательных ограничений на выбросы и подписывают сопутствующие итоговые документы. Так, в 1997 году был подписан Киотский протокол [13], который фиксировал обязательства стран по сокращению выбросов загрязняющих веществ», или «В декабре 2015 года стороны приняли Парижское соглашение [14], которое требует от всех стран-участниц определять, планировать и регулярно отчитываться по определяемым на национальном уровне вкладам по сокращению выбросов (ОНУВ), которые они берут на себя для смягчения последствий изменения климата», или «Пандемия covid-19 и дальнейшие мировые кризисы окончательно

скорректировали эту трансформацию. Ученые зафиксировали только временное снижение объема выбросов, вызванное мерами защиты от пандемии, которые быстро достигли пиковых нагрузок после возобновления работы производственных мощностей...» и т.д. Работа основательна, фундаментальна, ее можно использовать в разных областях знаний, причем не только гуманитарных. Острота проблемы поддерживается на протяжении всего исследования, таким образом, решаются и основные (поставленные) задачи. Считаю, что цель работы достигнута полновесно. Авторская точка зрения в ряд мест оппозиционна, в ряде дискуссионна, это, на мой взгляд, правильно: например, «велись дискуссии по ускорению разработки, внедрения и распространение технологий по производству экологически чистой энергии; поэтапному отказу от развития угольной энергетики и предоставления субсидий на ископаемое топливо, одновременно обеспечивая адресную поддержку бедных и наиболее уязвимых слоев населения. Подчеркивалась важность защиты, сохранения и восстановления природы и экосистем для достижения цели Парижского соглашения, в том числе за счет лесов и других наземных и морских экосистем, выступающих в качестве поглотителей и резервуаров парниковых газов» и т.д. Считаю, что не мешают данному труду и статистические вариации, они потенциальными читателями будут приняты как маркеры «остроты» проблемы: «еще в 2009 г. на конференции КС-15 в Копенгагене развитые страны взяли на себя обязательство ежегодно выделять развивающимся странам к 2020 г. 100 млрд долл. на осуществление программ по сокращению выбросов парниковых газов и адаптации к последствиям экстремальной погоды. Однако эта цель не была достигнута. Например США, которые должны были предоставлять 40 млрд долл., в 2020 г. выделили всего 7,6 млрд долл., Австралия и Канада – только треть финансирования, а Великобритания – три четверти. Поскольку по имеющимся оценкам от 66% до 80% финансирования, выделяемого развитыми странами, направляется на сокращение выбросов парниковых газов, то развивающимися странами и был поднят вопрос о раздельном возмещении ущерба от стихийных бедствий, вызванных изменением климата...». Итог работы имеет эффект пролонгации изучения темы, думаю, что и это верно: «принимаемые меры в результате достигнутых договоренностей также свидетельствуют о дальнейшей трансформации существующей системы через корректировку национальных целей, диверсификацию энергетического сектора, проведение экономических реформ и изменение существующих финансовых систем, нацеленных на достижение климатических целей. На наш взгляд, к основным факторам, которые влияют на текущие процессы, относятся: глобализация климатического вопроса, острота социальной повестки, в том числе в развивающихся странах, объединение стран в союзы для продвижения и отстаивания собственных интересов (США и ЕС, развивающиеся страны, страны, богатые природными ресурсами и прочее), экономическая ситуации, интересы ключевых субъектов». Тема труда соотносится с одной из рубрик издания, основные требования учтены. Рекомендую статью «Место климатической повестки в современных глобальных коммуникациях» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цай Ц., Хань Ч., Чэнь П., Грабельников А.А. Формирование национального имиджа и практика перевода китайского политического дискурса в контексте цифровой эпохи - на примере китайских дипломатических коммюнике // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70791 EDN: DKZHEI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70791

Формирование национального имиджа и практика перевода китайского политического дискурса в контексте цифровой эпохи - на примере китайских дипломатических коммюнике

Цай Цзяфэн

ORCID: 0009-0001-8775-5830

аспирант; институт иностранных языков; Юго-Восточный университет, КНР.

211189, Китай, Провинция Цзянсу, г. Нанкин, пр-т Суюань, 79

□ 1172357478@qq.com

Хань Чаочао

ORCID: 0000-0002-9491-9928

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

□ 1042225273@pfur.ru

Чэнь Пяньли

ORCID: 0009-0003-2994-2333

аспирант; философия языка и коммуникация; Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова

119192, Россия, Московская область, г. Москва, Куззовский пр-т, 45

□ 1499600747@qq.com

Грабельников Александр Анатольевич

ORCID: 0000-0003-1415-824X

доктор исторических наук

профессор; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

□ grabelnikov-aa@rudn.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70791

EDN:

DKZHEI

Дата направления статьи в редакцию:

18-05-2024

Аннотация: Это исследование направлено на анализ влияния практики перевода китайского политического дискурса на формирование образа государства в условиях цифровой эпохи, с использованием китайских дипломатических документов в качестве иллюстративного материала. Дипломатические документы, включая внешние коммюнике, играют важную роль в международной коммуникации, имея особое стратегическое значение в международных отношениях. Анализ процесса и стратегий перевода дипломатических документов позволяет глубже понять влияние различных методов перевода на передачу образа государства. Точность и культурная адаптация перевода дипломатических документов напрямую влияют на восприятие китайской политики и образа государства иностранными аудиториями. Прямой перевод может сохранять точность оригинала, но не всегда передает культурный контекст и политические намерения, в то время как свободный перевод и культурная адаптация способствуют лучшему пониманию и принятию политической информации и образа государства целевой аудиторией. Таким образом, практика перевода дипломатических документов является не только лингвистическим процессом, но и важной стратегией формирования образа государства. Данное исследование использует методы текстуального анализа и основано на теории перевода для анализа использования лексики и предложений в процессе перевода дипломатических документов. Цель исследования заключается в выявлении используемых переводческих стратегий и раскрытии скрытых национальных образов. В результате исследования установлено, что различные переводческие стратегии значительно влияют на формирование национального имиджа. Прямой перевод сохраняет точность оригинала, но может не передавать культурные нюансы. Перефразирование улучшает восприятие и понимание текста. Культурная трансформация способствует лучшей адаптации текста к местной аудитории. Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой эмпирическое исследование, основанное на переводе политического дискурса для выявления формирования имиджа государства. Результаты исследования могут быть применены в дипломатии и международных коммуникациях, предоставляя эмпирическую поддержку и руководства по переводческим стратегиям для улучшения национального имиджа. Исследование подчеркивает важность практики перевода политического дискурса для формирования национального имиджа в цифровую эпоху. Под влиянием национальной идеологии перевод политических текстов требует переосмысления и перспективного подхода. В цифровую эпоху перевод политических текстов должен направляться на поддержание и укрепление национального имиджа.

Ключевые слова:

национальный имидж, китайский политический дискурс, практика перевода, стратегия

перевода, дипломатическое коммюнике, политический текст, формирование образа государства, цифровая эпоха, текстуальный анализ, перевод политического текста

Введение

Актуальность данного исследования заключается в том, что в условиях цифровой эпохи формирование национального имиджа и практика перевода политического дискурса стали актуальными вопросами в сфере международных отношений. Распространение и понимание политического дискурса на международной арене напрямую влияет на формирование и распространение национального имиджа^[1]. Современная взаимосвязь между переводческой практикой китайского политического дискурса и формированием национального имиджа еще не получила достаточного внимания и исследования, а задействованные языки в основном китайский и английский, при этом анализ текстов на китайском и русском языках практически не проводился^[2]. **Цель данной работы** - изучить взаимосвязь между переводом политических текстов и формированием имиджа страны путем анализа практики перевода китайского политического дискурса, а также выдвинуть соответствующие предложения и стратегии, чтобы обеспечить новые перспективы и идеи для академических исследований в области политической коммуникации.

Для достижения поставленных целей исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- Собирать и систематизировать текстовые данные из дипломатических коммюнике;
- Классифицировать явления перевода слов и предложений в дипломатических коммюнике;
- Использовать методы текстового анализа на основе теории перевода для анализа используемых в процессе перевода слов и предложений и переводческих стратегий, а также раскрыть скрытые образы страны.

Материалом исследования служат китайские и русские аналоги дипломатических коммюнике. Дипломатическое коммюнике — это официальный документ, издаваемый внешнеполитическим ведомством страны, который обычно используется для распространения информации о внешней политике, зарубежной деятельности и динамике международных отношений. Эти бюллетени занимают важное место в международной политической коммуникации и играют решающую роль в формировании имиджа государства и распространении политического дискурса.

·上海合作组织成员国元首理事会会议新闻公报-ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ по итогам заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.
<http://chn.sectsc.org/documents/>

·上海合作组织官网-The Shanghai cooperation organisation. <http://chn.sectsc.org/documents/>

Теоретическая основа данного исследования базируется на теории перевода, которая охватывает верность и трансформацию перевода. Концепция верности перевода обсуждалась в Китае с первых дней перевода буддийских писаний, например, «следование первоначальной цели, без приукрашивания» в Предисловии к «Посланиям Дхармы» Чжи Цяня^[3], «Верность, дада и элегантность» Янь Фу^[4], «Верность, гладкость и красота» Линь Ютана, «Верность, гладкость и красота» Линь Ютана, «Верность,

гладкость и красота» Линь Ютана, и «Верность, гладкость и красота» Линь Ютана^[5]. На Западе концепция верности перевода имеет глубокие корни и далеко идущее влияние. На Западе важность верного перевода подчеркивают «Принцип отсутствия» Дорея, «Три принципа» Тетлера^[6] и шесть уровней эквивалентности Балхударова^[7]. В книге «Лингвистическая теория перевода» Кэтфорд использует лингвистическую теорию для систематического изложения феномена конверсии в переводе: «Метод конверсии - это самый основной метод переводческой практики. Без конверсии нет перевода». Кэтфорд разделяет теорию конверсии на два вида: иерархическую конверсию и категориальную конверсию. В рамках категорийной конверсии она продолжает подразделяться на четыре подкатегории: конверсия структуры, конверсия категории, конверсия единиц и конверсия внутренней структуры^[8].

Практическая значимость данного исследования заключается в более глубоком проникновении в содержащуюся в нем информацию и выявлении подразумеваемых смыслов и характеристик путем систематического анализа содержания и характеристик содержащихся в нем практик создания национальных образов и перевода политического дискурса. Кроме того, как эмпирическое исследование, данное исследование имеет большое практическое значение для глубокого понимания взаимосвязи между формированием национального имиджа и практикой перевода политического дискурса в цифровую эпоху, а также для повышения международного имиджа страны.

Результаты и их обсуждение

В данном исследовании в качестве примера рассматривается дипломатическое коммюнике. Во вступительной части коммюнике в основном рассказывается о предыстории события, участниках и других основных элементах. В основной части коммюнике рассказывается о консенсусе, достигнутом на встрече, рассмотрении вопросов, подписании соглашений и так далее. Заключительная часть коммюнике - это признание, согласование места и времени следующей встречи и так далее. При переводе дипломатических коммюнике следует не только стремиться к высокой степени точности и сжатости языковых выражений и правильному использованию временных форм, но и уделять больше внимания политике и серьезности содержания, внимательно следить за содержанием оригинального подтекста, особенно за подразумеваемым политическим значением оригинального текста, тщательно подбирать синонимы и стараться найти форму выражения, приемлемую для обеих сторон, не теряя при этом принципиальности и принципиальности.

(I) Перевод подразумеваемого значения лексики требует правильной позиции и культурной идентичности

Перевод дипломатических коммюнике затрагивает национальные интересы и требует правильной позиции и политической чувствительности в процессе перевода. По этой причине мы должны придавать большое значение переводу и передаче идеологии, заложенной в лексике, обращать внимание на нюансы при выборе синонимов и стараться найти формы выражения и язык, приемлемые для обеих сторон, не теряя при этом своих принципов и позиций. Национальная позиция, то есть политическая уверенность, - это осознание, критическое осознание и инновационное осознание культурных различий; это субъектная идентичность, такая как культурная, этническая и национальная идентичность, которая должна быть сконструирована совместно с мировоззрением, чтобы сформировать качество единства между настойчивостью и открытостью. Например:

(1)成员国领导人讨论了2018年青岛峰会成果落实情况和当前世界政治经济形势下上合组织发展的首要任务。各方的一致立场体现在《比什凯克宣言》中。

Руководители государств-членов рассмотрели ход реализации итогов Циндаоского саммита 2018 года и первоочередные задачи дальнейшего развития ШОС в контексте текущих процессов в мировой политике и экономике. Согласованные позиции сторон отражены в принятой Бишкекской декларации.

(2)成员国就国际和地区热点问题交换意见, 强调应共同努力, 维护上合组织地区安全稳定和可持续发展, 基于《联合国宪章》等国际公认的国际法原则和准则, 加强同各方互利合作。

В ходе обмена мнениями по актуальной международной и региональной проблематике подчеркнута необходимость наращивания совместных усилий по обеспечению надежной безопасности и устойчивого развития на пространстве ШОС. В этой связи подчеркнута важность укрепления взаимовыгодного сотрудничества со всеми заинтересованными государствами на основе общепризнанных принципов и норм международного права, прежде всего Устава ООН.

В примере (1) упоминается "последовательная позиция", а в примере (2) - "совместные усилия", "безопасность, стабильность и устойчивое развитие" и "взаимовыгодное сотрудничество". В данном случае речь идет о переводе китайского внешнеполитического дискурса. Основываясь на принципе "взаимного обмена, мирного сосуществования, взаимной выгоды и бесприигрышной ситуации", Китай не перенимал западный дискурс и не пересаживал его в западную систему политического дискурса, а смело заявлял о себе. Напротив, он смело высказывается, уверенно и мужественно выражает свое мнение, чтобы создать китайскую систему внешнего дискурса с "китайским стилем". Подобные выражения, такие как: Согласованные позиции сторон, совместных усилий, надежной безопасности и устойчивого развития, взаимовыгодного сотрудничества. Такие выражения не только китайские, но и соответствуют привычным выражениям носителей русского языка, передавая центральную роль Китая как одного из основателей ШОС и его роль как мировой державы.

В переводе заголовков дипломатического коммюнике обычно содержит три фактора: "организация, выпустившая коммюнике, причина его выпуска и тип документа", причем в русском переводе тип документа должен быть поставлен на первое место. Примеры приведены ниже (3)-(5):

(3)中华人民共和国、印度共和国和俄罗斯联邦外交部长会晤联合公报

Совместное коммюнике по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Китайской Народной Республики, Республики Индия и Российской Федерации

(4)中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国联合公报

Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Казахстан

(5)中华人民共和国政府和乌兹别克斯坦共和国政府联合公报

Совместное коммюнике между правительством Китайской Народной Республики и правительством Республики Узбекистан

В примерах (3)-(5) "Китайская Народная Республика" переводится полностью, а если одновременно фигурируют несколько стран, то "Китайская Народная Республика" должна быть поставлена на первое место. В дипломатическом переводе китайский переводчик

должен взять на себя ответственность за переводческий дискурс и в своей переводческой работе руководствоваться ценностью Родины как высшей ценностью и системой ценностей. В дипломатическом переводе есть много других подобных примеров, и китайские переводчики должны придерживаться подхода "Я-центризма", поддерживать риторический стиль иноязычного дискурса и сознательно защищать интересы Родины. Китайские переводчики должны следовать принципу "эгоцентризма", соответствовать риторическому стилю иностранных языков, сознательно отстаивать интересы родины, рассказывать хорошую китайскую историю в "переводе Китая" и в полной мере проявлять свою субъективную инициативу.

(II) Извлечение китайских ключевых слов для понимания дипломатических путей Китая

Слова - это концентрация социальной практики, направление исторической борьбы, вместилище политической мудрости и стратегии управления^[9]. Ядром культуры и коммуникации являются национальные ключевые слова. Чтобы рассказать хорошую китайскую историю о "ключевых словах Китая", необходимо построить систему дискурса, объединяющую Китай и зарубежные страны, и осуществлять систематическую интерпретацию, объяснение и многоязычную публикацию, чтобы создать многоязычное окно и платформу для международного сообщества, позволяющую лучше понять идеи и основные концепции развития современного Китая, а затем сформировать национальный имидж и повысить статус международного дискурса. С этой целью в тексте анализируется перевод "горячих" слов, появляющихся в дипломатических коммюнике, уделяется внимание предыстории перевода китайских ключевых слов и китайской дороге, которую они отражают, объясняется интеллектуальный фон, эффект международного распространения и т. д., а затем рассказывается о культурной осведомленности страны. Примеры (6)-(7):

(6)成员国强调, 上合组织作为高效和建设性多边合作机制, 在维护地区和平稳定、促进成员国发展繁荣方面发挥着重要作用, ...建设新型国际关系和确立构建人类命运共同体的共同理念。

Государства-члены подчеркнули, что ШОС является эффективным и конструктивным механизмом многостороннего взаимодействия, которое играет важную роль в поддержании регионального мира и стабильности, а также в содействии процветанию и развитию ее государств-членов. ...в интересах строительства международных отношений нового типа, основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права, а также в формировании общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества.

Ключевое слово "新型国际关系-международные отношения нового типа" было впервые предложено генеральным секретарем Си Цзиньпином в его речи в Московском институте международных отношений (МИИТ) в марте 2013 года: концепция "нового типа международных отношений с бесприигрышным сотрудничеством в основе". Концепция "以合作共赢为核心的新型国际关系" (Председатель Си Цзиньпин впервые представил концепцию «международных отношений нового типа, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве»). Генеральный секретарь Си Цзиньпин прямо представил эту концепцию на центральной рабочей конференции по международным отношениям в ноябре 2014 года, заявив, что "建立以合作共赢为核心的新型国际关系". («создать новую модель международных отношений, в основе которой должно лежать взаимовыгодное сотрудничество»). В октябре эта концепция была углублена в докладе 19-го съезда партии, где подчеркивалось, что сотрудничество "победа-выигрыш" является самой главной концепцией международных отношений нового типа, а также основой для

взаимного уважения, честности и справедливости. Это ключевое слово является важной концепцией китайского пути, которая показывает национальную позицию китайского правительства по отношению к странам-членам ШОС: взаимное уважение; сотрудничество "победа-выигрыш". Это также твердая приверженность "上海精神: 互信、互利、平等、协商、尊重多样文明、谋求共同发展-Шанхайский дух – взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение к многообразию культур, стремление к совместному развитию", придерживаться открытой стратегии взаимной выгоды и беспроигрышной ситуации, воплощать концепцию беспроигрышного сотрудничества во всех аспектах внешнего сотрудничества в области политики, экономики, безопасности и культуры, углублять Мы будем углублять всестороннее взаимовыгодное сотрудничество с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу ШОС.

Ключевое слово "构建人类命运共同体-создание сообщества единой судьбы человечества" в примере (6) было впервые выдвинуто на 18-м Национальном съезде КПК, и с тех пор генеральный секретарь Си Цзиньпин упоминал его более 100 раз на важных мероприятиях в стране и за рубежом. В докладе 19-го съезда партии отмечается, что «в настоящее время человечество живет в мире, который собрал в себе разные культуры, расы, людей с разным цветом кожи, с разной религией и страны с различным общественным строем. Народы всех стран сформировали Сообщества единой судьбы человечества, где "у тебя есть я, а у меня есть ты". Сообщество единой судьбы человечества представляет собой одно целое переплетение интересов и развития всего человечества. В данный момент сообщество сталкивается со многими серьезными вызовами и угрозами, такими как продовольственная безопасность, нехватка ресурсов, климатические изменения, загрязнение окружающей среды, международная преступность и др., которые не могут быть разрешены одной или несколькими странами, разрешение данных проблем требует сотрудничества всех стран мира». Во второй половине дня 28 июня 2021 года председатель КНР Си Цзиньпин провел в Пекине видеовстречу с президентом России Владимиром Путиным. В ходе встречи Си отметил, что Договор о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией отвечает коренным интересам двух стран, соответствует тематике времени мира и развития, является яркой практикой построения международных отношений нового типа и сообщества человеческой судьбы. Российская сторона положительно отозвалась о китайской концепции построения сообщества человеческой судьбы, отметив, что она поможет укрепить единство международного сообщества и объединить усилия для решения общих задач. Китай и Российская Федерация считают, что, руководствуясь духом Договора, обе стороны будут продолжать прилагать согласованные усилия и решительно двигаться вперед.

(7) 哈萨克斯坦共和国、吉尔吉斯共和国、巴基斯坦伊斯兰共和国、俄罗斯联邦、塔吉克斯坦共和国、乌兹别克斯坦共和国重申支持中华人民共和国提出的“一带一路”倡议，高度评价2019年4月25日至27日在北京举行的第二届“一带一路”国际合作高峰论坛成果，肯定各方为共同实施“一带一路”倡议，包括为促进“一带一路”倡议和欧亚经济联盟建设对接所做工作。

Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан, подтверждая поддержку инициативы Китая «Один пояс, один путь», высоко оценили итоги Второго международного форума сотрудничества ОПОП (Пекин, 25-27 апреля 2019 г.). Они отметили текущую работу по совместному осуществлению этого проекта, в том числе усилия по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и ОПОП.

Пример (7) содержит китайское ключевое слово "Один пояс, один путь"(一带一路),

концепция которого возникла в сентябре-октябре 2013 года, когда генеральный секретарь Си Цзиньпин предложил *"Экономический пояс Шелковый путь"* (丝绸之路经济带) и *"Морской шелковый путь XXI века"* (21世纪海上丝绸之路). Перевод термина "Инициатива Китая" "Один пояс, один путь", представляющего стратегию великих держав, кажется простым, но на самом деле он содержит когнитивно обоснованную дипломатическую мысль, а термин "Инициатива Китая" "Один пояс, один путь" используется для обозначения инициативы великих держав. "Инициатива" - нейтральный термин, выражающий идею мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, что отличает его от "стратегии", подразумевающей силу и власть. В процессе борьбы за право устанавливать международные правила и право говорить выбор слов для перевода может показать боевитость, а "нечеткая стратегия" должна использоваться разумно, чтобы устранить стратегические сомнения другой стороны, эффективно защищая основные интересы страны, поэтому мы выбираем нейтральную "стратегию". Поэтому мы выбираем нейтральный термин "инициатива". К настоящему времени инициатива получила положительный отклик в странах, расположенных вдоль маршрута, а также признательность и поддержку со стороны большинства государств-членов ШОС. В 2015 году председатель КНР Си Цзиньпин и президент Путин совместно подписали и опубликовали Совместную декларацию Китая и России о строительстве Экономического пояса Шелкового пути и создании Евразийского экономического союза, которая положила начало процессу сотрудничества между строительством Пояса и пути и Евразийским экономическим союзом. Наряду с углублением всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Россией, российские СМИ в полной мере осознают инициативу "Пояс и путь", интерес российской общественности к инициативе становится все более сильным и получает положительную оценку. Президент России Владимир Путин однажды сказал: "Инициатива "Пояс и путь" актуальна, интересна и перспективна, она направлена на ускорение глобального экономического роста и развитие международного экономического сотрудничества" (Путин: России и КНР надо снимать барьеры для работы в рамках Шелкового пути, РИА Новости, 23.06.2016.). Премьер-министр России Дмитрий Медведев отметил, что "сопряжение инициативы "Пояс и путь" со строительством России и Евразийского экономического союза может принести огромные экономические дивиденды обеим сторонам и создать дополнительные возможности для развития Китая, России и даже остальных стран Евразийского экономического союза. "(Медведев: Проект "Шелкового пути" является партнерским для России, РИА Новости, 22.08.2015.)

Как видно из примеров (6) и (7), перевод - это своего рода стратегическая коммуникация, извлечение китайских ключевых слов из дипломатических коммюнике, и данное исследование дает глубокие объяснения этих ключевых слов, что имеет большое значение для глубокого понимания общественностью, рассказывает миру о пути Китая и представляет истинный, трехмерный и всеобъемлющий образ Китая.

Кроме того, перевод лексики в дипломатическом коммюнике включает в себя перевод "горячих" слов и собственных существительных.

1. Перевод "горячих" слов в дипломатических коммюнике. Этот вид перевода должен сохранять высокую степень точности и находить стандартные переводы в СМИ, на веб-сайтах и т. д. Если есть фиксированные переводы, их следует принять, а не создавать собственную лексику или привычные фразы. Горячие слова, используемые при переводе дипломатических коммюнике, в основном включают политические, экономические и социальные горячие слова и названия учреждений и организаций, которые переводятся следующим образом:

① политические горячие точки:

反腐败领域 антикоррупционная деятельность

国际抗疫合作 международное сотрудничество по противодействию пандемии

恐怖主义、极端主义和激进组织 террористические, экстремистские и радикальные группировки

② экономические и социальные горячие точки:

数字鸿沟 цифровой разрыв

跨国有组织犯罪 транснациональная организованная преступность

气候变化、资源枯竭和环境退化 изменение климата, истощение ресурсов, деградация окружающей среды

2. Перевод собственных существительных в дипломатических коммюнике. Названия некоторых международных организаций, имена и должности их основных членов часто встречаются в дипломатических коммюнике, с этими организациями и должностями необходимо ознакомиться, особенно с часто употребляемыми названиями, по возможности не обращаясь к информации, прямым переводом, менее часто употребляемые собственные названия необходимо посмотреть в Интернете на предмет фиксированного перевода, не переводить самостоятельно, во избежание нарушения норм русского языка, приводящего к ненужным недоразумениям во внешнеполитической деятельности. Кроме того, необходимо постоянно обращать внимание на изменения в руководстве ведомств. Основными собственными именами, встречающимися в дипломатических коммюнике, являются: названия учреждений и организаций, названия важных документов и названия организаций.

① Названия учреждений и организаций:

东盟国家 Ассоциация государств Юго-Восточной Азии

欧亚经济联盟 Евразийский экономический союз (ЕЭС)

世界卫生组织 Всемирная организация здравоохранения

② Названия важных документов:

《联合国气候变化框架公约》Рамочная конвенция ООН об изменении климата

《联合国全球反恐战略》Глобальная контртеррористическая стратегия в соответствии с Уставом ООН

③ Названия должностей:

俄罗斯联邦总统 Президент Российской Федерации

集体安全条约组织代理秘书长 и.о. (исполняющий обязанности) Генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)

(Ⅲ) Перевод общих форм предложений, объединение верности и конверсии

Концепция верности перевода обсуждалась в Китае со времен ранних переводов буддийских писаний, например, "следование первоначальной цели без приукрашивания" в Предисловии к "Сентенциям Дхармы" Чжицяня, "Фа, да, я" Янь Фу, "верность, беглость,

красота" Линь Ютана и "путь перевода" Линь Ютана. На Западе концепция верности перевода имеет глубокие корни и далеко идущее влияние. На Западе важность верного перевода подчеркивается "принципом отсутствия" Дорея, "тремя принципами" Тетлера и шестью уровнями эквивалентности Балхударова. Мы рассмотрим связанные с этим проблемы в дипломатическом переводе. Иностранные дипломатические тексты относятся к категории политического дискурса, и перевод этого вида дискурса требует "принципа верности" в еще большей степени. Верность выражается в соответствии между оригинальным и переводным текстом от формы к содержанию, как, например, в примере (8):

(8)成员国认为, 未来应在整合地区国家、国际组织和多边机构发展潜力基础上, 在上合组织地区构建广泛、开放、互利和平等的伙伴关系。

Перспективной задачей признано формирование на пространстве ШОС широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного партнерства с использованием потенциалов стран региона, международных организаций и многосторонних объединений.

В примере (8) есть две группы отношений, первая из которых - "региональные страны, международные организации и многосторонние институты". Перевод сохраняет смысл оригинального текста, а также его форму и порядок, и читается так: страны региона, международные организации и многосторонние объединения; вторая группа: "широкое, открытое, взаимовыгодное и равноправное партнерство", переводы которого широкое, открытое, взаимовыгодное и равноправное партнерство в равной степени точно передают смысл оригинального текста и сохраняют лексический строй оригинальной прозы. Как видно, исходя из реальной ситуации, из привычек и особенностей китайского выражения, конкретная ситуация анализируется и рассматривается конкретно. Там, где оригинальные предложения, структурные выражения и образные выражения соответствуют привычкам и особенностям китайского выражения, они сохраняются и переводятся напрямую; там, где это не так, они переводятся на итальянский язык. Это позволяет сделать перевод удобочитаемым и соответствующим нормам читателей переводимого языка.

Противоположностью верности является требование конверсии при переводе дипломатических коммюнике. Понятие "конверсия" упоминается в истории западного перевода уже давно. В книге "Лингвистическая теория перевода" Кэтфорд систематически разрабатывает феномен конверсии в переводе с помощью лингвистической теории: "Метод конверсии - это самый основной метод переводческой практики. Без конверсии нет перевода". Кэтфорд разделяет теорию конверсии на два вида: иерархическую конверсию и категориальную конверсию. Под категориальной конверсией она продолжает подразделяться на четыре подкатегории: конверсия структуры, конверсия категории, конверсия единиц и конверсия внутренней структуры. Трансформации при переводе дипломатических коммюнике в основном можно разделить на структурные трансформации и внутренние структурные трансформации, то есть преобразование шаблонов предложений, корректировка порядка слов или выбор структуры переводного языка, отличной от структуры исходного языка. См. примеры (9)-(11) преобразований в дипломатических коммюнике:

(9)成员国领导人讨论了2018年青岛峰会成果落实情况和当前世界政治经济形势下上合组织发展的首要任务。各方的一致立场体现在《比什凯克宣言》中。

Руководители государств-членов рассмотрели ход реализации итогов Циндаоского

саммита 2018 года и первоочередные задачи дальнейшего развития ШОС в контексте текущих процессов в мировой политике и экономике. Согласованные позиции сторон отражены в принятой Бишкекской декларации.

(10)成员国就国际和地区热点问题交换意见, 强调应共同努力, 维护上合组织地区安全稳定和可持续发展, 基于《联合国宪章》等国际公认的国际法原则和准则, 加强同各方互利合作。

В ходе обмена мнениями по актуальной международной и региональной проблематике подчеркнута необходимость наращивания совместных усилий по обеспечению надежной безопасности и устойчивого развития на пространстве ШОС. В этой связи подчеркнута важность укрепления взаимовыгодного сотрудничества со всеми заинтересованными государствами на основе общепризнанных принципов и норм международного права, прежде всего Устава ООН.

(11)成员国强调, 不能以任何理由为任何恐怖主义和极端主义行径开脱, 反恐应综合施策, 加大力度打击恐怖主义及其思想, 查明和消除恐怖主义和极端主义滋生因素。

Государства-члены, подчеркивая, что не может быть никаких оправданий каким-либо актам терроризма и экстремизма, считают важным осуществление комплексных мер по усилению противодействия терроризму и его идеологии, выявлению и устранению факторов и условий, способствующих терроризму и экстремизму.

Примеры (9)-(11) имеют одинаковую структуру в оригинале, оба являются субъектно-предикатными структурами и имеют один и тот же субъект, "страны-члены", и предикат одинаков в примерах (10) и (11), то есть "подчеркнуть", тогда как в переводах используются три различные структуры, причем в примере (9) используется В примере (9) используется личная форма глагола Руководители государств-членов рассмотрели, а в примере (10) используется пассивное окончание глагола ... подчеркнута необходимость, ...подчеркнута важностьс ть, пример (11) переводит исходное сказуемое "подчеркнуть" в сослагательное наклонение глагола подчеркивая и ставит его в позицию герундия, добавляя глагол считать сказуемым предложения. Переводчик постоянно корректирует структуру предложения и старается избегать повторов, так как перевод трансформируется с целью достижения динамической эквивалентности между переводным и оригинальным текстом, с одной стороны, а с другой - повышения удобочитаемости переводного текста, чтобы он максимально соответствовал нормам транслитерированного языка. Схожая структура китайского языка создает ощущение аккуратности предложений, в то время как русский язык, если он использует такую же структуру, вызывает у читателя ощущение бедности, монотонности и отсутствия жизненной силы. Переводчику необходимо преобразовать часть информации, которая, по мнению переводчика, не нужна читателю, в соответствии с потребностями читателя, что не только отражает инициативу переводчика, но и делает перевод более эффективным. Для этого переводчик должен полностью понимать психологию читателя и сохранять ту информацию, которая отвечает его потребностям, а другую информацию можно преобразовать. Правильное преобразование поможет полностью передать ценную информацию в переводном тексте, выделить ключевые моменты и максимально удовлетворить потребности читателя.

В примере (9) упоминается "一致立场", а в примере (10) - "应共同努力", "安全稳定和可持续发展" и "互利合作". "Это связано с проблемой перевода китайского внешнеполитического дискурса. Мы не должны навязывать западный дискурс и трансплантировать его в западную систему политического дискурса, иначе мы попадем в ловушку их дискурса. Вместо этого мы должны смело, твердо и уверенно высказываться, смело выражать свои

мысли и строить систему китайского иностранного дискурса с "китайским стилем". Поэтому мы используем следующие выражения для этих выражений, которые имеют китайское мышление и соответствуют привычкам российских читателей: *Согласованные позиции сторон, совместных усилий, надежной безопасности и устойчивого развития, взаимовыгодного сотрудничества*. Все эти выражения демонстрируют роль Китая как крупной мировой державы, а также центральную роль Китая как спонсора ШОС.

Перевод - это творческая деятельность по передаче мыслительного содержания и художественного стиля, выраженных в одном языке и тексте, на другой язык и текст точно и правильно^[10]. Переводчики должны вникать в оригинальный текст при его чтении и убедиться, что они понимают его слово в слово, но они должны выпрыгивать из него при выражении мысли и не должны переводить его слово в слово^[11]. Только "вникая" можно глубоко понять смысл оригинала, в то время как "выпрыгивая" нужно избавиться от оригинальной структуры предложения и выражения, чтобы хорошо перевести. Таким образом, перевод должен следовать принципу эквивалентности, а метод перевода - это сочетание прямого перевода и пересказа^[12]. Иностранные и дипломатические тексты относятся к категории политического дискурса, перевод этого типа языка схож с академическими и научно-техническими текстами, что требует высокой степени точности языкового выражения и уделяет внимание принципам "правдивости" и "верности" при переводе^[13]. Поэтому дипломатический перевод должен представлять собой единство верности и гибкости, а также воплощение высокого уровня и всестороннего владения языком. См. примеры (12)-(17):

(12)元首们就当前国际和地区形势、重大国际和地区问题以及上合组织未来发展前景交换了意见。

Состоялся обмен мнениями о текущей ситуации в регионе и мире в целом, по актуальным международным и региональным проблемам, а также о перспективах дальнейшего развития ШОС.

(13)元首们指出, 上合组织的成立与发展, 有力地促进了区域合作, 增强了睦邻友好与互信, 开创了上合组织成员国和谐共存的局面。

Отмечено, что создание и деятельность ШОС существенно способствует углублению регионального сотрудничества, укрепляет дружбу, добрососедство и взаимное доверие, открывает реальную перспективу гармоничного сосуществования государств-членов ШОС.

(14)元首们指出, 恐怖主义、分裂主义、极端主义、非法贩运毒品、跨国组织犯罪等威胁的尖锐性有增无减, 世界不同地区局势持续动荡。

Главы государств констатировали тенденцию к обострению таких угроз, как терроризм, сепаратизм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и трансграничная организованная преступность, а также проблем, связанных с дестабилизацией ситуации в различных регионах мира.

(15)元首们强调成员国在维护国际信息安全领域开展合作的重要性, 指出应防止利用信息通信技术破坏世界和平、稳定和安全, 继续在联合国框架内推动制定“信息安全国际行为准则”。

Главы государств подчеркнули важность сотрудничества государств-членов ШОС в сфере обеспечения международной информационной безопасности; отметили целесообразность противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в целях, противоречащих международному миру, стабильности и безопасности; условились содействовать выработке под эгидой ООН правил поведения в

области обеспечения международной информационной безопасности.

(16)元首们决定给予阿富汗伊斯兰共和国上合组织观察员地位, 给予土耳其共和国上合组织对话伙伴地位。

Главы государств приняли решения о предоставлении Исламской Республике Афганистан статуса наблюдателя при ШОС и Турецкой Республике – партнера по диалогу ШОС.

(17)元首们决定任命梅津采夫(俄罗斯联邦)为上合组织秘书长, 任命张新枫(中华人民共和国)为上合组织地区反恐机构执行委员会主任, 任期均为2013年1月1日至2015年12月31日。

Главы государств приняли решения о назначении Д.Ф. Мезенцева (Российская Федерация) Генеральным секретарем ШОС и Чжан Синьфэна (Китайская Народная Республика) Директором Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС на период с 1 января 2013 года по 31 декабря 2015 года.

Примеры (12)-(17) Оригинальные тексты схожи по структуре, оба представляют собой субъектно-предикатные структуры, состоящие из "元首们" + глагол, в то время как в переводах используются четыре различные структуры: ①Субъектно-предикатная структура, сохраняющая содержание и форму оригинального текста: *Главы государств подчеркнули важность, отметили что (15), Главы государств приняли решения о чём (16), (17); ②структура маркеров дискурса + описательные клаузы: Отмечено, что... (13); ③структура герундиев, в которых опущено подлежащее: Состоялся обмен мнениями о чём (12); ④преобразование субъектно-предикатной структуры исходного предикатного глагола: *Главы государств констатировали тенденцию к чему (14).**

Поэтому при переводе дипломатических коммюнике необходимо быть верным содержанию оригинального текста, чтобы обеспечить точность перевода, и в то же время обращать внимание на преобразование языковой структуры в переводе, чтобы перевод был читабельным и соответствовал нормам читателей перевода на язык.

В приведенных выше примерах также присутствует множество политических позиций, таких как "построение широкого, открытого, взаимовыгодного и равноправного партнерства", "развитие регионального сотрудничества и укрепление добрососедства и взаимного доверия", "предотвращение подрыва мира, стабильности и безопасности во всем мире", "предотвращение подрыва мира, стабильности и безопасности во всем мире" и "предотвращение подрыва мира, стабильности и безопасности во всем мире" , стабильности и безопасности", "предоставление статуса партнера по диалогу" и т.д. Все эти конструкции подчеркивают основные принципы китайской дипломатии: сохранение мира, противодействие силе; взаимное уважение, суверенное равенство; независимый выбор, поиск точек соприкосновения при сохранении различий; взаимовыгодное сотрудничество, общее развитие и т.д. Понимание стилей перевода и переводческих перспектив в практике перевода политических текстов, а также осознание перехода от буквального перевода к понятному переводу.

Проанализировав перевод отдельных текстов дипломатических коммюнике, данное исследование позволило получить следующие основные результаты и инициировать соответствующие дискуссии: ①Разнообразие переводческих стратегий. Исследование показало, что существуют различные стратегии перевода текстов дипломатических коммюнике в контексте цифровой эпохи. Эти стратегии включают прямой перевод, пересказ, верное преобразование и т. д., которые гибко применяются переводчиками в зависимости от особенностей текста и потребностей целевой аудитории^[14]. Например, некоторые политические термины и названия стран могут вызывать трудности при межкультурном переводе, и переводчик производит соответствующую конверсию в

соответствии с контекстом и культурным фоном страны назначения. ②Оценка эффективности перевода. В данном исследовании оценивается эффект различных стратегий перевода^[15]. Сравнивая оригинальный и переведенный текст, мы обнаружили, что некоторые переводы могут точно передать смысл оригинального текста, сохраняя при этом беглость и естественность языка перевода, в то время как другие переводы могут страдать от потери информации или лингвистического диссонанса. Это свидетельствует о том, что при переводе текстов дипломатических коммюнике переводчикам необходимо всесторонне учитывать множество факторов, чтобы обеспечить точность и читабельность переводов. ③Эффективность формирования национального имиджа. С помощью анализа перевода мы также можем оценить его влияние на формирование имиджа страны. Некоторые переводы могут эффективно передавать политическую позицию и внешнюю политику страны, тем самым укрепляя ее международный имидж и репутацию; другие же могут приводить к неточной или двусмысленной информации, влияя на формирование и распространение имиджа страны^[16]. Таким образом, практика перевода политического дискурса имеет большое значение в контексте цифровой эпохи и играет решающую роль в формировании и распространении национального имиджа.

Благодаря приведенным выше результатам и их обсуждению мы можем глубоко понять взаимосвязь между формированием национального имиджа и переводческой практикой политического дискурса в контексте цифровой эпохи, а также дать новое представление о теории и практике в области политического перевода.

Заключение

Проанализировав перевод отдельных текстов дипломатических коммюнике, мы пришли к следующим **выводам**:

(1) Гибкость переводческих стратегий. В цифровую эпоху перевод политического дискурса больше не ограничивается традиционным прямым или итальянским переводом, а характеризуется большим разнообразием и гибкостью. Переводчики гибко применяют различные стратегии перевода в соответствии с культурными особенностями, политической позицией и коммуникативной целью целевой аудитории, чтобы достичь наилучшего коммуникативного эффекта.

(2) Важность качества перевода. Качество перевода напрямую влияет на имидж и влияние политического дискурса на международной арене. Точная передача политических сообщений и сохранение честности и объективности переводных текстов являются ключевыми вопросами в практике перевода политического дискурса. Поэтому переводчики должны обладать богатыми политическими, культурными и лингвистическими знаниями, чтобы обеспечить высокий уровень качества перевода.

(3) Формирование и распространение национального имиджа. Являясь важным инструментом внешней коммуникации страны, дипломатические коммюнике играют важную роль на международной арене. Анализируя перевод текстов дипломатических коммюнике, мы можем лучше понять коммуникативный эффект политического дискурса и процесс формирования национального имиджа. При переводе политического дискурса переводчикам следует обращать внимание на коммуникативный эффект и формирование имиджа, чтобы способствовать позитивному проявлению национального имиджа в международном сообществе.

Это исследование служит **перспективой будущего исследования** практики перевода

политического дискурса и формирования национального имиджа. Данное исследование дает новые идеи и представления для теории и практики в области политического перевода, а также имеет важное справочное значение для повышения международного коммуникационного эффекта китайского политического дискурса и формирования национального имиджа.

Библиография

1. Гу Цзин, Чжэн Юаньхуэй. Перевод китайского политического дискурса в рамках Глобальной цивилизационной инициативы: полифонический диалог и посредничество // Шанхайский перевод. – 2024. – Т. 174. – №. 1. – С. 30.
2. Хуан Юци, Лань Хунцзюнь. Изменение семантики отношения в практике перевода национального политического дискурса Китая за последние 20 лет // Журнал Пекинского второго института иностранных языков. – С. 1.
3. Лю Фан. Размышления о «дискуссии о литературной изящности» в истории перевода китайских буддийских сутр – на примере Чжи Цянь из школы «литературной изящности» // Китайский перевод. – 2018. – Т. 39. – №. 3. – С. 28-33.
4. Хуан Кэу и др. Янь Фу и культурная трансформация современного Китая // Журнал Восточно-Китайского педагогического университета (философия и социальные науки). – 2011. – Т. 43. – №. 1. – С. 83.
5. Юэ Фэн. Перевод китайских текстов на иностранные языки и их распространение на Западе. – BEIJING BOOK CO. INC., 2018.
6. Бе Фанфан, Хуан Цинь. Сравнительное исследование переводческих принципов Долле и Тайтлера // Образование на иностранных языках. – 2007. – №. 1. – С. 163-168.
7. Цай И. Лингвистическая школа теории перевода – представление книги Бальхударова «Язык и перевод» // Китайский перевод. – 1982. – Т. 6.
8. Му Лэй. Обзор книги Кэтфорд «Лингвистическая теория перевода» // Преподавание иностранных языков. – 1990. – №. 2. – С. 37-42.
9. Пэн Чжогу. Переводоведение: создание новой научной дисциплины. – Пекинское издательство библиотек, 2000.
10. Тао Юань. Создание и исследование параллельного корпуса русско-китайских гуманитарных и социальных научных текстов // Сборник. – 2014. – Т. 1.
11. Лу Хуань. Краткий обзор «Теории и техники перевода с русского на китайский» // Современные иностранные языки. – 1987. – Т. 3.
12. Чжу Бо. Стратегический взгляд на перевод: пример проекта «Ключевые слова Китая» // Современные исследования иностранных языков. – 2020. – Т. 20. – №. 2. – С. 111.
13. Булычева С. Ф. Перевод политического текста в аспекте межкультурной коммуникации // Lingua mobilis. – 2009. – №. 2 (16). – С. 136-141.
14. Морозов Е. А. Проблемы перевода политического текста (на примере речи ВВ Путина) // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2016. – Т. 2. – С. 233-236.
15. Бродский М. Ю. Политический дискурс и перевод // Политическая лингвистика. – 2011. – №. 1. – С. 103-111.
16. Гейко Н. Р. Политический текст как объект перевода // Lingua mobilis. – 2013. – № 7 (46). – С. 56-61.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность рецензируемой статьи заключается в том, что «в условиях цифровой эпохи формирование национального имиджа и практика перевода политического дискурса стали актуальными вопросами в сфере международных отношений. Распространение и понимание политического дискурса на международной арене напрямую влияет на формирование и распространение национального имиджа». Автор обращает внимание на вопрос формирования национального имиджа и практику перевода китайского политического дискурса. Считаю, что выбранный вектор достаточно интересен, востребованность рассмотрения этой темы налична. Во вводной части четко прописана цель исследования, задачи, что, несомненно, важно для научного изыскания: «цель работы – изучить взаимосвязь между переводом политических текстов и формированием имиджа страны путем анализа практики перевода китайского политического дискурса, а также выдвинуть соответствующие предложения и стратегии, чтобы обеспечить новые перспективы и идеи для академических исследований в области политической коммуникации». Длинный материал можно использовать в качестве некоего образчика при написании работ смежной направленности. Теоретическая основа работы базируется на теории перевода, которая охватывает верность и трансформацию перевода. Концепция верности перевода обсуждалась в Китае с первых дней перевода буддийских писаний, например, «следование первоначальной цели, без приукрашивания» в Предисловии к «Посланиям Дхармы» Чжи Цяня[3], «Верность, дада и элегантность» Янь Фу[4], «Верность, гладкость и красота» Линь Ютана, «Верность, гладкость и красота» Линь Ютана, «Верность, гладкость и красота» Линь Ютана, и «Верность, гладкость и красота» Линь Ютана...». Видно, что систематизация источников сделана объективно, правильно, полномерно. Текст работы дробится на смысловые блоки, это удобно для восприятия материала. Автор строго следует формату научного сочинения, планомерно ведет анализ-рассуждение. Стиль соотносится с собственно академическим типом научного повествования: например, «при переводе дипломатических коммюнике следует не только стремиться к высокой степени точности и сжатости языковых выражений и правильному использованию временных форм, но и уделять больше внимания политике и серьезности содержания, внимательно следить за содержанием оригинального подтекста, особенно за подразумеваемым политическим значением оригинального текста, тщательно подбирать синонимы и стараться найти форму выражения, приемлемую для обеих сторон, не теряя при этом принципиальности и принципиальности». Серьезные фактические недочеты не выявлены, спорных фраз-размышлений практически нет. Основная тема раскрывается на протяжении всей статьи; считаю, что автору удалось сформировать т.н. эффект диалога. Ряд позиций, на мой взгляд, можно продолжить развивать в новых трудах данной тематической направленности: например, «перевод дипломатических коммюнике затрагивает национальные интересы и требует правильной позиции и политической чувствительности в процессе перевода. По этой причине мы должны придавать большое значение переводу и передаче идеологии, заложенной в лексике, обращать внимание на нюансы при выборе синонимов и стараться найти формы выражения и язык, приемлемые для обеих сторон, не теряя при этом своих принципов и позиций». Термины и понятия, которые используются в тексте статьи унифицированы, главная положительная черта рецензируемого труда заключается в умении автора доказательно расшифровать суть вопроса, аргументировать собственную точку зрения. Примеров в работе достаточно, они даются по мере важности, по ситуации использования: «В переводе заголовков дипломатического коммюнике обычно содержит три фактора: "организация, выпустившая коммюнике, причина его выпуска и тип документа", причем в русском переводе тип документа должен быть поставлен на первое место. Примеры приведены ниже (3)-(5): (3)中华人民共和国、印度共和国和俄罗斯联邦外交部长会

晤联合公报。 Совместное коммюнике по итогам трехсторонней встречи министров иностранных дел Китайской Народной Республики, Республики Индия и Российской Федерации (4)中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国联合公报

Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Казахстан (5)中华人民共和国政府和乌兹别克斯坦共和国政府联合公报

Совместное коммюнике между правительством Китайской Народной Республики и правительством Республики Узбекистан...». Тип оценочной аналитики при рассмотрении указанной темы, мне кажется, удачным. Например, «чтобы рассказать хорошую китайскую историю о "ключевых словах Китая", необходимо построить систему дискурса, объединяющую Китай и зарубежные страны, и осуществлять систематическую интерпретацию, объяснение и многоязычную публикацию, чтобы создать многоязычное окно и платформу для международного сообщества, позволяющую лучше понять идеи и основные концепции развития современного Китая, а затем сформировать национальный имидж и повысить статус международного дискурса». Информация, которая подвергается анализу / оценке имеет обще открытый характер: «Президент России Владимир Путин однажды сказал: "Инициатива "Пояс и путь" актуальна, интересна и перспективна, она направлена на ускорение глобального экономического роста и развитие международного экономического сотрудничества"(Путин: России и КНР надо снимать барьеры для работы в рамках Шелкового пути, РИА Новости, 23.06.2016.). Премьер-министр России Дмитрий Медведев отметил, что "сопряжение инициативы "Пояс и путь" со строительством России и Евразийского экономического союза может принести огромные экономические дивиденды обеим сторонам и создать дополнительные возможности для развития Китая, России и даже остальных стран Евразийского экономического союза. "(Медведев: Проект " Шелкового пути" является партнерским для России, РИА Новости, 22.08.2015.). Привлекает в тексте и ряд т.н. «рекомендаций», они удобны как опытным переводчикам, так и только начинающим. Например, «перевод - это творческая деятельность по передаче мыслительного содержания и художественного стиля, выраженных в одном языке и тексте, на другой язык и текст точно и правильно. Переводчики должны вникать в оригинальный текст при его чтении и убедиться, что они понимают его слово в слово, но они должны выпрыгивать из него при выражении мысли и не должны переводить его слово в слово...» и т.д. Итоги работы подводятся с учетом наработок и полученных данных, противоречий в этой части нет: в частности отмечено, что «формирование и распространение национального имиджа. Являясь важным инструментом внешней коммуникации страны, дипломатические коммюнике играют важную роль на международной арене. Анализируя перевод текстов дипломатических коммюнике, мы можем лучше понять коммуникативный эффект политического дискурса и процесс формирования национального имиджа. При переводе политического дискурса переводчикам следует обращать внимание на коммуникативный эффект и формирование имиджа, чтобы способствовать позитивному проявлению национального имиджа в международном сообществе». Работа имеет законченный вид, она самостоятельна, оригинальна. Общие требования издания учтены. Рекомендую статью «Формирование национального имиджа и практика перевода китайского политического дискурса в контексте цифровой эпохи - на примере китайских дипломатических коммюнике» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэнь К. Характеристики и перевод метафорического языка в текстах традиционной китайской медицины // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70840 EDN: DLADQM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70840

Характеристики и перевод метафорического языка в текстах традиционной китайской медицины

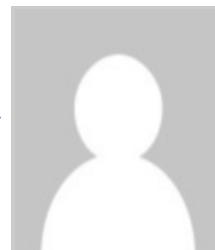
Чэнь Ко

ORCID: 0009-0004-6334-8351

аспирант; кафедра иностранных языков филологического факультета; Российский университет дружбы народов

119361, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2а

✉ kuo.chen@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70840

EDN:

DLADQM

Дата направления статьи в редакцию:

24-05-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению характеристик метафорического языка и его перевода в текстах традиционной китайской медицины. Предметом исследования данной статьи является метафорический язык в текстах ТКМ. Метафорический язык в текстах ТКМ обладает уникальным очарованием выражения, и его характеристики определяют, что перевод должен быть сосредоточен на межкультурной коммуникации и интерпретации смысла, чтобы способствовать широкому пониманию китайских медицинских знаний. Цель исследования – изучить, как точно расшифровать метафорический язык и передать коннотацию этих метафорических выражений, чтобы способствовать эффективному распространению культуры ТКМ в межкультурной коммуникации. А также – уменьшить количество недоразумений, вызванных культурными и языковыми различиями, повысить качество и точность переводов текстов ТКМ, построить лучший лингвистический мост для ТКМ в мир и дать возможность большому количеству людей во всем мире оценить уникальное очарование и глубокую ценность мудрости ТКМ. С точки зрения методологии исследования, в данной работе используется

метод изучения литературы – обширный сбор соответствующей информации и подробная интерпретация типичных метафорических выражений, а также метод сопоставительного анализа – сравнение различий в использовании метафорического языка в разных литературах. Научная новизна отражена в глубокой интерпретации и переводе метафор ТКМ. Благодаря глубокому изучению теорий и практик ТКМ научные принципы, лежащие в основе метафор, раскрываются и представляются читателям в более ясном и точном виде. В то же время такие инновационные методы перевода, как метод буквального перевода с комментариями, метод вольного перевода и др., позволяют читателям лучше понять уникальный смысл и ценность метафор ТКМ. В результате глубокого анализа выясняется, что метафорический язык обладает такими важными характеристиками, как образность, культурная релевантность и полисемия, и является важным когнитивным подходом и средством в китайской медицине и в то же время не только воплощает в себе особое описание физиологических явлений, но и уникальный когнитивный маркер альтернативной психофизиологической коммуникации.

Ключевые слова:

Традиционная китайская медицина, метафора, метафорический язык ТКМ, когнитивная метафора, когнитивная лингвистика, методы перевода, межкультурная коммуникация, тексты ТКМ, расшифровка, характеристика метафоры ТКМ

Введение

С ростом международного влияния Китая на мировой арене традиционная культура Китая также получает все больше внимания и признания со стороны стран всего мира, а традиционная китайская медицина, как важная часть превосходной традиционной культуры Китая, также получает внимание со стороны стран всего мира.

Благодаря развитию когнитивной лингвистики метафора была воспринята как основа человеческого мышления. В огромном море традиционных китайских медицинских текстов метафоры в языке китайской медицины подобны яркой жемчужине, излучающей неповторимое очарование и мудрость. Эти метафоры являются не только важными носителями теории и практики ТКМ, но и яркими воплощениями традиционной китайской культуры.

Метафорический язык в традиционных китайских медицинских текстах имеет отличительные характеристики. Он часто бывает образным, ярким и фантазийным, чтобы сделать абстрактные и сложные медицинские понятия конкретными и осязаемыми, объяснить сложную физиологию человека, патологические явления, методы лечения и т. д. Эти метафоры не только содержат глубокие культурные коннотации, но и ярко отражают способ мышления и когнитивный подход ТКМ. Эта форма языка способна глубоко передать глубокие медицинские знания, а также придать поэтический колорит знаниям о китайской медицине.

Однако именно его уникальность и культурные особенности представляют собой большую проблему для перевода. Точный перевод этого метафорического языка имеет важнейшее значение для содействия международному распространению и обмену ТКМ. Это не только касается того, можно ли точно передать тонкости ТКМ всему миру, но и влияет на понимание и принятие ТКМ в разных культурах.

В данной статье подробно рассматриваются характеристики метафорического языка в

традиционных китайских медицинских текстах, анализируется культурное значение и логика мышления, лежащая в их основе, а также ведется поиск соответствующих стратегий и методов перевода, чтобы построить мост между китайской медициной и миром, чтобы древняя мудрость китайской медицины могла расцвести в новой славе в мире.

Основными материалами данной работы являются классические труды по китайской медицине: такие как «Хуан-Ди нэй-цзин» («Трактат Жёлтого императора о внутреннем»), «Шан хань цза бин лунь» («Трактат о разных лихорадочных состояниях, вызванных холодом» и т.д., в которых содержится большое количество выражений с метафорами, а также теоретические исследования китайской медицины: ряд книг, специализирующихся на изучении теорий китайской медицины и особенностей языка. В основном интерпретируются метафорические выражения в вышеупомянутых традиционных китайских медицинских текстах и исследуется перевод метафорического языка с использованием традиционных китайских медицинских теорий в качестве руководства.

Результат и их обсуждение

Т. В. Жеребило в своём словаре лингвистических терминов даёт следующее определение: «Метафора [перенос]. Перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства» [\[3, с.192\]](#). В удивительном мире языка метафора - это таинственный и чарующий мост, соединяющий различные концептуальные и когнитивные области. Метафорический язык, как тщательно поставленный хореографический спектакль, ловко соединяет, казалось бы, несвязанные вещи между собой, вызывает у людей новое понимание и восприятие мира, незаметно вливается в наше повседневное общение, литературное творчество, научные дискуссии и другие сферы, придавая языку бесконечное очарование и глубину.

Традиционная китайская медицина (ТКМ), как традиционная медицинская система с многовековой историей, содержит богатые и уникальные языковые выражения в своей теории и практике. Среди них метафорический язык, подобно яркой жемчужине, проходит через все аспекты китайской медицины. Метафорический язык в традиционной китайской медицине - это не только стилистические средства, но и важный инструмент, используемый врачами ТКМ для разработки сложных медицинских концепций, раскрытия тайн человеческого тела и описания патофизиологических явлений. Благодаря своей образности, живости и глубокому смыслу он придает теориям китайской медицины особое очарование и жизненную силу. Метафорический язык можно встретить в китайских медицинских текстах повсюду, он ловко связывает классическую китайскую философию, природные явления и предметы повседневной жизни с внутренними органами, ци и кровью, меридианами человеческого тела, создавая уникальную когнитивную систему. Благодаря углубленному изучению этих метафорических языков люди могут лучше понять **следующие характеристики** метафорического языка китайской медицины и оценить глубокое наследие китайской медицинской культуры:

1. Глубокая культурная коннотация: метафорический язык в текстах ТКМ тесно связан с традиционной китайской культурой, воплощая в себе уникальные философские мысли и культурные концепции.

Если выдающуюся традиционную китайскую культуру сравнить с большим деревом, то классическая китайская философия и традиционная китайская медицина, несомненно, являются его важными ветвями. Конфуцианство и даосизм в классической китайской философии оказали глубокое влияние на китайскую цивилизацию, а также на

философские основы китайской медицины, медицинскую этику и стиль, систему управления, и можно сказать, что теоретическая система китайской медицины была фактически разработана на основе классической китайской философии. Например, инь и ян и пять элементов в ТКМ изначально были древнекитайскими философскими концепциями, которые впоследствии использовались в ТКМ для объяснения структуры, физиологии и патологии человеческого тела, а также для руководства клинической диагностикой и лечением. Большое количество философских терминов вошло в язык китайской медицины, и в то же время в ходе длительного исторического процесса и в уникальной культурной среде китайская медицина выработала свой особый способ выражения, который, согласно когнитивной лингвистике, понимается как метафора. Метафора - это не только лингвистический феномен, но и важный когнитивный способ и средство китайской медицины, отражающий ее уникальные знания о человеческом теле, болезнях и методах лечения, а также ее типичные культурные особенности, отражающие ее уникальный культурный опыт и социальное познание. Например, в «Трактате Жёлтого императора о внутреннем» пять элементов (металл, дерево, вода, огонь и земля) в даосизме используются для соответствия пяти человеческим органам, при этом печень относится к дереву, сердце - к огню, селезенка - к земле, легкие - к металлу, а почки - к воде. Сердце, печень, селезенка, легкие и почки - это объект метафоры, а металл, дерево, вода, огонь и земля - произвольный компонент метафоры, то метафорическая основа является общей для обоих, к примеру, в почке есть главный источник воды, вещество ощущений севера сохраняется-копится, и обладает свойством "воды" питания и сохранения, поэтому почка относится к "воде" [\[12\]](#).

2. Образность: способность выражать абстрактные и сложные медицинские понятия интуитивным и понятным способом. Метафорический язык в традиционных китайских медицинских текстах обладает сильной образностью, которая проявляется в следующих аспектах: во-первых, абстрактные медицинские понятия и теории часто выражаются с помощью конкретных и осязаемых образов. Например, природный мир "ветер" используется как метафора некоторых болезней, которые характеризуются большой изменчивостью и являются такими же непредсказуемыми и блуждающими, как ветер [\[12, с.358\]](#). «Сердце в организме выполняет функцию правителя. Из сердца исходит свет Силы сознания» [\[10, с.39\]](#). Сердце рассматривается как правитель тела, как "страна", подчеркивая главенствующее положение сердца во внутренних органах человеческого тела. Во-вторых, физиологические и патологические явления человеческого тела можно наглядно изобразить с помощью образного и метафорического языка. Например, работа ци и крови в двенадцати меридианах метафорически описывается как поток воды, так что люди могут интуитивно понять состояние работы ци и крови, а также проблемы, которые могут возникнуть. В-третьих, метафорический язык может наглядно проиллюстрировать методы и принципы лечения в китайской медицине. К примеру, такие выражения, как "扶正祛邪- Укрепление сопротивляемости тела с целью элиминации патогенетических факторов", в которых положительная ци человеческого тела рассматривается как сила справедливости, а злая ци - как вторгшийся враг, наглядно иллюстрируют принцип отражения болезни и зла путем укрепления собственной положительной ци. Образный и метафорический язык делает тексты ТКМ более заразительными и выразительными, помогает врачам лучше понять и запомнить сложные медицинские знания, а также отражает уникальный образ мышления ТКМ, который тесно связан с природой и обществом [\[12\]](#).

3. Полисемия: Основная причина полисемии метафор в текстах традиционной китайской медицины заключается в том, что одна и та же метафора может иметь разное

расширение значения в разных текстах или дискурсах, а разные врачи или школы медицины могут интерпретировать метафоры в соответствии со своим собственным пониманием и опытом при применении метафор, придавая им новые коннотации, что приводит к дальнейшему увеличению значений метафор. Например, понятие "Ци" может представлять собой движущую силу жизнедеятельности, истинную, правильную энергию Ци человеческого организма, а может обозначать определенное патологическое состояние, связанное с застоем Ци, обратным движением ци (вверх) и т.д., и его значение богато и разнообразно. С одной стороны, полисемия метафоры обогащает коннотацию и выражение теорий ТКМ, но с другой стороны, она создает определенные проблемы для точного понимания и передачи, что требует глубокого исследования и анализа, а также сочетания с конкретным контекстом и фоном теорий ТКМ для точного понимания ее значения.

После анализа характеристик метафорического языка в текстах традиционной китайской медицины, которые одновременно являются и трудностями перевода. Для того чтобы правильно справиться с характеристиками метафорического языка в процессе перевода и повысить точность перевода метафорического языка в традиционной китайской медицине, в данной статье предлагаются **следующие методы перевода метафорического языка в текстах ТКМ:**

1. Метод буквального перевода с комментариями: Максимально буквальный перевод метафорических выражений. Буквальный перевод - это способ перевода, при котором сохраняется как содержание, так и форма оригинального текста. В процессе развития человека могут существовать определенные сходства в когнитивных формах или характеристиках, а также общие черты между различными национальными культурами. Благодаря буквальному переводу читателю легче понять идеи и стиль оригинального текста. В то же время культурные коннотации и смыслы, скрывающиеся за ними, объясняются с помощью комментариев, чтобы помочь читателям на целевом языке понять их. Таким образом, сохраняются культурные коннотации языка китайской медицины, а языковые выражения становятся наглядными и яркими.

Самым непосредственным способом восприятия мира для первых людей было восприятие окружающей их природной среды. Концептуальные метафоры, связанные с природными явлениями и географическими понятиями, в изобилии встречаются в китайских медицинских текстах. Древние люди видели такие природные явления, как вода, огонь, облака, дождь и т. д., и понимали, что телесная сущность, Ци и кровь человеческого тела превращаются друг в друга, изучая таким образом закон материального метаболизма человеческого тела. В текстах ТКМ такие природные явления, как "ветер, зной, холод, жара, сырость и сухость", также используются для объяснения причин болезни и патогенеза. Все это концептуальные метафоры, уникальные для ТКМ. Например, в китайской медицине используются термины "发热-жара", "胆热-холистическая жара", "血寒-холод в крови" и "肺燥-сухость в легких". В терминологии китайской медицины географические термины могут использоваться для обозначения частей человеческого тела. Географические термины "море, пещера, колодец, ручей, долина", которые в своем первоначальном значении обозначают места и формы рельефа, можно использовать метафорически, чтобы четко выразить расположение частей человеческого тела в китайской медицине и их соответствующие характеристики. Например, "水谷之海-море воды и злаков", "谷-долина" и "溪-ручей" означают промежутки или впадины, где мышцы конечностей соприкасаются друг с другом" [\[12, 13\]](#).

«寿命无穷, 与天地终» - «долголетие его не имеет границ, и жизнь его кончается лишь

вместе с Небом и Землей» [\[10, с.271\]](#). В этом предложении использован метод буквального перевода, и общеизвестно, что жизнь не может быть бесконечной, но в древности считалось, что если человек знал способы содержать здоровье и стремился к радости и воле, то жизнь человека могла быть такой же долгой, как Небо и Земля. Поэтому древние медики использовали представление о безграничности Неба и Земли как метафору для обозначения долголетия человеческой жизни. Можно перевести предложение напрямую и при этом добавить комментарий о философских и культурных идеях древнего Китая. Это не только объясняет смысл оригинального текста, но и сохраняет форму оригинальных слов и передает полную медицинскую информацию.

2. Метод вольного перевода: Как типичный представитель китайской культуры, китайская медицина является квинтэссенцией разума и накопленным опытом китайского народа на протяжении тысячелетий, и в некоторых аспектах она сильно отличается от западной культуры. Если мы используем буквальный перевод, в процессе перевода может возникнуть отсутствие концептуального смысла или несоответствие, что влияет на формирование познания получателя и эффект от перевода. В это время, как правило, используется метод вольного перевода, перевод конкретного образа отбрасывается, то есть интерпретация, которая описывает объект метафоры опускается, а культурные коннотации выражаются напрямую, чтобы облегчить читателям понимание. Например, «**倉廩不藏者,是门户不要也**» - «Если селезенка и желудок перестают исполнять свои функции сохранения, то в результате прямая кишка тоже не выполняет своих обязанностей в организме» [\[10, с.711\]](#). Слово “**倉廩**” - это закром, но в переводе оно переведено как селезенка и желудок.

И далее, например, «**夫邪之入于脉也,寒则血凝泣...**» - «Так что если патогенные факторы попадают в каналы организма, то при воздействии холода кровь становится густой и застывает» [\[10, с.1301\]](#). Слово “**邪(气)**-вредное влияние” относится к некоторым плохим элементам, к факторам, которые вредят людям и вызывают болезни, а факторов, вызывающих болезни, очень много. Это слово является метафорой, свойственной теории китайской медицины, и ему трудно найти эквивалент в переводе, что делает необходимым поиск содержащихся в нем культурных коннотаций к соответствующим понятиям в русской культуре, чтобы читатель их понял.

3. Метод транскрипции с примечанием при переводе: транскрибируются некоторые уникальные метафоры в текстах ТКМ с примечаниями, поясняющими их метафорический смысл. Например, «**阴阳者, 血气之男女也**» - «Инь и Ян - это мужское и женское для крови и Силы дахания» [\[10, с.261\]](#). Среди них Инь и Ян - два чрезвычайно абстрактных понятия, невидимые, безмолвные и бесцветные, но сравнение с очень знакомыми ци и кровью, мужчинами и женщинами делает их понятными для людей с первого взгляда. Слова “**инь и ян**” и “**пять элементов**” - понятия, уникальные для теории китайской медицины, но в переводе им нет эквивалентных слов. Необходимо использовать этот метод, чтобы транскрибировать такие метафоры и объяснять их смысл.

При переводе следует обратить внимание на явление метафоры, понять значение метафоры в оригинальном тексте и гибко комбинировать вышеперечисленные методы в зависимости от конкретной ситуации, чтобы достичь баланса между точной передачей и понятностью. Одним словом, необходимо уважать оригинальный текст и максимально восстанавливать стиль оригинального текста.

Заключение

Перевод традиционных китайских медицинских текстов - это потребность самих китайских

медицинских текстов. Классические тексты, т.е. классика, - это драгоценное богатство, оставленное предками будущим поколениям и являющееся важным культурным наследием человечества. Переводы можно рассматривать как продолжение жизни оригинальных текстов, и, благодаря их переводу на иностранные языки, иностранцы могут понять глубокие принципы китайской медицины и китайской культуры, а также продолжить жизнь оригинальных текстов. Важной частью великолепной сокровищницы китайской традиционной культуры является традиционная китайская медицина, которая непрерывно практикуется и прогрессивно развивается на протяжении многих поколений, и имеет свой собственный уникальный исторический и культурный фон, особенно различные способы мышления и культурные факторы, скрытые за языком, которые делают метафоры трудными для понимания, тем самым увеличивая сложность их перевода. Развитие когнитивной лингвистики помогло людям глубже понять когнитивные метафоры, поэтому необходимо расшифровать метафоры в текстах ТКМ с когнитивной ориентацией и интегрировать их с научной точки зрения. В то же время необходимо утвердиться, что статус и влияние ТКМ не могут быть поколеблены, защищать её как традиционную и прекрасную культуру и продолжать проводить тщательные исследования, чтобы она могла играть более значительную роль в деле охраны здоровья людей.

В целом перевод текстов ТКМ будет в большей степени способствовать поддержанию медицинского статуса китайской медицины, что является важнейшим процессом распространения культуры. Многие такие тексты ТКМ, как «Трактат Жёлтого императора о внутреннем», «Трактат о разных лихорадочных состояниях, вызванных холодом» и т.д., представляют собой высшую область теории ТКМ и обладают уникальными языковыми характеристиками и способами выражения, богатыми метафорическими явлениями. При переводе метафорического языка в текстах ТКМ точное понимание его образности, культурной релевантности и полисемии, а также выбор соответствующих методов и подходов могут сделать межкультурную когнитивную деятельность хорошо понятной, а передачу информации более совершенной, чтобы больше людей могли понять знания ТКМ, принять культуру ТКМ и укрепить статус ТКМ в медицине в рамках общей тенденции медицинских обменов между Востоком и Западом.

Библиография

1. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
2. Ван Хайянь, Кузьменко Г. Н. Проблема научного статуса традиционной китайской медицины в КНР // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. №1 (45). С. 68-78.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. Учебник. М.: РГГУ, 2007. 559 с.
5. Зубкова. О. С. Метафора в философской парадигме // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск: КГУ, 2010. №1(13). С. 47-56.
6. Кимов Р. С. Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира [Текст]. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2010. 182 с.
7. Макашова В. В. Когнитивная теория метафоры А.Н. БАРАНОВА // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. №5. С. 1122-1129.
8. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. Минск: ТетраСистемс, 2004. 255 с.

9. Слесаренко. З. Р. Культурология и межкультурные коммуникации : учебное пособие. В 2 частях. Часть I. Теория культуры. Казань: КГЭУ, 2021. 126 с.
10. Трактат Желтого императора о внутреннем. Том первый: Вопросы о простейшем / Под ред. Яо Чуньпэна; пер. с кит. Б. Б. Виногородского. М.: Шанс, 2024. 495 с.
11. Трактат Желтого императора о внутреннем. Том второй: Ось духа / Под ред. Яо Чуньпэна; пер. с кит. Б. Б. Виногородского. М.: Шанс, 2024. 335 с.
12. 黄帝内经 // 上:素问.下:灵枢 – 北京:中华书局, 2022年.1471 页. (Трактат Жёлтого императора о внутреннем // первая часть: Вопросы о простейшем. Вторая часть: Ось духа. Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2022. 1471 с.)
13. 张仲景. 伤寒论. 北京市:人民卫生出版社.2005年.198页 (Чжан Чжунцзин. Трактат о болезнях, вызванных холодом. Пекин: Издательство "Народное здоровье". 2005. 198 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема, выбранная для статьи, не так часто встречается в массе научных изысканий. Метафорический язык в текстах народной медицины как основной вопрос заявлен в заголовке. Отмечу, что предметная область соотносится с одной из рубрик журнала; материал интересен, научно сложен, точка зрения автора в работе высказывается верно. В начале работы обозначено, что «метафорический язык в традиционных китайских медицинских текстах имеет отличительные характеристики. Он часто бывает образным, ярким и фантазийным, чтобы сделать абстрактные и сложные медицинские понятия конкретными и осязаемыми, объяснить сложную физиологию человека, патологические явления, методы лечения и т. д. Эти метафоры не только содержат глубокие культурные коннотации, но и ярко отражают способ мышления и когнитивный подход ТКМ. Эта форма языка способна глубоко передать глубокие медицинские знания, а также придать поэтический колорит знаниям о китайской медицине». Цель работы и задачи конкретизированы: в статье рассматриваются характеристики метафорического языка в традиционных китайских медицинских текстах, анализируется культурное значение и логика мышления, лежащая в их основе, а также ведется поиск соответствующих стратегий и методов перевода, чтобы построить мост между китайской медициной и миром, чтобы древняя мудрость китайской медицины могла расцвести в новой славе в мире. Языковая база, на мой взгляд, также уместна выбрана, основными «материалами работы являются классические труды по китайской медицине: такие как «Хуан-Ди нэй-цзин» («Трактат Жёлтого императора о внутреннем»), «Шан хань цза бин лунь» («Трактат о разных лихорадочных состояниях, вызванных холодом» и т.д., в которых содержится большое количество выражений с метафорами, а также теоретические исследования китайской медицины: ряд книг, специализирующихся на изучении теорий китайской медицины и особенностей языка». Текст дробится на смысловые блоки, этой удобно при восприятии труда, потенциально заинтересованный читатель сможет двигаться по ходу текста вслед за автором. Методы анализа метафорического языка не противоречат базовым лингвистическим принципам оценки. Фактических нарушений в тексте не выявлено, практический характер работы наличен. Суждения по ходу текста выверены, они объективны: например, «традиционная китайская медицина (ТКМ), как традиционная медицинская система с многовековой историей, содержит богатые и уникальные языковые выражения в своей теории и практике. Среди них метафорический язык, подобно яркой жемчужине, проходит через все аспекты китайской медицины. Метафорический язык в традиционной китайской

медицине - это не только стилистические средства, но и важный инструмент, используемый врачами ТКМ для разработки сложных медицинских концепций, раскрытия тайн человеческого тела и описания патофизиологических явлений», или «Полисемия: Основная причина полисемии метафор в текстах традиционной китайской медицины заключается в том, что одна и та же метафора может иметь разное расширение значения в разных текстах или дискурсах, а разные врачи или школы медицины могут интерпретировать метафоры в соответствии со своим собственным пониманием и опытом при применении метафор, придавая им новые коннотации, что приводит к дальнейшему увеличению значений метафор» и т.д. Верно включаются в работу фрагменты-оригиналы: «в текстах ТКМ такие природные явления, как "ветер, зной, холод, жара, сырость и сухость", также используются для объяснения причин болезни и патогенеза. Все это концептуальные метафоры, уникальные для ТКМ. Например, в китайской медицине используются термины "发热-жара", "胆热-холистическая жара", "血寒-холод в крови" и "肺燥-сухость в легких". В терминологии китайской медицины географические термины могут использоваться для обозначения частей человеческого тела». Считаю, что иллюстративный фон достаточен: «например, в «трактате Жёлтого императора о внутреннем» пять элементов (металл, дерево, вода, огонь и земля) в даосизме используются для соответствия пяти человеческим органам, при этом печень относится к дереву, сердце - к огню, селезенка - к земле, легкие - к металлу, а почки - к воде. Сердце, печень, селезенка, легкие и почки - это объект метафоры, а металл, дерево, вода, огонь и земля - произвольный компонент метафоры, то метафорическая основа является общей для обоих, к примеру, в почке есть главный источник воды, вещество ощущений севера сохраняется-копится, и обладает свойством "воды" питания и сохранения, поэтому почка относится к "воде"». Статья имеет также ряд рекомендаций при переводе метафорического языка, что определяет ее научную новизну. Например, «при переводе следует обратить внимание на явление метафоры, понять значение метафоры в оригинальном тексте и гибко комбинировать вышеперечисленные методы в зависимости от конкретной ситуации, чтобы достичь баланса между точной передачей и понятностью. Одним словом, необходимо уважать оригинальный текст и максимально восстанавливать стиль оригинального текста». Материал выверен, его можно использовать при изучении ряда гуманитарных дисциплин; формальные требования издания учтены, цель исследования достигнута. В итоговом блоке отмечено, что «в целом перевод текстов ТКМ будет в большей степени способствовать поддержанию медицинского статуса китайской медицины, что является важнейшим процессом распространения культуры. Многие такие тексты ТКМ, как «Трактат Жёлтого императора о внутреннем», «Трактат о разных лихорадочных состояниях, вызванных холодом» и т.д., представляют собой высшую область теории ТКМ и обладают уникальными языковыми характеристиками и способами выражения, богатыми метафорическими явлениями. При переводе метафорического языка в текстах ТКМ точное понимание его образности, культурной релевантности и полисемии, а также выбор соответствующих методов и подходов могут сделать межкультурную когнитивную деятельность хорошо понятной, а передачу информации более совершенной...». Библиографический список объемён, он весь фактически используется в работе. Стиль сочинения ориентирован на научный тип, материал информативен, точен. Рекомендую статью «Характеристики и перевод метафорического языка в текстах традиционной китайской медицины» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Минасян С.В. Русские писатели во французской прессе рубежа XIX-XX веков на примере газеты «L'Aurore» // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71085 EDN: CZCKZX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71085

Русские писатели во французской прессе рубежа XIX-XX веков на примере газеты «L'Aurore»

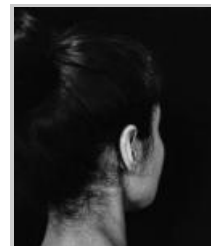
Минасян София Витальевна

ORCID: 0000-0002-5169-2161

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник, доцент, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

344022, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пер. Журавлева, 102/105, оф. 128

✉ suffi@mail.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.71085

EDN:

CZCKZX

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Аннотация: Предмет исследования – интерес французской социалистической прессы на рубеже XIX-XX веков к духовно-политической позиции русских писателей (на примере социалистической газеты « L'Aurore » («Заря»)) . Статья посвящена актуальной теме – франко-российским культурным связям на основе анализа присутствия русской литературы и имен русских писателей на страницах массовых изданий. Повышенный интерес к России во Франции возникает в период, когда пресса расширяет сферы влияния, в том числе, и политические. С 1870 г. статьи о России начинают регулярно появляться более, чем в 350 специализированных периодических изданиях, посвященных культуре и литературе. Целью работы является анализ и обобщение смыслового содержания опубликованных текстов в ракурсе определения их следования заданному политическому курсу и идеи ангажированности. Материал подбирался методом направленной выборки, сбора и классификации статей с учетом особо пристального внимания редакторов к таким писателям, как Ф.М. Достоевский, Лев

Толстой, Максим Горький. Методология исследования носит комплексный характер и включает в себя контент-анализ с использованием биографического, историко-культурного и сравнительного метода, определения политической ориентации издания, выявления характеристик авторов публикаций, литературоведческого анализа различных документов, в том числе, произведений, писем, дневников, обращений писателей, позиции которых освещаются на страницах газеты. Особым вкладом автора в исследование темы является экспликация пристального внимания западной прессы, особенно левого толка, к позиции русских писателей, что служило привлечению интереса массового читателя к их произведениям. Однако основной вывод автора заключается в том, что движущим стимулом обращения прессы к именам великих мыслителей являлось утверждение социалистических идеалов и идеи ангажированности писателя, его единения с народом и противостояния власти. Толстой, Достоевский, Горький и др. и их произведения возникали на страницах газеты, чтобы утвердить антимилитаризм и антинационализм, обрушиться на царизм в России и призывать к революционному бунту. Новизна работы определяется скрупулезным отбором соответствующего материала и практическим освоением данной темы, которая до сих пор оставалась вне поля исследований других авторов.

Ключевые слова:

французская периодика, социалистическая пресса, газета Заря, русская литература, рубеж веков, Лев Толстой, Максим Горький, Федор Достоевский, дело Дрейфуса, ангажированность

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01832 «Русская литература в интеллектуальной жизни Франции рубежа XIX-XX веков» : <https://rscf.ru/project/23-28-01832/>

Введение

Рубеж веков является золотым периодом в истории прессы, когда печатные издания остаются единственным средством массовой информации. Если индустриализация прессы начинается еще во времена Второй империи [1,2,3], то цензура отодвигает ее реальное развитие на длительный срок. Лишь 29 июля 1881 г. выходит закон, который отдает власть в руки «газетчиков». Провозглашается свобода печати и распространения. Народные массы, благодаря появлению разовой продажи по пять сантимов за номер, получают доступ к прессе. Пресса выходит на улицы, оседая в киосках и на железнодорожных станциях. С 1880 по 1899 гг. на территории столицы количество печатных изданий вырастает с 900 до 1800, а к 1910 г. достигает 2753 наименований [4].

Становление свободы прессы приходится на время идеологических поисков самого разного направления: от монархо-синдикализма до иудейского анархизма. Столкновение идеологических установок приводит к разделению на газеты левого и правого толка. Политическая принадлежность становится обязательной составляющей печати того времени, будь то литературная, экономическая или социальная газета.

Газета «L'Aurore» придерживалась левых взглядов. Ее основатель – Эрнест Воган (1841-1929) с 1881 по 1888 гг. руководил газетой «L'Intransigeant» («Бескомпромиссность», 1880-1948), которая первоначально боролась за равноправие, но вскоре сменила

идеологический курс в сторону правой прессы и национализма. Неудавшуюся первую попытку Воган воплотит в «L'Aurore». Соратниками Э. Вогана стали Урбэн Гойе (1862-1951), бывший редактор газеты «Le Soleil» («Солнце», 1873-1922), антимилитарист, антисемит и «монархо-социалист»; Жорж Клемансо (1841-1929), республиканец, будущий премьер-министр Франции, выступавший за антиколониальную и антиклерикальную политику страны. Редакторами газеты были Артур Ранк (1831-1908), республиканец, сенатор, франкмасон, и Бернар Лазар (1865-1903), анархист и теоретик либертарианского сионизма. Так что политические взгляды представителей этого издания были весьма разнообразны.

Кульминационным моментом в этом противостоянии левой и правой прессы можно считать освещение событий по делу Дрейфуса. «L'Aurore» навсегда вошла в историю прессы как издание, на страницах которого 13 января 1898 г. был опубликован памфлет Эмиля Золя «Я обвиняю» («J'accuse...!»)^[5] в защиту офицера французской армии Альфреда Дрейфуса, обвиненного в шпионаже. У. Гойе поддерживал Дрейфуса, руководствуясь своими антимилитаристскими взглядами. Для Ж. Клемансо дело Дрейфуса стало, в частности, исследованием положения дел во французской армии. Именно он предложил название для статьи Золя. С 1899 по 1903 гг. было опубликовано около 700 статей по делу Дрейфуса.

Статья Золя не просто засвидетельствовала идеологический раскол, она послужила импульсом для категории образованных людей громко заявить о своем несогласии и занять активное оппозиционное мнение. С этого момента, в обиход входит понятие «интеллектуал», которое имеет яркую социальную направленность. Начиная со следующего выпуска, «L'Aurore» каждый день публикует подписи известных людей (Э. Золя, А. Франс, М. Пруст, Л. Блюм и др.) с требованием пересмотреть дело Дрейфуса^{[6][24]}. Уже 23 января 1898 г. Ж. Клемансо создает тенденцию, используя в своей статье слово «интеллектуал», которое он выделяет курсивом^[7]. Спустя неделю, в газете «Le Journal» («Газета») выйдет ответная реакция придерживающегося националистических взглядов писателя Мориса Барреса (1862-1923): он назовет «этих мнимых интеллектуалов губительными отходами в усилия общества сформировать элиту» («Ces prétendus intellectuels sont un déchet fatal dans l'effort tenté par la société pour créer une élite»^[8, с.1].

Таким образом, с подачи «L'Aurore» в прессе завяжется борьба мнений, главной движущей силой которой станет идея ангажированности. Интеллектуал рубежа веков имеет активную политическую позицию и понимается как «человек культуры, творец или посредник, оказавшийся в положении политика, производителя или потребителя идеологии» («un homme du culturel, créateur ou médiateur, mis en situation d'homme politique, producteur ou consommateur d'idéologie»)^[10, с.10]. Интеллектуал, в общем, и писатель-интеллектуал, в частности, несет ответственность за идейные ценности поколения. Начиная с 1898 г., авторы статей «L'Aurore» регулярно рассуждают о том, что определяет интеллектуала, каковы его моральные ценности и обязанности перед обществом. Поскольку с 1870 г. статьи о России и русских писателях начинают регулярно появляться в более чем 350 специализированных периодических изданиях, посвященных культуре и литературе^[11, т.70, с.162-163], в ряде публикаций русские писатели неизбежно становятся орудием пропаганды.

Упоминание русских писателей и их произведений на страницах «L'Aurore», как правило, по умолчанию, несет в себе идею ангажированности и имеет политическую

окраску. Анализ статей газеты, начиная с 1898 г., позволяет проследить, какую роль отводила социалистическая пресса русским писателям, какое видение русского писателя она имела и как использовала их образ, биографию и творчество для продвижения своей идеологии. Этим объясняется и выборочный интерес газеты: одни русские писатели появляются на ее страницах с завидной регулярностью, другие же упоминаются редко. Выбор делался в пользу авторов, чьи убеждения и заявления соответствовали взглядам, разделяемым в газете, или могли быть оспорены. Ведь именно русская литература «заставила старый свет вздрогнуть от новой волны справедливости и сострадания» («qui a communiqué à notre vieille Europe un frisson nouveau de justice et de pitié») [12].

Основная часть

Образы русских писателей служат « L'Aurore » для пропаганды *идеи бунта* и альтернативного развития общества. Так, с мая по сентябрь 1901 г. в газете публикуются пропагандистские письма «Глас мужика», адресованные молодежи России и подписанные псевдонимом Moujik (Мужик) [13-17]. Он призывает не к свержению царя, а к уничтожению царизма, как такового. В поисках поддержки своего гнева со стороны французской публики он несколько раз упоминает, что в возрасте 19 лет Николай II оскорбил память Виктора Гюго, сказав, что не понимает, зачем во Франции организовали национальные похороны человеку, который умер, «как собака» («comme un chien») [13,14]. По мнению Мужика, крестьянская реформа 1861 г. была сделана не Александром II, а русскими писателями. Заслуга отмены крепостного права принадлежит А.Н. Радищеву («Путешествие из Петербурга в Москву»), А.И. Герцену, И.С. Тургеневу («Записки охотника»), Н.Г. Чернышевскому. Они «вынудили» царя совершить реформу, хотя от А. Леруа-Болье (1842-1912), автора «Империи царей», историка, в свое время изменившего взгляд французской общественности на Россию, не ускользнуло, что Александр II ввел ряд ключевых ограничений [13]. Мужик видит страх царизма перед силой русских писателей, говоря об их участии в России: Д.И. Писарев, брошенный в Петропавловскую крепость в 24 года, и Чернышевский, сосланный в Сибирь в 33 года, были бы живы, если бы избежали произвола со стороны власти. Мужик также упоминает Герцена, Бакунина, Тургенева, Огарева, Лаврова, Кропоткина, нашедших прибежище в Европе [16].

Газете импонирует образ русского писателя как *эталона общественной жертвы*, принесенной перу и правде, влекущей за собой голод, скитание и нищету. Решение быть писателем, по мнению « L'Aurore », это самоотречение, добровольное обречение на страдания, одиночная битва с властью. Если ситуация складывается иначе, то газета ставит под сомнение сам талант, словно гений и бунт неразделимы. Так, в номере за 11 июня 1899 г. автор анонимной заметки выражает сомнение, что Пушкин был отцом русской литературы, как принято говорить в России, называет его «кем-то вроде славянского Байрона» «...une espèce de Byron slave» [18] и уподобляет «Евгения Онегина» «Дон Жуану». Такой нелестный отзыв вызван тем, что, по мнению журналиста, Пушкин с готовностью подчинялся императору и значит, в нем не было ничего героического.

По мнению издания, путь истинного гения выстлан не славой, а лишениями. Ярким примером жертвенности журналистам служит Ф.М. Достоевский и цитата из его письма, в котором он «попрошайничает» («on l'entend mendier») [19] и просит выслать ему денег, объясняя своим друзьям, что больше не может видеть, как его жена Анна голодает.

Данный пример, взятый из « L'Aurore », преследует иную цель: не роптать на судьбу и власть, а возвеличить нужду, критикуя идею литературных премий и, в частности, предложение включить в Римскую премию литературную номинацию. Римская премия имеет долгую историю существования, с 1663 по 1968 гг. Она присуждалась юным художникам, скульпторам, архитекторам и с 1803 г. композиторам. В случае финансового покровительства, лауреат конкурса мог отправиться в Рим на срок от трёх до пяти лет.

Морис Ле Блонд (1877-1944), а вслед за ним и Сэн-Жорж дэ Буэлье (1876-1947), два друга и основателя натюризма, выражают мнение, что в их время сильные мира сего пытаются лишиться независимости юных писателей. Они соблазняют их возможностью писать, но не ради идеи, а ради награды и признания теми, кто эти награды раздает. По мнению авторов, великие умы никогда не нуждались в признании, а тяготы их жизни служили материалом их творений, помогали почувствовать читателям, что они не одиноки в своих страданиях, зажигали пламя надежды в сердцах страждущих. Так, в пафосном порыве Морис Леблон говорит, что в изгнании, а не в роскошном замке Достоевский создавал свои шедевры: «в сердце ужасной сибирской каторги он смог услышать и запомнить трагические стенания человеческого страдания» («au fond des bagnes terribles de la Sibérie, qu'il a pu entendre et retenir les plaintes tragiques de la douleur humaine») [12]. Это воспевание и романтизация боли и лишений творческой личности перекликаются не только с ангажированностью интеллектуала, но и с излюбленным французской культурой образом проклятых поэтов.

Если имя Достоевского появляется на страницах «L'Aurore» как журналистский прием, чтобы описать неопишемое, то фигура Льва Толстого возникает там, где социалистическая газета нуждается в примере *непререкаемого авторитета*. Так, 25 февраля выходит статья в поддержку Э. Золя «Книга, которую следует написать». Обрушиваясь на представителей власти, которые 23 февраля 1898 г. приговорили Э. Золя к тюремному заключению за клевету (ему удалось скрыться в Англии), автор статьи Люсьен Декав (1861-1949), писатель и один из основателей Гонкуровской премии, заканчивает свое послание поучительной, на его взгляд, историей о Толстом. Однажды придворные выразили свое недоумение царю Николаю II тем, что он терпит проповедования и увещевания Льва Толстого, на что царь отвечал: «это апостол.., я не желаю делать из него мученика» («- C'est un apôtre... j'ai pas envie d'en faire un martyr») [20]. По мнению Декава, своими действиями французские власти превратили Золя в мученика.

Очень скоро и сам Толстой высказывается в его защиту. 15 марта 1898 г. « L'Aurore » печатает мнение Толстого, который удивлен тем, что молодое поколение не поддерживает Золя в его протесте против шовинизма и антисемитизма. Позиция Золя, по мнению Толстого, доказывает Европе, что Франция сохраняет признаки цивилизованной страны, и дела там идут не так плохо, как могло казаться [21].

Л.Н. Толстой на страницах «L'Aurore»

Следует сказать, что Лев Толстой – самый упоминаемый русский писатель в газете. Его имя появляется столь часто, что позволяет проследить путь, который прочертили этому великому писателю редакторы социалистической газеты.

Изначально они отводили Льву Толстому роль человека с несоизмеримой сферой влияния на современников, чье слово было способно увлечь за собой массы. Социальная, философская, политическая позиции писателя были выгодны социалистам. В газете то и дело применяются поражающие воображение выражения: «апостол Ясной

поляны» («Apôtre de Yasnaia Poliana») [22], «учитель столь же великий для нас..., как Иисус для христиан» («Maitre aussi grand à nos yeux que... le Christ aux yeux des chrétiens») [20], «единственный истинный император России» («seul véritable empereur de Russie») [Там же] и т. д.

В 1898 г. выходит книга «Мысли Толстого» – сборник высказываний, подготовленный Осипом-Лурье на основе русских текстов писателя [23]. Газета «L'Aurore» освещает это событие. 3 ноября появляется большая статья «Антинационалист» писателя Камиля Моклера (1872-1945), в которой он выражает восторг по поводу идеи Осипа Лурье объединить около 450 мыслей и афоризмов графа Толстого в сборник по цене 50 сантимов, то есть сделать его доступным для широких масс [24]. Моклер отмечает, что книга позволяет увидеть эволюцию Толстого от романиста до моралиста и апостола, и говорит о необходимости ее внедрения в образовательный процесс. Автор указывает на универсальность личного роста и философии Толстого, которые будут понятны и полезны каждому. Моклер называет Толстого человеком, преданным идеалам демократии, прошедшим путь от элитарности до возвышенной простоты. Однако, если верить Моклеру, то правая пресса считает иначе: вместо того, чтобы говорить о его личностном росте и мудрости, пришедшей с годами, они склонны рассуждать о «печальном угасании старца» («une regrettable défaillance de vieillard») [24, с.2] и злословить о его чрезмерном увлечении религией. Подобный упрек уже возникал раньше и был направлен в адрес Эжена Мельхиора де Вогюэ (1848-1910), бывшего дипломата, члена Французской академии и популяризатора русской литературы во Франции, чье происхождение и правые взгляды вызвали острое неприятие газеты. В номере за 4 ноября 1897 г. автор заметки Декагон называет Вогюэ «какадемиком», который представил Льва Толстого «цивилизованному миру не как гения, а как графа» («Ce académicien... au monde civilisé, non comme un génie, mais comme un comte!») [25].

На новость об отлучении Толстого от церкви в феврале 1901 г. «L'Aurore» отвечает рядом статей в поддержку писателя, вновь осуждая российскую власть и подкрепляя свою точку зрения информацией о студенческих протестах на родине писателя в ответ на решение Святого Синода [26].

13 сентября 1901 г. редактор газеты Урбен Гойе публикует статью «Виват, Толстой!». Этот возглас толпы, согласно изданию, слышит Николай II во время своего визита во Францию в начале осени (четырехдневное пребывание императора и его супруги в Париже было предназначено армии и флоту, в частности, морскому смотру в Дюнкерке). На тот момент именно этот призыв символизирует революционное движение в России и прогресс. Гойе подмечает, что даже сам Толстой уже не властен над силой своего влияния: «Зачем восклицать при виде Николая: «Долой тирана! Долой виселицы! Долой кнут!» В имени Толстого, брошенном в лицо царю, заключен тот же смысл» («A quoi bon crier, sur le passage de Nicolas : « A bas le tyran ! à bas les potences ! à bas le knout ! » Le nom de Tolstoï, jeté au tsar, a le même sens») [27]. Газета довольно часто предпочитает видеть в Толстом символ социалистической и революционной пропаганды. Вместе с тем, неизбежно, это желание противоречит самой философии Толстого.

От восхваления идей «апостола Ясной поляны» в конце XIX в., с началом XX в. газета переходит к открытой критике его мировоззрения. Это связано с неприятием Толстым социализма, о котором говорят во Франции. Ромен Роллан упоминает, что русский писатель называет социалистов-интеллектуалов худшими из сторонников движения, которые любят не людей, а лишь свои идеи [28]. В статье «Толстовство» [29] от 26 марта

1901 г. редактор газеты Урбен Гойе обрушивается на Толстого уже не с литературным, но общественным осуждением, упрекая его в пропаганде бездействия, невмешательства, отступничества. Безусловно, идеи ненасильственного сопротивления, пацифистская идеология Толстого противоречат целям издания, а его нелюбовь к социалистам вынуждает последних отречься от его учений. Они намерены отвратить читателей «L'Aurore» от идей писателя, пытаются разрушить ореол, который оппозиционное сообщество раньше само создавало вокруг Толстого.

Гойе называет Толстого ложным апостолом, который сбивает революционно настроенных людей с истинного пути. Ложным потому, что, будучи великим писателем, согласно Гойе, Толстой мастерски описывает страдание, чем увлекает за собой страждущих, но конечная цель Толстого отвращает Гойе: он использует свой гений, чтобы призвать толпу к смирению и ожиданию воздаяния в иной жизни. Для автора статьи Толстой сродни церкви, так как его философия находится в услужении сильным мира сего, помогает им управлять людьми и усмирять массы. Тем не менее, Гойе предпочитает обобщения, избегая прямого обращения к Толстому: «Человек, который отвращает рабов от того, чтобы собраться вместе, вооружиться, действовать – это либо трус, либо предатель: трус хочет скрыть свою трусость за красивыми словами, а предателю платят за свою безопасность хозяева» («L'homme qui détourne les esclaves de s'organiser, de s'armer, d'agir, est un lâche ou un traître : un lâche qui veut couvrir sa lâcheté de beaux prétextes ; ou bien un traître paye pour procurer aux maîtres de sécurité») [29].

Все новые заявления Толстого настраивают газету против мыслителя. Например, отвечая на просьбу журналистов разных стран (телеграммы, письма, личные встречи) высказаться по поводу Кровавого воскресения 9 января 1905 г., которое писатель охарактеризовал как «петербургское злодеяние», Толстой сказал им то же самое [11, т. 89, с. 111], что он написал в статье «Об общественном движении» [11, т. 36, с. 156-165]. Он отрицает возможность революционного бунта, считая, что русский народ понимает революцию иначе и слишком беден, чтобы вооружаться. По его мнению, лишь небольшая часть населения желает восстания, а изменения в стране пройдут путем реформ, перемены нравов и расцвета религиозного духа [20]. Ответная реакция не заставляет себя ждать. Уже 11 февраля Александр Улар (1876-1919), специалист по истории России, обращается к Толстому с главным упреком: «Толстого как человека мы просили: «Говорите, обучайте нас», Толстому же апостолу следует сказать: «Замолчите, дайте будущему говорить»» («A Tolstoï, homme on a dit : " Parlez, instruisez-nous. " A Tolstoï, apôtre il faut dire... : " Faites silence, laissez parler l'avenir"») [30]. Согласно Улару и другим изданиям социалистического толка, в течение полувека Толстой вел за собой угнетаемые классы общества, выступал против социальной несправедливости, побуждал их к борьбе за права. Когда без видимой, а точнее, неугодной социалистам логике Толстой стал осуждать освободительные действия масс и призывать к непротивлению, когда он стал упрекать либеральное движение в том, что оно оторвано от народа и не обещает крестьянам право на землю [31], «L'Aurore» обвинила его в «литературном снобизме» и отказалась понимать и принимать Толстого, осуждающего революцию и идеологию бунта.

Сэн-Жорж де Буэлье в статье «О Толстом» от 19 января 1908 г. [32] вновь критикует писателя. Он говорит, что Толстой не мессия, не реформатор и не защитник бедных. Он избирает очерняющий тон, характеризуя все творчество и убеждения Толстого как искусственные, лицемерные и лишенные глубокого смысла. Согласно де Буэлье, в романах писателя ощущаются «беспрестанные моральные искания, но всегда без

единого проблеска» («il y a des intentions morales incessantes, mais jamais un vif éclair»)^[32]; тот факт, что Толстой не любит и не хочет прикасаться к деньгам, вовсе не означает, что он отказывается от благ, которые обеспечивает ему его доход. Для укрепления своей разоблачающей позиции автору статьи необходим другой авторитет, и он находит его в лице Достоевского. И вновь тяжелая судьба Достоевского служит журналистскому слогу. Де Буэлье сравнивает двух великих русских писателей, забывая об их главном ремесле и говоря, что, в отличие от Толстого, Достоевский всю свою жизнь страдал за свои убеждения и является настоящим мучеником. В учениях Толстого о религии и о Христе де Буэлье не видит откровения, а обещанная писателем правда оборачивается давно известными догмами, переписанными на новый лад, от них веет холодом и отстранённостью. Согласно автору статьи, мастерски графу Толстому даются лишь описания жизни светского общества, которая ему хорошо знакома, но не чуждого ему бедного сословия. Он отодвигает Толстого на второй план, выводя вперед Гоголя, Пушкина и Достоевского, называя их истинными новаторами, без которых русская литература не стала бы тем, чем она является. Автор статьи заявляет, что Толстой не любит и не понимает Христа, его видение Христа представляется ограниченным, что Достоевский раньше и глубже Толстого наполняет свое творчество любовью к Христу. Де Буэлье в своем уничижительном разборе, не смущаясь, задается вопросом: «А вообще, является ли он мыслителем?» («Au fait, est-il un penseur?») [Там же].

Таким образом, на страницах « L'Aurore » Толстой прошел путь от благоговейного преклонения и сравнения с Христом и Моисеем до обвинения в лицемерии, потакании властям, присвоения ярлыка ложного пророка. Столь часто упоминаемое прежде имя Толстого все реже появляется в газете. Если в сентябре 1898 г. газета пестрит заметками о праздновании 70-летия дня рождения Толстого в России и Европе, печатаются поздравительные письма изданий из России и Франции, говорится о том, что Толстой вдохновил Николая II на рескрипт о разоружении и мире^[33], то новость о смерти великого писателя занимает скромное место на третьей странице газеты от 21 ноября 1910 г. В заметке описаны последние часы жизни русского писателя и последние слова, произнесенные им в сознании после последнего приступа: «Миллионы людей страдают на этой земле, почему же вы, безумцы, находитесь здесь и занимаетесь мною одним?» («Il y a sur la terre des millions d'hommes qui souffrent ; pourquoi êtes-vous là fous, à vous occuper de moi seul?») ^[32]. Согласно А. Л. Толстой и другим свидетелям, тон этой фразы был иной, чем представленный газетой, он был преисполнен не гневом, а религиозным увещанием: «Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва»^[34]. Смерть великого классика и его наследие не получают широкого освещения в последующих номерах « L'Aurore », как можно было ожидать. Социалистическая газета предаёт Толстого забвению.

Максим Горький и социалистическая пресса

Если Лев Толстой удерживает лидерство по числу упоминаний в «L'Aurore», то второе место принадлежит Максиму Горькому. Особое положение Толстого и Горького находит лишнее подтверждение, когда в ноябре 1908 г. газета запускает рекламу продажи гравюр с изображением известных личностей. Список имен состоит преимущественно из французских деятелей (Эмиль Золя, Клемансо, Вальдек-Руссо, Анатоль Франс, Октав Мирбо, Марселен Бертело, Дюкло, Огюст Бланки, Эмиль Комб) за исключением двух иностранных представителей: Льва Толстого и Максима Горького, что подтверждает их популярность в социалистической среде.

1 марта 1902 г. на первой полосе выходит большая статья журналиста и политического деятеля Франсиса де Прессансэ (1853-1914) «Все России», где он говорит об оторванности власти Российской империи от корней ее народа, который не может внять голосу Толстого и Достоевского. Он рассуждает о загадочной славянской душе, о том, что теперь это понятие «загадочности» используется для пропаганды национализма. По мнению автора, это необъяснимое кроется в том, что Россия всегда имела революционный, идеалистический порыв, возможно, благодаря особому темпераменту или из-за стечения исторических событий: «славянский дух стихия и неуемна до неистовства. Ему знакомы резкие и трагические контрасты, неожиданные решения, внезапные смены активных действий немощью, героизма трусостью, яростные метания от скептицизма к дилетантизму, еще более опасные из-за безудержного запала» «...l'âme slave est spontanément insatiable, ardente, Presque forcenée. Elle connaît les brusques et tragiques contrastes, les déclics de résolution, les chutes soudaines de l'intense au mou, de l'héroïque au lâche, les retours offensifs du scepticisme ou du dilettantisme, plus mortel encore en pleine ferveur d'action» [36]. Современную ему Россию он сравнивает со спящим Гулливером, скованным лилипутами, и отмечает, что именно русская литература несет на себе отпечаток этой болезненной муки «...la Russie, ce géant couché dans les ténèbres et auquel, comme les Lilliputiens à Gulliver, une troupe fourmillante de nains ont mis des liens. Il est remarquable, encore que naturel, que la littérature russe, plus que celle d'un peuple libre, porte la marque, l'empreinte uniforme et invariable de cette douloureuse angoisse» [Там же]. Для Прессансэ произведения «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» Толстого, «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» Достоевского, «С того берега» Герцена, «Новь» Тургенева, «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова роднит одно и то же страдание, страстное и смутное чаяние.

Чувствуя нестабильный дух времени, Ф. де Прессансэ настаивает на том, что новое читающее поколение России нуждается в новой литературной форме. По его мнению, писатели, черпая вдохновение из народной культуры, часто не находят золотой середины, попадая под ярмо академизма или уходя в сторону вульгарности, порнографии, жеманства. В его словах ощущается надежда, что новое произведение пробудит массы и поможет им осознать свою мощь и поднять революционный пыл. Не случайно, в связи с общим социалистическим призывом статьи, возникает имя Максима Горького. Именно на него автор возлагает основные надежды в идейной эволюции русского романа. Если правая пресса смотрела на Горького с любопытством, то для газет левого толка он становится обличителем, литературным борцом за их идеи: «Я не знаю, выразил ли кто-то сильнее, с реализмом более символичным, со столь правдивой поэтичностью то самое отсутствие равновесия, то головокружение, то состояние духа народа позднего средневековья перед лицом проблем двадцатого века, чем Максим Горький в своих рассказах и двух грандиозных романах: «Фома Гордеев» и «Трое». У этого писателя есть дар» «Je ne sais si personne a rendu plus fortement, avec un réalisme plus splendidement symbolique et une poésie plus âprement exacte ce déséquilibre, ce vertige, cet état d'âme d'un peuple du haut moyen âge aux prises avec les problèmes du vingtième siècle, que Maxime Gorki dans ses nouvelles et dans ses deux puissants romans : Thomas Gordeief et Les Trois. Cet écrivain a le don» [Там же]. По мнению автора статьи, власти испытывают страх перед величием его духа, освободительной силой гения. Во всех этих словах чувствуется надежда на перемены в царской России, возлагаемая социалистами Франции, в частности, на Горького.

8 мая 1905 г. « L'Aurore » публикует статью без подписи под заголовком «Максим Горький» [37]. Основой статьи является исследование творчества писателя А.М.

Аничковой (псевдоним Иван Странник), одной из первых переводчиц рассказов писателя, вошедших в сборник «Бродяги» [38]. Последовательно рассказывается о непростом детстве и юности писателя, прошедшими в тяжелом труде, бедности, скитаниях и тяге к прекрасному, о его первых литературных публикациях. Автор статьи определяет стиль Горького, как «поэму бродяжничества» («le poème du vagabondage»), написанную бродягой, жившим в окружении бродяг. Согласно статье, интерес рассказов Горького заключается не в развитии интриги, а в описании фрагментов жизни, нравов, психологии деклассированных элементов. Главное отличие Горького от литературной традиции его предшественников, которые изображали низшие классы в России, заключается в том, что в прошлом подобные персонажи были беспомощны и представлялись жалкими существами. Персонажи Горького, будучи мечтателями, философами, мыслителями, как правило, неудовлетворенными реальным положением общественного устройства, впервые несут в себе угрозу устоям. Они демонстрируют усталость от извечных разговоров о добре и зле. На смену пустой болтовне приходит жажда действия.

Заключение

Исследуемый материал демонстрирует безусловное внимание со стороны западной левой прессы рубежа веков к образам русских писателей. Главным посылом обращения прессы к их именам являлось утверждение социалистических идеалов и идеи ангажированности писателя, его единения с народом и противостояния власти. Толстой, Достоевский, Горький и др. и их произведения возникали на страницах газеты, чтобы утвердить антимилитаризм и антинационализм, обрушиться на царизм в России и призывать к революционному бунту. Творчество русских писателей и его интерпретация в газете левого толка естественным образом разнится с правой, на что не раз указывают и сами авторы статей. Они освещают иные факты. В итоге, личности писателей, их идеи и убеждения, интерпретация социального посыла произведений интересуют журналистов больше, чем их творческие достижения.

Помимо прочего, не стоит забывать, что подзаголовок газеты «L'Aurore» – «литературная, художественная, социальная газета». Литературная тема значится первой, но часто играет второстепенную роль в поддержании и продвижении идеологии. Это очевидное наблюдение показывает зарождающуюся власть слова и пропаганды в средствах массовой информации. Вместе с тем, пресса рубежа веков демонстрирует ушедшую сегодня в прошлое значимость фигуры писателя-пророка, писателя-правдорука, писателя-историка и его власти над умами, о которой не раз упоминается в «L'Aurore», например, в связи с Львом Толстым. Неоспоримым становится влияние литературы и искусства на общественное мнение того времени, их значимость в формировании базы, ответственной за информативное поле той или иной социальной группы, их применение в социальной борьбе, в которой русские писатели находятся на особом положении.

Библиография

1. Bellet, R. (1967). *Presse et journalisme sous le Second Empire*. P.: Armand Colin. Белле Р. Пресса и журналистика во времена Второй Империи. Париж: Арман Колин, 1967.
2. Charle, Ch. (2004). *Le siècle de la presse: 1830-1939*. P. : Seuil. Шарль К. Век прессы: 1830-1939 гг. Париж: Порог, 2004.
3. Kalifa, D., Régnier, Ph., Thérenty, M.-È. & Vaillant, A. (2011). *La civilisation du journal. Histoire culturelle et littéraire de la presse française au XIXe siècle*. P. : Nouveau Monde éditions. Калифа Д., Ренье Ф., Терентий М.-И., Вайян А. Газетная цивилизация.

Культурная и литературная история французской прессы в XIX веке. Париж: Издания нового света, 2011.

4. Taveaux-Grandpierre, K. (2011). De la transformation de la presse en industrie culturelle par la diffusion. *Communication & Langages*, 130, 86-99. Таво-Грандпьер К. О превращении прессы в индустрию культуры посредством распространения // Коммуникация и языки. 2001. № 130. С. 86-99. URL: https://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_2001_num_130_1_3111.
5. Zola E. (13 janvier 1898). J'accuse...! *L'Aurore*, 87, 1. Золя Э. Я обвиняю...! // Заря. 13 января 1898. № 87. С. 1.
6. La protestation (14 janvier 1898). *L'Aurore*, 88, 1. Протест // Заря. 14 января 1898. № 88. С. 1.
7. Clemenceau, G. (22 janvier 1898). A la dérive. *L'Aurore*, 97, 1. Клемансо Ж. Дрейфующий // Заря. 22 января 1898. № 97. С. 1.
8. Barres, M. (1 février 1898). La protestation des intellectuels. *Le Journal*, 1953, 1. Баррес М. Протест интеллектуалов // Газета. 1 февраля 1898. № 1953. С. 1.
9. Гальцова Е.Д., Фокин С.Л., Волчек О.Е., Балакирева М.Е., Минасян С.В. (2024). Из истории российско-французских литературных взаимодействий рубежа XIX-XX веков: Тургенев, Достоевский, Бакунин и декаданс, анархизм, социальный дарвинизм // *Новые российские гуманитарные исследования*. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2283>
10. Ory, P. & Sirinelli, J.-F. (2002). *Les intellectuels en France. De l'affaire de Dreyfus à nos jours*. P.: Armand Colin. Ори П., Сиринелли Ж.-Ф. Интеллектуалы во Франции. От дела Дрейфуса до наших дней. Париж: Арман Колин, 2002.
11. Толстой Л.Н. (2024). Полное собрание сочинений. URL: <https://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/>.
12. Le Blond, M. (7 février 1904). Le prix de Rome des écrivains. *L'Aurore*, 2302, 2. Ле Blond М. Римская премия писателей // Заря. 7 февраля 1904. № 2302. С. 2.
13. Moujik (12 mai 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1301, 1. Мужик. Голос мужика // Заря. 12 мая 1901. № 1301. С. 1.
14. Moujik (18 mai 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1307, 1. Мужик. Голос мужика // Заря. 18 мая 1901. № 1307. С. 1.
15. Moujik (22 septembre 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1434, 2. Мужик. Голос мужика // Заря. 22 сентября 1901. № 1434. С. 1.
16. Moujik (3 juin 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1323, 1. Мужик. Голос мужика // Заря. 3 июня 1901. № 1323. С. 1.
17. Moujik (14 mai 1901). La Voix d'un moujik. Lettre XIII (1). *L'Aurore*, 1395, 2. Мужик. Голос мужика. Письмо XIII (1) // Заря. 14 мая 1901. № 1395. С. 2.
18. Pouchkine (11 juin 1899). *L'Aurore*, 601, 2. Пушкин // Заря. 11 июня 1899. № 601. С. 2.
19. Bouhelier, S.-G. de. (25 juin 1906). Lettre à un jeune poète qui sollicite le Prix de Rome. *L'Aurore*, 3171, 1-2. Бухелье С.-Ж. де. Письмо молодому поэту, претендующему на Римскую премию // Заря. 25 июня 1906. № 3171. С. 1-2.
20. Descaves, L. (25 février 1898). Le livre à faire. *L'Aurore*, 130, 1. Дескавес Л. Книга, которую нужно сделать // Заря. 25 февраля 1898. № 130. С. 1.
21. L'Opinion de Tolstoï sur l'acte de Zola (15 mars 1898). *L'Aurore*, 148, 1. Мнение Толстого о поступке Золя // Заря. 15 марта 1898. № 148. С. 1.
22. Ça et là (12 octobre 1898). *L'Aurore*, 359, 1. То и это // Заря. 12 октября 1898. № 359. С. 1.
23. *Pensées de Tolstoï d'après les textes russes par Ossip-Lourié* (1898). P. : Felix Alcan. Мысли Толстого по русским текстам Осип-Лурье. Париж: Феликс Алкан, 1898.
24. Mauclair, C. (3 novembre 1898). Un antinationaliste. *L'Aurore*, 381, 1-2. Маклер К.

- Антинационалист // Заря. 3 ноября 1898. № 381. С. 1-2.
25. Décagone. Cartes postales (4 novembre 1897). *L'Aurore*, 17,1. Десятиугольник.
- Открытки // Заря. 4 ноября 1897. № 17. С. 1.
26. La Révolte en Russie (20 mars 1901). *L'Aurore*, 1248, 2. Восстание в России // Заря. 20 марта 1901. № 1248. С. 2.
27. Gohier, U. (13 septembre 1901). Vive Tolstoï ! *L'Aurore*, 1425, 1. Годье У. Да здоровствует Толстой! // Заря. 13 сентября 1901. № 1425. С. 1.
28. Rolland, R. (1921). Les idées sociales de Tolstoï / *Vie de Tolstoï*. P. : Hachette, 156-174. Роллан Р. Социальные идеи Толстого / Жизнь Толстого. Париж: Хашетт, 1921. С. 156-174.
29. Gohier, U. (26 mars 1901). Tolstoïsme. *L'Aurore*, 1254, 1. Годье У. Толстовство // Заря. 26 марта 1901. № 1254. С. 1.
30. Ular, A. (11 février 1905). Tolstoï. *L'Aurore*, 2672, 1. Улар А. Толстой // Заря. 11 февраля 1905. № 2672. С. 1.
31. Un article de Tolstoï (12 mars 1905). *L'Aurore*, 2771, 2. Статья Толстого // Заря. 12 марта 1905. № 2771. С. 2.
32. Bouhelier, S.-G. de. (19 janvier 1908). Sur Tolstoï. *L'Aurore*, 3740, 1. Бухелье С.-Ж. де. О Толстом // Заря. 19 января 1908. № 3740. С. 1.
33. Tolstoï (9 septembre 1898). *L'Aurore*, 326, 2. Толстой // Заря. 9 сентября 1898. № 326. С. 2.
34. La mort de Tolstoï (21 novembre 1910). *L'Aurore*, 4760, 3. Смерть Толстого // Заря. 21 ноября 1910. № 4760. С. 3.
35. Гусев Н.Н. (2024). Какие были последние слова Л.Н. Толстого. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/gusev-poslednie-slova-tolstogo.htm>
36. Pressensé de, F. (1 mars 1902). Toutes les Russies. *L'Aurore*, 1754, 1. Прессенс Ф. де. Вся Россия // Заря. 1 марта 1902. № 1754. С. 1.
37. Maxime Gorki (8 mai 1905). *L'Aurore*, 2758, 1-2. Максим Горький // Заря. 8 мая 1905. № 2758. С. 1-2.
38. *Gorki Maxime (1901). Les Vagabonds / Traduction et préface par Ivan Strannik*. P.: Société du «Mercure de France». Горький, Максим. Странники / перевод и предисловие Ивана Странника. Париж: Общество «Французский Меркурий», 1901.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи исторически оправдан. Автор обращает внимание на роль / значимость русских писателей во французской прессе рубежа XIX – XX веков. Таким образом, статья имеет синкретически конструктивный характер, так как исследователь затрагивает грани истории, литературы, философии, политики. В начале труда отмечено, что «анализ статей газеты «L'Aurore», начиная с 1898 г., позволяет проследить, какую роль отводила социалистическая пресса русским писателям, какое видение русского писателя она имела и как использовала их образ, биографию и творчество для продвижения своей идеологии. Этим объясняется и выборочный интерес газеты: одни русские писатели появляются на ее страницах с завидной регулярностью, другие же упоминаются редко. Выбор делался в пользу авторов, чьи убеждения и заявления соответствовали взглядам, разделяемым в газете, или могли быть оспорены». Считаю, что подобный извод уместен, выкладка вполне объективна. Высказывания по ходу работы точны, информативны, целостны: например, «Образы русских писателей

служат « L'Aurore » для пропаганды идеи бунта и альтернативного развития общества. Так, с мая по сентябрь 1901 г. в газете публикуются пропагандистские письма «Глас мужика», адресованные молодежи России и подписанные псевдонимом Moujik (Мужик) [13-17]. Он призывает не к свержению царя, а к уничтожению царизма, как такового. В поисках поддержки своего гнева со стороны французской публики он несколько раз упоминает, что в возрасте 19 лет Николай II оскорбил память Виктора Гюго, сказав, что не понимает, зачем во Франции организовали национальные похороны человеку, который умер, «как собака» («comme un chien»), или «Газете импонирует образ русского писателя как эталона общественной жертвы, принесенной перу и правде, влекущей за собой голод, скитание и нищету. Решение быть писателем, по мнению « L'Aurore », это самоотречение, добровольное обречение на страдания, одиночная битва с властью. Если ситуация складывается иначе, то газета ставит под сомнение сам талант, словно гений и бунт неразделимы. Так, в номере за 11 июня 1899 г. автор анонимной заметки выражает сомнение, что Пушкин был отцом русской литературы, как принято говорить в России, называет его «кем-то вроде славянского Байрона» «...une espèce de Byron slave» [18] и уподобляет «Евгения Онегина» «Дон Жуану» и т.д. Цитации, ссылки даются в режиме требований издания, серьезная правка излишня. Методология исследования ориентирована на системно-аналитический тип. Фактор обобщения имеющихся данных наличен; раскрытие темы идет в режиме ступенчатого хода. Акцентно в работе сделана остановка на следующем персонифицированном ряде русских писателей, который упоминается в «L'Aurore» - это Лев Толстой, Максим Горький. Позиционность указанных автором проанализирована достаточно объемно, предел объективности учтен. Например, «Следует сказать, что Лев Толстой – самый упоминаемый русский писатель в газете. Его имя появляется столь часто, что позволяет проследить путь, который прочертили этому великому писателю редакторы социалистической газеты», или «13 сентября 1901 г. редактор газеты Урбен Гойе публикует статью «Виват, Толстой!». Этот возглас толпы, согласно изданию, слышит Николай II во время своего визита во Францию в начале осени (четырёхдневное пребывание императора и его супруги в Париже было предназначено армии и флоту, в частности, морскому смотру в Дюнкерке). На тот момент именно этот призыв символизирует революционное движение в России и прогресс», или «8 мая 1905 г. « L'Aurore » публикует статью без подписи под заголовком «Максим Горький» [37]. Основой статьи является исследование творчества писателя А.М. Аничковой (псевдоним Иван Странник), одной из первых переводчиц рассказов писателя, вошедших в сборник «Бродяги» [38]. Последовательно рассказывается о непростом детстве и юности писателя, прошедшими в тяжелом труде, бедности, скитаниях и тяге к прекрасному, о его первых литературных публикациях» и т.д. Таким образом, можно обозначить, что тема работы по большому счету раскрыта, поставленная цель достигнута. Автор приходит к выводу, что «творчество русских писателей и его интерпретация в газете левого толка естественным образом разнится с правой, на что не раз указывают и сами авторы статей. Они освещают иные факты. В итоге, личности писателей, их идеи и убеждения, интерпретация социального посыла произведений интересуют журналистов больше, чем их творческие достижения», «Помимо прочего, не стоит забывать, что подзаголовок газеты «L'Aurore» – «литературная, художественная, социальная газета». Литературная тема значится первой, но часто играет второстепенную роль в поддержании и продвижении идеологии. Это очевидное наблюдение показывает зарождающуюся власть слова и пропаганды в средствах массовой информации». Список источников объемов, фактические составляющие учтены. Материал может быть использован при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Русские писатели во французской прессе рубежа XIX-XX веков на примере газеты «L'Aurore» к открытой публикации в

журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хао Ц. Экзистенциальная дилемма героя в повести «Первой любви»: гамлетовский вопрос // Litera. 2024. № 6.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.44087 EDN: CZRGRW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44087

Экзистенциальная дилемма героя в повести «Первой любви»: гамлетовский вопрос

Хао Цзинцин

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9, оф. 7-9

✉ 1925518245@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.44087

EDN:

CZRGRW

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2023

Аннотация: Статья посвящена экзистенциальной дилемме героя в повести И. С. Тургенева «Первая любовь», восходящей к вечному гамлетовскому вопросу. Анализируется травматичный опыт героя повести, в образе которого можно обнаружить нравственно-психологические черты, свойственные Гамлету, перенесенные в контекст русской культурной традиции. Объектом исследования является политико-этическая дилемма героя в повести «Первая любовь». Предметом исследования выступают необычный любовный опыт главного героя повести и связанные с ним социальные и семейные отношения. Основная цель работы заключается в том, чтобы проанализировать шекспировские реминисценции в повести, выявить гамлетовский вопрос, стоящий за трагической любовью героя. В работе применялись следующие методы исследования: метод целостного анализа художественного произведения, описательный, сравнительно-сопоставительный, а также метод лингвокультурной интерпретации. Проведенное исследование показывает, что И. С. Тургенев преподносит историю первой любви юного героя как социально-политическую аллегория, аллюзию на экзистенциальную дилемму молодого поколения в переломный период. Именно неспособность разрешить эту дилемму приводит героя повести к трагическому финалу,

что следует рассматривать как предостережение писателя. Описанные в данной статье результаты будут способствовать более глубокому осмыслению позднего творчества И. С. Тургенева, а также могут быть внедрены в качестве научного материала в учебный процесс на филологическом факультете. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые подробно изучен гамлетовский вопрос в тургеневской повести, на который обычно обращается мало внимания, и обнаружена причина формирования русского Гамлета из двойной дилеммы (политической и этической) главного героя.

Ключевые слова:

Иван Тургенев, Первая любовь, гамлетовский вопрос, политическая дилемма, этическая дилемма, эдипов комплекс, Гамлет, Уильям Шекспир, социально-политическая аллегория, психологическая травма

Всем известно, что на протяжении всей своей жизни И. С. Тургенев поддерживал диалог с У. Шекспиром. Он ставил английского драматурга на одной доске с самым выдающимся и легендарным певцом античности — Гомером, и называл его «глубочайшим знатоком человеческого сердца» [\[24, с. 177\]](#). По мнению русского писателя, имя Шекспира уже стало «одним из самых лучезарных, самых великих человеческих имен» [там же, с. 188]. Для целого современного литературного процесса Шекспир представляется как необходимая «константа», а для Тургенева он оказывается постоянным эстетическим ориентиром и проводником при столкновении со спорными и противоречивыми художественными вопросами.

Изучение проблемы рецепции шекспировского наследия в творчестве Тургенева, а также художественного воздействия Шекспира на писателя имеет давнюю традицию, которая прослеживается в исследованиях российских и зарубежных ученых. Проспер Мериме четко указывает на сходство эстетики Тургенева с шекспировской («Он находит возвышенные черты даже в самых низменных натурах. Он часто напоминает мне Шекспира» [\[18, с. 277\]](#)). Первая попытка обобщить и систематизировать тургеневское восприятие английского гения принадлежит Д. С. Гутману [\[8\]](#), идеи которого получает дальнейшее дополнение и развитие в трудах Л. М. Лотмана [\[16\]](#) и Ю. Д. Левина [\[14\]](#). Последний дает общее представление о писательском интересе к Шекспиру и анализирует связь художественного метода Тургенева с творческим мастерством английского поэта. Особое внимание уделяет исследователь трактовке писателем Гамлета и Короля Лира.

Кроме того, в работах А. Б. Муратова, П. Ваддингтона, Е. Г. Новиковой, В. М. Марковича, Т. В. Швецовой, И. О. Волкова и др. также рассматривается с разных точек зрения шекспировская поэтика в творчестве Тургенева. Центральными в этом отношении произведениями становятся рассказ «Гамлет Шигровского уезда», повести «Довольно» и «Степной король Лир». Нас интересует повесть Тургенев «Первая любовь», которая редко упоминается в вышеприведенной литературе.

В опубликованной в 1860 году повести «Первая любовь» рассказывается о чувствах и связанных с ними душевных переживаниях юного героя Володи, попавшего в трагедию любви и несправедливой судьбы. Герой влюбляется в обедневшую дворянку Зинаиду, которая представляется как жертва обстоятельств, легкомысленная и привлекательная девушка. Однако позже он узнает, что эта гордая девушка влюблена в его отца, и

добровольно попадает в рабство любви. Полудетская влюбленность героя пришла в неразрешимое столкновение с драматизмом и жертвенностью взрослой любви. Необычный опыт первой любви оставил глубокий отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Тереоскопичность и многоаспектность повести позволяет обсудить отраженные в ней разнообразные творческие связи писателя с его предшественниками и современниками.

В центре сюжета повести – любовь, которая поработает, что со всей очевидностью восходит к поэтике А. Шопенгауэра, который подчеркивал мистический характер любовной страсти, «трактуя любовь как сверхличностное мистическое чувство» [7, с. 415]. На сходство повести Тургенева с романом Александра Дюма-сына указывал современник писателя. Луи Виардо сравнивал тургеневскую героиню с «Дамой с камелиями»: «Кого же она изберет среди своих обожателей, эта новая “Дама с камелиями”? Женатого мужчину. Снова адюльтер, всегда процветающий и прославляемый адюльтер!» [9, с. 487-488].

О. Ю. Коробейникова [11] и М. П. Хохлова [26] анализируют пушкинские реминисценции в повести. А. И. Батюто обращает внимание на отсылки в ней к В. Г. Белинскому, отмечая, что в повести важно не только «умение постигать значение творчества А. С. Пушкина, но и потенциальная способность сочувственного отклика на суждения о нем Белинского». «Мнение в духе Белинского», с его точки зрения, вкладывает Тургенев «в уста Зинаиды, понимающей красоту подлинной поэзии» [1, с. 631]. Отталкиваясь от этой позиции, Т. Б. Трофимова [21] рассматривает тургеневскую повесть о любви как полемический отклик новеллиста на рассказ «Маленький герой» Ф. М. Достоевского. В центре полемики, как выявляет ученый, становится В. Г. Белинский, особенно его рассуждения о романтизме. Присутствие Теодора Шторма в «Первой любви» также привлекло внимание исследователей. Л. В. Пумпянский, например, выявляет, что «При перестроении новеллистики Тургенева на новую для русской литературы элегическую тональность роль Шторма была очень велика, для некоторых пунктов (например, лирическое введение темы старости), быть может, даже решающей» [19, с. 439]. Однако мы сосредоточимся на аспекте вечного образа Шекспира, а именно гамлетовского вопроса, скрытого в повести.

Интерес Тургенева к шекспировской пьесе «Гамлет» и ее главному герою оставался неизменным на протяжении всей его творческой жизни. Трагедия Шекспира стала источником вдохновения для писателя. На присутствие датского принца в произведениях Тургенева указывали многие ученые, специально этот вопрос исследовали Т. В. Швецова [27] и И. О. Волков [6].

Связь «Первой любви» как любовно-философской повести с драмой Шекспира неочевидна, но она все же существует. Так, И. А. Беляева пишет: «повесть в творчестве Тургенева актуализировала в характере героя гамлетовское начало. Это, конечно, не означает, что все герои тургеневских повестей типологически – Гамлеты. Но им довлеет гамлетовская доминанта. Они, даже при определенной степени открытости миру и людям, все же оказываются сосредоточены на себе, а их существование замкнуто во времени и пространстве» [3, с. 92]. Отметив политический подтекст в повести, А. Вдовин подчеркивает, что «главный же смысл, главная притягательность «Первой любви» всегда была и остается для читателя в том, что это детективно и увлекательно, со всем мастерством рассказанная любовная история, которая, конечно же, оставляет при этом простор для многочисленных отхождений в боковые сюжеты, одним из которых является вот эта политическая аллегория, отсылающая к вечному гамлетовскому вопросу, который,

как мы помним, обсуждался Тургеневым в знаменитой статье «Гамлет и Дон-Кихот»» [\[51\]](#).

Весь текст повести «Первая любовь» словно проникнут атмосферой шекспировской романтической поэзии. Так же как в трагедии о принце датском, у Тургенева широко показан душевно-эмоциональный мир героя-рассказчика, подчёркивается его рефлексия, описываются эмоциональные испытания. Переживания героя будто собраны в живописную галерею нравственно-психологических движений его души: здесь сладкая радость и нежность, тревожные предчувствия и сомнения, горькое разочарование и боль, тягостная разлука и смерть. Володя, весьма близкий Гамлету по своему темпераменту, любит поэзию, меланхоличен, созерцателен, причудлив, страстен в своем стремлении к любви. Он чётко фиксирует все свои душевные впечатления, исследует в саморефлексии собственные чувства, личность и судьбу. И таким «эгоцентрическим» образом построено всё повествование в анализируемой повести. Но более важным элементом повествования представляется драматическая доминанта, которая служила и для Тургенева связующим звеном его произведения с пьесой Шекспира; эта драматическая доминанта связана с моральной сломенностью и деградацией главного героя.

О самой первой любви Тургенев писал в 1871 г. так: «Первая любовь – та же революция: однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбит и разрушен в одно мгновение» [\[22, с. 323\]](#). Неудачный опыт первой любви разрушает идеалистический жизненный уклад и ценности Володи, ставя его перед такими трудностями, как необходимость самопознания, запутанность чувств, тягостный моральный выбор. И эта неразделённая юношеская любовь символизирует двойную дилемму (политическую и этическую), с которой приходилось сталкиваться тому молодому поколению. Невинный, чистосердечный, полный пылкой страсти юноша, пережив «революцию» первой любви – трагическое столкновение идеалов с реальностью, неизбежно превратился в русского Гамлета.

Уже в самом начале повести писатель подчеркивает отчуждённость героя-повествователя от светского мира. Его новую соседку, обедневшую дворянку Зинаиду, презирает мать Володи; хотя он с этим не согласен, говоря об уважаемом, солидном княжеском титуле её отца, герой говорит: «Княжеский титул на меня мало действовал: я недавно прочел “Разбойников” Шиллера» [\[23, с. 307\]](#). Отсылка к немецкой пьесе, главный герой которой также является персонажем гамлетовского типа, постоянно страдающим от несоответствия своих романтических представлений о мире суровой реальности, намекает на то, что Володя – мятежник по духу. Как и Гамлет, Володя представлен как бунтарь против светского общественного порядка, в некоторый степени отстранённый от забот и интересов светского мира.

Зинаида, в свою очередь, представлена читателю как жертва обстоятельств. Володя одержим Зинаидой, но эта его одержимость встречает препятствие в виде проблем «здешней атмосферы». Об этом в повести говорит врач – авторитетный человек, который способен здраво оценить ситуацию. Он много раз пытался пробудить в Володе голос разума: «Да выбор-то ваш больно неудачен. Разве вы не видите, что это за дом?» [Там же, с. 331]; «<З>десь для вас воздух вредный — поверьте мне, заразиться можете» [Там же]; «<П>овторяю вам: здешняя атмосфера вам не годится» [Там же, с. 332]; «Вредна, вредна вам здешняя атмосфера, молодой человек» [Там же, с. 333]. С данными заключениями об «атмосфере» (как природной, так и социальной) перекликается гневное, но бессильное признание Зинаиды: «Разве жить так весело? Оглянитесь-ка кругом... Что — хорошо? Или вы думаете, что я этого не понимаю, не

чувствую?» [Там же, с. 332].

Следует отметить, что во французском переводе повести, опубликованном в Париже в 1863 г., Тургенев дописал концовку (она воспроизведена и в воспоследовавшем немецком издании). В ней писатель раскрыл отношение главных героев к событиям, составляющим сюжет повести, и по одному важному вопросу они достигли согласия:

« — Так... Я хотел сказать, что в странное время мы живем... и люди мы странные.

— Это почему?

— Мы странные люди, — повторил С<ергей> Н<иколаевич>. — Ведь вы ничего не прибавили в вашей исповеди?

— Ничего.

— Гм. Впрочем, это заметно. Мне кажется, в одной России...

— Такая история возможна! — перебил В<ладимир> П<етрович>.

— Такой рассказ возможен.

В<ладимир> П<етрович> помолчал.

— А как ваше мнение? — спросил он, обращаясь к хозяину дома.

— Я согласен с С<ергеем> Н<иколаевичем>, — отвечал он, тоже не поднимая глаз. — Но не пугайтесь, мы не хотим этим сказать, что вы дурной человек, напротив. Мы хотим сказать, что жизненные условия, в которых мы все воспитались и выросли, сложились особенным, небывалым образом, который едва ли повторится. Нам стало жутко от вашего простого и безыскусственного рассказа... не потому, чтобы он нас поразили своею безнравственностью — тут что-то глубже и темнее простой безнравственности. Собственно вы ни в чем не виноваты, но чувствуется какая-то общая, народная вина, что-то похожее на преступление.

— Какое преувеличение! — заметил В<ладимир> П<етрович>.

— Может быть. Но я повторяю "Гамлета": "есть что-то испорченное в Датском королевстве". Но будем надеяться, что нашим детям не придется так рассказывать свою молодость.

— Да, — задумчиво промолвил В<ладимир> П<етрович>. — Это будет зависеть от того, чем эта молодость будет наполнена.

— Будем надеяться, — повторил хозяин дома, и гости разошлись в молчании» [\[10, с. 68\]](#).

То есть общенациональная «нездоровая обстановка» привела к тому, что события сложились «особенным, небывалым образом» [Там же], на фоне чего история рассказчика оказывается понятной слушателям. Тема угнетающей «здешней атмосферы» в этой беседе вновь обозначается со всей чёткостью, и она недвусмысленно отсылает к слова Гамлета «Дания — тюрьма» [\[28, II, 2\]](#), на что указывает упоминание о Датском королевстве в беседе («есть что-то испорченное в Датском королевстве» [\[10, с. 68\]](#)). Таким образом, тема «нездоровой атмосферы» расширяется с индивидуального и семейного уровня до общенациональных масштабов. Как пишет Илья Клигер, эта не вошедшая в канонический русский текст концовка предлагает нам «прочитать личную

историю молодого Володи как национальную басню» [\[29, с. 115\]](#).

Отталкиваясь от этого, нетрудно заметить, что повесть полна тревожных социальных метафор, среди которых не последнее место занимает ощущение угнетения людей властью, насилия, словно спрятанное за легкой поэзией, воспевающей любовь, молодость и красоту. Необыкновенно очаровательная княжна Зинаида играет роль хозяйки «великосветского» салона, помыкает своими поклонниками, полностью управляя ими, устанавливая «правила игры». Она никому не позволяет оспаривать свои приказы, – иначе она обвинила бы своих поклонников в «бунте» [\[23, с. 319\]](#). Но, столкнувшись с более властным авторитетом – отцом Володи Петром Васильевичем, Зинаида сама словно стала его рабыней. С её согласия он заключил её в маленький деревянный домик и даже бил хлыстом. Сцена, где Пётр бьёт Зинаиду, кажется самой жуткой в повести. Он ударяет её хлыстом по руке, а та, как говорит нам Володя, «молча посмотрела на моего отца и, медленно поднеся свою руку к губам, поцеловала заалевшийся на ней рубец» [Там же, с. 360]. В этой сцене отец выглядит тираном, а Зинаида отвечает на насилие благодарностью (целованием). Абсолютное подчинение «власти» достигает здесь своего апогея. Вспомним, что нанесение ударов кнутом как вид наказания издавна ассоциируется с самодержавием. Так, молодой А. С. Пушкин писал об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина:

В его "Истории" изящность, простота

Доказывают нам без всякого пристрастья,

Необходимость самовластья –

И прелести кнута»

[\[20, с. 112\]](#).

Соположение «самовластья» и «кнута» в этих пушкинских строках весьма показательно. Один из исследователей, увидевший эту аллюзию, отмечает, что она наделяет образ Петра Васильевича «еще одним, самым ярким и существенным, атрибутом суверенитета. Таким образом, в повествовании происходит двойное суверенно- харизматическое насилие: Петр Васильевич применяет его к Зинаиде, а Зинаида передает Володе и другим» [\[29, с. 36\]](#).

Любопытно и положение Петра Васильевича в семье: его сын слепо любит его, тогда как отец явно не проявляет ответных чувств («Я любил его, я любовался им <...>. <К>ак бы я страстно к нему привязался, если б я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки! Зато, когда он хотел, он умел почти мгновенно, одним словом, одним движением возбудить во мне неограниченное доверие к себе» [\[23, с. 323-324\]](#) — так Володя рассказывает о своих отношениях с отцом). Супруга Петра Васильевича по неизвестной причине очень его боится («<О>на очень его боялась» [Там же, с. 304], – сообщает Володя). Говоря о своём отце, герой употребляет слово «самовластный» [Там же]; стоит отметить, что это прилагательное обычно используется для описания автократического правителя, здесь же оно перемещено в сферу личных, семейных отношений. Умело используя это меткое слово, писатель подразумевает, что положение отца в семье подобно положению правителя в авторитарном государстве.

Стоит вспомнить, что переплетение государственного и семейного как раз и является одной из ключевых черт трагедии Шекспира «Гамлет». А в повести «Первая любовь» мы наблюдаем такое переплетение на уровне повествования. Также в обоих произведениях

судьбу главных героев во многом определяют их отношения с отцами. Если у Шекспира они, возможно, не описываются так чётко в силу жанрового характера пьесы, то в повести Тургенева отношение сына к отцу явственно обнаруживает проявления Эдипова комплекса, описанного З. Фрейдом. Отношения в Володиной семье не очень здоровы. Сам Володя в начале повести описывает их так: «Отец обходился со мной равнодушно-ласково; матушка почти не обращала на меня внимания, хотя у нее, кроме меня, не было детей: другие заботы ее поглощали. Мой отец, человек еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету; она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась — но не в присутствии отца; она очень его боялась...» [Там же, с. 36]. И это типичная картина «проблемных семей», весьма характерных для России середины XIX в. и порождавших ненормальные, нездоровые брачно-семейные отношения. Таким образом, уже с первых страниц повести можно сделать вывод, что Володя живёт в угнетающей, психологически нездоровой атмосфере. Его родителей не объединяет привязанность друг к другу. Володя, единственный ребёнок в семье, не получает той любви, которую он должен получать.

С позиций психоанализа З. Фрейда, продолжительное отсутствие материнской любви может привести к тому, что молодые люди будут испытывать сильную эмоциональную привязанность к старшим женщинам, стремясь восполнить недостаток материнской заботливости, недополученной в детстве. А при выборе супруги это может проявиться в предпочтении молодыми мужчинами более зрелых женщин, что Фрейд называет «влиянием материнского прообраза на выбор объекта» [25, с. 23]. Появление в жизни Володи сияющей и прекрасной Зинаиды, которая была старше него на пять лет, пробудило в пылом сердце юноши волшебное чувство любви и позволило ему ощутить материнскую нежность, которой ему не хватало. Володя попал к ней в фавор и был полностью ослеплён своим чувством: «<О>на потешалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня» [23, с. 326]. Обратим внимание на слово «баловала»; баловство — это неотъемлемый элемент отношений родителей и детей. Из всех сил стараясь завоевать сердце Зинаиды, юный герой в итоге получил лишь поцелуй в лоб: «<О>на напечатлела мне на лоб чистый, спокойный поцелуй» [Там же, с. 342]. Но поцелуй в лоб в христианских странах обычно представляет собой выражение заботы или благословения со стороны старших по отношению к младшим. Иначе говоря, в этом поцелуе проявляется материнская привязанность, а Володя был для Зинаиды лишь объектом материнской любви, что подтверждала и она сама, неоднократно говоря об их разнице в возрасте. Она говорила Володе «милый мой мальчик» [Там же, с. 336], называла его «шалуном» [Там же, с. 337], а однажды даже прямо сказала ему: «Послушайте, ведь я гораздо старше вас — я могла бы быть вашей тетушкой, право...» [Там же, с. 342]. Володя для неё лишь «милый, хороший, умный» ребенок, которого она «очень любит» [Там же].

Володя был очарован прелестью Зинаиды, однако он не вполне отдавал себе отчёт в том, какие именно чувства он к ней испытывает («Меня жгло как огнем в ее присутствии... но к чему мне было знать, что это был за огонь, на котором я горел и таял, — благо мне было сладко таять и гореть» [Там же, с. 353]), и посчитал эти чувства любовью. Интересно и то, что мать Володи относилась к Зинаиде враждебно. После их первой встречи она презрительно назвала героиню как «гордячку» «с внешностью гризетки» [Там же, с. 317]. Позднее матушка неоднократно давала Володе понять, что она не хочет, чтобы Володя встречался с «гордячкой», и «очень о ней дурно отзывалась» [Там же, с. 354] при отце. Она с самого начала видела в девушке

потенциальную соперницу. Образы и характеры двух женщин в повести резко контрастны: мать старая (на десять лет старше отца), раздражительная и требовательная, она «вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась» [Там же, с. 304], Зинаида же молодая, «живучая и красивая» [Там же, с. 326], жизнь развила в ней «какую-то полупрезрительную небрежность и невзыскательность», также Володя отмечал, что и «горя ей мало» [Там же, с. 327]. Эта оппозиция словно ставит Зинаиду в выигрышное положение по отношению к матери героя. Она кажется ему идеальной и даже в чём-то заменяет мать.

Открытие Володи того, что он соперничает за любовь Зинаиды со своим отцом, придаёт первой любви тургеневского юноши ещё более необычный характер. Это соперничество, как пишет Ш. Липке, «не только вызывает травму, но и возникает в связи с более ранней травмой, которая, правда, связана не с сексуальным насилием, а с отстраненностью между сыном и родителями» [15, с. 507]. Когда Володя узнает, что объектом его подозрений, ревности и планируемой мести оказывается его собственный отец, «<р>евнивый, готовый на убийство Отелло внезапно превратился в школьника» [23, с. 351]. На следующий день он признаётся себе: «Вчерашнее волнение прошло. На его место пришли тяжелое смятение и какая-то печаль, словно что-то умерло во мне» [Там же]. Поиски истины, разочарование и отчаяние, вызванное столкновением с жестокой правдой, приближают Володю к Гамлету. Принц датский, узнав, что убийца его отца – его же собственный отчим, тоже погружается в нравственные метания, сомнения, смятение. Но тургеневский герой, в отличие от шекспировского принца (который, впрочем, по мнению Тургенева, случайно убил своего отчима), сдаётся, прекращает борьбу. С позиций психоанализа, Володя воспринимает Зинаиду как свою мать или её заместителя, а, так как мать принадлежит отцу, отнимать её у него — грех или по крайней мере морально недопустимое деяние. Это приводит его к мысли, что отец должен восторжествовать, а ему самому следует потерпеть поражение. Вместе с тем отец для Володи является абсолютным авторитетом. Завоевание им Зинаиды ещё больше усиливает покорность ему Володи («Напротив: он как будто еще вырос в моих глазах...» [Там же, с. 356]). Под воздействием отцовского величия (во многом мнимого) юному герою приходится признать, что победителем в соперничестве за Зинаиду стал отец.

Как и Гамлет, переживший безнравственный поступок своего отчима, Володя пережил безнравственный поступок своего отца, в результате чего испытал тяжелый психологический удар. Его прекрасные идеалы были полностью разрушены жестокой реальностью подобно цветам, которые, как говорит сам Володя, «были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные» [Там же, с. 354]. Свойственная гамлетовскому типу нерешительность, ведущая к неспособности разрешить политические и этические дилеммы, не позволяет юному герою стать сильной, самостоятельной личностью. Моральный надлом, разочарованность в жизни, досада от несправедливости – вся эта внутренняя дисгармония героя, вызванная хаосом и дисгармонией внешнего мира, не может привести его, как пишет Белинский, к «мужественной и сознательной гармонии и самонаслаждению духа» [2, с. 292], вместо этого он становится русским Гамлетом, беспомощным, растерянным, безвольным. Через несколько лет, когда эта ситуация уже осталась в прошлом, Володя, окончив университет, не знал, куда себя деть, он «шлялся пока без дела» [23, с. 362]. Как справедливо отмечает Г. Н. Боева, «он доживает свою жизнь как придется <...>, оставшись инфантильной личностью, живущей бессознательными импульсами, не сконцентрировавшей свою энергию на овладении жизнью» [4, с. 88]. Эта охватившая героя после неудачи в любви неспособность устроить собственную жизнь ещё более отчётливо подчёркивается в самом конце повести: Володя

упускает возможность увидеться с Зинаидой. Желание такой встречи у него есть, но ему мешают внешние обстоятельства, преодолеть которые в силу своей безволяности он уже не может. Он больше не способен бороться за своё счастье. Он не способен даже понять истинных причин своего несчастья – в финале повести мы видим это по сорокалетнему Володе, сетующему на незаметно промелькнувшую жизнь; он окончательно утрачивает возможность изменить свою жизнь к лучшему, внести хотя бы что-то положительное в своё беспросветное существование.

Подводя итог, можно сказать, что ни Володя, ни его литературный прототип Гамлет не вольны распоряжаться своей судьбой. Оба оказываются поставлены обстоятельствами в сложную ситуацию, которая не может кончиться добром. Гамлет, чтобы вырваться из мира внутренних и внешних противоречий, сознательно идёт к единственному возможному в его представлении выходу – смерти, герой же Тургенева, хотя и не умирает, также ищет возможности встретиться со смертью: «по собственному неотразимому влечению» он «присутствовал при смерти одной бедной старушки» [\[23, с. 363\]](#). Но эта старушка, несмотря на то, что пришёл час её кончины, всё же не хотела расставаться со своей нищей жизнью. Смерть, таким образом, представлена Тургеневым как стихия жестокая, неумолимая: того, кто не хочет уходить из жизни, она забирает, а того, кто её алчет, утратив смысл существования, она оставляет страдать дальше. Поэтому русский Гамлет трагичен ещё и тем, что он никак не может избыть свои страдания. Он умер только морально, но физически вынужден продолжать свою бесцельную жизнь, Впрочем, какую-то надежду писатель нам всё же даёт: на вечный гамлетовский вопрос «быть или не быть» тургеньевский Гамлет отвечает: «Быть». Именно поэтому он хочет помолиться не только за Зинаиду, за отца, но и «за себя» [Там же, с. 364].

Заключение

В повести «Первая любовь» И. С. Тургенев, по сути, вписал своего героя в шекспировскую драматическую схему. Использование шекспировской образности позволило ему ярко изобразить мятущуюся личность, страдающую от внутренних противоречий, и эта личность была помещена писателем в контекст русской жизни, что неизбежно придало ей некоторые особенности. Почерпнув из традиции немецкого и русского гамлетизма тезисы о самопознании, нравственных дилеммах, несовершенстве социального строя вследствие неспособности рефлектирующей молодёжи его изменить, писатель воплотил эти темы в собственной повести. В ней он преподносит несчастливую любовную историю юного героя как социально-политическую аллегорию, проецируя детские воспоминания Володи на тягостное для свободолюбивой молодёжи общественное положение времён начала царствования Николая I. Авторитарная, извращенная, неустроенная социальная обстановка оказала на взросление молодого поколения 1830-х гг. не самое позитивное влияние. Политико-этическая дилемма этого поколения описывается Тургеневым на примере первой любви: она так же, как и стремление рефлектирующей молодёжи 1830-х гг. что-то изменить, ничем не заканчивается, а лишь приводит героя к трагическому провалу, что наносит ему серьёзную психологическую травму, из-за которой он и становится русским Гамлетом.

Библиография

1. Батюто А. И. Избранные труды. СПб.: Нестор-История, 2004.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
3. Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. М.: МПГУ, 2005.

4. Боева Г. Н. Предвкушение фрейдизма: опыт интерпретации повести И. С. Тургенева «Первая любовь» // IV Фрейдовские чтения: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под ред. М. М. Решетникова. СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 2019. С. 80–92.
5. Вдовин А. Семейная драма Тургеневых: повесть «Первая любовь». URL: <https://magisteria.ru/ivan-turgenev-and-his-time/first-love> (дата обращения: 27.10.2023).
6. Волков И. О. Уильям Шекспир в художественном мире И. С. Тургенева: «Гамлет» и «Король Лир»: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2019.
7. Высокович К. Тургенев и Шопенгауэр // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 4. С. 410–423.
8. Гутман Д. С. И. С Тургенев о Шекспире // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве: сборник статей. Уфа, 1964. С. 139–154.
9. Кийко Е. И. Комментарии: И.С. Тургенев. Первая любовь // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 478–492.
10. Кийко Е. И. Окончание повести «Первая любовь» (1863) // Литературное наследство. 1964. Т. 73. № 1. С. 59–68.
11. Коробейникова О. Ю. «Первая любовь» И. С. Тургенева: языки культуры // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2008. Т. 4. № 3. С. 154–159.
12. Левин Ю. Д. Русский гамлетизм // От романтизма к реализму. Л., 1978. С. 189–236.
13. Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988.
14. Левин Ю. Д. Шестидесятые годы // Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. С. 407–543.
15. Липке Ш. Миметическое желание, соперничество между отцом и сыном и травматичный опыт в новелле И. С. Тургенева «Первая любовь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 504–513.
16. Лотман Л. М. Комментарий [к повести «Степной король Лир»] // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. Т. 10. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1965. С. 482–501.
17. Луков В. А. Шекспиризация (к теории и истории принципов-процессов) // Шекспировские штудии: Трагедия «Гамлет». Материалы научного семинара, 23 апреля 2005 года. М.: Московский гуманитарный университет, 2005.
18. Мериме П. Иван Тургенев // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М., 1963.
19. Пумпянский Л. В. Тургенев-новеллист // Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 427–447.
20. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1969.
21. Трофимова Т. Б. «Вы рассказываете детям сказку или повесть...»: рассказ «Маленький герой» Ф. М. Достоевского и повесть «Первая любовь» И. С. Тургенева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 6. С. 177–189.
22. Тургенев И. С. Вешние воды // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. М.: Наука, 1981. С. 255–384.
23. Тургенев И. С. Первая любовь // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 301–364.
24. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 11. М.: Наука, 1955.
25. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.
26. Хохлова М. П. О роли литературных реминисценций и аллюзий в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 65–69.

27. Швецова Т. В. «Гамлет» в контексте творчества И. С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2002. 194 с.
28. Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. М.: Радуга, 1985.
29. Kliger I. Scenarios of Power in Turgenev's First Love: Russian Realism and the Allegory of the State // The Center for Slavic, Eurasian and East European Studies Comparative Literature. 2018. Vol. 70. Is. 1. pp. 25–45.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Нравственные дилеммы и взросление героя гамлетовского типа в повести И. С. Тургенева «Первая любовь», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения реминисценции творчества У. Шекспира в произведениях русского писателя Ивана Тургенева.

Автор обращается к истолкованию образа Гамлета в тургеньевских произведениях, проводя сравнительное исследование образов.

Отметим, что работа приносит определенный вклад в развитие, в том числе, как общей теории языкознания, так и литературоведения. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Методология исследования заключается в описательном методе и компиляции, научных методов исследования не применено.

Содержательно исследование кажется шире, чем заявленная автором в заглавии тема, по тексту работы заявленная тематика не выдерживается и ответа на выдвинутые тезисы нет. Собственно говоря, автор больше обращается к реминисценции образа Гамлета в мировой литературе, а не в творчестве Тургенева.

Структурно исследование отличается от общепринятых канонов работ данного типа. Так, введение не содержит постановку проблемы, задачи и цели, выдвигаемые автором, которые должны коррелироваться с выводами по итогам статьи. Не представлена историография вопроса, а именно кто и насколько глубоко обращался к данной теме как в отечественной филологии, так и в мировой.

Отсутствуют обзор теоретических источников и научных направлений по рассматриваемому вопросу.

Исследовательская часть не представлена, работа является описательной, базируется на чувственном восприятии, никаких убедительных доказательств, полученных исследовательским путем не приведено.

Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском языке, так и на иностранном, часть из которых – художественные тексты.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно алфавитный принцип выстраивания списка источников.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в

дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Нравственные дилеммы и взросление героя гамлетовского типа в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения изменений, а именно: 1) уточнение заголовка и содержания статьи, 2) структурирование библиографического списка, 3) усиление научной базы исследования, 4) описание методологии исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи не нов, имеется достаточное количество работ, диссертационных проектов, которые ориентированы на дешифровку проблемы связности «творчества И.С. Тургенева с текстами У. Шекспира». Однако, статья имеет компилятивный характер, подчеркивающий значимость и важность указанного вопроса. Автор не просто, фактически дублирует мысли, точки зрения, высказанные ранее, но подвергает их должной аналитике. Таким образом, нужная научная канва выдержана, текст ориентирован на структуризацию опыта, выстраивание необходимой параллели с настоящим, современным состоянием. Замечу, что методология исследования находится в рамках не только сопоставительного режима, но и рецептивного, конструктивного. Материал можно достаточно продуктивно использовать при знакомстве с творчеством Ивана Тургенева, изучения истории русской классической литературы XIX века. Формальные блоки работы соразмерны, серьезных нарушений в тексте не выявлено; считаю, что тема раскрыта полновесно, цель достигнута. Весьма удачно в работе достигается т.н. предел апелляции к оппонентам, диалог выстраивается и с потенциально заинтересованным читателем. Содержательный уровень исследования высок, работа информативно насыщена (см. список библиографических источников). Тезисы по ходу текста объективны, точны: например, «известно, что на протяжении всей своей жизни И. С. Тургенев поддерживал диалог с У. Шекспиром. Он ставил английского драматурга на одной доске с самым выдающимся и легендарным певцом античности — Гомером, и называл его «глубочайшим знатоком человеческого сердца». По мнению русского писателя, имя Шекспира уже стало «одним из самых лучезарных, самых великих человеческих имен», или «изучение проблемы рецепции шекспировского наследия в творчестве Тургенева, а также художественного воздействия Шекспира на писателя имеет давнюю традицию, которая прослеживается в исследованиях российских и зарубежных ученых. Проспер Мериме четко указывает на сходство эстетики Тургенева с шекспировской («Он находит возвышенные черты даже в самых низменных натурах. Он часто напоминает мне Шекспира»). Первая попытка обобщить и систематизировать тургеневское восприятие английского гения принадлежит Д. С. Гутману», или «интерес Тургенева к шекспировской пьесе «Гамлет» и ее главному герою оставался неизменным на протяжении всей его творческой жизни. Трагедия Шекспира стала источником вдохновения для писателя. На присутствие датского принца в произведениях Тургенева указывали многие ученые, специально этот вопрос исследовали Т. В. Швецова и И. О. Волков», или «отталкиваясь от этого, нетрудно заметить, что повесть полна тревожных

социальных метафор, среди которых не последнее место занимает ощущение угнетения людей властью, насилия, словно спрятанное за легкой поэзией, воспевающей любовь, молодость и красоту. Необыкновенно очаровательная княжна Зинаида играет роль хозяйки «великосветского» салона, помыкает своими поклонниками, полностью управляя ими, устанавливая «правила игры». Она никому не позволяет оспаривать свои приказы, – иначе она обвинила бы своих поклонников в «бунте» и т.д. Оценочные / собственно аналитические фрагменты в работе достаточно качественно сформулированы, автор включает т.н. «логические связки», делает «нужные отсылки»: например, «стоит вспомнить, что переплетение государственного и семейного как раз и является одной из ключевых черт трагедии Шекспира «Гамлет». А в повести «Первая любовь» мы наблюдаем такое переплетение на уровне повествования. Также в обоих произведениях судьбу главных героев во многом определяют их отношения с отцами. Если у Шекспира они, возможно, не описываются так чётко в силу жанрового характера пьесы, то в повести Тургенева отношение сына к отцу явно обнаруживает проявления Эдипова комплекса, описанного З. Фрейдом. Отношения в Володиной семье не очень здоровы». Разве не в сравнительном ключе оформлен данный фрагмент, разве не ориентирует он на размышления «последующего толка», после того как прочитаны тексты, дана нужная критика!? Таким образом, структура имеет четко последовательный тип, стиль соотносится с научной парадигмой. Финальная часть есть предел циклизации: «подводя итог, можно сказать, что ни Володя, ни его литературный прототип Гамлет не вольны распоряжаться своей судьбой. Оба оказываются поставлены обстоятельствами в сложную ситуацию, которая не может кончиться добром. Гамлет, чтобы вырваться из мира внутренних и внешних противоречий, сознательно идёт к единственному возможному в его представлении выходу – смерти, герой же Тургенева, хотя и не умирает, также ищет возможности встретиться со смертью...», и далее – «в повести «Первая любовь» И. С. Тургенев, по сути, вписал своего героя в шекспировскую драматическую схему. Использование шекспировской образности позволило ему ярко изобразить мятущуюся личность, страдающую от внутренних противоречий, и эта личность была помещена писателем в контекст русской жизни, что неизбежно придало ей некоторые особенности», «автократическая, извращенная, неустроенная социальная обстановка оказала на взросление молодого поколения 1830-х гг. не самое позитивное влияние. Политико-этическая дилемма этого поколения описывается Тургеневым на примере первой любви: она так же, как и стремление рефлектирующей молодёжи 1830-х гг. что-то изменить, ничем не заканчивается, а лишь приводит героя к трагическому провалу, что наносит ему серьёзную психологическую травму, из-за которой он и становится русским Гамлетом». Наличный текст будет интересен как подготовленной, так и «неподготовленной» читательской аудитории. Материал доступен, версия, высказанная автором работы прозрачна, целостна. Думаю, что название статьи может быть чуть скорректировано, например, «Экзистенциальная дилемма героя повести И.С. Тургенева «Первая любовь»: не прямой диалог с У. Шекспиром». Рекомендую данный материал к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Муромцева А.О. Времена года в лирике Алины Подгорновой // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70899 EDN: DGUZCJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70899

Времена года в лирике Алины Подгорновой

Муромцева Алёна Олеговна

студент, кафедра финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва

430005, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68, оф. 513

✉ alena.muromczewa@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70899

EDN:

DGUZCJ

Дата направления статьи в редакцию:

30-05-2024

Аннотация: Сезонная образность позволяет не только раскрыть хронотоп лирического текста, психологическое состояние, интенции лирического субъекта, но и отразить специфику авторской рефлексии окружающего мира, особенности его мировосприятия. Динамичный и трансформирующийся мотивно-образный кластер, времена года наделяются символической нагрузкой, семантической многоплановостью, созвучными с историко-культурной эпохой, нравственно-этические предпочтениями социума. В связи с этим исследование мордовской женской поэзии в аспекте сезонной образности признается продуктивным исследовательским направлением, поскольку позволяет представить объективную картину уровня эстетического развития национального художественного дискурса. Обращаясь к классическому образному ряду (зима, весна, лето, осень) авторы-женщины наделяют его широким спектром разнообразных смыслов. Оригинальную семантическую наполненность времена года приобретают в лирике эрзянского поэта Алины Подгорновой. Предметом исследования в статье являются функционально-семантические особенности сезонной образности в стихотворениях автора. Цель работы – проанализировать ряд произведений поэта, выявить наиболее частотные сезонные образы и мотивы, раскрыть их семантические оттенки, содержательные коннотации образов зимы, весны, лета, осени. Материал составили

стихотворения из сборников «Вслух», «Кроме рифм», «Мысль». Методологическую основу работы определяет метод целостного анализа художественного текста, посредством которого описываются структурно-содержательные компоненты лирического произведения, раскрывается смысловая и символическая организация поэтического образа. Научная новизна исследования определяется тем, что аспекты сезонной образности стихотворения А. Подгорновой анализируются впервые. В статье утверждается, что в лирике автора представлена оригинальная интерпретация сезонных образов, наделяемых разнообразными семантическими оттенками и коннотациями. Весна в авторской концепции получает амбивалентную семантику: в одних текстах манифестируется ее жизнеутверждающий смысл, она воспринимается символом обновления, душевной гармонии, в других – «бесноватая» весна приносит неконтролируемый хаос, психологический дисбаланс. С осенью у лирической героини особо теплые отношения, она ассоциируется с близкой по духу подругой. Зима также не враждебна по отношению к ней. В «летних» текстах доминирует мотив кратковременности этого сезона, что придает лету экзистенциальный смысл. Образы времен года в произведениях А. Подгорновой не используются только в качестве пространственных и временных маркеров, они вовлекаются в контекст авторских размышлений философского, онтологического характера.

Ключевые слова:

современная мордовская литература, мордовская женская лирика, стихотворение, Алина Подгорнова, лирическая героиня, мотив, сезонная образность, образы времен года, символ, семантика

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

В современном отечественном литературоведении проблема эстетической роли и семантики сезонной образности основательно изучена на материале как литературы отдельного периода [\[13; 16; 17\]](#), так и творчества конкретного автора [\[1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 9\]](#). По утверждению исследователей, образы времен года «концентрируют в себе важнейшие онтологические смыслы» [\[5, с. 79\]](#), способствуют «тенденции упрочения национальной тематики», отражению «своеобразия национального характера, народности, ...поиска исторических корней» [\[17, с. 103, 106\]](#), «маркируют национальную цивилизационную картину мира» [\[1, с. 158\]](#), становятся «своеобразным аксиологическим камертоном» [\[6, с. 37\]](#), «олицетворением эмоционально-психологического состояния лирических субъектов» [\[9, с. 50\]](#).

Времена года как «традиционные мифологемы, широко представленные в художественном сознании различных эпох и народов» [\[7, с. 317\]](#), являются одним из доминирующих мотивно-образных кластеров в мордовской литературе конца XX – начала XXI веков, о чем свидетельствуют произведения поэтов старшего (А. Моро, Н. Эркай, А. Мартынов, П. Любаев, С. Кинякин и др.), среднего (Н. Ишуткин, А. Арапов, Н. Циликин, Р. Орлова, Л. Дергачева и др.) поколения и так называемой «новой волны» (Д. Таганов, Л. Рябова, М. Еремина, Т. Мокшанова и др.). Однако вопросы семантической многомерности и функциональной значимости сезонных образов в национальной лирике оказываются на периферии научных интересов мордовских исследователей. Женская

поэзия последних десятилетий не исследована в аспекте заявленной проблемы. Между тем изучение «весенних», «осенних», «летних» и «зимних» текстов позволяет раскрыть не только индивидуально-авторскую картину мира, но и выявить тематические предпочтения, тенденции развития мордовской литературы в целом.

Творчество Алины Подгорновой, яркого представителя эрзянской поэзии начала XXI века, рассмотрено в аспекте специфики творческой мирореальности [\[14\]](#), интертекстуальности и способов ее воплощения [\[15\]](#), форм репрезентации лирического «Я» [\[8\]](#). Актуальность нашей статьи обусловлена необходимостью исследования до настоящего времени не изученной пейзажно-сезонной лирики поэтессы, заключающей в себе глубокие философские размышления, онтологический смысл, отражающей внутренние интенции лирического субъекта, передающей авторское мировосприятие и мироощущение. Произведения автора образуют образно-ассоциативное единство, состоящее из «весенних», «осенних», «летних» и «зимних» картин и связанных с ними коннотаций. Каждый сезонный текст имеет определенную систему мотивов и образов, воссоздающих календарный хронотоп, выступающих временными природными маркерами, способствующих трансляции авторских мировоззренческих положений.

Времена года в лирике А. Подгорновой не являются лишь пространственно-временным фоном, они раскрывают эмоционально-психологическое состояние лирической героини, ее рефлексию окружающего мира, глубинные ментальные импульсы, становятся сюжетообразующими компонентами. Сезонные образы наделяются экзистенциальным смыслом, что обусловлено авторским постмодернистским сознанием, отличающимся «трагическим мироощущением, отражением негативных проявлений действительности, нивелирования общечеловеческого ценностного кода» [\[8, с. 108\]](#).

Наиболее частотный образ в лирике А. Подгорновой – весна, изображенный в стихотворениях «Весны ты», «Из апреля», «Сентиментальное», «Букеты», «Эх-вай, тундокай!» («Эх-ой, весна!») и др., наделенный разнородной символической семантикой, амбивалентными коннотациями. Ряд «весенних» стихотворений включает в себе традиционный жизнеутверждающий смысл: весна ассоциируется с воскрешением природы, обновлением жизненного цикла, приносящим человеку радость, восторг, надежду. Атрибутом весны у автора являются, как правило, птицы, цветы. В стихотворении «Сентиментальное» лирическая героиня признается в искренних чувствах к этой дивной поро: *«Люблю время года, когда сад цветет // И на ветках развешаны песни птиц...»* [\[10, с. 77\]](#). Для передачи мощи эмоций, вызванных наступлением весны, используется метафорическая конструкция с элементами цветописи: *«И вся лава – красна, горяча, мощна – // Разольется по тонким моим рукам»* [\[10, с. 77\]](#). Колорит «красный» выступает олицетворением жизни, энергии, пробуждения, подобно проснувшемуся вулкану, который *«тяжело дымит»*. Кроме того, красный цвет символизирует любовное чувство, расцветающее вместе с окружающим миром после долгой зимы, что имплицировано метафорой *«Весна – пора дележа / Ощущений, ночей, и, быть может, душ, / Если знать, где они лежат»* [\[10, с. 77\]](#). Героиня признается, что готова *«встречать весну за день десять раз, / И не каждый миг ее провожать»* [\[10, с. 77\]](#), поскольку она наделяет ее особой чудодейственной силой.

В стихотворении «Течи паро ёжом...» («Сегодня у меня хорошее настроение...») актуализирована традиционная символическая семантика весны как времени душевного очищения, эмоциональной непринужденности. Лирическая героиня испытывает гармонию с окружающей средой, радуется приходу весны: *«Течи паро ёжом: тундось варштась*

вальмас. / Весёла мизолкстто пештизе кудом. / Течи паро ежом: ули мелем ливтнемс, / Ансяк вана Пазось эзь казе селмот. / Тундонь коштто арсян эсь седеем витемс, / А марямс эсь лангсто кодаткак сталмот» [11, с. 16] (Сегодня у меня хорошее настроение: весна заглянула в окно. / Веселой улыбкой наполнила мой дом. / Сегодня у меня хорошее настроение: желание летать, / Только Бог не даровал крылья. / Весенним воздухом мечтаю очистить свое сердце, / Не чувствовать на себе никаких тяжестей. Перевод здесь и далее подстрочный. Наш. – А. М.). Поэтесса передает наступление весны посредством христианского миропонимания, манифестации жизнеутверждающей силы божественного начала – Бог ежегодно посылает на грешную землю весну, таким образом воскрешая ее. Весна соотносится с Воскресением Господним, со светлым праздником Пасхи, посредством которых в мир транслируется нравственное обновление, одухотворение («Пазось корты: «Оймесэнк телень эесь лазовсь, // Эрядо од вийсэ, мазый тундо сы!» [11, с. 16] (Бог говорит: «В ваших душах раскололся зимний лед, / Живите новой силой, красивая весна идет!)).

Веселый пафос доминирует в стихотворении «Эх-вай, тундокай!» («Эх-ой, весна!»), в котором весна в соответствии с народно-поэтической традицией воспринимается юной беспечной девой, одновременно кормилицей, приносящей людям радость, дарующей здоровье: «Вай тундыне, тундыне! // Пизьгатаев судыне, // Цецянь эрьгеть содыть кирьгас – // Якот паксява ды вирьга. / Эх-вай, корьмакай, Зяро кеняркс, тундокай!» [11, с. 19] (Эх-ой, веснянка, веснянка! Носик в веснушках, / Нацепила бусы из цветов – / Ходишь по полям и лесам. / Эх-ой, кормилица, / Сколько радости, весна!). Авторское нежно-трепетное отношение к весне передается посредством уменьшительно-ласкательных форм («тундыне» веснянка, «судыне» носик) и отражающих родственные отношения лексем («патяй» старшая сестра / тетушка, «корьмакай» кормилица). Быстрое наступление весны, динамика в природе передается посредством глаголов движения: «морат-зэрнят» поешь-гремишь, «чарат-велят» крутишься-гуляешь, «якат» ходишь, «ёртнинк» бросайте. Данное стихотворение по содержанию напоминает песню-веснянку, зазыв весны, из календарно-обрядового цикла мордовского народа.

В стихотворении «Букеты» весна лишена семантики природного времени и сезонных маркеров. Автору важно соотнести цветы анемоны, в европейской культуре ассоциируемые с приходом весны, обновлением и цветением природы, зарождением любви, с физиологическими проявлениями в человеке: «Проснулись в груди жернова и зацвели анемоны, // Те самые, что наука назвала словом гормоны...» [10, с. 83]. Мифопоэтическое восприятие цветов («весна раздала по цветку всем богам на смех», «в первобытной, мощной жажде вдыхать его аромат», «анемоновый рай» [10, с. 83]) сменяется авторской иронией над человеческим обществом, людьми, которые словно безумные «из цветов слагают букеты» и «засевают без устали анемоновые поля», дают окружающим непонятные советы «не наделять тем, что есть то, чего нет» [10, с. 83]. Весна, включенная в текст через культурную традицию, наделяется сюжетообразующей функцией, подводит читателя к осмыслению сложных вопросов о смысле человеческого бытия.

В стихотворении «Весна ты» сезонный образ вызван постмодернистским сознанием автора, не коррелирует с его традиционной интерпретацией как одухотворяющей поры. Весна называется «бесноватой», «разбуженной до времени», видимо, по этой причине отношения героини с ней не сложились: «Ведь я же не виноватая, / Что стала тебе бременем, / Я с тобою – смотри – без шуточек, / Щедрая на откровения. / А ты свой волшебный прУточек / Мне в душу – в знак разговения» [11, с. 126]. Приносящая с собой

изменения весна воспринимается как неизвестная сила, нарушающая повседневный образ жизни, привычную размеренность и спокойствие. Лирическая героиня испытывает глубокое психологическое потрясение, признается в своих слабостях, неспособности противостоять весне: *«Почему ты, весна бесноватая, / Из меня мою душу вытрясла? / Я теперь без зимы зимоватая. / Я тепла твоего не вынесла»* [11, с. 126]. Тем не менее она не отстранена от природного мира, наоборот, персонификация весны, монологизированный диалог с ней свидетельствуют о признании героиней силы, непрерывности естественного хода времени и смены сезонов. Имплицированная строкой *«Я с тобой щедрая на откровения»* лирическая рефлексия весны отражает готовность героини подружиться с ней. Несмотря на антипатию в отношениях героини и весны, автор акцентирует яркие пластичные образы весеннего ликования природы: *«Ты пришла в трех нарядах-мантиях, // И ко мне на огонь – в апреле вся...»* [11, с. 126], что призвано транслировать идею величия природного начала.

Образ весны у поэтессы связан с темой одиночества, неудовлетворенности человека, что характерно для постмодернистского сознания. В стихотворении «Из апреля» временная номинация включена в композиционную структуру текста, разделяет пространство лирической героини на прошлое (весну, апрель) и настоящее (осень, октябрь), наполняет произведение онтологическим смыслом о скоротечности жизни. Ретроспективный хронотоп позволяет раскрыть настроение, психологическое состояние героини в динамике. Она не впечатлена прошедшей весной, в ее жизни *«ничего не стряслось»*, она считает, что от весны *«уже ничего не осталось. / Но, к радости, оказалось, / Остались все те же сны. / И чуть подросла усталость»* [11, с. 143]. Разочарование героини от нереализованных мечтаний и желаний имплицировано строкой: *«То, что весной не сбылось, // Скрипит до сих пор в паркетах»* [11, с. 143]. Однако запах весны (*«Сегодня уже октябрь. / А запах весны остался»*), исходящий от *«раздавленного стихами, / Засохшего безнадежно жасмина»*, заставляет героиню по-иному посмотреть на жизнь, воспринять ценность каждой поры. С этой минуты она стремится этот запах *«сберечь до зимы хотя бы»*, поскольку он дает ей воспоминания о прошлом.

Осень – любимый сезон в творческой мирореальности А. Подгорновой. В стихотворениях *«Что мне об осени сказать?»*, *«Прыть лопатне чувто прясто...»* (*«Падают листья с деревьев...»*), *«Сёксень чинезэ – ютазь кизэнь...»* (*«Запах осени – прошлого лета...»*) и др. привлекают внимание не только вербально выраженные природные маркеры, но и символическая семантизация этого времени года. В стихотворении «Что мне об осени сказать?» традиционно экзистенциальное восприятие осени передано лишь во втором двустишии: *«Сухими листьями хрустеть, тоску надламывать, / В вечерних сумерках густеть, дождем обкалывать»* [12, с. 40]. В основной части текста осень персонифицируется, ассоциируется с некой девушкой, «манящей из сентября в октябрь, в янтарь – из золота», такой же одиночкой, как героиня (*«Пойдем ко мне квартировать в груди тесную! / Вдвоем не скучно тосковать, моя прелестная»* [12, с. 40]). Элементы цветописа (*«в янтарь – из золота», «черноземная печаль», «тоска зеленая»*) позволяют передать разные интенции, связанные с осенью. Однако героине она мила и близка в любом проявлении, о чем свидетельствуют ее обращения *«золотка», «моя прелестная», «моя отдушина»*, ее признание *«ты так красива, что терпеть природе тягостно»* [12, с. 40], желание *«дай наглядеться на тебя, останься, золотка»* [12, с. 40]. Характерные для осени природные проявления (сухие листья, обкалывание осенним дождем, ранние сумерки) не отдаляют героиню от этой поры. Осень близка героине, пережившей психологический

стресс, разочарование, угасание чувств, что транслируется последними строками: *«Здесь столько сброшено надежд и чувств засушено... / Здесь все понравится тебе, моя отдушина!»* [12, с. 40]. В данном произведении осень наделяется не экзистенциальным (несмотря на увядание природы, вызывающее минорное настроение), а онтологическим смыслом, ассоциируется с определенным циклом человеческой жизни, где превалируют мудрость, рассудительность, душевное единение.

В стихотворении «Сёксенть чинезэ – ютазь кизэнь» («Запах осени – прошлого лета...») представлен один из повторяющихся мотивов в лирике А. Подгорновой – сочетание времени года с цветами: *«Ожо лопатне – теке цецят»* [11, с. 10] (Желтые листья – словно цветы). Высокую семантику осени актуализирует эпитет «сырнень» золотая, при этом она соотносима с естественными сезонными проявлениями: *«Весе кекшнить пиземень эйстэ. / Весе вечксызь нусманя виртнень, / Сялдыть рудазонтъ весе вейсэ. / Ды мекс-бути кияк а кевкстни, // Мезень кисэ аварди пелесь, // Мекс чипаесь сельмензэ кекштни, / Чополгали валдо менелесь»* [11, с. 10]. (Все прячутся от дождя. / Все любят грустные леса, / Все вместе упрекают грязь. / И почему-то никто не спросит, / Из-за чего плачет туча, / Почему солнце прячет взгляд, / Темнеет светлое небо). Традиционные образно-метафорические ряды свидетельствуют о том, что осень у А. Подгорновой вполне соответствует интерпретации образа в отечественной поэзии. В четвертой строфе пространственные маркеры осени трансформируются в размышления «низкого» бытового характера: *«Ломанентень зряви мезе? / Сэтьме зрямо, ярмак зепе. / Парсте молест тевензэ весе, / Аволь кадово штапо-кепе»* [11, с. 10] (Человеку что нужно? / Спокойная жизнь, денег карман. / Чтоб хорошо шли его дела, / Чтоб не остался голым и босым). Последние строки (*«Пазось яки минек икельга – / А капшатано суюконамо»* [11, с. 10] (Бог ходит перед нами – / Не спешим поклониться ему) переводят сюжет в аксиологическую плоскость, раскрывают истинные ценности современного социума, сконцентрированного на материальных благах, карьере, нивелирующего значимость духовных ценностей. Данным стихотворением подтверждается мысль о том, что сезонный образ у А. Подгорновой редко выполняет лишь описательную или созерцательную функцию, а наполняется онтологическим смыслом.

В стихотворении «Прыть лопатне чувто прясто...» («Падают листья с деревьев...») вызывающие отрицательные коннотации пространственно-временные номинации (*«Туемстэ авардить нармунть, / Лайшить, мезе виест. / Азаргали ютксост вармась – / Седе курок туест. / Раужо менелесь, прок дова, / Ведьбайгеть певерди»* [11, с. 14]) (Перед отлетом плачут птицы, / Рыдают, что есть силы. / Буйствует среди них ветер – / Быстрее улетели бы. / Черное небо, словно вдова, / Слезы роняет) получают абсолютный отклик со стороны героини, воспринимающей осень «азоровой» хозяйкой, наделяемой в естественной среде особым правом. Положительная семантика лексемы «азорава» меняет и читательское восприятие осени, эксплицитно изображенной посредством традиционных образов (овдовевшая природа, улетающие птицы, холодный ветер, черное небо). Лирическая героиня в это время года чувствует прилив сил, духовный подъем, энергию, которые помогают ей пройти еще один этап жизни: *«Ансяк монень ялатеке, // Тунь эзь машто вием! // Лисян, ды рудазганть кепе // Варманть мельга – вирев!»* [11, с. 14] (Только мне безразлично, / Я не обессилела! / Выйду, и по грязи босиком / За ветром – вверх!). Таким образом увядание природы, ее переход в иное состояние не коррелируют с мироощущением лирической героини, однако воспринимающей их закономерными и естественными в цикличном круговороте природной жизни, что не вызывает антиномию осень – героиня.

Менее частотными сезонными образами в лирике А. Подгорновой являются лето и зима. «Летние» картины эксплицированы в произведениях «Таго капши туеме кизэсь...» («Опять торопится уйти лето...»), «Ожо отьма вельксэ ашти кизэсь...» («Над желтым обрывом стоит лето...»), «Пужозь цецянь пусмо казсь тень кизэсь...» («Букет завязших цветов подарило мне лето...»). В стихотворении «Таго капши туеме кизэсь...» («Опять торопится уйти лето...») доминирует мотив скоротечности этого времени года, транслируется мысль об экзистенциальности природного сезонного цикла. Традиционные пространственно-временные маркеры лета («пиземесь ведьсэ пизесь» дождь водой моросил, «чипаесь эждясь паксят» солнышко грело поля, «менельсэ кизэнь ковось ожо тештинетнесэ ловнось, уиця пельтнень мельга вансь» в небе летняя луна желтые звездочки считала, смотрела вслед уплывающим тучам) резко прерываются осенними номинациями: «Таго прась чувто прясто лопась – / Мазый пертьпельксэсь сеске опамсь» [11, с. 45] («Опять упал с дерева лист – / Красивая природа сразу сникла»). Самоощущение героини не успевает коррелировать с состоянием летней природы из-за скоротечности сезонного цикла, что усугубляет экзистенциальный смысл образа лета. Создается впечатление отсутствия временного промежутка между летом и осенью, что манифестировано в анафористических строках: «Таго капши туеме кизэсь, // Таго ютазенть эйстэ арсят. / <...> Таго сексесь сась апак терде – / Кикст ендолонь верде певерди» [11, с. 45] («Опять торопится уйти лето, / Опять вспоминаешь о прошлом. <...> Опять осень пришла без приглашения, / Следы молнии сверху роняя»).

Тот же мотив кратковременности летнего периода имплицирован в стихотворении «Ожо отьма вельксэ ашти кизэсь...» («Над желтым обрывом стоит лето...»). Пространственно-временные маркеры сезона традиционны, но оригинально воплощены в персонифицированные образы молодого лета и его жены: «Ожо отьма вельксэ ашти кизэсь, / Никси ледезь тикшень тантей чине. / Шожда варминесь, пси кизэнь низэ, / Сонзэ перька эльнесь-налксэсь чийни» [11, с. 83] («Над желтым обрывом стоит лето, / Вдыхает запах скошенной травы. / Легкий ветерок, жена жаркого лета, / Вокруг него балуясь-радуясь бегают»). Как и в предыдущем тексте, лето сливается с приближением осени, что транслируется метафорой «зярс кизэсь эзь вельтявт ожо коцтсо» (пока лето не накрылось желтым покрывалом). Во второй строфе осознание летом своей скоротечности и последних воспоминаний («Ашти кизэсь, А лыкияк, ледстни / Кемгавтово таргонь эрямонзо. / Пиже сельместэнзэ капшазь петни / Байгинекс меельце ледстямозо» [11, с. 83] («Стоит лето. Не шелохнется, вспоминает / Свою жизнь на протяжении двенадцати недель. / С зеленых глаз неудержимо бегут / Капель его последние воспоминания») создает элегический дискурс, что придает лирическому сюжету драматическое звучание, подводит к осмыслению онтологической аксиомы о невозможности удержать время.

Образ зимы, один из наиболее частотных в отечественной поэзии, что обусловлено географическими и природными реалиями российской действительности, у А. Подгорновой встречается редко. Мы обнаружили лишь одно стихотворение «Чевте ловось яла прась ды прась...» («Белый снег все падал и падал...»), в котором четко прослеживаются временные маркеры и номинации. Образ зимы здесь наделяется положительными коннотациями, ассоциируется с красотой, свежестью, сердечной мягкостью, заботой. Ее восприятие лирической героиней передается строкой «Алак капша сырган телень каршо» [11, с. 6] («Не спеша пойду навстречу зиме»). Зимнее пространство не враждебно ни по отношению к человеку, ни к природе, что транслируется метафорой «седейс токи кельме чевтечизэ», «модась сови телень лембе ашо пизэс» [11, с. 6] (чувствуется его холодную мягкость сердца, земля заходит в теплое

белое гнездо зимы). Центральный образ произведения – снег – осмысливается жизнеутверждающей стихией, что передается автором посредством лексем с положительной семантикой: «чевте» мягкий, «ванькс» чистый, «ашо» белый, «прок эйде» словно ребенок, «мазий» красивый, «од» свежий. Присутствующий в анализируемом стихотворении традиционный для «зимних» текстов мотив выцветания природных красок («Модась раужо, прок вельтизе сод» [11, с. 6] (Земля черная, словно покрыта сажей) не получает отрицательную коннотацию за счет метафоры «модась сови тельень лембе ашо пизэс» [11, с. 6] (земля заходит в теплое белое гнездо зимы), усиливающей мотив тепла холодного времени года.

Таким образом, экспликация времен года в лирике А. Подгорновой обусловлена мироощущением автора, его творческой концепцией. Сезонные природные картины прочно вовлечены в онтологические задачи поэтессы: изменения в естественной среде становятся поводом для размышлений об извечных вопросах человеческого бытия. Любимое время года автора – осень, репрезентированная посредством пространственно-временных маркеров с отрицательной коннотацией, тем не менее воспринимаемая героиней близкой по духу стихией. «Весенние» тексты наделены диаметрально противоположной семантикой: в одних весна получает положительную оценку, в других символизирует одиночество, хаос, дисгармонию. Образы лета и зимы находятся на периферии творческой картины мира А. Подгорновой. Зима соотносится с традиционной ее интерпретацией как времени преобразования, очищения, спокойствия. Лето вызывает у героини определенное разочарование, поскольку граница между летом и осенью иллюзорная.

Библиография

1. Алексенко А. Д. Образ зимы в цивилизационной картине мира сонетов Георгия Владимировича Голохвастова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №1(29). С. 158–165.
2. Арзамазов А. А. Мотивно-образный кластер «времена года» в поэзии Сергея Матвеева (книга «Инсьёр пёртмаськонъёс») // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 12 (51). С. 65–73.
3. Атаманова Н. В. Лексический концепт «зима» в поэзии Ф. И. Тютчева // Reports Scientific Society. 2023. № 10 (42). С. 10–15.
4. Ворожцова Н. А. Времена года в цикле К. К. Случевского «Из природы»: авторская концепция мироздания // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 123–131. URL: https://vestnik.ksu.edu.ru/attachments/article/896/vorozhцова_na-vestnik-2023-1-ru.pdf (дата обращения: 26.04.2024)
5. Кротова Д. В. Символика времен года в лирике В. Шаламова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2 (87). С. 79–82.
6. Левицкая Н. Е. Временная сфера картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Бориса Рыжего // Вопросы русской литературы. 2018. №4 (46/103). С. 24–45.
7. Маслова А. Г. Времена года в поэзии Г. Р. Державина // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 2. № 3. С. 317–324.
8. Муромцева А.О. Репрезентация лирического «Я» в поэзии А. Подгорновой // Litera. 2024. № 3. С.205-208. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70105 EDN: НРКНЦИ URL: https://e-notabene.ru/fil/article_70105.html
9. Пантелеева В. Е. Времена года в русской поэзии удмуртского поэта В. Ар-Серги // Этническая культура. 2023. Т. 5. № 2. С. 48–52. URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_54011238_98670327.pdf (дата обращения: 28.04.2024)

10. Подгорнова А. Кроме рифм. Саранск, 2016. 144 с.

11. Подгорнова А. Марьямга (Вслух). Саранск, 2013. 160 с.

12. Подгорнова А. Мель (Мысль). Саранск: «Красный Октябрь», 2021. 112 с.

13. Спирина Е. В. Времена года в саяно-алтайской поэзии как духовное отражение народа // Семантика чисел и символика геометрических фигур в традиционной культуре тюрко-монгольских народов: материалы международной научно-практической конференции научных работников, преподавателей образовательных структур всех уровней, аспирантов и магистрантов. 2020. С. 93–100. URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_42376925_71459939.pdf (дата обращения: 27.04.2024)

14. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Габидуллина Ф. И. Специфика поэтической системы А. Подгорновой (сборник «Мель» («Мысль»)) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 123–132.

15. Шеянова С. В., Юсупов А. Ф., Маскаева А. В. Интертекстуальность как способ воплощения авторского мироощущения в поэзии А. Подгорновой // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 150–158.

16. Шохина Е. В. Акватические и соляные мотивы в летних текстах русских поэтов начала XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 2. С. 81–84.

17. Шохина Е. В. Зима как отражение русского национального характера в поэзии начала XIX века // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т. 25. Вып. 5. С. 103–107. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3504/3446> (дата обращения: 27.04.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Времена года в лирике Алины Подгорновой», представленной для публикации в журнале «Litera», анализу подвергается поэзия эрзянской поэтессы А. Подгорновой. Предметом исследования стали стихотворения, содержащие сезонные номинации. Изучая их смысловое содержание, автор рассматривает произведения поэтессы в образно-ассоциативном единстве, определяя в каждой сезонной картине – «весенних», «осенних», «летних» и «зимних» картинах – традиционные и окказиональные мотивы и образы, которые позволяют раскрыть авторское мировоззрение, эмоционально-психологическое состояние лирической героини. На основе изучения текстов исследователь доказывает свойственность лирике А. Подгорновой постмодернистского сознания с присущим ему «трагическим мироощущением, отражением негативных проявлений действительности, нивелированием общечеловеческого ценностного кода». Методология исследования опирается на ряд литературоведческих работ, посвященных изучению проблемы эстетической роли и семантики сезонной образности в отечественной литературе. Приведенные в библиографии труды Алексенко А. Д., Арзамасова А.А., Атамановой Н.В., Ворожцовой Н.А., Кротовой Д.В., Левицкой Н.Е. Масловой А.Г., Пантелеевой В.Е. и др. целиком способствуют обоснованию и дальнейшему раскрытию темы. Актуальность исследования вызвана необходимостью изучения пейзажно-сезонной лирики поэтессы, «закрывающей в себе глубокие философские размышления, онтологический смысл, отражающей внутренние интенции

лирического субъекта, передающей авторское мировосприятие и мироощущение», что в конечном итоге позволяет «раскрыть не только индивидуально-авторскую картину мира, но и выявить тематические преференции, тенденции развития мордовской литературы в целом». Научная новизна исследования заключается в обращении к неисследованной до этого проблематике отражения времен года в женской поэзии, изученной на материале произведений одного из ярких представителей мордовской поэзии.

При анализе творчества А. Подгорновой автор выделяет весну как наиболее частотный образ в лирике изучаемого поэта, который раскрывается через традиционные метафоры и ассоциативные ряды. Однако характеристика весны в русле постмодернизма привносит темы одиночества, неудовлетворенности человека. Любимым сезоном поэтессы обозначена осень, которая раскрывается через традиционные образно-метафорические ряды и соответствует интерпретации образа в отечественной поэзии. Особенностью лирики Подгорновой является то, что зима, несмотря на широкую распространённость в творчестве других российских авторов, практически не находит применения в поэзии А. Подгорновой.

Стиль, структура, содержание исследования вполне соответствуют критериям научного текста. Выводы корректны, интерес читательской аудитории к материалам статьи безусловен.

Замечены некоторые орфографические ошибки при переводе текстов, которые легко устранимы («Букет завязших цветов подарило мне лето...», чувствуется его холодную мягкость сердца, земля заходит в теплое белое гнездо зимы).

Статья «Времена года в лирике Алины Подгорновой» может быть рекомендована в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ю. Эволюция художественного конфликта в творчестве В.С.Маканина // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71021 EDN: CKHRXQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71021

Эволюция художественного конфликта в творчестве В.С.Маканина

Чжан Юйкунь

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы филологического факультета; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

620075, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 954504210@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71021

EDN:

CKHRXQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-06-2024

Аннотация: Предметом исследования является художественный конфликт в произведениях В. С. Маканина. Объектом исследования выступает эволюция данного конфликта на протяжении различных периодов творчества писателя. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как влияние социальных и исторических изменений на структуру и содержание художественного конфликта. Особое внимание уделяется анализу трёх ключевых этапов в развитии конфликта: период советской эпохи, время социальных реформ и современный этап интеграции российской литературы в мировой литературный контекст. Анализируются основные тематические и стилистические изменения, которые происходили в литературе в ответ на общественные и культурные трансформации. Исследование представляет интерес для глубокого понимания специфики русской литературы конца XX – начала XXI века, а также для изучения взаимосвязей литературного процесса с историческими и социальными изменениями в стране. Методология исследования включает морфологический анализ структуры произведений Маканина, стилистический анализ как культуро-специфического кода автора и моделирующий метод для предсказания литературных трендов и создания вариаций текстов. Основными результатами проведенного исследования являются

выявление и анализ трехэтапного развития художественного конфликта в произведениях В. С. Маканина. Первый этап отражает трансформацию советского и российского общества, второй – распространение социальной толерантности в последние годы СССР, а третий – модернизацию и интеграцию России в мировую культуру с 1991 года. Особым вкладом автора в исследование темы является глубокий анализ изменения художественного конфликта в контексте социокультурных трансформаций общества. Исследование показывает, как внешние социальные и культурные изменения влияют на внутренний мир персонажей и структуру художественных текстов. Новизна исследования заключается в многоаспектном подходе к анализу художественного конфликта, который позволяет не только рассматривать его в рамках литературной структуры, но и отражать широкий спектр взаимосвязей между литературным произведением и изменениями в обществе на протяжении различных исторических периодов. Это позволяет глубже понять механизмы взаимодействия литературы и социума, а также оценить индивидуальный вклад писателя в отражение и интерпретацию этих изменений через призму художественного конфликта.

Ключевые слова:

русская литература, художественный конфликт, Маканина, структура прозы, жанр, Эволюция литературы, Литературные тенденции, Социокультурные изменения, Советская литература, Постсоветский период

Введение. Теоретический фундамент изучения конфликта, а главное художественного конфликта – кажется возможным построить благодаря системному подходу, общенаучные преимущества которого очертил М. С. Каган [\[1\]](#), а литературоведческие – Дж. Каллер [\[2\]](#), Й. М. Киселев [\[3\]](#) и Е. А. Кравченкова [\[4\]](#). Так, по мнению М. С. Кагана, этот подход уместно использовать для изучения системных объектов, поскольку именно он призван предоставить целостные знания о них [\[1, с. 76\]](#). Последнее обеспечивается тем, что, во-первых, исследуемая система рассматривает художественный конфликт как часть метасистемы, то есть извне, из среды, в которую он вписан и в котором функционирует; во-вторых, изучение системы происходит в трех плоскостях: предметной, функциональной и исторической – которые должны быть признаны достаточными методологическими компонентами системного подхода как целого.

Длительное время исследование понятия «конфликт» осуществлялось с помощью описательного (через систему соприкасающихся понятий) и миметического (через описание существенного в существующем) подходов. Еще античное театроведение сформировало терминологический ряд на обозначение понятий и категорий, связанных с конфликтом. Было введено в обращение понятие «агон» – «словесное состязание, во время которого два противника защищают противоположные положения, а хор подстрекает их» [\[5, с. 58\]](#) – и «перипетия» – изменение событий к противоположным законам вероятности или необходимости [\[6, с. 657\]](#).

Относительно художественного конфликта все кажется значительно сложнее и требует в первую очередь аргументов для отграничения его от жизненного. Анализируя опыт всемирной литературы и литературоведения, можно увидеть множество доказательств того, что художественный конфликт отражает жизненный конфликт, а это является предпосылкой применения моделирующего подхода, сущность которого рассмотрим ниже.

Поскольку конфликт – это способ мотивационного и причинно-следственного объяснения событийной цепи через противоположные отношения между носителями противоположных идей, то он непременно получает смысловую нагрузку [7, с. 62]. Именно конфликт, по мнению И. Киселева, определяет пафос и событийный уровень произведения. Определение конфликтом идеи и пафоса произведения помогает сформулировать еще одну его функцию – эстетическое воспитание читателя и зрителя (при условии, что произведение получит сценическое воплощение) [3].

Между тем возникновение неограниченного количества читательских интерпретаций конфликта, отраженного в художественном произведении, не обязательно определяется наличием ряда критериев, в частности маркированности и многозначности. Иными словами, только тот конфликт, который охватывает обобщенные образы, которые подвергаются разноинтерпретации, является художественным. Зато конфликт, участники которого вполне конкретны (как это есть в фельетонах, пародиях, произведениях-репликах художественных дискуссий), хотя и воплощен в художественном произведении, сам художественным не является. Он может стать художественным, если для читателя его участники потеряют конкретность, перестанут быть однозначными, а ведущую роль начнут играть скрытые маркеры художественности.

Возможно, проблема со способностью искусства понимать смысл конфликта (в том числе с литературой эстетического поворота) состоит в том, что невозможно удержаться от «превращения лоскута в деталь, а искусства – в цель» [8, с. 91]. Однако именно в этот момент человек сталкивается с самим конфликтом, и «эстетика произведения либо открывается, либо растворяется в любой функции, которую она еще может выполнять» [8, с. 91]. Возможно, эту нецелесообразность следует признать, и именно в этом признании вклад литературы в художественный конфликт обретает свою интенсивность и значимость.

Проблематика исследования. Исследованием проблематики интерпретации образов и художественных конфликтов в прозе В.С. Маканина занимались известные российские и китайские ученые и исследователи. Так, кандидат филологических наук РФ Е. А. Кравченкова в своей диссертации выделяет «широкий спектр тем, отражаясь в разных произведениях писателя, формирует главную проблему творчества В. С. Маканина – страдание и боль человека» [4, с.7]. Доктор филологических наук РФ Т. Н. Маркова считала, что «утрата – важнейший из лейтмотивов прозы В.С. Маканина. Значение этого слова-концепта в ходе развертывания маканинского повествования разрастается, ширится, пока не приобретает громадных, всеобъемлющих масштабов, соотносимых разве что со смыслом человеческого бытия. Подменяя понятие «памяти» понятием «памятник», человек утрачивает связь с прошлым, а значит – теряет ощущение самого себя во времени» [9, с. 16].

Широкое распространение в контексте темы исследования получила русскоязычная монография китайского ученого Гун Цинцин, которая в своей книге сосредоточилась исследовании связи произведений писателя с постреализмом и постмодернизмом, с мифологией и фольклором как важнейшими истоками современного художественного сознания [10]. Также исследованием данной проблематики занимались Се Чжоу, Чжан Вэйвэй [11] и Хоу Вэйхун [7].

Основная часть. Владимир Маканин (1937-2017 годы) – один из самых влиятельных и авторитетных писателей в современных российских литературных кругах. Писатель

родился в 1937 году, а публиковать произведения начал в первой половине 1960-х годов. Это поколение писателей, положивших конец жесткому «железному веку» русской литературы, создавшим «оттепельную литературу» и открывшим «бронзовый век». Лишь более десяти лет спустя работы В. С. Маканина привлекли внимание критиков, и его отнесли к следующему поколению «писателей семидесятых».

Двумя основными факторами, которые способствовали трансформации советского российского общества в 1960-х и 1970-х годах, были: высокоцентрализованная административная власть Советской России и научно-техническая революция, активно продвигавшаяся после «оттепели». Эти два фактора способствовали урбанизации российского общества, но они же создали ситуацию, при которой жизнь людей стабильна и однообразна, их мысли просты и бедны, а индивидуальность почти исчерпана.

Именно из-за этой огромной перемены В. С. Маканин увидел, что он не пишет о крупных темах, положительных персонажах и таких героических личностях, как другие писатели семидесятых. Свое внимание он сосредоточил на простых городских жителях, которые в реальной жизни составляли подавляющее большинство населения.

К началу 1980-х годов он опубликовал «Прямую линию», «Повести о Старом Поселке», «Ключарев и Алимускин», «В большом городе», «На зимней дороге» и более десятка сборников работ, все эти произведения описывают посредственность советского российского общества. Главный герой книги либо становится бездарным в «бытовой жизни», как Ключарев в рассказе «Ключарев и Алимускин», либо как Ключарев в рассказе «Голубое и красное». Главные герои В. С. Маканина сознательно культивируют свое понимание «правильности», обладают личными характеристиками и транслируют персонализированный стиль жизни. Это отрицание посредственности и утверждение индивидуальности противоречат единственному и исключительному «советскому образу жизни», пропагандируемому советскими чиновниками в то время. Поэтому в глазах советской официальной критики произведения В. С. Маканина содержали в себе что-то подозрительное и не могли быть опубликованы. Поэтому неудивительно, что к нему относились холодно. Его произведения на этом эволюционном этапе относят к серой литературе, а его героев относят к промежуточным персонажам [\[9\]](#).

С распространением социальной толерантности в Советской России в середине 1980-х годов и распадом Советского Союза в конце 1991 года в России появилось то, что Сартр называл «творческой свободой, встроенной в политическую свободу». В. С. Маканин вступил в новый творческий период.

С середины 1980-х годов В.С. Маканин последовательно публиковал такие рассказы, как «Наше утро», «Кавказский пленный», «Место под солнцем», «Где сходилась небо с холмами», «Мужчина и женщина», «Утрата», «Долог наш путь», «Лаз», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» и другие повести: «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Испуг», «Асан» и другие романы.

По сравнению с ранними творениями В. С. Маканина эти произведения имеют более широкую тематику, содержат описание более богатых характеров личностей и более разнообразные жанры. Автор пишет об инженерах, дворниках, душевнобольных, фронтовиках, пенсионерах, писателях-фрилансерах и многом другом. Его романы включают реалистические романы, романы-антиутопии, социально-психологические романы и романы смешанных жанров, которые трудно классифицировать.

В произведениях этого этапа В.С. Маканин продолжает фокусироваться на жизни

простых людей в современном обществе и теме банальности. Отличие от предыдущего эволюционного этапа писателя заключается в том, что теперь он может без каких-либо сомнений описывать и анализировать посредственность всего общества и его вред. Например, он указывал в «Сюжете усреднения», что благодаря творческому и индивидуальному духовному поиску многих людей с высокими идеалами русская культура XIX века показала бурно развивающуюся восходящую тенденцию, обусловленная русской культурой XX века; его опора на уже существующее. Найдя так называемую вечную истину и отказавшись от исследования и стремления к индивидуальности, он превращается в питательную среду для лени и посредственности. Писатель также осознал глубокую истину, вытекающую из обычного явления очередей в советском российском обществе [\[12\]](#).

В условиях дефицита и ограниченности возможностей людям приходится стоять в очереди, чтобы что-то сделать. И именно потому, что возможностей так мало, каждый в очереди надеется вытеснить человека перед собой, поэтому из всех сил старается быть придирчивым к человеку впереди. То, как люди выстраиваются в шеренгу, и небольшое отклонение от линии становится причиной того, что толпа сзади нападает на него и выгоняет из игры. При этом, чтобы не быть вытесненными из очереди другими, все в очереди старались из всех сил стоять в очереди и не смели отклониться ни в малейшей степени. Со временем посредственность, распри, конформизм и жесткое мышление стали хроническими болезнями общества.

В произведении «Лаз» В. С. Маканин акцентирует внимание на интеллигентской сущности героя, которая находит выражение в деталях его образа. Одной из таких деталей является тщательно оберегаемая шапочка с помпоном. На первых страницах рассказа Ключареву нравится бродить по великолепно освещенным коридорам, их мягкий свет успокаивает его. Он описывает освещение как «чудо» и замечает радостное отсвечивание стен, красивые светлые календари и даже белые медицинские халаты, которые собирают в себе частицы рассеянного теплого света. Однако со временем героя начинает настораживать невозможность определить источник этого света, который направлен на тот или иной предмет, словно удар шпаги [\[13\]](#). В романе отсутствует резкое противопоставление между «настоящим» и «будущим». Даже среди относительно благоустроенных жителей подземелья нет веры в перспективность мира, основанного на крови и слезах. Зримым символом этой утраты надежды является холм, на котором находятся «билеты в будущее», достигший уже человеческого роста.

В новом веке В. С. Маканин по-прежнему описывает таких героев: у них много недостатков и грехов, но они также хорошо умеют сочувствовать и любить других, наделены совестью, а совесть может вызвать существование из состояния затерянности в толпы. Другими словами, писатель выступает за жизнь, полную свободы, индивидуальности и выбора. Такими людьми являются старик-пенсионер в «Испуге» и майор Жилин в «Асане». Первый из двоих придерживается своей личности и демонстрирует свою жизнь заботой и любовью к женщинам [\[14\]](#). Второй придерживается своей личности и использует свое остроумие и храбрость для беспрепятственного выполнения служебных обязанностей, заботы о своих подчиненных и коллегах, а также помощи чеченцам. Человек и этническая русская мать, приехавшая в зону боевых действий в поисках пленного сына. Никто из них не «тает» среди своих братьев. Их изображения заставляют людей чувствовать себя реальными и заслуживающими доверия, даря им духовное просветление и удовольствие [\[15\]](#).

Романы, написанные В. С. Маканиным в XXI веке, обладают огромным читательским

потенциалом благодаря обширному наследованию им прекрасных традиций русской литературы и литературы других стран мира. Эту характеристику писателя можно оценить и по названиям перечисленных выше произведений. Например, «Кавказский пленник» напоминает нам одноименный роман Льва Толстого [\[16\]](#), а «Андеграунд, или Герой нашего времени» естественно напоминает «Записки из подполья» Достоевского [\[17\]](#). Это создает бесконечно широкое идеологическое пространство для понимания произведения читателями. Можно проследить все этапы формирования и развития конфликта в произведениях писателя, которые обосновываются на достижениях его предшественников. Однако, если сравнить судьбы Жилина Толстого и Жилина Маканина, можно выделить диалог писателя с предшественниками, дополняющий их. Нынешняя мировая война стала более жестокой, судьбы людей становятся еще более трагичными, потому что Жилин Толстого наконец-то добился хорошего результата побега из тюрьмы, но Жилина Маканина в конце концов забили до смерти люди, которых он заботил и любил всеми возможными способами, что стало абсурдной ситуацией.

В творчестве В. С. Маканена характер структуры художественного конфликта важнее самого развития сюжета, и эта структура в значительной степени берет на себя функцию непосредственной передачи тематического смысла. В качестве примера возьмем романы «Где сходилась небо с холмами» и «Стол, покрытый сукном и с графином посередине». По сути, обе работы имеют уникальную двухслойную структурную схему: создавая явную структуру, автор конструирует и неявную структуру, нарушающую причинную корреляцию явной структуры. Именно на этом скрытом структурном уровне, который легко упустить из виду, автор нарушает «закон образования и преобразования энергии» на поверхности произведения и достигает риторического замысла зеркального отражения: раскрытия конфликта – самосуществующего и парадоксального [\[18, с. 199\]](#).

Роман «Где сходилась небо с холмами» неявный и глубокий, отражающий изменения в человеческих эмоциях и мире, показывающий влияние современной индустриальной цивилизации на человеческую душу и культурные традиции. Воздействие романа выражает сожаление автора по поводу постепенной утраты драгоценного культурного наследия русского народа и безразличия человеческой природы. В романе автор дает нам основание для такого вывода [\[19\]](#).

В начале романа автор впервые показывает печаль главного героя Башилова через описания поведения и выражения, такие как «держаться за голову и надолго замолчать», «нахмуренное лицо», «седина» и т. д. Затем автор описывает былую красоту и нынешний упадок родного города главного героя Башилова, и рассказывает историю о спасении, которого невозможно достичь путем создания образа спасителя [\[19\]](#). Под руководством такого повествовательного направления мы легко можем сформировать логический смысл сюжета, а именно: селяне – заброшенность – наследие. Эта тенденция вызывает у нас большее сочувствие к неспособности Башилова экономить.

«Стол, покрытый сукном и с графином посередине» – это тоже произведение с зеркально-отражающими обвинениями. В романе используется повествовательная перспектива от первого лица и используется «повествование собственной истории» (персонаж является одновременно рассказчиком и главным героем), чтобы создать для нас реалистичный опыт процесса допроса. В начале романа читатель попадает на допрос, и допрос описывается с точки зрения подсудимого, создавая для читателя напряженный и конфронтационный контекст.

В произведении «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» используется

стратегия повторения деталей. Эти мелкие детали могут показаться не связанными с основной историей, но, если поместить их в контекст текста в целом, можно увидеть причину их существования [\[20\]](#).

Посредством ряда мер, таких как руководство расследованием, сочетание силы и мягкости, грубое обращение, нарушение логики, подстрекательство и уговоры, а также лицемерие, дознаватели «полностью разоблачали и разрывали «я» человека, подлежащего судебному разбирательству, до тех пор, пока человек был всего лишь чистый лист, пока они не поймут все детали, пока их личность не разрушится» [\[20\]](#). В то же время уровень их жестокости также крайне удивителен. Они получают чувство выполненного долга, а затем и своего рода удовольствие, потому что люди, находящиеся под судом, покрыты синяками и кровью. Однако те же самые мучители, которые сходят с ума сразу после допроса, возвращаются к своей нормальной человечности, как только выходят из группы. Об этом свидетельствуют мимолетные подробности о добром характере допрашивающего, которые автор часто описывает, когда интенсивность допроса достигает максимума.

Главный герой романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» Петрович – несостоявшийся писатель-подпольщик, который имеет уникальный и альтернативный темперамент и стремление к индивидуальности, сексуальную свободу и право выбора жизни. Он не приемлет системы прошлого и одинаково несовместим с новым порядком после распада Советского Союза. Не сумев интегрироваться в общество, ему пришлось изменить свой образ жизни и отношения с обществом [\[17\]](#). Художественный конфликт этого героя описывается в форме самовыражения и сопротивления. Он совершил убийство, в которое не мог поверить. Таким героям не суждено найти своего места в обществе, а их жизнь и судьба печальны.

Петрович обладает чертами русского человека нью-эйджа. По его внешности и мыслям можно сказать, что это городской представитель низшего сословия, бездомный, имя которого неизвестно и отвергнуто обществом. Подобно некоторым героям экзистенциальной литературы, имена для них излишни, они жертвы общества и времени. Однако этот типичный деятель из низов общества легко может стать убийцей. Пустые суждения и невымышленные мучения были основой его жизни. Главный герой тот же одинокий циник со сломленной личностью, психопат, замученный жизнью, вызывающий у людей жалость [\[17\]](#).

В этом произведении В. С. Маканин создает негативный образ уставшего и устаревшего персонажа, в котором нет ничего нового. Такого рода подпольные люди являются представителями городского дна и являются сегодня новой столицей России. Нищие в эпоху первоначального накопления. Они рассматривают маргинальность как самостоятельно выбранное состояние существования [\[21, с. 8\]](#).

Главной особенностью художественного конфликта в произведении В. С. Маканина, по мнению М.Ф. Амусина, является то, что «хорошо знакомая читателю жизненная реальность инфицируется фантастическим, немыслимым допущением или «отчуждается» с помощью гротескных приемов, гипербол, перенесения в иной хронотоп» [\[18, с. 256\]](#).

Определяющую роль играет конфликт и в отношении сюжета, темы произведения («конфликт, возникающий в произведении как движущая сила его сюжета и звено, сочетающее сюжет и фабулу произведения с его темой»), его идеи. Но для выяснения идейной позиции писателя недостаточно знать, какой конфликт им избран и какие

социальные силы находятся в состоянии столкновения, а следует определить разрешение конфликта (которая должна соответствовать доказывающей общественной закономерности: художественный конфликт – это модель конфликта жизненного), в частности какая сила и как одержала победу. И именно поэтому целесообразно говорить, что нет конфликта воплощает главную идею (долгое время эта мысль господствовала в литературоведении), а благодаря конфликту раскрывается идея произведения, очерчивая, таким образом, его функциональное предназначение.

За последние двадцать лет публикация каждого произведения В. С. Маканина вызывала огромный резонанс среди читателей и критиков, а оценка Маканина в обществе продолжала расти: в 1993 году он прославился «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» получил Букеровскую премию за русские романы. В 1999 году стал лауреатом Российской государственной литературной премии за «Кавказский пленник» и «Андеграунд, или Герой нашего времени». В 2008 году – получил награду «Шедевр» за «Асан». Кроме того, он также является лауреатом важных международных литературных премий, таких как Премия Москвы-Пеннета и Пушкинская премия (учрежденная Фондом Чопфера). В 2008 году был экранизирован роман Маканина «Кавказский пленник» (фильм назывался «Пленники»), а во МХАТе была поставлена одноименная пьеса по его роману «Река с быстрым течением». Эти фильмы и спектакли были тепло приняты зрителями.

Заключение. Художественный конфликт – это модель жизненного конфликта, которая: 1) носит антропоцентрический характер, то есть участникам выступают конкретные характеры, лишённые однозначного трактовки, или обобщённые образы, подвергающиеся разноинтерпретации; 2) выступает имманентным художественно-конструктивным элементом произведения; 3) для исследователя обладает доминантными оценочную и эстетическую, а для читателя – дидактическую и катарсическую функции. Это обусловило необходимость глубокого изучения эволюции художественного конфликта в произведениях российского писателя В. С. Маканина.

В. С. Маканин – современный российский интеллектуал и хранитель традиционной культуры. В своих ранних работах он описывал посредственность советского общества, а в более поздних произведениях обращал внимание на жизнь простых людей и банальность. Его романы и рассказы разнообразны по жанрам и характерам персонажей. Структура повествовательных его произведений часто выходит за пределы самого текста и содержит в себе писательское понимание мира, жизни и искусства. Писатель ломает традиционную структурную художественного конфликта – привычку устанавливать замкнутую сюжетную разгадку, а затем демонтирует образ мышления завершением сюжета и идеологического повествования в рамках категории детерминистского мышления и транслирует смысл конфликта на читателя. Понимание сути конфликта достигает эффекта зеркального отражения, раскрывая оппозицию между «истинным я» и «ложным я». Более того, в этой имплицитной структуре заметно и то, как автор в определенной степени раскрывает причины смысла самого произведения.

Библиография

1. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат. 1974. 328 с.
2. Каллер Дж. Теория литературы. Краткое введение. М.: АСТ. 2006. 158 с.
3. Киселев Й. М. Конфликт в художественном произведении. К.: Держлитвидав УРСР. 1962. 76 с.
4. Кравченкова Е. А. Художественный мир В.С. Маканина: Концепции и интерпретации:

- дисс. кандидата филологических наук: 10.01.01. Москва. 2006. 273 с.
5. Головня В. В. Аристофан. М.: АН СССР, 1955. 184 с.
 6. Аристотель. Сочинения : в 4 т.; пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 830 с.
 7. 侯玮红:论马卡宁小说创作的艺术风格, 载《外国文学评论》, 2001 年第 2 期, 第 60 页-66 页 = Хой Вэйхун: О художественном стиле создания романа Маркканена, «Обзор зарубежной литературы». 2001 г. Выпуск 2. С. 60-66.
 8. Rugo D. The patch as method: The arts' contribution towards understandings of conflict. Int Polit Sci Rev. 2024. № 45(1). P. 81-93.
 9. Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): дисс. д-ра филол. наук : 10.01.01. Екатеринбург. 2003. 379 с.
 10. Гун Ц. Авторское сознание и формы его выражения в прозе В. С. Маканина 1970-1980-х годов: монография. отв. ред. М. В. Скороходов; ред. Н. Кисина. Москва: Водолей, 2022. 299 с.
 11. Се Чжоу, Чжан Вэйвэй. Ретритная духовная практика и антропология аскезы в романе В. Маканина «Предтеча». Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 110-125.
 12. Маканин В.С. Сюжет усреднения: сборник «Однодневная война». М., Издательство: Эксмо, 2010. 352 с.
 13. Маканин В.С. Лаз. сборник «Линия судьбы и линия жизни»: романы. М.: ЗАО Изд-во Центрополиграф. 2001. 599 с.
 14. Маканин В.С. Испуг. М. Издательство: Эксмо. 2011. 370 с.
 15. Маканин В.С. Асан. М. Издательство: Эксмо. 2018. 480 с.
 16. Маканин В.С. Кавказский пленный. Предисл. Н. Ивановой. М.: Панорама. 1997. 476 с.
 17. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени: роман. Москва : Вагриус. 1998. 493 с.
 18. Амусин, М. Ф. Алхимия повседневности: очерк творчества Владимира Маканина. Москва : Эксмо. 2010. 445 с.
 19. Маканин В.С. Где сходилась небо с холмами. М.: Вагриус. 2000. 207 с.
 20. Маканин В.С. Стол, покрытый сукном и с графином посередине. Сборник «Прямая линия». М. Издательство: Эксмо. 2010. 119 с.
 21. Шилина К. О. Поэтика романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»: дис. канд. филол. наук 10.01.01. Тюмень. 2005. 168 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой работы – эволюция художественного конфликта в творчестве В.С.Маканина. «Поскольку конфликт – это способ мотивационного и причинно-следственного объяснения событийной цепи через противоположные отношения между носителями противоположных идей, то он непременно получает смысловую нагрузку. Именно конфликт... определяет пафос и событийный уровень произведения». Данный тезис, на мой взгляд, можно взять за основу, ибо он верифицирован в массе критических изысканий. Работа выверена, конструктивная канва определена достаточно точно, авторская точка зрения аргументирована. Считаю, что удачно в статье совмещены теоретический и практический уровни. Информационный базис полновесен,

например, «Длительное время исследование понятия «конфликт» осуществлялось с помощью описательного (через систему соприкасающихся понятий) и миметического (через описание существенного в существующем) подходов. Еще античное театроведение сформировало терминологический ряд на обозначение понятий и категорий, связанных с конфликтом», или «Владимир Маканин (1937-2017 годы) – один из самых влиятельных и авторитетных писателей в современных российских литературных кругах. Писатель родился в 1937 году, а публиковать произведения начал в первой половине 1960-х годов. Это поколение писателей, положивших конец жесткому «железному веку» русской литературы, создавшим «оттепельную литературу» и открывшим «бронзовый век». Лишь более десяти лет спустя работы В. С. Маканина привлекли внимание критиков, и его отнесли к следующему поколению «писателей семидесятых» и т.д. Материал явно практически ориентирован, его целесообразно использовать при изучении творчества В. Маканина, а также русской литературы второй половины XX века. Обзор творчества В. Маканина сделан в режиме хронологии, что является правильным. Должная последовательность позволяет проследить динамику становления поэтики писателя, в частности разрешения «эволюции художественного конфликта». Привлекает в работе объемный контекст творчества, отсылки к разным произведениям, текстам разных лет: например, «с середины 1980-х годов В.С. Маканин последовательно публиковал такие рассказы, как «Наше утро», «Кавказский пленный», «Место под солнцем», «Где сходилась небо с холмами», «Мужчина и женщина», «Утрата», «Долог наш путь», «Лаз», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» и другие повести: «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Испуг», «Асан» и другие романы», или «В новом веке В. С. Маканин по-прежнему описывает таких героев: у них много недостатков и грехов, но они также хорошо умеют сочувствовать и любить других, наделены совестью, а совесть может вызвать существование из состояния затерянности в толпы. Другими словами, писатель выступает за жизнь, полную свободы, индивидуальности и выбора. Такими людьми являются старик-пенсияр в «Испуге» и майор Жилин в «Асане» и т.д. Аккуратно в статью вводится критическая канва, тем не менее диалог с оппонентами реализован; цитаты оформлены верно, серьезная правка не требуется: например, «главной особенностью художественного конфликта в произведениях В. С. Маканина, по мнению М.Ф. Амусина, является то, что «хорошо знакомая читателю жизненная реальность инфицируется фантастическим, немислимым допущением или «отчуждается» с помощью гротескных приемов, гипербол, перенесения в иной хронотоп» [18, с. 256]» и т.д. Стилль соотносится с научным типом, терминологический ряд объективен. Цель исследования достигнута, считаю, что поставленный ряд задач решен; методы, которые использованы в работе имеют системно-структурный характер. В заключительной части труда обозначено, что «писатель [Маканин] ломает традиционную структурную художественного конфликта – привычку устанавливать замкнутую сюжетную разгадку, а затем демонтирует образ мышления завершением сюжета и идеологического повествования в рамках категории детерминистского мышления и транслирует смысл конфликта на читателя. Понимание сути конфликта достигает эффекта зеркального отражения, раскрывая оппозицию между «истинным я» и «ложным я». Более того, в этой имплицитной структуре заметно и то, как автор в определенной степени раскрывает причины смысла самого произведения». Таким образом, сочинение верно организовано, оно самостоятельно, оригинально. Список библиографических источников полновесен, основные требования издания учтены. Рекомендую статью «Эволюция художественного конфликта в творчестве В.С. Маканина» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Орлова В.В. Литературная рецепция творчества А. Н. Островского в комедии «Над Окой-рекой» А. Д. Симукова // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71130 EDN: CGOACD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71130

Литературная рецепция творчества А. Н. Островского в комедии «Над Окой-рекой» А. Д. Симукова

Орлова Василисса Владиславовна

ORCID: 0009-0006-5038-3849

аспирант; кафедра Новейшей русской литературы; Литературный институт имени А. М. Горького

117570, Россия, г. Москва, ул. Днепропетровская, 16к1, кв. 107

✉ Vasilisska007@mail.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.71130

EDN:

CGOACD

Дата направления статьи в редакцию:

26-06-2024

Аннотация: Предметом исследования в статье является анализ комедии А. Д. Симукова «Над Окой-рекой» 1959 г. на предмет связи с творчеством А. Н. Островского, в частности – с его пьесами «Гроза» и «Таланты и поклонники». Материалами исследования стали черновые и окончательная редакция пьесы советского драматурга, рецензии на постановку. В ходе исследования выделяются такие особенности жанра пьес-картин, использованного А. Д. Симуковым, как яркое описание бытовых деталей и внимание драматурга ко всем персонажам пьесы. Приводится краткий историко-литературный экскурс роли «театральной» темы в драматургии XIX в. Выделяются основные темы и идеи данных произведений для сопоставления их с пьесой XX века. Говорится об отношении к творчеству А. Н. Островского в XX в. Для проведения анализа и сопоставления использованы культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, а также метод литературной герменевтики. Научная новизна исследования состоит в не освещенности в современной научной литературе творчества А. Д. Симукова, чьи пьесы были популярны в середине XX в., и дополнении знаний о восприятии и интерпретации творчества А. Н. Островского в XX в. В статье делается

вывод об антитечности сюжета советской пьесы контексту первоисточника выбранных цитат. Проводится параллель с сюжетом «Талантов и поклонников» через образ Кати, молодой актрисы, мечтающей о славе. На примере ее судьбы показывается разница между общественными условиями XIX и XX веков. Оценивается значение приема пьесы в пьесе, как игры в игру. Делается вывод, что А. Д. Симуков в «Грозе» выделил идею жажды жизни и красоты, необходимости пробуждения человеческой души и выразил ее в своей пьесе через соприкосновение персонажей с миром искусства. На примере сравнения черновых вариантов пьесы с финальной редакцией демонстрируется работа над образами главных и второстепенных героев, избавление от лишней дидактичности и идеологизированности, исключение не связанных с основной идеей пьесы тем. Делается вывод, что литературная рецепция творчества А. Н. Островского выражена многогранно и разносторонне на сюжетном, образном, идейном, текстуальном и тематическом уровнях произведения.

Ключевые слова:

Алексей Дмитриевич Симуков, Александр Николаевич Островский, Над Окой-рекой, Гроза, Таланты и поклонники, советская драматургия, литературная аллюзия, интерпретация, пьеса-картина, советская комедия

Предмет исследования

А. Н. Островский — знаменитый русский драматург XIX века, чьи пьесы до сих пор занимают не последнее место в репертуарах театров, по ним уже более века создаются телеспектакли и экранизации. А. Д. Симуков — советский драматург, педагог и сценарист мультипликационных и кинокартин. В 1959 году, в столетний юбилей «Грозы» А. Н. Островского, была опубликована комедия А. Д. Симукова «Над Окой-рекой», в которой он обратился к одной из самых знаменитых пьес своего литературного предшественника, сделав ее полноправной частью своего произведения. **Научная новизна** исследования состоит в не освещенности в современной научной литературе творчества А. Д. Симукова, чьи пьесы были популярны в середине XX в.

Цель исследования

Нам предстоит ответить на вопросы, как драма XIX века преобразуется в комедии XX века, какие сюжетные параллели проводит А. Д. Симуков, с чем спорит, какие художественные приемы использует, с какой целью создается подобная интертекстуальная связь, т.е. какая главная идея заложена в новую пьесу.

Методы и материал исследования

Для проведения анализа и сопоставления мы будем использовать культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, а также метод литературной герменевтики. Будут рассмотрены не только тексты произведений, но и их архивные черновые редакции, а также рецензии современников.

Обзор литературы

Обращаясь к творчеству А. Д. Симукова, необходимо подчеркнуть, что в своих комедиях он наследует водевильную традицию русского театра XIX века (например, «Капитан в отставке» 1947 г., «Русский романс» 1973 г.) [\[11, с. 5\]](#), которая оказала большое влияние

своими образами, сюжетами и приемами не только на комедию в русском театре, но и на всю драматургию, и даже на прозу XIX века [\[16, с. 70–71\]](#). «Над Окой-рекой» — комедия в трех действиях, четырех картинах. А. Д. Симуков в своем творчестве сделал выбор в пользу жанра картин с первой самостоятельной пьесы «Свадьба» 1936 г., комедии в шести картинах, с прологом. С этого же жанра начинал и впоследствии много и плодотворно в нем работал А. Н. Островский: «Семейная картина», пьесы, входящие в «картины из московской жизни» и пр. Пьесы-сцены и пьесы-картины получили свое распространение во второй половине XIX века. Их отличие состоит в том, что пьесы-сцены «детально изображают один эпизод из жизни героя, один из значительных моментов в его судьбе, для них характерна сжатая экспозиция, наличие микросцен с динамичным развитием действия», пьесы-картины характеризуются «замедленной экспозицией, фабульной завершенностью, яркостью и выразительностью бытовых деталей, усиленным эпическим началом. Внимание драматурга в пьесах-картинах направлено сразу на все пространство изображения, на всех участников действия» [\[15, с. 3–6\]](#). Мы можем сделать вывод, что в пьесе «Над Окой-рекой» драматург будет следить за развитием нескольких персонажей, постарается показать нам быт и уклад жизни определенного круга людей.

Второй интересующий нас аспект — изображение драматургами в своих произведениях театра, актеров, постановок и зрителя — также является определенной традицией в русской литературе XIX века. Н. В. Гоголь в «Театральном разъезде после представления новой комедии» 1841 г. «своей главной целью преследует декларацию авторской позиции» и вводит новую тему театра как «великого потрясателя человеческих сердец», А. Н. Островский в своих «театральных» пьесах показывает, что «мир театра и мир реальный взаимопроницаемы», разделяет талантов и поклонников, противопоставляет зрителей райка, дающих актерам признание, и первых рядов кресел, дающих содержание; объединяющей для всех подобных произведений XIX века становится тема любви к театральному искусству [\[13, с. 14, 29, 30\]](#). В анализе комедии «Над Окой-рекой» А. Д. Симукова и ее ранних редакций мы обратимся к вопросам влияния театра на человека XX века (как на зрителя, так и на актера), взаимопроницаемости театральной и реальной действительности, соотношению актерского труда и признания.

Для понимания значения обращения к творчеству А. Н. Островского в конце 1950-х гг. необходимо уточнить, что отношение к наследию создателя русской бытовой комедии, которого И. Гончаров благодарил за основание русского национального театра, было очень неоднозначным в первой половине XX в. Л. Андреев в своем первом письме о театре от 10 ноября 1912 г. связывает появление А. Н. Островского с «оскудением драматической литературы» [\[1\]](#). В 1920-х гг. «в обстановке ожесточенных споров о возможности использования реализма для нужд революционного искусства Луначарский выдвинул лозунг «Назад к Островскому!» (1923), резко протестуя против сценического искажения классики...» [\[12, с. 587\]](#). Подробно этот вопрос рассмотрен в книге А. П. Шульпина «А. В. Луначарский: Театр и революция» в главе «Назад — к Островскому!» [\[17\]](#). О спорах первой половины XX в., связанных с наследием А. Н. Островского, рассказывает Ю. В. Бабичева в статье «Островский в преддверии “новой драмы”» [\[2\]](#). Е. Холодов озаглавит в 1975 г. книгу о творчестве А. Н. Островского — «Драматург на все времена» [\[14\]](#). А. Д. Симуков, включая в свою пьесу отсылки к пьесам «Гроза» и «Таланты и поклонники», в контексте споров о значении творчества драматурга XIX в. в современной ему эпохе представляет свой взгляд на этот вопрос и свою трактовку

произведений драматурга-предшественника.

Ход исследования

Обратимся к списку действующих лиц «Над Окой-рекой». Главную героиню зовут Катя — это более современная версия имени Катерина. А. Д. Симуков использует игру с формами одного имени, чтобы подчеркнуть влияние искусства на человека. Александр Степаныч Любимов, отец Кати, посвящающий всю жизнь работе на заводе, говорит своей супруге Ольге, которая помогает дочери готовиться к спектаклю: «Это все Катерина на тебя влияет. На репетиции к ней бегаешь. Читаете там про всяких...» [10, с. 268], — до и после они в основном называют дочь Катей. Через оговорку отца главной героини драматург показывает, как образ XIX века волнует душу читателя века XX. Характерны и слова Александра Степаныча: «Только спутала ты маленько: про купцов она, а мы с тобой все-таки, слава богу, в советское время живем» [10, с. 268], — он улавливает только временной контекст пьесы, не вникая в ее морально-нравственное и идейное содержание. «Искусство, говорит, мне всего дороже! <...> за Катерину я возьмусь! Я ей покажу искусство!» [10, с. 278], — восклицает Александр Степаныч в пылу своих предубеждений, споря одновременно и с дочерью, и с вечным образом живой ищущей души. Тем не менее, уже на уровне фамилий-имен персонажей мы понимаем, что речь идет не о Кабановых и Диких: перед нами семья Любимовых, следовательно, зрители и читатели будут ждать, когда они прозреют от своих заблуждений.

Важная деталь в образе Кати А. Д. Симукова — она ищет своего маленького чуда, не связанного с большими стройками коммунизма, быт, который предлагает ей Вася, с крепким домом, шкафчиками, полочками и пр. чужд для нее. Катя отстаивает право человека на выбор своего пути, одновременно с этим совершая ошибки молодости. Но А. Д. Симуков показывает, что она не луч света в темном царстве, а живой человек в довольно благоприятных для нее обстоятельствах. Катя сбегает в город по предложению Косяковского сняться в кино, бросив свою труппу клуба самодеятельности, потому что в силу возраста ищет легкой славы. Сюжет с жадой признания молодой актрисой органично бы смотрелся на фоне разыгрывания постановки другой пьесы А. Н. Островского — «Таланты и поклонники», но в пьесе «Над Окой-рекой» А. Д. Симуков выбирает «Грозу», подталкивая читателя к тому, что это не самое главное, как и выбором жанра картин, а не сцен, показывает нам, что это пьеса далеко не только про Катю. При этом, в одном из черновых вариантов тема молодой актрисы была ближе к «Талантам и поклонникам»: в финале пьесы Катя ссорится с отцом, отталкивает мать, из кружка ее выгоняют, но Карелин устраивает ее в театральный ВУЗ [9]. Если бы этот вариант финала сохранился в итоговой редакции, то пьеса противоречила бы сама себе: «царство» вокруг стало еще «темнее», чем в прошлом веке, если в конце все персонажи разделены враждой, если заблуждение не прощается после искреннего раскаяния. Одновременно с этим для драматурга важно показать, что у Кати нет материальных и сословных препятствий к успеху, заставляющих ее ломать свою жизнь, как у Александры Негоиной — сто лет спустя дорога открыта, но важен честный труд и верность своему коллективу. Именно поэтому проваливается поездка в город вместе с Косяковским — Катю, мечтавшую сразу стать звездой киноэкрана, на самом деле, выбрали просто дублершей знаменитой артистки, чтобы снять несколько опасных сцен. Признание и слава должны быть добыты честным трудовым путем, как и в любой работе. В конце пьесы Катя развивает эту идею дальше и заключает: «До чего же это нелегко, оказывается, настоящим мастером стать... <...> своей жизни!» [10, с. 311].

Другой женский персонаж в пьесе — Ольга, мать Кати, заедена бытом и только в соприкосновении с театром через дочь начинает ощущать себя живой, задумывается об отношениях с мужем, о том, что в жизни существует не только выбор: завод или кухня, — а и нечто прекрасное. Акцент на родителях Кати помогает драматургу показать, что духовная и эмоциональная сфера жизни важна в любом возрасте.

Еще один представитель старшего поколения — Трофим Петрович Карелин — руководитель заводского клуба творческой самодеятельности, ранее трудившийся в городском театре, но уехавший «в глушь». Это образ творца-бессеребренника, пытающегося достучаться до человеческих сердец и сделать жизнь людей лучше. В отличие от изобретателя вечного двигателя из «Грозы» Кулигина, только строящего прожекты, как облегчить участь мещанства, Карелин деятелен и нацелен на духовное, а не материальное. В последней картине скажет: «Быть артистом — это прежде всего быть человеком! Чистым, цельным... Большой, крылатой души...» [10, с. 309]. Его фигура в пьесе почти резонерская. Трофим Петрович усиленно пытается бороться с мировоззрением, которое выражает Александр Степаныч в своей фразе, адресованной молодому Васе: «Дом для работы — все одно что цех подсобный!» [10, с. 262]. В черновом варианте пьесы резонерское и философское начало в образе Карелина было слишком преувеличено. Первое его появление описывалось так: он ходит один в задумчивости по берегу реки и, видящая его издали Катя говорит Ольге: «А, по-твоему, это просто? Пришел на репетицию — и давай? Тут сперва столько передумать нужно. Смотри — застыл над рекой? Это он с виду так, а на самом деле вся душа у него сейчас раскрыта, каждый нерв дрожит... Слушает. ... Жизнь. Так надо. Для искусства.» [8, с. 6]. В финальном варианте пьесы восприятие образа изменено. Карелину оставлены ключевые идейные реплики, касающиеся актерского мастерства и искусства, но градус патетики сбавлен с одной стороны его живыми реакциями: он сначала не верит в Ольгу и хочет отменить постановку, — в этом эпизоде проявляется важная роль коллектива, который в критический момент берет на себя ответственность за решение проблемы и поддерживает Ольгу, что важно для советской литературы. С другой стороны, Трофим Петрович со своим стремлением достучаться до людей и втянуть в участие в театральном кружке семьи и друзей своих подопечных постоянно попадает в курьезные ситуации: то на Карелина вылетает платье из окна, когда Ольга ругается с Александром Степанычем, потом Любимов чуть не бьет художественного руководителя, потому что ревнует супругу к нему и пр. Благодаря подобным эпизодам образ Карелина становится более живым и близким зрителю, не диссонирует с остальными персонажами пьесы.

Карелину в пьесе А. Д. Симукова противопоставлен лже-деятель культуры — Косяковский, который зовет Катю в большо город сниматься в кино, завлекая ее сказкой о Золушке. А. Д. Симуков даже не дает этому персонажу имени-отчества, оставляя только говорящую фамилию, указывая нам, что он обобщенно представляет собой человеческий типаж, любящий рассыпаться в красивых словах, но ничего не стоящий. У Кати перед глазами два «наставника», для оценки ее выбора и осознания его последствий нам дана предыстория каждого из них — искреннее служение искусству, т.е. желание пробудить душу каждого человека, противопоставляется поиску быстрой и легкой славы, которое не заканчивается ничем.

Название пьесы «Над Окой-рекой» по месту действия — провинциальный город на берегу большой реки — отсылает нас к Волге и Калинову из «Грозы». На карте России эти две большие реки связаны, они сливаются в Нижнем Новгороде. Обратим внимание, что такое название было найдено не сразу, в одной из черновых редакций пьесы 1957 г., сохранившейся в архиве РГАЛИ, стоит заглавие «Азорские острова»/ «Весенний шум»

[8, с. 1]. «Весенний шум», скорее всего, связан с ходом льда на реке и пробуждением природы, а, следовательно, и души. «Азорские острова» могут отсылать к стихотворению 1925 г. «Мелкая философия на глубоких местах» В. Маяковского, написанного во время его путешествия по Атлантическому океану: «... Кто над морем не философствовал? / Вода. <...> Я родился, / рос, / кормили соскою, —/ жил, / работал, / стал староват.../ Вот и жизнь пройдет, / как прошли Азорские/ острова» [5]. В. Маяковский так описывал историю создания: «Я огибаю Азорские острова. И, как это ни странно, мне впервые в жизни взгрустнулось, никогда не грустящему. Здесь я плыву. А дальше? И Азорские плывут... И на самом этом месте я написал неглубокую философию на глубоком месте» [4]. В путешествии к другому континенту Азорские острова — просто «мелочь», почти мираж, который вроде и был, а вроде и нет, поэтому они сравниваются с быстротечной человеческой жизнью. А. Д. Симуков после двух лет работы над пьесой сделал выбор в пользу менее философского названия, не обогащающего дополнительными смыслами пьесу, но органично связывающего ее с драмой А. Н. Островского.

Что главное для А. Д. Симукова в «Грозе»? На подобный вопрос часто отвечают режиссеры-постановщики спектаклей: что выделить в классическом произведении, какое прочтение предложить публике. А. Д. Симуков в своих воспоминаниях рассуждает о триаде «Драматург — Актер — Режиссер» и приходит с исторической точки зрения к нелестному выводу, что театр драматурга существовал только во времена Шекспира и Мольера, чем дальше, тем меньшее значение имеет драматург [11, с. 505–506]. Помещение в пьесу инсценировки другого драматического произведения создает интересную игру в игре, которая позволяет драматургу XX века встать на место главного человека в театре своего времени — режиссера. Именно он решит, какие монологи прозвучат, кто сыграет главную роль, как выйдет актриса на авансцену, где состоится постановка и пр. Это подчеркивается еще тем, что крайне расстроенный выходкой Кати Карелин сначала пугается замены актрисы: «Делайте что хотите, а я в этой комедии не участвую! “Гроза” навыворот! Катерина по книжке! В платье из “Мосторга”, ха-ха!» [10, с. 300]. В реплике Карелина звучит противопоставление драматургических жанров: драма — комедия, принижающее значение второй, которое можно интерпретировать как противопоставление драматургом XIX и XX вв. в контексте развития рассматриваемого сюжета, но развязка действия показывает, что именно комедия поможет достучаться до сердец зрителей.

В пьесе «Над Окой-рекой» звучат всего несколько реплик Катерины из «Грозы»: из седьмого явления первого действия (разговора Катерины с Варварой), отражающие смятение в души героини, и из явления второго пятого действия, в котором Катерина, оставшись одна, в мыслях иступленно обращается к Борису перед последней встречей с ним. Большую часть реплик озвучивает Ольга, и именно ее А. Д. Симуков в последний момент выводит на сцену в качестве главной героини, а потом срывает собственный спектакль, когда после восхищения супругой Александр Степаныч, не выдержав, бросается из-за кулис на сцену на колени перед женой: «Да не путайте вы меня — Катя, Ольга! Сам вижу: жили рядом, а прошел стороной! (Вырывается от Трофима Петровича.) Прости меня, Олюшка, прости!» [10, с. 306–307]. Это игра с театральной условностью: Карелин пытался остановить Любимова тем, что сейчас это Катерина — не Ольга, но Александр Степанович, наконец, на спектакле постиг красоту жизни, а не театрального действия — они настолько тесно сплетены, что он не может их разделить. Когда Ольга читает признание в любви Катерины Борису, случайно подслушавшая свекровь тут же пугается, не любовник ли завелся у невестки, но Ольга все время думает только о муже и о том, во что превратилась их совместная жизнь. Для героев пьесы А. Д. Симукова

«Гроза» — это желание жить по-настоящему, в полную силу и с полным чувством, с радостью, с ощущением прекрасного, это стремление вырваться из круговорота планов и квартальных отчетов, напоминание о том, как важно быть людьми по отношению к друг другу и самим себе. Это отмечено и в критике на пьесу: «Строить коммунизм — это значит и создавать человека коммунистического общества, человека безгранично разностороннего духовного развития, умеющего неумолимо трудиться, пламенно любить, мечтать, радоваться и... грустить. Драматург горячо отстаивает право советского человека на богатую духовную жизнь» [\[3, с. 22\]](#).

В рецензии говорится о коммунистическом обществе и всесторонне развитом человеке, в первой редакции пьесы была сцена, в которой Александр Степаныч спорит с творческой молодежью и говорит про коммунизм: «Все нужно прочь отбросить, чтоб добраться до него поскорее — все!», — на что ему резонно возражают: «А голыми, часом, не придем?», — замечая, что «культурным стать — потруднее, чем клещами vorочать» [\[8, с. 31–32\]](#). Далее следует нелицеприятное высказывание Кати: «А сколько ему причитается, если он хоть на один процент план этот перевыполнит — не знаешь! Сорок процентов из оклада! Вот за это он и болеет! И плевать ему на все наши мечты, спектакли, на все тонкости наши, как ты говоришь — плевать! И все так! И ты все — коммунизм... коммунизм...» [\[8, с. 33\]](#). По исчезновению первого диалога из пьесы мы видим, что драматург преодолел желание развернуть идеологическую полемику прямо внутри пьесы, от чего она, несомненно, только выиграла, потому что исчезла лишняя назидательность, когда автор говорит со зрителем напрямую через персонажей вместо того, чтобы выразить свою идею их действиями. Монолог Кати о премии не вписывается ни в тематику пьесы, ни в итоговые характеры героев, ни в то, что одобрила бы критика того времени. Тема личной выгоды от производства, прикрываемой стремлением к коммунизму, зазвучит всерьез и напрямую уже в перестроечных пьесах 1980-х гг. А. Д. Симуква: «Бабье царство» 1985 г. и «Разбудите меня» 1987 г.

В итоговом варианте «Над Окой-рекой» мы видим не злодеев, а исправляющихся заблуждавшихся и в чем-то отсталых героев, что соответствует идеологии борьбы хорошего с лучшим и лакировки действительности. При этом, важно заметить, что А. Д. Симуква создает своих персонажей с любовью, работает над психологизацией образов. Так, помимо Александра Степаныча, которому завод затмил все в жизни в какой-то момент, среди действующих лиц есть Вася Сухарьков, которого Катя обвиняет за приземленность, но, на самом деле, они просто по-разному понимают красоту. Вася, ни в коем случае не машина производства, на вопрос Кати: «Винты... Винтики... В этом и есть вся красота жизни, так по-твоему?», — он отвечает: «Чудачка ты, не в винтах же суть, — главное, чтобы дело за живое брало! Это и есть самая красота!» [\[10, с. 294\]](#). Вася и в любви признается Кате по-своему, он посвящает ей чертеж детали: «Другие — песни поют или стихи там пишут, только не для меня это. Я — вот. Как говорится, от души. Страдал за тебя, понимаешь?» [\[10, с. 293\]](#). Чертеж героиня порвала, не оценив порыва воздыхателя. Вася с Катей не могут понять друг друга, но А. Д. Симуква показывает, что в этом в большей степени виновата Катя, которая смотрит на Васю свысока, чем Вася, который видит в мире другую красоту, нежели она, но пытается сделать все для возлюбленной, как умеет, первый делает шаг по преодолению стоящих между ними разногласий. В финале пьесы Катя, переосмыслившая свое поведение, наконец, ласково к нему обращается, на что он радостно восклицает: «Слышите? Первый раз Васеньку заработал!» [\[10, с. 309\]](#). Таким образом, А. Д. Симуква, говоря о красоте в жизни человека, выделяет особо и красоту труда, показывает, что в любое дело, даже в

механическое производство можно вкладывать душу.

Выводы

В заключении мы можем сделать вывод, что литературная рецепция творчества А. Н. Островского в комедии А. Д. Симукова «Над Окой-рекой» является многогранной и разносторонней. Она выражена на сюжетном, образном, идейном, текстуальном и тематическом уровнях произведения. Драма XIX века преобразуется в комедии XX века, показанной в картинах — жанре, в котором много работал А. Н. Островский, с соблюдением основных критериев этого жанра. Топоним в названии пьесы связывает ее с цитируемой. На уровне фамилий-имен героев А. Д. Симуков противопоставляет своих персонажей персонажам А. Н. Островского, чьи говорящие фамилии носят негативный оттенок. Мы встречаемся с прямым цитированием монологов Катерины из «Грозы», с постановкой этой пьесы на сцене, но при этом в наложении на сюжет «Над Окой-рекой» эти цитаты антитетичны первоисточнику: Ольга скучает по мужу, а не по любовнику, протест Кати, который она хочет выразить в монологе Катерины про мечту в первой картине, — это не протест любви против темного царства, это жажда яркой необыкновенной жизни. В сюжете присутствует очевидная параллель с «Талантами и поклонниками», выраженная через тему становления актрисы. Используя цитаты и сюжетные параллели, А. Д. Симуков сменой жанра и реалий пьесы демонстрирует положительные изменения, произошедшие за сто лет в обществе. А. Д. Симуков, как режиссер-постановщик, выделяет в пьесе А. Н. Островского идею жажды жизни во всей ее красоте и полноте, обязательного духовного пробуждения и показывает в своей пьесе, как оно происходит в соприкосновении с искусством в XX веке, демонстрируя параллельно взаимопроницаемость художественного вымысла и реальности.

Библиография

1. Андреев Л. Письма о театре. – Letchworth (Herts): Prideaux press, 1974.
2. Бабичева Ю. В. Островский в преддверии «новой драмы» // URL: <https://kostromka.ru/revyakin/literature/170.php?ysclid=lxvsur15vh973368067> (дата обращения: 16.02.2024).
3. Гольдин Р. Над Окой-рекой. Театральная жизнь. 1959. №22. С. 22.
4. Кривошеев И. Два вечера. Красная Мордовия. Саранск. 1940. № 86.
5. Маяковский В. Мелкая философия на глубоких местах // URL: <https://www.culture.ru/poems/20560/melkaya-filosofiya-na-glubokikh-mestakh> (дата обращения: 14.02.2024).
6. Островский А. Н. Гроза: Драма в 5-ти д. – Москва: Искусство, 1950.
7. Островский А. Н. Таланты и поклонники: пьесы. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018.
8. Симуков А. Азорские острова=Весенний шум/. Пьеса в 3-х действиях. Машинопись с правкой и пометами Н.М. Горчакова и /А.Д. Симукова/ 1957 // РГАЛИ. Ф. 2959. Оп. 1. Ед. хр. 491.
9. Симуков А. Весенний шум – комедия. 1957 // РГАЛИ. Ф. 2095. Оп.8. Ед. хр. 676.
10. Симуков А. Д. Пьесы. М.: Сов. писатель, 1965.
11. Симуков А. Д. Чертов мост, или Моя жизнь как пылинка Истории: (записки неунывающего) / Алексей Симуков. М.: Аграф, 2008.
12. Театральная энциклопедия. Т. III, М.: изд. Советская энциклопедия, 1964.
13. Хайченко Е. Г. "Театр отец, театр мать, театр мое предназначенье!" (театр и зритель в драматургии русских авторов XIX В.) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. М.: Издательство «ГИТИС», 2014, №1. С. 9-32.
14. Холодов Е. Драматург на все времена. – Москва: Всероссийское театральное

общество, 1975.

15. Чайкина, Т. В. Жанр картин и сцен в творчестве А.Н. Островского: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Чайкина Татьяна Васильевна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Иваново. 2011.

16. Шахматова Т. С. Водевильное повествование в русской литературе XIX века // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2008. №6. С. 70-76.

17. Шульпин А. П. А. В. Луначарский: Театр и революция. – Москва: Искусство, 1975.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи ориентирован на вариант дешифровки литературной рецепции творчества Александра Н. Островского в комедии А.Д. Симукова «Над Окой-рекой». Автор точно обращается к сопоставительному анализу двух текстов, ибо они тематические ориентированы на возможный вариант расшифровки базовой проблемы связанной с социальной деформацией. Как отмечает автор в режиме целевой позиции, «нам предстоит ответить на вопросы, как драма XIX века преобразуется в комедии XX века, какие сюжетные параллели проводит А. Д. Симуков, с чем спорит, какие художественные приемы использует, с какой целью создается подобная интертекстуальная связь, т.е. какая главная идея заложена в новую пьесу». Думаю, что подобный вариант вполне конструктивен, здесь намечена и исследовательская перспектива, и определенный круг задач. Методология исследования нетривиальна, она современна и фактически оправдана: «для проведения анализа и сопоставления мы будем использовать культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, а также метод литературной герменевтики. Будут рассмотрены не только тексты произведений, но и их архивные черновые редакции, а также рецензии современников». Стиль сочинения соотносится с собственно научным стилем, фактических недочетов не выявлено: например, «Над Окой-рекой» — комедия в трех действиях, четырех картинах. А. Д. Симуков в своем творчестве сделал выбор в пользу жанра картин с первой самостоятельной пьесы «Свадьба» 1936 г., комедии в шести картинах, с прологом. С этого же жанра начинал и впоследствии много и плодотворно в нем работал А. Н. Островский: «Семейная картина», пьесы, входящие в «картины из московской жизни» и пр. Пьесы-сцены и пьесы-картины получили свое распространение во второй половине XIX века. Их отличие состоит в том, что пьесы-сцены «детально изображают один эпизод из жизни героя, один из значительных моментов в его судьбе, для них характерна сжатая экспозиция, наличие микросцен с динамичным развитием действия», пьесы-картины характеризуются «замедленной экспозицией, фабульной завершенностью, яркостью и выразительностью бытовых деталей, усиленным эпическим началом», или «В финальном варианте пьесы восприятие образа изменено. Карелину оставлены ключевые идейные реплики, касающиеся актерского мастерства и искусства, но градус патетики сбавлен с одной стороны его живыми реакциями: он сначала не верит в Ольгу и хочет отменить постановку, — в этом эпизоде проявляется важная роль коллектива, который в критический момент берет на себя ответственность за решение проблемы и поддерживает Ольгу, что важно для советской литературы. С другой стороны, Трофим Петрович со своим стремлением достучаться до людей и втянуть в участие в театральном кружке семьи и друзей своих подопечных постоянно попадает в курьезные ситуации: то на Карелина вылетает платье из окна, когда Ольга ругается с Александром Степанычем, потом Любимов чуть не бьет

художественного руководителя, потому что ревнует супругу к нему и пр.» и т.д. Считаю, что аналитическая составляющая статьи выверена, оценка текстов происходит в должном режиме литературоведческого порядка. Формат ссылок и цитаций сделан верно, правка в данном случае излишня: «обратим внимание, что такое название было найдено не сразу, в одной из черновых редакций пьесы 1957 г., сохранившейся в архиве РГАЛИ, стоит заглавие «Азорские острова»/ «Весенний шум» [8, с. 1]. «Весенний шум», скорее всего, связан с ходом льда на реке и пробуждением природы, а, следовательно, и души. «Азорские острова» могут отсылать к стихотворению 1925 г. «Мелкая философия на глубоких местах» В. Маяковского, написанного во время его путешествия по Атлантическому океану: «... Кто над морем не философствовал? / Вода. <...> рос, / кормили соскою, —/ жил, / работа Я родился, /л, / стал староват.../ Вот и жизнь пройдет, / как прошли Азорские/ острова» [5]. В. Маяковский так описывал историю создания: «Я огибаю Азорские острова. И, как это ни странно, мне впервые в жизни взгрустнулось, никогда не грустящему. Здесь я плыву. А дальше? И Азорские плывут... И на самом этом месте я написал неглубокую философию на глубоком месте» [4]» и т.д. Литературный контекст расширен, иллюстративный блок достаточен. Тема по ходу статьи раскрывается полновесно, целостно. Необходимый вариант компаратива достигается в режиме фактического анализа. Например: «В пьесе «Над Окой-рекой» звучат всего несколько реплик Катерины из «Грозы»: из седьмого явления первого действия (разговора Катерины с Варварой), отражающие смятение в души героини, и из явления второго пятого действия, в котором Катерина, оставшись одна, в мыслях иступленно обращается к Борису перед последней встречей с ним. Большую часть реплик озвучивает Ольга, и именно ее А. Д. Симуков в последний момент выводит на сцену в качестве главной героини, а потом срывает собственный спектакль, когда после восхищения супругой Александр Степаныч, не выдержав, бросается из-за кулис на сцену на колени перед женой: «Да не путайте вы меня — Катя, Ольга! Сам вижу: жили рядом, а прошел стороной! (Вырывается от Трофима Петровича.) Прости меня, Олюшка, прости!». Работа может быть интересна как профессионалам-филологам, так и тем, кто поверхностно интересуется творчеством указанных авторов. Практический вектор работы наличен, системный характер также бесспорно проявлен. Объемно можно указать, что выводы по тексту полновесны и соотносятся с основным блоком: «литературная рецепция творчества А. Н. Островского в комедии А. Д. Симукова «Над Окой-рекой» является многогранной и разносторонней. Она выражена на сюжетном, образном, идейном, текстуальном и тематическом уровнях произведения. Драма XIX века преобразуется в комедии XX века, показанной в картинах — жанре, в котором много работал А. Н. Островский, с соблюдением основных критериев этого жанра. Топоним в названии пьесы связывает ее с цитируемой. На уровне фамилий-имен героев А. Д. Симуков противопоставляет своих персонажей персонажам А. Н. Островского, чьи говорящие фамилии носят негативный оттенок. Мы встречаемся с прямым цитированием монологов Катерины из «Грозы», с постановкой этой пьесы на сцене, но при этом в наложении на сюжет «Над Окой-рекой» эти цитаты антитетичны первоисточнику: Ольга скучает по мужу, а не по любовнику, протест Кати, который она хочет выразить в монологе Катерины про мечту в первой картине, — это не протест любви против темного царства, это жажда яркой необыкновенной жизни...». На мой взгляд, нужно доработать список источников, необходима унификация – автор, издание, год, страницы, необходима и вычитка работы. В целом же статья интересна, информативна, точка зрения на проблему высказана автором убедительно. Рекомендую "вариант" «Литературная рецепция творчества А. Н. Островского в комедии «Над Окой-рекой» А. Д. Симукова» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Ю. Анализ народных песен севера провинции Шэньси и их переводов на русский язык // Litera. 2024. № 6.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43518 EDN: CKWQHQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43518

Анализ народных песен севера провинции Шэньси и их переводов на русский язык

Ян Юнья

аспирант, кафедра РЯМП, РУДН

117198, Россия, г. Москва, ул. Miklukho-Maklaya street, 6, оф. Российский университет дружбы народов

✉ yunya626ya@163.com[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.43518

EDN:

CKWQHQ

Дата направления статьи в редакцию:

07-07-2023

Аннотация: Цель – в рамках концепций языковой картины мира и языковых реалий обосновать и проанализировать особенности народных песен севера провинции Шэньси и выявить качественные показатели их перевода на русский язык. Чтобы достичь поставленной цели, главной задачей стало найти переводческий путь для передачи содержания языковых реалий в рамках понимания языковой картины мира и обеспечить таким образом качество их перевода на русский язык. Кроме того, нам потребовалось разрешить ряд конкретных задач, в числе которых были следующие: выбрать теоретический и языковой материал; проанализировать и разработать общее состояние народных песен севера провинции Шэньси и их перевода; выявить текущее состояние исследования теории языковой картины мира; выделить взаимосвязи между языковыми реалиями, языковой картиной мира и переводческой деятельностью; провести индуктивный анализ выбранных переводов народных песен севера провинции Шэньси и проанализировать проявление в них языковых реалий при переводе с китайского языка на русский язык; обобщить изученный материал, сделать выводы и возможные рекомендации. Таким образом, материалом для исследования послужили песни севера провинции Шэньси. Предметом исследования стал анализ переводов данных песен.

Новизна данной работы заключается не только в выборе оригинального материала, но и в том, что на основе анализа поэтических и эстетических характеристик народных песен севера провинции Шэньси, в то же время мы впервые попытались доказать, что для переводчика умение интерпретировать данный художественный феномен требует от него широких фоновых знаний и поэтического вкуса. Практическое значение нашего данного исследования мы связываем с его результатами, которые могут быть полезны в деле распространения китайской народной культуры, в частности китайских шэньбэйских песен среди русскоязычных народов.

Ключевые слова:

языковая картина мира, языковая реальность, народные песни, перевод, переводческие принципы, китайский, русский, лингвокультура, переводчики, провинции Шэньси

Языковая картина мира как важная часть лингвокультуры, является специфическим уточнением картины мира в языке, и обычно считается, что данный термин был предложен немецким ученым В.Ф.Гумбольдтом. По его мнению, язык – одно из тех явлений, которые стимулируют человеческую духовную силу к постоянной деятельности [3, с. 52]. и как «промежуточный мир» между мышлением и действительностью он формулирует особое национальное мировоззрение. Постулаты ученого, безусловно, составили основу для исследования теории языковой картины мира.

В то же время другие западные ученые также обращали внимание на данное исследование, например М.Хайдеггер, Х.Штейталь, Л.Витгенштейн, Э.Сепир, Б.Л.Уорф, Й.Л.Вайсгербер и др.

Языковая картина мира как актуальное направление исследования в теории лингвокультурологии в последние годы вызывает все больше внимания со стороны ученых. На основе теории языковой картины мира человеку можно более глубоко понимать язык и культуру, и переводчику можно выявить различия и характеристики национальных культур в разных регионах. Теория языковой картины мира тесно связывается с переводческой деятельностью, и так она способствует анализу конкретных языковых реалий в переводческой деятельности, в частности китайско-русской.

Нам известно, что в качестве основного средства межкультурной коммуникации, перевод необходим для взаимодействия различных национальных культур. Понимание и признание культурных явлений разных национальностей имеют важное значение, безусловно, это способствует уважению и толерантности между разными народами.

В последние годы в рамках инициативы «Выход китайской культуры за рубеж», народные песни севера провинции Шэньси как одного из видов традиционной китайской культуры популяризируются за рубежом. Поэтому перевод народных песен севера провинции Шэньси с китайского языка на иностранные языки имеет чрезвычайно важное значение для распространения китайской культуры и сближения душ разных народов. Кроме того, перевод народных песен севера провинции Шэньси на русский язык – одно из важных средств, позволяющих дать русскому миру возможность познакомиться с китайской региональной культурой севера провинции Шэньси.

Как известно, языковая реальность занимает важное место в лингвистике и

переводоведении. Термин «языковая реалья» получил распространение в лингвистике с начала 1950-х годов, когда о реалиях как «носителях колорита, конкретных, зримых элементах национального своеобразия» заговорили в связи с проблемами перевода [6, с. 5]. О термине «реалия» заговорили лишь в начале 50-х годов и преимущественно в сфере переводоведения. Ученый В.М.Россельс выделяет некоторые ее черты и рассматривает реалий как переводческую категорию [4, с. 169]. В тот же период другой исследователь Г.В.Чернов считал, что реалия может соответствовать понятию «безэквивалентная лексика» [7, с. 223]. В этой связи ученый А.Е.Супрун рассматривал реалии в качестве наименования для «экзотической» лексики [5, с. 231]. По прошествии времени российские исследователи С. Влахов и С. Флорин обращали внимание на употребление данного термина. По их мнению, реалия не только связана с безэквивалентной лексикой или экзотической лексикой, но и с многочисленными терминами-гипонимами (локализм, бытовое слово, алиенизм) и гиперонимонами (экзотизм, варваризм, этнокультурная лексика, этнолексемы) [2, с. 49–60]. По мнению известного российского профессора Л.С.Бархударова, реалии – это слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке [1, с. 95].

Если речь идет о объекте данного исследования, то им являются народные песни. Народные песни – это форма фольклора, художественно-музыкальный жанр, в котором поэтический текст и мелодия сочетаются друг с другом в единстве и служат для передачи информации и выражения эмоций народа. Народные песни севера провинции Шэньси представляют собой важную ветвь китайских народных песен и выражают особенности северной региональной культуры этого края.

Китай имеет обширную территорию и на протяжении его многолетней истории в разных регионах сложились собственные типы культуры, в том числе возникли и получили свое развитие народные песни севера провинции Шэньси, которые являются одной из важных частей его культуры.

Народные песни севера провинции Шэньси — это выражение истинных эмоций ее жителей, их обычаев и ценностей. Они, по праву, являются важным достоянием китайского народа.

«Север провинции Шэньси», как следует из названия, представляет собой ее северную часть с городами Яньань и Юйлинь.

Как известно, народная песня — это простейшая форма искусства, которая восходит к трудовой жизни жителей, в частности севера провинции Шэньси.

Народные песни севера провинции Шэньси являются достоверным свидетельством социальной истории этого региона, который расположен на Лессовом плато, на востоке рядом с Хуанхэ и на севере рядом с Внутренней Монголией. Именно особое географическое положение сильно повлияло на формирование процветающей культуры в тех местах, в том числе и нашло свое уникальное художественное выражение в народных песнях.

По словам китайского исследователя Ван Сяоцзюэ, север провинции Шэньси находится в такой зоне, где культуры смешались между земледелием и кочевниками [10, с. 256]. Именно такое географическое положение создает особенный уклад жизни на данной территории и уникальный дух ее жителей.

Из-за суровых природных условий, на протяжении тысячелетий, жизнь местных людей была бедной и трудной, поэтому большинство народных песен севера провинции Шэньси отражают страдания народа. Жизнь народа была тяжела, поэтому для них народные песни стали своеобразным инструментом выражения мыслей и передачи эмоций. Именно благодаря народным песням, им гораздо легче было пережить страдания и обрести счастье в жизни.

С древних времен на этой территории велись непрерывные войны, поэтому экологическая ситуация ухудшилась. Но находясь в столь непростой среде жители севера провинции Шэньси, не боясь трудностей, использовали такие качества, как трудолюбие и смелость.

В процессе развития и распространения народных песен севера провинции Шэньси, Цзоу Си Коу (《走西口》) играет важную роль и имеет большое культурное значение. Цзоу Си Коу, мы можем понимать как путь, по которому люди идут в Сикоу. Он представлял собой один из «пяти самых известных миграций населения в современной истории Китая». Это также сказалось на развитии народных песен, их музыкальности, образах и тематике.

Стоит отметить то, что в начале 20 века народные песни севера провинции Шэньси несколько угасли, но получили новое развитие в 1930 — 1940-е годы, и тогда вышли в свет многие новые произведения, которые отражают жизнь народа, например «Село Саньшилипу» (《三十里铺》), «Наньнивань» (《南泥湾》) и т.д.

С развитием новой эпохи, народные песни севера провинции Шэньси больше и больше привлекают внимание людей, их не только поют, но и исследуют. Даже проводятся научные конференции, посвященные народным песням севера провинции Шэньси. Можно сказать, что со временем народные песни этого региона будут играть более важную роль в современной культурной жизни людей.

Китайская культура имеет долгую историю, создается общим социальным опытом. Народные песни как важная составляющая часть культуры, играют большую роль в народной жизни. Они не только отражают историю и культуру настоящего, но и прошлого и будущего времени.

С начала XXI века народные песни севера провинции Шэньси начали привлекать все больше и больше внимания ученых, например, проведён их анализ, с точки зрения оценки музыки и мелодии, обсуждены проблемы культурного наследия и их сохранения, однако проведение исследований по их переводу и распространению за рубеж еще недостаточно.

В 2008 году ситуация немного изменилась, потому что в этом году народные песни севера провинции Шэньси вошли в список «Китайского нематериального культурного наследия». Потом в 2009 году была издана книга «Voice From The Northwest» (《西北回响》), которая посвящена переводу народных песен севера провинции Шэньси на английский язык. Автор его является известный ученый, переводчик Ван Хун-инь. Данная книга разделена на 10 частей, включая 105 песен и их английские переводы. Все больше ученых обращают внимание на переводы народных песен севера провинции Шэньси и соответствующие исследования по их переводу.

Стоит отметить, что в 2009 году и 2012 году в Сианьской консерватории дважды проводилась «Всекитайская научная конференция по переводу народных песен севера провинции Шэньси», которые в большой степени способствовали развитию и распространению переводов народных песен севера провинции Шэньси, а также

привлекали больше людей к участию в их переводе и исследовании.

По мере распространения народных песен севера провинции Шэньси, они переводились и на другие языки. Хотя некоторые произведения народных песен севера провинции Шэньси были переведены на французский, итальянский и другие языки, но согласно статистике переводы народных песен севера провинции Шэньси издавались лишь на английском и русском языках.

Если речь идет о переводах народных песен севера провинции Шэньси на английский язык, надо отметить произведение ученого и переводчиков Ван Хунинь «Voice From The Northwest» (《西北回响》), потому что до сих пор данная книга является самым большим и системным изданием перевода народных песен севера провинции Шэньси. Одновременно ученый Вэнь Шилун перевел более 70 песен. Цзяо Юелэ, Гоу Бинь и другие исследователи также пытались перевести народные песни севера провинции Шэньси на английский язык, но, к сожалению, их переводы еще не изданы.

Что касается перевода народных песен севера провинции Шэньси на русский язык, то необходимо назвать книгу «Избранные народные песни Севера провинции Шэньси» на китайском и русском языках.

Данная работа была выполнена совместным коллективом в составе профессоров факультета русского языка Мэн Ся и Натальи Царевой и музыканта Лю Синьсиня в 2016 году. Книга небольшая по содержанию, включает десять классических народных песен севера провинции Шэньси с комментариями и нотами. Хотя в этой книге всего десять переводов классических народных песен севера провинции Шэньси на русский язык, но они открыли начало перевода народных песен севера провинции Шэньси на русский язык, определили оптимальный вариант переводческого творческого варианта и предоставили возможность русскому читателю познакомиться с народными песнями севера провинции Шэньси, познать традиции и культуру данной местности.

Все-таки надо признаться, что до сих пор по сравнению с переводом народных песен севера провинции Шэньси на английский язык, количество переводов народных песен севера провинции Шэньси на русский язык совсем мало. И такая ситуация в некоторой степени создали трудности в сборе готовых переводов для исследования. Однако в результате нашего обсуждения с авторами данного сборника стало понятно, что передача языковых реалий в народных песнях является одним из самых трудных моментов при переводе по причине расхождения китайской и русской культур и ограничения тактов самой мелодии.

Работа над переводами десяти классических песен на русский язык вызвала у нас размышления относительно соответствия китайских и русских языковых реалий в плане согласования их культурологического содержания с учетом влияния музыкального фактора на выбор стратегии перевода и оптимального переводческого приема.

Перевод народных песен на иностранные языки не легкое дело. Перевод народных песен севера провинции Шэньси еще труднее. Как известно, языковые реалии в качестве безэквивалентной лексики являются очень сложной задачей для переводчиков. Если они хотят успешно переводить языковые реалии в народных песнях севера провинции Шэньси, то им сначала нужно образовать особенную национальную языковую картину мира, которая отражает местные особенности культуры севера провинции Шэньси.

В данной статье путем анализа перевода языковых реалий в народных песнях севера

провинции Шэньси с китайского языка на русский язык, мы будем рассматривать их переводческие принципы, чтобы дать полезные результаты исследования для переводчиков, которые намерены заниматься переводом народных песен севера провинции Шэньси на иностранные языки.

Во-первых, **верность**, то есть, необходимо верно и точно передать языковые реалии в народных песнях севера провинции Шэньси и четко выразить значение оригинального текста. Это также самый основной принцип для перевода. Именно соблюдение принципа верности может точно передать информацию читателям, и совершенствовать задачу перевода языковых реалий в народных песнях. И этот принцип часто применялся для перевода языковых реалий в народных песнях, особенно для перевода языковых реалий в народных песнях по названию местности и имени. Давайте рассмотрим следующие строчки из перевода произведения «Наньнивань»:

原文:如(呀)今的南泥湾,与(呀)往年不一般,再不是旧模样,是陕北的好江南。	译文: Но ныне Наньнивань уже нельзя узнать, прекрасная земля, Богата как Цзяннань в Шэньбэй она. (Мэн ся, Наталья Царева, Лю Синьсинь 2016: 149)
原文: 陕北的好江南,鲜花开满山,开(呀)满山。学习那南泥湾,处处是江南,是(呀)江南。	译文: Шэньбэйская земля цветами юга полна, цветами полна. Для нас примером стал Наньнивань, Земля прекрасна как в Цзяннане. (Мэн ся, Наталья Царева, Лю Синьсинь 2016: 149)

Во-вторых, **естественность**, то есть выражение должно быть естественным. При условии невозможного изменения мелодии и ограничения тактов в процессе перевода необходимо выбрать самое подходящее слово не только по смыслу, но и по естественности, чтобы переведенную песню можно было спеть и приятно послушать.

Ниже посмотрим пример из переводного произведения «Белое вино» :

原文: 什么它出来一点红(哎)? 什么它上来像(呀)弯弓?(哟呀喂) 什么它出来眨眼(一个那)睛? (呀喂喂)什么它一闪万里(就)明? (呀喂喂)	译文: Что озаряет утреннее небо? Что на серп похоже? и-я-у-вэй. О чём говорит сияние звёзд? я-у-вэй. Что сверкает вовремя дождя, я-у-вэй. (Мэн ся, Наталья Царева, Лю Синьсинь 2016, 166)

В-третьих, **поэтичность и напевность**, народные песни севера провинции Шэньси являются важными и уникальными элементами китайской культуры, и так безусловно перевод языковых реалий в народных песнях севера провинции Шэньси также важен, как искусство народа, поэтому поэтичность и напевность играют важную роль. Давайте посмотрим фрагмент из переводного текста песни «Лань-хуа-хуа» :

原文：正月里（那个）说媒，二月里订，三月里交大钱，四月里（就）迎。	译文： Сваха была в январе, сговору быть в феврале, к свадьбе – дары в марте, в апреле быть свадьбе. (Мэн ся, Наталья Царева, Лю Синьсинь 2016: 93)

В оригинале четыре фразы, подобные русской частушке. Переводчики, сохраняя национальную языковую картину мира о выдаче девушки замуж, во-первых, выбрали частушку, чтобы сохранить соответственную поэтичность и напевность народного фольклора. Переводчики употребляют выражения *“в январе, в феврале, в марте, свадьбе”* с рифмой “е”, так что красиво читается, поется и слышится.

Мы согласны с мнением переводчиков шэньбэйских народных песен Мэн Ся, Натальи Царевой и Лю Синьсиня, самая главная цель перевода песни заключается в том, чтобы петь. Если просто для передачи информации, содержащейся в языковых реалиях в народных песнях севера провинции Шэньси, этого совсем недостаточно, поэтому самое главное для перевода народных песен севера провинции Шэньси – это пение. Именно так из данного примера можно понять, что переводчики обращают много внимания на решение данного вопроса, чтобы успешно проводить переводческую деятельность, и они применяют такие стратегии перевода.

Таким образом, мы можем выделить основные принципы для перевода языковых реалий в народных песнях севера провинции Шэньси на основе анализа выбранных переводных народных песен севера провинции Шэньси с китайского на русский язык, и безусловно переводчикам не только нужно соблюдать вышесказанные принципы, а важнее надо понять национальную языковую картину мира, чтобы адекватно совершенствовать переводческую задачу, именно так переводчики могут успешно передавать содержание языковых реалий в народных песнях севера провинции Шэньси.

Библиография

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ИМО, 1975.
2. Влахов С.И., Флорин С.Л. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2006.
3. Гумбольдт В.Ф. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
4. Россельс В.М. Перевод и национальное своеобразие подлинника // Вопросы художественного перевода: Сборник статей. М.: Советский писатель, 1955.
5. Супрун А.Е. Экзотическая лексика. М.: ФН, 1958.
6. Фененко Н.А. Лингвистический статус термина реалия. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007, № 2.
7. Чернов Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. М.: «Ученые записки» 1-го МГПИИЯ, Т. XVI. 1958.
8. 孟霞, 娜塔莎·察廖娃, 刘欣欣. 陕北经典民歌(汉俄对照)[M]. 西安:陕西人民出版社.2017.
9. 王宏印.«Voice From The Northwest»《西北回响》.文化艺术出版社.2009.
10. 王小珏.陕北民歌中的女性情感与表达[J].西安工业大学学报,2015(03).
11. 席雁.“信达雅”“翻译三原则”与“动态对等”——新探中西方三种翻译标准的异同及原因[J].沧州师范专科学校学报.2009(03).
12. 杨仕章.翻译中的语言世界图景问题[J].中国俄语教学.2006(04).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вектор рецензируемой работы достаточно интересен, хотя и касается т.н. частного случая. В статье путем анализа перевода языковых реалий в народных песнях севера провинции Шэньси с китайского языка на русский язык, автор рассматривает переводческие принципы, чтобы обозначить ряд полезных рекомендаций для переводчиков, которые намерены заниматься переводом народных песен севера провинции Шэньси на иностранные языки. Материал имеет практический характер, обобщенные данные информативны. Как отмечает в тексте, «языковая картина мира как актуальное направление исследования в теории лингвокультурологии в последние годы вызывает все больше внимания со стороны ученых. На основе теории языковой картины мира человеку можно более глубоко понимать язык и культуру, и переводчику можно выявить различия и характеристики национальных культур в разных регионах. Теория языковой картины мира тесно связывается с переводческой деятельностью, и так она способствует анализу конкретных языковых реалий в переводческой деятельности, в частности китайско-русской». Объектом исследования являются народные песни севера провинции Шэньси. Как отмечено в начале, «народные песни – это форма фольклора, художественно-музыкальный жанр, в котором поэтический текст и мелодия сочетаются друг с другом в единстве и служат для передачи информации и выражения эмоций народа. Народные песни севера провинции Шэньси представляют собой важную ветвь китайских народных песен и выражают особенности северной региональной культуры этого края» стоит, безусловно, с этим согласиться». Считаю, что статья имеет должную научную новизну, однако, вопрос открыт для дальнейших исследований. Суждения по ходу текста объективны, точны: например, «народные песни севера провинции Шэньси являются достоверным свидетельством социальной истории этого региона, который расположен на Лессовом плато, на востоке рядом с Хуанхэ и на севере рядом с Внутренней Монголией. Именно особое географическое положение сильно повлияло на формирование процветающей культуры в тех местах, в том числе и нашло свое уникальное художественное выражение в народных песнях», или «из-за суровых природных условий, на протяжении тысячелетий, жизнь местных людей была бедной и трудной, поэтому большинство народных песен севера провинции Шэньси отражают страдания народа. Жизнь народа была тяжела, поэтому для них народные песни стали своеобразным инструментом выражения мыслей и передачи эмоций. Именно благодаря народным песням, им гораздо легче было пережить страдания и обрести счастье в жизни». Необходимый комментарий дается автором по необходимости. В частности дана т.н. справка, что «работа была выполнена совместным коллективом в составе профессоров факультета русского языка Мэн Ся и Натальи Царевой и музыканта Лю Синьсиня в 2016 году. Книга небольшая по содержанию, включает десять классических народных песен севера провинции Шэньси с комментариями и нотами. Хотя в этой книге всего десять переводов классических народных песен севера провинции Шэньси на русский язык, но они открыли начало перевода народных песен севера провинции Шэньси на русский язык, определили оптимальный вариант переводческого творческого варианта и предоставили возможность русскому читателю познакомиться с народными песнями севера провинции Шэньси, познать традиции и культуру данной местности». Основной ценз, который следует учитывать при переводе песен на другие языки сводится к следующим категориям – «верность», «естественность», «поэтичность и напевность». Таким образом, тема работы как таковая раскрыта, цель достигнута. Выводы гласят, что «на основе анализа выбранных переводных народных песен севера

провинции Шэньси с китайского на русский язык переводчикам не только нужно соблюдать вышесказанные принципы, а важнее надо понять национальную языковую картину мира, чтобы адекватно совершенствовать переводческую задачу, именно так переводчики могут успешно передавать содержание языковых реалий в народных песнях севера провинции Шэньси». Материал можно использоваться при изучении особенностей культуры Китая, языка, литературы. Основные требования издания учтены, текст методологически верен. Рекомендую статью «Анализ характеристики и состояния народных песен севера провинции Шэньси их переводов на русский язык» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алимов Т.Э. Лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики (на материале узбекского, русского и английского языков) // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43728 EDN: CEDYOA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43728

Лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики (на материале узбекского, русского и английского языков)

Алимов Тимур Эрмекович

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ alimovcom@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43728

EDN:

CEDYOA

Дата направления статьи в редакцию:

06-08-2023

Аннотация: Настоящее исследование посвящено эвфемистическим номинациям, созданные по прагматическому принципу вежливости, которые содержат национально-культурную информацию. Объектом исследования выступили эвфемизмы гендерной тематики (около 100 единиц), полученных методом сплошной выборки из наиболее репрезентативных толковых словарей узбекского, русского и английского языков. Предметом исследования является лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики. Цель исследования – выявить лингвокультурную специфику эвфемистических номинаций гендерной тематики. Поскольку эвфемистические субституты используется в определенном сообществе и находится под влиянием социокультурных факторов, они сильно отмечены социокультурными особенностями, используемых представителями мужского и женского пола узбекского, русского и английского общества. С помощью кросскультурного метода мы обнаружили, что помимо идиосанкратического национального контекста, в языковых системах существуют явления, как универсальные, так и дифференциальные, включая

семантические универсалии и лингво-прагматические максимы. Новизна исследования заключается в сравнительном анализе, который позволяет выявить универсальные и дифференциальные подходы использования эвфемистических номинаций в разных культурах и социальных контекстах. Это новаторский подход, который способствует толкованию, как социолингвистические факторы влияют на формирование и употребление эвфемизмов в разных языках. Результаты исследования показали, что гендерно-вежливые концепты, которые возникли в рамках политкорректной идеологии, способствуют сохранению когнитивного пространства коммуниканта, признавая права женщин и выражая уважение. Они предотвращают оскорбления, но не обязательно являются искренними выражениями симпатии и интереса, скорее, как показал анализ исследования это формальные и этикетные конструкции. Доказано, что специфика национальной культуры и особенности образа жизни узбекского (в семейных отношениях члены семьи мужского пола именуют женский пол определенными словоформами), русского и английского народов, а также уникальные черты их менталитета, являются основой использования эвфемистических номинаций для описания гендерно-тематической группы.

Ключевые слова:

эвфемистическая номинация, прагматический принцип, категория вежливости, лингвокультурологические факторы, национальный менталитет, ключевой культурный концепт, гендерный показатель, политическая корректность, лингво-прагматические максимы, концепт

1. Введение

В настоящее время гендерный параметр играет значительную роль в англоязычном обществе, особенно в американском, где феминистское движение стимулировало распространение политической корректности, которая влияет на формирование языкового дискурса. Интерес представляет проявление и фиксация «женского образа» в эвфемизмах, которые создаются с учетом принципа вежливости. Также важны изменения, которые вежливость индуцировала под видом политкорректности (особенно с гендерной составляющей) в современный английский, русский и узбекский языки в свете пропагандируемой толерантности, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Для достижения указанной цели требуется решение следующих задач: 1) отобрать эвфемистические номинации гендерной тематической группы из узбекоязычных, русскоязычных и англоязычных эвфемистических словарей; 2) рассмотреть реализацию эвфемистических номинаций, с точки зрения прагматического принципа вежливости; 3) определить причины национально-культурной специфики номинации изучаемой гендерной тематики носителями двух языков и выявить дифференциальные и универсальные признаки, включая семантические универсалии и лингво-прагматические максимы.

В качестве основных методов исследования выступили метод сплошной выборки, описательный, анализ словарных дефиниций, и кросскультурный метод.

2. Основная часть

В настоящее время не существует сомнений в том, что на языки влияет культура,

традиции, религия, психологическая ориентация и другие социальные факторы народов. Любое развитие в одной из этих областей будет отражаться в выразительном инструменте - языке. Одним из культурных отражений в языке является попытка говорящих или пишущих скрыть определенные слова или выражения, запрещенные в общественных местах отдельными людьми, социумом или религией. Этот процесс и есть то, что лингвистически называется эвфемистической единицей. В последние десятилетия наблюдается увеличение интереса к изучению явления эвфемии. Исследователи стремятся выявить закономерности функционирования эвфемистических выражений и описать их этно- и социокультурные особенности. С учетом распространения политкорректности особенно важным становится изучение гендерного аспекта эвфемизации.

Исследование эвфемии, в первую очередь, связано с прагматическими принципами, которые служат основой порождения эвфемистических номинаций. Само определение эвфемизма подчеркивает, что основной мотивацией для говорящего использовать эвфемистические единицы является вежливость. Вопрос вежливости является одной из важнейших и продуктивных областей исследований в прагматике и социолингвистике.

Рассмотрим определение эвфемизма, данное К. Алланом и К. Барридж, которое устанавливает прямую связь между эвфемистической единицей и известной теорией вежливости Брауна/Левинсона. Ученые определяют феномен эвфемизма «как выражение, используемое в качестве альтернативы не предпочитаемому выражению с целью избежать возможной потери лица: либо говорящего, либо аудитории, либо какой-либо третьей стороны» [18]. Необходимо отметить, что эвфемистические номинации, служащие инструментом предотвращения возможных коммуникативных неудач в процессе общения, «содержат информацию о моральных ценностях и этических прескрипциях общества» [15, с. 32-33]. По замечанию Г.Ш. Шерматовой «национальная форма складывается посредством специфических элементов, признаков и черт, обладающие интернациональным характером, например, этика и эстетика» [17, с. 45].

Следовательно, эвфемистические единицы представляют собой одно из множества языковых средств, которые используются для выражения вежливости. Как и эвфемия, «вежливость имеет прагматическое значение, и она учитывает потребности адресата. Использование эвфемизмов и вежливых форм обычно обусловлено моральными побуждениями и стремлением избежать конфликтов» [4, с. 48].

В сущности, в случае с эвфемизацией часто применяется принцип вежливости, который является одним из основных принципов прагматики. Данные эвфемизмы, как правило, используются для смягчения упоминания о различных физических и умственных недостатках.

Исследование акцентирует внимание на прагматических особенностях создания и употребления «гендерно-вежливых» эвфемистических единиц сопоставляемых языков. Под «гендерно-вежливыми» эвфемистическими номинациями мы понимаем словоформы, которые создаются и используются с учетом принципа вежливости при обращении к лицам женского/мужского пола (в данном случае - женского).

В нашем случае более точное определение принципа вежливости мы находим у русской исследовательницы Т.В. Лариной, которая дефинирует вежливость как «универсальную коммуникативную категорию, составляющая систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и

соответствующих ожиданиям партнера» [\[11\]](#).

С точки зрения широкого подхода, вежливость определяется «как тип социального взаимодействия, в основе которого лежит, с одной стороны, уважение к личности собеседника, к его мнениям, интересам и желаниям и стремление к предотвращению возможных конфликтных ситуаций и, с другой стороны, презентация языковой компетенции самого говорящего как хорошо воспитанного члена данного общества. Соблюдение принципа вежливости направлено на достижение максимальной эффективности социального взаимодействия» [\[2, с. 3\]](#).

При обсуждении лингвистических средств, которые используются для выражения идеи вежливости, необходимо отметить, что «...во всех языках всех культур есть система лингвистических средств, в которых закреплено значение неприкосновенного отношения к социальному облику личности» [\[22, с. 56\]](#). Основу данных средств выражения составляют «застывшие формы обращений, кодифицированные средствами прономинальной и глагольной систем языка; свободные формы обращений (имена, титулы, звания и т.д.); стереотипные этикетные формулы» [там же, с. 57].

Тем не менее при анализе понятийного аспекта эвфемии нами было обнаружено, что определенные эвфемистические концепты могут быть обусловлены религиозными или регулятивными факторами, а также стремлением сохранить информацию в сокрытом виде от реципиентов. Таким образом, принцип вежливости представляет собой один из множества факторов, которые влияют на использование эвфемистических единиц.

Так, в узбекском языке корень эвфемистического концепта тесно связан с религией. В мусульманской религии говорить плохие слова, даже расстраивать кого-то прямыми словами считается грехом. Мусульманин должен уважать и говорить красивыми, добрыми, приятными словами. В результате многие грубые, неприятные слова заменяются более положительными, чтобы избежать недопонимания между говорящим и слушающим. Это также заметно между родителями и детьми, женой и мужем, пожилыми людьми и молодежью.

Например, в узбекском дискурсе, в семейных отношениях члены семьи мужского пола строго имеют уважение среди женского пола, тем, что «религиозные воззрения и традиции воспитания в узбекской семье обязывают мужчин быть кормильцами для женщин, и в обмен на поддержку женщины должны быть послушными и служить своим мужьям, отцам и сыновьям. Они должны сохранять девственность, а после замужества верность, целомудрие и полная преданность своим мужьям являются предпосылками для обеспечения содержания. Женщины считаются слабыми и легко подавляемыми мужчинами. Поэтому они нуждаются в защите от сильных желаний мужчин» [\[1, с. 52\]](#), в связи с чем нашли отражения некоторые концепты, которые отсутствуют в русском и английском языках. Они относятся к табуированным личным именам (муж, тесть, свекровь и зять) в семейных отношениях и запрещают их использование. Так, первичным концептом **хотин** (жена) являются **умр йолдоши** (спутница жизни), **жуфт халол** (пара), **аёл** (жена), (невеста), **келинтурмуш ўртоғи** (супруга). У жен также есть несколько исходных номинаций, таких как: **онаси** (мать моих детей), **рафиқам** (моя любимая), **болларим** (моя семья), **турмуш ўртоқ** (спутница моей жизни), **жуфти халолим** (моя вторая половинка). Английские мужчины называют своих жен **my sweetest** или **my sweetie**.

Свекровь зовется **ойижон**, **айяжон** (моя дорогая мама). Свекра зовут **дадажон**, **адажон** (мой дорогой отец). Однако носители английского языка называют сторону

своего мужа просто своим именем, например, **Mr. Kevin, Mrs. Kate**. Даже коннотация **bride** в сопоставляемых языках толкуется по-разному. В узбекской культуре концепт **келин** (невеста) несет гораздо большую ответственность в семье мужа. Она должна учитывать каждую мелочь: приготовление еды, работу по дому, уход за детьми, уход за членами семьи, предметы домашнего обихода и всегда быть в хорошем настроении. По этой причине невеста эвфемизируется ментальной единицей **келинпоша** (царица-невеста), **келинчак** (милая невеста). Однако английских и русских невест не волнуют такие обязанности в семье мужа. Они следуют демократическим идеям в семейных отношениях [\[20\]](#).

Когда речь заходит о табуированных словоформах, говорящие проявляют поведение, которое подразумевает существование прямой связи между физическим обликом слов и их запретным значением. Это объясняет, почему данные номинации так нестабильны и обладают довольно мощным эффектом.

Сопоставляя эвфемии и вежливость, Г.А. Вильданова приходит к выводу, что они не являются синонимами, «вежливость стимулирует использование лишь определенных групп эвфемизмов. В некоторых случаях вежливость является «магистральным» фактором, диктующим использование эвфемизмов, в некоторых – она выступает как «сопутствующий», второстепенный, и мы можем наблюдать комбинаторность нескольких факторов» [\[4, с. 47\]](#).

Е.П. Иванян проводит сравнение и разграничение эвфемии и вежливости (в контексте русского языка) и считает, что многие средства выражения вежливости часто ошибочно смешиваются с эвфемистическими единицами, так «формы обращения (замена ты на вы), слова с уменьшительными суффиксами, сравнительная степень качественного прилагательного и наречия с приставкой по-, глагольные формы с приставкой под-» [\[8, 11\]](#), ученый добавляет, что, данные лексемы реализуются в виде смягчающих, и вежливых форм, однако «не обладают отрицательным денотатом и вследствие чего не являются эвфемизмами» [там же, с. 12].

Тем не менее стоит добавить, что узбекскому дискурсу характерна речевая этика, которая предписывает не обращаться к взрослым по имени, а использовать концепты обращения **«ота»** (папа), **отахон** (папочка), **она** (мама), **онахон** (мамочка), **буви** (бува) (бабушка), **бобо** (дедушка), **момо** (бабуля)» [\[1, с. 56\]](#), которые содержат признаки эвфемизации. Данные формы обращения эвфемизируются путем использования номинативного подхода, при котором чужой человек называется близким, и при этом добавляются субъективно-оценочные окончания **-хон, -жон**.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина «при исследовании культуры речевого общения и речевого этикета выделяется понятие «коммуникативное табу», представляющее собой запрет на употребление слова, выражения, фразы в какой-либо ситуации, либо запрет на затрагивание, обсуждение определенных тем, проблем в тех или иных ситуациях» [\[13, с. 101\]](#), что побуждает к использованию эвфемистических номинаций. Несмотря на это, исследователь Е.П. Иванян добавляет, что условием реализации средств категории вежливости в виде эвфемизации является присутствие стигматизированного денотата «(например, «подойдет» вместо «опаздывает»)» [\[8, с. 65\]](#). Таким образом, если существует потребность не только в смягчении, но и «улучшении» отрицательной коннотации, то при помощи любого языкового средства принципа вежливости может быть использовано в качестве процесса эвфемизации.

3. Анализ и результаты исследования

Использование традиционных эвфемистических номинаций, которые широко распространены в рекламе, художественной литературе и СМИ, обнаружили наличие стереотипов и норм поведения в различных социумах. Особенно это относится к негативным аспектам, связанным с «женским» образом, которые традиционно упрекаются со стороны сообществ, не поощряются и вызывают стыд, вследствие чего подвергаются эвфемизации.

Результаты проведенного анализа позволяют выделить несколько тематических групп в эвфемистическом тезаурусе, связанных с «женским» образом.

Первую группу составляют эвфемистические номинации, которые выражают различные оценочные характеристики. Они включают концепты, которые являются отражением отношения общества к поведению и семейному статусу женщин. Некоторые из них могут иметь некомплементарный характер. В английском языке эвфемистические номинации **no better than she should be** (распутная женщина) и **not all she should be** (не такая, как все) способствуют адресанту туманно выразить отрицательное отношение к «женщине легкого поведения». Как отмечает R. Holder, данные выражения часто используются дамами «в годах» в отношении молодых женщин [\[19\]](#).

Следует отметить, что в английском языке подобные оценочные эвфемистические номинации часто сопровождаются сарказмом. Например, выражения: **fishing fleet** («рыболовная флотилия», в основном используется данное выражение для обозначения девушек брачного возраста, которые уезжали за рубеж в поисках обречь супружескую пару), **on the shelf** («залежалый товар» – используется для описания незамужней женщины, у которой практически отсутствуют шансы выйти замуж), **wallflower** (используется для описания непривлекательной молодой особы, которую не приглашают на танец) [там же].

В русском языке субститутами словоформы проститутка служат следующие эвфемистические варианты «**маргаритка, лимонка** (женщина, оказывающая услуги по оральному половому акту), **фи ста ш ка** (несовершеннолетняя проститутка, специализирующаяся на оказании услуг по оральному половому акту) и **шала, ночная бабочка, рыбка хариус**» [\[14, с. 232\]](#).

В словаре А.Ж. Омонтурдиева зафиксирован также функционально-семантический ряд эвфемизмов, имеющих принадлежность значения к проституции, это разговорные, языковые эвфемизмы вместо **жалаб** (проститутка, продажная женщина): **асл мато** (оригинальная, никак все), **анандақа** (она такая, в значении продажная), **баданфуруш** (продающая свое тело), **бебош аёл** (женщина без предрассудков), **бежо юрадиган** (легкомысленная), **безак** (украшение, в значении проститутки), **ифлос** (грязная), **йигитлар кўнглини овлаб юрадиган** (досл. охотница за мужскими сердцами), **келин бўлиш баҳтидан махрум** (досл. лишившая себя счастья быть невестой) [\[12, с. 59-64\]](#).

Вторую группу составляют эвфемистические номинации, камуфлирующие всевозможные физические недостатки женского пола. Группа эвфемистических единиц, относящихся к внешности и фигуре женщин, является весьма обширной, что объясняется повышенным вниманием, уделяемым женщинами своему внешнему виду и стремлением быть красивой. Отметим, что проблема «избыточного веса» и «полноты» является акселератором появления множества эвфемистических выражений. При описании полной женщины в английском языке в настоящее время используются концепты **«fullfigured, ample, well-**

built, built, well-fleshed, filled out, pleasantly plump, big boned» [20; 21]. Коммерческие цели и стремление привлечь внимание клиентов к покупке определенного товара лежат в основе создания подобных эвфемистических единиц, дабы не оскорбить их чувства. В основном размеры одежды для крупных дам тактично маркируются как **mature figure** (размеры для созревших), **Big Gal** (размеры для больших девочек), **woman's size** (женские размеры), **queen size** (королевские размеры) [там же].

В русской культуре отношение к понятию красоты идиосинкротично, что отличает ее от отношения англосаксонского менталитета. Так, по мнению И.А. Стернина и З.Д. Поповой, «русские в общении в основном акцентируют свое внимание на внешние факторы, что подчеркивает популярность в русской коммуникативной культуре комплиментов внешнему виду человека» [13, с. 33]. Комплименты не попадают под сферу табу, они приветствуются, так как адекватный комплимент позволяет установить хорошие отношения с коммуникантом. Кроме того, то, что неприемлемо в английской культуре, в русской культуре вполне допустимо. Например, рассмотрим случай описания А. Вежицкой ситуации близких друзей в аэропорту (между молодым человеком и дамой):

«- *Посидела ты, старушка!*

- *А ты потолстел, мой милый!*» [3, с. 24].

Автор объясняет возможность использования прямых денотаций, так как «в русской культуре данные замечания допустимы во имя правды и связанного с правдой идеала искренности» [там же, с. 24].

В узбекском языке при обращении к полноте женщины используются следующие эвфемизмы **дўмбоқ** (упитанная), **дўндик** (пышная), **дўндиқча** (пышненькая), **тўла** (толстушка), **бўлиқ** (есть за что подержаться) [9]. Также стоит отметить, что в западной лингвокультуре слово родинка означает внешний врожденный дефект на коже, но у узбекского народа родинка на лице считается символом врожденной красоты. Особенно в узбекской классической литературе этот символ восхваляется как благодать. Например, *Агар кўнглимни шод этса ўшал Шероз жонони, Қаро холига бахш этгум Самарқанду Бухорони* (Ҳофиз Шерозий). (Если осчастливит (порадует мою душу) эта красавица Шераза (название местности), за её чёрную родинку я подарю Самарканд и Бухару.).

В узбекском дискурсе мы выделили лингвоспецифическую группу, связанную с возрастом женского пола, который принято «делить на три этапа по периодическим признакам ее жизни: период юности: **қизалоқ / қиз** (девочка, девушка); взросление: **келин / рафиқа / хотин / аёл / она** (невестка, супруга, жена, женщина, мать); старость: **буви / қайнона** (бабушка, теща)» [1, с. 54]. Помимо этого, возраст выполняет функцию эвфемизации вступления в брак для женского пола, что является национальной спецификой, свойственной для узбекского народа, обладая следующими концептами «**тўлмоқ** (взрослеть), **балоғатга етмоқ** (достичь совершеннолетия), **бўйи(га) етмоқ** (достигать зрелости), **кўзга кўринмоқ** (стать видной), **кўзга ташланиб қолмоқ** (выделяться), **катта қиз бўлиб қолмоқ** (стать взрослой девушкой), **ўн олтига кирмоқ** (шестнадцатилетие), **ўн саккизга кирмоқ** (восемнадцатилетие)» [там же, с. 54].

Важно то, что в узбекской традиции, как и вообще на Востоке, замужество считается обязанностью взрослой девушки. По узбекским традициям, девушка, достигшая совершеннолетия должна выйти замуж, что считается обязанностью родителей выдать ее под венец. Конечно, говорить **эрга бериш** (выдать замуж), **эрга тегиш** (выйти замуж) в

силу речевого этикета совершенно некорректно, поэтому в узбекском языке используются исходные концепты **турмушга бермоқ** (выйти замуж), **куёвга бермоқ** (вручить жениху), **эгасига топширмоқ** (подарить хозяину), **узатмоқ** (выдать), **чиқармоқ каби**, **турмуш қурмоқ** (дословно построить брак), **турмушга чиқмоқ** (выйти замуж), **уй қилмоқ** (построить очаг).

В третью группу вошли эвфемистические номинации, обозначающие физиологические процессы и части тела женского пола. Рассматриваемая группа эвфемистических субститутов, обусловлена строгими моральными, религиозными нормами и стыдом. Приведем несколько примеров.

При описании беременной женщины следует использовать следующие лингво-прагматические максимы **expecting**, **anticipating** (ожидающая), **big** (большая, поправившаяся). Данную группу также составляют эвфемистические номинации, употребляемые женщинами, при необходимости выйти в уборную: **«to powder one's nose** (попудрить носик) и **to fix one's face** (поправить макияж). Очевидно, что подобные эвфемизмы отличаются гендерной маркировкой (мужчины не пудрят носик!), и их употребление характерно для женской речи» [\[5, с. 1034\]](#).

В русском языке мы обнаружили многочисленную группу **в (деликатном, интересном, счастливом, таком) положении, ждет аиста, на сносях, ожидает ребенка** – вместо беременной, **залететь, затяжелеть, отяжелеть, понести, потянуло на соленьенькое** – забеременеть, тогда как в узбекском языке всего лишь 4 эвфемистические номинации **буйида бўлмоқ** (в значении «быть беременной»), **гумони бор** (беременная), **донни чўқимоқ** (забеременеть), **дужон** (досл. две души в значении «беременная»).

Также эвфемистические ассоциации используются для женщин, которые собираются рожать, В кратком словаре эвфемизмов узбекского языка А.Ж. Омонтурдиева для обозначения **туғмоқ** (рождения ребенка) используется ряд лингво-прагматических максим: **ой-куни яқин** (месяц не за горами), **ой-куни етмоқ** (достичь лунного дня), **ойга ишора қилмоқ** (указывать на луну), что означает **«туғиш арафасида** /на пороге родов», **бола кўрмоқ** (увидеть ребенка), **болали бўлмоқ** (заиметь ребенка), **бўшалмоқ** (освободиться), **вужудга келмоқ** (появиться на свет), **дунёга келмоқ** (прийти в этот мир), **келмоқкелтирмоқ** (произвести на свет), **дунё юзини кўрсатмоқ** (показать лицо миру), **енгил бўлмоқ** (облегчиться, освободиться), **хадя этмоқ** (сделать подарок) [\[12, с. 121\]](#). В «Ўзбек тили гендер хосланган эвфемизмларнинг қисқача изоҳли луғати» Ш.Гулямовой по отношению к замене словосочетания родить ребенка зафиксированы эвфемизмы: **дунёга келтирмоқ** (принести в мир, родить), **жонидан жон бунёд этмоқ** (дать жизнь, родить), **кўзи ёримоқ** (в значении родить), **ўғилкўрмоқ** (увидеть сына) [\[6\]](#).

Когда приходит время рожать, в английской лингвокультуре принято говорить **to be in a family way** (находиться в интересном положении), **bun in the oven** (ждать ребенка), **knocked up** (буквально залететь), **baby bump** (иметь живот), **in a family way** (находиться в интересном положении).

Рассматривая прямые денотации данной группы, мы обнаружили эвфемистические субституты, которые относятся к прямому обозначению полового акта. Так, в русском языке некоторые из них включают в себя следующие субституты **кобылку купить ийти/пойти**, **обсеменить кого-л.**, **отпетухать кого-л.** (часто употребляемые в контексте гомосексуальных половых актов, часто с насилием), **парить корягу** и **петушить кого-л.** (чаще всего использованные для обозначения анального полового

акта, также часто с насилием) [10].

Сравнивая с узбекским языком, мы обнаружили, что эвфемизация полового акта у носителей узбекской культуры ассоциируется с лингво-прагматической максимой **иш** (работа) «**ишини бажармоқ** (выполнять работу), **ишини битирмоқ** (закончить работу), **ишини қилмоқ** (делать работу)» [1, с. 55], семантика которых не обладает стигматизированным признаком, а наоборот, является абстрагированным, обобщенным, затемняя оттенки «грубости» и «постыдности» и эвфемистические номинации, обозначающие половые отношения без официального брака: **ёмон йўлга кирган** (вступить на дурной путь), **юриб кетган** (загулять), **юр(ади)ган** (гулящая), **ҳалол эмас** (нечистая(ый)), заменяющие постыдное понятие блуд.

В узбекской лингвокультуре под прелюбодеянием обычно понимают измену мужчины и женщины. В создании концептом, связанных с сексуальной близостью, задействованы различные поэтические приемы и метафоры, как «**бирга бўлмоқ** (быть вместе), **бирга ётмоқ** (лежать вместе), **яқин муносабатда бўлмоқ** (быть в близких отношениях), **яқинлик қилмоқ** (уединяться), **алоқа қилмоқ** (иметь связи)» [там же, с. 55] и эвфемизмы характерные для узбекского дискурса, вуалирующие девственность **қизлик** (наличие девственности): **ибо** (скромность), **ор** (честь), **номус**, **бақорат** (целомудрие), **биринчи кечалик** (первая ночь), **керакли нарса** (необходимость), **қимматбаҳо нарса** (ценность), **улуғ неъмат** (великое благословение), **бахорни кўрмаган чечак** (досл. цветок, который еще не видел весны), **бокира** (чистая в значении «девственница») [12].

Вообще, в узбекской традиции тема секса табуирована и в языке узбекского социума, живущего с исламскими верованиями, она не упоминается открыто. Когда необходимо упомянуть, используются различные эвфемистические единицы (графические средства типа пунктуации в письменной речи). По словам А.Ж. Омонтурдиева, «зафиксировано 140 эвфемистических способов занятия сексом» [там же, с. 50]. Следовательно, в узбекском языке говорящий чувствует себя смущенным, и в неудобном положении, когда говорит о сексуальной близости. Именно эта национально-культурная норма создала потребность в завуалированном выражении сексуального поведения.

Существует различие в отношении к выражению сексуальных понятий в английской, русской и узбекской лингвокультурах. В английской и русской культурах можно открыто обсуждать данную темы, однако в узбекской культуре она находится под строгими рестрикциями. Узбекский народ, который придерживается древних традиций, романтические отношения между мужчиной и женщиной за пределами брака недопустимы. Из-за этого в нравственных нормах узбекского народа не допускается открытое и прямое обсуждение формы и содержания интерсексуальных отношений.

Так, можно выделить метафорические эвфемизмы, связанные с табуированными частями тела, и отметить, что они более распространены в русской и узбекской лингвокультурах, нежели в английском, поскольку в них образ мышления познание мира основывается больше на метафорах, то есть наблюдение начинается с самоузнавания сходных и неподобных вещей и группировки их в определенные категории на основе последовательности.

Так, эвфемистические номинации русского языка обладают субститутами, которые образуются путем переноса названий растений и животных, использующиеся для обозначения полового акта и ягодич, например, имена животных (**хомячок в норку**, **птенчик в гнездышко**, **соловей и попугай**), эвфемизируются названиями растений (**мохнатая роза любви**, **эдельвейс**). Также, мы обнаружили прямые субституты,

связанные с именами женских половых органов (например, **Люся** и **Машка**) и половых отношений (например, **Моника** и **Магдалина**), **бесчеремуха** (половой акт без эмоциональной составляющей, от словоформы **черемуха**), **клубничка**, **ромашка**, **земляничка** (групповой половой акт, когда участники процесса сидят в кругу, который ассоциируется подобно лепесткам ромашки) [10]. Путем использования механизма метафоры и метонимии они позволяют инсинуировать на запрещенные объекты, заменяя их исходный компонент ассоциативными связями, основанными на близости.

Узбекские концепты выражаются следующим образом **жинсий ёриқ** (сексуальная трещина), **аврат** (отличительное место женщины от мужчины), **муҳаббат ғунчаси** (бутон любви), **адоқ** (нижнее место), **андом** (не имеет прямого перевода на русский язык, значение нижнее место), **белдан паст** (ниже талии), **бошқа жой** (другое место), **бу ер** (это место), данные эвфемистические номинации применяются в официальной и вежливой речи, чтобы адекватно называть женскую грудь и влагалище женщин, которые являются табуированными.

В русском языке для обозначения женской груди используются лингво-прагматические максимы, которые включают в себя значения **вислихи** и **колыхание**. В кратком словаре эвфемизмов узбекского языка А.Ж. Омонтурдиева определена небольшая группа эвфемизмов **бўйиндан қуйи** (ниже шеи), **кўкс** (грудь), **кўкрак** (грудь), **сут беги** (молочные железы), **эмизик** (грудь) и **кўкрак** (грудь) [12].

Среди примеров прямых значений, которые обсуждаются в русском языке, в качестве единичных концептов можно привести названия ягод, таких как **курсанка**, образованного от жаргонного слова «курсать» - означающего «испражняться» (относящегося к ягодцам и анусу), а также **седло**, **сиделище/седалище**, **сиделка** [14].

В кратком словаре эвфемизмов узбекского языка А.Ж. Омонтурдиева **юмшоқ жой** (мягкое место), заимствованное с русского языка в условиях межкультурной коммуникации; **дум**, **думба** (имеет перевод как жир, но имеет значение – ягодца), **кет** (задница), **орқа** (зад, нижняя часть от спины), **оралиқ ва орқа чиқарув** (промежуточный и задний проход), **юмшоқ жой** (мягкое место), **ўша ер** (то место) [12].

Вывод, представленные факторы и изучение эвфемистических номинаций в системе разнотипных языков подтверждают наше мнение о том, что эвфемизация свойственна идиосинкратический, национально-культурный фон, поскольку соотношение между кодифицированными и некодифицированными элементами почти во всех случаях обладают национально-специфическими признаками. Так, например, процесс эвфемизации в одной культуре может определяться, «как слабо кодифицированный, в другой культуре является «некодифицированным» [7, с. 279]. Следовательно, то, что дифференциальные тематические группы в западной культуре могут быть не подвержены процессу эвфемизации, в восточной они будут обладать процессом табуирования данной темы. Е.В. Тронева отмечает, что «поскольку традиционно считается, что у англичан не принято выражать сильные чувства, а наоборот, является социально приемлемым их подавлять, проявления гнева тщательно эвфемизируются» [16, с. 50-57].

4. Заключение

Гендерно-вежливые концепты, которые возникли в рамках политкорректной идеологии, способствуют сохранению ментального пространства коммуниканта, признавая права женщин и выражая уважение. Они предотвращают оскорбления, но не обязательно являются искренними выражениями симпатии и интереса, скорее, как показал анализ

исследования это формальные и этикетные конструкции.

В результате проведенного анализа было выявлено, что прямые значения узбекских, русских и английских эвфемизмов семантического поля гендер (женского) объединяются в сходные группы, что позволяет сделать вывод об одинаковых когнитивных основах номинативных пространств в исследуемых языках. Отличительные черты обнаруживаются, во-первых, в неодинаковом количественном соотношении заменяемых наименований в рамках отдельных групп, во-вторых, с точки зрения содержания в эвфемистических номинациях национально-культурной информации, проведенный анализ подтверждает, что эвфемистические номинации, являющиеся языковыми универсалиями, приобрели уникальные характеристики в контексте мотивации их возникновения, а также в процессе развития общества. Они определяются ключевыми концепциями конкретной лингвокультуры, менталитетом и влияют на них исторические, экономические и культурные факторы. В узбекском языке она проявляется, во-первых, в семейных отношениях члены семьи мужского пола именуют женский пол определенными словоформами, во-вторых, при выявлена категория эвфемистических единиц речевой этики при наименовании возраста женского пола, наименования при вступлении в брак, в-третьих, тема сексуальных отношений сильно табуирована, то, что открыто обсуждается в сравниваемых дискурсах, в последнем имеет существенный запрет.

Таким образом, лингвокультурологическая информация, представленная в эвфемистических номинациях, может быть выражена двумя уровнями выражения - эксплицитном и имплицитном. На эксплицитном уровне происходит накопление знаний о конкретной лингвокультуре через семантику культурно-специфических номинативных областей процесса эвфемизации. Второй уровень выражения диктует выполнение этимологического анализа механизмов лингвистической реализации эвфемистического значения, особенно литературных троп (метафора и метонимия), которые содержат информацию о традициях, верованиях, суевериях, быте и истории определенной нации. В итоге следует отметить, что данное исследование имеет ограниченный характер, поэтому данный вопрос требует дальнейшего исследования и рассмотрения.

Библиография

1. Алимов Т.Э. Национально-культурная специфика эвфемизмов (на материале русского и узбекского языков) // Современный ученый. 2023. – №. 2. – С. 50-58.
2. Васильева О.А. Реализация максим вежливости в английском и русском диалогах [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.А. Васильева. – Уфа, 2000. – 158 с.
3. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке //Русский язык в научном освещении. – 2002. – Т. 2. – №. 4. – С. 6-34.
4. Вильданова, Г. А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект: монография / Г. А. Вильданова. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 162 с.
5. Вильданова Г. А. Эвфемизм как средство реализации гендерной вежливости в современном английском языке //Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – №. 4. – С. 1032-1035.
6. Гулямова Ш. Ўзбек тили гендер хосланган эвфемизмларнинг қисқача изоҳли луғати [Матн]. – Тошкент: Akademnashr, 2019.
7. Жельвис В. И. Инвективная агрессия в ряду эмотивных средств //Социальная психолнгвистика. – 2007. – С. 278-322.
8. Иванян Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учебное пособие / Е.П. Иванян. – 4-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 121 с.
9. Исмагуллаев Н. Эвфемизмы в современном узбекском языке: Автореф. дисс. ... канд.

филол. наук. – Ташкент, 1964. – 153 с.

10. Ковшова М. Л. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов // Семантика и прагматика эвфемизмов. Москва: Гнозис. – 2007. – С. 279-317.

11. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

12. Омонтурдиев А.Ж. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати. – Тошкент. 2006. – 134 б.

13. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: учебное пособие. 2-е изд-е, перераб. и. доп. Москва: Восток-Запад, 2006. – 285 с.

14. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

15. Солиева Ф.С. Культурные народные традиции: национальное и общечеловеческое в сознании личности: Автореф. дис. докт. философ. наук. – Ташкент, 1994. – С. 32-33.

16. Тронева Е. В. Эвфемистическая лексикализация концепта «гнев» в английской лингвокультуре // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. – 2009. – №. 39. – С. 50.

17. Шерматова Г.Ш. Духовные ценности национальных культур и нравственное воспитание личности / Культура и нравственное совершенствование личности. – Ташкент, 1984. – С. 234.

18. Allan K., Burridge K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2006. – 303 p.

<https://doi.org/10.4000/lexis.1633>

19. Holder R. W. Dictionary of euphemisms. – Oxford University Press, USA, 2008. – 501 p.

20. Chambers J. K. Sociolinguistics // The Blackwell encyclopedia of sociology. – 2007.

<https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeoss204>

21. Trudgill P. Sociolinguistics: An introduction to language and society. – Penguin UK, 2000. – 222 p.

22. Watts R. J. 2. Linguistic politeness and politic verbal behaviour: Reconsidering claims for universality // Politeness in language: Studies in its history, theory and practice. – 2019. – Т. 59. – С. 43-60.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегмент лингвистических вопросов последние два-три года расширяется в должной парадигме знаний. Появляются и новые изводы данных, дополняются и те, которые уже были исследованы, но не полностью. В частности, это касается и эвфемизмов, этого не столь понятного и доступного для оценки процесса. Как отмечает автор, «в настоящее время не существует сомнений в том, что на языки влияет культура, традиции, религия, психологическая ориентация и другие социальные факторы народов. Любое развитие в одной из этих областей будет отражаться в выразительном инструменте – языке. Одним из культурных отражений в языке является попытка говорящих или пишущих скрыть определенные слова или выражения, запрещенные в общественных местах отдельными людьми, социумом или религией. Этот процесс и есть то, что лингвистически называется эвфемистической единицей». Бесспорен этот факт, но и расширение подобной мысли также возможно и правильно. Причем факторы эвфемизации наиболее интересны в данном случае. «Исследование эвфемии, в первую очередь, связано с прагматическими принципами, которые служат основой порождения эвфемистических номинаций. Само определение эвфемизма подчеркивает, что основной мотивацией для говорящего

использовать эвфемистические единицы является вежливость. Вопрос вежливости является одной из важнейших и продуктивных областей исследований в прагматике и социолингвистике». Материал оригинален, нов в плане сопоставления трех языковых систем, причем дистантных относительно друг друга. Следовательно, работа явно претендует на значимый грейд условий реализации научной мысли. Стиль сочинения соотносится с научным типом, терминология выверена: «сопоставляя эвфемии и вежливость, Г.А. Вильданова приходит к выводу, что они не являются синонимами, «вежливость стимулирует использование лишь определенных групп эвфемизмов. В некоторых случаях вежливость является «магистральным» фактором, диктующим использование эвфемизмов, в некоторых – она выступает как «сопутствующий», второстепенный, и мы можем наблюдать комбинаторность нескольких факторов», или «использование традиционных эвфемистических номинаций, которые широко распространены в рекламе, художественной литературе и СМИ, обнаружили наличие стереотипов и норм поведения в различных социумах. Особенно это относится к негативным аспектам, связанным с «женским» образом, которые традиционно упрекаются со стороны сообществ, не поощряются и вызывают стыд, вследствие чего подвергаются эвфемизации. Результаты проведенного анализа позволяют выделить несколько тематических групп в эвфемистическом тезаурусе, связанных с «женским» образом» и т.д. Примеры, которые включает автор в текст статьи достаточно уместны и интересны: например, «в узбекском дискурсе, в семейных отношениях члены семьи мужского пола строго имеют уважение среди женского пола, тем, что «религиозные воззрения и традиции воспитания в узбекской семье обязывают мужчин быть кормильцами для женщин, и в обмен на поддержку женщины должны быть послушными и служить своим мужьям, отцам и сыновьям. Они должны сохранять девственность, а после замужества верность, целомудрие и полная преданность своим мужьям являются предпосылками для обеспечения содержания. Женщины считаются слабыми и легко подавляемыми мужчинами. Поэтому они нуждаются в защите от сильных желаний мужчин», в связи с чем нашли отражения некоторые концепты, которые отсутствуют в русском и английском языках. Они относятся к табуированным личным именам (муж, тесть, свекровь и зять) в семейных отношениях и запрещают их использование. Так, первичным концептом хотин (жена) являются умр йолдоши (спутница жизни), жуфт халол (пара), аёл (жена), (невеста), келинтурмуш ўртоғи (супруга). У жен также есть несколько исходных номинаций, таких как: онаси (мать моих детей), рафиқам (моя любимая), болларим (моя семья), турмуш ўртоқ (спутница моей жизни), жуфти халолим (моя вторая половинка). Английские мужчины называют своих жен my sweetest или my sweetie», или «в русском языке для обозначения женской груди используются лингво-прагматические максимы, которые включают в себя значения вислихи и колыхание. В кратком словаре эвфемизмов узбекского языка А.Ж. Омонтурдиева определена небольшая группа эвфемизмов бўйиндан қўйи (ниже шеи), қўкс (грудь), қўкрак (грудь), сут беги (молочные железы), эмизик (грудь) и қўкрак (грудь)» и т.д. Основной блок соотносится с выводами, в частности автор тезирует, что «лингвокультурологическая информация, представленная в эвфемистических номинациях, может быть выражена двумя уровнями выражения – эксплицитном и имплицитном. На эксплицитном уровне происходит накопление знаний о конкретной лингвокультуре через семантику культурно-специфических номинативных областей процесса эвфемизации. Второй уровень выражения диктует выполнение этимологического анализа механизмов лингвистической реализации эвфемистического значения, особенно литературных троп (метафора и метонимия), которые содержат информацию о традициях, верованиях, суевериях, быте и истории определенной нации. В итоге следует отметить, что данное исследование имеет ограниченный характер, поэтому данный вопрос требует дальнейшего исследования и

рассмотрения». Тема работы, так или иначе, манифестирована, аргументирована и разобрана; считаю, что цель исследования достигнута, фактических противоречий в работе не выявлено. Предметная область актуальна, думается, что материал может быть интересен тем, кто занимается изучением природы эвфемизмов. Рекомендую статью «Лингвокультурная специфика эвфемистических номинаций гендерной тематики (на материале узбекского, русского и английского языков)» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алимов Т.Э., Куприянова М.Е. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43604 EDN: CEWLIW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43604

Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках

Алимов Тимур Эрмекович

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ alimovcom@mail.ru

Куприянова Милана Евгеньевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ milana_k@list.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43604

EDN:

CEWLIW

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2023

Аннотация: Объектом исследования послужили лингвистические средства экспликации, а именно эвфемизмы, которые были собраны путем сплошной выборки из англоязычных и узбекоязычных словарей, энциклопедий и других справочных и публицистических изданий. Предметом исследования является коммуникативно-прагматические особенности эвфемистических единиц, содержащие информацию о моральных ценностях и этических предписаниях, присущих социуму. Цель исследования – выявить коммуникативно-прагматические особенности эвфемистических номинаций в русском и

узбекском языках с учетом национально-культурной специфики сопоставляемых языков. С помощью кросскультурного метода мы обнаружили, что помимо своеобразия национального контекста, в языковых системах существуют явления, как универсальные, так и дифференциальные, включая семантические универсалии и лингво-прагматические максимы. В статье впервые проводится компаративистский анализ коммуникативно-прагматических особенностей эвфемизмов с учетом национально-культурного аспекта, что свидетельствует о научной новизне исследования. Результаты исследования показали, что эвфемизм представляет собой не просто лексический субститут, а более широкое понятие, форму дискурсивного маневрирования. Он обладает различными стратегиями, выполняющими функцию непроксимальной манипуляции дискурсивным пространством, посредством которой говорящий пытается увеличить символическую дистанцию между собой и упоминаемым событием с одной стороны, и с другой в определенных ситуациях использование эвфемистической единицы может быть обусловлено желанием замаскировать реальные обстоятельства. Исследование также показывает, что не существует связи между выбором стратегии эвфемизма в сравниваемых языках. Еще одним важным открытием является то, что русские и узбеки прибегают к табу, когда имеют дело со смертью и ложью, но почти никогда в русском языке не касаются половых отношений. На эвфемистический язык влияют культурные и религиозные убеждения, образ жизни и нормы его носителей, особенно в узбекском языке, как мы обнаружили при описании половых отношений и при обращении к старшим.

Ключевые слова:

коммуникация, прагматика, эвфемистическая номинация, национально-культурная специфика, табу, принцип вежливости, принцип дистанцирования, семантическая неопределенность, концептуализация, дискурсивное манипуляция

1. Введение

Актуальность исследования обусловлена интересом исследователей к процессу эвфемизации как лингвистическому явлению, который значительно возрос в последние время, что делает данное исследование особо релевантным. В настоящее время ученым предстоит ответить на множество вопросов, вызывающих диссонанс, включая коммуникативно-прагматические функции эвфемизмов, конкретные причины эвфемизации, ключевые критерии для определения эвфемии, области их использования, стилистическую принадлежность. Изучение национально-культурного своеобразия эвфемизмов в сравнительном контексте способствует выявлению специфики отражения реальных объектов окружающего мира в языковой картине мира разных языковых систем, что является важным аспектом, позволяющим интерпретировать самобытность мировоззрения и процесс эвфемизации у носителей русского и узбекского языков.

В связи с поставленной целью необходимо решить **следующие задачи**: 1) отобрать русские и узбекские эвфемизмы, которые были собраны путем полной выборки из англоязычных и узбекоязычных словарей, энциклопедий и других справочных и публицистических изданий; 2) рассмотреть определение эвфемизма, с точки зрения прагматики; 3) рассмотреть прагматические стратегии эвфемизации; 4) исследовать эвфемизмы с учетом особенностей их культурного значения и выявить дифференциальные и универсальные признаки, свидетельствующие о национально-культурной специфике.

Методы исследования: метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, кросскультурный метод, который заключается в описании лексического уровня в каждом языке с использованием симметричных критериев и фактического материала. Этот подход основывается на сравнении и анализе коммуникативно-прагматических особенностей, учитывая лингвокультурологические характеристики изучаемых явлений. Контекстуальный метод, позволивший выявить скрытые коммуникативные интенции адресата.

Теоретической базой исследования являются труды русских и зарубежных ученых В.П. Москвина (2017), Е.П. Иванян (2021), М.Л. Ковшовой (2007), К.Аллана и К.Барриджа (Allan, BurrIDGE, 1991, 2006), рассматривающие особенности эвфемистических выражений. Исследование было направлено на определение коммуникативно-прагматических функций и национально-культурной самобытности эвфемистических выражений, которым было уделено достаточное внимание в исследованиях В.И. Заботкиной (1989), Дж. Серля (1986), В. Лутца (Lutz, 1989), Н.В. Тишиной (2006), Л.В. Порохницкой (2014), В.Ю. Харитоновой (2018), А. Омонтурдиева (2000), Ш.К. Шамсиевой (Сопоставительная лингвокультурология, 2021).

Результаты данного исследования имеют **практическое значение** и могут быть применены в теории и практике преподавания русского и узбекского языков, в частности обнаруженные расхождения содействуют представителям обеих культур эффективно коммуницировать без каких-либо недоразумений, особенно тем, кто изучает иностранный или второй язык. Изучающие русский или узбекский язык как иностранный/второй язык могут быть вооружены этими эвфемистическими стратегиями, чтобы справляться с любыми неловкими ситуациями или темами, чтобы облегчить межкультурное общение и сохранить лицо обоих носителей, поскольку использование табуированного термина угрожает лицу.

2. Теоретическая часть исследования

В настоящее время наблюдается растущее разнообразие и распространение способов и средств эвфемизации, которые затрагивают важные социальные темы, различные сферы человеческой деятельности и взаимоотношений с другими людьми, социумом и властью. Коммуниканты обладают разнообразием мотивов, побуждающих их использовать эвфемизмы. Эти мотивы могут быть связаны с чувством суеверия и страха, сострадания, стыда или же вежливости. Они относятся непосредственно к эмоциональной сфере человека. В современных научных исследованиях эвфемизмы изучаются в контексте речевой прагматики, как одного из средств создания комфортной коммуникативной ситуации. Целесообразно рассмотреть прагматику с точки зрения лингвистики и применить данное понятие к нашему исследованию, которое касается эвфемизмов.

В современной лингвистике термин «прагматика» имеет несколько различных трактовок. Так, В.И. Заботкина выделила наиболее точные определения прагматики из разных источников. «Это наука об употреблении языка (Leech), наука о языке в контексте, или наука о контекстуальности языка как явления. (Parret). Исследование языка (или любой другой системы коммуникации) с точки зрения преследуемых целей, различных способов их достижения и условий, при которых эти цели достигаются (Parisi), теория интерпретации различных актов, изучение языковых средств, служащих для обозначения различных аспектов интеракционного контекста, в котором выражается пропозиция (Motsch)» [\[3, с. 50\]](#). Прагматика исследует взаимосвязь между языком и говорящим, включая причины, по которым автор высказывания выбирает определенные языковые средства. Выбор этих средств зависит от характера коммуникации и цели,

которую автор хочет достичь. В контексте речевой прагматики, эвфемистические единицы являются одними из таких языковых средств.

По мнению Е. С. Кузьминой, основная цель, которую преследуют коммуниканты, используя эвфемистические номинации, заключается «в избежание коммуникативных конфликтов и обусловлена желанием не поставить собеседника в неудобное положение, не задеть его чувства» [\[5, с. 132\]](#).

С. Люхтенберг рассматривает эвфемизм как проецирование корыстной версии реальности, которую ученый называет «сокрытием и вуалированием» [\[28, с. 26\]](#). Важно отметить, что И. Р. Гальперин также обратил внимание на манипулятивные возможности функций эвфемизмов, утверждая, что «главное условие манипуляции массовым сознанием - это способность влияния маскироваться, так как именно в данных случаях имеется возможность управлять объектами воздействия» [\[2\]](#). Эвфемизмы обладают прагматической природой, поскольку они направлены на отвлечение внимания слушателя от запретного или неприятного понятия, тем самым выполняя функцию «эмоционально-нейтральной замены нежелательных или излишне резких обозначений» [\[23, с. 12\]](#).

В свою очередь определение, данное К. Алланом и К. Берридж может пролить свет на наше обсуждение эвфемии, ориентированное на лицо: «это слова или фразы, используемые в качестве альтернативы нежелательному выражению во избежание возможной потери: либо своего, либо, оскорбив, лица публики, либо какого-либо третьего лица» [\[19, с. 32\]](#). Понятие «лицо», предложенное Гоффманом [\[24\]](#) и описанное Брауном и Левинсоном, играет мотивирующую роль в процессе эвфемизации [\[20, с. 61\]](#). В процессе коммуникации пользователи языка используют эвфемистические выражения или косвенные средства для сохранения либо своего лица, либо лица собеседника. Согласно К. Линфут-Хэму, основная функция эвфемизма состоит в том, чтобы защитить собеседников от возможного оскорбления друг друга, вызванного поднятием табуированной темы или упоминанием предмета, к которому один из собеседников может быть чувствителен [\[27\]](#). Р. Уордхау также предполагает, что говорящие должны защищать свое лицо, а также лицо других, чего можно добиться с помощью эвфемизма [\[31, с. 276\]](#).

В настоящем исследовании термин эвфемизм используется для обозначения косвенных или вежливых средств выражения табу, целью которых является сохранение лица говорящего или собеседника. Таким образом, с этой точки зрения эвфемизм является в основном прагматическим явлением, подходом, принятым многими авторами, рассматривающими эвфемизм в дискурсивных рамках, с учетом социальных условностей прагматического контекста, окружающего участников диалога. Необходимо отметить, что эвфемизмы, выступающие как средство коммуникации для предотвращения возможных коммуникативных неудач, содержат информацию о моральных ценностях и этических предписаниях общества.

3. Анализ и результаты исследования

3.1. Эвфемизмы и теория косвенных речевых актов

Теория косвенных речевых актов Дж. Серла представляет особый интерес для исследования эвфемии. Она способствует пониманию прагматических аспектов эвфемистической субституции, которая является одной из разновидностей косвенных речевых актов. Важно отметить, что «в косвенных речевых актах говорящий передает

слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и не языковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего» [\[16, с. 197\]](#).

В контексте исследования эвфемии, данное положение означает, что при использовании определенной эвфемистической единицы, автор высказывания стремится установить семантическую или фонетическую связь с субститутом, чтобы вызвать в сознании реципиента имплицитную автором интерпретацию словоформы. То есть автор предполагает, что реципиент способен осуществить данное ментальное действие.

Сознание коммуникантов формирует смысловую структуру эвфемизмов путем «комбинаторного взаимодействия когнитивной, языковой, речевой и коммуникативно-прагматической семантики как эвфемизмов в целом, так и ее разноуровневых компонентов» [\[11, 128\]](#).

Согласно А.С. Мейриевой, данный подход к коммуникативно-прагматическим особенностям эвфемистических единицы исследует комплекс мер для понимания взаимосвязи двух типов отношений - лингвистических и экстралингвистических. Лингвистические отношения определяются системно-языковой и речевой организацией, а экстралингвистические связаны с речемыслительной деятельностью участников коммуникации (намерение, восприятие, толкование и интерпретация сообщения, в которой содержится эвфемистические словоформы).

Например, при обнаружении признаков серьезного или неизлечимого заболевания в диагнозе, врач старается избежать прямой подачи информации пациенту. Вместо этого, он подбирает лексические единицы с положительной окраской или с неопределенной семантикой, которые способны смягчить посылаемое сообщение и не потрепать пациента отрицательными известиями. Например, в русском языке *Наш тест показал, что у вас положительная реакция на **болезнь ВИЧ**, приобретенную половым путем* вместо *вы заражены СПИДом* – в узбекском *Bizning testimiz shuni ko'rsatdiki, siz jinsiy yo'l bilan yuqadigan VICH kasalligiga ijobiy munosabatda bo'lasiz* вместо *siz **OITS bilan kasallangansiz***/ вы заражены СПИДОМ или другой пример, *Требуется **хирургическое вмешательство*** (вам необходимо провести операцию) – узб. *Jarrohlik zarur/ хирургическое вмешательство* вместо *sizga operatsiya kerak*/ вам необходима хирургическая операция, или в случае смерти пациента при операции его семье сообщают, что случился **летальный исход** (врачи были бессильны; мы потеряли больного), узб. *joni chiqdi*/ душа покинула, *oramizdan yo'qoldi*/ ушел от нас, *taslim bo'ldi*/ сдался смерти.

Приведенные выше словоформы способствуют камуфлированию социально неприятной темы - смерти, говорящий стремится не использовать исходный компонент, минимизируя угрозу открытой конфронтации. Как отмечают П. Браун и С. Левинсон, обращение к неподходящей теме представляет собой угрозу положительному лицу, а замена грубого термина эвфемизмом является распространенной стратегией уменьшения угрозы положительного лица [\[20\]](#). Таким образом, приведенные выше примеры демонстрируют прагматические потребности говорящего в том, чтобы замаскировать отрицательные аспекты описываемого предмета и защитить свои интересы. Данные примеры также подтверждают диалектическую природу эвфемистических выражений, о которой говорит Е.И. Шейгал. Суть диалектической природы эвфемистического наименования заключается в том, что результат процесса эвфемизации представляет собой номинацию,

которая, с одной стороны, прямо не называет отрицательную коннотацию сущности объекта, что способствует смягчению его восприятия реципиентами. С другой стороны, семантика словоформы остается неизменной, и каждый представитель языкового сообщества «способен осуществить данное ментальное действие для ее понятия» [\[17, с. 207\]](#).

В ракурсе национального своеобразия мы выявили, что в первом примере, не наблюдается речевой разницы по случаю употребления эвфемистического выражения в обоих исследуемых языках, но во втором случае, все же наблюдается разница при сообщении новости о смерти пациента. Здесь все же прослеживается национально-культурная особенность свойственная менталитету узбекского народа, где проявляются свойственные религиозные и светские оттенки для адресатов и адресантов в речи. Несмотря на то, что исламская философия говорит об ужасе смерти, бояться ее запрещено. Узбекские пословицы **Ўзи берди, Ўзи олди**/Он (сам) дал, Он (сам) взял (отобрал), **Ўлим ҳақ**/ Смерть права (Смерть есть истина), **Ўлим қош билан қовоқнинг ўртасида**/ (отсутствует перевод на русский язык), **Худонинг иродаси шу экан**/ на все воля Божья, **Худо бир, ўлим барҳақ**/ Бог един, а смерть вечна, **Бандалик**/ рабство (в значении все мы в этом мире рабы Божьи) являются языковыми выражениями этой философии. Согласно исламскому поверью, верующий должен готовиться к смерти. Вот почему сказано, что, когда человек, достигший чина веры, уходит из жизни его называют **абადий ором топди**/ он обрел вечный покой, **абадий роҳат-фароғатга кетди**/ ушел в вечное наслаждение или из выражения **бу дунё азобларидан қутулди**/ этот мир освободился от страданий видно, что смерть в исламе не является чем-то страшным.

Другая прагматическая теория Дж. Серля – теория референции, предполагает референцию к объекту, так при использовании говорящим определенных выражений они должны: «а) содержать дескриптивные термы, истинные единственно для этого объекта, либо б) указывать на объект, либо в) сочетать указание с описанием объекта, достаточным для его идентификации» [\[16, с. 196\]](#).

Рассмотрим эвфемизмы внебрачных связей и половых отношений на примере узбекского дискурса, так как они обладают национальной спецификой. В узбекских традициях семья всегда считалась священной, поэтому запрещены любые виды отношений без брака, сожителство вне семьи по сравнению с русскими традициями, в которых не существует рестрикций на создание семьи вне брака. Узбекское общество традиционно придерживается консервативных ценностей, все связи между мужчиной и женщиной должны официально быть зарегистрированы и подтверждены браком. Так, существуют эвфемизмы, вуалирующие названия постыдного понятия **зино қилмоқ**/ блуд: **ёмон йўлга кирган**/ вступить на дурной путь, **юриб кетган**/ загулять, **юр(ади)ган**/ гулящая, **ҳалол эмас**/ нечистая(ый). 1) «Чунки у эрига вафосизлик қилган, ёмон йўлларга юрган» /Потому что она была неверна мужу, пошла по дурному пути (Р. Узоқова. Сайланма); 2) «Кимдир Кимсаннинг қулоғига шивирлади: – Хотининг ҳалол эмас» / Кто-то шепнул на ухо Кисману, что его жена не чиста (Абдулла Қаҳҳор. Оқ ароқнинг қора иши).

Как мы видим, адресант использует эвфемистические номинации **вафосизлик қилган**/ быть неверным(ой), **ҳалол эмас**/ нечистая(ый) с целью произвести референцию к объекту, которые реализуют эвфемистическую функцию в языковой системе и достоверно понятны реципиенту. В данном случае имеется в виду то, как форма выражения используется «в «несобственном» значении, которое, по сравнению с употреблением формы в «собственном» значении отражает конкретное содержание» [там же, с. 200]. В

таком случае, форма имеет более общее значение, что делает ее неопределенной и вызывает только смутные семантические ассоциации, что в свою очередь приводит к особому смягчению выражения.

В узбекском быту тема половой близости является очень закрытой, и в языке узбекских людей, живущих с исламскими верованиями, она не упоминается открыто. Когда необходимо упомянуть, используются различные эвфемизмы (графические средства типа пунктуации в письменной речи). По словам А. Омонтурдиева, «зафиксировано 140 эвфемистических способов занятия сексом» [13, с. 50]. Восточный менталитет и национальная культура, сформировавшиеся на основе узбекской цивилизации, привели к адаптации речевого этикета, который содержит множество лексем, обладающих эвфемизацией. Благодаря этому, нашли свое отражение отличительные эвфемизмы, свойственные данной культуре. Несмотря на эвфемистическую функцию данных номинаций, устная речь все равно отражает определенное чувство стыда. Однако в узбекском социуме, согласно своим традициям, существуют эвфемизмы-субституты для непристойных слов и выражений.

Например, выражения **бирга бўлмоқ/** быть вместе, **бирга ётмоқ/** лежать вместе, **яқин муносабатда бўлмоқ/** быть в близких отношениях, **яқинлик қилмоқ/** уединяться, **алоқа қилмоқ/** иметь половые связи считаются национально-культурными эвфемистическими номинациями и их использование продиктовано узбекской культурой и восточным менталитетом.

В эвфемистическом выражении половой близости слово **иш/** работа принимает активное участие в ассоциациях носителя узбекского языка, вследствие семантики данного слова, которое имеет признак несколько абстрагирующего и обобщающего грубого, постыдного понятия. Можно выделить следующие эвфемистические номинации с лексической единицей **иш/** работа: **ишини бажармоқ/** выполнять работу, **ишини битирмоқ/** закончить работу, **ишини қилмоқ/** делать работу, которые прямо не называют половые отношения и содержат национально-культурный колорит узбекского народа.

Таким образом, национальное своеобразие приведенных словоформ половых отношений в узбекском языке, в первую очередь, возникли вследствие восточного быта, и откровенно говорить об интимных отношениях в культуре узбекского народа считается грехом, а завуалированность этой темы закрепляется в его языковой культуре. Позже это было регламентировано как требование культурного дискурса.

Понятие «прагматический принцип» играет существенную роль в нашем исследовании. Исходя из этого, для обеспечения бесперебойной коммуникации пользователи языка должны руководствоваться принципом вежливости и дистанцирования, лежащие в основе возникновения эвфемизма.

3.2. Принцип вежливости

В основу большой группы эвфемистических субституты часто заложен принцип вежливости. В рамках теории межкультурной коммуникации категория вежливости исследуется как «соблюдение коммуникативного соглашения и заключается в следовании коммуникантами надлежащему для данной ситуации набору законов и правил» [14, с. 37].

Т.В. Ларина рассматривает принцип вежливости как «универсальную коммуникативную категорию, представляющая собой систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих

ожиданиям партнера» [\[7\]](#). По ее мнению, в каждом народе вежливость имеет свои особенности с учетом национальных норм поведения, которые определяются культурными ценностями, социально-культурными отношениями и мировоззрением народа.

Например, в исламской религии, составляющая основную часть населения Республики Узбекистан воспринимает религию, как руководство к хорошему социальному поведению. Она регулирует обязанность уважать учителей, преподавателей, правительства и Бога. Кроме того, следует с уважением относиться к старейшинам, гостям, и незнакомцам, используя уважительный узбекский язык, обычно идентифицируемый по лексическому выбору, например, в узбекской лингвокультуре не принято обращаться к пожилым людям по имени. По отношению к ним используются эвфемистические единицы, такие как *ота/* папа, *отaxon/* папочка, *она/* мама, *онаxon/* мамочка, *буви, бува/* бабушка, *бобо/* дедушка, *момо/* бабуля. В этих формах обращения эвфемистические единицы возникает в результате наименования чужого как ближнего, и при помощи добавления форм субъективной оценки *-хон, -жон*. В русской культуре мы наблюдаем расхождение, как отмечает Е.П. Иванян «формы обращения на «Вы» вместо «ты» в русском языке нельзя относить к эвфемизмам» [\[4, с. 16\]](#), поскольку в русском дискурсе отсутствует негативная эмоция, которую мы должны смягчить, используя форму множественного числа. Обращение к старшим на «ты» часто считается проявлением близости, доверия и уважения. Это происходит из долгой истории России, где уважение к старшим и семейным ценностям играли важную роль. Традиционно, в русской семье существовала иерархия, где старшие поколения занимали особое положение и имели авторитет. Молодые люди обращались к старшим на «вы» и использовали более формальные обращения, чтобы выразить свое уважение и подчеркнуть иерархическую структуру семьи. Однако, с течением времени и социокультурных изменений, обращение на «ты» к старшим стало более распространенным. Это связано с изменениями в обществе и взаимоотношениях между поколениями. Современные молодые люди все чаще стремятся к более открытым и дружеским отношениям с родителями, старшими родственниками и даже с коллегами. Обращение на «ты» считается проявлением близости и доверия, и может помочь установить более теплые и интимные отношения.

Как мы видим, прагматическое содержание слова «кодирует черты ситуации общения, в которой оно обычно употребляется» [\[3, с. 52\]](#). Отдельное значение имеет выявление рестрикций в использовании и процесс выбора определенного языкового средства в конкретной коммуникативной ситуации во время социального взаимодействия между участниками, которые также продиктованы своеобразием значения словоформ. Как правильно указала М.Л. Ковшова «эвфемизация функционирует по отношению к конкретной коммуникативной ситуации как стратегия, направленная на смещение прагматического фокуса и достижение конкретной прагматической цели, заключающейся в передаче скрытой (имплицитной) информации путем зашифровки ситуативно неуместных тем и слов согласно нормам риторического этноса» [\[6, с. 122\]](#).

В самом общем смысле, вежливость определяется как форма коммуникативного поведения, основанная на уважении к личности собеседника, его мнениям, интересам и желаниям, а также на стремлении предотвратить возможные конфликтные ситуации. Она также предполагает проявление языковой компетенции со стороны говорящего, выражающей его хорошее воспитание и принадлежность к данному обществу. «Соблюдение принципа вежливости направлено на достижение максимальной эффективности социального взаимодействия» [\[1, с. 3\]](#).

Например, мы зафиксировали объемную функционально-семантическую группу эвфемизмов характерную для узбекского дискурса, вуалирующая девственность *qizlik*/ наличие девственности: *ibo*/ скромность, *or*/ честь, *nomus*, *baqorat*/ целомудрие, *birinchi kechalik*/ первая ночь, *kerakli narsa*/ необходимость, *qimmatbaho narsa*/ ценность, *ulug' ne'mat*/ великое благословение, *bahorni ko'rmagan chechak*/ досл. цветок, который еще не видел весны, *bokira*/ чистая в значении «девушечка».

Русская и узбекская лингвокультуры расходятся в этом отношении, в первой об этом можно разговаривать, во второй не позволяют открыто выражать сексуальные понятия. В узбекской культурах романтические отношения между мужчиной и женщиной вне брака запрещены. Поэтому в нравственных нормах узбекского народа, верного древним традициям, запрещено открыто и прямо представлять себе форму и содержание интерсексуальных отношений.

3.3. Принцип дистанцирования

«Практика замены потенциально оскорбительного выражения более приятным может быть использована говорящими как стратегия дистанцирования» [21]. Это свойство ставит эвфемизм среди других прагматических форм дискурсивного маневрирования, ведущих к имплицитности и косвенности выражения. Это связано с одним из нескольких ключевых эффектов, которых достигает эвфемизм, а именно с семантической неопределённостью. Неопределенность является определяющей чертой эвфемизмов как лингвистического явления, способная порождать двусмысленность и выполнять функцию эвфемизации, которая предполагает, «сокрытие неприятной концепции, позволяя, таким образом, смягчить табу» [26, с. 16]. Широкая семантическая структура слова «служит своеобразной вуалью, прикрывающей неприятную, негативную сущность явления» [3, с. 91]. Однако следует отметить, что эвфемизм неразрывно связан с табу, особенно с лингвистическим табу [30] и, более конкретно, с тем, что называют «концептуальным запретом» [25]. Это обуславливает «когнитивный процесс концептуализации запретной реальности, который, проявляясь в дискурсе посредством использования языковых механизмов, позволяет пишущему в определенном «контексте» или в определенной прагматической ситуации, ослабить или, наоборот, усилить некую запрещенную концепцию или реальность» [там же, с. 738].

С точки зрения прагматической интерпретации эвфемизма как приема дискурсивного маневрирования, то оно также оперирует лежащим в его основе механизмом увеличения символической дистанции между упоминаемым явлением и его конкретной вербализацией говорящим. С этой целью говорящий может полагаться на обычные, лексикализованные эвфемизмы или создавать новые эвфемистические формы выражения. Однако в гораздо более широком прагматическом смысле такое дискурсивное маневрирование — стремление проблематизировать то, что можно было бы сформулировать более прямолинейно, также включает в себя другие языковые феномены, которые обычно не считаются имеющими «эвфемистическую» функцию.

Например, в сопоставляемых языках словоформы **висячий**, **стоячка**, **торч**, **торчила/торчило** (мужской половой орган, чаще всего во время эрекции), **торчун** в русском и в узбекском **мижоз/оружие** языке (мужское тело, наименования мужского полового органа) могут обозначать табуированную часть тела - *пенис*, и в то же время функционировать как эвфемизм в определенном контексте.

В качестве другого примера служит группа эвфемизмов, обозначающая отсутствие

девственности, или ее лишение. В русском языке данная группа представлена не обширно, в словаре Е.П. Сеничкиной были обнаружены следующие эвфемизмы: **сокровище, нераскрывшийся бутон, не целованная, нетронутая, вуаль целомудрия** [15], тогда как в узбекском словаре А. Омонтурдиева они представлены довольно разнообразно, например, **гул кесмоқ/** срезанный цветок, **гулини сўлдирмоқ/** увянувший цветок, **айби бор/** есть ошибка, **нопок/** нечистая. В данных примерах словоформы **кесмоқ/** срезанный и **сўлдирмоқ/** увянувший интерпретируется как «лишенная целомудрия» из-за сходства, которое существует между различными аспектами данных понятий. С другой стороны, замена того же утверждения другой лексемой, например, **қиз эмас/** не девочка вместо **нопок/** нечистая, никогда не будет иметь такого же эвфемистического эффекта, главным образом потому, что вышеупомянутые аспекты сходства больше не наблюдаются. Метафора, благодаря своей способности извлекать сходство из аналога и на первый взгляд взаимоисключающих сущностей, имеет сложную ассоциативно-семантическую структуру. Благодаря этим особенностям и способности заменять буквальное описание, она способна «корректировать восприятие реальности и в определенных контекстах выполнять эвфемистическую функцию» [9, с. 186].

Для достижения эвфемистического эффекта метафора играет важную роль, поскольку «она представляет собой маркер имплицитного смысла» [8, с. 26]. В данном случае, метафора осуществляет семантический сдвиг путем выявления более или менее очевидного сходства между предметом или понятием, связанным с запретным содержанием, и соответствующим денотатом вне этой сферы: «говорящий предлагает слушающему познать негативные, малопривлекательные или малопрестижные явления через образное уподобление их явлениям положительным или, по крайней мере, нейтральным в оценочном отношении» [13, с. 88], как **пенис** метафоризируется на **торчила/торчило** и **мижоз/оружие**. «Употребление слова в не прямом, не в «своем» значении за счет переноса отрицательного знания в область положительного способствует реализации вуалирующей, смягчающей и украшающей эвфемистической функции» [22; 29].

Весьма продуктивным приемом эвфемизации в исследуемых словарях русского и узбекского языков также является метонимия. Метонимический перенос, основанный на пространственных отношениях смежности, используется, например, при обозначении ряда физиологических особенностей человеческого тела: в русском **клубничка** (женский половой орган), **вислихи и колыхание** (женская грудь) и в узбекском языке **муҳаббат ғунчаси/** бутон любви, **жинсий ёриқ/** сексуальная трещина в формальном и вежливом собрании уместно используется для обозначения *женской груди* и *вагины* женщин, которые считаются табуированными. Используя механизм метонимии, эвфемистический прием позволяет инсинуировать на табуированный денотат путем субституции его наименования через ассоциативные связи, основанные на смежности.

Для выполнения эвфемистической функции смягчения важно отметить, что «метонимическая недоговоренность, также как и метафора, является инструментом для передачи имплицитного смысла, выступая как одно из проявлений тенденции к компрессии речи» [8, с. 22], тем самым, имплицитно она обладает большим значением, чем выражено на поверхностном уровне; «смысл компактных метонимических построений не исчерпывается лексическим значением составляющих его компонентов, в них предполагается домысливание всей ситуации, названной по какому-либо наиболее типичному ее компоненту, который прочно ассоциируется с другими компонентами» [10, с. 40].

Таким образом, эвфемизмы-метонимии и эвфемизмы-метафоры используются для маскирования неприятных или непристойных аспектов жизнедеятельности, намекая на социально неприемлемый смысл. Метонимическая недосказанность ведет к искажению максимы информативности (полноты информации) и максимы тождества (ясности), что в свою очередь «способствует построению нарочито двусмысленной и неточной речи в целях эвфемизации высказывания» [12, с. 64-65]. Сопоставление значения маркера и знаний адресата о языковой картине мира позволяет эксплицировать опущенные элементы, что в свою очередь способствует умозаключению о подразумеваемом смысле в соответствии с общей прагматической направленностью.

4. Результаты исследования

С точки зрения прагматики, использование эвфемистических номинаций является своего рода реакцией на деструктивные процессы в языковой деятельности. Оно направлено на нивелирование или обход негативных аспектов, которые существуют в настоящее время.

Исследование языкового материала позволяет сделать вывод о том, что эвфемистические номинации в узбекском и русском языках имеют дифференциальные типы мотивации. В ходе нашего исследования мы обнаружили, что эвфемизация основана на моральных и социальных нормах конкретного общества. Это подтверждает факт того, что считается табу в одной культуре, может быть принято в другой как норма, и что использование эвфемистических единиц осуществляется на основе культурных ценностей и убеждений. Не вызывает сомнений, что язык подвержен влиянию культуры, традиций, религии, географии и различных социальных факторов социума. В ходе сопоставительного анализа различных языков и культур выявляются лингвистические элементы, характерные для определенной национально-культурной специфики.

5. Заключение

Стремясь расширить понимание эвфемистической номинации от простой лексической замены один к одному, данная статья подвела нас к понятию эвфемизма как к форме дискурсивного маневрирования. В коммуникативно-прагматических функциях эвфемистическая единица представляет собой различные стратегии, которые выполняют функцию непроксимальной манипуляции дискурсивным пространством, посредством которой говорящий пытается увеличить символическую дистанцию между собой и упоминаемым событием с одной стороны, и с другой данные выражения способствуют уклонению от использования неприличных или нецензурных высказываний, отражают уровень культуры и воспитанности собеседника, а также способствуют социальному развитию. Анализ показал, что эвфемизмы играют важную роль в коммуникации, позволяя общаться о сложных или неприятных темах, при этом соблюдая социальные нормы и воспринимая информацию более мягко или деликатно.

Стратегии эвфемизма, обнаруженные в узбекском языке, указывают на то, что в нем больше способов выражения эвфемизмов. Исследование также показывает, что нет никакой связи между выбором стратегии эвфемизма в сопоставляемых языках. Еще одним важным открытием является то, что русские и узбеки прибегают к табу, когда имеют дело со смертью и ложью, но почти никогда в русском языке не касаются половых отношений. На эвфемистический язык, как и на язык в целом, влияют культурные и религиозные убеждения, образ жизни и нормы его носителей особенно в узбекском языке, как мы обнаружили при описании половых отношений и при обращении к старшим. Дифференциальные признаки показывают, что эвфемизмы могут иметь различные типы и структуры в зависимости от языковой и культурной принадлежности.

Они способны отражать специфические концептуализации запрещенной реальности и иметь свои уникальные значения и использование. Универсальные признаки эвфемистических номинаций свидетельствуют о том, что некоторые эвфемизмы могут быть общими для разных культур и языковых сообществ. Это связано с общими тенденциями в обществе по использованию определенных слов или выражений для ослабления негативного значения.

Понимание дифференциальных и универсальных признаков эвфемистических номинаций вносит вклад в понимание культурных различий и особенностей коммуникации. Это исследование предоставляет полезную информацию для специалистов в области межкультурной коммуникации, перевода и обучения иностранным языкам, помогая адаптировать коммуникацию к культурным особенностям и избегать недоразумений и конфликтов.

Библиография

1. Васильева О.А. Реализация максим вежливости в английском и русском диалогах [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.А. Васильева. – Уфа, 2000. – 158 с.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. Учебник / И. Р. Гальперин. 3-е изд. Москва: Высшая школа, 1981. – 334 с.
3. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка: учеб. Пособие для ин-тов и фак.иностр. яз. – Москва: Высшая школа, 1989. – 126 с.
4. Иванян Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учебное пособие / Е.П. Иванян. – 4-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 121 с.
5. Кузьмина Е. С. Эвфемистические процессы в диахроническом срезе // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, 2010. – № 4. – С. 130–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemisticheskie-protsessy-v-diahronicheskom-sreze> (дата обращения: 19.07.2023).
6. Ковшова М.Л. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов // Семантика и прагматика эвфемизмов. Москва: Гнозис, 2007. – 320 с.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянских культур, 2009. – 512 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/annotatsiya-larina-t-v-kategoriya-vezhlivosti-i-stil-kommunikatsii-sopostavlenie-angliyskih-i-russkih-lingvokulturnyh-traditsiy> (дата обращения: 19.07.2023).
8. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург: 1999. – 35 с.
9. Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии: На материале испанской разговорной речи. – Санкт-Петербург.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 233 с.
10. Мединская В.Л. Об имплицитных структурах, выражающих некоторые синтаксические категории в русском языке // НЛВШ. Филол. науки. – 1971. – № 3. – С. 38-41.
11. Мейриева А.С. Эвфемистическая лексика в современном русском языке: комплексная характеристика [Текст]: дис...канд. филол. наук / Айшат Султановна Мейриева. – Магас, 2004. – 186 с.
12. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Издание стереотипное. – Москва: ЛЕНАНД, 2017. – 262 с.
13. Омонтурдиев А. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати. Тошкент: Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси, 2000. – 134 б.
14. Рубина Н. Б. «Эвфемизм» и «Политическая корректность» в современном английском языке // Russian Journal of Linguistics. – 2011. – №. 4. – С. 35-41.
15. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

16. Серль Дж. Косвенные речевые акты. // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. – С. 195-222.
17. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
18. Шувалов В.И. Эвфемистическая метафоризация в языке и речи // Актуальные проблемы германистики и романистики. – Смоленск, 2002. – Вып. 6. – Ч.1. – С. 87-91.
19. Allan K., Burrige K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2006. – 303 p.
URL: <https://doi.org/10.4000/lexis.1633>
20. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge university press, 1987. – Т. 4. – 345 p. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>
21. Chovanec J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue //Lingua. – 2019. – Т. 225. – Pp. 50-62. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.04.001>.
22. Dabrowska A. Eufemizmy wspolczesnego jezyka polskiego. – Wroclaw, 1994. – 233 p.
23. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova, D. S. Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette // Training Language and Culture. – 2019. – № 3(1). – Pp. 8-22. URL: <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1>.
24. Goffman E. Interaction ritual: Essays in face to face behavior. – AldineTransaction, 2005. – 270 p.
25. Gómez M.C. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism // Language Sciences. 2009. Т. 31. № 6. Pp. 725-739. URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2009.05.001>.
26. Fernández E. C. Sexually explicit euphemism in Martin Amis's "Yellow dog: mitigation or offence? //Miscelánea: A journal of english and american studies. – 2006. – №. 33. – Pp. 11-30.
27. Linfoot-Ham K. The linguistics of euphemism: A diachronic study of euphemism formation //Journal of language and linguistics. – 2005. – Т. 4. – №. 2. – Pp. 227-263.
28. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch. Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1985. – 250 p.
29. Neaman J.S., Silver C.G. Book of Euphemism. The hilarious guide to the unmentionable / J.S.Neaman, C.G.Silver. –London: Wordsworth Editions LTD, 1995. – 310 p.
30. Andrea Pizarro Pedraza (ed.) Linguistic Taboo Revisited. Novel Insights from Cognitive Perspectives Berlín/Boston: De Gruyter Mouton, 2018. – 331 p. DOI: 10.1515/9783110582758
31. Wardhaugh R. An introduction to sociolinguistics, Blackwell Publishing, 2021. – 480 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к сравнительно- сопоставительным языковым исследованиями русского и иного языка (не английского) в нашей стране. В данной работе проводится сопоставительный анализ функционирования эвфемизмов в русском языке и в узбекском – языке одной из богатейших в культурном плане стран бывшего СССР. Автор рассматривает эвфемизмы, которые зачастую используются в современном мире для введения модальности в

повествование, попытке уклониться от прямого ответа на вопрос или завуалировать информацию.

Актуальность исследования обусловлена также интересом исследователей к процессу эвфемизации как лингвистическому явлению, который значительно возрос в последние время, что делает данное исследование особо релевантным.

Кроме того, в настоящее время возрастает интерес к исследованиям в области стилистики, лексикологии и лексикографии, в изучение чего вносит определенный вклад рецензируемая работа.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии, через призму лексики двух различных культур. Исследование является сопоставительным, проведенном на материале двух языков. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методами исследования явились метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, кросскультурный метод, который заключается в описании лексического уровня в каждом языке с использованием симметричных критериев и фактического материала. Этот подход основывается на сравнении и анализе коммуникативно-прагматических особенностей, учитывая лингвокультурологические характеристики изучаемых явлений. Контекстуальный метод, позволивший выявить скрытые коммуникативные интенции адресата.

К сожалению, автор не указывает на объем корпуса, отобранного для практической части исследования по каждому из языков и на принципы и методы отбора. Автор приводит убедительные данные, однако методы корпусного исследования, а также статистические методы, которые могли бы быть применены в данном случае, не были использованы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на узбекском и русском языках.

Библиография статьи насчитывает 31 источник, среди которых представлены научные труды на русском, английском и узбекском языках.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в теории и практике преподавания русского и узбекского языков, в частности обнаруженные расхождения содействуют представителям обеих культур эффективно коммуницировать без каких-либо недоразумений, особенно тем, кто изучает иностранный или второй язык.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Виноградов С.Н. Парадигматический класс как элемент языковой системы // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43677 EDN: BPWUZY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43677

Парадигматический класс как элемент языковой системы

Виноградов Сергей Николаевич

ORCID: 0000-0001-5321-4932

доктор филологических наук

профессор, кафедра современного русского языка и общего языкознания, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37

✉ vinogradov54@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.43677

EDN:

BPWUZY

Дата направления статьи в редакцию:

31-07-2023

Аннотация: Предметом исследования в статье является парадигматический класс (ПК), понимаемый как множество вариантов выбора языковых единиц, объединяемых инвариантом. Цель исследования – охарактеризовать структурные и функциональные свойства ПК как комплексной единицы языка, выполняющей когнитивные функции (формулировка проблемы и выбор альтернатив её решения). Формулировка проблемы предполагает формулировку инварианта, который является знаковой единицей, обозначающей множество элементов ПК. Методы исследования – общелингвистические методы наблюдения и описания, методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка. Были получены следующие результаты. Элементы ПК, находящиеся в отношении взаимозамены, образуют нечёткое множество. Функция вхождения в данное нечёткое множество определяется дискурсом, в котором функционируют ПК и его составные части. Результаты исследования могут быть использованы для анализа содержания текстов различной тематики при решении ряда коммуникативных задач (обучение, редактирование, написание творческих работ и т.д.). Новизной работы является рассмотрение ПК как наблюдаемой части

универсального множества языковых единиц. При этом в составе ПК могут быть элементы, у которых функция вхождения имеет малое значение, а в ненаблюдаемой части универсального множества могут быть элементы, у которых при их появлении в ПК функция вхождения имеет большое значение. Формирование множества элементов ПК и создание инварианта определяется дискурсным функционированием языка, которое в статье иллюстрируется текстом рассказа А.П. Чехова «Лошадиная фамилия». Реализация дискурсной ситуации «затруднение при вспоминании искомой фамилии» приводит к созданию парадигматического класса «лошадиных фамилий», а выбор искомой фамилии носит нетривиальный, творческий характер и требует привлечения элементов универсального множества, первоначально не входящих в ПК.

Ключевые слова:

парадигматический класс, выбор варианта, инвариант, когнитивные функции, знаковые единицы, моделирование языка, нечеткое множество, дискурс, содержание текста, функционирование языка

Введение

Ф. де Соссюр, характеризуя различные аспекты языковой системы, использовал термин «ассоциативные отношения» для характеристики «виртуального, мнемонического ряда», элементы которого «не опираются на протяжённость, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык» [\[16, с. 155 - 156\]](#). Интересно, что для описания синтагматических отношений Соссюр использует лингвистические термины и понятия, а при объяснении ассоциативных отношений он кладёт во главу угла психологические аспекты содержания, выраженные терминами «ассоциативный», «ассоциироваться», «ассоциация», «память», «мнемонический ряд». Разумеется, использование психологической терминологии оправданно, если изучаются психологические основы языкового механизма (языковой системы). Но если предметом исследования являются собственно языковые явления, то их концептуализация должна включать лингвистические понятия.

Первым шагом к лингвистическому пониманию ассоциативных отношений является замена в термине прилагательного «ассоциативный» прилагательным «парадигматический» [\[7, с. 71\]](#). Лексические единицы «парадигма», «парадигматика», «парадигматический класс» отражают языковые явления – элементы системы и структуры языка. Б.Н. Головин следующим образом характеризует языковую реальность, связанную с парадигматикой и синтагматикой: «Любая парадигма, на любом уровне языковой структуры, представляет собой совокупность вариантов, объединённых общим для них устойчивым инвариантом и закономерно чередующихся в процессе речевого функционирования языка. Члены одной и той же парадигмы связаны тождеством инварианта и противопоставлены теми или иными различиями. Члены парадигмы избираются говорящим или пишущим в зависимости от коммуникативных задач высказывания, а также структурных свойств членов и парадигмы в целом. Иными словами, члены парадигмы функционируют в речи и вступают в неё в синтагматические отношения. Они существуют в структуре языка и не могут одновременно занимать одно и то же место в потоке речи, структура которой, развёртываясь во времени, выбирает, на каждом шаге своего движения, один из членов той или иной парадигмы» [\[1, с. 205\]](#). В таком понимании обнаруживается функциональный подход к определению варианта.

«Варианты могут иметь самую разную звуковую оболочку... Однако если они обладают тождественными функциями и способны замещать друг друга в научном тексте, то подобные единицы можно признать вариантными...» [14, с. 17]. Будучи знаками языка, варианты имеют двустороннюю сущность – план содержания и план выражения. Знаковую природу имеет также инвариант. Невозможно анализировать его, не сформулировав инвариант, не обозначив его в тех или иных языковых формах. В.М. Солнцев определяет инварианта как абстрактное обозначение одной и той же сущности в отвлечении от её конкретных модификаций (вариантов) [10, с. 80-81]. «Как название инвариант имеет словесную форму существования» [10, с. 81]. Вместе с тем В.М. Солнцев дает следующую формулировку: «Инвариант – это всегда абстракция, понятие, в котором отражены общие свойства класса объектов, присущие этому классу в данный отрезок времени» [15, с. 32]. Из этого следует, что инвариант является одновременно и понятием (т.е. идеальной сущностью), и названием (т.е. словом или другим обозначением, имеющим материальную сторону). Итак, проявлением парадигматического отношения является совокупность объединённых инвариантом языковых единиц (назовём её парадигматическим классом), из которой (которого) в процессе общения на каждом его шаге выбирается одна из единиц.

Цель и методы исследования

Цель данной статьи – рассмотреть структурные и функциональные свойства парадигматического класса на материале лексических единиц. Внимание к парадигматическому классу обусловлено тем, что он играет очень важную роль в выполнении языком когнитивной функции, конкретнее – в решении проблем, возникающих в процессе мышления и использования языка. Выбор парадигматического варианта представляет собой проблему, а выбранный парадигматический вариант – решение этой проблемы [4, с. 10]. Таким образом, парадигматический ряд является моделью проблемы выбора, осуществляемого в процессе функционирования языка. В статье используются общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка.

Свойства парадигматического класса и инструменты его исследования

В лингвистике использовались и используются многочисленные номинации, называющие различные парадигматические классы слов: тематическая группа, ассоциативная группа, функционально-семантическая группа, поле, понятийное поле, парадигматическое поле, парадигматический ряд и т.д. В других подсистемах языка также имеются аналогичные группировки единиц. Например, в морфологии для их обозначения используется термин «парадигма» - множество форм словоизменения.

В структурно-системном плане парадигматический класс представляет собой совокупность языковых единиц (вариантов), связанных отношением взаимозамены и объединяемых инвариантом. Вариантно-инвариантная структура и проявление её функционирования как выбора языковой единицы на каждом шаге развёртывания речи – необходимые, конституирующие свойства парадигматического класса. С содержательной точки зрения инвариант содержит смысл (содержание), присущий (присущее) каждому варианту. Простым примером парадигматического класса является синонимический ряд (например, *красный, багровый, багряный, алый*), единицы которого могут заменять друг друга в речи и объединяются инвариантной единицей (например, словосочетанием *имеющий красный цвет*).

Будучи языковой подсистемой, парадигматический класс включает в свой состав знаковые единицы и сам представляет собой сложный знак. В этом своём качестве он является наблюдаемой сущностью. Примерами наблюдаемых парадигматических классов, помимо синонимического ряда, являются совокупность лексических единиц в словарной статье идеографического словаря (тезауруса), речевые поэтические оппозиции в тексте поэтических произведений [\[19, с. 204\], \[11, с. 51\]](#), варианты выбора лексики в черновиках [\[5, с.45 - 50\]](#), лексические варианты, возникающие в различных переводах одного и того же иноязычного текста на русский язык [\[3, с. 36 - 37\]](#). Все эти наблюдаемые объекты, рассматриваемые как парадигматические классы, требуют определённого исследовательского инструментария.

Во-первых, парадигматические классы моделируются такими математическими объектами, как множества. Поэтому при их изучении может быть использована математическая теория множеств.

Во-вторых, парадигматический класс моделируется множеством с нечёткими границами. Нечёткое множество как математический объект характеризуется тем, что каждому его элементу поставлено в соответствие некоторое число – функция принадлежности, выражающая «степень вхождения» данного элемента в нечёткое множество. Содержательная интерпретация функции принадлежности может быть различной, но наиболее распространённой интерпретацией является вероятность (или правдоподобие) того, что элемент, которому приписана функция принадлежности, принадлежит некоторому нечёткому множеству. Использование аппарата нечётких множеств в лингвистических описаниях – одна из идей математической лингвистики [\[13, с. 6, 12, 359 - 361\]](#). Моделирование парадигматического класса как нечёткого множества предполагает различную «степень уверенности» в том, что некоторый элемент (некоторая языковая единица) входит в данный парадигматический класс. Нечёткая квалификация языковых фактов – характерная особенность лингвистических классификаций, в том числе синонимических классов. Например, Д.Н. Шмелев писал: «...в трактовке синонимов и антонимов... сказывается... подсознательная уверенность в том, что синонимы и антонимы – это уже данные исследователю «реалии» языка, которые подлежат только адекватному описанию. Между тем, само положение о том, что в языке не существует абсолютных синонимов – положение, повторяемое различными авторами, - заставляет воспринимать данную категорию как до некоторой степени условное обозначение таких языковых явлений, которые могут быть истолкованы и названы неодинаково, в зависимости от принятых критериев. Если в языке, как правило, нет абсолютных синонимов, то самая синонимичность может, следовательно, иметь то более, то менее выраженный характер...» [\[18, с. 115\]](#)

В-третьих, парадигматические классы возникают в результате работы языкового механизма, который функционирует в различных условиях, в различных дискурсах, при решении различных коммуникативных задач. В этом причина разнообразия парадигматических классов – их разных концепций, интерпретаций, характеристик. Нами было высказано предположение о языке как механизме порождения знаковых систем. Парадигматические классы – «частные семиотические системы», порождаемые языком [\[2, с. 100\]](#), используемые в различных условиях общения.

Высказанные соображения позволяют выделить ряд неочевидных свойств парадигматических классов как объектов исследования. Любой парадигматический класс является подмножеством некоторого множества языковых единиц, которое называется

универсальным множеством (в математике его принято обозначать латинским символом U). Для исследователя U - это множество, которое состоит из всех элементов исследуемой области. Естественно считать, что элементы, входящие в класс парадигматически связанных языковых единиц, образуют лишь часть всех языковых единиц, имеющих в исследуемой области. В разных ситуациях множество U будет разным. Например, при рассмотрении лексики множество U может быть множеством всех слов, при рассмотрении морфемики – множеством всех морфем и т.д. В зависимости от дискурса, от сферы употребления языка и задач его описания состав универсального множества меняется. Например, при изучении русских физических терминов универсальным множеством может быть множество специальной лексики русского языка, или совокупность лексических единиц (слов и словосочетаний) русского языка, или совокупность русских терминов точных наук и т.д.

Внимание к парадигматическому классу как к подмножеству некоторого универсального множества обусловлено неоднородностью свойств элементов класса. Природа этой неоднородности бесконечно разнообразна и, в частности, определяется аспектом рассмотрения предмета исследования, точкой зрения на него. Например, элементы нечёткого множества неоднородны по «степени уверенности» включения их в данное множество.

Указанная неоднородность присуща как элементам парадигматического класса, так и элементам других подмножеств универсального множества U . Эта неоднородность приводит к следующим умозаключениям. Во-первых, в пределах парадигматического класса могут быть элементы, которые парадигматически связаны с другими элементами этого класса с малой степенью уверенности – практически нулевой. Во-вторых, в состав U могут входить элементы, которые не входят в данный парадигматический класс, но с определённой ненулевой степенью уверенности могут быть включены в него. Включение или невключение элемента универсального множества в парадигматический класс является следствием некоторого наблюдения. Но может оказаться, что некий элемент универсального множества не включён в парадигматический класс только потому, что оказался за пределами наблюдения этого класса. Если парадигматический класс - объект непосредственного наблюдения, а оставшаяся часть универсального множества не входит в этот объект, то характеристика элементов множества U носит умозрительный характер, и вывод о возможном включении элементов U в парадигматический класс делается «из общих соображений». Отсюда следует, что тот объект, который мы называли парадигматическим классом, имеет принципиально нечёткие, размытые границы и вхождение или невхождение некоторого элемента в парадигматический класс является неочевидным.

Здесь возникает вопрос о точности наблюдения и научного описания объекта, названного нами парадигматическим классом. Правомерно ли научно описывать объект, границы которого принципиально расплывчаты и элементы которого могут быть не наблюдаемы для заданных условий наблюдения (т.е. для выделенного парадигматического класса)? Представляется, что сама расплывчатость, нечёткость парадигматического класса как объективно присущее ему свойство может быть предметом лингвистического исследования.

Рассмотрим структуру и функционирование парадигматического класса на примере рассказа А.П. Чехова «Лошадиная фамилия».

Сюжет рассказа сводится к следующему. У отставного генерал-майора Булдеева невыносимо разболелся зуб. Доктор хотел вырвать его, но больной отказывался. Тогда

приказчик посоветовал «полечиться заговором», для чего написать письмо некоему «чудодейственному господину», который прославился умением заговаривать зубы. Но приказчик забыл фамилию целителя и помнил только, что это «простая фамилия... словно как бы лошадиная» [17, с. 63]. И все окружающие стали изобретать такие фамилии, чтобы помочь вспомнить фамилию целителя. Рассказ заканчивается тем, что приказчик вспомнил искомую фамилию (*Овсов*), но уже после того, как генерал, не вынеся мучений, позволил доктору вырвать больной зуб.

Данный сюжет может быть описан в терминах парадигматических отношений. Перед персонажами рассказа возникает проблема, решение которой сводится к выбору лексического варианта (искомой фамилии). Инвариант, который является формулировкой проблемы, - «фамилия, связанная с понятием 'лошадь'». Всевозможные предлагаемые фамилии - варианты решения этой проблемы. Совокупность лексических единиц, воплощающих эти варианты, - парадигматический класс. В возникшем парадигматическом классе много фамилий, мотивированных «лошадиными» номинациями: *Кобылин, Жеребцов, Жеребятников, Кобылицын, Кобылятников, Лошадинин* и т.д. В составе вариантов многие фамилии мотивированы предметами и явлениями, связанными с понятием 'лошадь' более или менее опосредованно: *Коренной, Коренников, Пристяжкин, Тройкин, Уздечкин. Рысистый, Засупонин* и др. Инвариант «фамилия, связанная с понятием 'лошадь'» находится в иерархических отношениях с более частными инвариантами. Так, фамилии *Гнедов* и *Буланов* имеют инвариант «фамилия, имеющая отношение к названиям лошадиной масти», фамилии *Коренников, Пристяжкин, Уздечкин, Чересседельников* - инвариант «фамилия, имеющая отношение к названиям понятий, связанных с использованием лошадей». Перечисленные выше варианты - проявления когнитивной деятельности, в которой участвует парадигматический класс. Для этой деятельности важны не только варианты, но и их инварианты, которые позволяют уточнить или расширить объём парадигматического класса.

Разумеется, в небольшом рассказе не могли быть приведены многие «лошадиные фамилии». Огромное их количество принадлежит универсальному множеству за пределами парадигматического класса (ср. другие возможные «лошадиные фамилии», которые не упомянуты в рассказе и поэтому не входят в рассматриваемый парадигматический класс: *Конев, Жеребин, Лошадников* и т.д.). С другой стороны, в парадигматический класс попали фамилии *Кобелев, Конченко*, которые сближаются с «лошадиными» не по смысловому содержанию, а по другим свойствам - в данном тексте, очевидно, по созвучию со словами *кобыла* и *конь*. В этом проявляется нечёткость парадигматического класса как его существенное свойство.

Фамилия *Овсов* важна в данном сюжете благодаря тому, что по смыслу нехарактерна для данного парадигматического класса. Овёс - злак, который обычно используется как корм для лошадей и других животных. По сравнению с другими словами из данного парадигматического ряда номинация *Овсов* «менее лошадиная», чем вышеперечисленные фамилии. Юмор чеховского рассказа во многом обусловлен тем, что фамилия *Овсов* оказалась не соответствующей читательскому ожиданию. Формулировка инварианта, прозвучавшая в речи приказчика, направила ассоциации участников решения проблемы отчасти по неверному пути. С точки зрения структуры парадигматического класса фамилия *Овсов* оказывается на периферии парадигматического класса «лошадиных фамилий».

В тексте чеховского рассказа анализируемые «лошадиные фамилии» не являются

виртуальным, мнемоническим рядом в соссюрдовском смысле, а оказываются наблюдаемыми элементами речевой цепочки. Но противоречия в этом нет, потому что название парадигматического класса и последовательность вариантов в речевой цепочке являются в широком семиотическом смысле единицами разных «языков» или разными составными частями языкового знака. Перечисление элементов парадигматического класса является обозначаемым для названия парадигматического класса и развёртывается в речевой последовательности. Выражением *лошадиная фамилия* обозначаются фамилии *Кобылин, Жеребцов, Жеребятников* и т.д. Линейная организация речи в данном случае выступает как одно из метаязыковых средств, позволяющее выразить обозначаемый объект, названием которого является парадигматический класс. Этим объектом является множество перечисленных фамилий – словесное наполнение класса «лошадиная фамилия». «Метаязыковое использование языка обычно связано с какими-то трудностями речевого общения...» [\[12, с.241\]](#). В сюжете о «лошадиной фамилии» трудность общения заключается в том, как конкретизировать общее понятие; чтобы произвести эту конкретизацию, надо выбрать один вариант из перечисляемых, а само это перечисление имеет место в линейной речевой цепочке.

Рассмотренные выше структурные и функциональные свойства парадигматического класса отражают некоторые механизмы творческих решений в когнитивной деятельности. Ю.М. Лотман, формулируя своё представление о хороших стихах, писал: «Хорошие стихи – это те, искусственное порождение которых нам сейчас недоступно, а сама возможность такого порождения которых не доказана» [\[11, с. 130\]](#). Представляется, что в рассмотренном сюжете возможность вхождения лексемы *Овсов* в парадигматический класс недоступна для наблюдателя (по причине ненаблюдаемости этого элемента в рассматриваемом акте коммуникации до того, как приказчик вспомнил эту фамилию), а возможность этой фамилии не доказана для дискурсной ситуации «затруднение при воспоминании», которая характеризует конкретный дискурс данного чеховского рассказа (конкретный дискурс–единичное проявление частного дискурса, см. [\[9\],\[6\]](#)). Возникновение парадигматического класса родственно художественному творчеству, поскольку некоторые варианты (представители инварианта) находятся в ненаблюдаемом универсальном множестве за пределами парадигматического класса и поэтому не наблюдаемы сами, а возможность их включения в парадигматический класс не очевидна (ср. фамилия *Овсов* в рассмотренном ранее примере). Когда происходит включение подобного элемента в парадигматический класс, то содержание инварианта в той или иной степени видоизменяется. Это проявление некоторого творческого действия, появление некоторой новой информации, которой не было в парадигматическом классе и которая возникает как бы «из ничего» и становится достоянием языковой личности, использующей парадигматический класс как инструмент когнитивной деятельности.

Заключение

В результате анализа парадигматического класса обнаруживаются его структурные и функциональные свойства как элемента языковой системы. Парадигматический класс является комплексной языковой единицей, подобно другим единицам языка, например словообразовательному типу, словообразовательному гнезду, словообразовательной парадигме. Комплексный характер парадигматического класса проявляется в том, что его составными частями являются слова, как в комплексных единицах словообразования. В нечётком характере семантики парадигматического класса проявляется общая тенденция языковой семантики (ср. асимметричный дуализм языкового знака, когда некоторая языковая единица стремится приобрести новое значение, а некоторое значение стремится быть выражено новой языковой единицей

[8]). Языковые особенности парадигматического класса, рассмотренные в данной статье, заключаются в том, что 1) его составными единицами являются слова как лексемы и 2) его языковой анализ, по-видимому, неотделим от дискурса, в котором данный класс функционирует, и от частной семиотической системы (от вторичной моделирующей системы), к которой он принадлежит.

Библиография

1. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 416 с.
2. Виноградов С.Н. О соотношении понятий «языковая система» и «языковой механизм» // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 97-101.
3. Виноградов С.Н. Парадигматика языка как универсальная модель проблемной ситуации // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка: Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 5–6 апреля 2022. / Отв. ред. В.И. Заботкина, С.И. Переверзева. М.: РГГУ, 2022. С. 36-37.
4. Виноградов С.Н. Смысловые категории и смысл текста // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 3. – № 10. – С. 7-12.
5. Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М. Черновой текст как основа реконструкции речемыслительной деятельности (на материале региональных документов XVIII в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 40-54.
6. Ерофеева Е.В., Кудлаева А.Н. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС // Проблемы социо-и психолингвистики. Вып.3: Сб. ст. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь: Пермский ун-т, 2003. С. 28-36.
7. Задорожнева Е.В. Категория сочетаемости в лингвистической науке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2. – С. 70-74.
8. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – Изд. третье, дополненное. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85-90.
9. Кудлаева А.Н. Типы текстов в структуре дискурса: автореф. дис. ... канд.филол.наук. Пермь: Пермский государственный университет, 2006. 19 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
11. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство–СПБ», 1996. С. 17-252.
12. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.
13. Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б, Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. М.: «Вышш. школа», 1977. 383 с.
14. Сложеникина Ю.В. Вариативность и парадигматические группировки слов // Вопросы филологии.–2011. – № 1. – С. 13-19.
15. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31-42.
16. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
17. Чехов А.П. Лошадиная фамилия // Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том III. М.: Издательство «Правда», 1985. С. 62-65.

18. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. – 280 с.

19. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Парадигматический класс как элемент языковой системы», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к проблематике теории языкознания.

Целью рецензируемой статьи заявлено рассмотрение структурных и функциональных свойств парадигматического класса на материале лексических единиц.

Данное исследование является актуальным и выполнено в русле отечественных научных школ.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В статье используются общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке.

К сожалению, автор не указывает объем практического материала, на котором зиждется исследование, и принципы его отбора.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части не представлен обзор разработанности проблематики как в зарубежной, так и в отечественном языкознании. Данный факт не позволяет выделить научное приращение знания и оценить новизну исследования и авторский вклад. Заключение не отображает в полной мере задачи, поставленные в исследовании и требует усиления.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу. Большее количество ссылок на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, а не на учебники, несомненно, обогатило бы работу.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях.

Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, лингвистам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Парадигматический класс как элемент языковой системы» может быть рекомендована к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Давтянц И.И. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в информационном поле миграции: Мексика - США (на материале мексиканских социальных медиа) // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70906 EDN: BXOWZY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70906

Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в информационном поле миграции: Мексика - США (на материале мексиканских социальных медиа)

Давтянц Ирина Игоревна

ORCID: 0000-0003-3877-1612

старший преподаватель; кафедра иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации; Южный федеральный университет

344037, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, оф. 310

✉ 4283953@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.70906

EDN:

BXOWZY

Дата направления статьи в редакцию:

31-05-2024

Аннотация: Целью настоящего исследования является систематизация лексических прагматических маркеров конфликтогенности (ЛПМК), используемых в мексиканском пользовательском контенте в контексте проблематики миграционных процессов. Рост антиамериканских настроений, вызванный выступлениями Д. Трампа и его сторонников, а также социально-экономические последствия от наплыва релокантов из США в Мексику и их высокомерное поведение способствуют дальнейшему формированию образа «Чужого» в мексиканской языковой картине мира путем использования языковых средств выражения категории конфликтогенности. Материалом для исследования послужили пользовательские комментарии, размещенные в мексиканском сегменте популярной онлайн платформы Reddit, которая сочетает в себе черты социальной сети и форума, на котором можно обсуждать различные вопросы. Было проанализировано около 3000 комментариев по данной тематике, опубликованных за последние шесть лет.

Выбор периода обусловлен сменой за это время двух президентов США, что оказало большое влияние на миграционную политику США и их отношения с Мексикой. ЛПМК были отобраны методом сплошной выборки. При их анализе использовались контекстуальный метод, метод коммуникативного анализа, методы компонентного и прагматического анализа. В результате проведенного анализа впервые были выделены и систематизированы ЛПМК, участвующие в языковой объективизации образа «Чужого» – англоговорящего светлокожего иностранца – в мексиканском пользовательском контенте. Среди отобранных лексических единиц можно отметить наличие как ЛПМК, изначально имеющих негативную окраску (инвективная и неинвективная негативно-оценочная лексика): слова и словосочетания со значением высокомерный, жадный, захватчик, расист, не уважающий Мексику, являющийся причиной роста цен, так и ЛПМК, приобретающих ее в этнокультурном, социально-экономическом и личностно-ориентированном контекстах: американцы, английский, англоговорящие, Мексика – дешевая страна и др. Повышение плотности использования ЛПМК при обсуждении определенных тем в социальных медиа позволяет говорить о росте уровня социальной напряженности в данной сфере общественной жизни.

Ключевые слова:

лексические прагматические маркеры, конфликтность, миграционный кризис, пользовательский контент, комментарии, социальные медиа, виртуальная коммуникация, когнитивная база, языковая картина мира, оппозиция свой-чужой

Современные СМИ во всех своих проявлениях чрезвычайно разнообразны и представляют собой неисчерпаемый ресурс для научных исследований. В настоящее время они включают в себя не только газеты и журналы, радио и телевидение, но и все то многообразие каналов связи, которое предоставляет интернет. Двадцать первый век со своим технологическим прорывом в области Интернет-коммуникации породил новые виды медиа, в том числе и так называемый *пользовательский контент*, вытесняющий по своей популярности и масштабности официальные новостные ресурсы. Появление термина пользовательский контент связано как с социальной активностью людей в медиaprостранстве, осуществляемой посредством использования различных платформ и социальных сетей, так и с доступностью инновационных программных инструментов, которые позволяют пользователям с легкостью «...генерировать контент такого характера, как мемы, демотиваторы, аудио- и видеоролики, фото, графика и коллажи, подкаст, презентация» [\[7, с. 71\]](#).

Интерактивный характер пользовательского контента особенно ярко проявляется в такой его форме, как комментарии к новости/публикации/событию, так как сообщения читателей появляются в режиме реального времени и, как правило, требуют реакции/оценки от других пользователей сети. При рассмотрении комментариев важно учитывать, тот факт, что они представляют собой особый тип диалога, соединяющий в себе черты устного и письменного дискурса. С одной стороны, коммуниканты имеют возможность немедленно реагировать на сообщения, корректировать свои речевые тактики, с другой стороны, их речь не всегда спонтанна и общение не всегда происходит синхронно. Как отмечает Т.Г. Скребцова, для виртуальной коммуникации характерна эллиптичность, ненормативность и слабая структурированность [\[10, с. 25\]](#).

Медиапользователи по всему миру превращаются в непосредственных участников

информационного процесса, которые заинтересованы не только в потреблении, но и в создании пользующегося спросом контент-материала, что приводит к размыванию границ между производителями и потребителями информации. По мнению К.А. Карякиной, основным отличием пользовательского контента от профессиональных журналистских материалов является то, что последние создаются «...на высоком профессиональном уровне, соответствуют этическим стандартам и содержат тщательно проверенные данные. В то время как пользовательский контент часто субъективен и может базироваться на свидетельстве недостоверных источников или неоднозначной информации» [\[6, с. 6\]](#). Важно отметить, что особый характер виртуального пространства, где сдерживающие социальные нормы не так сильны из-за анонимности и дистанцирования участников коммуникации, позволяет авторам постов в социальных сетях высказывать то, что они не решились бы озвучить в реальности, и выходить за рамки принятых в обществе норм коммуникации.

Пользовательские комментарии, которые могут представлять собой и вербализованное мнение отдельных индивидуумов относительно той или иной новости, темы, видеоролика и т.п., и оживленное обсуждение большим количеством людей различных, в том числе острых тем без давления рамок цензуры, не только отражают реальное состояние языка, но и представляют собой, как считает С.М. Карпоян, социально обусловленные мнения, несущие информацию о действительности, имеющейся в сознании пользователей [\[5, с. 243\]](#).

Будучи перспективным материалом для изучения в рамках современной антропоцентрической парадигмы, пользовательский контент дает доступ к *когнитивной базе этноса*, под которой В.В. Красных понимает «...информационно – эмоциональное («этническое») поле, как совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств, как все многообразие реально существующих и потенциально возможных знаний и представлений носителей национального ментально-лингвального комплекса» [\[8, с. 23\]](#). Вместе с тем многие исследователи отмечают, что подобная информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая в языке, является не столько зеркальным отражением окружающей действительности, сколько ее интерпретацией (Е.И. Зиновьева [\[3\]](#), Л.П. Халяпина [\[12\]](#)), а используемые при этом языковые формы являются этноспецифичными и служат структурированию и упорядочению бесконечного разнообразия действительности [\[1, с. 92\]](#). Следует отметить, что подобная психолингвистическая репрезентация социального опыта этноса позволяет извлекать ценностную информацию об особенностях национального сознания путем изучения специфики аксиологических архетипических структур, характерных для него. К таким универсальным оппозициям, лежащим в основе формирования нашего самосознания и национальной идентичности, относится и оппозиция «свой – чужой».

В информационном поле миграционных процессов противопоставление «мы-группы» и «они-группы», где «они», мигранты, нередко видятся и выставляются виновниками большинства негативных социальных и экономических процессов в обществе, играет особую роль, так как является средством миромоделирования собеседников через интерпретацию фактов, представленную автором сообщения (комментария) [\[11, с. 156\]](#). В качестве примера, подтверждающего данный тезис, можно привести тот факт, что на формирование отношения к представителям иных культур нередко влияют господствующие в обществе предрассудки и стереотипы, продвигаемые как официальными СМИ, так и отдельными радикально настроенными личностями в процессе межгруппового виртуального взаимодействия.

Ряд ученых (Т.А. ван Дейк [14], У. Эко [15], В. Браун [13], К.М. Лёрка [16], Л.М. Лодоньо [17], Е.П. Белинская [2]) отмечают, что среди языковых средств формирования образа «Чужого» в современном информационном поле преобладает инструментарий категории конфликтности, объясняя это радикализацией общественного сознания и психологической потребностью человека в наличии фигуры антагониста и даже врага.

В контексте проблем миграции представляется перспективным изучение таких средств выражения категории конфликтности, как лексические прагматические маркеры (ЛПМК), под которыми в настоящей работе понимаются «прагмемы, обладающие отрицательной эмоционально-оценочной окраской и высоким когнитивно-прагматическим потенциалом в плане выражения субъективной оценки агрессивности, воинственности, враждебности, нетерпимости и т.д., при этом актуализация потенциала данных единиц в речи способствует возникновению конфликтных ситуаций» [4, с. 18].

Материалом для исследования лексических прагматических маркеров конфликтности в информационном поле миграционных процессов послужил мексиканский сегмент популярной онлайн платформы Reddit, которая сочетает в себе черты социальной сети и форума, на котором можно обсуждать различные вопросы. Было проанализировано около 3000 комментариев по данной тематике, опубликованных за последние шесть лет. Выбор периода обусловлен сменой за это время двух президентов США, что оказало большое влияние на миграционную политику США и их отношения с Мексикой.

Миграционный кризис последних лет, вызванный небывалым потоком мигрантов, с которыми столкнулись и Мексика, и США, наряду с антимексиканским дискурсом сторонников республиканской партии Д. Трампа, способствовал дальнейшему росту антиамериканских настроений и активному обсуждению поведения *грингос* (в мексиканской культуре *gringo* – иностранец с белой кожей, говорящий на английском языке [Diccionario del español de México: <https://dem.colmex.mx/Ver/gringo>]) на территории Мексики.

Именно *грингос* становятся одним из объектов выражения негативного отношения в мексиканском пользовательском контенте. Обратимся к отобранным ЛПМК.

В комментариях пользователей присутствуют как *негативизмы*, изначально имеющие негативную коннотацию в своем значении (Группа 1), так и ЛПМК, для реализации когнитивно-прагматического потенциала которых необходимо понимание контекста их использования (Группа 2). Группа 1 в свою очередь представлена *инвективными* (обценная, сниженная и литературная лексика негативной модальности, используемая в качестве оскорбления) и *неинвективными негативно-оценочными лексическими единицами*.

Обратимся к последним, так как они являются более информативными, чем инвективная лексика, и позволяют определить те качества, которые приписываются *грингос* в мексиканской лингвокультуре. В приведенных примерах сохранены орфография и пунктуация авторов постов.

Среди ЛПМК-определений своей частотностью употребления выделяются следующие: *arrogantes, con aires de superioridad, racistas, despectivos, groseros*. Основной акцент в данном случае делается на высокомерном поведении чужаков. Для мексиканцев особенно важно то, что данное высокомерие *грингос* основано лишь на их принадлежности к белой расе. Ср.:

«...lo que mueve a la xenofobia mexicana, es el hecho de que muchos llegan **con aires de superioridad** inherentes al hecho de ser **gringos**»
[https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_s

«Y aparte se dan **aires de grandeza** porque "**white/americano**" y piensan que todos los mexicanos les van a **lamer los pies por algún tipo de sentimiento de inferioridad**»[https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofob

Среди ЛПМК-существительных/словосочетаний с существительными, выделяются те, которые отмечают отсутствие уважения к мексиканцам со стороны грингос: *falta de respeto, racismo*; передают их жадность: *voracidad, rapiña*; указывают на последствия от их вмешательства в жизнь в Мексике: *aumento en los precios de renta*; подчеркивают их захватнические наклонности: *invasores*, и их приверженность ненавистной для большинства мексиканцев идеологии: *trumpistas*.

«... cada vez veo a más y más **extranjeros pendejos**, pero ya se viene **con ganas la invasión**... En Tijuana hay una cantidad inmensa de **Karen's** y **trumpistas**, con todo y sus **ideologías pendejas**»

[https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_

В данном фрагменте мы видим довольно высокую плотность ЛПМК. Приезжие иностранцы и их идеология не только называются грубым словом *pendejos* (тупые), но и дается характеристика грингос, как людей, захватывающих чужую территорию, что для мексиканцев имеет особое значение. Имя Карен также характеризуется высоким когнитивно-прагматическим потенциалом в мексиканской лингвокультуре. Так называют белокожих женщин, которые вечно всем недовольны и требуют особого к себе отношения.

Среди ЛПМК-действий можно выделить следующие: *no respetar a México, humillar a los Mexicanos, robar todo, creerse dueños, provocar que la renta se incremente*. Помимо глагола *respetar* в отрицательной форме используется и глагол с ярко выраженной негативной семантикой – унижать. Ср.:

«...y no tardan en llegar **las pinches Karens a humillarnos en nuestras propias tierras**»
[https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_

Мексиканцы постоянно отмечают, что граждане США относятся к ним подобным образом: не уважая, а унижая их, не только в США, но и в самой Мексике, что вызывает у них особое чувство несправедливости. Местоимение *nuestras* (наши) в контексте противопоставления «свой – чужой» призвано не только передать негодование автора высказывания данной ситуацией, но и подчеркнуть, что грингос являются чужаками, которые берут то, что им не принадлежит.

Помимо негативизмов в мексиканском пользовательском контексте нередко встречается *ирония и сарказм*: используются слова со смыслом, который является противоположным для того, который хотят передать. Рассмотрим следующий случай:

«Y se hacen llamar "**expats**" porque recuerden que sólo **la gente feíta morenita es inmigrante**»

[https://www.reddit.com/r/mexico/comments/14xza1q/gringos_que_se_vienen_a_vivir_a_m%

Автор поста считает, что несмотря на то, что грингос называют себя экспатами, по факту они являются теми же иммигрантами, так как цвет кожи в данном случае, согласно его

мнению, не является объективной причиной для подобного деления. Данный комментарий, как многие другие, вызван наплывом релокантов из США в Мексику, так как дистанционный формат работы позволил им, сохраняя заработную плату США, обосноваться в более бедной стране, где они стали чувствовать очень состоятельными людьми.

Довольно часто в комментариях встречаются окказионализмы и неологизмы, многие из которых являются производными от имен Д. Трампа (*el trompas, señor trompetas*) и Дж. Байдана (*Dark Brandon*). Что же касается самих США, то некоторые пользователи называют страну *Gringolandia* (*Земля гринго*).

Отдельного внимания заслуживает *нейтральная лексика, которая приобретает негативные коннотации в национально обусловленном контексте*. В мексиканском пользовательском контенте преобладают этнокультурный и социально-экономический, реже личностно-ориентированный типы контекстов.

Что касается *этнокультурного контекста*, то решающую роль в его формировании сыграла история взаимоотношений Мексики и США. Захват США большей части территории страны соседа, а также вмешательство во внутреннюю и внешнюю политику, способствуют росту страхов мексиканцев перед империалистическими амбициями США. Примечательно, что даже слова *el inglés* и *los americanos* превращаются в данном контексте в ЛПМК. Грингос требуют к себе особого отношения и на территории Мексики, и на территории США, они не учат испанский язык, а предпочитают говорить на английском.

«...cuando ellos vienen siempre **quieren que se les acomode** y casi casi **que se modifique la cultura del país para que ellos estén a gusto**»
[[https://www.reddit.com/r/mexico/comments/14xza1q/gringos_que_se_vienen_a_vivir_a_m%](https://www.reddit.com/r/mexico/comments/14xza1q/gringos_que_se_vienen_a_vivir_a_m%0)]

Подобные двойные стандарты вызывают раздражение у мексиканцев, от которых требуется знание английского, и когда они находятся в США, и когда общаются с грингос в Мексике. Примечательно, что термин *los americanos*, в понимании мексиканцев, граждане США присвоили себе неправомерно, так как к американцам относятся коренные жители Северной и Южной Америк, а грингос являются потомками англосаксов, которые появились в Северной Америке лишь в XVI веке. Сейчас же большинство грингос ведут себя на территории Мексики, как хозяева, что способствует росту социальной напряженности.

В качестве примера приобретения нейтральной лексикой негативной коннотации в *социально-экономическом контексте* обратимся к хэштэгу **#mexicoissocheap**, который стал причиной возмущения мексиканцев, несогласных с тем, что Мексика дешевая страна. Наплыв в Мексику обеспеченных иностранцев, которые живут с шиком и не платят налоги, привел к небывалому росту цен, и многие семьи вынуждены покидать свои дома и переезжать на окраины.

«**Pague impuestos** y vera que mexico **isnt cheap** as you think»
[https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_s]

В отношении личностно-ориентированного контекста, следует отметить, что в контексте дихотомии «свой-чужой», представитель «группы-они» не воспринимается, как отдельная личность, а автоматически приобретает все негативные характеристики, свойственные чужакам. Таким образом, даже межличностный конфликт переходит в этнокультурный или социально-экономический контекст, ср.:

«Si **cabron**, pero **nosotros somos de aquí tu no... la opinion de los ingleses no cuenta**»
[https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_s

Данный фрагмент является ответом одного из пользователей на пост иммигранта из Великобритании о том, что жалобы мексиканцев на трудности жизни в Мексике преувеличены.

Согласно результатам проведенного исследования в мексиканских социальных медиа активно формируется и продвигается отрицательный образ англоговорящего иностранца, который по сути является в Мексике иммигрантом, а в конечном счете ведет себя в чужой стране, как хозяин. Для его объективизации используются как ЛПМК, изначально имеющие негативную окраску: *высокомерный, жадный, захватчик, расист, не уважающий Мексику и являющийся причиной роста цен*, так и слова, приобретающие ее в этнокультурном, социально-экономическом и личностно-ориентированном контекстах: *американцы, английский, англоговорящие, Мексика - дешевая страна и др.* При этом отмечается довольно низкий индекс конфликтной напряженности текстов мексиканского пользовательского контента в сравнении с, например, русским, который, согласно мнению М.Н. Ляшевой и ее коллег, характеризуется вульгарностью и ироничностью, большим количеством слов, содержащих негативную оценку и направленных на оскорбление оппонента [9].

В результате анализа отобранного фактологического материала, можно утверждать, что ЛПМК могут носить как универсальный, так и национально-специфичный характер, при этом актуализация когнитивно-прагматического потенциала последних чаще всего обеспечивается национальным контекстом. В то же время повышение плотности использования ЛПМК при обсуждении определенных тем позволяет говорить о росте уровня социальной напряженности в данной сфере общественной жизни.

Библиография

1. Гизатуллин Д. Э. Общенаучные и философские аспекты термина "категория" в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. С. 90-93.
2. Белинская Е. П., Илюхина С.Н. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 81-95.
3. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. СПбГУ. 2016. 182 с.
4. Карповская Н. В., Абкадырова И. Р., Давтянц И. И. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивнопрагматическом потенциале // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. Ростов-на-Дону, 2022. №1 (2). С. 14-25.
5. Карпоян С. М. Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-2. С. 242-245.
6. Карякина К. А. Особенности журналистского и пользовательского контента в интернете: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. 2011. 24 с.
7. Ким М. Н. Пользовательский контент: проблемы жанрообразования // Управленческое консультирование. 2021. №3 (147). С. 70-78.
8. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис». 2002. 284 с.
9. Ляшева М. Н., Макеева В. А., Яковлева Е. А. Лингвокультурные особенности маркеров

- конфликтогенности в проявлении оппозиции «свой-чужой» (на материале текстов социальных сетей) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 2 (38). URL: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.3>
10. Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций. М.: Издательский Дом ЯСК. 2020. 312 с.
 11. Топчий И. В. Комментарий в социальных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). С. 157-162.
 12. Халяпина Л. П. Ключевые категории когнитивной лингвистики как основа формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Педагогика. 2006. Т. 7. № 1. С. 68-73.
 13. Brown W. Desear muros. Relaciones internacionales. 2012. Pp. 123-147.
 14. Dijk T. A. van. Discourse and Racism. Discourse & Society. 1999. С. 145-159.
 15. Eco Um. Construir al enemigo. Barcelona: Lumen. 2012. P. 320.
 16. Llorca C. M. El discurso que construye al "Otro": prensa e interculturalidad en la España actual // "Problemas actuales de la Filología en el espacio Hispano-Ruso del Conocimiento": actas oficiales de la Conferencia Científico-Practica Internacional 22-24 septiembre de 2011. Cádiz: Universidad de Cádiz. 2014. Pp. 353-362.
 17. Lodoño L. M. Construir al enemigo // Filo de Palabra. Comunicación y Humanidades. Universidad de Manizales. 2016, 41-46.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи достаточно актуальна, нова, научно обоснована. Автор останавливается на лексических и прагматических маркерах конфликтогенности в информационном поле миграции. Причем фактические данные соотносятся с территориально близкими государствами – это Мексика и США. Как отмечено в начале данного труда, «современные СМИ во всех своих проявлениях чрезвычайно разнообразны и представляют собой неисчерпаемый ресурс для научных исследований. В настоящее время они включают в себя не только газеты и журналы, радио и телевидение, но и все то многообразие каналов связи, которое предоставляет интернет. Двадцать первый век со своим технологическим прорывом в области Интернет-коммуникации породил новые виды медиа, в том числе и так называемый пользовательский контент, вытесняющий по своей популярности и масштабы официальные новостные ресурсы». На мой взгляд, методы оценки языковой ситуации не противоречат современным наработкам. Грей аналитики выдержан на протяжении всего сочинения: например, «пользовательские комментарии, которые могут представлять собой и вербализованное мнение отдельных индивидуумов относительно той или иной новости, темы, видеоролика и т.п., и оживленное обсуждение большим количеством людей различных, в том числе острых тем без давления рамок цензуры, не только отражают реальное состояние языка, но и представляют собой, как считает С.М. Карпоян, социально обусловленные мнения, несущие информацию о действительности, имеющейся в сознании пользователей...», или «В контексте проблем миграции представляется перспективным изучение таких средств выражения категории конфликтогенности, как лексические прагматические маркеры (ЛПМК), под которыми в настоящей работе понимаются «прагмемы, обладающие отрицательной эмоционально-оценочной окраской и высоким когнитивно-прагматическим потенциалом в плане

выражения субъективной оценки агрессивности, воинственности, враждебности, нетерпимости и т.д., при этом актуализация потенциала данных единиц в речи способствует возникновению конфликтных ситуаций...» и т.д. Иллюстративный блок полновесен: «Среди ЛПМК-определений своей частотностью употребления выделяются следующие: *arrogantes, con aires de superioridad, racistas, despectivos, groseros*. Основной акцент в данном случае делается на высокомерном поведении чужаков. Для мексиканцев особенно важно то, что данное высокомерие грингос основано лишь на их принадлежности к белой расе. Ср.: «...lo que mueve a la xenofobia mexicana, es el hecho de que muchos llegan con aires de superioridad inherentes al hecho de ser gringos» [https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_esto_sub_siendo/]. «Y aparte se dan aires de grandeza porque "white/americano" y piensan que todos los mexicanos les van a lamer los pies por algún tipo de sentimiento de inferioridad» [https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_esto_sub_siendo/]. Считаю, что по ходу данного труда автор придерживается аналитического начала, не исключает и фактор систематизации. Языковые формулы соотносятся с научным типом речи: «мексиканцы постоянно отмечают, что граждане США относятся к ним подобным образом: не уважая, а унижая их, не только в США, но и в самой Мексике, что вызывает у них особое чувство несправедливости. Местоимение *nuestras* (наши) в контексте противопоставления «свой – чужой» призвано не только передать негодование автора высказывания данной ситуацией, но и подчеркнуть, что грингос являются чужаками, которые берут то, что им не принадлежит». Термины / понятия унифицированы, формальные требования издания учтены. Как таковая цель работы достигнута; в итоговом блоке отмечено, что «в результате анализа отобранного фактологического материала, можно утверждать, что ЛПМК могут носить как универсальный, так и национально-специфичный характер, при этом актуализация когнитивно-прагматического потенциала последних чаще всего обеспечивается национальным контекстом. В то же время повышение плотности использования ЛМПК при обсуждении определенных тем позволяет говорить о росте уровня социальной напряженности в данной сфере общественной жизни». Практическая нужность работы налицо, материал уместно использовать в рамках ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в информационном поле миграции: Мексика – США (на материале мексиканских социальных медиа)» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сюй Ю. Конфликты персонажей в творчестве Дины Рубиной // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.69648 EDN: BESGGZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69648

Конфликты персонажей в творчестве Дины Рубиной

Сюй Юйминь

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы;

125252, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 5к2

✉ 1042238002@rudn.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.69648

EDN:

BESGGZ

Дата направления статьи в редакцию:

22-01-2024

Аннотация: В данной статье проводится анализ конфликтов, возникающих между персонажами в литературных произведениях известной российской писательницы Дины Рубиной: «Любка», «На Верхней Масловке». Через столкновение характеров автор статьи обсуждает, как Рубина раскрывает сложные перипетии человеческой жизни, эмоциональные переживания и психологическую драму. Читатели могут следить за развитием конфликтов, их влиянием на судьбы персонажей и за тем как они помогают раскрыть основные идеи каждого произведения. Также освещаются тематические аспекты произведений Дины Рубиной и их взаимосвязь с конфликтами между персонажами. Особое внимание уделяется анализу психологических аспектов и глубины характеристики персонажей, чтобы читатели могли в полной мере посочувствовать им и окунуться в уникальный мир, созданный автором. Методы исследования включают в себя анализ научной литературы по теме исследования, критический анализ текстов, сравнительный анализ и обобщение полученных данных. Научная новизна данного исследования заключается в том, что оно направлено на выявление и систематизацию конфликтов персонажей в рассказах Рубиной и представляет собой первый опыт комплексного анализа данной проблематики. Подводя итог влиянию конфликтов на художественную ценность работ Дины Рубиной, можно сказать, что они создают реализм

и глубину произведений. Конфликт позволяет нам раскрыть сложность внутреннего мира персонажей и поставить перед ними серьезный моральный выбор. Они помогают показать конфликты в социальных вопросах и семейных отношениях, а также способствуют пониманию и принятию различных точек зрения. В целом конфликты в произведениях Дины Рубиной вносят свой вклад в их глубокое содержание и отражают сложную реальность современного общества.

Ключевые слова:

Творчество Дины Рубины, Любка, На Верхней Масловке, персонажи, конфликт, анализ произведения, психология персонажей, мастерство автора, литературное творчество, судьба

Введение

Произведения современной российской писательницы Дины Рубиной имеют огромное значение в контексте развития русской литературы с конца XX века по начало XXI века. В своих произведениях автор затрагивала различные темы и вопросы, которые находили отклик в сердцах читателей и вызвали неподдельный интерес к ее произведениям.

Конфликт между персонажами в процессе взаимодействия друг с другом – один из ключевых элементов творчества Дины Рубиной. В своих рассказах писательница умело раскрывает характеры персонажей, погружая читателя в их внутренний мир и переживания^[1]. Изучение личностных конфликтов в произведениях Дины Рубиной дает возможность глубже понять мысли автора, чтобы определить особенности авторского стиля и самовыражения.

Целью данного исследования является анализ конфликтов персонажей в творчестве писательницы на примере рассказов «Любка» и «На Верхней Масловке». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить мотивы и причины возникновения конфликтов в указанных рассказах.
2. Выявить основные типы конфликтов и их особенности в каждом рассказе.
3. Проанализировать взаимодействие персонажей друг с другом и с окружающим миром.
4. Определить влияние конфликтов на развитие сюжета и динамику повествования.
5. Установить связь между конфликтами персонажей и авторской позицией по отношению к ним.

Предметом исследования являются конфликты между персонажами в произведениях Дины Рубиной – «Любка», «На Верхней Масловке», **а объектом** – творчество Дины Рубиной в целом.

Методы исследования включают в себя анализ научной литературы по теме исследования, критический анализ текстов, сравнительный анализ и обобщение полученных данных.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что оно направлено на выявление и систематизацию конфликтов персонажей в рассказах Рубиной и представляет собой первый опыт комплексного анализа данной проблематики.

Краткая биография Дины Рубиной. Писательница, драматург и переводчица Дина Рубина родилась в 1953 году в Ташкенте. Ее родители оба были украинскими евреями и переехали в Узбекистан после Второй мировой войны. Отец был графическим дизайнером, а мать – учительницей истории [Shrayer 2018: с.567]^[2]. С 1972 по 1977 год Рубина изучала фортепиано в местной музыкальной консерватории. Затем, с 1977 по 1979 год, она преподавала в Институте местной культуры [Вашукова 2010]^[3]. Литературный дебют Дины состоялся в 1971 году, когда в журнале «Юность» была опубликована ее юмористическая статья «Беспокойная натура» (см. Рис.1). Ее работы продолжают публиковаться в этом издании.

Рисунок 1. Первый юмористический рассказ Д. Рубиной

в журнале «Юность»

В 1979 году она стала членом Союза советских писателей. Ее первая книга – «Когда же пойдет снег...?», опубликованная в том же году, легла в основу драмы, которая не раз ставилась на сцене. Затем последовали два сборника рассказов «Дом за зеленой калиткой» и другие произведения.

Дина Рубина является одним из самых прославленных авторов современности. Она известна своими культовыми романами и новеллами, а также является автором многочисленных эссе и рассказов. Дина Рубина завоевала престижную премию «Большая книга» в 2007 году и множество других российских и израильских наград^[4]. Произведения Дины Рубиной были переведены на множество языков, включая английский, немецкий, итальянский, французский и другие. По ее книгам были сняты кинофильмы, такие как «Любка» (2009 год), «Двойная фамилия» (2006 год) и «На верхней масловке» (2006 год).

Анализ рассказа «Любка» (1987). Рассказ «Любка» Дина Рубина написала в первые дни перестройки и опубликовала его в журнале «Огонёк». Молодого врача Ирину Зальцман, дочь кандидата наук, отправили в отдаленный уральский городок. Туда она переехала со своей матерью Фаиной Семеновной и дочерью Сонечкой. Какое-то время они жили вместе, Ирина работала, а мама ей помогала с дочкой и занималась приготовлением еды, но мать неожиданно умирает, и Ирина вынуждена найти няню для своей дочери.

В основе этого повествования лежит история взаимоотношений Ирины Михайловны, молодого и интеллигентного врача, и Любки, няни её ребенка, которая ранее отбывала наказание за уголовные поступки. В неожиданный момент Любка оказывается более порядочной и честной, чем так называемые «приличные» люди. Писательница Дина Рубина не выдумала эту историю, она услышала ее от своей ташкентской знакомой, в семье которой жила подобная женщина после Второй мировой войны. Рубина, со своей уникальной способностью создавать яркие и насыщенные детали, добавила новые обстоятельства и перенесла действие в период «дела врачей».

Таким образом, рассказ стал проникнут пронзительной атмосферой, демонстрируя, что человеческий дух и его моральные качества не зависят от уровня образования, должности или профессии. В эпоху Сталина людей воспитывали на самые низшие и ужасные поступки, подстрекая на предательство, донесения и лжесвидетельство, независимо от их происхождения. Однако, как отражено в рассказе «Любка», даже в таких условиях существовали люди, у которых не исчезли понятия чести и совести. Они смогли сохранить человеческое достоинство даже в самых безжалостных обстоятельствах [Полевая 2010]^[5].

Обездоленные родители после раскулачивания продали Любку воровке Катке «за буханку хлеба и банку сока». Когда она была подростком, весь «семейный» преступный бизнес переняла на себя. В какой-то момент она поняла, что хочет простой, честной жизни со своим любимым Костей, чтобы «все было как у людей», потому что забеременела. Вот только после очередного полицейского рейда Костю убили, а её забрали в тюрьму и насильно заставили сделать аборт.

Лидер воровской группировки проявляет неожиданное проявление доброты к молодому еврейскому врачу во время тайного сговора медицинских специалистов. В поисках няни Ирина нанимает Любку, воровку и уголовницу, являющуюся главарем небольшой воровской банды. Любка, отвергнутая обществом, не получает приветствий от порядочных людей, и участковый настоятельно отговаривает Ирину от общения с бандиткой. Тем не менее, героиня решительно отбрасывает условности, заявляя: «К черту стереотипы!».

Портрет Любки в рассказе представлен следующим образом^[6]: «Ноги у Любки гладкие были, выразительные и на вид – неутомимые, хотя на каждой стопе вдоль пальцев синела наколка «Они устали...». Надо же – щеки впалые, плечи костистые, живот к спине примерз, а ноги – даже странно – что там твоя Психея!» [Рубина 2011]^[7]. Читатель начинает сочувствовать Любке, понимая, что жизнь героини была полна трудностей. Любка – разбитая душа, она желает отомстить за свою исковерканную жизнь, найти свой путь, жить «как люди». У Любки есть чувство самопожертвования, она верна своим принципам, уверена в себе, умеет искренне благодарить и любить тех, видит в ней нечто большее, чем просто «бывшую зэчку».

Портрет Ирины Михайловны – это романтический женский образ, любимый русской классической литературой; неуверенная в себе, скромная, замкнутая девушка, у которой нет опыта в преодолении жизненных трудностей, ведь она привыкла, что мама во всём ей помогала: «Похожа была докторша на воспитанную девочку из ученой семьи. Некрасивая, веснушчатая. Нос не то чтобы очень велик, но как-то вперед выскакивает: «Я, я, сначала – я!» И все лицо скроено так, будто тянется к человеку с огромным вниманием. Губы мягкие, пухлые, глаза перед всеми виноватые. На кармашке белейшего халата уютно вышито синей шелковой ниткой: «И. М. З.» [Рубина 2011]^[8]. Мечтательная

Ирина, едва окончившая школу, была любовницей женатого аспиранта, а после того, как арестовали ее отца, его место занял именно он, непорядочный, лживый карьерист.

Итак, эти женщины живут в одной квартире и вместе пытаются справиться с трудностями, со всей бессмыслицей в своей жизни. Они «выживают» ради Сонечки. Ведь Любка сама когда-то потеряла своего ребенка, и теперь не даст в обиду свою «воспитанницу». Любка отвечает за финансовые расходы в «семье», ведёт хозяйство, бесстыдно поставила на место наглуую соседку, которая пыталась продать Ирине изодранную шубу, и подарила ей новое пальто. Однажды Ирина пришла домой и удивилась, что пахнет борщом – так, как когда-то было при Фаине Семеновне, это напомнило ей о маминой заботе.

Люба и Ирина Михайловна сразу подружились, потому что с самого начала были искренни друг с другом. Люба уважала Ирину Михайловну, а Ирина Михайловна никогда не сомневалась в Любке.

В рассказе Дины Рубиной «Любка» можно выделить следующие ключевые конфликты, которые придают сюжету глубину и эмоциональную насыщенность:

Таблица 1. Конфликты в рассказе «Любка» Дины Рубиной

Конфликт	Интерпретация
1. Конфликт между обществом и Любкой:	- Любка, как бывшая уголовница сталкивается с предвзятым отношением общества. - Общественное неприятие и отчуждение, которые она испытывает, создают внешний конфликт.
2. Внутренний конфликт у Ирины:	- Ирина, молодой врач, сталкивается с моральными дилеммами, нанимая Любку в качестве няни. - Внутренний конфликт Ирины между нравственными принципами и необходимостью обеспечить уход за своим ребенком.
3. Противостояние между Ириной и участковым:	- Участковый горячо отговаривает Ирину от принятия Любки в дом. - Противостояние между Ириной и представителем власти добавляет элемент напряженности.
4. Конфликт между прошлым и настоящим Любки:	- Любка сталкивается с внутренним конфликтом, связанным с ее прошлыми преступлениями и новой ролью

	няни. - Этот конфликт формирует сложный характер Любки и ее отношения с окружающими.
5 . Конфликт между стереотипами и реальностью:	- В рассказе выделяется конфликт между стереотипами, связанными с Любкой как преступницей, и реальной ее личностью, оказывающейся порядочной и честной.

Эти конфликты взаимодействуют, создавая сложную ткань сюжета и позволяя автору исследовать различные аспекты человеческих отношений и моральных дилемм. Эта история является зеркалом для двух душ, молодой и зрелой, каждая из которых борется со своими демонами и недостатками. Молодая девушка, Люба, символизирует нереализованный потенциал, неспособность встать на верный путь и найти свое место в мире. Врач, Ирина, олицетворяет неспособность преодолеть трудности и обрести счастье в личной жизни, несмотря на свои профессиональные достижения. Их судьбы переплетаются, и вместе они становятся свидетельницами трагедии, которая становится их общей бедой^[9].

Ирина Михайловна и Люба стали близкими подругами благодаря общей любви к Сонечке. Они обе хотели обеспечить девочке счастливое и беззаботное детство, и это стало основой их дружбы.

Анализ повести «На Верхней Масловке» (2006). Повесть «На Верхней Масловке» – эта история повествует о непростых и порой не очень понятных для читателя взаимоотношениях между пожилой женщиной-скульптором по имени Анна Борисовна и молодым театральным критиком по имени Петр. Эти отношения полны поддержки, дружбы и любви, но в то же время конфликтов, ненависти и недопонимания.

Главные герои книги «На Верхней Масловке» – одинокий сорокалетний театральный критик Петр Авдеич и восьмидесятилетний скульптор, Анна Борисовна: «Пятнадцать лет назад вы выбрали и пригнали голодного общежитского щенка. Вы дали ему крышу над головой, привили вкус к живописи, литературе, театру – к искусству! Вы обучили его, вы развили его душу, и главное – главное, частенько попросту кормили его...» [Рубина 2008]^[10]. Отношения между персонажами похожи на отношения матери и своенравного психически больного сына. Вообще сама история кажется очень странной и не очень правдоподобной.

Характер у Анны Борисовны ужасный, она знает все Петины слабости, а иногда в ее провокации можно уловить важную идею: Анна Борисовна «поощряла» Петю стать творцом, а не «второстепенной» личностью в мире искусства, каковой является театральный критик. Когда-то Петя подавал большие надежды, но в один миг судьба его разрушилась. Он был искренне влюблен в одну девушку, но не знал, что она беременна от другого. Поэтому ему пришлось решиться на фиктивный брак, чтобы девушка избежала позора, ведь ее жених сбежал.

Питляр в статье «До смешного жаль...»^[11] пишет о сходстве Анны Борисовны со знаменитыми личностями прошлого (Мария Юдина, Анна Ахматова), ассоциирует ее с «великими старушками» [Питляр 1995]^[12] нашей истории. Что касается самой Анны

Борисовны, ее личностные характеристики оставляют желать лучшего: эгоцентризм, надменность, неуважение к общим нормам, издевательство над людьми, склонность к конфликтам и провокациям, небрежность и другие негативные черты, которые наносят боль и унижение окружающим. Анна Борисовна – это образец того, как не стоит себя вести. В ее характере отражаются качества, которые приводят к беспокойству и раздражению окружающих. Она полностью поглощена своим «Я», высокомерна и пренебрежительна к общепринятым нормам поведения. Издевательство и мучения других людей – настоящее удовольствие для нее, а конфликты становятся основным источником ее страсти. Беззаботность и неряшливость – лишь добавляют боль и унижение в жизнь тех, кто находится рядом.

Самым близким человеком для старушки оказывается Петя, которому приходится выслушивать ее мнение по каждому поводу, а также неприятные вещи в его адрес. Он впадает в истерику и обливает ее грубыми ругательствами: «житейский идиотизм», «она жаждет крови», «любит поедать человечину» и т.п. Их отношения полны обид и непонимания для Пети. Порой читатель не может понять, кто из них прав, а кто виноват. По сути, вся повесть – долгий скандал двух людей разного поколения. Автор подробно описывает все тонкости и нюансы бесконечной психологической борьбы между Петей и старухой, но в то же время подразумевает и другое, более важное обсуждение – вечную дискуссию между рациональным, честным и прямолинейным мышлением с одной стороны, и Талантом – с другой. Анна Борисовна размышляет: «...кому и когда, со времен сотворения мира, ум заменял талант? Да, талант, талант... богоданная способность рожать, вечное диво на вечно живой земле... И выются бесплодные умницы вокруг блаженных рожениц, и толкуют, и судят, и взвешивают дитя, свивают его и качают; горькое, вероятно, занятие — нянькать чужое дитя...» [Рубина 2008]^[13].

Итак, что же прочно связывает его с Анной Борисовной? Это ужасает и кажется дикостью... Ведь Петя, даже несмотря на то, что ему некуда было пойти в столице, мог бы найти другой способ. Однако, видимо, он был настолько беспомощен, что готов был жить со старушкой-маразматичкой. Хотя Анна Борисовна продолжает касаться прошлого, она страстно любит свою настоящую жизнь. Только после кончины пожилой женщины Петр осознал, что все это время она подпитывала его своей бесценной любовью к бытию. Он существовал за счет ее энергии, таланта и мужества.

Петр Авдеич – режиссер любительского театра, и его мысли передаются между строк, как режиссер он далеко не посредственный. История его прошлого, когда он стал известным театральным режиссером не только в Советском Союзе, но и за рубежом, в некотором смысле является его творческой характеристикой.

Анна Борисовна не только потрепала Пете нервы, но всё же позаботилась о нем, ведь после ее смерти он все-таки «поселился» в Московской квартире и получил ее «прописку», хотя она ему оказалась ненужной. Петя часто вел себя вызывающе, был напуган и зол, но в глубине души он благоговел перед талантом и личностью Анны Борисовны, своего рода сложным эмоциональным коктейлем. Ещё выясняется, что на Пете основана не только вся жизнь (приготовление пищи, уборка, прочая работа по дому), но в некотором смысле и сама жизнь Анны Борисовны. Петя занял денег, чтобы заказать специальную ортопедическую обувь для старушки, сам делает ей уколы, а также однажды «вытаскивал» ее с того света, когда она заболела крупозным воспалением легких: « – Сегодня видела, как он её моет. – А... Я же говорил тебе, Петя выполняет при ней тяжелую и малоприятную... – Тебе не понять, – сухо оборвала его Нина. – А я это хорошо знаю, у нас мама лежала перед смертью полтора года... Я... я не

представляла, что он делает все сам» [Рубина 2008]^[14].

Все чаще в тексте утверждается, что главный герой «не принадлежит этому миру», и его дважды называли «идиотом». Однажды Петра назвал идиотом его бывший друг Семен, а еще раз Анна Борисовна – они сыграли важную роль в судьбе героя. Самое важное, что читатель, наконец, узнает, – это то, что Петя совершенно бесребреник. После смерти Анны Борисовны он немедленно покинул квартиру и уехал из Москвы. Автор ярко показывает, как Петр оставался незнакомым и непонятым в окружении Анны Борисовны.

Последняя сцена в поезде завершает композицию романа. Пятнадцать лет своей жизни главный герой, в общем-то, бескорыстно отдал слабому человеку и после смерти Анны Борисовны, подобно птице, покинул столичный свет. Для него совершенно логично покинуть свою родину и отправиться в самое сердце России.

В повести «На Верхней Масловке» Дины Рубиной можно отметить несколько внешних и внутренних конфликтов.

Таблица 2. Конфликты в повести «На Верхней Масловке»

Дины Рубиной

Конфликт	Интерпретация
1. Конфликт поколений:	Конфликт между молодым человеком Петей и старой женщиной Анной Борисовной. Он проявляется в непонимании друг друга, разных взглядах на жизнь и искусство, а также в борьбе за лидерство в творческом процессе.
2 . Внутренний конфликт главного героя Пети:	Петр испытывает противоречивые чувства к Анне Борисовне, одновременно восхищаясь ее талантом и ненавидя ее за жестокость и цинизм.
3. Внешний конфликт между героями и окружающим миром:	Оба героя сталкиваются с непониманием и неприятием со стороны общества, которое не ценит их искусство и считает его странным и неприемлемым.
4 . Внутренний конфликт Анны Борисовны:	Она испытывает чувство вины за свою прошлую жизнь и за то, что не смогла полностью реализовать свой талант.
5 . Конфликт между искусством и жизнью:	Герои пытаются найти баланс между своими творческими амбициями и повседневной жизнью, что приводит к различным проблемам и трудностям.

Все эти конфликты взаимодействуют и влияют на развитие сюжета и персонажей в повести «На Верхней Масловке».

Заключение

В произведениях Дины Рубиной, включая рассказ «Любка» и повесть «На Верхней Масловке», конфликт играет важную роль в общей структуре и развитии сюжета.

В рассказе «Любка» главная героиня сталкивается с внутренним конфликтом между своими желаниями и общественными ожиданиями. Она мечтает о более свободной жизни, но в то же время чувствует привязанность к своей семье и обязательствам. В результате этого внутреннего конфликта Любка начала сомневаться в своем решении и испытала эмоциональный стресс. Конфликт помогает показать сложность выбора и особенности ситуации, с которой сталкиваются женщины в современном обществе.

В рассказе «На Верхней Масловке» основной конфликт поколений – «отцов и детей». Герои этой истории пытаются найти баланс между своими собственными желаниями и ожиданиями общества. Их стремление к самореализации и независимости вызывает разногласия и неудовлетворенность среди взрослого поколения, что приводит к конфликтам. Такого рода конфликты преодолеваются путем преодоления различных трудностей и признания важности взаимного принятия и понимания.

В этих двух произведениях конфликт играет ключевую роль в структуре сюжета и помогает развитию характеров. Они помогают показать сложность реальности и проблемы, с которыми сталкиваются персонажи. Конфликт не только добавляет драматизма произведению, но и помогает читателям лучше понимать персонажей и сопереживать им.

Подводя итог влиянию конфликтов на художественную ценность работ Дины Рубиной, можно сказать, что они создают реализм и глубину произведений. Конфликт позволяет нам раскрыть сложность внутреннего мира персонажей и поставить перед ними серьезный моральный выбор. Они помогают показать конфликты в социальных вопросах и семейных отношениях, а также способствуют пониманию и принятию различных точек зрения. В целом конфликты в произведениях Дины Рубиной вносят свой вклад в их глубокое содержание и отражают сложную реальность современного общества.

Библиография

1. Вашукова М. Интервью с Диной Рубиной «Между земель, между времен» // Сайт Дины Рубиной. 2010. URL: http://www.dinarubina.com/interview/kultura_tv_2010.html (дата обращения: 15.01.2024)
2. Есин А.Б. Стиль // Введение в литературоведение. М.: Высш. шк., 2004.
3. Иличевский А. Дина Рубина // Книжное обозрение. 2007. № 46. С. 5.
4. Книга «На Верхней Масловке» Д.Рубиной: такой ли уж «Петька» непутёвый?/ Время зеленых холмов. – 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Y8W5PfN5FlcYmmz1> (дата обращения: 20.01.2024)
5. Козлов Ю. Проблема национальной/этнической идентификации в творчестве Дины Рубиной // LITERATÛRA, 46(2). – 2004. – С. 1-10.
6. Кубасов А.В. О Дине Рубиной – с любовью/ Филологический класс. – 2004.
7. Меркель Е. В. Персонажная систематика в трилогиях Дины Рубиной 2000–2010-х годов / Е. В. Меркель, Е. С. Тулушева // Научный диалог. – 2020. – № 12. – С. 185–195. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195.
8. Научный диалог / гл. ред. Т. В. Леонтьева ; учред. и изд. Центр научных и

образовательных проектов. – Екатеринбург : Центр научных и образовательных проектов, 2017. – № 8. – 458 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=481006>. – ISSN 2225-756X. – Текст : электронный.

9. Питляр И. «До смешного жаль...» // Новый мир №5, 1995.

10. Полевая Э. Любка/Алеф – ежеквартальный международный еврейский журнал. – 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.alefmagazine.com/pub2069.html> (дата обращения: 11.01.2023).

11. Родионова А.В. Нарративно-гендерные особенности идиостиля Д.И. Рубиной : дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / [Место защиты: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина]. – Липецк, 2018. – 226 с.

12. Рубина Д.И. Гладь озера в пасмурной мгле (сборник). Изд-во: Эксмо, 2007. – 672 с.

13. Рубина Д.И. Любка: рассказы / Дина Рубина. М.: Эксмо, 2011.

14. Рубина Д.И. На Верхней Масловке. Изд-во: Эксмо, 2008 г. – 400 с.

15. Сорокина Н.В., Абраменкова Л.Е. Проблематика и поэтика малой прозы Д. Рубиной 1970-1980-х годов/ Неофилология. 2021. Т. 7, №28. – С. 653-660.

16. Тамарченко, Н. Д. Проблема события в литературном произведении (сюжетологические и нарратологические аспекты) / Н.Д. Тамарченко // Narratorium. – 2011. – № 1-2. – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027585> (дата обращения: 14.01.2024).

17. Творчество Дины Рубиной/ Абинская межпоселенческая библиотека. Муниципальное казенное учреждение культуры. – 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://abinlib.ru/1419-tvorchestvo-diny-rubinoi.html> (дата обращения: 20.01.2024).

18. Эдельштейн М. Вокруг Дины Рубиной/ЛЕХАИМ, март. – 2010 АДАР 5770 – 3(215).

19. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). СПб.: Своё изд-во, 2012. 470 с.

20. Shroyer M.D. Voices of Jewish-Russian Literature. An Anthology/ Academic Studies Press, 2018. – 960 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Конфликты персонажей в творчестве Дины Рубиной», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения творчества одной из известных писательниц нашего времени – Дины Рубиной, произведения которой имеют огромное значение в контексте развития русской литературы с конца XX века по начало XXI века.

Автор фокусируется в рамках рецензируемой работы на исследовании конфликта между персонажами в процессе взаимодействия друг с другом, являющийся одним из ключевых элементов творчества Дины Рубиной.

Целью данного исследования является анализ конфликтов персонажей в творчестве писательницы на примере рассказов «Любка» и «На Верхней Масловке».

Научная новизна данного исследования заключается в том, что оно направлено на выявление и систематизацию конфликтов персонажей в рассказах Рубиной и представляет собой первый опыт комплексного анализа данной проблематики.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен

целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методы исследования включают в себя анализ научной литературы по теме исследования, критический анализ текстов, сравнительный анализ и обобщение полученных данных.

Практическим материалом исследования явились рассказ «Любка» и повесть «На Верхней Масловке». В произведениях Дины Рубиной, включая рассказ «Любка» и повесть «На Верхней Масловке», конфликт играет важную роль в общей структуре и развитии сюжета, что обуславливает выбор практического языкового материала.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены как отечественные труды, так и работа на английском языке.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории литературы и изучению творчества писательницы. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Конфликты персонажей в творчестве Дины Рубиной» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Осадчая О.Н. Историко-этимологический аспект концептуальной триады милосердие-равнодушие-жестокость в английском и русском языках // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43530 EDN: BNWNIA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43530

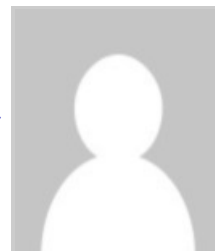
Историко-этимологический аспект концептуальной триады милосердие-равнодушие-жестокость в английском и русском языках

Осадчая Ольга Николаевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Российский государственный университет правосудия

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушkinsкая, 69

✉ zuba-zuba@mail.ru[Статья из рубрики "Языкознание"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.43530

EDN:

BNWNIA

Дата направления статьи в редакцию:

08-07-2023

Аннотация: Объектом исследования является лингвокультурная триада милосердие-равнодушие-жестокость в английском и русском языках. Предмет исследования составляют ядерные лексемы, вербализующие лингвокультурные концепты милосердие, равнодушие, жестокость в сопоставляемых языках. Для раскрытия сущности изучаемых концептов, этимологического анализа лексем-репрезентантов были привлечены данные этимологических словарей английского и русского языков. Цель исследования заключается в установлении универсальных и идиоэтнических характеристик репрезентантов концептуальной триады милосердие-равнодушие-жестокость в английском и русском языках. В проведённой работе были применены следующие методы: семантический метод, этимологический метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод внешней реконструкции. Научная новизна работы состоит в изучении лингвокультурных концептов милосердие, равнодушие, жестокость в этимологическом ракурсе, ранее не подвергавшихся исследованию в триадных отношениях при

сопоставлении английского и русского языков. В результате проведенного исследования мы впервые получили сведения о том, что ядерные лексемы, вербализующие концепт милосердие в английском и русском языках на начальном этапе их функционирования в сопоставляемых языках, обладают схожей мотивированностью благодаря наличию первокорня праиндоевропейского языка. Нами были обнаружены свидетельства семантического сдвига в восприятии языковых единиц, репрезентирующих концепт равнодушие в английской и русской лингвокультурах в диахроническом плане. Характерной идиоэтнической особенностью отображения концепта жестокость в сознании носителей русского языка является его неоднозначность и зависимость от казуальной атрибуции.

Ключевые слова:

лингвокультурный концепт, милосердие, равнодушие, жестокость, английская лингвокультура, русская лингвокультура, сопоставление, диахрония, этимология, словарь

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения истоков возникновения и особенностей функционирования репрезентантов лингвокультурных концептов *милосердие*, *равнодушие*, *жестокость* в сопоставляемых языках для выяснения общих и специфических черт мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур, особенностей национально-культурного менталитета. Антропоцентрический вектор развития современной лингвистики ориентирован на анализ эпистемологических и социокультурных измерений науки. Содержание философских концепций и лингвистический концептуальный аппарат становятся фокусом междисциплинарных исследований. Ключевые культурные феномены, являясь своего рода маркерами языковой картины мира того или иного народа, преломляясь в сознании носителей языка, проявляют свою специфику или же, наоборот, обладают универсальными характеристиками. Данная работа посвящена изучению концептуальной триады *милосердие-равнодушие-жестокость* в английском и русском языках в этимологическом аспекте.

Системная триада – это комплекс из трех относительно независимых, связанных между собой семантических элементов, сородственных между собой, отличающихся каждый особым содержанием, качественной спецификой, а в совокупности образующих единое целое [9]. Триада как метод философского конструирования состоит из двух противоположностей, соединенных средним звеном и обеспечивающих в своем единстве полноту бытия. Милосердие, равнодушие и жестокость как отдельные феномены и их дихотомические пары подвергались исследованию в многочисленных философских трудах. Философ Н. О. Лосский рассматривает милосердие в канве религиозно-этических ориентиров, абсолютных моральных ценностей и императивов, необходимых для самосознания современного человека [14]. В кандидатской диссертации Е. Г. Логуновой милосердие трактуется как феномен социально-философского плана, делается акцент на его оппозиционные инварианты равнодушие и жестокость [13]. По мнению философа И. А. Ильина, милосердие и сострадание являются наивысшей точкой нравственного развития человека, достигаемой через братство и единение душ [7]. В. П. Старостин в своих работах по этике исследует традиции сострадания, милосердия и благотворительности в общественной и духовной жизни русского общества [21]. В фокусе

исследовательского интереса П. Дж. Бьюкенена находится феномен равнодушия как негативного явления, присущего секулярному обществу потребления [4]. Ю. Мольтман анализирует в своей работе состав новой системы ценностей с доминирующими равнодушием и абсурдом [15].

Исследовательский материал, посвященный изучению данных концептов в языкознании, также достаточно обширен. Лингвоконцептология, ориентированная на описание процессов реализации лингвокультурных концептов, располагает значительными ресурсами при сопоставлении языковых единиц в различных дискурсах и лингвокультурах. В нашем исследовании, вслед за В. И. Карасиком, под лингвокультурным концептом подразумевается единица культуры, наделенная значимым смыслом, планом выражения которой служат языковые ресурсы, способные раскрыть сущность этого концепта [8]. Главными характеристиками лингвокультурного концепта являются его многомерность, то есть наличие разнообразных смысловых компонентов; иерархическая природа значимых признаков; этноспецифическая наполненность [6].

Изучению лингвокультурных концептов *милосердие*, *равнодушие* и *жестокость* посвящено достаточное количество работ, имеющих своей целью раскрытие вербализации данных феноменов как в виде самостоятельных культурных единиц, так и на уровне их диадных отношений на материале одного или нескольких языков. Л. В. Куликова в своей кандидатской диссертации исследует способы вербализации ценностного и антиценностного компонентов дихотомической пары *Mercy / Cruelty* в английской и русской лингвокультуре [12]. Л. Р. Байдавлетова анализирует концепт *милосердие* в рамках концептосферы «право-закон-преступление-наказание-милосердие» [1]. Языковед Н. В. Баско исследует способы репрезентации лингвокультурного концепта *равнодушие* в русской языковой картине мира [2]. В коллективной монографии Е. В. Бирюковой, О. Н. Осадчей, Л. Г. Поповой, Л. М. Шатиловой ценностный компонент концепта *милосердие* анализируется с позиции его вербализации при помощи паремиологических средств [3]. По мнению М. Ю. Никитиной, лингвокультурный концепт *милосердие* относится к ключевым концептам русской языковой картины мира, раскрывающим идиоэтнические особенности русского общества [17]. В фокусе внимания лингвиста Н. А. Красавского оказывается концепт *жестокость* в индивидуально-авторском преломлении на материале произведений австрийского писателя Роберта Музиля [10]. В настоящем исследовании впервые предпринята попытка проанализировать триадные отношения лингвокультурных концептов *милосердие*, *равнодушие* и *жестокость* в английском и русском языках.

На современном этапе развития языкознания в процессе актуализации концепта выявляется его базовый слой в виде ядра, обусловленного фиксированностью в лексикографических источниках. Словарное значение лексемы, представляющей ядро концепта, выявляется на базе толковых словарей, позволяющих наиболее полно раскрыть его содержание и установить особенности языкового воплощения. Ядрами изучаемых концептов *милосердие*, *равнодушие*, *жестокость* в английской лингвокультуре, согласно словарям, выступают лексемы "mercy", "indifference", "cruelty".

Mercy – сострадание или прощение по отношению к тому, кого можно наказать или кому можно причинить вред (compassion or forgiveness shown towards someone whom it is within one's power to punish or harm) [28].

Indifference – отсутствие заинтересованности в ком-либо или чем-либо (lack of interest in

someone or something) [\[25\]](#).

Cruelty – поведение, причиняющее физическую или психическую боль окружающим и заставляющее их страдать (behaviour that causes physical or mental pain to others and makes them suffer) [\[28\]](#).

На материале словарей русского языка было определено ядро концепта *милосердие* в русской лингвокультуре, которым являются две лексемы: «милость» и «милосердие», образующие диадную модель. Ядрами концептов *равнодушие* и *жестокость* в русском языке являются лексемы «равнодушие» и «жестокость».

Милость – великодушно-доброе, милосердное отношение, а также благодеяние, дар, милостивый поступок [\[22\]](#).

Милосердие – готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия, а также сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами [\[18\]](#).

Равнодушие – состояние равнодушного человека, безучастное, лишённое интереса, пассивное отношение к окружающему [\[22\]](#).

Жестокость – жестокий поступок, обращение [\[20\]](#).

Одним из эффективных подходов в исследовании концептов является изучение этимологии ядра концепта, основываясь на данных этимологических и историко-этимологических словарей. С целью выяснения специфики вербализации ядер концептов *милосердие*, *равнодушие*, *жестокость* в английской и русской лингвокультурах мы привлекли данные этимологических словарей английского языка [\[27, 28\]](#) и русского языка [\[23, 24\]](#). Обращение к этимологическим источникам способствовало установлению времени появления лексем и определению их значений в тот или иной временной период.

Согласно этимологическим словарям, лексема "mercy" впервые вошла в состав английского языка в XIII веке в виде заимствования из французского языка [\[28\]](#). Основное значение «заработная плата, оплата, вознаграждение за службу» присутствовало еще в классической латыни (*merced*) и было позже дополнено значениями, относящимися к постклассической латыни: жалость, милость, (светская) благодать, небесная награда. До нормандского вторжения в древнеанглийском языке для обозначения милосердия использовались такие лексемы, как "milce" и "mildheartness". Ученые-этимологи выделяют среди древних корней слов мировых языков протоиндоевропейский корень *meth* со значением «сердцевина», в составе которого выявляется первокорень *mei/me/m*, актуализирующий значения «мера», «точка отсчета», а также «мягкий, лёгкий» [\[11, 19\]](#). Таким образом, на наш взгляд, мотивированность лексем древнеанглийского периода позволяет эксплицировать концепт *милосердие* как наивысшую нравственную ценность, своего рода точку отсчета миропонимания.

Ядерные лексемы «милость» и «милосердие», репрезентирующие концепт *милосердие* в русском языке, наряду с вышеупомянутыми лексемами "milce", "mildheartness", могут быть причислены к когнатам, идентифицированным в ходе сопоставительной визуализации как языковые единицы со схожим первокорнем, с целью выявления свидетельств генетического родства изучаемых языков. Согласно данным национального

корпуса русского языка, появление лексемы «милость» датируется 1080 годом [16], образована от основы *ми-*, обозначающей *мир*, от латинского *mitis* «нежный, спокойный», древнеиндийского *mayas* «радость, услада, удовольствие» [23, 24], индоевропейского *mei* «мягкий» [19]. Лексема «милосердие» произошло от древнерусского *милосърдъ*, старославянского *милосръдъ*, являющимся калькой из латинского *misericordia* [23, 24].

Появление и использование данной латинской кальки наблюдалось и в английском языке в начале XIII века, одновременно с лексемой «*mercy*», но была вытеснена последней из активного речевого общения.

Опираясь на данные этимологических словарей английского языка, удалось выяснить время появления лексемы «*cruelty*» в английской лингвокультуре, эксплицирующей антиценность как фрагмент концептуальной триады *милосердие-равнодушие-жестокость*, которое совпадает со временем первой фиксации лексемы «*mercy*», а именно XIII век [28]. Данная лексема восходит к латинскому *crudelis* со значением «безжалостный, жестокий, бессердечный».

Лексема «жестокость» в русском языковом пространстве своими корнями уходит в старославянский язык, где лексема *жестокъ*, наряду с *жестькъ* и *жестость* «суровость», обозначало «немилосердный» и было неотделимо от слова *жѣткий* в значении *твёрдый*, *крепкий* [24]. Сам корень *жест-* отсылает нас к дословному переводу древнегреческого *skelh*, имеющего значительное количество значений: «сухой, твёрдый, жѣткий» (термин *склера* – «роговая оболочка», самая твёрдая часть глаза), «окостеневший, сухой, утративший гибкость» (термин *склероз* – отвердение сосудов), «строгий, суровый, неумолимый, жестокий, злобный» [11]. Таким образом, генетически родственные понятия *жѣткость* и *жестокость* наделялись общими семантическими характеристиками. Выбор того или иного значения характеризовался ситуативностью и событийностью для достижения заданной коммуникативной цели. Расхождение понятий *жѣткость* и *жестокость* и их оформление в отдельные лексемы произошло в XV веке, предположительно по причине различных трактовок полной и краткой форм прилагательного *жѣткий*. На современном этапе развития языкознания граница между *жѣткостью* и *жестокостью* порой обозначается не слишком явственно и зависит от степени проявления твёрдости: лексема «жѣткость» эксплицирует оправданную жѣсткую позицию, а «жестокость» – неоправданную, порицаемую обществом. Таким образом, в отличие от английского репрезентанта «*cruelty*» с его однозначной негативной коннотацией, демонстрирующего семантическое постоянство в исторической ретроспективе, лексема «жестокость», вербализующая антиконцепт на современном этапе развития языка, этимологически зиждется на двойственности природы вещей в восприятии представителей русской лингвокультуры.

Связующим звеном в дихотомических отношениях концептов *милосердие* и *жестокость* является лингвокультурный концепт *равнодушие*, за счет которого выстраивается триадная конструкция. В английском языке ядерная лексема «*indifference*» имеет латинское происхождение *indifferentia* со значением «не имеющий отличий, безразличный, равнодушный», претерпевает семантический сдвиг под действием временного фактора. На момент появления в XVI веке данная лексема транслировала положительную коннотацию, при которой смысловые акценты делались на нейтральность, беспристрастность, объективность [28]. С XVII века в английской лингвокультуре начинает превалировать значение «равнодушие, безразличие, безучастность».

Схожая картина наблюдается в русской лингвокультуре. Лексема «равнодушие» вошла в русский язык из языка древнецерковнославянского в значении «внутреннее спокойствие, твердость, постоянство, непредвзятость», но начиная с XVII-XVIII веков приобрела отрицательный оттенок для вербализации состояния безразличия, отсутствия интереса к окружающему миру, апатии [5].

По данным этимологических словарей ядерные лексемы, вербализующие лингвокультурные концепты *милосердие*, *равнодушие*, *жестокость* в английском и русском языках, обладают различными регистрами исторической лексикографии. Наибольшей частотностью употребления обладает лексема *mercus* в английском языке, входящая в группу слов, которые встречаются от 10 до 100 раз на миллион слов, включая широкий спектр нейтральной лексики. Слова-репрезентанты «indifference» и «cruelty» в количественном отношении обладают меньшей представленностью, относятся к категории языковых единиц, встречающихся от 1 до 10 раз на миллион слов в английском языке [28]. Они, как правило, относятся к литературной лексике.

В русских текстах наибольшей частотностью обладают лексемы «милость» и «милосердие», входящие в состав группы слов с употреблением от 10 до 100 раз на миллион слов. Лексемы «равнодушие» и «жестокость» реже находят свое отражение в корпусе русского языка, частота их употребления колеблется от 1 до 10 раз на миллион слов [16]. Результаты анализа количественной представленности ядерных лексем, эксплицирующих концептуальную триаду *милосердие-равнодушие-жестокость* в сопоставляемых языках, демонстрируют преобладание репрезентантов концепта *милосердие* в английской и русской лингвокультурах. На наш взгляд, это связано с их дальней этимологией и двусоставностью ядра. Высокая частотность употребления указывает на их стилистическую нейтрализацию. Так, лексема «*mercus*» в выражении «*Mercus me!*» семантически опустошается и обозначает удивление или испуг в зависимости от контекста. В русском языке в составе речевых клише слово *милость* десемантизируется, превращаясь в формулу вежливости (*Милости просим!*).

Таким образом, проведенный историко-этимологический анализ триады лингвокультурных концептов *милосердие-равнодушие-жестокость* в сопоставляемых языках позволяет сделать **вывод** о том, что ядерные лексемы, вербализующие концепты *милосердие* в английской и русской лингвокультурах, характеризуются более ранней лексикографической фиксацией: появление лексемы «милость» в русском языке датируют началом XI века, английской лексемы «*mercus*» началом XIII века. Наибольшей частотностью употребления обладают английские и русские лексемы, вербализующие лингвокультурный концепт *милосердие*. Данное обстоятельство объясняется возрастом лексем и их диадной моделью. Слова-репрезентанты «милосердие» и «жестокость» в английском и русском языках, обладают семантической устойчивостью в диахроническом плане, в то время как лексема «равнодушие» в сопоставляемых лингвокультурах претерпела существенный семантический сдвиг. Благодаря этимологическим характеристикам исследованного пласта аксиологического фонда сопоставляемых языков, а именно репрезентантов лингвокультурного концепта *милосердие*, выявляются признаки генетического родства изучаемых языков. Согласно данным этимологических словарей, ядерная лексема «жестокость» в русской языковой картине мира, в отличие от английской, проявляет свою специфику, наделяя исследуемый концепт двойственностью восприятия.

Данное исследование открывает перспективы для исследования концептуальной триады *милосердие-равнодушие-жестокость* как отражение коллективного сознания

сопоставляемых социумов на современном этапе развития языкознания, а также с точки зрения их фразеологической активности.

Библиография

1. Байдавлетова, Л. Р. Этимология, философское, лингвокультурологическое и лингвистическое содержание концептов «Право» и «Закон» // Актуальные проблемы анализа единиц языка и речи: сб. материалов междунар. науч. конф. (Стерлитамак, 16-17 февр. 2010 г.) / отв. ред. Е.И. Беглова. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2010. С. 81-85.
2. Баско, Н. В. Лингвокультурный концепт «равнодушие» в русской языковой картине мира. Москва: Преподаватель XXI век, 2018. С. 321-332.
3. Бирюкова, Е. В., Осадчая, О. Н. Попова, Л. Г., Шатилова, Л. М. Репрезентация ценностного компонента концепта «милосердие» в английских и русских пьесах XX века посредством паремий // Язык. Текст. Дискурс: коллективная монография. Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2020. С. 79-97.
4. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, Terra Fantastica, 2003. С. 259, 274.
5. Виноградов, В. В. История слов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=ravnodushie&vol=1> (дата обращения: 02.06.2023).
6. Воркачев, С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 12. Воронеж, 2014. С. 50-69.
7. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силой / Соч.: В 10 томах. Т. 5. М.: Русская книга, 1995. 608 с.
8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2004. 477 с.
9. Кикель, П. В., Сороко, Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. 2-е изд. Минск: БГПУ, 2008. 266 с.
10. Красавский, Н. А. Эмоциональный концепт «жестокость» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Терлеса» // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). Москва: Буки-Веди, 2014. С. 73-77.
11. Красухин, К. Г. *Philologica parerga*: статьи по этимологии и теории культуры. М.: Языки славянской культуры, 2015. 512 с.
12. Куликова, Л. В. Семантические константы Mercy / Cruelty: гендерный аспект // Периодический журнал научных трудов. Бугульма, 2012. № 7(10). С. 49-51.
13. Логунова, Е. Г. К вопросу о необходимости развития феномена милосердия [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/> (дата обращения: 01.06.2023).
14. Лосский, Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 482 с.
15. Мольтман, Ю. Человек. М.: Издательство ББИ, 2013. С. 37.
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.07.2023).
17. Никитина, М. Ю. Концепт милосердие в системе идиостиля М. Горького // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Вып. 16. Саратов: Изд. центр «Наука», 2013. С. 206-210.
18. Ожегов, С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 16.06.2023).
19. Покорный, Ю. Индоевропейский этимологический словарь Покорного [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iew-m.htm> (дата

обращения: 10.06.2023).

20. Современный онлайн-словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 16.06.2023).

21. Старостин, В. П. Проблема сострадания в этической мысли // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.). М.: Современные тетради, 2005. Т. 2. С. 487-488.

22. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.06.2023).

23. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского; авт.-сост. Н. С. Арапова, Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. Т. 2. Вып. 8. М., 1982.

24. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer> (дата обращения: 02.06.2023).

25. Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of admission: 13.06.2023).

26. OED Historical Thesaurus [Electronic Resource]. URL: <http://www.oed.com> (date of admission: 13.06.2023).

27. Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. URL: www.etymonline.com (date of admission: 13.06.2023).

28. Oxford English Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://www.oed.com/> (date of admission: 15.06.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Историко-этимологический аспект концептуальной триады милосердие-равнодушие-жестокость», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики структуры концептов в языковой картине мира носителей английского и русского языков. Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской школы когнитологов являются ценными, так как данные концепты претерпевали некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения истоков возникновения и особенностей функционирования репрезентантов лингвокультурных концептов милосердие, равнодушие, жестокость в сопоставляемых языках для выяснения общих и специфических черт мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур, особенностей национально-культурного менталитета.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

В статье теоретические постулаты слабо иллюстрированы языковыми примерами. Автор не приводит информации об отобранном корпусе для исследования и о принципах выборки. Отсутствуют репрезентативные данные, убедительно доказывающие теоретические измышления, например, статистические.

В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе концептуальный анализ, семантический анализ и контент-анализ. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и

описать эмпирические данные.

Структурно статья выполнена с нарушением общепринятых научных канонов, а именно во введении не представлена историография вопроса: какие исследователи и в каком объеме занимались разработкой заявленной проблематики, что не позволяет выявить научную лакуну. Автор в выводах заявляет: «...вывод о том, что ядерные лексемы, вербализующие концепты милосердие и жестокость в английском и русском языках...», однако ни в заглавии, ни в теле статьи упоминаний о сопоставительном исследовании не представлено. Более того, отсутствует достаточный практический материал для подобных утверждений.

Собственно, в основной части статьи отсутствует исследование, так как статья изобилует. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает 26 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях.

Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания лингвистических дисциплин в русскоязычной аудитории на языковых факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Историко-этимологический аспект концептуальной триады милосердие-равнодушие-жестокость» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после существенной доработки, а именно: усиления теоретической части во введении, обращение к практическому материалу для проведения исследования и представления выводов по собственному исследованию, нежели чем цитированию работ предшественников.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом профильного анализа рецензируемой статьи является историко-этимологический аспект концептуальной триады «милосердие – равнодушие – жестокость» в английском и русском языках. Указанный тематический сегмент полностью соответствует профилю издания, причем работа явно ориентирована как на практическую верификацию вопроса, так и ее возможное теоретическое обоснование. Как отмечает автор, «актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения истоков возникновения и особенностей функционирования репрезентантов лингвокультурных концептов «милосердие», «равнодушие», «жестокость» в сопоставляемых языках для выяснения общих и специфических черт мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур, особенностей национально-культурного менталитета». Выход к проблеме объясним тем, что «антропоцентрический вектор развития современной лингвистики ориентирован на анализ эпистемологических и социокультурных измерений науки. Содержание философских концепций и лингвистический концептуальный аппарат становятся фокусом

междисциплинарных исследований». Следовательно, работа в данном свете выглядит конструктивно, она имеет явный ориентир на достижение сформулированной цели, решение задач общего и частного планов. «Изучению лингвокультурных концептов милосердие, равнодушие и жестокость посвящено достаточное количество работ, имеющих своей целью раскрытие вербализации данных феноменов как в виде самостоятельных культурных единиц, так и на уровне их диадных отношений на материале одного или нескольких языков», но тематически смежное исследование является неким дополнением / пролонгацией начатого диалога. Считаю правомерным выбранный методологический базис, «в нашем исследовании, вслед за В. И. Карасиком, под лингвокультурным концептом подразумевается единица культуры, наделенная значимым смыслом, планом выражения которой служат языковые ресурсы, способные раскрыть сущность этого концепта. Главными характеристиками лингвокультурного концепта являются его многомерность, то есть наличие разнообразных смысловых компонентов; иерархическая природа значимых признаков; этноспецифическая наполненность». Анализ триады «милосердие – равнодушие – жестокость» осуществлен объективно, полновесно, с соблюдением принципов научной консолидации точек зрения: «на современном этапе развития языкознания в процессе актуализации концепта выявляется его базовый слой в виде ядра, обусловленного фиксированностью в лексикографических источниках. Словарное значение лексемы, представляющей ядро концепта, выявляется на базе толковых словарей, позволяющих наиболее полно раскрыть его содержание и установить особенности языкового воплощения. Ядрами изучаемых концептов милосердие, равнодушие, жестокость в английской лингвокультуре, согласно словарям, выступают лексемы "mercy", "indifference", "cruelty"», и «на материале словарей русского языка было определено ядро концепта милосердие в русской лингвокультуре, которым являются две лексемы: «милость» и «милосердие», образующие диадную модель. Ядрами концептов равнодушие и жестокость в русском языке являются лексемы «равнодушие» и «жестокость». Милость – великодушно-доброе, милосердное отношение, а также благодеяние, дар, милостивый поступок. Милосердие – готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия, а также сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами. Равнодушие – состояние равнодушного человека, безучастное, лишенное интереса, пассивное отношение к окружающему. Жестокость – жестокий поступок, обращение». Стандарт ссылок на первоисточники выдержан, фактических разночтений не выявлено. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, термины / понятия вводятся в текст с учетом устоявшегося семантического вектора. Например, это акцентно проявляется в следующих фрагментах: «ядерные лексемы «милость» и «милосердие», репрезентирующие концепт милосердие в русском языке, наряду с вышеупомянутыми лексемами "milce", "mildheartness", могут быть причислены к когнатам, идентифицированным в ходе сопоставительной визуализации как языковые единицы со схожим первокорнем, с целью выявления свидетельств генетического родства изучаемых языков. Согласно данным национального корпуса русского языка, появление лексемы «милость» датируется 1080 годом, образована от основы ми-, обозначающей мир, от латинского *mitis* «нежный, спокойный», древнеиндийского *mayas* «радость, услада, удовольствие», индоевропейского *mei* «мягкий». Лексема «милосердие» произошло от древнерусского милосрьдъ, старославянского милосрьдъ, являющимся калькой из латинского *misericordia*», или «лексема «жестокость» в русском языковом пространстве своими корнями уходит в старославянский язык, где лексема жестокъ, наряду с жестькъ и жестость «суровость», обозначало «немилосердный» и было неотделимо от слова жёсткий в значении твёрдый, крепкий. Сам корень жест- отсылает нас к дословному переводу древнегреческого *skelh*, имеющего значительное

количество значений: «сухой, твёрдый, жёсткий» (термин склера – «роговая оболочка», самая твёрдая часть глаза), «окостевевший, сухой, утративший гибкость» (термин склероз – отвердение сосудов), «строгий, суровый, неумолимый, жестокий, злобный». Таким образом, генетически родственные понятия жёсткость и жестокость наделялись общими семантическими характеристиками. Выбор того или иного значения характеризовался ситуативностью и событийностью для достижения заданной коммуникативной цели. Расхождение понятий жёсткость и жестокость и их оформление в отдельные лексемы произошло в XV веке, предположительно по причине различных трактовок полной и краткой форм прилагательного жёсткий. На современном этапе развития языкознания граница между жёсткостью и жестокостью порой обозначается не слишком явственно...» и т.д. Считаю, что тема работы раскрыта, ибо концептуальность триады «милосердие – равнодушие – жестокость» аргументирована, рассмотрена доказательно. Материал может быть активно использован в ходе освоения дисциплин гуманитарного, лингвистического типа; думаю, что работа может стать образчиком для написания методологически смежных исследований. Вывод по тексту не противоречит основной части, обобщающий тон финала наличен: «ядерные лексемы, вербализующие концепты милосердие в английской и русской лингвокультурах, характеризуются более ранней лекикографической фиксацией: появление лексемы «милость» в русском языке датируют началом XI века, английской лексемы «mercy» началом XIII века. Наибольшей частотностью употребления обладают английские и русские лексемы, вербализующие лингвокультурный концепт милосердие. Данное обстоятельство объясняется возрастом лексем и их диадной моделью. Слова-репрезентанты «милосердие» и «жестокость» в английском и русском языках, обладают семантической устойчивостью в диахроническом плане, в то время как лексема «равнодушие» в сопоставляемых лингвокультурах претерпела существенный семантический сдвиг. Благодаря этимологическим характеристикам исследованного пласта аксиологического фонда сопоставляемых языков, а именно репрезентантов лингвокультурного концепта милосердие, выявляются признаки генетического родства изучаемых языков. Согласно данным этимологических словарей, ядерная лексема «жестокость» в русской языковой картине мира, в отличие от английской, проявляет свою специфику, наделяя исследуемый концепт двойственностью восприятия». Фундаментальности тексту придают библиографические отсылки, цитации трудов В.В. Виноградова, Н.О. Лосского, В.И. Карасика, К.Г. Красухина и т.д. исследователей. Основные требования по оформлению труда учтены, наличный объем достаточен; работа самостоятельна, оригинальна, интересна. Рекомендую статью «Историко-этимологический аспект концептуальной триады милосердие-равнодушие-жестокость в английском и русском языках» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Теодориду Е. Использование паремий в обиходно-бытовой коммуникации греков и русских: сопоставительный анализ // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.71100 EDN: BNGHXR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71100

Использование паремий в обиходно-бытовой коммуникации греков и русских: сопоставительный анализ

Теодориду Еирини

ORCID: 0000-0001-7688-3952

аспирант, институт иностранных языков; Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ eirinitheo03@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.71100

EDN:

BNGHXR

Дата направления статьи в редакцию:

23-06-2024

Аннотация: Цель статьи – определить лингвистический статус пословиц и поговорок в повседневной речи носителей греческого и русского языков. Результаты показали, что как грекоговорящие, так и русскоговорящие хорошо знакомы с большим количеством пословиц и поговорок (более 50), но редко используют их в повседневной жизни. Повседневные поговорки и пословицы, передаваемые из поколения в поколение, играют ключевую роль в сохранении культурного наследия и формировании духовно-нравственного облика общества. Также в статье рассматриваются цели, с которыми люди употребляют пословицы и поговорки в повседневном общении. Было выявлено, что большинство грекоговорящих используют пословицы и поговорки, чтобы сделать информацию более понятной и убедительной. В то же время большинство русскоговорящих применяют пословицы и поговорки для выражения иронии и снятия напряжения в общении. Таким образом, цели использования пословиц и поговорок в повседневной речи у этих двух народов отличаются. Для проведения исследования использовались методы социологического опроса и сравнительного анализа. Научная

новизна исследования заключается в том, что была определена частота использования пословиц и поговорок, что отражает особенности национальной идентичности говорящих. Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты помогают лучше понять культурные особенности греков и русских, что способствует повышению качества межкультурной коммуникации. Приведенные выше пилотные данные помогли нам осознать тот факт, что понимание и интерпретация паремий указывают на способ использования метафоры в повседневном общении. Пословицы и поговорки служат примером того, как человек использует язык для передачи сложных идей и ценностей через метафорические конструкции. Они помогают не только общаться, но и понимать мир через призму культуры и языка, что является важным аспектом человеческого мышления и когнитивных способностей.

Ключевые слова:

паремия, пословицы и поговорки, греческий язык, русский язык, обиходно-бытовая коммуникация, опрос, сопоставительный метод, социологический опрос, сравнительный анализ, паремиологическая картина мира

Введение

Культура как деятельность человека и как совокупность духовных и материальных ценностей, норм, идеалов и моделей поведения участвует в многогранном процессе структурирования социального пространства и создания общества. Культура – это мысли людей, а также их действия и результаты этих действий. Убеждения, знания и жизненные ценности являются частью культуры. Культура касается всех членов общества и передаётся последующим поколениям; она имеет внутреннюю логику и помогает людям адаптироваться к окружающей среде, как природной, так и социальной [\[7\]](#).

Паремии являются самым распространённым жанром фольклора, который составляет достояние целой нации и заключает в себе национальную идентичность говорящих. Паремии живут в речи и с её помощью приобретают конкретный смысл [\[3\]](#). В семиотическом плане пословицы и поговорки представляют собой языковые знаки метафорической природы, используемые носителями языка для обозначения ситуаций и отношений, имеющих место в человеческом обществе и в природе. Изучаемые с позиций этимологии и этнолингвистики паремии дают разнообразный материал для понимания культуры конкретного народа [\[6\]](#).

Можно составить классификацию и сгруппировать различные виды паремий по следующим характеристикам:

1. Паремия является частью высказывания, которое говорящий завершает по своему желанию. Использование этих единиц не зависит от предыдущего контекста и не нарушает ход разговора.
2. Паремия интегрируется в беседу, в отличие от других языковых единиц, таких как загадки, сказки или анекдоты, которые используются дополнительно к содержанию разговора.
3. Паремия традиционно используется и распространяется на протяжении всей истории развития языка. Данная особенность делает фактор времени одним из ключевых

свойств.

4. Паремия является компонентом разговорного, а не официального или литературного языка.

5. Паремия иногда имеет поучительные или информативные характеристики. Однако дидактический тон применим не ко всем примерам.

6. Некоторые паремии имеют либо буквальное, либо метафорическое значение, в то время как другие могут совмещать оба этих свойства.

7. Паремия может быть юмористическим. Но это необязательная характеристика [\[13\]](#).

Повседневные поговорки и пословицы, передаваемые из поколения в поколение, играют ключевую роль в сохранении культурного наследия и формировании духовно-нравственного облика общества. Они, подобно народным заповедям, регулируют поведение людей, воплощая в себе мудрость и опыт, накопленные на протяжении веков. Хотя эти высказывания могут иметь характер наставления, они не всегда являются нравоучениями. Важно отметить, что каждая поговорка содержит урок, над которым стоит задуматься. Настоящее исследование представляет собой попытку определить функции паремий в современном обиходно-бытовом общении и описать то, как носители греческого и русского языков используют паремии в повседневной коммуникации. Анализ паремии с когнитивно-дискурсивной точки зрения означает определение их роли в процессе коммуникации, так как пословицы и поговорки могут получить полное описание только на фоне дискурса. Когнитивно-дискурсивная парадигма выступает как интегральный подход, нацеленный на объединение различных точек зрения на предмет исследования [\[8\]](#). Разнообразие культур проявляется в поговорках, касающихся различных сфер жизни, включая любовь, дружбу, семью, здоровье, а также духовное и материальное благополучие [\[14\]](#).

Основным методом исследования является метод опроса респондентов. В опросе приняли участие 50 грекоговорящих и 60 русскоговорящих респондентов, возраст 19-55+. В работе был также использован сопоставительный метод, направленный на выявление различий, характерных для греческого и русского языкового материала.

В качестве теоретической основы исследования были использованы научные труды, в которых паремии рассматриваются в рамках теории познания, составляя паремиологическую картину мира. [\[1, 9, 12\]](#).

Этнолингвистический и этнокультурный анализ формирования пословиц и поговорок указывает на то, что в основе этих выражений лежат конкретные жизненные ситуации. В содержании паремий находят отражение культурное наследие, географическое расположение, религиозные убеждения и мировоззрение определенной этнической группы.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов для разработки образовательных программ по развитию языковых и межкультурных навыков студентов, включая создание соответствующих учебных материалов и проведение общеобразовательных культурных мероприятий.

Основная часть

В основу исследования легла следующая гипотеза о том, что говорящие как на

греческом, так и на русском языках знакомы с множеством паремий, но не часто используют их в обиходно-бытовой коммуникации. Исследование началось со следующих предположений:

- «Прозрачность», ясность-понимание распространённых паремий (т.е. насколько очевидно их значение, вытекающее из слов, из которых они состоят), по оценке носителей языка, может варьироваться и коррелировать с ранее существовавшими у носителей языка знаниями.
- В основу исследования легли результаты опроса респондентов, проведенного с целью выявления понимания и интерпретации паремий, заданных разным группам носителей языка из разных регионов и с разными демографическими характеристиками.
- Исследование базировалось на контент-анализе материала конкретной анкеты, представляющей собой 30 паремий в греческом и, соответственно, 30 паремий в русском языках, зафиксированных во фразеологических словарях [\[4, 5, 10, 15-17\]](#). Также, в анкете были не только паремии, но и вопросы, направленные на получение определенной информации, такой как частотность употребления паремий в обиходно-бытовом общении, уровень понимания греко- и русскоговорящих информантов и т. д.

Опрос состоял из двух частей. На первом этапе была поставлена задача оценить степень лёгкости или сложности интерпретации 30 паремий носителями греческого и русского языков. По результатам первой части был составлен список паремий, в котором паремии были расположены по степени легкости/трудности их интерпретации носителями языка. Таким образом, были отобраны 844 паремий, которые составили базовый материал исследования.

В ходе опроса мы зафиксировали степень прозрачности значения 30 паремий на греческом и 30 паремий на русском языках для 50 грекоговорящих респондентов и 60 русскоговорящих респондентов.

Материал опроса сформирован в логической последовательности, начиная с буквальных паремий (которые легче понять, даже если респондент никогда их раньше не слышал) и заканчивая метафорическими паремиями (если респондент никогда не слышал их раньше, то возможна путаница относительно их значения).

В опросе о греческой паремиологии участвовало 50 участников, из них 31 женского пола (62 %) и 19 мужского пола (38 %).

Возраст участников: из 50 респондентов 26 – в возрасте от 19 до 34 лет (52 %), 12 – в возрасте от 35 до 54 лет (24 %) и последние 12 – старше 55 лет (24 %).

Уровень образования: из 50 респондентов у 30 участников – высшее образование I степени (бакалавриат, 60 %), у 15 участников – высшее образование II степени (специалитет, магистратура, 30 %) и у 5 участников – высшее III степени (аспирантура, докторантура, 10 %).

На вопрос «Знаете ли вы какие-нибудь пословицы и поговорки?» 8 участников ответило, что знают очень много паремий (больше ста, 16 %), 34 участника ответило, что также знают много паремий (больше пятидесяти, 68 %) и, 8 участников ответило, что знают несколько паремий (16 %). Интересно отметить, что никто из участников не ответил, что вообще не знает никаких паремий.

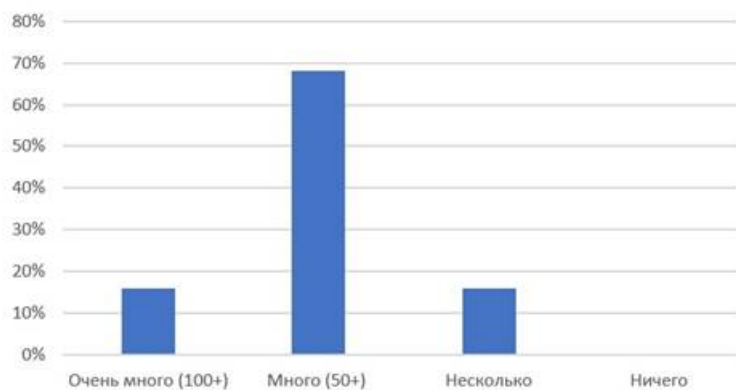

Рисунок 1. Знание пословиц и поговорок грекоговорящими респондентами

На вопрос «Используете ли вы пословицы и поговорки в повседневной жизни? Если да, то как часто вы употребляете пословицы и поговорки, чтобы делать вашу речь более убедительной?» 3 участника ответило *очень часто* (6 %), 14 участников ответило *иногда* (28 %), 32 участника ответило *редко* (64 %) и 1 участник ответил *никогда* (2 %).

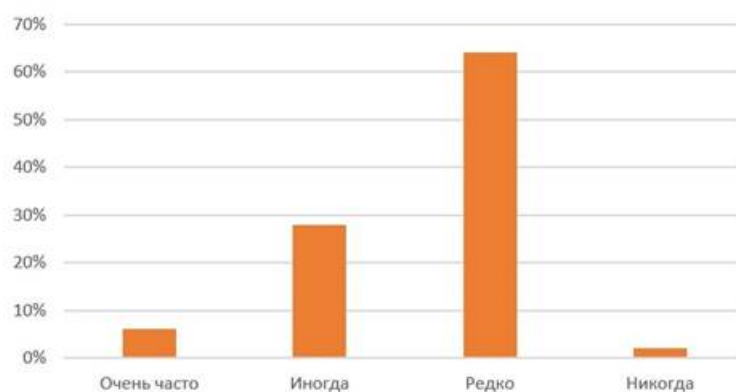

Рисунок 2. Частота использования пословиц и поговорок грекоговорящими респондентами в повседневной жизни

На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что пословицы и поговорки полезны для передачи сообщений в повседневной жизни?» 10 участников ответило *полностью согласен* (20 %), 28 участников ответило *согласен* (56 %), 11 участников ответило *не определился* (22 %) и 1 участник ответил *не согласен* (2 %). Интересно отметить, что никто из участников не ответил, что *категорически не согласен*.

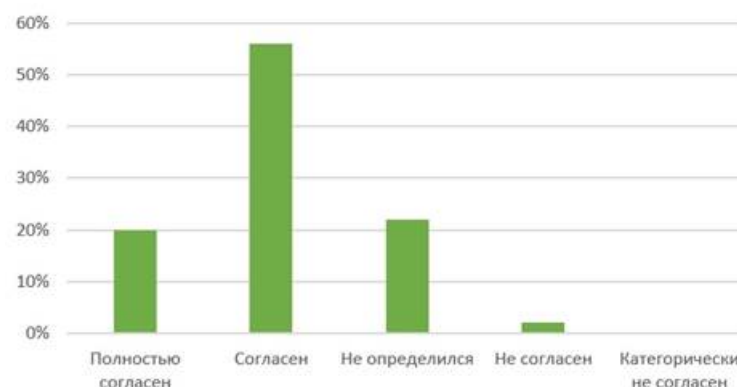

Рисунок 3. Степень согласия грекоговорящих респондентов с утверждением о полезности пословиц и поговорок для передачи сообщений в повседневной жизни

На вопрос «С какой целью вы используете пословицы и поговорки?» 24 участника

ответило, чтобы облегчить понимание информации (48 %), 23 участника – чтобы привести аргумент (46 %), 20 участников – чтобы дать совет (40 %). И только 3 участника ответило: другая причина (6 %).

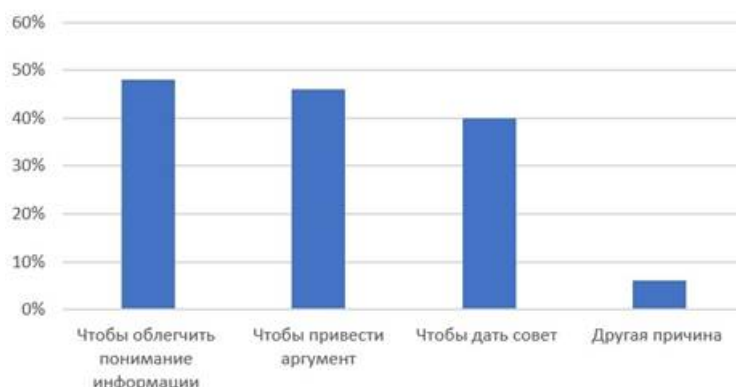

Рисунок 4. Цели использования пословиц и поговорок грекоговорящими респондентами

На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что пословицы и поговорки преподают нам уроки жизни?» 9 участников ответило *полностью согласен* (18 %), 27 участников – *согласен* (54 %), 13 участников – *не определился* (26 %) и 1 участник – *не согласен* (2 %). Важно отметить, что никто из участников не ответил, что *категорически не согласен*.

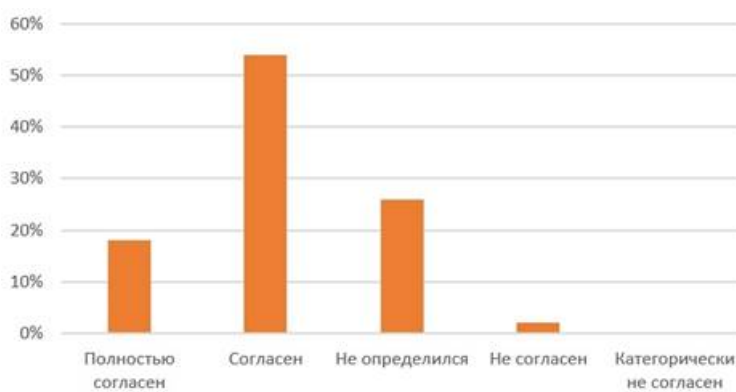

Рисунок 5. Степень согласия грекоговорящих респондентов с утверждением, что пословицы и поговорки преподают уроки жизни

По поводу второй части опроса на греческом языке, как выяснилось из ответов участников об использовании паремий в обиходно-бытовой коммуникации, «прозрачность» 30 греческих паремий показывает колебания.

Рассмотрим некоторые примеры на греческом языке:

Паремия номер 1 из опроса «*Ὅπως ἐστρωσες, θα κοιμηθείς*» (сквозной перевод: как ляжешь, так и будешь спать) имеет абсолютно очевидное значение, по оценкам 92% участников. В частности, 46 из 50 участников ответили, что значение паремии абсолютно очевидно (92 %), а только 1 из 50 участников ответили, что паремия не имеет очевидного смысла (2 %).

Паремия номер 24 из опроса «*Ἀλλοῦτακακὰρίσματακι αλλοῦγεννοῦνοικότες*» (сквозной перевод: в одном месте «кукареканье», а в другом куры рожают) имеет абсолютно прозрачное значение, по оценкам 44% участников. В частности, 22 из 50 участников ответили, что значение паремии абсолютно очевидно (44 %), а только 4 из 50 участников ответили, что паремия не имеет очевидного смысла (8 %).

Паремия номер 21 из опроса «*Δερατιάζει αβγά*» (сквозной перевод: сложить яйца в сноп) имеет абсолютно очевидное значение, по оценкам 10% участников. В частности, 5 из 50 участников ответили, что паремия имеет абсолютно очевидное значение (10 %), а 17 из 50 участников ответили, что паремия не имеет очевидного смысла (34 %).

Более того, возникла статистически положительная связь между «прозрачностью» 30 греческих паремий и их интерпретацией носителями греческого языка: чем очевиднее значение отдельных компонентов паремии, тем легче данная паремия для понимания.

В опросе о русской паремиологии участвовало 60 участников, из них 39 женского пола (65 %) и 21 мужского пола (35 %). Возраст участников: из 60 респондентов 49 участников – в возрасте от 19 до 34 лет (81,7 %), 10 участников – в возрасте от 35 до 54 лет (16,7 %) и последний участник – старше 55 лет (1,7 %). Уровень образования: из 60 респондентов у 31 участника – высшее образование I степени (бакалавриат) (51,7 %), у 26 участников – высшее образование II степени (специалитет, магистратура) (43,3 %) и у 3 участников – высшее образование III степени (аспирантура, докторантура) (5 %).

На вопрос «Знаете ли вы какие-нибудь пословицы и поговорки?» 6 участников ответило, что знают очень много паремий (больше ста, 10 %), 28 участников ответило, что знают много паремий (больше пятидесяти, 46,7 %) и, 26 участников ответило, что знают очень несколько паремий (43,3 %). Интересно отметить, что никто из участников не ответил, что вообще не знает никаких паремий.

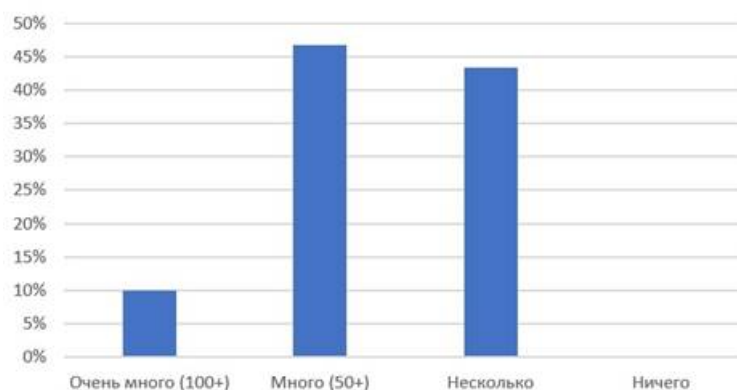

Рисунок 6. Знание пословиц и поговорок русскоговорящими респондентами

На вопрос «Используете ли вы пословицы и поговорки в повседневной жизни? Если да, то как часто вы употребляете пословицы и поговорки, чтобы делать вашу речь более убедительной?» 7 участников ответило *очень часто* (11,7 %), 30 участников ответило *иногда* (50 %), 19 участников ответило *редко* (31,7 %) и 4 участника ответило *никогда* (6,7 %).

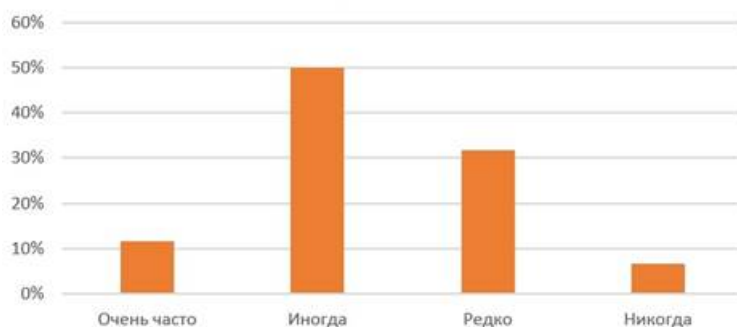

Рисунок 7. Частота использования пословиц и поговорок русскоговорящими

респондентами в повседневной жизни

На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что пословицы и поговорки полезны для передачи сообщений в повседневной жизни?» 15 участников ответило *полностью согласен* (25 %), 28 участников ответило *согласен* (46,7 %), 9 участников ответило *не определился* (15 %) и 8 участников ответил *не согласен* (13,3 %). Интересно отметить, что никто из участников не ответил, что категорически не согласен.

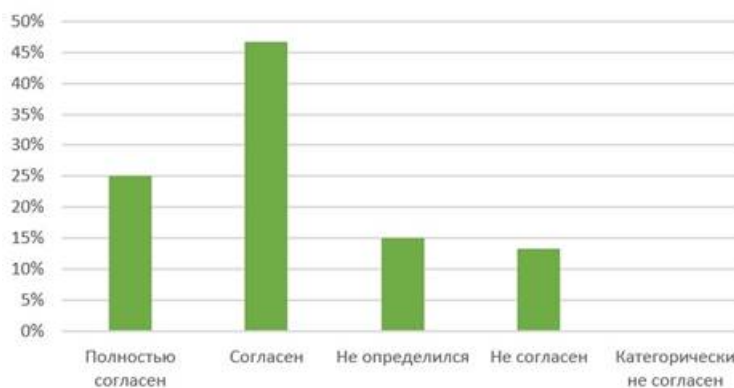

Рисунок 8. Степень согласия русскоговорящих респондентов с утверждением о полезности пословиц и поговорок для передачи сообщений в повседневной жизни

На вопрос «С какой целью вы используете пословицы и поговорки?» 38 участников ответило, *чтобы выразить иронию* (63,3 %), 32 участника – *для снятия напряжения в общении / для разрядки напряжения* (53,3 %), 25 участников – *чтобы облегчить понимание информации* (41,7 %). Интересно отметить, 2 участника ответило: *другая причина* (3,3 %).

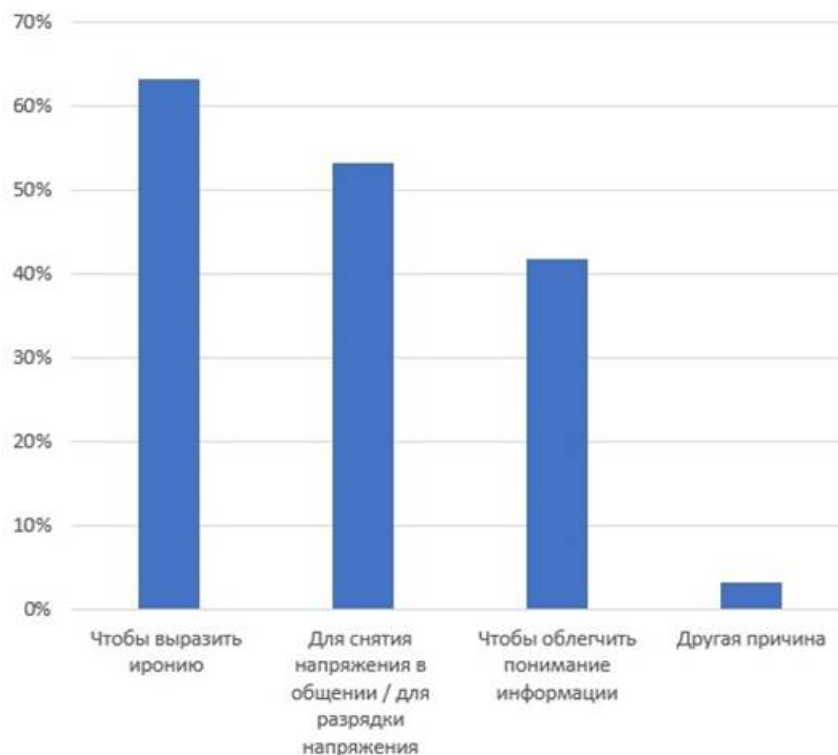

Рисунок 9. Цели использования пословиц и поговорок русскоговорящими респондентами

На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что пословицы и поговорки преподают нам уроки жизни?» 16 участников ответило *полностью согласен* (26,7 %), 30 участников – *согласен*

(50 %), 7 участников –*не определился* (11,7 %) и 7 участников –*не согласен* (11,7 %). Важно отметить, что никто из участников не ответил, что *категорически не согласен*.

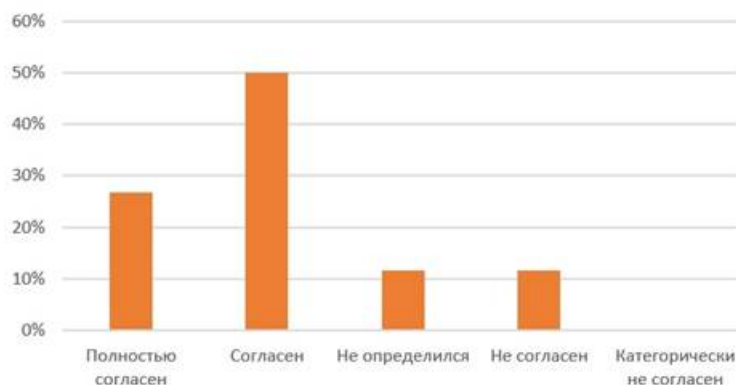

Рисунок 10. Степень согласия русскоговорящих респондентов с утверждением, что пословицы и поговорки преподают уроки жизни

По поводу второй части опроса, как выяснилось из ответов участников об использовании паремий на русском языке в обиходно-бытовой коммуникации, так и на греческом языке, «прозрачность» 30 русских паремий показывает колебания.

Рассмотрим некоторые примеры на русском языке:

Паремия номер 4 из опроса «*В гостях хорошо, а дома лучше*» имеет абсолютно очевидное значение, по оценкам 88,3 % участников. В частности, 53 из 60 участников ответили, что паремия имеет абсолютно очевидное значение (88,3 %), и только 2 из 60 участников ответило, что паремия имеет умеренно прозрачное значение (3,3 %).

Паремия номер 21 из опроса «*Отольются кошке мышкины слёзки*» имеет абсолютно очевидное значение, по оценкам 36,7% участников. В частности, 22 из 60 участников ответило, что паремия имеет абсолютно очевидное значение (36,7 %), а 9 из 60 участников ответило, что паремия не имеет очевидного смысла (15 %).

Паремия номер 30 из опроса «*Каков Мартын, таков у него и алтын*» имеет абсолютно очевидное значение по оценкам 28,3 % участников. В частности, 17 из 60 участников ответило, что паремия имеет абсолютно очевидное значение (28,3 %), а 19 из 60 участников ответило, что паремия не имеет очевидного смысла (31,7 %).

Более того, возникла статистически положительная связь между «прозрачностью» 30 русских паремий их интерпретацией носителей языка. То есть, чем очевиднее значение отдельных компонентов паремии, тем легче данная паремия для понимания.

Заключение

В проведенном исследовании был определен лингвистический статус пословиц и поговорок в повседневной речи носителей греческого и русского языков. Опрос показал, что большинство участников, как среди грекоговорящих, так и среди русскоговорящих, знают много пословиц и поговорок (более 50), но используют их в повседневном общении лишь иногда.

Грекоговорящие респонденты чаще используют пословицы и поговорки, чтобы облегчить понимание информации и привести аргумент. Русскоговорящие респонденты, напротив, используют их в основном для выражения иронии и снятия напряжения в общении. Таким образом, цели использования пословиц и поговорок различаются между этими

двумя группами.

Проведенное пилотное исследование на примере 30 греческих и 30 русских пословиц и поговорок позволило сделать несколько выводов:

Фоновые знания, или культурный и языковой контекст, в котором вырос человек, существенно влияют на то, насколько легко он может понять пословицу или поговорку. «Прозрачность» пословицы означает, насколько очевидна связь между её элементами и насколько легко её понять без дополнительных объяснений.

Если носитель языка никогда раньше не слышал определенную пословицу, но её смысл легко вытекает из составляющих её слов, то такую пословицу можно назвать «прозрачной». Возьмем, к примеру, греческую пословицу «Н φτώχεια θέλει καλοπέραση» (буквальный перевод: бедность хочет веселиться). Здесь два понятия – бедность и веселье – связаны, и их взаимосвязь понятна. Человек легко может догадаться, что пословица подразумевает, что даже бедные люди хотят радости и удовольствий.

Русская пословица «Нет дыма без огня». Связь между дымом и огнем очевидна: дым всегда указывает на наличие огня. Эта метафора легко понимается, так как понятия «дым» и «огонь» входят в повседневный словарь и имеют понятную связь.

Если пословица не имеет очевидной связи между её элементами или включает культурные концепты, незнакомые носителю языка, её смысл понять сложнее. Например, в греческой пословице «Εὔριαν νερό κι αλάτι» (буквальный перевод: стали водой и солью) слова «вода» и «соль» являются частью повседневного словаря, однако, семантическая связь между ними в данном контексте неочевидна. Без культурного или контекстуального объяснения смысл этой пословицы понять сложно. Русская пословица «Нашла коса на камень». Здесь понятия «коса» и «камень» не имеют очевидной связи, и без знания культурного контекста понять смысл этой пословицы трудно.

Таким образом, степень «прозрачности» пословиц и поговорок влияет на то, как легко их можно понять и использовать в повседневной речи. Пословицы с очевидной метафорической связью легче интерпретируются и более широко употребляются. С другой стороны, пословицы с менее очевидными семантическими связями требуют дополнительных знаний и контекста для правильного понимания.

Таким образом, прозрачность значения паремий влияет на их понимание и использование. Чем очевиднее значение паремии, тем легче ее интерпретация носителями языка. Например, паремии с прозрачными связями между компонентами легче понимаются, чем те, где связь менее очевидна.

Следует отметить, что, способность людей понимать и интерпретировать образную речь является частью их способности к абстрактному мышлению [\[11\]](#). Однако неспособность понимать и интерпретировать паремиологию не обязательно означает неспособность мыслить абстрактно. Это может означать трудность в обращении с метафорическими структурами некоторыми людьми, для которых конкретные паремии не особенно «прозрачны».

Приведенные выше пилотные данные помогли нам осознать тот факт, что понимание и интерпретация паремий указывают на способ использования метафоры в повседневном общении. То есть, мы выражаем свой языковой опыт уникальным образом, имея доступ к метафорическим значениям, что говорит о небуквальном способе нашего мышления [\[2\]](#). Пословицы и поговорки служат примером того, как человек использует язык для

передачи сложных идей и ценностей через метафорические конструкции. Они помогают не только общаться, но и понимать мир через призму культуры и языка, что является важным аспектом человеческого мышления и когнитивных способностей.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147-173.
2. Байрамова, Л.К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии / Л.К. Байрамова // Фразеология и когнитивистика: матер. 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2 т. – Т. 1: Идиоматика и познание. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. педагог. ун-та, 2008. – С. 298-302.
3. Байрамова, Л.К. Противоречия в аксиологической фразеологии: амбивалентность и аксиологический вектор // Устойчивые фразы в парадигмах науки (Материалы международной научной конференции (8–11 июня 2015)). – Тула: ТГПУ, 2015. – С. 343-347.
4. Булатов М. А. Живое русское слово: Рус. нар. пословицы и поговорки / М. А. Булатов – Москва: Детгиз, 1961. – 126 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Изд-во «Эксмо»: Изд-во ННН, 2003. 616 с.
6. Дуличенко I–II 2011 – А.Д. Дуличенко. Основы славянской филологии. Т. I–II. Opole: Uniwersytet Opolski.
7. Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика : учебник для вузов / Е. В. Перехвальская. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 351 с.
8. Позднякова Е.М. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. , 2004 // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1.
9. Потебня, А.А. Слово и миф / Из истории отечественной философской мысли / Сост. А.Л.Топоркова. М.: Издательство «Правда» 1989.
10. Круглов, В. В. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / В. В. Круглов, Ю. Г. Круглов – М.: Просвещение, – 1990. – 335 с.
11. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже ХХ1 века. // Психологический журнал. Т. 21, №3, 2000, стр. 73-87.
12. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 45-53.
13. Теодориду, Е. Зоонимы в паремиологическом пространстве греческого языка // Вестник Российского нового университета: Человек в современном мире. – 2022. Серия 2. С. 180-187.
14. Теодориду, Е. Паремиологические аспекты конструирования культурной идентичности: на материале греческого, английского и русского языков // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №10 (46).
15. Λουκάτος Δ. Νεοελληνικά λαογραφικά κείμενα / Δ. Λουκάτος. – Αθήνα: Δαίδαλος Ι. Ζαχαρόπουλος, 1957. – 331 σ.
16. Νατσούλης Τ. 3.000 Λέξεις και φράσεις παροιμιώδεις / Τ. Νατσούλης. – Αθήνα: Σμυρνιωτάκης, 2011. – 834 σ.
17. Σηφάκης Γ. Λαϊκή σοφία: 10000 Ελληνικές Παροιμίες / Γ. Σηφάκης. – Αθήνα: Σμυρνιωτάκης, 1993. – 385 σ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В лингвистике варианты исследований сопоставительного характера наиболее продуктивны и концептуальны. Автор старается ввести в зону предметного анализа относительно близкие языковые семьи. В частности представленный к публикации материал ориентирован на фактор коммуникации греков и русских при использовании паремий в бытовом режиме. Актуальность данной статьи заключается в нетривиальном компаративном исследовании достаточно распространенного языкового явления. Автор отмечает в начале труда, что «паремии являются самым распространённым жанром фольклора, который составляет достояние целой нации и заключает в себе национальную идентичность говорящих. Паремии живут в речи и с её помощью приобретают конкретный смысл. В семиотическом плане пословицы и поговорки представляют собой языковые знаки метафорической природы, используемые носителями языка для обозначения ситуаций и отношений, имеющих место в человеческом обществе и в природе. Изучаемые с позиций этимологии и этнолингвистики паремии дают разнообразный материал для понимания культуры конкретного народа...». Исследовательская база статьи (цель, методы, задачи и т.д.) выверена: «настоящее исследование представляет собой попытку определить функции паремий в современном обиходно-бытовом общении и описать то, как носители греческого и русского языков используют паремии в повседневной коммуникации. Анализ паремии с когнитивно-дискурсивной точки зрения означает определение их роли в процессе коммуникации, так как пословицы и поговорки могут получить полное описание только на фоне дискурса. Когнитивно-дискурсивная парадигма выступает как интегральный подход, нацеленный на объединение различных точек зрения на предмет исследования...». Обозначенная конкретика задает особую логику научной наррации, определяет и объективацию авторской точки зрения. Стиль сочинения ориентирован на научный тип, языковой стандарт не нуждается в серьезной правке: например, «Этнолингвистический и этнокультурный анализ формирования пословиц и поговорок указывает на то, что в основе этих выражений лежат конкретные жизненные ситуации. В содержании паремий находят отражение культурное наследие, географическое расположение, религиозные убеждения и мировоззрение определенной этнической группы» и т.д. Работа имеет экспериментально-эмпирический характер, статистические данные представлены и в виде текстовых блоков, и в виде графиков / схем. Считаю, что иллюстративного фона достаточно: это заметно и в блоке с русским языком – «паремия номер 4 из опроса «В гостях хорошо, а дома лучше» имеет абсолютно очевидное значение, по оценкам 88,3 % участников. В частности, 53 из 60 участников ответили, что паремия имеет абсолютно очевидное значение (88,3 %), и только 2 из 60 участников ответило, что паремия имеет умеренно прозрачное значение (3,3 %)», и в блоке с греческим – «Паремия номер 21 из опроса «Δεμάτῳ ἐν ἀβύσσῳ» (сквозной перевод: сложить яйца в сноп) имеет абсолютно очевидное значение, по оценкам 10% участников. В частности, 5 из 50 участников ответили, что паремия имеет абсолютно очевидное значение (10 %), а 17 из 50 участников ответили, что паремия не имеет очевидного смысла (34 %)». Должный исследовательский комментарий полновесен, потенциальный читатель получает всю необходимую информацию. Например, «исследование базировалось на контент-анализе материала конкретной анкеты, представляющей собой 30 паремий в греческом и, соответственно, 30 паремий в русском языках, зафиксированных во фразеологических словарях [4, 5, 10, 15-17]. Также, в анкете были не только паремии, но и вопросы, направленные на получение определенной информации, такой как частотность употребления паремий в обиходно-бытовом общении, уровень понимания греко- и русскоговорящих информантов и т.д.». Ссылка дается в режиме стандарта, соответствие со списком источников есть. Работа

имеет завершённый вид, материал практически удобен в использовании, м.б. некоторые позиции станут импульсом для новых исследовательских проектов. Итог работы манифестирует, что «следует отметить, что, способность людей понимать и интерпретировать образную речь является частью их способности к абстрактному мышлению. Однако неспособность понимать и интерпретировать паремиологию не обязательно означает неспособность мыслить абстрактно. Это может означать трудность в обращении с метафорическими структурами некоторыми людьми, для которых конкретные паремии не особенно «прозрачны». Текст не нуждается в серьёзной правке, работа достаточно интересна. Рекомендую статью «Использование паремий в обиходно-бытовой коммуникации греков и русских: сопоставительный анализ» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Видеркер В.В. Термин «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв.: специфика бытования // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.70808 EDN: BRHEDF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70808

Термин «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв.: специфика бытования

Видеркер Вячеслав Владимирович

ORCID: 0009-0000-1617-6244

кандидат культурологии

доцент, кафедра права и философии; Новосибирский государственный педагогический университет

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

✉ viderker.v@yandex.ru[Статья из рубрики "Дискурс"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.70808

EDN:

BRHEDF

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2024

Аннотация: Статья посвящена особенностям бытования термина «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв. Объектом исследования являются иноязычные тексты, в которых термин «неомифологизм» имеет статус ключевого слова. Предметом исследования являются генезис и семантика понятия «неомифологизм» в иноязычных гуманитарных исследованиях. Подробно рассматриваются вопросы возникновения термина «неомифологизм» в кинематографе Италии в 1950-1960-х гг. Зарубежные авторы считают, что первыми неомифологическими произведениями являются пеплумы, в которых древние мифы наполнялись актуальной социальной и политической повесткой, отвечающей запросам массовой киноаудитории. Особое внимание уделяется анализу основных тенденций развития понятия «неомифологизм». Отечественные и зарубежные исследования, тематизирующие современную мифологию, в значительной степени по-разному определяют и используют термин «неомифологизм». Данное исследование инспирировано необходимостью установить терминологические эквиваленты в русскоязычных и иноязычных работах, посвященных современному

мифотворчеству. Исследование проводилось на основе структурно-семантического и семантико-когнитивного методов. Применялись общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения, обобщения. Результаты исследования позволили сделать вывод о периферийном месте термина «неомифологизм» в трудах иноязычных авторов, которые отдают предпочтение термину «современная мифология». Сфера использования термина «неомифологизм» в зарубежном дискурсе по преимуществу ограничена работами, которые либо посвящены исследованию отдельных аспектов массовой культуры, либо тесно связаны с российским гуманитарным знанием. Использование термина «неомифологизм» в зарубежных исследованиях массовой/популярной культуры отражает опыт теоретического осмысления процесса мифологизации массового сознания в современном обществе. Технологии генерирования визуального контента привели к реактивации основных свойств мифологического сознания, которое оперирует образами. Массовая культура представляет собой ведущее пространство формирования и трансляции неомифологических произведений (кинофильмы, видеоигры, реклама и т. д.) и стоящего за ними неомифологического сознания. Выводы данного исследования призваны способствовать более продуктивной работе отечественных ученых с зарубежными исследованиями по современной мифологии.

Ключевые слова:

неомифологизм, неомиф, термин, современная мифология, мифотворчество, дискурс, массовая культура, Витторио Коттафави, кинематограф, пеплум

Введение. В современном обществе доминирующим способом познания окружающего мира является наука, которая представляет собой специфическую генеративную среду, формирующую обособленное пространство научного знания. Данное знание, демонстрирующее критерии научности (доказательность, системность, непротиворечивость и т. д.), кодируется группой текстов, определяемых как научные исследования (тексты).

Научное исследование фундируется категориально-понятийным аппаратом соответствующей отрасли науки. Таким образом, одним из условий проведения научного исследования является наличие устойчивой терминологической системы, которая способствует не только генерированию знания в определенном тексте, но также и его (знания) трансляции и дистрибуции в различные дискурсы. В. Н. Пилатова, определяя дискурс, отмечает: «дискурсивная структура человеческого бытия задаёт речевой способ использования языка» [\[1, с. 380\]](#), и далее: «Дискурс необходимо считать центральным звеном в трихотомии "язык – дискурс – речь", призванным выполнять опосредующую функцию между виртуальной системой языка и актуальной системой речи» [\[1, с. 381\]](#).

Нарушение правил функционирования терминологической системы, например, бытование терминов с размытым смысловым полем или существование более одного термина для названия одного понятия, является барьером в развитии научного знания. Вместе с тем, терминологическая система существует в динамическом состоянии, так как корреспондирует научному прогрессу, который предполагает качественные и количественные изменения. В этом смысле для системы терминов актуален баланс между тенденциями развития и устойчивости. Стремительное развитие современного гуманитарно-научного дискурса, отражающего глобальные социокультурные процессы,

влечёт за собой появление новых понятий, что актуализирует терминологическую проблематику. Для отечественной гуманитаристики принципиальное значение имеет процесс установления терминологических эквивалентов в русскоязычных и иноязычных исследованиях.

Исследование автором данной статьи феномена неомифологизма в отечественной и мировой культуре XX-XXI вв. выявило значительную разницу в содержании и функционировании термина. Целью настоящей работы является исследование бытования термина «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв. Результаты исследования призваны способствовать более продуктивной работе отечественных исследователей неомифологизма с западным корпусом текстов по данной тематике.

Результаты. Процесс ремифологизации, начавшийся в мировой культуре на рубеже XIX-XX вв. и продолжающийся в настоящее время, привел к реактивации основных свойств мифологического сознания и формированию устойчивых мифологических структур, встроенных во все сферы общественной жизни. Мифологический компонент современной культуры не является простой «реставрацией» древней (классической) мифологии. Распространение и развитие мифогенных практик в разных сферах жизнедеятельности современного общества вызывает повышенный исследовательский интерес. Анализ научных исследований, посвященных проблемам современной мифологии, демонстрирует терминологическое многообразие. В российском гуманитарно-научном дискурсе получил распространение термин «неомифологизм», в горизонт которого вписываются исследования принципов создания и функционирования современных мифов в художественной, политической, социальной и др. сферах, а также анализ мировоззрения, стоящего за данными мифогенными практиками [2-4]. В отечественной гуманитарной науке создателем термина «неомифологизм» является Е. М. Мелетинский. Автор настоящей статьи ранее исследовал генезис и сущность понятий «неомифологизм» в работах Е. М. Мелетинского [5].

В зарубежном гуманитарно-научном дискурсе получили распространение термины «современная мифология» и «новая мифология», которые противопоставляются «классической мифологии» и «древней мифологии» – classical and contemporary mythology [6, p. 98, 7, p. 28], ancient and modern mythology [8, p. 174-175], new mythology [8, p. 175].

Термин «неомифологизм» в зарубежных исследованиях представлен [9, 10], но встречается достаточно редко и имеет ограниченное распространение. «Термин "неомифология" определяет современную тенденцию извлекать символы и религиозные и мифические фигуры мировой истории из их естественного контекста или религии и реинтерпретировать, таким образом "конструируя" новый миф» [10, p. 6].

Хронологически первое использование слова «неомифологизм» обнаружено нами в статье на французском языке, опубликованной в 1962 г. во французском журнале художественной литературы Fiction [11]. Автором статьи под названием «Нео-мифологизм и палео-научная фантастика (В. Коттафави "Геркулес покоряет Атлантиду")» был Жак Гуамар (Jacques Goimard, 1934-2012), французский писатель в жанрах научной фантастики и фэнтези, историк кино. Помимо литературных произведений в жанрах научной фантастики и фэнтези, в Fiction публиковались новости из мира литературы, кино, комиксов и т. д., относящиеся к сфере фантастического и сверхъестественного.

Общий анализ корпуса зарубежных работ, тематизирующих неомифологизм, позволяет выделить в нем две основные группы исследований.

В первую группу входят работы, исследующие неомифологические произведения в современной массовой культуре. Хронологически первые работы, относящиеся к данной группе, были посвящены анализу кинематографической практики экранизации классических мифов древности, целью которой было «наполнение» традиционного мифа актуальной социальной и политической повесткой, отвечающей интересам массовой аудитории [\[11, 12\]](#). Данная практика базируется на представлении о мифе как универсальной структуре выражения «вечных» тем и коллизий человеческого существования. Антонио Гонсалес (Antonio Gonzales), анализируя кинофильмы «Геркулес покоряет Атлантиду» (итал. *Ercole alla conquista di Atlantide*, фр. *Hercule à la conquête de l'Atlantide*, реж. Витторио Коттафави, 1961, Италия, Франция) и «Атлантида, погибший континент» (англ. *Atlantis The Lost Continent*, реж. Джордж Пал, 1961, США), пришел к выводу, что они «обновляют фрагменты платоновского мифа с учетом современных проблем» [\[12, p. 344\]](#). В частности, фильм В. Коттафави «является актуализацией или, скорее, транскрипцией повествовательной структуры середины XX века» [\[12, p. 346\]](#), а представленный в нем образ Геркулеса выражает «архетип защитника прав человека» [\[12, p. 346\]](#).

Западные исследователи автором понятия «неомифологизм» считают итальянского режиссера Витторио Коттафави (Vittorio Cottafavi, 1914-1998), известного представителя кинематографического жанра пеплум. Ж. Гуамар отмечал, что В. Коттафави определял свой фильм как «неомифологизм» или «палео-научная фантастика» [\[11\]](#). М. Винклер (Martin M. Winkler) пишет: «в эру, чья технология дала возможность визуальным художникам продвинуться далеко за пределы холста, краски и кисти, также расширился спектр возможностей для адаптаций [подразумевается перевод текста в изображение и, в широком смысле, специфика процесса перекодирования сообщений – В. В.]. Лучше всего это видно в кинематографе и его ответвлении, телевидении, в особенности в причудливых пересказах греческого мифа. В принципе, такие свободные адаптации не являются чем-то новым. Даже в античности альтернативные версии мифов распространялись широко по всей литературе и визуальным искусствам, как свидетельствуют, с одной стороны, произведения драматургов, мифографов, эпических и лирических поэтов, и, с другой, произведения скульпторов и живописцев. Современные визуальные средства только продвинули эту традицию. Они доказали особую благодатность почвы для пересоздания образов и переосмысления классической античности. Кинорежиссёр Витторио Коттафави, который снял несколько фильмов, действие которых происходит в античности, удачно назвал этот феномен "неомифологизм"» [\[13, p. 14.\]](#). В кинематографе пеплумы считаются наиболее репрезентативными образчиками неомифологизма. «Самый печально известный жанр неомифологического фильма – это киноэпопеи с мускулистыми мужчинами, снятые в Италии в 1950–1960-х гг. Большинство, и наиболее известные или, в зависимости от точки зрения, печально известные из них – вольные адаптации мифов о Геракле (Геркулесе)» [\[13, p. 15.\]](#).

Первоначально неомифологизм рассматривался, прежде всего, в качестве кинематографического феномена. Неомифологические произведения суть адаптации древних мифов под запросы современной киноаудитории, предполагающие модернизацию древних нарративов, в частности проведение разнообразных параллелей с текущими политическими, социальными и личностными коллизиями. Для подобного

неомифологизма характерна довольно вольная трактовка классических мифов, комбинирование разных мифов в единое повествование, введение в текст новых персонажей и сюжетных поворотов. Важно отметить, что древний миф, пусть и в модернизированном виде, выступает в качестве единственного плана изображения в данных произведениях. Таким образом, классический миф, сохраняя свою узнаваемость, наполняется, по сути, новым содержанием, востребованным современной аудиторией.

Примечателен сам факт появления термина «неомифологизм» в сфере кинематографии, самого массового визуального искусства современности. Кинематографический образ (движущееся изображение), как и любой другой образ, имеет сенсорно-моторную природу. Кинофильмы одновременно воздействуют на разные органы чувств человека, что сближает их с древними мифами, которые разыгрывались, а не рассказывались в первобытном коллективе.

Научно-технический прогресс конца XX – начала XXI вв. привел к созданию новых технологий генерирования визуального контента, получивших широкое применение в культурных и креативных индустриях. Появление принципиально новых визуальных (сенсорно-моторных) возможностей, в частности, компьютерных программ, инспирировало формирование новых сегментов массовой культуры и соответствующих неомифологических произведений, например, видеоигр «самых современных и популярных продуктов неомифологии» [\[10, p. 7\]](#).

Вторую группу зарубежных исследований, использующих термин «неомифологизм», составляют работы авторов, которые тесно связаны с российским неомифологическим дискурсом [\[14-16\]](#).

Райнер Грюбель (Rainer Grübel), современный немецкий литературовед-славист, в своей статье «(Нео-)миф и дискурс в русской культуре: между природой и культурой» (2019) [\[16\]](#) на основе метода анализа бинарных оппозиций, близкого традициям тартуско-московской семиотической школы, исследует феномен неомифа в русской культуре XX-XXI вв. Исследователь сформулировал тезис, который призван прояснить природу неомифа: «Вторичная мифологизация / неомифизм предполагает демифологизацию первичного (первобытного) мифа» [\[16, p. 54\]](#). В целом, анализируемая Р. Грюбелем пара «мифическое мышление / дискурсивное мышление» представляет собой аналогию выдвинутой Ю. М. Лотманом бинарной оппозиции «недискретное сообщение / дискретное сообщение» [\[17\]](#), получившей широкую известность в отечественной гуманитарной науке. Фундаментальное различие элементов пары состоит в том, что «если миф использует средство уравнивания и склонен к включению, то не-миф ["дискурс" в терминологии Р. Грюбеля – В. В.] использует инструмент различения, он склонен к исключению» [\[16, p. 51\]](#). Миф практикует всеобъемлющее (тотальное) соединение, стремящееся к отождествлению, которое способствует стиранию всяких границ – между природой и культурой, целым и его частью, вещью и ее именем и т. д. Дискурс, который в данном случае отождествляется с рациональным мышлением, практикует разделение, которое ведет к нарастающей фрагментации природных явлений и культурных феноменов.

Заключение. Зарубежные мифологи XX-XXI вв. в своих исследованиях активно обращаются к проблеме бытования мифа в современной им культуре. Общим местом мифологического дискурса нашего времени стало, во-первых, признание важной роли мифологического компонента и стоящего за ним мировоззрения в современной, прежде всего, массовой (популярной) культуре и, во-вторых, четкое различие древних (традиционных, классических) и современных мифов. Зарубежные исследователи

современной мифологии используют для обозначения данного феномена разные термины (contemporary mythology, modern mythology, new mythology). Термин «неомифологизм» (neo-mythologism, (neo)mythologism, neomythology) является периферийным в зарубежном научно-гуманитарном дискурсе и встречается преимущественно в работах, которые либо посвящены исследованию отдельных аспектов массовой культуры, либо тесно связаны с российским гуманитарным знанием.

Библиография

1. Пилатова В. Н. К вопросу об определении дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4-2 (82). С. 378-381.
2. Иванов Д. И., Гавриков В. А. Неомифологическая составляющая синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-1 (68). С. 24-27.
3. Строева О. В. Неомифологизм и концептуализм в визуальной культуре: от модернизма до метамодернизма // Наука телевидения. 2020. Т. 16. № 1. С. 11-29.
4. Файзуллина Д. Ф. Неомифологизм в изобразительном искусстве тюркских народов Поволжья конца XX – начала XXI веков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4. С. 75-79.
5. Видеркер В. В. Неомифологизм: возникновение и развитие понятия в работах Е. М. Мелетинского // Культурно-антропологические исследования. 2021. № 1. С. 13-20.
6. Baldt E. Mythology and/of the Great War in Katherine Mansfield's «The Daughters of the Late Colonel». In: *Katherine Mansfield and World War One*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. Pp. 98-112.
7. Jayatissa P. G. R. M. Recreation Of Mythology in J. K Rowling's Harry Potter And The Goblet Of Fire. *North American Academic Research*. 2023. 6(10). Pp. 28-34.
8. Hühn H. Mythology and Modernity. In: Forster, M., Steiner, L. (eds) *Romanticism, Philosophy, and Literature*. Palgrave Macmillan, Cham. 2020. Pp. 173-192.
9. Hanegraaff W. J. New Age Spiritualities as Secular Religion: a Historian's Perspective. *Social Compass*. 1999. 46(2). Pp. 145-160.
10. Xidakis I. Neomythology: A New Religious Mythology. *Religions*. 2022. 13(6), 536. 15 p.
11. Goimard J. Néo-mythologisme et Paléo-science-fiction (V. Cottafavi, Hercule à la conquête de l'Atlantide). *Fiction*. 1962. 101. Pp. 139-144.
12. Gonzales A. Mythe et néo-mythe. L'Atlantide au cinéma ou comment montrer l'indicible. *Dialogues d'histoire ancienne*. 1989. 15(2). Pp. 333-356.
13. Troy: from Homer's Iliad to Hollywood epic / Ed. by Martin M. Winkler. Malden, MA: Blackwell, 2007. 231 p.
14. Войводич Я., Иоффе Д. К вопросу о (нео)мифологизме в литературе: теории мифа и знака. Историографическое и аналитическое введение в специальный том. *Russian Literature*. 2019. 107-108. Pp. 1-29.
15. Vojvodić Ja. (Neo)mythological elements in the modern Russian prose (through the example of «Surgeon» by Marina Stepnova) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 10. № 5. С. 768-775.
16. Grübel R. (Нео-)миф и дискурс в русской культуре: между природой и культурой. *Russian Literature*. 2019. 107-108. Pp. 49-91.
17. Лотман Ю. М., Минц З. Г. Литература и мифология // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. С. 727-743.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Litera» статье, как автор обозначил в заголовке («Термин “неомифологизм” в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв.: специфика бытования»), является специфика бытования в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв. семантического ядра термина «неомифологизм» (neo-mythologism, (neo)mythologism, neomythology), входящего, в том числе, в состав более распространенных в зарубежном дискурсе понятий (contemporary mythology, modern mythology, new mythology). Соответственно, сегмент теоретического, гуманитарно-научного дискурса, образующийся вокруг «неомифологической» тематики в XX-XXI вв., представляет собой объект авторского внимания. Причем как автор не старался ограничить объект внимания зарубежным гуманитарно-научным дискурсом XX-XXI вв., все же был вынужден выйти за его рамки, сравнивая полученные результаты с достижениями советских школ семиотики и мифологии (Е. М. Мелетинский, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц и др.). По мнению рецензента, представленное исследование демонстрирует условность фрагментации теоретического дискурса на основе конкретизации его сегмента вокруг отдельного термина, характеризующегося не общим семантическим ядром совокупности синонимичных терминов, а формальными признаками словоупотребления. Причиной такой условности, исходя из теории самоописания семиотических систем Ю. М. Лотмана, является динамичность языковых и культурных процессов. Поэтому полученный автором результат ценен не только в плане уточнения происхождения термина «неомифологизм» (neo-mythologism, (neo)mythologism, neomythology), но и в контексте развития научных представлений об отрефлексированном с помощью него феномене. Выбранный автором ракурс (аспект) перекодирования первичного (первобытного) мифа в рамках актуальной проблематики социального дискурса на примере киножанра пеплума или оценки зарубежными учеными российского теоретического дискурса, подразумевающий трактовку «неомифизма» как вторичную мифологизацию, предполагающую демифологизацию первичного источника (образа или мифологии в целом), вскрывает, по мнению рецензента, более широкое поле познания природы мифа и мифологического мышления. С опорой на исследование Р. Грюбеля, которое в свою очередь основано на методологии московско-тартуской школы, автор констатирует наличие в теоретическом дискурсе разграничений мифа, основанного на «включенности» всего («всеобъемлющее (тотальное) соединение»), и неомифа («дискурса»), предполагающего аналитическую «исключенность» отдельных явлений и «нарастающую фрагментацию природных явлений и культурных феноменов». Однако, по мнению рецензента, подобная трактовка неомифа остается условно-абстрактной (если брать в расчет исключительно абстрактное понимание Ю. М. Лотманом семиосферы) и указывает по существу на два динамических состояния мифа в языковых и культурных процессах: 1) тенденцию к всеобъемлющему (тотальному) соединению — состояние «миф»; 2) тенденцию к всеобъемлющей дифференциации и фрагментации — состояние «неомиф». Иными словами, мифологическое мышление, не теряя своей природы, исключаяющей в равной мере и научно-теоретическую рациональность, и абсолютность монотеизма, развивается в логике колебаний основных тенденций массового сознания от конвергентности к дивергентности (и обратно) природных явлений и культурных феноменов. «Неомиф», таким образом, (или «дискурс» по Р. Грюбелю) не отличается большей рациональностью по сравнению с мифом, а сохраняет присущую исключительно мифологическому мышлению особую «рациональность» в рамках собственной стохастической системы (А. Ф. Лосев: «Мир есть конь»). Соответственно, его изучение дополнительно требует дальнейшего исследования пересечений и разграничений многообразия синонимичных

терминов (neo-mythologism, (neo)mythologism, neomythology; contemporary mythology, modern mythology, new mythology и др.), который, по всей вероятности, раскрывают всего лишь разные аспекты некоторого общего объекта познания — культурного феномена мифа.

Таким образом, предмет исследования рассмотрен автором на высоком теоретическом уровне, предполагающим, в том числе, расширение эвристического потенциала категории «неомиф» в дальнейших перспективных исследованиях.

Методология исследования опирается на структурно-функциональное положение теоретического дискурса о фундированности научного знания посредством устойчивого категориально-понятийного аппарата соответствующей отрасли науки, подразумевающим в качестве одного из условий проведения научного исследования «наличие устойчивой терминологической системы, которая способствует не только генерированию знания в определенном тексте, но также и его (знания) трансляции и дистрибуции в различные дискурсы». Хотя автор и не отрицает, что терминологическая система существует в динамическом состоянии и ей свойственен баланс между тенденциями развития и устойчивости терминов. Выбрав определенность терминологической статистики, следуя обозначенной программы исследования, автор приходит к хорошо аргументированным выводам о том, что, с одной стороны, «общим местом мифологического дискурса нашего времени стало, во-первых, признание важной роли мифологического компонента и стоящего за ним мировоззрения в современной, прежде всего, массовой (популярной) культуре и, во-вторых, четкое различие древних (традиционных, классических) и современных мифов», а с другой — что «термин “неомифологизм” в зарубежной литературе остается «периферийным» и встречается преимущественно в работах, посвященных исследованию отдельных аспектов массовой культуры или тесно связанных с российским гуманитарным знанием. В целом, авторское методическое решение релевантно поставленной научно-познавательной задаче, и полученный результат заслуживает теоретического внимания. Актуальность выбранной темы автор поясняет значимостью для научного познания устойчивых понятийно-терминологических систем. Безусловно, авторский тезис актуален и весьма своевременен, особенно учитывая нарастающую терминологическую сложность гуманитарных дискуссий.

Научная новизна исследования, заключающаяся в определении сегмента гуманитарно-научного дискурса, образовавшегося вокруг общего семантического ядра понятия «неомиф» в XX-XXI вв., а также в уточнении теоретического содержания термина и расширении его эвристического потенциала, не вызывает сомнений.

Стиль текста в целом автор выдержал научный, хотя рецензент отмечает отдельные высказывания, корректировка которых может поспособствовать облегчению понимания мысли автора. Автору следует рассмотреть возможность: 1) сокращения избыточных слов и выражений в некоторых высказываниях (рецензент их приводит в квадратных скобках): «Научное исследование [как таковое] фундируется категориально-понятийным аппаратом соответствующей отрасли науки»; Исследование автором данной статьи феномена неомифологизма в отечественной и мировой культуре XX-XXI вв. выявило значительную разницу в содержания и функционировании термина [«неомифологизм» в отечественном и зарубежном гуманитарно-научных дискурсах]; 2) корректировки и согласования слов с учетом грамматических норм современного русского языка: «В современном обществе доминирующим способом познания экстерналичного и интерналичного, т. е. внешнего и внутреннего по отношению к человеку, миров является наука, которая суть специфическая генеративная среда, формирующая обособленное пространство научного знания», «Анализ научных исследований, посвященных проблемам современной мифологии, демонстрирует...».

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного поиска.

Библиография хорошо раскрывает проблемное поле исследования, оформлена без критических нарушений требований редакции и ГОСТа.

Апелляция к оппонентам в целом корректна и вполне достаточна; автор достаточно аргументировано вносит свой вклад в актуальную теоретическую дискуссию.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Litera» и после небольших правок может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи обращается к дешифровке термина «неомифологизм» в зарубежном гуманитарном дискурсе. Данный фактор в принципе вполне оправдан, он имеет определенный научный интерес, является дискуссионным, обсуждаемым. Статья дробится на стандартные, логически выверенные части. Во вводном блоке отмечено, что «одним из условий проведения научного исследования является наличие устойчивой терминологической системы, которая способствует не только генерированию знания в определенном тексте, но также и его (знания) трансляции и дистрибуции в различные дискурсы», «нарушение правил функционирования терминологической системы, например, бытование терминов с размытым смысловым полем или существование более одного термина для названия одного понятия, является барьером в развитии научного знания». С этим утверждением стоит согласиться, принять его как некую отправную точку научного изыскания. Сразу отмечу, что статью желательно вычитать, внести правку в некоторые формулировки, слова: например, «так, гуманитарно-научный дискурс имеет более подвижную терминологию по сравнению с естественно-научным дискурсом» и т.д. Цель работы конкретизирована, она сводится к «исследованию бытования термина «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв. Результаты исследования призваны способствовать более продуктивной работе отечественных исследователей неомифологизма с западным корпусом текстов по данной тематике». Основная часть исследования точно направлена на раскрытие вопроса. Суждения по ходу разверстки темы объективны, выверены: например, «процесс ремифологизации, начавшийся в мировой культуре на рубеже XIX-XX вв. и продолжающийся в настоящее время, привел к реактивации основных свойств мифологического сознания и формированию устойчивых мифологических структур, встроенных во все сферы общественной жизни», или «термин «неомифологизм» в зарубежных исследованиях представлен [9, 10], но встречается достаточно редко и имеет ограниченное распространение. «Термин "неомифология" определяет современную тенденцию извлекать символы и религиозные и мифические фигуры мировой истории из их естественного контекста или религии и реинтерпретировать, таким образом "конструируя" новый миф» [10, р. 6]» и т.д. Как видно из указанного фрагмента автор внимателен к цитациям, ссылкам. Серьезной правки текста не требуется; информация сложена системно с учетом должной критики. Методология исследования имеет аналитико-эмпирический характер, стиль сочинения соотносится с собственно научным типом. Например, «в первую группу входят работы, исследующие неомифологические произведения в современной массовой культуре. Хронологически первые работы, относящиеся к данной группе, были посвящены анализу кинематографической практики экранизации классических мифов древности, целью которой было «наполнение» традиционного мифа актуальной социальной и политической

повесткой, отвечающей интересам массовой аудитории...». Конкретика примеров также достаточна: «данная практика базируется на представлении о мифе как универсальной структуре выражения «вечных» тем и коллизий человеческого существования. Антонио Гонсалес (Antonio Gonzales), анализируя кинофильмы «Геркулес покоряет Атлантиду» (итал. Ercole alla conquista di Atlantide, фр. Hercule à la conquête de l'Atlantide, реж. Витторио Коттафави, 1961, Италия, Франция) и «Атлантида, погибший континент» (англ. Atlantis The Lost Continent, реж. Джордж Пал, 1961, США), пришел к выводу, что они «обновляют фрагменты платоновского мифа с учетом современных проблем» [12, р. 344]. В частности, фильм В. Коттафави «является актуализацией или, скорее, транскрипцией повествовательной структуры середины XX века» [12, р. 346], а представленный в нем образ Геркулеса выражает «архетип защитника прав человека» [12, р. 346]». На мой взгляд, само понятие «неомифологизм» автором трактуется верно, серьезных фактических нарушений не выявлено. Например, можно согласиться с тем, что «неомифологическое произведение суть адаптация (И) древних мифов под запросы современной киноаудитории, предполагающая модернизацию древних нарративов, в частности проведение разнообразных параллелей с текущими политическими, социальными и личностными коллизиями» [внести правку], или «фундаментальное различие элементов пары состоит в том, что «если миф использует средство уравнивания и склонен к включению, то не-миф ["дискурс" в терминологии Р. Грюбеля – В. В.] использует инструмент различения, он склонен к исключению» [16, р. 51]. Миф практикует всеобъемлющее (тотальное) соединение, стремящееся к отождествлению, которое способствует стиранию всяких границ – между природой и культурой, целым и его частью, вещью и ее именем и т.д.» и т.д. В целом поставленный ряд задач решен, работа не так велика, но наличного текста достаточно для конкретизации авторской точки зрения. Выводы по тексту соотносятся с основной частью: «термин «неомифологизм» (neo-mythologism, (neo)mythologism, neomythology) является периферийным в зарубежном научно-гуманитарном дискурсе и встречается преимущественно в работах, которые либо посвящены исследованию отдельных аспектов массовой культуры, либо тесно связаны с российским гуманитарным знанием». Материал можно использовать при изучении предметов гуманитарной направленности. Рекомендую статью «Термин «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв.: специфика бытования» к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Для эффективного поступательного развития мировой научной мысли существует необходимость установления эквивалентности терминов в русскоязычных и иноязычных исследованиях. В статье «Термин «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв.: специфика бытования», представленной для публикации в журнале «Litera», автор анализирует феномен неомифологизма в отечественной и мировой культуре XX-XXI вв. Как отмечает исследователь, «процесс ремифологизации, начавшийся в мировой культуре на рубеже XIX-XX вв. и продолжающийся в настоящее время, привел к реактивации основных свойств мифологического сознания и формированию устойчивых мифологических структур, встроенных во все сферы общественной жизни». Поэтому актуальность исследования бесспорна, т.к. в условиях широкого распространения мифов и явления мифологизации в массовой культуре теоретические изыскания в этой области крайне востребованы.

В данной статье автор предпринимает попытку проследить семантику, функционал и историю становления термина «неомифологизм». В частности, в противовес мнению западных исследователей, считающих автором понятия «неомифологизм» итальянского режиссера Витторио Коттафави, исследователь приводит обнаруженное им первое упоминание данного понятия в статье 1962 года французским писателем Жаком Гуамаром. Также исследователь дает общий анализ корпуса зарубежных работ, имеющих непосредственное отношение к изучаемой проблематике. Он выделяет 2 группы трудов: работы, исследующие неомифологические произведения в современной массовой культуре, и работы, тесно связанные с российским неомифологическим дискурсом. Автор отмечает наличие различных терминов в зарубежных исследованиях по современной мифологии (*contemporary mythology*, *modern mythology*, *new mythology*), между тем как термин «неомифологизм» (*neo-mythologism*, *(neo)mythologism*, *neomythology*) является периферийным», «встречается преимущественно в работах, которые либо посвящены исследованию отдельных аспектов массовой культуры, либо тесно связаны с российским гуманитарным знанием». Налицо стремление проследить за функционированием термина «неомифологизм» в зарубежном и отечественном научном дискурсе, уверены, что результаты исследования будут способствовать «более продуктивной работе отечественных исследователей неомифологизма с западным корпусом текстов по данной тематике». Однако считаем, что не совсем ясно выражено мнение автора по поводу дальнейшего применения данного термина. В выводах хотелось бы увидеть рекомендации по корректному использованию потенциала данного терминологического образования.

Логика исследования выстроена корректно, работа имеет четкую структуру. Содержание статьи отвечает ее теме. Стиль изложения научный. В библиографии указаны труды отечественных и зарубежных авторов, вскрывающие особенности изучения темы в системе мирового научного знания и показывающие общую эрудицию исследователя.

Статья «Термин «неомифологизм» в зарубежном гуманитарно-научном дискурсе XX-XXI вв.: специфика бытования» представляет интерес для читательской аудитории, тема актуальна, поэтому может быть рекомендована в печать в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Семёнова Л.А. Репрезентация источников концептуальной метафоры «любовь» в китайских и русских художественных текстах эпохи постмодернизма (сопоставительный аспект) // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43680 EDN: BVLFBN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43680

Репрезентация источников концептуальной метафоры «любовь» в китайских и русских художественных текстах эпохи постмодернизма (сопоставительный аспект)

Семёнова Любовь Александровна

ORCID: 0000-0003-3296-0156

старший преподаватель кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета

129 226, Россия, г. Москва, ул. 2-Ой сельскохозяйственный проезд, 4к1

✉ semenovala@mgpu.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43680

EDN:

BVLFBN

Дата направления статьи в редакцию:

31-07-2023

Аннотация: В предлагаемой статье рассматривается в сопоставительном аспекте на материале постмодернистских китайских и русских художественных текстов представленность концептуальной метафоры чувств, а именно любви. Предметом исследования выступают источники концептуальной метафоры любви, представляющие область цели метафоры в анализируемых текстах. Целью работы является выяснение сходств и различий репрезентации источников исследуемой концептуальной метафоры в китайских и русских текстах. В ходе исследования применялись следующие методы: метод семантического анализа, сопоставительный метод, метод концептуального анализа. Сопоставительный анализ показал присутствие сходства в репрезентации исследуемой метафоры в областях источника «Огонь», «Болезнь», «Свет», «Водоем», «Материальная ценность». Отличительной особенностью китайских текстов выступает представленность метафоры в области «Растение», а русских текстов – области «Живое существо». Практическая ценность данной работы видится в том, что эти материалы

могут быть использованы на занятиях по интерпретации художественных текстов китайского языка в ВУЗах. Работы такого плана создают хорошую перспективу дальнейшего развития одного из новых направлений лингвокультурологии, а именно сравнительной лингвокультурологии, в рамках которой происходит сопоставление и сравнение разноструктурных неродственных языков. Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые на материале художественной прозы постмодернизма на китайском и русском языках выясняются сходства и различия репрезентации концептуальной метафоры любви. В ходе работы было установлено, что в разноструктурных языках, китайском и русском, наличие в большей мере сходств в репрезентации источников концептуальной метафоры «любовь» указывает на универсальность образования данной метафоры в сознании носителей языка, что указывает на перспективу развития универсалии в контексте сопоставительных исследований неродственных языков.

Ключевые слова:

концептуальная метафора, концептуальная метафора любви, китайские тексты постмодернизма, русские тексты постмодернизма, сопоставление, источник метафоры, китайский язык, русский язык, художественные тексты, языкознание

В современном сопоставительном языкознании постоянно актуальной темой исследования остается сопоставление языков в когнитивном аспекте [\[1; 2; 3; 4\]](#). Метафора выступает постоянно объектом исследования современных лингвистов [\[5; 6; 7; 8\]](#). Существует несколько подходов в лингвистике к определению когнитивной метафоры. В этом плане, анализируя ряд исследований ученых-когнитологов, можно проследить общую тенденцию, что в своей основе определение когнитивной метафоры восходит к дефиниции языковой метафоры, то есть, передает переносный смысл объекта. Из различий в исследованиях можно выделить подходы к определению, которые выделяют следующие связи: когнитивная метафора и мышление человека; когнитивная метафора и механизмы познания; когнитивная метафора и концептуализация окружающего мира; когнитивная метафора как средство номинации, как способ создания языковой картины мира. Мы выбираем подход, который связывает метафору и мышление человека. Об этом упоминалось еще в работе Дж. Лакоффа, М. Джонсона, внесшей несомненный вклад в определение когнитивной метафоры и развитие теории о ней. В их труде отмечается принадлежность метафоры не только языку, но и мышлению в целом, поскольку все процессы человеческого мышления в какой-то мере метафоричны. Из этого следует, что метафора в языке является результатом метафоричности человеческого мышления. Американские исследователи выделяли в каждой метафоре область источника (сфера, откуда пришла метафора) и область мишени или, как это еще называют в современной лингвистике, область цели (сфера, на которую метафора ориентирована) [\[5\]](#). Благодаря метафоре, как и благодаря сравнению, возможно расширить границы мира, найдя у отдаленных сущностей общий признак, который является компаративной константой [\[8\]](#). Метафора способна дать моментальное и емкое представление об объекте, что позволяет говорящему избежать долгих объяснений и обойти сигнификацию. Метафора представляет собой подобие загадки, когда связь между денотатами прослеживается на интуитивном уровне, эта связь не озвучивается, адресату приходится додумать ее. Таким образом метафора универсальным средством перехода от обыденной регуляции к познанию и выше [\[7\]](#).

На соотношение когнитивной метафоры и мышления также указывает в своей работе Л. В. Калашникова. Она определяет метафоризацию как динамичный процесс, приводящий в динамическое состояние знание о мире; ассоциативное представление создает основу когнитивной функции метафоры. Метафора предопределяет способ и стиль мышления о нем, не только формируя представление об объекте. Стоит обратить внимание, что в когнитивной семантике метафора трактуется как перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область [6].

В данной статье мы уделим внимание репрезентации концептуальной метафоры «любовь» в китайской и русской литературе эпохи постмодернизма [9; 10]. Сопоставительный анализ примеров двух неродственных языков может позволить найти универсальные пласты культурной памяти, общие для разных народов [11]. В языковой единице заложена культурная информация, и такую же информацию о культуре мы можем получить и из сочетаемости слов, в том числе из словосочетаний, которые образуют концептуальные метафоры.

В качестве источников были выбраны такие современные китайские авторы, как Мо Янь и Лю Цысинь, а среди современной русской прозы постмодернизма – произведения В. О. Пелевина и В. Г. Сорокина. Современная художественная проза, с одной стороны, дает возможность проследить особенности современного языка, в то же время позволяя исследовать с позиции лингвистики область чувств и эмоций, что невозможно, например, в научном дискурсе. Постмодернизм в Китае начал свое развитие позже, чем в России, однако сейчас уже занимает ведущее положение в литературе. На современную китайскую литературу оказала довольно сильное влияние литература европейская, а именно модернистская и постмодернистская, однако китайские писатели, несомненно, привнесли в этот жанр самобытность своей культуры. Творчество В. О. Пелевина особенно интересно тем, что относится к так называемому восточному постмодернизму, сформировавшемуся в литературе Китая и России во второй половине 1990-х гг. [10].

Сначала рассмотрим примеры репрезентации когнитивной метафоры «любовь» в китайских текстах. В них любовь ассоциируется с огнем.

智子再次发表讲话, 声称三体世界之所以改变对人类文明的灭绝政策, 完全是出于对地球文化的热爱和敬意 [刘慈欣, 死神永生, Электронный ресурс]. – (Томоко выступила снова и объяснила, что Трисолярис отказался от истребления землян из [горячей] любви и уважения к земной цивилизации [Лю Цысинь, Вечная жизнь смерти, Электронный ресурс]).

В этом примере любовь представляется такой же горячей и жаркой (热爱), как огонь.

Проанализируем и другие примеры.

杨卫宁很有才华, 风度和修养俱佳, 不是一个让她讨厌的人, 但她自己已心如死灰, 很难再燃起爱情的火焰了 [刘慈欣, 三体, Электронный ресурс]. – (Ян был человеком талантливым, культурным, с хорошим вкусом. Е не находила его неприятным, но сердце ее было как пепел, в котором пламя любви больше разгореться не может [Лю Цысинь, Задача трех тел, Электронный ресурс]).

Во втором примере любовь сравнивается с огнем, а именно со способом его получения – огонь любви (爱情的火焰) можно зажечь (燃起) так же, как и обычный огонь.

那时候青蛙们就开始恋爱了, 在漫长的冬眠里消耗得又黑又瘦的它们被爱的烈火燃烧得上蹿下跳 [莫言, 红高粱家族 Электронный ресурс]. – (Жабы начали спариваться, за время долгой зимней

спячки они потемнели и похудели, но теперь подпрыгивали, охваченные ярким пламенем страсти [Мо Янь, Красный гаолян, Электронный ресурс]).

В третьем примере когнитивная метафора «любовь» дает сравнение этого чувства с огнем, который подвижен и может охватывать объекты окружающего мира (爱的烈火燃烧).

Кроме огня в китайских текстах когнитивная метафора «любовь» может передать чувство человека, соотносимое со светом.

*有经验的女人*都知道这是爱情的光芒。*屠小英*没有经验 [莫言, 十三步, Электронный ресурс]。 – (Все опытные женщины знали, что это сияние любви. Ту Сяоин не обладала опытом – перевод автора).

В данном случае когнитивная метафора любви соотносится с сиянием, светом (爱情的光芒).

Источником когнитивной метафоры «любовь» в постмодернистских текстах Китая может выступить болезнь.

"我疯狂地爱上了自己构思的小说中的一个虚构人物, 和她一起生活, 同她出游, 甚至于就要因她和自己真实的女朋友分手了 [刘慈欣, 黑暗森林, Электронный ресурс]。 – (Я безумно влюблен в персонажа своего собственного романа. Я был с ней, я путешествовал с ней, я даже порвал с моей настоящей любовницей ради нее [Лю Цысинь, Темный лес, Электронный ресурс]).

Такой болезнью, с которой в художественных текстах проводится параллель с любовью, является безумие (疯狂地爱上), что подчеркивает отрицательное воздействие любви на человека.

我猜想三岛是一个在性问题上屡遭挫折的人, 他对女人的爱恋到达了一种痴迷的程 [莫言, 会唱歌的墙, Электронный ресурс]。 – Я догадывался, что Сань Дао в половых вопросах неоднократно терпел неудачи; его любовь к женщинам достигла некоторой степени помешательства – перевод автора).

В данном примере также отмечается, что любовь способна свести с ума (到达了一种痴迷的程), подчеркивая негативную оценку любви.

Дополнительно рассмотрим еще один пример в этом ключе.

那么强大、那么跋扈的祖母的爱病态了这个敏感男孩的心 [莫言, 会唱歌的墙, Электронный ресурс]。 – (Болезненная любовь этой могучей, своевольной и гордой женщины патологически повлияла на душу этого восприимчивого мальчика – перевод автора).

Как демонстрирует пример, концептуальная метафора любви соотносится с общим пониманием болезни (爱病), что ставит акцент на ее патологической природе.

Лежащее в основе концептуальной метафоры сравнение может базироваться на понимании любви как растения.

夜色深沉, 淡蓝色的窗帘在窗前轻轻拂动, 正是爱情茁壮生长的好时机 [莫言, 红树林, Электронный ресурс]。 – (В густых сумерках светло-голубые занавески на окнах слегка колыхались – самый удобный момент для взращивания крепких побегов любви – перевод автора).

В этом примере наблюдается сравнение любви с растением, причем здоровым растением (爱情茁壮). Подобно растению, любовь может пустить корни, а также продолжить свое развитие, давая побеги.

Когнитивная метафора любви может репрезентировать совмещение нескольких объектов реального мира, например, живое существо и растение, например:

他被那两颗晶亮的、耀眼的泪珠震惊了, 爱情由此萌生 [莫言, 十三步, Электронный ресурс]. – (Он был потрясен двумя сияющими, ослепительными слезинками, отсюда и зародилась любовь – перевод автора).

В этом примере идет совмещение восприятия любви как живого существа, имеющего, однако, форму растения. Лексема *萌生* имеет значение «зарождаться, возникать», когда речь идет об абстрактных понятиях (чувства, идеи, планы). Более детальный анализ морфем показывает, что иероглиф *萌* восходит к значению «давать почки». Таким образом, любовь зарождается, подобно почкам по весне. Подобно живому существу, любовь может не только родиться, но и расти ввысь, к солнцу, как и растение.

Концептуальная метафора любви в китайских художественных текстах может репрезентировать представление о водоеме человеком.

你知道吗? 我把自己最深的爱给了一个幻影! [刘慈欣, 黑暗森林, Электронный ресурс] – (Разве вы не понимаете? Я отдал всю мою глубочайшую любовь иллюзии! [Лю Цысинь, Темный лес, Электронный ресурс]).

Концептуальная метафора любви соотносится в этом случае с глубиной водоема (*最深的爱*). Проанализируем следующий пример.

但悄悄渗入到他的潜意识之中, 一步步把他拉向爱情的深渊 [刘慈欣, 黑暗森林, Электронный ресурс]. – Это и в самом деле была неощутимая музыка, которая незаметно проникла в его подсознание и шаг за шагом затянула его в бездну [омут] любви [Лю Цысинь, Темный лес, Электронный ресурс]).

Согласно данному контексту, любовь представляет собой не просто водоем, а омут (*爱情的深渊*), грозящий гибелью влюбленному человеку.

Целесообразно рассмотреть еще один пример.

后来在君士坦丁堡遇到一位美丽的圣女骑士, 他们坠入爱河, 由此诞生了这个伟大的家族..... [刘慈欣, 死神永生, Электронный ресурс]. – (Потом приехал в Константинополь, где встретил красивую девушку, тоже святого воина. Они полюбили друг друга [погрузились в реку любви], и от них пошел их славный род... [Лю Цысинь, Вечная жизнь смерти, Электронный ресурс]).

В этом контексте любовь представляется носителю языка в виде потока воды (*坠入爱河*), в которую может погрузиться человек, испытывая положительные эмоции.

В этом плане следует отметить присутствие неоднозначной трактовки метафоры любви в китайских текстах эпохи постмодернизма, она может нести как положительную, так и отрицательную оценку.

程心的童年沐浴在母爱的阳光中, 但只有母爱 [刘慈欣, 死神永生, Электронный ресурс]. Детство Чэн Синь ярко освещала любовь матери — но только матери [Лю Цысинь, Вечная жизнь смерти, Электронный ресурс]).

Любовь можно сравнить с несколькими объектами в их взаимосвязи. К их числу относятся такие источники метафоры, как свет и водоем. Попытаемся объяснить такое своеобразное совмещение объектов мира в рамках данной когнитивной метафоры. Вероятнее всего, вначале было сравнение света с потоком воды, исходя из объема этого потока. Затем происходит когнитивное смещение уже при интерпретации метафоры

любви, когда важно подчеркнуть тот факт, что любовь – это огромное по величине чувство, причем чувство позитивное, которым можно наслаждаться, и человек погружается в любовь, подобно погружению в огромный поток света как в поток большого количества воды (沐浴在母爱的阳光中). На то, что первичным было именно значение «купаться», может указывать ключ «вода» ̎ в иероглифах 沐浴. Кроме того, еще Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечали, что человеку свойственно, говоря об абстрактных понятиях, апеллировать физическими действиями и величинами, чтобы упростить их понимание.

В китайских художественных текстах эпохи постмодернизма концептуальная метафора «любовь» может соотноситься с пониманием материальной ценности. Обратимся к анализу примера:

有一次, 罗辑的心曾被金色的爱情完全占据, 但那却是一次不可思议的经历 [刘慈欣, 黑暗森林, Электронный ресурс]. – (Да, однажды такое случилось. Золотистый свет любви [золотая любовь] жил в его душе пять лет назад. Но это произошло не в реальности [Лю Цысинь, Темный лес, Электронный ресурс]).

Как показывает пример, любовь воспринимается носителем китайского языка как золото по своей ценности (金色的爱情完). Причем подразумевается момент борьбы, в ходе которого человек сопротивлялся этому чувству, но человек был им захвачен (占据).

Итак, концептуальная метафора «любовь» в китайских художественных текстах соотносится с огнем, светом, болезнью, растением, водоемом и материальной ценностью (золотом).

Считаем необходимым осуществить выяснение характера создания концептуальной метафоры «любовь» в русских художественных текстах эпохи постмодернизма.

В русских текстах концептуальная метафора «любовь» соотносится с огнем.

Постоянно, ежеминутно она хотела нового, она жгла огонь нашей любви, бросая в него все новое и новое, ибо только новое могло поддерживать пламя. А теперь ей нечем кормить огонь. Все сожжено, и нового нет больше... [Сорокин, Роман, Электронный ресурс].

Согласно контексту, исследуемая концептуальная метафора создается за счет сравнения с огнем, который разжигает человек, и человек нацелен поддержать горение огня, подпитывая его новыми впечатлениями. Но, как огонь, любовь прекращает свое существование, и сравнивается с угасанием огня.

Проанализируем еще один пример.

*Чтобы радужное сияние затопило все вокруг, следовало опустить **пылающий шар любви** еще ниже, заведя его за точку великого предела, которая у лис находится в трех дюймах от основания хвоста* [Пелевин, Священная книга оборотня, Электронный ресурс].

Что касается этого примера, то в нем отмечается своеобразие представления любви как огня. Героине произведения требуется представить свое чувство в виде чего-то материального, чтобы управлять им, и для этой цели наиболее подходящим сравнением является шар, являя собой концентрированное чувство любви. В то же время этот шар сравнивается с огнем, он пылает, показывая силу чувства.

Концептуальная метафора «любовь» может соотноситься со светом. По этому поводу

следует коснуться примера ниже:

*Ты, Храм, почувствовала малую толику этой любви. Ты только прикоснулась к ней. Это лишь **первый луч великого Солнца**, коснувшийся твоего сердца* [Сорокин, Лед, Электронный ресурс].

Как демонстрирует пример, концептуальная метафора создается за счет сравнения любви со светом солнца, которое называется великим, проникающим в сердце любимого человека.

В русских текстах концептуальная метафора «любовь» основывается на ее сравнении с болезнью.

Но, с другой стороны – любовь? Ведь безумно влюблялись и Рафаэль, и Гёте, и Данте [Сорокин, Роман, Электронный ресурс].

Согласно примеру, концептуальная метафора любви основывается на восприятии этого чувства как конкретной болезни, а именно безумия, умопомрачения, беспамьятства, когда человек не может контролировать сам себя.

Но в русских текстах встречаются и другие случаи, например:

*– Вот и **лекарство от любви**. Ха, ха, ха! – громко хохотал Антон Петрович* [Сорокин, Роман, Электронный ресурс].

Что касается этого примера, то здесь любовь сравнивается с болезнью в целом, а не с какой-то конкретной. В этом случае человек стремится избавиться от любви, как от заболевания, и ищет лекарство от нее, хотя воспринимает это в ироническом ключе.

Исследуемая метафора может образовываться за счет сравнения с водоемом. Он часто представлен в мышлении носителя языка в виде реки или потока – водоема, который обладает течением. Особенно часто это касается любви человека к человеку.

*Сердце ее трепещет, посылая последние прощальные **волны любви*** [Сорокин, Лед, Электронный ресурс].

В этом примере любовь представляется в виде волн водного потока, которые могут уходить, откатываться, показывая окончание самого чувства.

Но эти волны могут быть разными, например, когда любовь противопоставляется ненависти.

*Как бы две **волны-цунами сталкиваются**, сшибаются: одна волна – ненависть, другая – любовь* [Сорокин, День опричника, Электронный ресурс].

В данном примере рассматривается столкновение двух противоположных чувств как волн, когда одна волна – это любовь, а другая – ненависть. И если в природе волны цунами не способны столкнуться, то в сознании человека они сталкиваются, сбивая все на своем пути.

Но кроме любви человека к человеку, в русских текстах встретились примеры любви Бога к человеку.

*Трудно поверить, что кому-то может прийти в голову, будто это трехбуквенное слово [Бог] и есть **источник вечной любви** и милости, отблеск которых делает жизнь в этом мире отчасти возможной* [Пелевин, Чапаев и Пустота, Электронный ресурс].

Согласно примеру, концептуальная метафора «любовь» для подчеркивания любви Бога соотносится с источником потока любви и милости. Но этот пример также интересен тем, что исследуемая концептуальная метафора базируется не только на сравнении с водоемом, но и со светом (отблеск которых делает жизнь в этом мире отчасти возможной).

Кроме любви человека к человеку и Божественной любви, в русских текстах встретились и репрезентация любви в философском значении.

*Я называю его условной **рекой абсолютной любви*** [Пелевин, Чапаев и Пустота, Электронный ресурс].

Как показывает пример, концептуальная метафора философской любви базируется на условном сравнении с рекой, когда говорят об абсолютной любви.

Проанализируем еще один пример.

*В такие мгновенья Роман забывал про все, мысли покидали его, он целиком отдавался этим бездонным глазам, погружаясь в их светоносные глубины, **лучащиеся бесконечным светом любви...*** [Сорокин, Роман, Электронный ресурс].

В вышеуказанном примере любовь сопоставима со светом, заключенным во взгляде влюбленного человека.

Наряду с разобранными случаями в русских текстах встретились репрезентация концептуальной метафоры любви как материальной ценности. Как и материальная ценность, любовь имеет свою стоимость.

*Нет в нашем мире ничего **дороже беспорочной отеческой любви** к малым мира сего!* [Сорокин, Роман, Электронный ресурс].

Как демонстрирует пример, концептуальная метафора «любовь» обладает как материальная ценность высокой стоимостью.

Но встречаются и другие интерпретации любви.

*Одна у меня радость в жизни есть – **чужая любовь**. Ежели человеку своей не дано – он чужую питается. Или Божьей* [Сорокин, Теллургия, Электронный ресурс].

Согласно приведенному примеру, любовь как материальная ценность может принадлежать человеку и, обладая высокой значимостью, она способна дать питание человеку, продолжая его жизнь.

Кроме представленных выше случаев, в русских художественных текстах эпохи постмодернизма концептуальная метафора «любовь» может показать процесс появления любви, сравнивая ее с живым существом.

*Если **зарожденная в сердце любовь** была истинной, то после крика хвост на секунду перестанет создавать этот мир.* [Пелевин, Священная книга оборотня, Электронный ресурс].

Процесс зарождения любви считается возможным как процесс рождения живого существа.

Следовательно, в русских художественных текстах эпохи постмодернизма концептуальная метафора «любовь» создается за счет сравнения с огнем, светом,

болезнью, водоемом, материальной ценностью и живым существом.

Обратимся к сопоставительному анализу выявленных нами источников концептуальной метафоры в китайских и русских художественных текстах. Полученные результаты представлены в сводной таблице.

Таблица 1. Сводная таблица источников концептуальной метафоры «любовь» в китайских и русских художественных текстах

Источники концептуальной метафоры «любовь»	Китайские художественные тексты	Русские художественные тексты
Огонь	+	+
Свет	+	+
Болезнь	+	+
Водоем	+	+
Материальная ценность	+	+
Растение	+	-
Живое существо	-	+

Как показывает таблица, как в китайских, так и в русских художественных текстах эпохи постмодернизма источниками концептуальной метафоры «любовь» могут быть огонь, свет, водоем, болезнь и материальная ценность, хотя интерпретация каждого источника в сопоставляемых текстах обладает спецификой. В китайских текстах, в отличие от русских, источником может быть растение. А в русских текстах – живое существо. Однако стоит отметить, что большая часть областей-источников в китайском и русском языках пересекаются, что указывает на схожее восприятие такого чувства, как любовь, на уровне мышления и, как следствие, на языковом уровне.

Библиография

1. Бирюкова Е. В., Попова Л. Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3(53). С. 40-43.
2. Викулова Л. Г., Бирюкова Е. В., Попова Л. Г. Развитие сопоставительного языкознания в рамках научных школ России (на материале защит диссертационных исследований аспирантов, МГПУ, 2016-2022) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 1(49). С. 183-194.
3. Матова Ю. В. Лексикографические основы сопоставительного диахронического исследования метафорических значений имен существительных в русском и английском языках // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 203-208.
4. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография / Н. В. Барышников, А. Л. Бердичевский, Л. Г. Викулова [и др.]. – Москва: Неолит, 2017. 424 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. / Под ред. И с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Калашникова Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности: на материале художественных текстов : автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т.-Волгоград, 2006. 35 с.
7. Курдюмов В. А., Семёнова Л. А. Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 3(47). С. 90-98.

8. Девятова Н. М. Предметный мир сравнения // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2(46). С. 48-58.
9. Кондратова Т. И. Китайская драматургия: проблема традиций и новаторства // Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее: Сборник научных статей/ Институт иностранных языков ГАОУ ВО г. Москвы; Московский городской педагогический университет. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. С. 59-64.
10. Чжэн С. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 1(45). С. 58-69.
11. Авербух К. Я., Попова Л. Г., Шатилова Л. М. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире // Инновационное развитие науки и образования: монография / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 15-22.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Репрезентация источников концептуальной метафоры «любовь» в китайских и русских художественных текстах эпохи постмодернизма (сопоставительный аспект)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, а также ввиду того, что сопоставление языков в когнитивном аспекте является одним из перспективных направлений в современной лингвистике и обширной областью для проведения исследований.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии через призму лексики двух различных культур с учетом особенностей художественных текстов эпохи постмодернизма.

Исследование является сопоставительным, проведенном на материале двух языков. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Практическим материалом исследования послужили тексты современных китайских авторов: Мо Янь и Лю Цысинь, а среди современной русской прозы постмодернизма – произведения В. О. Пелевина и В. Г. Сорокина. Однако автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципы отбора именно данных современных писателей.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические выводы иллюстрированы языковыми примерами на китайском и русском языках.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлены научные

труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных ученых на языке оригинала, а тем более к работам на китайском языке, несомненно, внесли существенный вклад в теоретическую составляющую настоящего исследования. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, сравнительному изучению русской и китайской культур, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Репрезентация источников концептуальной метафоры «любовь» в китайских и русских художественных текстах эпохи постмодернизма (сопоставительный аспект)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Computational creativity of neural network Midjourney in a polymodal space

Zhikulina Christina Petrovna

Postgraduate, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6, department, Mklukho-Maklaya, 12

✉ christina.zhikulina@gmail.com

Kostromina Viktoriya Vladimirovna

Master's Degree; Department of General and Russian Linguistics; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

10 Mklukho-Maklaya str., building 2, Moscow, 117198, Russia

✉ kostromina_w@pfur.ru

Abstract. This article deals with the polymodal space in the field of computational creativity in neural networks. The object of research is a polymodal environment that integrates a series of heterogeneous codes to express a common idea, and the subject is the possibility of creating polymodal digital art using text and voice prompts in the generative network Midjourney. The aim of the study is to prove that computational creativity can be detected and described based on the results of iterations in the process of creating images, which in turn will allow us to talk about a complex polymodal system as a separate digital category of polymodality.

We used the continuous sampling method when collecting linguistic units as they occur in the analysis process; contextual analysis for the systematic identification and description of the verbal and non-verbal contexts. It was necessary to conduct an experiment with the generative network Midjourney to identify patterns in the creation of a graphic space through text and voice data input, and then compare and contrast the results of iterations with the original image.

The scientific novelty consists in the lack of research on the polymodal space in the context of neural networks and their generative ability. During the experiment, we obtained the following results: the term 'polymodality' in the context of the generative network Midjourney and its 'digital art' is due to the presence of three channels: verbal, visual and voice; tests have shown that the ability of the neural network to create images through prompt is at a high level, however, there are rough technical errors that do not allow users to fully approach the desired result when they generate an image; the summarization of the data allows us to talk about the presence of features of computational creativity in generative networks.

Keywords: Midjourney, neural network, transformational creativity, computational creativity, artificial intelligence, polymodal space, polymodal text, iteration, prompt, summarization

References (transliterated)

1. Belova S.S. Tvorchestvo: psikhologicheskie i komp'yuternye modeli / Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2008. T. 5, №4. S. 112-119.
2. Guseva A.P. Semioticheski geterogennyi khudozhestvennyi tekst kak sodержatel'no

- oslozhnennaya kommunikatsiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. №18 (816). S. 98-109.
3. Evgrafova Yu.A. Lingvosemiotika ekrana: modelirovanie real'nosti v ekrannykh tekstakh (na materiale tekstov kino, televideniya i seti Internet) : diss. na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. (10.02.19). MGOU. – Moskva, 2020.
 4. Kolomiitseva O.Yu., Moskaleva A.N. Sposoby realizatsii kategorii polimodal'nosti v angloyazychnom instagram-diskurse. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka. 2021. №2. S. 115-125.
 5. Kolleksiya vkladyshei populyarnoi zhvachki 'Love is...'. Rezhim dostupa: <https://www.liveinternet.ru/users/zimuka/post354225218/> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
 6. Maksimenko O.I. Polikodovyi vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, no. 2, 2012, S. 93-102.
 7. Nechaeva O.A. Funktsional'no-smyslovye tipy rechi: (Opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie) : Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. (10.02.01) / Mosk. obl. ped. in-t im. N. K. Krupskoi. – Moskva: [b. i.], 1975.
 8. Novospasskaya N.V., Dugalich N.M. Terminosistema teorii polikodovykh tekstov // Rusistika. 2022. T. 20. No 3. S. 298-311. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>
 9. Polonskii A.V. Medialekt: yazyk v kontekste mediinoi kul'tury // Sovremennyyi diskurs-analiz. 2018. № 3 (20). T. 1. S. 189-199.
 10. Safaralieva L.A., Perfil'eva N.V. Modelirovanie mnogomernogo lingvokul'turnogo kontsepta na materiale kontsepta STAROST' // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023. T. 14. № 4. S. 1217-1234. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1217-1234>
 11. Sonin A.G. Eksperimental'noe issledovanie polikodovykh tekstov : osnovnye napravleniya // Voprosy yazykoznaniya. 2005. No 6. S. 115-123.
 12. Sotsial'nyi internet-servis, fotokhosting «Pinterest». Rezhim dostupa: <https://www.pinterest.ca/pin/2251868556772924/> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
 13. Stepanova I. V. (2013). Kreolizovannyi tekst kak sredstvo reprezentatsii kontsepta Love (na materiale komiksov Love is). Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 24 (315), S. 152-156.
 14. Telegram chat-bot 'ChatGPT | Midjourney | Claude | Suno AI – GPT4Telegrambot Inc.'. Imya pol'zovatelya: @GPT4Telegrambot (data obrashcheniya: 12.05.2024).
 15. Boden M.A. Creativity and artificial intelligence // Artificial Intelligence. 1998.103. Pp. 347-356.
 16. Boden M.A. Computer models of creativity // Handbook of Creativity. R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999. Pp. 351-372.
 17. Colton S. From Computational Creativity to Creative AI and Back Again. Interalia Magazine. 2019. Rezhim dostupa: <https://www.interaliamag.org/articles/simon-colton/> (data obrashcheniya: 04.05.2024).
 18. Colton S. & Wiggins, G. A. Computational creativity: The final frontier? In ECAI 2012-20th European Conference on Artificial Intelligence, 27-31 August 2012, Montpellier, France-Including Prestigious Applications of Artificial Intelligence (PAIS-2012) System Demonstration. Frontiers in Artificial Intelligence and Applications. Vol. 242. 2012. IOS Press. Pp. 21-26. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-098-7-21>

19. Pickover A. Clifford. Artificial Intelligence: An Illustrated History: From Medieval Robots to Neural Networks. Sterling Publishing Co., Inc. (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia), 2021.
20. Santini C. Kinttsugi: Finding Strength in Imperfection. Andrews McMeel Publishing LLC. 2019.

Analysis of values reflected in "People's Daily Online" from 2020 to 2022

Hao Xiaoxiao

Postgraduate student; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ haoxiaoxiao95@gmail.com

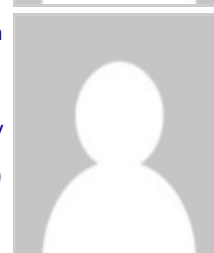
Labush Nikolai Sergeevich

Doctor of Politics

Professor; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Nab str., 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

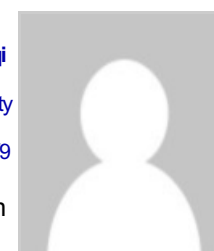

Wei Yuqi

Postgraduate student; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Nab str., 7/9

✉ weiyuqi990314@gmail.com

Abstract. In this study, the object is the official website "People's Daily Online," and the subject is the values represented in the materials published on this site from 2020 to 2022. When examining the values in "People's Daily Online," we identify the following key values from contemporary Chinese values: "patriotism" and "collectivism," which prioritize the interests of the state and the collective; the spirit of "selfless service"; "friendliness" as a combination of "respect, tolerance, accommodation, care, and mutual assistance"; "diligence and frugality" as family values; professional values based on "devotion to work" and aligned with the demands of the times (in this study, we use the term "people pursuing their dreams," proposed by President Xi Jinping, to denote professional values). Ideas that contradict these core values include "selfishness," "malice," "laziness," "greed," etc. The study of values and value conflicts in "People's Daily Online" (2020-2022) involved collecting and classifying materials, identifying keywords using Anaconda, conducting a quantitative analysis of term frequency and co-occurrence, as well as a qualitative analysis of articles to determine their value orientations. The scientific novelty of this study lies in a comprehensive analysis of values reflected in leading Chinese media, using the example of "People's Daily Online" from 2020 to 2022. The research holds significant political and social importance as it contributes to a deeper understanding of the value orientations of the Chinese government and its information dissemination strategies. It reveals the mechanisms through which media shape public opinion and social identity. From an academic perspective, the study enriches media and communication theory, especially in the context of its application outside the North

American environment. An international perspective can serve as a guide for other countries, helping them better understand and effectively address the challenges of information dissemination and value competition in the era of globalization. The findings of the study show that "People's Daily Online" actively fulfills the role of a leading media outlet in shaping a favorable ideological atmosphere within a socialist framework.

Keywords: Collectivism, Patriotism, Social values, Official media, Values, People's Daily Online, Hard work, Selfishness, Cultural dissemination, Mainstream media

References (transliterated)

1. Baryshkov V. P. Aksiologiya lichnostnogo bytiya. M.: Logos, 2005. S. 70-72.
2. Kagan M. S. Filosofskaya teoriya tsennostei. M.: Petropolis, 1997. S. 55.
3. Kulyutkin Yu. N., Bezdukhov V. P. Tsennostnye orientiry i kognitivnye struktury v deyatel'nosti uchitelya. Samara: Sam. GPU, 2002. S. 16.
4. Rubinshtein S. L. Problemy obshchei psikhologii. M.: Pedagogika, 1973. S. 369.
5. Sidorov V.A. Tsennostnoe osoznanie zhurnalistiki. M.: Petropolis, 2012. S. 39.
6. Li Deshun'. Novaya teoriya tsennostei. M.: China Youth Publishing Group, 1991. S. 368.
7. Lo Ichen. Naskol'ko daleko my ot vedushchikh novostnykh saitov? // Modern Communication. 2002. № 02. S. 102-104.
8. Sya Khun, Shen' Khuai. Integratsionnye media: novoe izmerenie v razvitii sredstv massovoi informatsii – interv'y u s glavnym redaktorom «Khuasi dusibao» Si Ven'tszyuem // News World. 2002. № 01. S. 3-5.
9. Chzhou Shenlin'. O vedushchikh SMI // News World. 2001. № 06. S. 11-12.

Edgar Allan Poe's journey to Russia: fiction and reality

Tetenova Mariia Aleksandrovna

Postgraduate student, The Higher School of Translation and Interpreting, Moscow State University

119234, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1, building 51

✉ tetenova.mariia@gmail.com

Abstract. This study highlights the history of E.A. Poe's work on the Russian literary scene, shedding light on the cultural, historical and editorial factors that determined its existence in Russia in the nineteenth century. In analysing the translations, we have resorted to the study of existing studies on the subject, archival materials of the Russian press, literary criticism etc. The aim of the study was to reconstruct the specific context and the specific conditions under which the work of Poe penetrated into Russia, which would also allow us to illustrate the key role of translators in the presentation of Poe on the Russian, French, and world literary scene. The subject of our study was the special conditions that determined the penetration of Poe's work in Russia. The object of the study was the biographies written by different people in different eras, as well as documents that influenced his image. The main method of the study was a comparative analysis of texts that tell about Poe's life and personality. The main result of the research is the reconstruction of the 'route', following which Poe's work came to Russia, as well as the identification of all the key persons, without whom Poe's work would have to wait for its time. The article also contributes to our

understanding of the historical and cultural context that determined the appearance of Poe on the Russian literary scene, as well as names the most important writers, researchers and translators who paved the way for Poe to come to Russia. Scientific novelty is provided by creating a synthesis of existing studies on this topic in Russian, French and English, which allows to make the most complete three-dimensional picture and chronology of the existence of Poe's work which also provides theoretical significance of the study.

Keywords: intercultural interaction, biography, Griswold, Sazonov, Charles Baudelaire, Edgar Allan Poe, translation, literary studies, reputation, translation studies

References (transliterated)

1. Po, Bodler, Dostoevskii: Blesk i nishcheta natsional'nogo geniya. / Pod red. S.L. Fokina i A.P. Urakovoi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 496 s.
2. Po, E.A. Polnoe sobranie rasskazov. Red. A.A. Elistratova. Nauka, Moskva, 1970.
3. Respublika slovesnosti. Frantsiya v mirovoi intellektual'noi kul'ture. / Pod. red. S.N. Zenkina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 528 s.
4. Shtakhel' K. Noveishaya poeziya vo Frantsii, v Italii i v Anglii // Otechestvennye zapiski. 1856. Fevral'; 2, 1-21.
5. Baudelaire C. Correspondance Générale / Ed. by Jacques Crépet, Paris, Conard, 1947.
6. Baudelaire C. Œuvres complètes (texte établi, présenté et annoté par Claude Pichois), Paris, Gallimard, coll. « Bibliothèque de la Pléiade », 1976.
7. Bayless, Joy. Rufus Wilmont Griswold, Poe's Literary Executor. Nashville, Tennessee: Vanderbilt University Press, 1943.
8. Campbell, Killis. The Mind of Poe and Other Studies. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1933.
9. Griswold, Rufus Wilmot. Death of Edgar Allan Poe. New York Tribune, October 9, 1849.
10. Guyaux, André. Baudelaire un demi siècle de lecture des fleurs du mal, SUP, 2007.
11. Meyers, Jeffrey. Edgar Allan Poe: His Life and Legacy. New York: Cooper Square Press, 1992. ISBN 0-8154-1038-7
12. Poe, Edgar Allan. Histoires Extraordinaires. Trad. De Charles Baudelaire. Paris: Michel Lévy Frères, Libraires-Editeurs, 1856.
13. Poe, Edgar Allan. Memorandum [Autobiographical Note], "manuscript, May 29, 1841.
14. Quinn, Arthur Hobson, Edgar Allan Poe: A Critical Biography. D. Appleton-Century Company Incorporated, New York, 1941.
15. Rodenbach, Georges. Reportage posthume : Charles Baudelaire », *Le Progrès*, 14 juillet 1887.
16. Wanner, Adrian. Baudelaire In Russia. University Press of Florida, 1996.

Features of building communication with international students using modern online media

115580, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6, room 524

▫ maxamaxa2000@yandex.ru

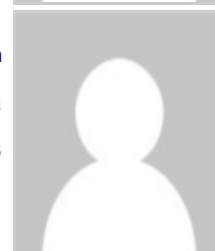

Turunov Denis Mihailovich

Student, Faculty of Mass Communications, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

11798, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

▫ turunov.denis@gmail.com

Smirnova Ekaterina Dmitrievna

Master's Degree, Department of Theory and History of Culture, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

11798, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

▫ ekaterinasd@outlook.com

Osipova Alena Andreevna

Master's Degree, Department of Theory and History of Culture, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

11798, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

▫ alenaosipova99@mail.ru

Korti Mariya

Master's Degree, Department of Mass Communications, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

11798, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

▫ maxamaxa2000@yandex.ru

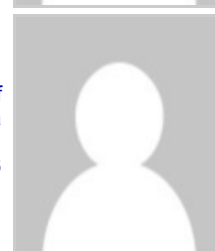

Chzhao Inin

Master's Degree, Department of Mass Communications, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

11798, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

▫ maxamaxa2000@yandex.ru

Klimova Elizaveta Anatol'evna

Master's Degree, Department of Mass Communications, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

11798, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

▫ klmvlzvt@gmail.com

Abstract. This article explores the influence of online media on the process of adaptation of foreign students in educational institutions. The study was carried out in relation to the Peoples' Friendship University of Russia and some other universities of the Russian Federation that actively use international educational and academic exchange. The authors analyze the

main barriers students face when transitioning to a new learning environment, such as cultural, linguistic and academic differences. The authors of the article discuss the role of online media in overcoming these barriers, emphasizing their importance in the process of exchanging information, developing communication skills in a foreign language, and creating trusting relationships. The contribution of online media to the integration of different cultures and traditions is considered, which contributes to the formation of cultural understanding, tolerance and respect for the diversity of worldviews in the educational environment. An analysis is made of how students use online resources to obtain additional information, develop relevant skills and deepen their knowledge, as well as an analysis of existing research on the topic of adaptation of foreign students and the role of online media in education. In addition, the article covers the following subtopics. Features of collecting data on the experience of foreign students and their use of online media. Conducting interviews with foreign students, teachers, and university administrations to obtain high-quality information about adaptation problems and the role of perception of Internet resources and their impact on the adaptation process.

The novelty of this study lies in the following characteristics of the work performed. Focuses were made on a specific university or region. The specifics of different groups of students were taken into account. The analysis was carried out taking into account how online media is used by students from different countries, with different language levels, different specialties, etc. The influence of specific types of online media was studied: for example, social networks, educational platforms, chatbots, specialized applications for international students. The analysis of the influence of online media was explicit on various aspects of adaptation through such sections as academic performance, psychological well-being, social integration, cultural adaptation and others. The project ends with a presentation of recommendations developed by the authors of the article on the use of online media to increase the effectiveness of adaptation of foreign students in other countries or universities around the world.

Keywords: cultural integration, inclusive educational environment, globalization, intercultural communication, adaptation, linguistic barriers, international students, social networks, online media, social communication

References (transliterated)

1. Shepel' V.M. Nastol'naya kniga biznesmena i menedzhera. Nastol'naya kniga biznesmena i menedzhera. – Moskva: Finansy i statistika, 1992. – 237 s.
2. Bykov A.Yu. Chto takoe kommunikatsiya // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 40. – S. 86-97.
3. Starodubtseva L.V. Rol' i mesto internet-kommunikatsii v sovremennoi zhizni / L.V. Starodubtseva, O.O. Shaposhnikova // Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya. – 2008. – № 7.
4. Mullen M. Space Bias/Time Bias: Harold Innis, «Empire and Communications» // Technology and Culture. – 2009. – T. 50. – № 1. – S. 175-186.
5. Bogdavnov D.M. Sotsial'nye funktsii Interneta: Sotsial'nye nauki // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2011. – T. 21. – № 1.
6. Hall E.T. Beyond Culture // New York: Doubleday, 1976 – 300 s.
7. Voevodina E. V., Tyurikov A. G., Sotsiokul'turnye bar'ery adaptatsii inostrannykh obuchayushchikhsya v usloviyakh rossiiskogo vysshego obrazovaniya // Narodonaselenie. – 2021. – T. 24. № 4. – S. 134-146.
8. Dmitrenko T.A. Sovremennye tekhnologii obucheniya inostrannomu yazyku v sisteme

vysshego obrazovaniya: ucheb. posobie. – Moskva: Infra-M, 2022. – 164 s. Me, RUDN University student [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://merudnuniversitystudent.tilda.ws> (data obrashcheniya: 19.04.2024).

9. OHANA // VKontakte URL: https://vk.com/vd_ohana (data obrashcheniya: 31.03.2024).

10. Me, RUDN University student [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://merudnuniversitystudent.tilda.ws> (data obrashcheniya: 19.04.2024).

Linguistic and extralinguistic specificity of Russian and English texts of ethical codes in the diachronic aspect

Mukhortova Irina Igorevna

PhD in Philology

Teacher of Highest Qualification Category, Boarding School for Girls of Ministry of Defense of Russian Federation

125284, Russia, Moscow region, Moscow, Polikarpova str., 21

✉ irene8181@mail.ru

Abstract. The subject of the study is linguistic, extralinguistic and linguoculturological features that determine the specifics of English and Russian-language texts of ethical codes of banks in a comparative aspect throughout the XXI century. To analyze the specifics of the texts of ethical codes of banks (based on the material of English and Russian languages), descriptive and comparative methods are used in the article. The methodological basis is determined by a systematic approach based on the principle of consistency of linguistic phenomena, system analysis, as well as descriptive, inductive-deductive and comparative methods. In accordance with the systematic approach, the interrelation of structural, genre-content, linguistic and cultural features of the texts of banking discourse on the material of English and Russian languages is actualized. The scientific novelty consists in a comprehensive study and a systematic description of the structural, genre-content, linguistic features of the texts of ethical codes of leading English-speaking and Russian-speaking banks. For the first time, the analysis of the specifics of the texts of the banking discourse in a comparative aspect was carried out, as well as the specific structural, genre, semantic features of ethical codes as a new artifact of modern textual culture, and their transformation during the XXI century against the background of the realities of reality, namely before the 2020 pandemic and after. Thus, based on the analysis performed, it can be argued that bank texts in both languages, due to the active digitalization of society, are characterized by identical key structural, genre-content and language features. Nevertheless, Russian-language texts have made a huge transformational leap in terms of digital content and can be distinguished by a large spread of semiotically complicated polycode systems and the presence of creolized texts.

Keywords: creolized texts, ethical codes of banks, language features, genre-content features, structural features, extralinguistic specific features, Linguistic specific features, diachronic aspect, english language texts, russian language texts

References (transliterated)

1. Biryukova, E.V., Mukhortova, I.I. Strukturnaya, zhanrovo-soderzhatel'naya i yazykovaya spetsifika tekstov tsentrobankov Rossiiskoi Federatsii, Soedinennogo Korolevstva Velikobritanii i Soedinennykh Shtatov Ameriki // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. № 9. S. 2979-2983.

2. Brozhenko, S.V. Strategiya differentsiatsii i yazykovye sredstva ee realizatsii v reklamnom diskurse: na materiale russko-i nemetskoyazychnoi bankovskoi reklamy diskurse [Tekst]: avtoref. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. – Chelyabinsk, 2011. – 23 s.
3. Kodeks korporativnogo upravleniya Banka VTB (PAO) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.vtb.ru/-/media/Files/aktsioneram-i-investoram/raskrytie-informatsii/ustav-i-vnutrennie-dokumenty/kodeks-korporativnogo-upravleniya-2022_rus.pdf, svobodnyi (data obrashcheniya: 08.07.23).
4. Kodeks korporativnoi etiki SberBanka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rspp.ru/document/1/a/b/ab28a778f83ec053dd1081f8d959b952.pdf>, svobodnyi (data obrashcheniya: 09.07.23).
5. Kodeks korporativnoi etiki i delovogo povedeniya Sber banka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.sberbank.com/ru/about/ethics>, svobodnyi (data obrashcheniya: 11.07.23).
6. Makhortova, T.Yu. Lingvopragmaticheskii potentsial PR-zhanra v prostranstve bankovskogo diskursa: na materiale nemetskoyazychnykh bankovskikh prospektov [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. – Volgograd, 2007. – 24 s.
7. Polyakova, E.S. Lingvopragmaticheskii potentsial eticheskikh kodeksov rossiiskikh bankov i kompanii: diss. ... kand. filol. nauk.-Belgorod, 2009. – 222 s.
8. Sternin, I. A. Kodeks korporativnoi etiki: kazhdoi kompanii – svoi kodeks [Elektronnyi resurs] / I. A. Sternin, N. F. Panferova. – Rezhim dostupa: <http://www.incorpore.ru/ru/materials/our/korp/material30.html>, svobodnyi (data obrashcheniya: 08.07.23).
9. Eticheskii kodeks Banka VTB [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://media.rspp.ru/document/1/d/6/d6581f8ed6f7ce6cfc732865478781e2.pdf>, svobodnyi (data obrashcheniya: 11.07.23).
10. Code of Conduct and Code of Ethics for Finance Professionals. JPMorgan Chase and Co. Logo [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.jpmorganchase.com/corporate/About-JPMC/ab-code-of-ethics.htm>, svobodnyi. – (data obrashcheniya: 10.07.23).
11. Code of Ethics. Bank of America. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.banktrack.org/download/code_of_ethics_20/190318code_of_ethics_dec2013.pdf, svobodnyi. – (data obrashcheniya: 09.07.23).
12. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002-272 p.
13. Employee Code of Conduct & Business Ethics. The Premier Bank Limited [Elektronnyi resurs]. URL: <https://premierbankltd.com/pbl/wp-content/uploads/2014/07/Code-of-Conduct-Updated-PDF-Approved.pdf>, svobodnyi (data obrashcheniya: 13.07.2023).
14. U.S. Bank Code of Ethics Handbook [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.usbank.com/dam/documents/pdf/coe/coeHandbook.pdf>, svobodnyi (data obrashcheniya: 08.07.2023)

The semantic potential of the concept "faith" in Maxim Gorky's novel "Foma Gordeev"

Karakhian Narine Joraevna

Assistant Department of English for Humanities, National Research Lobachevsky State University of Nizhny

Novgorod

603074, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Burnakovskaya str., 95, sq. 120

✉ narine.80@list.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the semantic potential of the concept "faith", to show its role in the disclosure of the ideological and philosophical layer of the story, in the system of characters. The subject of the research is the analysis of the functions of the concept "faith" and the ways of its actualization in the first major work of M. Gorky's novella "Thomas Gordeev". The main form of realization of the concept is the monologues of the heroes addressed to the main character in order to inspire their own idea of faith, as well as in his internal monologues and dialogues with opponents. The prospects for the study of the concept of "faith" are connected with the analysis of its functions in other genre forms created by the writer, which allows us to trace the evolution of the artist's worldview. The scientific novelty lies in the proof of the position that the concept of "faith" in the plot of the story expands the peripheral spectrum of meanings revealed in the process of educational monologues of characters addressed to the main character, his internal monologues and dialogues with opponents. The expansion of the peripheral zone of the concept occurs in its speech representation: the use of the concept under consideration by the actors allows us to judge the character of the hero, the moral atmosphere of the era. The result of the study showed that the use of typological, historical and functional methods, conceptual analysis allowed us to determine the associative space of actualization of semantic units characterizing the concept of "faith". The results obtained can be used in the course "History of Russian literature of the XX century", in special courses on Gorky's work.

Keywords: the associative background, the dialogue, the monologue, the periphery of the concept, the connotation, the system of characters, the concept of the faith, the structure of the narrative, Foma Gordeev, Gorky

References (transliterated)

1. Balika D.A. Gor'kii nad stranitsami filosofskikh knig (Po neizdannym materialam) // Novyi mir. 1938. № 8. S. 253-261.
2. Basinskii P. Rannii Gor'kii i Nitsshe. Gor'kii – khudozhnik i revolyutsiya. Gor'kovskie chteniya-1990. Vyp. 2. Novgorod: Izd-vo NGU, 1992. S. 20-26.
3. Barakhov V.S. Kontseptsiya cheloveka u rannego Gor'kogo: «Foma Gordeev». Maksim Gor'kii i XX vek: Gor'kovskie chteniya. 1997 god: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii: Izd-vo Nizhegorod. un-ta, 1998. C. 25-32.
4. Zaika S.V. Gor'kii i Nitsshe // Maksim Gor'kii segodnya. Gor'kovskie chteniya-1995. N. Novgorod, 1996. S. 42.
5. Gavrilova A.S. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka. 50000 slov. M.: «Adelant», 2014. – 800s.
6. Gor'kii A.M. Polnoe sobranie sochinenii: Varianty k khudozhestvennym proizvedeniyam. M.: Nauka, 1974 T. 1: Varianty k tomam I-V. 1885-1907. – 638 s.
7. Gor'kii A.M. Polnoe sobranie sochinenii: Khudozhestvennye proizvedeniya. V 25 t. T.4. M.: IMLI RAN, 1968. – 638 s.
8. Gor'kii A.M. Polnoe sobranie sochinenii. V 30 t. T.15. Rasskazy, ocherki, zametki 1921-

1924. M.: Goslitizdat, 1953. – 431 s.
9. Gor'kii A.M. Polnoe sobranie sochinenii: Stat'i, doklady, rechi, privetstviya. 1933-1936. V 30 t. T.27. M.: Goslitizdat, 1953. – 590 s.
10. Gor'kii M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. T.1, M.: Nauka. 1997. – 695 s.
11. Gor'kii A.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. T. 23. M.: GIKhL, 1953. – 463 c.
12. Zakharova, V. T. Nizhegorodskii period v zhizni i tvorchestve M. Gor'kogo: puti stanovleniya khudozhestvennogo soznaniya / V. T. Zakharova, M. G. Urtmintseva // Novyi filologicheskii vestnik. – 2018. – № 2(45). – S. 138-153.
13. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izv. AN. Seriya literatury i yazyka. T. 52. № 1. 1993. S. 3-9.
14. Pigin A.V. Povest' o khristovom krestnike – maloizuchennoe proizvedenie XVII v. // Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (9-13 sentyabrya 2019 goda. Moskva, Rossiya). Prilozhenie k zhurnalu Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. M.: Indrik, 2019. C. 156-157.
15. Popichenko E. Moi vtorye roditeli. Beseda s protoiereem Evgeniem Popichenko o krestnykh roditelyakh. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://pravoslavie.ru/authors/1562.htm>. Data obrashcheniya brashcheniya: 26.06.2023.
16. Smirnova L.N. L.N. Primechaniya k povesti M.Gor'kogo «Foma Gordeev». Polnoe sobranie sochinenii: Khudozhestvennye proizvedeniya. V 25 t. T.4. M.: IMLI RAN, 1968. S. 585-631.
17. Spiridonova, L. A. Glava 15. Tvorchestvo Gor'kogo v kontekste Serebryanogo veka / L. A. Spiridonova // M. Gor'kii-myslitel', khudozhnik, chelovek. – Moskva: Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2022. – S. 254-284.
18. Spiridonova, L. A. M. Gor'kii-myslitel', khudozhnik, chelovek / L. A. Spiridonova. – Moskva: Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2022. 432 s.
19. Tolkovyi slovar' Dal'ya. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=2811>. Data obrashcheniya: 23.06.2023.
20. Urtmintseva, M. G. Avtobiograficheskoe nachalo v khudozhestvennoi strukture proizvedenii M. Gor'kogo 1890-kh-1900-kh godov / M. G. Urtmintseva // Acta Eruditorum. – 2018. – № 27. S. 90-95.
21. Farber L. M. A. M. Gor'kii v Nizhnem Novgorode. Ocherk zhizni i tvorchestva. 1889-1904. 2-e izd., pererab. i dop. Gor'kii, Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo, 1968, 248 s.
22. Chizhenko A. Kogda nuzhno chitat' molitvu «Da voskresnet Bog...»? [Elektronnyi resurs]. URL: <https://pravoslavie.ru/103361.html>. Data obrashcheniya: 23.06.2023.

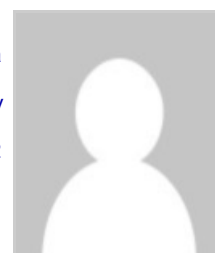
The multimodality of Chinese folklore images

Nemkina Nikol Igorevna

Postgraduate student, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University

109125, Russia, Moscow, Saratovskaya str., 22

✉ nikol.nemkina@mail.ru

Abstract. This scientific article examines the phenomenon of multimodality based on the material of Chinese folklore images. The object of the research is the images of fictional

characters of Chinese folklore works, and the subject is the analysis of images of Chinese folklore works in their multimodal expression in modern adaptations. The purpose of the study is to show how modern discursive practices, characterized by a high degree of multimodality, affect the development of the concept of the image of a folklore work in the recipient's mind. The tasks that were solved within the framework of this study: 1) description of the phenomenon of multimodality in the context of modern multimedia technologies; 2) analysis of image concepts in mobile game, cartoons and TV show; 3) assessment of the influence of multimodality on the peculiarities of the development of image concepts and their perception in the recipient's mind. The methods used are the continuous sampling method for collecting the analyzed material, as well as methods of semantic, contextual and conceptual analysis. The scientific novelty of the work is due to the fact that for the first time are studied the various images of Chinese folklore works in their modern interpretation. As a result of a comprehensive analysis, the following conclusions were drawn: multimodality affects the degree of perception of an image in the recipient's mind in different ways, on the one hand, it leads to a simplification of the understanding of meanings, on the other hand, to a complication of systems for creating these meanings. One of the manifestations of this complication is the existence of a high degree of intertextuality, which can undermine perception of fictional characters, lead to the false assumption of some characters for others. The desire to get closer to the preferences of the modern viewer leads both to a slight difference in the basic features of the concepts, and to their complete opposite, which also affects the process of perception of the image. Nevertheless, despite the significant degree of adaptation of images that cause different user assessments, the social and cultural-historical processes of a dynamically changing world require compliance with the conditions of functioning of modern discursive practices.

Keywords: image perception, multimedia, degree of transformation, fictional hero, Chinese folklore images, adaptation, conceptual core, concept, multimodality, discourse

References (transliterated)

1. Manerko L.A., Paponova V.V. Soderzhanie kontsepta skazochного geroya v russkom i angloyazychnom fol'klore. Materialy nauchnoi konferentsii, 28 yanvarya, Moskva: MGLU, 2003, 38-48.
2. Iriskhanova O.K. Semiotika plakata v sotsiokognitivnom osveshchenii: leiboristy, kapitalisty i uglerodnye sledy. Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaniya. Moskva: MAK Press, 2012, 313-333.
3. Omel'yanenko V.A. Polikodovye teksty v aspekte teorii mul'timodal'nosti. Kommunikativnye issledovaniya. – 2018. – № 3 (17). – S. 66-78.
4. Manerko L.A. Tendentsii vizualizatsii kontseptual'no-smyslovogo prostranstva v angloyazychnom akademicheskome diskurse. Materialy XII Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistike, 30 maya – 1 iyunya, Moskva: FLINTA, 2024, 549-553.
5. Sharapkova A.A. Evolyutsiya mifa o korole Arture i osobennosti ego yazykovoi reprezentatsii v angloyazychnom kul'turno-istoricheskom prostranstve (XV-XXI vv.). Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk. (10.02.04). MGU. – Moskva, 2015.
6. Novodranova V.F., Motro Yu.B. Semanticheskie modifikatsii termina v meditsinskom diskurse // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. 2011. № 33 (248). S. 101-104.
7. 百度百科 (Entsiklopediya Baidu). Rezhim dostupa: <https://www.baidu.com/> (data obrashcheniya: 01.06.2024).

8. Dzen. Nepopulyarnyi kontent. O mul'tfil'me «Belaya Zmeya». Rezhim dostupa: <https://dzen.ru/a/YKwJwucWmgiBPIB4> (data obrashcheniya: 02.06.2024).
9. Ekman P. Universals and Cultural Differences in the Facial Expressions of Emotions, edited by J. Cole. – University of Nebraska Press, 1971.
10. Iriskhanova O., Cienki A. Aspectuality across languages: Event construal in speech and gesture. Amsterdam: John Benjamins, 2018. 221 p.

Recurrent grammatical errors in student Russian-to-English consecutive interpreting

Lekomtseva Irina Alekseevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of English Philology and Translation, St Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Nab., 11

✉ rainbow5@mail.ru

Vyunova Ekaterina Kirillovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of English Philology and Translation, St Petersburg State University

199034, Russia, St Petersburg, Universitetskaya Nab., 11

✉ kate_vyunova@list.ru

Abdulmanova Adelya Khamitovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of English Philology and Translation, St Petersburg State University

199034, Russia, St Petersburg, Universitetskaya Nab., 11

✉ aahvsp@mail.ru

Abstract. Interpreting student errors have little been accorded full-scale treatment. The objective of the article is, then, to provide a classification of and explain some of the most recurrent grammatical errors made by students in Russian-to-English consecutive interpreting. Our findings suggest that all grammatical errors in student consecutive interpreting fall into four groups: errors in the use of articles; errors in the use of tenses; errors in the use of voice; and errors in the use of number. Among the key sources of grammatical errors in consecutive interpreting are inadequate linguistic competence and performance, i.e. tendency to transfer grammatical patterns specific to a native language into a foreign language, unpredictable syntax, quick speech motor actions; and psychological and cognitive factors, i.e. principles of analogy, severe time constraints. Error analysis in student consecutive interpreting can make a positive contribution into the practice of training interpreters as it reveals the problem triggers. Additionally, inquiries in error analysis can make valuable contributions in a linguistic typology of interpreting errors in typologically and structurally different languages, i.e. language-specific and language-pair specific errors.

Keywords: teaching consecutive interpreting, grammatical aspect, developing a skill of interpreting, erratology, typology of grammatical errors, consecutive interpreting, sources of errors, theory of interpreting, error analysis, interpreting errors

References (transliterated)

1. Badea M., Presada D. The effectiveness of error analysis in translation classes. A pilot study // *Porta Linguarum*. 22. 2014. Pp. 49-59.
2. Baker M. *In other words: a coursebook on translation*. London: Routledge. 2018.
3. Bell R. *Translation and translating: theory and practice (applied linguistics and language study)*. London: Routledge. 1992.
4. Brenda N., Laurie S. *Advances in interpreting research: inquiry in action*. Amsterdam: John Benjamin Publishing House. 2011.
5. Chang C. English language needs of Chinese/English interpreting students: an error analysis of the Chinese-to-English short consecutive interpreting test // *English teaching & learning*. 42. 2018. Pp. 207-225.
6. Corder, S. P. The significance of learners' errors // *International review of applied linguistics*. 5 (1-4). 1967. Pp. 160-170.
7. Corder, S. P. *Error and an interlanguage*. London: Oxford University Press. 1981.
8. Eva N.S. Ng, Ineke H.M. Crezee. *Interpreting in legal and healthcare settings. Perspectives on research and training*. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company. 2020.
9. Gile D. Errors, omissions and infelicities in broadcast interpreting // *Methods and strategies in process research integrative approaches in translation studies*. Amsterdam: John Benjamins Publishing House. 2011. Pp. 201-218.
10. Gile D. The contributions of cognitive psychology and psycholinguistics to conference interpreting // *A critical analysis. Psycholinguistic and cognitive inquiries into translation and interpreting*. Amsterdam: John Benjamins Publishing House. 2015. Pp. 41-64.
11. House J. *Translation quality assessment: past and present*. London: Routledge. 2014.
12. Kalina, S. Quality in interpreting // *Handbook of translation studies*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. Vol. 3. 2012. Pp. 134-140.
13. Leech G., Jan S. *A communicative grammar of English*. London: Routledge. 2002.
14. Prativi R. S. Common errors and problems encountered by students English to Indonesian consecutive interpreting // *Journal of English and education*. Bandung: Indonesia University of Education. 2016. 4(1). Pp. 127-146.
15. Pym A. *Translation error analysis and the interface with language teaching // The teaching of translation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 1992. Pp. 279-288.
16. Rong L. Che A. A. G., Lay H. A., Muhammad A. R. A. Error types in consecutive interpreting among student interpreters between Chinese and English: a pilot study // *Proceeding of the 7th Malaysia International Conference on Foreign Languages (MICFL2021)*. IR 4.0 in Foreign Language Studies. 4-5 October 2021, Universiti Putra Malaysia, Serdang, Selangor, Malaysia, compiled by Hazlina Abdul Halim, Lay Hoon Ang, Serdang, Selangor: Universiti Putra Malaysia 2021. Pp. 267-275.
17. Sasaki A. Identifying the language skill of consecutive interpreters. Towards the development of recommendations on language choices in interpreters' notes // *International journal of language, translation and intercultural communication*, 2018. 7. Pp. 33-44.
18. Selinker, L. *Interlanguage. Product information // International review of applied linguistics in language teaching*, 1972. 10. Pp. 209-241.
19. Zalevskaya A.A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy*.

M.: Gnosis. 2005.

20. Fedorov A.V. Osnovy obshchei teorii perevoda. Lingvisticheskie problemy. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2002.

The Phenomenon of "the Other" in the context of the American Dream in American Proletarian Literature and Left-Wing Political Discourse of the 1920s and 30s

Albulanee Alwan Hassan

Doctor of Philology

Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1042218123@pfur.ru

Abstract. The global crisis caused by the COVID-19 pandemic generated serious social upheavals, intensified the politicization of the literary process and awakens literary discourse, highlighting the "enduring reality" of national identity and social class. The proletarian literature of the USA of the 1920s and 30s and the left-wing political discourse of this period echoing it are a vivid example of understanding these issues in American society and in the life of the common man. This article aims to analyze and summarize the most fundamental aspects of American proletarian literature, as a phenomenon of the 1920s and 30s, and left-wing political discourse, shedding light on the relationship between two phenomena directly related to American identity – the "Other" and the "American Dream". The themes of identity and otherness in American history and literature of this period were critically analyzed using the example of historical documents, literary texts and theoretical studies. The novelty of the study lies in its synthesizing nature; the important aspects and patterns have been identified that combine a body of sources of various scales on the topic of the American Dream and the concept of the Other, relating to individuals or groups who are excluded from the idealized vision of success due to the existence of systemic obstacles to access to the same opportunities and results that the mainstream or dominant culture possesses. The results of the study open the way for further literary studies of the broader socio-political contexts that shaped the production and perception of proletarian literature, and their significance for the modern understanding of American society and the social challenges that it faces.

Keywords: Alienation, Mainstream, the Other, Identity, American Dream, Political Discourse, American Novel, Proletarian Literature, Comparative Research, Marginalization

References (transliterated)

1. Alizadeh H., Sharifi A., Damanbagh S. et al. Impacts of the COVID-19 pandemic on the social sphere and lessons for crisis management: a literature review // Nat Hazards. – 2023. – Vol. 117. – pp. 2139-2164.
2. Merriam-Webster Dictionary. 2020 // Merriam-Webster Incorporated. URL: <https://www.merriam-webster.com>.
3. Abizadeh A. Does collective identity presuppose an other? On the alleged incoherence of global solidarity // American political science review. – 2005. – Vol. 99. – № 1. – pp. 45-60.
4. Wearing M. Preface / M. Wearing (Ed), Social Identity. New York: Nova Science

- Publishers, 2011. – 219 p.
5. Peiman A. B., Bahman Z. The formation of a hybrid identity in Tsitsi Dangarembga's *Nervous Conditions* // *African Journal of History and Culture*. – 2012. – Vol. 4 (3). – pp. 27-36.
 6. DeVoto B. *DeVoto's West: History, Conservation, and the Public Good* / E. K. Muller (eds). Ohio University Press, 2005. – 312 p.
 7. Oxford English Dictionary. 2024 // Oxford University Press. URL: https://www.oed.com/dictionary/american-dream_n?tl=true
 8. Pells R. H. *Radical Visions and American Dream: Culture and Social Thought in the Depression Years*. University of Illinois Press, 2004. – 448 p.
 9. Cullen J. *Born in the U.S.A.: Bruce Springsteen and the American Tradition*. New York: HarperCollins, 1997. – 272 p.
 10. Martin J. *Identity* / A. Jackson, P. Jackson, D. Sibley, N. Washbourne (eds), *Cultural Geograph: A Critical Dictionary of Key Concepts*. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2005. – pp. 97-102.
 11. Greenblatt S. *Marvelous Possessions: The Wonder of the New World*. New York: Oxford University Press, 1991. – 202 p.
 12. Pappas G. *The Magic City: Unemployment in a Working-Class Community*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. – 232 p.
 13. Mohrem B. Examining the Concept of the «Other» According to Edward W. Said // *International Journal Online of Humanities*. – 2020. – Vol. 6 (2). – pp. 1-14.
 14. Loomba A. *Colonialism/Postcolonialism*. Third edition. London: Routledge, 2015. – 312 p.
 15. Bhabha H. K. *Remembering Fanon: Self, Psyche and the Colonial Condition* / P. Williams and L. Chrisman (eds), *Colonial Discourse and Postcolonial Theory*, London: Routledge, 1994. – pp. 112-123.
 16. Said E. W. *Orientalism*. Penguin, 2003. – 396 p.
 17. Algren N. *A Son of America*. Paris: Editions 10/18, 2000. – pp. 21-30.
 18. Gold M. *The Mike Gold Reader; from the writings of Michael Gold*. New York: International Publishers, 1954. – 188 p.
 19. George A., Selzer J. What Happened at the First American Writers' Congress? Kenneth Burke's «Revolutionary Symbolism in America» // *Rhetoric Society Quarterly*. – 2003. – Vol. 33. – No. 2. – pp. 47-66.
 20. Freeman J. *Introduction* / G. Hicks, J. North, M. Gold, P. Peters, I. Schneider, A. Calmer (Eds). *Proletarian Literature in the United States*. New York: International Publishers, 1935. – pp. 9-28.
 21. Swados H. *The American Writer and the Great Depression*. Indianapolis, IN: Bobbs-Merrill, 1966. – 521 p.
 22. Gold M. *Towards Proletarian Art* // *The Liberator*. – 1921. – Vol. 4. – pp. 20-24.
 23. Schrager A. L. *The Syntax of Class: Writing Inequality in 19th century America*. Princeton: Princeton University Press, 2003. – 168 p.
 24. Foster W. Z. *Toward Soviet America*. New York: International Publishers, 1932. – 87 p.
 25. Warren G. H. *National Ideals and Policies* // *The Protectionist*. – 1920. – pp. 71-81. URL: <http://millercenter.org/president/harding/speeches/readjustment>
 26. Aaron D. *Writers on the Left: Episodes in American Literary Communism*. New York: Columbia University Press, 1992. – 494 p.
 27. Watson B. *Sacco & Vanzetti: The Men, the Murders, and the Judgment of Mankind*.

New York: Viking, 2007. – 433 p.

28. Stalin J. Stalin's Speeches on the American Communist Party. New York: Central Committee, Communist Party USA, 1931. – pp. 1-39.
29. Fried A. Communism in America. A History in Documents. New York: Columbia University Press, 1997. – 435 p.
30. Gold M. Thornton Wilder: Prophet of the Genteel Christ // The New Republic, LXIV, 1954. – 266 p.
31. Browder E. What is Communism. New York, Workers' Library, 1936. – 254 p.
32. Theodore D. What is Americanism? A Symposium on Marxism and the American Tradition // Partisan Review. – 1936. – Vol. 3. – No. 3. – pp. 4-14.
33. Weatherwax C. Marching! Marching! New York: The John Day Company, 1935. – 256 p.
34. Gold M. Jews Without Money. New York: Carroll and Graf, 1996. – 320 p.
35. Dos Passos J. The Big Money. New York: Houghton Mifflin, 2000. – 448 p.

Features of the manifestation of the carnival principle in N.V. Gogol's novella "Nevsky Prospekt"

Fang Xiaoran

PhD in Philology

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ jm.fang@foxmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of the phenomenon of carnivalization in N.V. Gogol's novella "Nevsky Prospekt". The paper analyzes the key manifestations of carnivalization in the story, such as the creation of a game atmosphere, blurring the boundaries between the real and the fantastic, the metamorphoses of the characters, the use of the grotesque and the combination of the comic with the tragic. Special attention is paid to the image of Nevsky Prospekt as a carnivalized space where various social strata, masks and roles are mixed. The article also examines the parallel storylines of Lieutenant Pirogov and the artist Piskarev. The study demonstrates how Gogol masterfully uses elements of carnivalization to create a multifaceted and ambivalent picture of life in which the high and the low, the tragic and the comic combine and interact with each other. Along with general scientific methods of analysis, synthesis and generalization, descriptive and comparative methods are used in the work. The scientific novelty of this work lies in the consideration of the death scene of the protagonist of the story by the artist Piskarev, in the aspect of the theory of carnival. According to the results of the study, it was found that in the story "Nevsky Prospekt" the key features of carnivalization are vividly manifested: the creation of a playful, festive atmosphere in a specific space of Nevsky Prospekt; the erasure of hierarchical and social differences between the characters; the intertwining of the illusory and real worlds; the use of grotesque images and the combination of the ridiculous with the tragic. Special attention is paid to the analysis of Piskarev's suicide scene, which is considered as the culmination of a carnival action, where the tragic event acquires an ambivalent character and becomes a kind of symbol of the collapse of the romantic illusions of the hero. Carnival imagery allows Gogol to convey his own vision of St. Petersburg as a city of contrasts, where the high borders on the low, and beauty turns into vulgarity. Thus, the study makes a significant contribution to understanding the role of carnivalization in the artistic world of the

story "Nevsky Prospekt" and expands the understanding of the creative method of N.V. Gogol.

Keywords: ambivalence, metamorphosis, laughter, image, carnivalization, Gogol, Nevsky Prospekt, carnival grotesque, comic, tragic

References (transliterated)

1. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennessansa. 2-e izd. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 s.
2. Barinova K.V. Osobennosti proyavleniya i transformatsiya karnaval'nogo nachala v p'ese Nikolaya Erdmana «Samoubitsa» // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Tomsk, 2009. № 319. S. 7–10.
3. Belinskii V.G. Sobranie sochinenii: V 9 t. T. 1. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. 736 s.
4. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. T. 3: Povesti. M.: Kiev: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, 2009. 688 s.
5. Gukovskii G.A. Realizm Gogolya. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1959. 532 s.
6. Zav'yalova I.A. «Peterburgskie povesti» N.V. Gogolya: grotesk v izobrazhenii «Strannogo goroda» // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Samara. 2012. № 2(3). S. 727–731.
7. Karataeva S.V. «Nevskii prospekt»: poetika telesnosti // Vestnik Altaiskoi gosudarstvennoi pedagogicheskoi akademii. Barnaul. 2009. № 9. S. 108–117.
8. Mann Yu.V. Poetika Gogolya. Variatsii k teme. M.: Izd-vo «Coda», 1996. 474 s.
9. Nechaenko D.A. O sovremennoi traktovke snovidenii khudozhnika Piskareva v povesti N.V. Gogolya «Nevskii prospekt». [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1499/> (data obrashcheniya 24.05.2006).
10. Solov'eva A.D. Ambivalentnost' mecht v povesti N.V. Gogolya «Nevskii prospekt» // Palimpsest: literaturovedcheskii zhurnal. Nizhnii Novgorod. 2022. № 3(15). S. 15–24.
11. Fukson L.Yu. Simvolicheskii i tsennostnyi aspekty interpretatsii literaturnogo proizvedeniya (povest' Gogolya «Nevskii prospekt») // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. M.: 1997. T. 56. № 5. S. 22–29.
12. Shatova I.N. O karnaval'noi prirode rannei prozy K. Vaginova // Mova i kul'tura. Kiev. 2009. Vyp. 11. T. 11. S. 258–265.

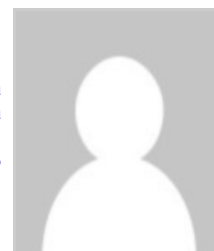
The study of female images in modern Chinese literary works

Wang Fan'

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 3

✉ FanWangz_nefuer@163.com

Galai Karina Nazirovna

Doctor of Philology

Associate Professor, People's Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str. 6, 3

✉ FanWangz_nefuer@163.com

Abstract. This article is a study of female images in modern Chinese literary works. The author analyzes the evolution of representations of women in modern Chinese literature and their important role in the democratization of society. Through an examination of the works of authors such as Lu Xun, Lao She, Chen Zhongshi, Yu Hua and others, the article reveals diverse aspects of women's experiences, including social injustice, discrimination and exploitation. In addition, the author highlights the influence of literature in shaping public opinion about the role and rights of women, and discusses possible paths towards creating a more equal and inclusive society in the future. The subjects of the study are the works of modern Chinese writers and the female images of these literary works. The main research materials are the modern Chinese literary works of various genres and movements, including novels, short stories, poems and essays. Research methods – analysis of literary sources on the research topic, comparative analysis, content analysis, interpretation of texts, historical method. The purpose of the study is to analyze and evaluate ideas about female characters in modern Chinese literary works, taking into account their influence on the processes of democratization of society.

The scientific novelty of this study lies in the fact that it represents an initial research look at female images in modern Chinese literature and their influence on the processes of democratization of society. The work is based on the analysis of contemporary literary works and includes the study of various aspects of women's experience in the context of Chinese culture and society. As a result of the study, new trends and patterns in the representation of female characters will be identified, as well as new approaches to understanding and solving the problems of gender inequality and social discrimination in Chinese society will be formulated.

Keywords: Political changes, Women's emancipation, Social justice, Literary analysis, Modern Chinese society, Gender inequality, Democratization societies, Chinese literature, Women's images, Inclusive society

References (transliterated)

1. Chzhu Ch., «Rassmatrivaya obraz krest'yanok v proizvedeniyakh pisatelya Lao She s tochki zreniya Khun'yu, Severo-vostochnyi pedagogicheskii universitet, kitaiskaya literatura, 2007.
2. Gao M., Perepletenie obrazov «angela» i «soblaznitel'nitsy»-Analiz obraza Tyan' Syaoe v ramkakh patriarkhal'noi diskursivnoi sistemy «Ravniny Belogo Olenya», Pekinskii universitet nauki i tekhnologii, Sravnitel'nye issledovaniya kul'tury Innovatsii. 2019, 3 (15), 59-60
3. Li S., Novoe issledovanie zhenskogo obraza Tyan' Syaoe v «Ravnine Belogo Olenya», Shkola svobodnykh iskusstv, Universitet Yan'an', Otsenka shedevrov, 2018, (27).
4. Ke Kun'lyan. Kratkii analiz tragicheskoi sud'by Gospozhi Syanlin' v «Blagoslovenii»-s pozitsii etiko-nravstvennoi kritiki [J]. Kul'turno-prosvetitel'skie materialy, 2021(18), 24-25, 100
5. Se Inlan'. Khotet' byt' rabynei, no ne poluchit' etogo – Analiz obraza Gospozhi Syanlin'

- v «Blagoslovenii» Lu Sinya [J]. Zhurnal kolledzha Yun'chen, 2002(04), 62-63.
6. Chzhao Konstantin. Transformatsiya zhenskikh obrazov v proizvedeniyakh Lao She. // Buryatskii gosudarstvennyi universitet, 2019.
 7. Zhelokhovtsev A.N. Sud'ba tvorcheskogo naslediya Lao She // PDV, 1979.-№ 2. S. 195-197.
 8. Lao She Izbrannoe / She Lao. – M.: Progress, 1982 – 512 c.
 9. Fedorenko P.T. Lao She i ego tvorchestvo: predisl. // Lao She. Izbrannoe. Sbornik. Per. s kit. M.: Raduga, 1982. S. 5-16.
 10. Mikhailova M.V., She Syaolin. Lu Sin' v Rossii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika, 2015.
 11. Zakharova N.V. Lu Sin' i Khu Shi: dva vzglyada na puti razvitiya sovremennoi literatury Kitaya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2023.
 12. Khasanova F.M. Leksiko-semanticheskii analiz leksiki proizvedenii Lao She // Universum: filologiya i iskusstvovedenie, 2020.
 13. Lisovik T. V. Obraz «novoi zhenshchiny» v kitaiskoi proze XX-XXI vv. // Filologicheskii fakul'tet; Kafedra kitaiskoi filologii; nauch. Ruk. Krylova SI. 2019.
 14. Molodykh V. I., Leont'eva T. I. Transformatsiya zhenskogo obraza v sovremennoi kitaiskoi khudozhestvennoi literature.
 15. Van M. Lyubimye zhenskie obrazy russkoi i kitaiskoi literatury ot drevnego vremeni do sovremennosti // Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. 2019. №. 1. S. 320-331.
 16. Abdrakhmanova, Z.Yu. Poslednii etap tvorchestva Lao She (1949-1966 gg.): avtoref. dis... kand. filol. nauk: 10.01.06 / Z.Yu. Abdrakhmanova; MGU im. M. V. Lomonosova, In-t stran Azii i Afriki. – M., 1987 – 26 c.
 17. Barashkova D.S. Mir "malen'kogo cheloveka" v tvorchestve Lao She (na primere romana «Riksha») // Studia Humanitatis, 2016.
 18. Chzhanchilin. // Tyan'di, 1944. № 6. S. 15-17.
 19. Chzhanchilin. Lyu Tsin // Chzhanchilin Chuan'tsi, 2000. S. 292-312.
 20. Chzhanchilin. Sin' Tszin // Chzhanchilin Chuan'tsi, 2000. S. 207-238.

Characteristics of Chinese translation of drug names in advertisements

Feng Wen

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 15k1, sq. 80a

✉ 1042228133@pfur.ru

Perfilieva Nataliya Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of General and Russian Linguistics; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya, 80, office 638

✉ perfilieva-nv@rudn.ru

Abstract. In recent years, due to the impact of the COVID-19 pandemic, cooperation among

countries in the medical field has become increasingly important. Cooperation continues to develop, and more and more foreign products are appearing in the pharmaceutical market. This has led to an increasing interest in changing drug names to another language, especially Chinese. This article analyzes four methods for translating traditional Chinese medicine terminology in advertising: phonetic method, semantic method, hybrid method, and semantic method, while considering the particularity of traditional Chinese medicine. The research object is the particularity of translating foreign medical terms into Chinese. This article aims to analyze the methods of translating medical terminology into Chinese. In addition, a new translation method – a semantic approach with the particularity of traditional Chinese medicine – has been proposed. The research materials include medical terms and their Chinese translations.

This article provides an example of a method for translating medical terminology into Chinese and proposes a new method for translating medical terminology – a semantic approach that takes into account the unique characteristics of traditional Chinese medicine. People have found that names translated using phonetic methods are usually associated with Latin words. When using semantic methods, select these hieroglyphs to indicate the exact action of the drug. The use of hybrid methods to translate drug names not only preserves the sound of the original language, but also includes information about the usefulness of the product. When translating into Chinese, English words with traditional Chinese medicine characteristics are usually added. When translating European drug names, considering the particularity of traditional Chinese medicine, the reality of Chinese language and culture is often added to make the operation of drugs easier for consumers to understand. Translation is usually supported through visualization, which refers to Chinese idioms and traditional cultural images.

Keywords: Drug name, hybrid methods, semantic methods, phonetic methods, medical terminology, traditional Chinese medicine, Chinese, medical advertisements, translation methods, Translation details

References (transliterated)

1. E. Tszaiseng. Obshchaya istoriya sovremennogo knigoizdaniya v sovremennom Kitae. Pekin: Izdatel'stvo kitaiskoi literatury (叶再生. 近代中国现代图书出版通史. 北京: 中国文学出版社), 2002. 88 c.
2. Nida, Eugene A., Charles R. Tamber. The Theory and Practice of Translation. Leiden: EJ Brill, 1969. 23 c.
3. Lin' Shentsyu, Van Tszebin. Rassmotrenie strategii perevoda nazvanii lekarstv s tochki zreniya teorii skopusa // Zhurnal obucheniya za predelami kampusa v Kitae (林生趣, 王泽兵. 从目的论视角看药品名称的翻译策略. 中国校外教育), 2019. 75 s.
4. Perfil'eva N. V., Khu Peipei. Sposoby assimilyatsii angliiskikh zaimstvovaniy v kitaiskii yazyk // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № 2. C. 287–296. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301
5. Perfil'eva N.V., Khu Peipei. Ponyatie slova v kitaiskom yazyke. Assimilyatsiya angliiskikh neologizmov v kitaiskom yazyke // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2011. № 4. C. 49-55.
6. Se Tyan'chzhen'. Vvedenie v sovremennuyu teoriyu inostrannogo perevoda. Tyan'tszin': Izdatel'stvo Nan'kaikskogo universiteta (谢天振. 当代国外翻译理论导读. 天津: 南开大学出版社), 2008. 38 s.
7. Sin Yuisi. Stilevye i grammaticheskie osobennosti nauchnogo stilya v sovremennom

- kitaiskom yazyke. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. (邢玉思. 现代汉语科学风格的文体与语法特征), 2014. 9 s.
8. U Fanchzhen. Izobrazheniya i prorisovka tela v kitaiskoi meditsinskoi reklame nachala dvadtsatogo veka. Iskusstvovedenie (吴方正. 二十世纪初中国医疗广告图像与身体描绘. 艺术学研究), 2009. 151 s.
9. Khan' Tin. Primenenie teorii funktsional'noi ekvivalentnosti pri perevode reklamy. Ob''edinennyi zhurnal professional'nykh kolledzhei Tyan'tszinya (韩婷. 功能对等理论在广告翻译中的应用. 天津职业院校联合学报), 2023. С. 23-26.
10. Chzhan Tszyakhua. Obshchii obzor sovremennogo russkogo yazyka. Pekin: Shanuin'shuguan', (张家骅. 新时代俄语通论. 北京:商务印书馆), 2006. 132 s.
11. Chen' Syuelei. Obzor meditsinskogo dvuyazychnogo slovary // Shankhai: Fudan'skoe universitetskoe izdatel'stvo. (陈雪雷. 医学双语词典述评. 上海:复旦大学出版社) 2006. 154 s.

Specifics of syntactic structures of Russian business writing (compared with Arabic)

Al- Anbagi Shaymaa Thamer Hasan

Postgraduate student, Department of Russian Language and Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ shamatamerhasan@yandex.ru

Shaklein Viktor Mikhailovich

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ shaklein@rudn.ru

Abstract. The object of the study is the syntactic features of modern Russian and Arabic business correspondence; the subject is the specific features of the syntax of modern Russian business documents, which become more obvious in comparison with Arabic business writing. The scientific novelty of the study lies in identifying the features characteristic of Russian business writing at the present stage of its development, and comparing these features with the features of Arabic business letters. Also a certain novelty is the connection made by the author between the history and culture of Russian and Arab official business correspondence styles and the transformations that they are actively occurring. One of the author's tasks was to find out why new features of business correspondence, spreading under the influence of globalization, manifest themselves differently in different languages. The study was carried out on the basis of structural-semantic, comparative and functional approaches using methods of component analysis of the text of letters, interpretation of their structure and content, observation, description, comparison. Syntactic structure of modern Russian business writing is currently actively developing. The personal nature of a business letter increases, the ways of expressing imperativeness change, the level of emotionality increases, and all of the above is reflected in the types of syntactic structures used. In Arabic business writing, transformations are less pronounced, which is due to the history of its development and the characteristics of Arab culture. In electronic business correspondence, the syntax of Russian and Arabic business letters has similar changes. It is

concluded that Russian and Arabic business writing are influenced not only by globalization processes, but also by their original ancient history, as well as Russian and Arabic culture, which determines the differences in the syntactic structure.

Keywords: email, imperativeness, personal character, Arabic language, Russian language, business correspondence, business letter, official business style, syntax, syntactic constructions

References (transliterated)

1. Maidurova Yu. V. Natsional'nye osobennosti rechevogo etiketa v delovom pis'me (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) // Vestnik Altaiskoi gosudarstvennoi pedagogicheskoi akademii. 2009. № 1. S. 85–90.
2. Karaban' N. A. Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty realizatsii kategorii vezhlivosti v ofitsial'no-delovom stile russkogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2006. 25 s.
3. Fedyurko S. Yu., Androsova O. A. Osnovnye kharakteristiki delovogo pis'ma // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2007. № 2. S. 105–106.
4. Kuz'mina E. Yu. Printsipy organizatsii rasprostranennogo predlozheniya-vyskazyvaniya ofitsial'no-delovogo stilya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2009. 24 s.
5. Mikhailova A. V. Innovatsii v ofitsial'no-delovom stile russkogo yazyka noveishego perioda (na materiale zhanrov dogovora i pis'ma-predlozheniya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2003. 20 s.
6. Golikova M. G. Delovoe elektronnoe pis'mo: normy i fakty // Mirovye yazyki v ekonomike budushchego: sbornik nauchnykh trudov. Orenburg: OGU, 2021. S. 20–24.
7. Chelovek v sotsiokul'turnom izmerenii: monografiya / I. V. Glushko, T. M. Zueva, M. N. Krylova, I. M. Lavrukhina, A. V. Yarovoi. Zernograd: AChII, 2022. 222 s.
8. Shaban A. K. Verbalization of politeness in business discourse in Arabic // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: materialy X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chelyabinsk: ChGU, 2020. S. 13–16.
9. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskii V. A. Stilistika russkogo yazyka: uchebnik. M.: Flinta: Nauka, 2008. 464 s.
10. Sushentsova T. V. Sintaksicheskaya reglamentirovannost' tekstov ofitsial'no-delovogo stilya // Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii. 2022. № 1 (44). S. 68–72.
11. Abdulina V. Predlozhenie kak edinita sintaksisa v arabskom yazyke // Minbar. Islamskie issledovaniya. 2015. T. 8. № 2. S. 315–318.
12. Krylova M. N. Sredstva vyrazheniya imperativnoi semantiki v russkom yazyke (funktional'no-semanticheskoe pole imperativnosti) // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2022. T. 8. № 4. S. 54–64. DOI: 10.22250/24107190_2022_8_4_54.
13. Khomutova T. N., Shaban A. K., Fatkul'in B. G. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya vezhlivosti v delovom pis'me-pros'be: kontrastivnoe issledovanie (na materiale angliiskogo, arabskogo i russkogo yazykov) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2019. T. 16. № 2. S. 27–35. DOI: 10.14529/ling190204.
14. Satuchina T. Yu. Faktor sotsial'noi distantsii, determiniruyushchii variativnost' delovoi internet-kommunikatsii (na materiale elektronnykh pisem) // Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti. 2023. T. 2. № 2. S. 76–79. DOI: 10.21603/2782-

Axiological foundations of a journalist's professional activity

Kulakova Darina Vladlenovna

Postgraduate student; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ darina.kulakova@yandex.com

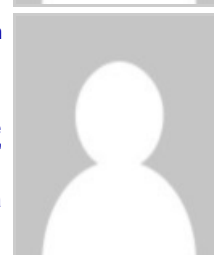
Oleinikov Sergei Viktorovich

Doctor of Politics

Professor; Department of Journalism; State Educational Institution 'T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University'

128 Pokrovskaya str., Tiraspol, 3300, Moldova

✉ olen_serg@inbox.ru

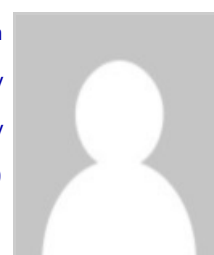
Puyu Anatolii Stepanovich

Doctor of Sociology

Professor; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ a.puju@spbu.ru

Gromova Lyudmila Petrovna

Doctor of Philology

Professor; Department of History of Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

✉ NikonovS@mail.ru

Abstract. The professional activity of a journalist has a clearly expressed value character, reflecting the ideological and ethical principles of this field. This article analyzes the following values of journalism:

1. The principle of humanity, based on humanistic ideals and responsible attitude towards people.
2. The principle of truthfulness, which implies the accuracy of information transmission and interpretation of facts as a professional duty.
3. The principle of honesty, which assumes not only the prevention of misleading the audience, but also the refusal to harm people.
4. The principle of responsibility, which includes a set of requirements for professionalism, text quality, objectivity and balance.

These value orientations represent ideal entities existing in the world of due and target orientations. Being rooted in the philosophical tradition, they streamline and fill the professional activity of journalists with evaluative content, determining its orientation towards serving society and affirming humanistic ideals. The following methods are used in the work:

1. Theoretical analysis of philosophical and scientific literature on the problem of axiological foundations of journalism.
2. A comparative analytical method used in comparing various concepts of values in the philosophical tradition.

3. An interpretive method used for meaningful analysis and evaluative filling of the value principles that form the axiological basis of the professional activity of journalists.

Summarizing, we can say that the value system of journalism is characterized by the principles of humanity, truthfulness, honesty and responsibility. These values reflect the ideological and ethical basis of the professional activity of journalists.

The analysis allows us to conclude that the values of journalism are ideological and ethical. The key value principles in this professional field are humanity, truthfulness, honesty and responsibility. These values represent the normative guidelines of journalists' consciousness and behavior, which streamline and fill their professional activities with evaluative content. Rooted in the philosophical tradition, they are interpreted as ideal entities existing in a world of due and purpose. Thus, the axiological basis of journalism determines its orientation towards truth, service to society and affirmation of humanistic ideals. This value system sets the ethical vector of media communications, making journalism a socially responsible profession.

Keywords: ethics, mass media space, axiological analysis, professional activity, principles, axiology of mass media, journalism, ontology of journalism, value content, information

References (transliterated)

1. Baichik, A.V. Massmediinoe prostranstvo tsennostnogo konflikta: dis. ... d-ra polit. nauk. SPb., 2022.
2. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti Arkhivnaya kopiya ot 23 noyabrya 2018 na Wayback Machine. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Norma (2009). S. 11.
3. Guseinov A.A. Dolg // Etika: Entsiklopedicheskii slovar'. M.: Gardariki, 2001.
4. Erofeeva I. V. Aksiologicheskie priority v strategii razvitiya SMI Zabaikal'skogo kraia / I. V. Erofeeva // Fenomenologiya sovremennykh mediasistem i mediatekstov: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu kafedry zhurnalistiki, Tiraspol', 16–17 noyabrya 2018 goda / Otvetstvennye redaktory: S.L. Raspopova, S.V. Oleinikov. – Tiraspol': Izdatel'stvo Pridnestrovskogo universiteta, 2018. – S. 61.
5. Korzheneva O. Tsennosti zhurnalistiki: istoriya i sovremennost'// Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura. 2010. № 3.
6. Nikonenko S. V. Analiticheskaya filosofiya: osnovnye kontseptsii / S. V. Nikonenko. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007.
7. Pesina S. A. Slovo v ponimanii filosofii yazyka i lingvistiki. Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya. 2011. № 2 URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2011/02/2011-02-11.pdf> (data obrashcheniya: 22.11.2023).
8. Polikarpova E. V. Aksiologicheskie funktsii massmedia v sovremennom obshchestve // URL: http://www.gumer.info/bibliotec_Buks/Polikarp/01.php (data obrashcheniya: 11.01.2024).
9. Sidorov V. A. Aksiologiya massmedia: problemnye polya i strategii izucheniya // Gumanitarnyi vektor. 2021. T. 16, № 4. S. 117-125.
10. Shustova O. B., Sidorov G. N. Istoriya razvitiya filosofskoi problemy svobody i otvetstvennosti uchenogo i filosofa v kontekste ratsional'nosti // Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU. 2019. № S6.
11. Akinkoya, O. F., Odetoynbo, A. C., & Ogbuehi, C. S., AGENDA SETTING IN DEMOCRATIC SOCIETIES: ASSESSING THE ROLE OF THE PRESS IN POLITICAL COMMUNICATION FRAMING. URL:

<https://crawfordjournalofpolitics.org/articles/VOL.%201%20NO.%202,%20September.%202020-ddJWg7qmtEsZ1tllvLxCGW81H-15-12-2020-12PM.pdf> (data obrashcheniya: 05.06.2024).

12. Lorenz-Spreen, P., Oswald, L., Lewandowsky, S. and Hertwig, R., 2023. A systematic review of worldwide causal and correlational evidence on digital media and democracy. *Nature human behaviour*, 7(1), pp.74-101. URL: [nature.com](https://www.nature.com) (data obrashcheniya: 05.06.2024).
13. Robinson, L., Schulz, J., Blank, G., Ragnedda, M., Ono, H., Hogan, B., Mesch, G.S., Cotten, S.R., Kretchmer, S.B., Hale, T.M. and Drabowicz, T., 2020. Digital inequalities 2.0: Legacy inequalities in the information age. *First Monday*, 25(7). URL: [ox.ac.uk](https://www.firstmonday.org/issue/firstmon25.7/robinson) (data obrashcheniya: 05.06.2024).
14. Wang, D. & Guo, S. Z., 2023. Aggregation and the New News Order: A Practice Theory Approach. *Digital Journalism*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/21670811.2023.2273529> (data obrashcheniya: 05.06.2024).

Female images in A.P. Platonov's fairy tales

Liu Yue

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

liuyue159@yandex.ru

Abstract. This article examines female images based on the material of A.P. Platonov's fairy tales. The purpose of the study is to expand the understanding of the author's literary heritage, as well as to show important aspects of human nature, human relations and the role of women in history and culture. The tasks that were solved within the framework of this study: 1) to analyze the role of women in Platonov's fairy tales; 2) to study the image of women through the prism of the socio-cultural context; 3) to identify the types of fairy-tale heroines found in the works of A.P. Platonov. The heroines of fairy tales are represented by such female images as the "heroine-savior" or "warrior woman", "evil stepmother", "good fairy" or "sorceress", wise "old lady". The methods used are literary analysis, typological analysis, cultural approach, structural method and others. The scientific novelty of the work is due to the fact that for the first time the material of analysis is female images in A.P. Platonov's fairy tales. As a result of a comprehensive analysis, the following conclusions were made: the study of female images in Andrei Platonov's fairy tales allows us to see a variety of typological images of women, socio-cultural features inherent in his works, features of domestic life, motherhood and other aspects related to women. Studying these aspects helps to broaden the reader's horizons. The heroines also serve as a critique of social norms and values, to identify problems of inequality, discrimination or injustice. Studying these images helps to understand the difficulties and challenges faced by women, their role and position in society, their rights, responsibilities and limitations. The author uses female images as symbols or metaphors to convey certain ideas or concepts, they help to expand the understanding of the text and discover hidden meanings.

Keywords: iction, reality, metaphors, symbols, hero, gender roles, sociocultural features, feminine power, female images, fairy tale

References (transliterated)

1. Analiz skazki «Neizvestnyi tsvetok» (A.P. Platonov) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://litrekon.ru/analiz-proizvedenij/neizvestnyj-tsvetok-platonov/> (data obrashcheniya: 29.08.2020).
2. Nagovitsyn A. E. Tipologiya skazki [Tekst] / A. E. Nagovitsyn, V. I. Ponomareva. – M.: Genezis, 2011. – 336 s.
3. Platonov A.P. Volshebnoe kol'tso. Russkie skazki. Risunki I. L. Ushakova. M., 1960. S. 11-31.
4. Platonov A.P. Sobranie sochinenii v trekh tomakh. – T. 3. Rasskazy. 1941–1945; Dramaticheskie proizvedeniya; Volshebnoe kol'tso. Skazki; Iz rannikh sochinenii; Iz pisem i zapisnykh knizhek / Sost. i primech. V.A. Chalmaeva. – M.: Sov. Rossiya, 1985. – 576 s.
5. Platonov A.P. Sukhoi khleb: Rasskazy, skazki. Sost., podgotovka teksta, kommentarii N. V. Kornienko. M.: Vremya, 2012. 416 s.
6. Puchkova, D. D. Zhenskie obrazy v skazkakh Anglii / D. D. Puchkova // Aktual'nye issledovaniya. – 2023. – № 15-2(145). – S. 6-8. – EDN DKCLEC.
7. Rasskazy o detyakh i dlya detei. Russkie i bashkirskie narodnye skazki v pereskaze A.P. Platonova [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://predanie.ru/book/221165-rasskazy-o-detyah-i-dlya-detey-russkie-i-bashkirskie-narodnye-skazki-v-pereskaze/#/toc30>
8. Russkie narodnye skazki v pereskaze Andreyana Platonova [Elektronnyi resurs]. – URL: https://vk.com/wall-37077608_286798 (data obrashcheniya: 19.06.2019).
9. Filippova A.S. Motivnyi analiz skazki-byli «Neizvestnyi tsvetok» A.P. Platonova [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://school-science.ru/7/10/40198>
10. Khor'kova, M. V. O spetsifike skazok A.P. Platonova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. – 2010. – № 1. – S. 155-163. – EDN MBBUAZ.
11. Shevtsova, E. O. Sopostavitel'nyi analiz zhenskikh obrazov angliiskoi i russkoi skazok («The Earl of Mar's Daughter», «Peryshko Finista yasna sokola») / E. O. Shevtsova // Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike. – 2016. – № 23. – S. 180-189. – EDN VPVBKV.
12. Shumkov Ya. O. Zhenskie obrazy v rasskazakh A. Platonova 1930-40-kh godov v kontekste traditsii russkoi klassiki // INITIUM. Khudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya: materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Ekaterinburg: URFU, 2018. – S. 134-141.

Values in the protocol genre in the official business substyle of the religious functional style

LUODI

Postgraduate student; Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication; Ural Federal University

40 Vostochnaya str., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620000, Russia

✉ luodi574@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the specificity of values in the official business protocols used in the religious documents. The object of the study is the protocols of the religious style. The author examines in detail such aspects of the topic as the category and

compositions that form the valuable potential of the protocol genre in the religious sphere, focuses on key axiologemes reflecting traditional religious attitudes. Special attention is paid to the category of composition of the protocol genre, which reflects the development of the topic and, accordingly, assessments in a religious functional style. The composition of the protocol in the religious style almost completely coincides with the explication of the composition in the secular version of the official business style and includes the following parts: a statement, or substantive (listened to), in which the topic is stated, and a final, or certifying (decided). The difference between the compositional structure of the protocol genre in the official business substyle of the religious functional style consists in the presence of a variable stating part of the judgment. The research is carried out using the categorical-textual method developed at the Ural Scientific School of Linguoculturology and Stylistics. The textual categories of composition and evaluation are explicated in the studied texts in a certain specific way, which makes it possible to attribute these texts to the genre of protocol. The main conclusions of the study are that the protocol genre reflects axiological religious attitudes in a religious style, including gratitude, respect for life, care for vulnerable groups of the population, the spirit of self-sacrifice, anti-discrimination ideas, mercy, forgiveness, etc., which are concentrated in the compositional stating and final parts of the text. The novelty of this study largely lies in the lack of knowledge of the genre of protocol in the religious functional style. The Church, as a public organization, needs to record information about key events and decisions taken. To this end, the church uses the protocol genre as a tool to ensure the completeness of the stored information. However, there are practically no studies devoted to the genre of protocol, which to a certain extent limits our knowledge of the religious functional style. The present study aims to eliminate this shortcoming and fill the existing gap in the description of the protocol genre in the religious sphere. The study of the protocol genre in the religious sphere on a categorical-textual basis is being carried out for the first time.

Keywords: Russian Orthodox Church, religious attitudes, categorical-text method, composition, theme, axiologeme, official substyle, religious Style, protocol genre, value

References (transliterated)

1. Vepreva I. T. Sistema tsennostei sovremennogo studenchestva: ot semeinogo blagopoluchiya do samorealizatsii // Quaestio Rossica. 2023. T. 11, № 1. S. 277–288.
2. Gadomskii A. K. Religiozniy stil' v slavyanskoi teolingvistike // Aktual'nye problemy stilistiki. 2020. № 6. S. 79–88.
3. Dymarskii M. Ya. Korpus ofitsial'no-delovykh tekstov russkogo yazyka // Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2022. № 2(109). S. 72–87.
4. Itskovich T. V. Zhanrovaya sistema religioznogo stilya. Moskva, 2021.
5. Itskovich T. V. Idiostil' pravoslavnykh propovednikov v ramkakh kategorial'no-tekstovoi kontseptsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 6 (17). S. 64–68.
6. Itskovich T. V. Religiozniy funktsional'nyi stil' v zhanrovom aspekte: k postanovke problemy // Zhanry rechi. 2016. №1 (13). S. 87–93.
7. Itskovich T. V. Religiozniy funktsional'nyi stil' russkoi rechi // Stilistika slavyanskikh stran na rubezhe XX-XXI vekov. Moskva, 2023. S. 86–101.
8. Itskovich T.V. Tsennost' sem'i u molodezhi (na materiale zhivoi razgovornoj rechi) // Litera. 2020. № 12. S.110-117. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.12.34703 URL: https://e-notabene.ru/fil/article_34703.html

9. Karpenko L. A., Petrovskii A. V., Yaroshevskii M. G. *Kratkii psikhologicheskii slovar'*. Rostov-na-Donu, 1998.
10. Keler A. I. Kategoriya adresanta v novoapostol'skoi molitve: kategorial'no-tekstovoi i aksiologicheskii aspekty // *Nauchnyi dialog*. 2024. T. 13, № 1. S. 26–44.
11. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *Slovar' russkoi mental'nosti*. Sankt-Peterburg, 2014.
12. Kupina N. A. Aksiologiya i aksiologicheskii leksikon: k opredeleniyu i interpretatsii ponyatii // *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovanii: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg, 2021. S. 50–52.
13. Kupina N. A. Gumanitarnye tsennosti tekushchego vremeni // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2022. T. 28, № 3. S. 86–96.
14. Matveev P. E. *Aksiologiya*. Vladimir, 2017.
15. Matveeva T. V. *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii: sinkhronno-sopostavitel'nyi ocherk*. Sverdlovsk, 1990.
16. Matveeva T. V., Shalina I. V., Vepreva I. T. [i dr.] *Tsennostnoe sodержanie razgovornogo dialoga*. Ekaterinburg, 2021.
17. Matveeva T. V. *Uchebnyi slovar'. Russkii yazyk. Kul'tura rechi. Stilistika. Ritorika*. Moskva, 2003.
18. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* / Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Moskva, 2006.
19. Petrikova A. Otrazhenie pandemii novogo koronavirusa v religioznom disкурse // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.)*. Ekaterinburg, 2021. S. 86–89.
20. Polozhenkova E. Yu., Rudenko A. M., Samygin S. I. *Osnovy dukhovnoi kul'tury*. Rostov-na-Donu, 2016.
21. Prokhvatilova O. A. Ekstralingvisticheskie parametry i yazykovye kharakteristiki religioznogo stilya // *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2006. №5. S. 19–25.
22. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*. Ofitsial'nyi sait Moskovskogo Patriarkhata. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.patriarchia.ru/>
23. Ryadovyykh N. A. Metaforicheskoe osmyslenie svyatosti v zhanre akafista // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020. № 10. S. 135–140.
24. Shipov Ya. M. *Moya tserkov': Kratkii spravochnik dlya detei i vzroslykh*. Moskva, 1998.
25. Shirinkina M. A. K istorii izucheniya ofitsial'no-delovoi rechi: aspekty, problemy, tendentsii // *Aktual'nye problemy stilistiki*. 2021. № 7. S. 63–71.
26. Gadowski A. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennoi teolingvistiki // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.)*. Ekaterinburg, 2021. S. 32–33.
27. Itskovich T. V. Composition and Subject Structure of Minutes Genre in Religious Style / T. V. Itskovich, D. Karmanova, N. N. Nikolina // *SHS Web of Conferences: The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDAH-2018)*, Volgograd, 23–28 aprelya 2018 goda / Volgograd State University, Volgograd, Russia. Vol. 50. Volgograd: EDP Sciences, 2018. P. 01207. DOI: 10.1051/shsconf/20185001207.
28. Jankosz M. Jak kościół w polsce mówi o pandemii? Analiza języka listów i komunikatów

- Episkopatu Polski na tle medialnego dyskursu o koronawirusie // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 122.*
29. Klimek-Grądzka J. Tekst religijny w politycznym przetworzeniu – „Gorzkie żale moskalofilskie” Telesfora Chełchowskiego // *Stylistyka. 2020. T. 29. S. 317–328.*
 30. Kluckhohn S. Values and Value Orientations in the Theory of Action // *Towards a General Theory of Action. Cambridge, 1951. Pp. 388–433.*
 31. Kozieł J. Perevod religioznoi leksiki v sovremennom russkom kinematographe na pol'skii yazyk. Analiz na izbrannykh primerakh // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 48.*
 32. Madjieva V. Ku modelowi konfrontatywnego badania języka prawosławia i katolicyzmu. // *Stylistyka. 2020. T. 29. S. 25–40.*
 33. Makuchowska M. Dyrektywa pozytywnego wartościowania sacrum w stylu religijnym // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 72–73.*
 34. Pazio-Wlazłowska D. Portret kobiety prawosławnej (na materiale czasopisma „Slavânka”) // *Stylistyka. 2020. T. 29. S. 345–364.*
 35. Pazio-Wlazłowska D. Rodzina w prasie prawosławnej (na materiale miesięcznika „Penzenskii pravoslavnyi sobesednik”) // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 85–86.*
 36. Petříková A. Cerkovnyj kalendar' kak žanr religioznoj sfery obšeniâ (na materiale izdatel'skoj deâtel'nosti monašeskogo bratstva prepodobnogo Iova Počaevskogo v 1923–1944 gg. v Slovakii) // *Stylistyka. 2020. T. 29. S. 251–269.*
 37. Rončáková T. Lexika a metaforika nábožensky motivovaných textov v sekulárných médiách // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 97.*
 38. Ružica S. Stilske karakteristike leksike prevoda tekstova iz sfere pravoslavne duhovnosti na savremeni srpski jezik // *Stylistyka. 2020. T. 29. S. 385–397.*
 39. Sieradzka-Mruk A. Przemiany tytułów nabożeństwa drogi krzyżowej w XX wieku // *Stylistyka. 2020. T. 29. S. 93–109.*
 40. Szarlej J. Feminatywy w Biblii hebrajskiej oraz ich polskie przekłady (na wybranych przykładach) // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 119–120.*
 41. Wideł-Ignaszczak M. Apostol'skoe obrashchenie kak dokument katolicheskoi tserkvi – osobennosti perevoda na russkii yazyk / M. Wideł-Ignaszczak // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 21.*
 42. Wójcicka M. The religious genres of collective memory – an attempt at typology // *Stylistyka. 2020. T. 29. S. 79–92.*
 43. Wojtak M. O gatunkach wypowiedzi i ich prasowych konkretyzacjach // *Językoznawstwo: współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. 2014. T. 8. S. 95–105.*
 44. Wojtak M. O statusie genologicznym wybranych komunikatów przekazu religijnego // *Stylistyka. 2020. T. 29. S. 41–53.*
 45. Zagórska K. Strategie komuniacyjne w mediach religijnych na przykładzie polskich i rosyjskich rozgłośni radiowych // *Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 44–45.*
 46. Vuloviĥ N. S. Aksiologeme s religijskom komponentom kojima se izrazhava dijada

„bogatstvo” – „siromashtvo” u srpskom jeziku // Yazyk i religiya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 sentyabrya 2021 g.). Ekaterinburg, 2021. S. 30–31.

47. Pazio-Vlazlovskaya D. Supruzheskie ozhidaniya v religioznom kontekste: katolicheskie i pravoslavnye brachnye ob'yavleniya // Quaestio Rossica. 2021. T. 9, № 2. S. 702–714.

Disinformation and "hate speech" in the online media of Kazakhstan (results of monitoring 2022)

Passichnik Sergey

Graduate Student; Wuhan University (China)

430072, China, Hubei Province, Wuhan, Center Street, 1

□ sergey.passichnik@gmail.com

Melnik Galina Sergeevna □

Doctor of Politics

Professor; Department of Digital Media Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

□ melnik.gs@gmail.com

Blochin Igor Nikolaevich □

Doctor of Politics

Professor; Department of Theory of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

□ i.blochin@spbu.ru

Baichik Anna Vitalievna □

Doctor of Politics

Professor; Department of International Journalism; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9

□ a.baychik@spbu.ru

Abstract. The article examines the problem of using the "language of hostility" and disinformation in the media texts of the Kazakh media, as well as the problem of stuffing fake news during the political events of January 2022 in Kazakhstan. The goals of disinformation are determined and the effects on the mass audience are evaluated. During the tragic events at the beginning of the year, the Internet was turned off in the country, which led to an information vacuum. After the restoration of communication, a stream of fake materials of various formats (audio, video, images and messages on social networks) began, the purpose of which was to incite fears among the population. The platforms WhatsApp, YouTube, Telegram and VKontakte were investigated. Case analysis of texts was also used as part of the analysis. The materials were selected by random sampling. Various criteria were taken into account for the selection of publications, including attendance, the toxicity of comments, the number of articles and posts in online publications and social networks, as well as genres of materials and the presence of elements of hate speech. The purpose of this study is to comprehensively analyze the destructive consequences of disinformation recorded in the

Kazakh and Russian media during the attempt to forcibly seize power in the Republic of Kazakhstan. The following methods were used: critical analysis of scientific literature, media monitoring, discourse analysis, and the method of comparative analysis. Case analysis of texts was also used. In 2022, Kazakhstan faced new geopolitical and information challenges: armed border conflicts, disinformation and "hate speech". All these risks have led to an even greater polarization of Kazakh society, socio-political tension and a decrease in the level of trust in the official media. The key factor in changing the situation may be increasing the information literacy of the population and its promotion through cooperation with civil society institutions, the implementation of universal media education programs. Given the volume of data and the amount of information processed, it is difficult to fit the whole situation and analyze how the discourse of "hate speech" and disinformation was built. The repeatedly disseminated unreliable and contradictory information significantly increased the tension of the network media field, contributing to a greater polarization of opinions about the extraordinary event and the aggression of participants in the information exchange.

Keywords: information space, media, Kazakhstan, terrorists, unrest, fake news, disinformation, hate speech, journalism, international journalism

References (transliterated)

1. Barbashina E. V. (2021) Epistemologicheskie osnovaniya faktchekinga v usloviyakh postpravdy // Faktcheking kak instrument razvitiya media i sovremennogo mediaobrazovaniya. Materialy Vseros. nauchn.-prakt. konferentsii v mezhdunar. uchastiiem. 1-2 okt. 2020 g. – Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskii gos. ped. un-t, 2021. S. 49-57.
2. Beinenson V. A. (2017) Proverka dostovernosti informatsii v usloviyakh novykh media: problemy i vozmozhnosti // Zhurnalistska v sisteme al'ternativnykh istochnikov informatsii: sbornik materialov nauch. konf. (Nizhnii Novgorod, 17 marta 2017 g.). N. Novgorod: Izd-vo NGU, 2017. C. 79-89.
3. Ershov Yu. M. (2018) Fenomen feika v kontekste kommunikativnykh praktik // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 52. S. 245-256. DOI: 10.17223/19986645/52/15.
4. Efanov A. A. (2018) Funktsionirovanie psevido-novosti v polyakh televideniya i interneta: tipologiya, praktiki, sotsial'nye efekty [Elektronnyi resurs] // Kommunikologiya. 2018. № 1. S. 156-165.
5. Kalinina N. V. (2020) Faktcheking v rabote sovremennogo zhurnalista i SMI // Vestnik AmGU. 2020. Vyp. 88. S. 122-124.
6. Malyukova O. V. (2018) Sovremennaya argumentatsiya: v plenu u feikov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2018. T. 4 (70). № 4. S. 52-59.
7. Krasnikov M.A. (2020) Regulyativnaya funktsiya dezinformatsii v protsesse mezhlichnostnogo obshcheniya: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. M.: IP RAN, 2020. 24 s.
8. Mel'nik G. S., Misonzhnikov B. Ya. (2023) Postpravda i kontsept «voina» v provokativnom mediadiskurse // Gumanitarnyi vektor. 2023. T. 18. No 4. S. 164-172. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-164-172.
9. Kamenev R.V. (2021) Faktcheking kak instrument razvitiya media i sovremennogo mediaobrazovaniya. Materialy Vseros. nauchn.-prakt. konferentsii v mezhdunar. uchastiiem. 1-2 okt. 2020 g. – Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskii gos. ped. un-t, 2021. S.

22.

10. Sudokholov A. P., Bychkova A. M. (2017). «Feikovyie novosti» kak fenomen sovremennogo mediaprostranstva: ponyatie, vidy, naznachenie, mery protivodeistviya // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. T. 6. № 2. S. 143-169.
11. Allcott, H. Gentzkow, M. (2022). Social media and fake news in the 2022 election. Technical report, National Bureau of Economic Research, 2022.
12. Car, Viktorija; Nenadić, Iva. (2023) Information Crisis and Post-Truth Reality: The Complex Relationship Between Journalism and Fact-Checking (CROSBID ID 807342), 2023. S. 157-165.
13. Drolsbach, C., Solove, K., Pröllochs N. Community notes increase trust in fact-checking on social media/ Publications – Nicolas Pröllochs (nproellochs.com) DOI: <https://doi.org/10.31219/osf.io/ydc42>
14. Fernández-Barrero, A., Rivas-de-Roca, R., and Pérez-Curiel, C. (2024). Disinformation and local Media in the Iberian Context: how to protect news credibility. J. Media 5, 65-77. DOI: 10.3390/journalmedia5010005
15. Giarelis, N., Mastrokostas, C., Karacapilidis, N. (2024) A Unified LLM-KG Framework to Assist Fact-Checking in Public Deliberation The First Workshop on Language-driven Deliberation Technology (DELITE2024), pages 13–19. 20 May, 2024.
16. Tandoc, E. C., Lim, Z. W., and Ling, R. (2018). Defining fake news: a typology of scholarly definitions. Digit. Journal. 6, 137-153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143
17. Vázquez-Gestal M, Pérez-Seoane J and Fernández-Souto A-B (2024) Disinformation and health: fact-checking strategies of Spanish health public institutions through YouTube. Front. Commun. 9:1406852. DOI: 10.3389/fcomm.2024.1406852
18. Wenzel, M., Stasiuk-Krajewska, K., Macková, V., and Turková, K. (2023). The penetration of Russian disinformation related to the war in Ukraine: evidence from Poland, the Czech Republic and Slovakia. Int. Polit. Sci. Rev. 45, 192-208. DOI: 10.1177/01925121231205259.

Linguistic and cultural images of Moscow and Warsaw in Russian and Polish language parodies

Spalek Oksana Nikolaevna

Associate Professor; Department of Slavic Studies and Central European Studies; Russian State University for the Humanities

143912, Russia, Moscow region, Balashikha, Pervomaisky ave., 1, sq. 376

✉ oksanaspalek@gmail.com

Abstract. The subject of this study is the parodies of the Russian and Polish languages, containing ideas about Moscow and Warsaw. The material was proverbs and sayings recorded in the dictionary of V.I. Dahl "Proverbs of the Russian people" and the collection of Y. Krzyzanowski "Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich". The Paremiological Foundation plays a special role in preserving the cultural memory of the linguistic community, expresses the most important and stable stereotypes of national consciousness. At the same time, the ideas verbalized in the parodies can have both a universal, timeless character, and fix the features of the socio-historical context, the material and spiritual culture of society in a certain epoch. In the course of the research, the author identifies, analyzes and compares the components of the linguistic and cultural images of Moscow and Warsaw, verbalized in the parodies of the Polish and Russian languages. In this work, the method of synchronous

description was used, as well as methods of semantic and linguistic-cultural analysis. The scientific novelty of this work lies in the multicomponent analysis and comparison of the expression of the image of Moscow and Warsaw in Russian and Polish paremiology. In the course of the study, it was possible to establish the multicomponence of linguistic and cultural images of Moscow and Warsaw. Russian and Polish parodies contain ideas about these cities as the centers of economic, political and cultural life in Russia and Poland. At the same time, the parodies express the traditional attitude towards Moscow and Warsaw as rich, beautiful cities with a high standard of living, developed trade, but at the same time expensive and dangerous. The parodies characterize the residents of Moscow and Warsaw, their habits and mores, and also refer to the role of individual streets and districts in the life of cities. The study also found that the Russian language parodies contain ideas about Moscow as a city associated with important events in the history of Russia, a city with rich architecture and certain relief features. The above-mentioned ideas about Warsaw were not recorded in the Polish language parodies.

Keywords: comparative linguistics, aphorism, proverb, Russian, Polish, stereotype, linguistic worldview, phraseology, paremiology, linguoculturology

References (transliterated)

1. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M.: Slovo, 2000. – 146 c.
2. Grzegorzczkova R. Pojęcie językowego obrazu świata. // Językowy obraz świata, red. J. Bartmiński. Lublin, 1990. – S. 41-49.
3. Teliya V.M. Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1996. – 289 s.
4. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda. Polnoe izdanie v odnom tome. M.: Al'fa-kniga, 2020. – 984 c.
5. Krzyżanowski J., Świrko St. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Vol. I–IV. Warszawa: 1967 – 1968. – XXXIX, 881, 1165, 996, 627 s.
6. Rudnev Ya.I., Shemyakin V.I. Russkaya zemlya. Oblast' krainego severa. T. I. S.-Peterburg : Tipo-litografiya M. P. Frolovoi, 1899. – 398 s.
7. Sindalovskii, N. A. Slovar' peterburzhitsa. Sankt-Peterburg: Norint, 2003. – 320 c. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/speech-of-petersburg/fc/slovar-207-1.htm#zag-2285> (data obrashcheniya: 18.06.2024 g.).

The problems of the theory of the reference of signs in modern linguistics

Chilingaryan Kamo Pavelovich

Associate Professor; Department of Foreign Languages of the Higher School of Management; P.Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10 Mklukho-Maklaya str., office 707, Moscow, 117198, Russia

 chilingaryan_kp@pfur.ru

Abstract. The subject of the study is the history of the development and current state of the theory of reference, which reflects a variety of approaches and concepts. Some researchers believe that reference is a purely semantic phenomenon, while others emphasize the importance of context and pragmatics for understanding referentiality. The issue of the influence of cultural and social factors on reference in various languages is also being actively

investigated.

The history of the development of the theory of reference began with the works of Gottlob Frege and Bertrand Russell at the beginning of the 20th century. Frege introduced the concept of semantic reference, arguing that every word has its own referent in the world. Russell developed this idea by proposing a theory of descriptions, according to which words indicate objects by describing their characteristics.

The works of Ludwig Wittgenstein and Donald Davidson played an important role in the further development of the theory of reference. Wittgenstein proposed the concept of language games, arguing that reference depends on the context and use of a word in a certain situation. Davidson developed the theory of truth, according to which reference is determined through the connection between language and the world. The pragmatic and cognitive aspects of research methodology are important for the successful conduct of scientific research. The referential nature of signs plays a key role in this process, ensuring effective presentation and communication of research results. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive examination of the classical works of philosophers, semiotics and linguists, including Plato, Aristotle, Charles Pierce, Ferdinand de Saussure and Umberto Eco, on the theory of reference. One of the key concepts in the study of sign systems is referentiality. Referentiality allows to associate words with specific objects and understand their meaning. One of the most relevant areas of research in the field of reference is the study of ways in which linguistic units interact with the context and situation of communication. This allows for a deeper understanding of the processes of notation and interpretation in language, as well as the development of new theoretical models explaining these processes. Thus, scientific novelty in the study of the referentiality of signs continues to be relevant and important for the development of linguistics and related disciplines. The author's contribution in this area may lead to new discoveries and understanding of the mechanisms of linguistic communication.

Keywords: symbol, conventionalism, iconism, referentiality, sign relations, natural signs, prototypical words, conventional signs, indexicality of signs, interpretant

References (transliterated)

1. Platon. Kratil // Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh / Obshchaya redaktsiya A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Takho-Godi. Avtor vstupitel'noi stat'i i statei v primekaniyakh A. F. Losev. – M.: Mysl', 1990. – T. 1. – S. 613–681. – (Filosofskoe nasledie). – ISBN 5-244-00451-4.
2. Aristotel'. Poetika // Aristotel'. Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Minsk: Literatura, 1998. S. 1064-1112.
3. Avgustin Avrelii. O Troitse: v pyatnadtsati knigakh protiv arian / perevod, vstupitel'naya stat'ya i primekaniya A.A.Tashchiana. – Krasnodar: Glagol, 2004.
4. Charl'z Pirs – "Chto takoe znak?"
<https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/07/image/07-088.pdf>
5. Umberto Eco – A Theory of Semiotics <https://www.amazon.com/Theory-Semiotics-Advances/dp/0253202175>
6. Umberto Eko. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta / Perv. s angl. i ital. S. D. Serebryanogo. – SPb.: «Simpozium», 2007. – 502 c.
7. Ferdinand de Sossyur – "Kurs obshchei lingvistiki"
– <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/saussure1.pdf>
8. Cercle Ferdinand de Saussure – shveitsarskoe obshchestvo izucheniya Ferdinanda de

Sossyura <https://www.cercleferdinanddesaussure.org/>

9. Chilingaryan K.P., Chistyakov D.I. (2024). Znak i semiotika//Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. Vyp. 4 (64).
10. Gombrich E. (1960). Art and Illusion. A Study in the Psychology of Pictorial Representation. London: Phaidon Press.
11. Lyons, John (1977). Semantics, 2 vols. London and New York: Cambridge University Press.
12. Krutkin V. L. P'er Burd'e: fotografiya kak sredstvo i indeks sotsial'noi integratsii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika». 2006. №3.
13. Zhak Derrida-"Pis'mo i razlichie" <https://www.labirint.ru/books/322277/>
14. Borkhes Khorkhe. Tlen, Ukbar, Orbis tertius. Izdatel'skii dom: Severo-Zapad. 1992.
15. Berkeley, George (1734). A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge. Scolar Press.
16. Dzhekendoff, Rei (1976). Semantika i poznanie. Kembridzh, Massachusetts: Izdatel'stvo MIT Press. Str. 283. ISBN 0-262-10027-4.
17. William James. (1890). The Principles of Psychology, 2 vols., Dover Publications 1950, vol. 1: ISBN 0-486-20381-6, vol. 2: ISBN 0-486-20382-4
18. Schutz, Alfred (1972). "Collected Papers I". Phaenomenologica. doi:10.1007/978-94-010-2851-6. ISBN 978-90-247-3046-9. ISSN 0079-1350.
19. Wilbur Marshall Urban (2002). Valuation: Its Nature and Laws, Wilbur Marshall Urban, ISBN 041527897X, 9780415278973, Psychology Press.
20. Klod Levi-Stross, Vvedenie v raboty Marselya Mossa. London: Routledge, 1987.
21. Rolan Bart – "Mifologii" <https://www.labirint.ru/books/433738/>
22. Zhan Bodriyar – "Simulyakry i simulyatsiya" <https://www.labirint.ru/books/610575/>

The place of the climate agenda in modern global communications

Panova Elena Vasil'evna

PhD in Politics

Chief of Staff of the State Duma Committee; The State Duma of Russia

109012, Russia, Moscow, Okhotny Ryad str., 1

✉ karrypoupe@gmail.com

Abstract. The subject of our research is the climate agenda as part of the environmental policies of states. The author's attention to this issue is due to the instability of the international system, which is influenced by current crises and conflict relations between countries. It was important for us to consider how strongly the processes of instability affect the fulfillment of their obligations by global players. We also identified key factors influencing the adoption of current strategic documents. We analyzed the main documents approved at the UN on climate change, adopted in 2021-2023. Scientific novelty manifests itself in several key aspects. First of all, decisions are considered from the point of view of making political decisions and building communication processes. The second aspect is related to the identification of factors influencing the implementation of environmental policy. And finally, we looked at how global crises affected the climate agenda and whether it was transformed on a global scale.

The result of the study is the conclusion that the problem of climate change remains key. Moreover, attempts are being made to strengthen the "natural resources – climate change – responsibility" link, which is reflected in plans to introduce a complete phase-out of fossil fuels. Serious steps are being taken to involve developing countries in this process through the provision of financial and other support. Young people have been identified as the main driver of the fight against climate change, which indicates the long-term nature of key decisions. Moreover, international agreements involve further transformation of the existing system through adjustments to national goals, diversification of the energy sector, economic reforms and changes to existing financial systems aimed at achieving climate goals.

Keywords: globalization, environmental responsibility, climate strategies, sustainable development, the international cooperation, environmental policy, communications, climate finance, emissions, climate change

References (transliterated)

1. Prioritety natsional'noi ekologicheskoi politiki Rossii. / Pod. red. V.M. Zakharova. – M.: ООО «Типография LEVKO», Institut ustoichivogo razvitiya / Tsentr ekologicheskoi politiki Rossii, 2009. – S. 10.
2. Deklaratsiya Konferentsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po problemam okruzhayushchei cheloveka sredy v Stokgol'me 1972 g. / Ofitsial'nyi sait OON / [Elektronnyi resurs] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml
3. Programma OON po okruzhayushchei srede uchrezhdena na osnove rezolyutsii General'noi Assamblei OON № 2997 ot 15 dekabrya 1972 goda / [Elektronnyi resurs] // URL: <https://www.un.org/ru/ga/unep/>
4. Nashe obshchee budushchee Doklad Mezhdunarodnoi komissii po okruzhayushchei srede i razvitiyu (MKOSR) Perevod s angliiskogo. Pod redaktsiei S.A. Evteeva i R.A. Pereleta.
5. Rio-de-Zhaneirskaya deklaratsiya po okruzhayushchei srede i razvitiyu. Prinyata Konferentsiei OON po okruzhayushchei srede i razvitiyu, Rio-de-Zhaneiro, 3–14 iyunya 1992 goda. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
6. Nashe obshchee budushchee. Doklad Mezhdunarodnoi komissii po okruzhayushchei srede i razvitiyu. M., 1989.
7. Povestka dnya na XXI vek. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
8. Doklad Vsemirnoi vstrechi na vysshem urovne v Iokhannesburge / [Elektronnyi resurs] // URL: <https://undocs.org/ru/A/Conf.199/20>
9. Rezolyutsiya GA OON №63/217 ot 19.12.2008 / [Elektronnyi resurs] // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/483/83/PDF/N0848383.pdf?OpenElement>
10. Rezolyutsiya GA OON ot 18.09.2015 / [Elektronnyi resurs] // URL: <https://undocs.org/ru/A/70/L.1>
11. Kiotskii protokol k Ramochnoi konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii ob izmenenii klimata. Prinyat 11 dekabrya 1997 goda. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml
12. Ramochnaya konventsia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii ob izmenenii klimata. 1992. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml

13. Kiotskii protokol k Ramochnoi konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii ob izmenenii klimata URL:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml
14. Parizhskoe soglashenie, 2015. URL:
https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf
15. Kochurov B.I., Shats M.M., Skachkov Yu.B., Chernaya V.V., Lobkovskii V.A. Izmeneniya klimata i pandemiya koronavirusa, 2021. DOI: 10.24412/1728-323X-2021-5-68-75
16. Glasgow Climate Pact, 2021 URL:
https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma3_auv_2_cover%20decision.pdf
17. Decisions taken at the Sharm El-Sheikh Climate Change Conference URL:
<https://unfccc.int/cop27/decisions>
18. Itogi sammita SOR 27. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/results-of-the-climate-summit-cop27>
19. COP27 Reaches Breakthrough Agreement on New "Loss and Damage" Fund for Vulnerable Countries URL: <https://unfccc.int/news/cop27-reaches-breakthrough-agreement-on-new-loss-and-damage-fund-for-vulnerable-countries>
20. Decision-/CP.27 Sharm el-Sheikh Implementation Plan
https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cop27_auv_2_cover%20decision.pdf
21. KS-28 svidetel'stvuet o nachale kontsa ery iskopaemogo topliva
<https://unfccc.int/ru/news/soglashenie-na-ks-28-signaliziruet-nachalo-konca-epokhi-iskopaemogo-topliv>

Formation of national image and translation practice of Chinese political discourse in the context of the digital age - on the example of Chinese diplomatic communiqués

Cai Jiafeng

Postgraduate student; Institute of Foreign Languages; Southeastern University, China.

79 Suyuan Ave., Nanjing, Jiangsu Province, China, 211189

□ 1172357478@qq.com

Han Chaochao

Postgraduate student; Department of Mass Communications; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

□ 1042225273@pfur.ru

Chen Panli

Postgraduate student; Philosophy of Language and Communication; Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow region, Moscow, Kutuzovsky ave., 45

□ 1499600747@qq.com

Gabelnikov Aleksandr Anatolevich

Doctor of History

Professor; Department of Mass Communications; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ gabelnikov-aa@rudn.ru

Abstract. This study aims to analyze the impact of Chinese political discourse translation practices on the formation of state image in the digital era, using Chinese diplomatic documents as illustrative material. Diplomatic documents, including diplomatic communiqués, play a crucial role in political propaganda and international communication, holding significant strategic value in international relations. Analyzing the processes and strategies involved in translating diplomatic documents allows for a deeper understanding of how different translation methods influence the portrayal of a state. The accuracy and cultural adaptation of diplomatic translation directly affect the perception of Chinese policies and the image of the state by foreign audiences. While literal translation may preserve the accuracy of the original, it does not always convey cultural context and political intentions. In contrast, free translation and cultural adaptation contribute to a better understanding and acceptance of political information and the state's image by the target audience. Thus, the translation practice of diplomatic documents is not only a linguistic process but also a crucial strategy for shaping the state's image. This study employs textual analysis methods and is grounded in translation theory to analyze the use of vocabulary and sentence structure in the translation of diplomatic documents. The research aims to identify translation strategies used and to uncover hidden national images. The findings indicate that different translation strategies significantly influence the formation of the national image. Literal translation maintains the accuracy of the original but may miss cultural nuances. Paraphrasing enhances the perception and understanding of the text. Cultural transformation facilitates better adaptation of the text to the local audience. The scientific novelty of this research lies in its empirical investigation based on the translation of political discourse to reveal the formation of the state's image. The research results can be applied in diplomacy, international communications, and intercultural interactions, providing empirical support and guidance on translation strategies to enhance the national image. The study underscores the importance of translating political discourse for shaping the national image in the digital era. Under the influence of national ideology, the translation of political texts requires reevaluation and a forward-looking approach. In the digital era, the translation of political texts should aim to maintain and strengthen the national image.

Keywords: state image formation, political text, diplomatic communiqué, translation strategy, translation practice, digital era, Chinese political discourse, national image, textual analysis, translation of a political text

References (transliterated)

1. Gu Tszin, Chzhen Yuan'khuei. Perevod kitaiskogo politicheskogo diskursa v ramkakh Global'noi tsivilizatsionnoi initsiativy: polifonicheskii dialog i posrednichestvo //Shankhaiskii perevod. – 2024. – T. 174. – №. 1. – S. 30.
2. Khuan Yutsi, Lan' Khuntszyun'. Izmenenie semantiki otnosheniya v praktike perevoda natsional'nogo politicheskogo diskursa Kitaya za poslednie 20 let // Zhurnal Pekinskogo vtorogo instituta inostrannykh yazykov. – S. 1.
3. Lyu Fan. Razmyshleniya o «diskussii o literaturnoi izyashchnosti» v istorii perevoda

- kitaiskikh buddiiskikh sutr – na primere Chzhi Tsyang' iz shkoly «literaturnoi izyashchnosti» //Kitaiskii perevod. – 2018. – T. 39. – №. 3. – S. 28-33.
4. Khuan Keu i dr. Yan' Fu i kul'turnaya transformatsiya sovremennogo Kitaya //Zhurnal Vostochno-Kitaiskogo pedagogicheskogo universiteta (filosofiya i sotsial'nye nauki). – 2011. – T. 43. – №. 1. – S. 83.
 5. Yue Fen. Perevod kitaiskikh tekstov na inostrannye yazyki i ikh rasprostranenie na Zapade. – BEIJING BOOK CO. INC., 2018.
 6. Be Fanfan, Khuan Tsin'. Sravnitel'noe issledovanie perevodcheskikh printsipov Dolle i Taitlera //Obrazovanie na inostrannykh yazykakh. – 2007. – №. 1. – S. 163-168.
 7. Tsai I. Lingvisticheskaya shkola teorii perevoda – predstavlenie knigi Bal'khudanova «Yazyk i perevod» // Kitaiskii perevod. – 1982. – T. 6.
 8. Mu Lei. Obzor knigi Ketford «Lingvisticheskaya teoriya perevoda» // Prepodavanie inostrannykh yazykov. – 1990. – №. 2. – S. 37-42.
 9. Pen Chzhogu. Perevodovedenie: sozdanie novoi nauchnoi distsipliny. – Pekinskoe izdatel'stvo bibliotek, 2000.
 10. Tao Yuan'. Sozdanie i issledovanie parallel'nogo korpusa russko-kitaiskikh gumanitarnykh i sotsial'nykh nauchnykh tekstov // Sbornik. – 2014. – T. 1.
 11. Lu Khuan'. Kratkii obzor «Teorii i tekhniki perevoda s russkogo na kitaiskii» //Sovremennye inostrannye yazyki. – 1987. – T. 3.
 12. Chzhu Bo. Strategicheskii vzglyad na perevod: primer proekta «Klyuchevye slova Kitaya» //Sovremennye issledovaniya inostrannykh yazykov. – 2020. – T. 20. – №. 2. – S. 111.
 13. Bulycheva S. F. Perevod politicheskogo teksta v aspekte mezhkul'turnoi kommunikatsii //Lingua mobilis. – 2009. – №. 2 (16). – S. 136-141.
 14. Morozov E. A. Problemy perevoda politicheskogo teksta (na primere rechi VV Putina) // Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya. – 2016. – T. 2. – S. 233-236.
 15. Brodskii M. Yu. Politicheskii diskurs i perevod //Politicheskaya lingvistika. – 2011. – №. 1. – S. 103-111.
 16. Geiko N. R. Politicheskii tekst kak ob'ekt perevoda // Lingua mobilis. – 2013. – № 7 (46). – S. 56-61.

Characteristics and translation of metaphorical language in traditional Chinese medicine texts

Chen Kuo

Postgraduate student; Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

119361, Russia, Moscow, Mklukho-Mklaya str., 10-2a

✉ kuo.chen@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the characteristics of metaphorical language and its translation in the texts of traditional Chinese medicine. The research subject of this article is metaphorical language in TCM texts. The characteristics of the metaphorical language of TCM texts determine that translation should focus on cross-cultural communication and meaning interpretation. The purpose of the study is to investigate, learn how to accurately decipher metaphorical language and convey the connotation of these

metaphorical expressions, so as to promote the effective dissemination of TCM culture in intercultural communication. And also - to reduce misunderstandings caused by cultural and linguistic differences, to improve the quality and accuracy of translations of TCM texts, to build a better linguistic bridge for TCM to the world. In terms of research methodology, this paper uses the method of literature study - extensive collection of relevant information and detailed interpretation of typical metaphorical expressions, as well as the method of comparative analysis - comparing the differences in the use of metaphorical language in different literatures. Scientific novelty is reflected in the in-depth interpretation and translation of TCM metaphors. Through an in-depth study of TCM theories and practices, the scientific principles underlying metaphors are revealed and presented to readers in a clearer and more accurate way. At the same time, innovative translation methods such as the method of literal translation with commentary, the free translation method, etc., allow readers to better understand the unique meaning of TCM metaphors. Through in-depth analysis, it is found that metaphorical language has important characteristics such as imagery, cultural relevance and polysemy, and is an important cognitive approach and tool in Chinese medicine and at the same time not only embodies a special description of physiological phenomena, but also a unique cognitive marker of alternative psychophysiological communication.

Keywords: characterization of the TCM metaphor, decipher, TCM texts, intercultural communication, translation methods, cognitive linguistics, TCM metaphorical language, cognitive metaphor, metaphor, Traditional Chinese Medicine

References (transliterated)

1. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 632 s.
2. Van Khaiyan', Kuz'menko G. N. Problema nauchnogo statusa traditsionnoi kitaiskoi meditsiny v KNR // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. 2023. №1 (45). S. 68-78.
3. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. Nazran': OOO «Piligrim», 2010. 486 s.
4. Zalevskaya A. A. Vvedenie v psikholingvistiku. Uchebnik. M.: RGGU, 2007. 559 s.
5. Zubkova. O. S. Metafora v filosofskoi paradigme // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Kursk: KGU, 2010. №1(13). S. 47-56.
6. Kimov R. S. Metafora i metonimiya kak kognitivnye i epistemicheskie mekhanizmy formirovaniya yazykovoi kartiny mira [Tekst]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskii gos. un-t, 2010. 182 s.
7. Makashova V. V. Kognitivnaya teoriya metafory A.N. BARANOVA // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2022. №5. S. 1122-1129.
8. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika / V. A. Maslova. Minsk: TetraSistems, 2004. 255 s.
9. Slesarenko. Z. R. Kul'turologiya i mezhkul'turnye kommunikatsii : uchebnoe posobie. V 2 chastyakh. Chast' I. Teoriya kul'tury. Kazan': KGEU, 2021. 126 s.
10. Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem. Tom pervyi: Voprosy o prosteishem / Pod red. Yao Chun'pena; per. s kit. B. B. Vinogradskogo. M.: Shans, 2024. 495 s.
11. Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem. Tom vtoroi: Os' dukha / Pod red. Yao Chun'pena; per. s kit. B. B. Vinogradskogo. M.: Shans, 2024. 335 s.
12. 黄帝内经 // 上:素问.下:灵枢 – 北京:中华书局, 2022年.1471 页. (Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem // pervaya chast': Voprosy o prosteishem. Vtoraya chast': Os' dukha.

Pekin: Chzhunkhua Shutszyui, 2022. 1471 s.)

13. 张仲景. 伤寒论. 北京市: 人民卫生出版社. 2005年. 198页 (Chzhan Chzhuntszin. Traktat o boleznyakh, vyzvannykh kholodom. Pekin: Izdatel'stvo "Narodnoe zdorov'e". 2005. 198 s.)

Russian writers in french press at the turn of the XIX-XX century. Newspaper "L'Aurore"

Minasian Sofia Vital'evna

PhD in Philology

Senior Researcher, Associate Professor; Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

344022, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, lane Zhuravleva, 102/105, office 128

 suffi@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the interest of the French socialist press at the turn of the XIX–XX centuries in the spiritual and political position of Russian writers (using the example of the socialist newspaper "L'Aurore". The article is devoted to an urgent topic – Franco-Russian cultural ties based on the analysis of the Russian literature Since 1870. The purpose of the work is to analyze and generalize the semantic content of published texts from the perspective of determining their adherence to a given political course and the idea of engagement. The material was selected by the method of directional sampling, collection and classification of articles, taking into account the editors' particularly close attention to such writers as F.M. Dostoevsky, Lev Tolstoy, Maxim Gorky. The research methodology is complex and includes content analysis using biographical, historical, cultural and comparative methods. The author's special contribution to the research of the topic is the explication of the close attention of the Western press, especially of the left, to the position of Russian writers, which served to attract the interest of the mass reader to their works. However, the main conclusion of the author is that the driving incentive for the press to address the names of great thinkers was the affirmation of socialist ideals and the idea of the writer's engagement, his unity with the people and opposition to power. The novelty of the work is determined by the scrupulous selection of relevant material and the practical development of this topic, which has so far remained outside the field of research by other authors.

Keywords: engagement, The Dreyfus case, Fyodor Dostoevsky, Maxim Gorky, Leo Tolstoy, the turn of the century, Russian literature, newspaper "L'Aurore", socialist press, French periodicals

References (transliterated)

1. Bellet, R. (1967). *Presse et journalisme sous le Second Empire*. P.: Armand Colin.
Belle R. Pressa i zhurnalistika vo vremena Vtoroi Imperii. Parizh: Arman Kolin, 1967.
2. Charle, Ch. (2004). *Le siècle de la presse: 1830-1939*. P. : Seuil. Sharl' K. Vek pressy: 1830-1939 gg. Parizh: Porog, 2004.
3. Kalifa, D., Régnier, Ph., Thérenty, M.-È. & Vaillant, A. (2011). *La civilisation du journal. Histoire culturelle et littéraire de la presse française au XIXe siècle*. P. : Nouveau Monde éditions. Kalifa D., Ren'e F., Terentii M.-I., Vaiyan A. Gazetnaya tsivilizatsiya. Kul'turnaya i literaturnaya istoriya frantsuzskoi pressy v XIX veke. Parizh: Izdaniya novogo sveta, 2011.
4. Taveaux-Grandpierre, K. (2011). De la transformation de la presse en industrie

- culturelle par la diffusion. *Communication & Langages*, 130, 86-99. Tavo-Grandp'ere K. O prevrashchenii pressy v industriyu kul'tury posredstvom rasprostraneniya // Kommunikatsiya i yazyki. 2001. № 130. S. 86-99. URL: https://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_2001_num_130_1_3111.
5. Zola E. (13 janvier 1898). J'accuse...! *L'Aurore*, 87, 1. Zolya E. Ya obvinyayu...! // Zarya. 13 yanvarya 1898. № 87. S. 1.
 6. La protestation (14 janvier 1898). *L'Aurore*, 88, 1. Protest // Zarya. 14 yanvarya 1898. № 88. S. 1.
 7. Clemenceau, G. (22 janvier 1898). A la dérive. *L'Aurore*, 97, 1. Klemanso Zh. Dreifuyushchii // Zarya. 22 yanvarya 1898. № 97. S. 1.
 8. Barres, M. (1 février 1898). La protestation des intellectuels. *Le Journal*, 1953, 1. Barres M. Protest intellektualov // Gazeta. 1 fevralya 1898. № 1953. S. 1.
 9. Gal'tsova E.D., Fokin S.L., Volchek O.E., Balakireva M.E., Minasyan S.V. (2024). Iz istorii rossiisko-frantsuzskikh literaturnykh vzaimodeistvii rubezha XIX-XX vekov: Turgenev, Dostoevskii, Bakunin i dekadans, anarkhizm, sotsial'nyi darvinizm // *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya*. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2283>
 10. Ory, P. & Sirinelli, J.-F. (2002). *Les intellectuels en France. De l'affaire de Dreyfus à nos jours*. P.: Armand Colin. Ori P., Sirinelli Zh.-F. Intellektualy vo Frantsii. Ot dela Dreifusa do nashikh dnei. Parizh: Arman Kolin, 2002.
 11. Tolstoi L.N. (2024). Polnoe sobranie sochinenii. URL: <https://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/>.
 12. Le Blond, M. (7 février 1904). Le prix de Rome des écrivains. *L'Aurore*, 2302, 2. Le Blond M. Rimskaya premiya pisatelei // Zarya. 7 fevralya 1904. № 2302. S. 2.
 13. Moujik (12 mai 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1301, 1. Muzhik. Golos muzhika // Zarya. 12 maya 1901. № 1301. S. 1.
 14. Moujik (18 mai 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1307, 1. Muzhik. Golos muzhika // Zarya. 18 maya 1901. № 1307. S. 1.
 15. Moujik (22 septembre 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1434, 2. Muzhik. Golos muzhika // Zarya. 22 sentyabrya 1901. № 1434. S. 1.
 16. Moujik (3 juin 1901). La Voix d'un moujik. *L'Aurore*, 1323, 1. Muzhik. Golos muzhika // Zarya. 3 iyunya 1901. № 1323. S. 1.
 17. Moujik (14 mai 1901). La Voix d'un moujik. Lettre XIII (1). *L'Aurore*, 1395, 2. Muzhik. Golos muzhika. Pis'mo XIII (1) // Zarya. 14 maya 1901. № 1395. S. 2.
 18. Pouchkine (11 juin 1899). *L'Aurore*, 601, 2. Pushkin // Zarya. 11 iyunya 1899. № 601. S. 2.
 19. Bouhelier, S.-G. de. (25 juin 1906). Lettre à un jeune poète qui sollicite le Prix de Rome. *L'Aurore*, 3171, 1-2. Bukhel'e S.-Zh. de. Pis'mo molodomu poetu, pretenduyushchemu na Rimskuyu premiyu // Zarya. 25 iyunya 1906. № 3171. S. 1-2.
 20. Descaves, L. (25 février 1898). Le livre à faire. *L'Aurore*, 130, 1. Deskaves L. Kniga, kotoruyu nuzhno sdelat' // Zarya. 25 fevralya 1898. № 130. S. 1.
 21. L'Opinion de Tolstoï sur l'acte de Zola (15 mars 1898). *L'Aurore*, 148, 1. Mnenie Tolstogo o postupke Zolya // Zarya. 15 marta 1898. № 148. S. 1.
 22. Ça et là (12 octobre 1898). *L'Aurore*, 359, 1. To i eto // Zarya. 12 oktyabrya 1898. № 359. S. 1.
 23. *Pensées de Tolstoï d'après les textes russes par Ossip-Lourié* (1898). P. : Felix Alcan. Mysli Tolstogo po russkim tekstam Osip-Lur'e. Parizh: Feliks Alkan, 1898.
 24. Mauclair, C. (3 novembre 1898). Un antinationaliste. *L'Aurore*, 381, 1-2. Makler K.

- Antinatsionalist // Zarya. 3 noyabrya 1898. № 381. S. 1-2.
25. Décagone. Cartes postales (4 novembre 1897). *L'Aurore*, 17,1. Desyatiugol'nik. Otkrytki // Zarya. 4 noyabrya 1897. № 17. S. 1.
26. La Révolte en Russie (20 mars 1901). *L'Aurore*, 1248, 2. Vosstanie v Rossii // Zarya. 20 marta 1901. № 1248. S. 2.
27. Gohier, U. (13 septembre 1901). Vive Tolstoï ! *L'Aurore*, 1425, 1. God'e U. Da zdravstvuet Tolstoi! // Zarya. 13 sentyabrya 1901. № 1425. S. 1.
28. Rolland, R. (1921). Les idées sociales de Tolstoï / *Vie de Tolstoï*. P. : Hachette, 156-174. Rollan R. Sotsial'nye idei Tolstogo / *Zhizn' Tolstogo*. Parizh: Khashett, 1921. S. 156-174.
29. Gohier, U. (26 mars 1901). Tolstoïsme. *L'Aurore*, 1254, 1. God'e U. Tolstovstvo // Zarya. 26 marta 1901. № 1254. S. 1.
30. Ular, A. (11 février 1905). Tolstoï. *L'Aurore*, 2672, 1. Ular A. Tolstoi // Zarya. 11 fevralya 1905. № 2672. S. 1.
31. Un article de Tolstoï (12 mars 1905). *L'Aurore*, 2771, 2. Stat'ya Tolstogo // Zarya. 12 marta 1905. № 2771. S. 2.
32. Bouhelier, S.-G. de. (19 janvier 1908). Sur Tolstoï. *L'Aurore*, 3740, 1. Bukhel'e S.-Zh. de. O Tolstom // Zarya. 19 yanvarya 1908. № 3740. S. 1.
33. Tolstoï (9 septembre 1898). *L'Aurore*, 326, 2. Tolstoi //Zarya. 9 sentyabrya 1898. № 326. S. 2.
34. La mort de Tolstoï (21 novembre 1910). *L'Aurore*, 4760, 3. Smert' Tolstogo // Zarya. 21 noyabrya 1910. № 4760. S. 3.
35. Gusev N.N. (2024). Kakie byli poslednie slova L.N. Tolstogo. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/gusev-poslednie-slova-tolstogo.htm>
36. Pressensé de, F. (1 mars 1902). Toutes les Russies. *L'Aurore*, 1754, 1. Pressens F. de. Vsy Rossiya // Zarya. 1 marta 1902. № 1754. S. 1.
37. Maxime Gorki (8 mai 1905). *L'Aurore*, 2758, 1-2. Maksim Gor'kii // Zarya. 8 maya 1905. № 2758. S. 1-2.
38. *Gorki Maxime (1901). Les Vagabonds / Traduction et préface par Ivan Strannik. P.: Société du «Mercure de France». Gor'kii, Maksim. Stranniki / perevod i predislovie Ivana Strannika. Parizh: Obshchestvo «Frantsuzskii Merkurii», 1901.*

The hero's existential dilemma in the story "First Love": the Hamletian question

Hao Jingjing

PhD in Philology

PhD student, Department of History of Russian Literature, St. Petersburg State University

199034, Russia, Leningrad region, Saint Petersburg, nab. University, 7-9, of. 7-9

✉ 1925518245@qq.com

Abstract. The article is devoted to the existential dilemma of the hero in I. S. Turgenev's story "First Love", which goes back to the eternal Hamletian question. The traumatic experience of the hero of the story is analyzed, in the image of which it is possible to find moral and psychological traits peculiar to Hamlet, transferred in the context of Russian cultural tradition. The object of the study is the political and ethical dilemma of the hero in the story "First Love". The subject of the study is the unusual love experience of the

protagonist of the story and the social and family relations connected with it. The main purpose of the work is to analyze Shakespearean reminiscences in the story, to identify the Hamletian question behind the hero's tragic love. The following research methods were applied in the work: the method of holistic analysis of the artwork, descriptive, comparative, as well as the method of linguocultural interpretation. The research shows that I. S. Turgenev presents the story of the young hero's first love as a socio-political allegory, an allusion to the existential dilemma of the young generation at a critical period. It is the inability to resolve this dilemma that leads the hero of the story to a tragic finale, which should be seen as a warning from the writer. The results described in this article will contribute to a deeper understanding of the late work of I. S. Turgenev, as well as can be introduced as a scientific material in the educational process at the Faculty of Philology. The scientific novelty of the study consists in the fact that the paper is the first to study in detail the Hamlet question in Turgenev's story, which is usually paid little attention to, and to discover the reason for the formation of the Russian Hamlet from the double dilemma (political and ethical) of the protagonist.

Keywords: socio-political allegory, psychological trauma, William Shakespeare, Hamlet, Oedipus complex, ethical dilemma, political dilemma, the Hamletian question, First love, Ivan Turgenev

References (transliterated)

1. Batyuto A. I. *Izbrannye trudy*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2004.
2. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. T. 2*. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953.
3. Belyaeva I. A. *Sistema zhanrov v tvorchestve I. S. Turgeneva*. M.: MPGU, 2005.
4. Boeva G. N. *Predvkushenie freidizma: opyt interpretatsii povesti I. S. Turgeneva «Pervaya lyubov'» // IV Freidovskie chteniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / pod red. M. M. Reshetnikova*. SPb.: Vostochnoevropeiskii institut psikhoanaliza, 2019. S. 80–92.
5. Vdovin A. *Semeinaya drama Turgenevykh: povest' «Pervaya lyubov'»*. URL: <https://magisteria.ru/ivan-turgenev-and-his-time/first-love> (data obrashcheniya: 27.10.2023).
6. Volkov I. O. *Uil'yam Shekspir v khudozhestvennom mire I. S. Turgeneva: «Gamlet» i «Korol' Lir»: dis. ... kand. filol. nauk*. Tomsk, 2019.
7. Vysokovich K. *Turgenev i Shopengauer // Letnyaya shkola po russkoi literature*. 2016. T. 12. № 4. S. 410–423.
8. Gutman D. S. I. *S Turgenev o Shekspire // O traditsiyakh i novatorstve v literature i ustnom narodnom tvorchestve: sbornik statei*. Ufa, 1964. S. 139–154.
9. Kiiko E. I. *Kommentarii: I.S. Turgenev. Pervaya lyubov' // Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. T. 7*. M.: Nauka, 1981. S. 478–492.
10. Kiiko E. I. *Okonchanie povesti «Pervaya lyubov'» (1863) // Literaturnoe nasledstvo*. 1964. T. 73. № 1. S. 59–68.
11. Korobeinikova O. Yu. *«Pervaya lyubov'» I. S. Turgeneva: yazyki kul'tury // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2008. T. 4. № 3. S. 154–159.
12. Levin Yu. D. *Russkii gamletizm // Ot romantizma k realizmu*. L., 1978. S. 189–236.
13. Levin Yu. D. *Shekspir i russkaya literatura XIX veka*. L.: Nauka, 1988.

14. Levin Yu. D. Shestidesyatye gody // Shekspir i russkaya kul'tura / pod red. M. P. Alekseeva. M.; L., 1965. S. 407–543.
15. Lipke Sh. Mimeticheskoe zhelanie, sopernichestvo mezhdru ottsom i synom i travmatichnyi opyt v novelle I. S. Turgeneva «Pervaya lyubov'» // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistsika. 2022. T. 27. № 3. S. 504–513.
16. Lotman L. M. Kommentarii [k povesti «Stepnoi korol' Lir»] // Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t. T. 10. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1965. S. 482–501.
17. Lukov V. A. Shekspirizatsiya (k teorii i istorii printsipov-protsessov) // Shekspirovskie shtudii: Tragediya «Gamlet». Materialy nauchnogo seminara, 23 aprelya 2005 goda. M.: Moskovskii gumanitarnyi universitet, 2005.
18. Merime P. Ivan Turgenev // Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 5. M., 1963.
19. Pumpyanskii L. V. Turgenev-novellist // Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoi literatury. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. S. 427–447.
20. Pushkin A. S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1. M.: Pravda, 1969.
21. Trofimova T. B. «Vy rasskazyvaete detyam skazku ili povest'...»: rasskaz «Malen'kii geroi» F. M. Dostoevskogo i povest' «Pervaya lyubov'» I. S. Turgeneva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2018. № 6. S. 177–189.
22. Turgenev I. S. Veshnie vody // Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. T. 8. M.: Nauka, 1981. S. 255–384.
23. Turgenev I. S. Pervaya lyubov' // Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. T. 6. M.: Nauka, 1981. C. 301–364.
24. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. T. 11. M.: Nauka, 1955.
25. Freid Z. Ocherki po psikhologii seksual'nosti. M.; Pg.: Gos. izd-vo, 1923.
26. Khokhlova M. P. O roli literaturnykh reministsentsii i allyuzii v povesti I. S. Turgeneva «Pervaya lyubov'» // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2015. T. 21. № 6. S. 65–69.
27. Shvetsova T. V. «Gamlet» v kontekste tvorchestva I. S. Turgeneva: dis. ... kand. filol. nauk. Arkhangel'sk, 2002. 194 s.
28. Shekspir U. Gamlet. Izbrannye perevody. M.: Raduga, 1985.
29. Kliger I. Scenarios of Power in Turgenev's First Love: Russian Realism and the Allegory of the State // The Center for Slavic, Eurasian and East European Studies Comparative Literature. 2018. Vol. 70. Is. 1. pp. 25–45.

Seasons in the lyrics by Alina Podgornova

Muromtseva Alena Olegovna

Student, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University

430005, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya str., 68, office 513

✉ alena.muromczewa@yandex.ru

Abstract. Seasonal imagery allows not only to reveal the chronotope of the lyrical text, the psychological state, and intentions of the lyrical subject, but also to reflect the specifics of

the author's reflection of the surrounding world, the peculiarities of his worldview. A dynamic and transforming motif-shaped cluster, the seasons are endowed with a symbolic load, semantic diversity, consonant with the historical and cultural era, and moral and ethical preferences of society. In this regard, the study of Mordovian women's poetry in the aspect of seasonal imagery is recognized as a productive research direction, since it allows us to present an objective picture of the level of aesthetic development of the national artistic discourse. Turning to the classical imagery (winter, spring, summer, autumn), female authors endow it with a wide range of different meanings. The seasons acquire original semantic content in the lyrics of the Erzya poet Alina Podgornova. The subject of research in the article is the functional-semantic features of seasonal imagery in the author's poems. The purpose of the work is to analyze a number of the poet's works, identify the most frequent seasonal images and motifs, reveal their semantic shades, meaningful connotations of images of winter, spring, summer, autumn. The methodological basis of the work is determined by the method of holistic analysis of a literary text, through which the structural and content components of a lyrical work are described and the semantic and symbolic organization of the poetic image is revealed. The scientific novelty of the study is determined by the fact that the aspect of seasonal imagery in A. Podgornova's poems is analyzed for the first time. The article argues that the author's lyrics present an original interpretation of seasonal images, endowed with a variety of semantic shades and connotations.

Keywords: motive, lyrical heroine, Alina Podgornova, poem, Mordovian women's lyrics, modern Mordovian literature, seasonal imagery, images of the seasons, symbol, semantics

References (transliterated)

1. Aleksenko A. D. Obraz zimy v tsivilizatsionnoi kartine mira sonetov Georgiya Vladimirovicha Golokhvastova // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2018. № 1(29). S. 158–165.
2. Arzamazov A. A. Motivno-obraznyi klaster «vremena goda» v poezii Sergeya Matveeva (kniga «Ins'ör pörtmas'kon'es») // Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2014. № 12 (51). S. 65–73.
3. Atamanova N. V. Leksicheskii kontsept «zima» v poezii F. I. Tyutcheva // Reports Scientific Society. 2023. № 10 (42). S. 10–15.
4. Vorozhtsova N. A. Vremena goda v tsikle K. K. Sluchevskogo «Iz prirody»: avtorskaya kontseptsiya mirozdaniya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. T. 29. № 1. S. 123–131. URL: https://vestnik.ksu.edu.ru/attachments/article/896/vorozhcova_na-vestnik-2023-1-ru.pdf (data obrashcheniya: 26.04.2024)
5. Krotova D. V. Simvolika vremen goda v lirike V. Shalamova // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2020. № 2 (87). S. 79–82.
6. Levitskaya N. E. Vremennaya sfera kartiny mira avtora v peizazhnom diskurse liriki Borisa Ryzhego // Voprosy russkoi literatury. 2018. № 4 (46/103). S. 24–45.
7. Maslova A. G. Vremena goda v poezii G. R. Derzhavina // Prepodavatel' XXI vek. 2010. T. 2. № 3. S. 317–324.
8. Muromtseva A.O. Reprezentatsiya liricheskogo «Ya» v poezii A. Podgornovoi // Litera. 2024. № 3. S.205-208. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70105 EDN: HPKHCI URL: https://e-notabene.ru/fil/article_70105.html
9. Panteleeva V. E. Vremena goda v russkoi poezii udmurtskogo poeta V. Ar-Sergi //

- Etnicheskaya kul'tura. 2023. T. 5. № 2. S. 48–52. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54011238_98670327.pdf (data obrashcheniya: 28.04.2024)
10. Podgornova A. Krome rifm. Saransk, 2016. 144 s.
 11. Podgornova A. Maryamga (Vslukh). Saransk, 2013. 160 s.
 12. Podgornova A. Mel' (Mysl'). Saransk: «Krasnyi Oktyabr'», 2021. 112 s.
 13. Spirina E. V. Vremena goda v sayano-altaiskoi poezii kak dukhovnoe otrazhenie naroda // Semantika chisel i simvolika geometricheskikh figur v traditsionnoi kul'ture tyurko-mongol'skikh narodov: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii nauchnykh rabotnikov, prepodavatelei obrazovatel'nykh struktur vsehkh urovnei, aspirantov i magistrantov. 2020. S. 93–100. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42376925_71459939.pdf (data obrashcheniya: 27.04.2024)
 14. Sheyanova S. V., Yusupova N. M., Gabidullina F. I. Spetsifika poeticheskoi sistemy A. Podgornovoi (sbornik «Mel'» («Mysl'»)) // Vestnik ugrovedeniya. 2022. T. 12. № 1. S. 123–132.
 15. Sheyanova S. V., Yusupov A. F., Maskaeva A. V. Intertekstual'nost' kak sposob voploshcheniya avtorskogo mirooshchushcheniya v poezii A. Podgornovoi // Vestnik ugrovedeniya. 2023. T. 13. № 1 (52). S. 150–158.
 16. Shokhina E. V. Akvaticheskie i solyarnye motivy v letnikh tekstakh russkikh poetov nachala XIX veka // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2017. № 2. S. 81–84.
 17. Shokhina E. V. Zima kak otrazhenie russkogo natsional'nogo kharaktera v poezii nachala XIX veka // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2015. T. 25. Vyp. 5. S. 103–107. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3504/3446> (data obrashcheniya: 27.04.2024)

The evolution of artistic conflict in the work of V.S. Makanin

ZHANG YUKUN

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 620075, Russia

✉ 954504210@qq.com

Abstract. The subject of the study is the artistic conflict in the works of V. S. Makanin. The object of the study is the evolution of this conflict during various periods of the writer's work. The author examines in detail such aspects of the topic as the impact of social and historical changes on the structure and content of artistic conflict. Special attention is paid to the analysis of three key stages in the development of the conflict: the period of the Soviet era, the time of social reforms and the modern stage of the integration of Russian literature into the world literary context. The main thematic and stylistic changes that took place in literature in response to social and cultural transformations are analyzed. The research is of interest for a deep understanding of the specifics of Russian literature of the late XX – early XXI century, as well as for studying the interrelationships of the literary process with historical and social changes in the country. The research methodology includes a morphological analysis of the structure of Makanin's works, stylistic analysis as a culture-specific code of the author, and a modeling method for predicting literary trends and creating variations of texts.

The main conclusions of the conducted research are the identification and analysis of the three-stage development of artistic conflict in the works of V. S. Makanin. The first stage reflects the transformation of Soviet and Russian society, the second – the spread of social tolerance in the last years of the USSR, and the third – the modernization and integration of Russia into world culture since 1991. The author's special contribution to the research of the topic is an in-depth analysis of the changes in artistic conflict in the context of sociocultural transformations of society. The study shows how external social and cultural changes affect the inner world of characters and the structure of literary texts. The novelty of the research lies in a multidimensional approach to the analysis of artistic conflict, which allows not only to consider it within the framework of a literary structure, but also to reflect a wide range of relationships between a literary work and changes in society over various historical periods. This allows us to better understand the mechanisms of interaction between literature and society, as well as to evaluate the individual contribution of the writer to the reflection and interpretation of these changes through the prism of artistic conflict.

Keywords: Post-Soviet period, Soviet literature, Sociocultural changes, Literary trends, Evolution of literature, genre, prose structure, Makanina, artistic conflict, Russian literature

References (transliterated)

1. Kagan M. S. *Chelovecheskaya deyatel'nost' (Opyt sistemnogo analiza)*. M.: Politizdat. 1974. 328 s.
2. Kaller Dzh. *Teoriya literatury. Kratkoe vvedenie*. M.: AST. 2006. 158 s.
3. Kiselev I. M. *Konflikt v khudozhestvennom proizvedenii*. K.: Derzhlitizdat URSR. 1962. 76 s.
4. Kravchenkova E. A. *Khudozhestvennyi mir V.S. Makanina: Kontseptsii i interpretatsii*: diss. kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Moskva. 2006. 273 s.
5. Golovnya V. V. *Aristofan*. M.: AN SSSR, 1955. 184 s.
6. *Aristotel'. Sochineniya : v 4 t.; per. s drevnegrech., obshch. red. A. I. Dovatura*. T. 4. M. : Mysl', 1983. 830 s.
7. 侯玮红:论马卡宁小说创作的艺术风格, 载《外国文学评论》, 2001 年第 2 期, 第 60 页-66 页 = Khou Veikhun: O khudozhestvennom stile sozdaniya romana Markkanena, «Obzor zarubezhnoi literatury». 2001 g. Vypusk 2. C. 60-66.
8. Rugo D. The patch as method: The arts' contribution towards understandings of conflict. *Int Polit Sci Rev*. 2024. № 45(1). R. 81-93.
9. Markova T. N. *Formotvorcheskie tendentsii v proze kontsa XX veka (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)*: diss. d-ra filol. nauk : 10.01.01. Ekaterinburg. 2003. 379 c.
10. Gun Ts. *Avtorskoe soznanie i formy ego vyrazheniya v proze V. S. Makanina 1970-1980-kh godov: monografiya*. otv. red. M. V. Skorokhodov; red. N. Kisina. Moskva: Vodolei, 2022. 299 c.
11. Se Chzhou, Chzhan Veivei. *Retritnaya dukhovnaya praktika i antropologiya askezy v romane V. Makanina «Predtecha»*. Mir russkogovoryashchikh stran. 2022. № 4 (14). S. 110-125.
12. Makanin V.S. *Syuzhet usredneniya: sbornik «Odnodnevnyaya voyna»*. M., Izdatel'stvo: Eksmo, 2010. 352 s.
13. Makanin V.S. *Laz. sbornik «Liniya sud'by i liniya zhizni»: romany*. M.: ZAO Izd-vo Tsentropoligraf. 2001. 599 s.

14. Makanin V.S. Ispug. M. Izdatel'stvo: Eksmo. 2011. 370 s.
15. Makanin V.S. Acan. M. Izdatel'stvo: Eksmo. 2018. 480 s.
16. Makanin V.S. Kavkazskii plennyi. Predisl. N. Ivanovoi. M.: Panorama. 1997. 476 s.
17. Makanin V.S. Andegraund, ili Geroi nashego vremeni: roman. Moskva : Vagrius. 1998. 493 s.
18. Amusin, M. F. Alkhimiya povsednevnosti: ocherk tvorchestva Vladimira Makanina. Moskva : Eksmo. 2010. 445 s.
19. Makanin V.S. Gde skhodilos' nebo s kholmami. M.: Vagrius. 2000. 207 s.
20. Makanin V.S. Stol, pokrytyi suknom i s grafinom poseredine. Sbornik «Pryamaya liniya». M. Izdatel'stvo: Eksmo. 2010. 119 s.
21. Shilina K. O. Poetika romana V. Makanina «Andegraund, ili Geroi nashego vremeni»: dis. kand. filol. nauk 10.01.01. Tyumen'. 2005. 168 s.

Literary reception of A. N. Ostrovsky's work in the comedy "Over the Oka River" by A. D. Simukov

Orlova Vasilissa Vladislavovna

Postgraduate student; Department of Modern Russian Literature; Gorky Literary Institute

117570, Russia, Moscow, Dnepropetrovsk str., 16k1, sq. 107

✉ Vasilisska007@mail.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the analysis of A. D. Simukov's comedy "Over the Oka River" in 1959 for the connection with the work of A. N. Ostrovsky, in particular, with his plays "The Storm" and "Talents and Admirers". The materials of the study were the draft and final version of the play by the Soviet playwright as well as the reviews of the production. In the course of the study, such features of the genre of plays-paintings used by A. D. Simukov are highlighted, such as a vivid description of everyday details and the playwright's attention to all the characters of the play. A brief historical and literary digression of the role of the "theatrical" theme in the drama of the XIX century is given. The main themes and ideas of these works are highlighted in order to compare them with the plays of the XX century. The attitude to the work of A. N. Ostrovsky in the XX century is revealed. Cultural-historical and comparative-historical methods, as well as the method of literary hermeneutics, were used in the research. The scientific novelty of the study consists in the lack of the research of the work of A. D. Simukov, whose plays were popular in the middle of the XX century, and the addition of knowledge about the perception and interpretation of the work of A. N. Ostrovsky in the XX century. The article concludes that the plot of the Soviet play is antithetical to the context of the original source of the selected quotations. A parallel is drawn with the plot of "Talents and Admirers" through the image of Katya, a young actress dreaming of fame. The example of her fate shows the difference between the social conditions of the XIX and XX centuries. The reception of a play is evaluated as a game in a game. It is concluded that A. D. Simukov in "The Storm" highlighted the idea of thirst for life and beauty, the need to awaken the human soul and expressed it in his play through the characters' contact with the world of art. Author compares the draft and the final versions of the play, as well as the work on the images of the main and secondary characters. It is concluded that the literary reception of A. N. Ostrovsky's work is expressed in many ways in the plot, as well as in figurative, ideological, textual and thematic aspects of the work.

Keywords: interpretation, literary allusion, Soviet drama, Talents and Admirers, The Storm, Above the Oka River, Alexander Nikolaevich Ostrovsky, Alexey Dmitrievich Simukov, The play in the pictures, Soviet comedy

References (transliterated)

1. Andreev L. Pis'ma o teatre. – Letchworth (Herts): Prideaux press, 1974.
2. Babicheva Yu. V. Ostrovskii v preddverii «novoi dramy» // URL: <https://kostromka.ru/revyakin/literature/170.php?ysclid=lxvsur15vh973368067> (data obrashcheniya: 16.02.2024).
3. Gol'din R. Nad Okoi-rekoi. Teatral'naya zhizn'. 1959. №22. S. 22.
4. Krivosheev I. Dva vechera. Krasnaya Mordoviya. Saransk. 1940. № 86.
5. Mayakovskii V. Melkaya filosofiya na glubokikh mestakh // URL: <https://www.culture.ru/poems/20560/melkaya-filosofiya-na-glubokikh-mestakh> (data obrashcheniya: 14.02.2024).
6. Ostrovskii A. N. Groza: Drama v 5-ti d. – Moskva: Iskusstvo, 1950.
7. Ostrovskii A. N. Talanty i poklonniki: p'esy. – Sankt-Peterburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2018.
8. Simukov A. Azorskie ostrova=/Vesennii shum/. P'esa v 3-kh deistviyakh. Mashinopis' s pravkoi i pometami N.M. Gorchakova i /A.D. Simukova/ 1957 // RGALI. F. 2959. Op. 1. Ed. khr. 491.
9. Simukov A. Vesennii shum – komediya. 1957 // RGALI. F. 2095. Op.8. Ed. khr. 676.
10. Simukov A. D. P'esy. M.: Sov. pisatel', 1965.
11. Simukov A. D. Chertov most, ili Moya zhizn' kak pylinka Istorii: (zapiski neunyayushchego) / Aleksei Simukov. M.: Agraf, 2008.
12. Teatral'naya entsiklopediya. T. III, M.: izd. Sovetskaya entsiklopediya, 1964.
13. Khaichenko E. G. "Teatr otets, teatr mat', teatr moe prednaznachen'ie!" (teatr i zritel' v dramaturgii russkikh avtorov XIX V.) // Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka. M.: Izdatel'stvo «GITIS», 2014, №1. S. 9-32.
14. Kholodov E. Dramaturg na vse vremena. – Moskva: Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo, 1975.
15. Chaikina, T. V. Zhanr kartin i stsen v tvorchestve A.N. Ostrovskogo: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 / Chaikina Tat'yana Vasil'evna; [Mesto zashchity: Ivan. gos. un-t]. Ivanovo. 2011.
16. Shakhmatova T. S. Vodevil'noe povetrie v russkoi literature XIX veka // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki, 2008. №6. S. 70-76.
17. Shul'pin A. P. A. V. Lunacharskii: Teatr i revolyutsiya. – Moskva: Iskusstvo, 1975.

Analysis of the characteristics and condition of folk songs of the north of Shaanxi province and their translations into Russian

Yan Yun'ya

Postgraduate student, RIAMP Department, RUDN

Abstract. The aim is to substantiate and analyse the features of folk songs of the north of Shaanxi Province (China) within the framework of the concepts of linguistic picture of the world and linguistic realities and to identify the qualitative indicators of their translation into Russian. In order to achieve this goal, the main task was to find a translation way to convey the content of linguistic realities within the framework of understanding the linguistic picture of the world and thus ensure the quality of their translation into Russian. In addition, we had to solve a number of specific tasks, including the following: to select theoretical and linguistic material; to analyse and develop the general state of Shaanxi Northern folk songs and their translation; to identify the current state of research on the theory of linguistic picture of the world; to identify the relationship between linguistic realities, linguistic picture of the world and translation activities; to conduct inductive analysis of selected translations of Shaanxi Northern folk songs and analyse the manifestation of linguistic realities in them. Thus, the material for the study was songs from the north of Shaanxi Province. The subject of the study is to analyse the translations of these songs. The novelty of this work lies not only in the choice of original material, but also in the fact that by analysing the poetic and aesthetic characteristics of the folk songs of the north of Shaanxi province, at the same time we have tried to prove for the first time that the translator's ability to interpret this artistic phenomenon requires a broad background knowledge and poetic taste. We attribute the practical significance of our present study to its results, which may be useful in the dissemination of Chinese folk culture, particularly Chinese Shanbei songs among Russian-speaking peoples.

Keywords: translators, linguistic culture, russian, Chinese, translation principles, translation, folk songs, linguistic reality, linguistic picture of the world, Shaanxi province

References (transliterated)

1. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod. Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. M.: IMO, 1975.
2. Vlahov S.I, Florin.S.L. Neperevodimoe v perevode. M.: R. Valent, 2006.
3. Gumbol'dt V.F. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. M.: Progress, 1984.
4. Rossel's V.M. Perevod i natsional'noe svoeobrazie podlinnika // Voprosy khudozhestvennogo perevoda: Sbornik statei. M.: Sovetskii pisatel', 1955.
5. Suprun A.E. Ekzoticheskaya leksika. M.: FN, 1958.
6. Fenenko N.A. Lingvisticheskii status termina realiya. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2007, № 2.
7. Chernov G.V. K voprosu o peredache bezekvivalentnoi leksiki pri perevode sovetskoi publitsistiki na angliiskii yazyk. M.: «Uchenye zapiski» 1-go MGPIIYa, T. XVI. 1958.
8. 孟霞, 娜塔莎·察廖娃, 刘欣欣. 陕北经典民歌(汉俄对照)[M]. 西安:陕西人民出版社.2017.
9. 王宏印.«Voice From The Northwest»《西北回响》.文化艺术出版社.2009.
10. 王小珏.陕北民歌中的女性情感与表达[J].西安工业大学学报,2015(03).

11. 席雁. “信达雅”“翻译三原则”与“动态对等”——新探中西方三种翻译标准的异同及原因[J]. 沧州师范专科学校学报. 2009 (03).
12. 杨仕章. 翻译中的语言世界图景问题[J]. 中国俄语教学. 2006 (04).

Linguistic and cultural specificity of euphemistic gender nominations (on the material of Uzbek, Russian and English languages)

Alimov Timur Ermekovich

Postgraduate student, Department of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

 alimovcom@mail.ru

Abstract. The research work is devoted to euphemistic nominations, created according to the pragmatic principle of politeness, which contain national and cultural information. The object of the research work was the euphemisms of gender (about 100 units), obtained by continuous sampling from the most representative explanatory dictionaries of the Uzbek, Russian and English languages. The subject of the research work is the linguistic and cultural specificity of euphemistic nominations of gender. The purpose of the research work is to identify the linguacultural specifics of euphemistic gender-related nominations. Since euphemistic substitutes are used in a particular community and are influenced by socio-cultural factors, they are strongly marked by socio-cultural features used by male and female representatives of Uzbek, Russian and English society. Using the cross-cultural method, we found that in addition to the idiosyncratic national context, there are phenomena in language systems, both universal and differential, including semantic universals and linguo-pragmatic maxims. The novelty of the research work lies in the comparative analysis, which makes it possible to identify universal and differential approaches to the use of euphemistic nominations in different cultures and social contexts. This is an innovative approach that contributes to the understanding of how sociolinguistic factors influence the formation and use of euphemisms in different languages. The results of the research work showed that gender-polite euphemistic nominations that arose within the framework of politically correct ideology contribute to the preservation of the communicant's cognitive space, recognizing the rights of women and expressing respect. They prevent insults but are not necessarily sincere expressions of sympathy and interest, rather, as the analysis of the study showed, these are formal and etiquette constructions. It has been proved that the specifics of the national culture and lifestyle of the Uzbek (in family relations, male family members refer to the female gender by certain word forms), Russian and English peoples, as well as the unique features of their mentality, are the basis for using euphemistic nominations to describe the gender-thematic group.

Keywords: linguo-pragmatic maxims, political correctness, gender indicator, key cultural concept, national mentality, linguacultural factors, politeness category, pragmatic principle, euphemistic nomination, concept

References (transliterated)

1. Alimov T.E. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika evfemizmov (na materiale russkogo i uzbekskogo yazykov) // Sovremennyyi uchenyi. 2023. – №. 2. – S. 50-58.

2. Vasil'eva O.A. Realizatsiya maksim vezhlivosti v angliiskom i russskom dialogakh [Tekst]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / O.A. Vasil'eva. – Ufa, 2000. – 158 s.
3. Vezhbitskaya A. Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazhenie v yazyke //Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. – 2002. – T. 2. – №. 4. – S. 6-34.
4. Vil'danova, G. A. Evfemiya i printsip vezhlivosti v sovremennom angliiskom yazyke: gendernyi aspekt: monografiya / G. A. Vil'danova. – Moskva-Berlin: Direkt-Media, 2015. – 162 s.
5. Vil'danova G. A. Evfemizm kak sredstvo realizatsii gendernoi vezhlivosti v sovremennom angliiskom yazyke //Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2008. – T. 13. – №. 4. – S. 1032-1035.
6. Gulyamova Sh. Ўzbek tili gender khoslangan evfemizmlarning qisqacha izoxli lu'fati [Matn]. – Toshkent: Akademnashr, 2019.
7. Zhel'vis V. I. Invektivnaya agressiya v ryadu emotivnykh sredstv //Sotsial'naya psikholingvistika. – 2007. – S. 278-322.
8. Ivanyan E.P. Evfemizmy russkogo yazyka: Spetskurs: uchebnoe posobie / E.P. Ivanyan. – 4-e izd., ster. – Moskva: FLINTA, 2022. – 121 c.
9. Ismatullaev N. Evfemizmy v sovremennom uzbekskom yazyke: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Tashkent, 1964. – 153 s.
10. Kovshova M. L. Kratkii tematicheskii slovar' sovremennykh russkikh evfemizmov //Semantika i pragmatika evfemizmov. Moskva: Gnozis. – 2007. – S. 279-317.
11. Larina T.V. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. – 512 s.
12. Omonturdiyev A.Zh. Ўzbek tilining qisqacha evfemik lu'fati. – Toshkent. 2006. – 134 b.
13. Popova Z.D., Sternin I.A. Obshchee yazykoznanie: uchebnoe posobie. 2-e izd-e, pererab. i. dop. Moskva: Vostok-Zapad, 2006. – 285 s.
14. Senichkina, E. P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka / E. P. Senichkina. – Moskva: Flinta: Nauka, 2008. – 464 s.
15. Solieva F.S. Kul'turnye narodnye traditsii: natsional'noe i obshchechelovecheskoe v soznanii lichnosti: Avtoref. dis. dokt. filosof. nauk. – Tashkent, 1994. – S. 32-33.
16. Troneva E. V. Evfemisticheskaya leksikalizatsiya kontsepta «gnev» v angliiskoi lingvokul'ture //Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya: Sb. statei. – 2009. – №. 39. – S. 50.
17. Shermatova G.Sh. Dukhovnye tsennosti natsional'nykh kul'tur i нравstvennoe vospitanie lichnosti / Kul'tura i нравstvennoe sovershenstvovanie lichnosti. – Tashkent, 1984. – S. 234.
18. Allan K., Burrige K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2006. – 303 p.
<https://doi.org/10.4000/lexis.1633>
19. Holder R. W. Dictionary of euphemisms. – Oxford University Press, USA, 2008. – 501 r.
20. Chambers J. K. Sociolinguistics // The Blackwell encyclopedia of sociology. – 2007.
<https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeoss204>
21. Trudgill P. Sociolinguistics: An introduction to language and society. – Penguin UK, 2000. – 222 r.
22. Watts R. J. 2. Linguistic politeness and politic verbal behaviour: Reconsidering claims for universality // Politeness in language: Studies in its history, theory and practice. – 2019. – T. 59. – S. 43-60.

Communicative and pragmatic peculiarities of euphemisms in Russian and Uzbek languages

Alimov Timur Ermekovich

Postgraduate student, Department of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

 alimovcom@mail.ru

Kupriyanova Milana Evgen'evna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

 milana_k@list.ru

Abstract. The object of the research is the linguistic means of explication, namely euphemisms, which were collected by continuous sampling from English and Uzbek dictionaries, encyclopedias and other reference and journalistic publications. The subject of the research is the communicative and pragmatic peculiarities of euphemistic units containing information about the moral values and ethical prescriptions inherent in society. The purpose of the research is to identify the communicative and pragmatic peculiarities of euphemistic nominations in the Russian and Uzbek languages, taking into account the national and cultural specifics of the compared languages. With the help of the cross-cultural method, we found that in addition to the uniqueness of the national context, there are phenomena in language systems, both universal and differential, including semantic universals and linguo-pragmatic maxims. The novelty of the research is a comparative analysis of the communicative and pragmatic peculiarities of euphemisms, taking into account the national and cultural aspect, which indicates the scientific novelty of the study. The results of the research showed that euphemism is not just a lexical substitute, but a broader concept, a form of discursive maneuvering. It has various strategies that perform the function of non-proximal manipulation of the discursive space, through which the speaker tries to increase the symbolic distance between himself and the mentioned event, on the one hand, and on the other hand, in certain situations, the use of a euphemistic unit may be due to the desire to mask real circumstances. The research work also shows that there is no relationship between the choice of euphemism strategy in the compared languages. Another important discovery is that Russians and Uzbeks resort to taboos when dealing with death and lies, but almost never sexual relations in Russian. Euphemistic language is influenced by the cultural and religious beliefs, lifestyle and norms of its speakers, especially in Uzbek, as we found when describing sexual relations and when addressing elders.

Keywords: semantic uncertainty, distancing principle, politeness principle, taboo, national and cultural specificity, euphemistic nomination, pragmatics, communication, conceptualization, discursive manipulation

References (transliterated)

1. Vasil'eva O.A. Realizatsiya maksim vezhlivosti v angliiskom i russskom dialogakh [Tekst]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / O.A. Vasil'eva. – Ufa, 2000. – 158 s.

2. Gal'perin I. R. Stilistika angliiskogo yazyka. Uchebnik / I. R. Gal'perin. 3-e izd. Moskva: Vysshaya shkola, 1981. – 334 s.
3. Zabotkina V.I. Novaya leksika sovremennogo angliiskogo yazyka: ucheb. Posobie dlya in-tov i fak.inostr. yaz. – Moskva: Vysshaya shkola, 1989. – 126 s.
4. Ivanyan E.P. Evfemizmy russkogo yazyka: Spetskurs: uchebnoe posobie / E.P. Ivanyan. – 4-e izd., ster. – Moskva: FLINTA, 2022. – 121 c.
5. Kuz'mina E. S. Evfemisticheskie protsessy v diakhronicheskom srezhe // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva, 2010. – № 4. – S. 130–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemisticheskie-protsessy-v-diahronicheskom-sreze> (data obrashcheniya: 19.07.2023).
6. Kovshova M.L. Kratkii tematicheskii slovar' sovremennykh russkikh evfemizmov // Semantika i pragmatika evfemizmov. Moskva: Gnozis, 2007. – 320 c.
7. Larina T.V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. – 512 s. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/annotatsiya-larina-t-v-kategoriya-vezhlivosti-i-stil-kommunikatsii-sopostavlenie-angliiskikh-i-russkikh-lingvokulturnykh-traditsiy> (data obrashcheniya: 19.07.2023).
8. Maslennikova A.A. Skrytye smysly i ikh lingvisticheskaya interpretatsiya: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d-ra filol. nauk. – Sankt-Peterburg: 1999. – 35 s.
9. Med N.G. Otsenoch'naya kartina mira v ispanskoi leksike i frazeologii: Na materiale ispanskoi razgovornoj rechi. – Sankt-Peterburg.: Izd-vo SPbGU, 2007. – 233 c.
10. Medynskaya V.L. Ob implitsitnykh strukturakh, vyrazhayushchikh nekotorye sintaksicheskie kategorii v russkom yazyke // NLVSh. Filol. nauki. – 1971. – № 3. – S. 38-41.
11. Meirieva A.S. Evfemisticheskaya leksika v sovremenном russkom yazyke: kompleksnaya kharakteristika [Tekst]: dis...kand. filol. nauk / Aishat Sultanovna Meirieva. – Magas, 2004. – 186 s.
12. Moskvina V. P. Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka / V. P. Moskvina. – Izdanie stereotipnoe. – Moskva: LENAND, 2017. – 262 s.
13. Omonturdiyev A. Ўzbek tilining qisqacha evfemik lufati. Toshkent: Ўzbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi, 2000. – 134 b.
14. Rubina N. B. «Evfemizmy» i «Politicheskaya korrektnost'» v sovremenном angliiskom yazyke // Russian Journal of Linguistics. – 2011. – №. 4. – S. 35-41.
15. Senichkina, E. P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka / E. P. Senichkina. – Moskva: Flinta: Nauka, 2008. – 464 s.
16. Serl' Dzh. Kosvennye rechevye akty. // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. – Moskva: Progress, 1986. – Vyp. XVII. – C. 195-222.
17. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. Volgograd: Peremena, 2000. – 368 s.
18. Shuvalov V.I. Evfemisticheskaya metaforizatsiya v yazyke i rechi // Aktual'nye problemy germanistiki i romanistiki. – Smolensk, 2002. – Vyp. 6. – Ch.1. – S. 87-91.
19. Allan K., Burrige K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2006. – 303 p. URL: <https://doi.org/10.4000/lexis.1633>
20. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge university press, 1987. – T. 4. – 345 p. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>
21. Chovanec J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case

- of blue-on-blue //Lingua. – 2019. – T. 225. – Pr. 50-62. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.04.001>.
22. Dabrowska A. Eufemizmy wspolczesnego jezyka polskiego. – Wroclaw, 1994. – 233 p.
 23. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova, D. S. Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette // Training Language and Culture. – 2019. – № 3(1). – Pp. 8-22. URL: <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1>.
 24. Goffman E. Interaction ritual: Essays in face to face behavior. – AldineTransaction, 2005. – 270 p.
 25. Gómez M.C. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism // Language Sciences. 2009. T. 31. № 6. Pr. 725-739. URL: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2009.05.001>.
 26. Fernández E. C. Sexually explicit euphemism in Martin Amis's "Yellow dog: mitigation or offence? //Miscelánea: A journal of english and american studies. – 2006. – №. 33. – Pr. 11-30.
 27. Linfoot-Ham K. The linguistics of euphemism: A diachronic study of euphemism formation //Journal of language and linguistics. – 2005. – T. 4. – №. 2. – Pr. 227-263.
 28. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch. Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1985. – 250 r.
 29. Neaman J.S., Silver C.G. Book of Euphemism. The hilarious guide to the unmentionable / J.S.Neaman, S.G.Silver. –London: Wordsworth Editions LTD, 1995. – 310 p.
 30. Andrea Pizarro Pedraza (ed.) Linguistic Taboo Revisited. Novel Insights from Cognitive Perspectives Berlín/Boston: De Gruyter Mouton, 2018. – 331 p. DOI: 10.1515/9783110582758
 31. Wardhaugh R. An introduction to sociolinguistics, Blackwell Publishing, 2021. – 480 p.

Paradigmatic class as an element of the language system

Vinogradov Sergey

Doctor of Philology

Professor, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pokrovskaya str., 37

✉ vinogradov54@mail.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the paradigmatic class (PC), considering as a set of variants of language units united by an invariant. The purpose of the research is to characterize the structural and functional properties of the PC as a compound unit of language that unit performing cognitive functions (problem formulation and choice of solution alternatives). The formulation of the problem involves the formulation of an invariant, which is a sign unit denoting a set of PC elements. Research methods are general linguistic methods of observation and description, methods of discursive and cognitive analysis, semiotic methods and methods of language modeling. The following results were obtained. The PC elements that are in interchangeability relation form a fuzzy set. The membership function of this fuzzy set is determined by the discourse in which the PC and its component parts function. The results of the study can be used to analyze the content of texts of various subjects when solving a number of communicative tasks (teaching, editing, writing creative works, etc.). The new results of the work are the consideration of the PC as an observable part of the universal set of language units. At the same time, there may be elements in the PC that have a small

value of the membership function, and in the unobservable part of the universal set, there may be elements that have a large value of the membership function when they appear in the PC. The formation of a set of PC elements and the creation of an invariant are determined by the discourse of language functioning which is illustrated in the article by the text of A.P. Chekhov's short story "Horse surname". The realization of the discursive situation "difficulty in remembering the desired surname" leads to the creation of a paradigmatic class of "horse surnames", and the choice of the desired surname is non-trivial, creative and requires the involvement of elements of a universal set that at first were not included in the PC.

Keywords: language functioning, content of text, discourse, fuzzy set, sign units, language modeling, cognitive functions, invariant, choice of variant, paradigmatic class

References (transliterated)

1. Berezin F.M., Golovin B.N. Obshchee yazykoznanie. M.: Prosveshchenie, 1979. 416 s.
2. Vinogradov S.N. O sootnoshenii ponyatii «yazykovaya sistema» i «yazykovoi mekhanizm» // Nauchnoe nasledie B.N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennogo yazykoznaniiya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.N. Golovina): Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. N. Novgorod: DEKOM, 2016. S. 97-101.
3. Vinogradov S.N. Paradigmatika yazyka kak universal'naya model' problemnoi situatsii // Integrativnye i kross-kul'turnye podkhody k izucheniyu myshleniya i yazyka: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 5–6 aprelya 2022. / Otv. red. V.I. Zabotkina, S.I. Pereverzeva. M.: RGGU, 2022. S. 36-37.
4. Vinogradov S.N. Smyslovye kategorii i smysl teksta // Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya. – 2016. – T. 3. – № 10. – S. 7-12.
5. Gorban' O. A., Kosova M. V., Sheptukhina E. M. Chernovoi tekst kak osnova rekonstruktsii rechemyslitel'noi deyatelnosti (na materiale regional'nykh dokumentov XVIII v.) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. – 2018. – T. 17. – № 4. – S. 40-54.
6. Erofeeva E.V., Kudlaeva A.N. K voprosu o sootnoshenii ponyatii TEKST i DISKURS // Problemy sotsio-i psikholingvistiki. Vyp.3: Sb. st. / Otv. red. T.I. Erofeeva. Perm': Permskii un-t, 2003. S. 28-36.
7. Zadorozhneva E.V. Kategoriya sochetaemosti v lingvisticheskoi nauke // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2007. – № 2. – S. 70-74.
8. Kartsevskii S. Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka // Zvegintsev V.A. Istoriya yazykoznaniiya XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Chast' II. – Izd. tret'e, dopolnennoe. – M.: Prosveshchenie, 1965. – S. 85-90.
9. Kudlaeva A.N. Tipy tekstov v strukture diskursa: avtoref. dis. ... kand.filol.nauk. Perm': Permskii gosudarstvennyi universitet, 2006. 19 s.
10. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. V.N. Yartseva. – M.: Sov. entsiklopediya, 1990. – 685 s.
11. Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha // Lotman Yu.M. O poetakh i poezii. SPb.: «Iskusstvo–SPB», 1996. S. 17-252.
12. Mechkovskaya N.B. Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lektsii. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2004. 432 s.
13. Piotrovskii R.G., Bektaev K.B., Piotrovskaya A.A. Matematicheskaya lingvistika. M.: «Vyssh. shkola», 1977. 383 s.

14. Slozhenikina Yu.V. Variativnost' i paradigmaticheskie gruppirovki slov // Voprosy filologii. – 2011. – № 1. – S. 13-19.
15. Solntsev V.M. Variativnost' kak obshchee svoistvo yazykovoi sistemy // Voprosy yazykoznaniya. – 1984. – № 2. – S. 31-42.
16. Sosyur F. Kurs obshchei lingvistiki // Sosyur F. Trudy po yazykoznaniyu. M.: Progress, 1977. – 696 s.
17. Chekhov A.P. Loshadinaya familiya // Chekhov A.P. Sobranie sochinenii v dvenadtsati tomakh. Tom III. M.: Izdatel'stvo «Pravda», 1985. S. 62-65.
18. Shmelev D.N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka). M.: Nauka, 1973. – 280 s.
19. Yakobson R.O. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv». M.: Progress, 1975. S. 193-230.

Lexical pragmatic indicators of conflictogenicity in the information field of migration: Mexico - USA (based on Mexican social media)

Davyants Irina Igorevna

Senior Lecturer; Department of Ibero-American Studies in the Field of Language, Translation and Intercultural Communication; Southern Federal University

344037, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, office 310

✉ 4283953@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to systematize the lexical pragmatic indicators of conflictogenicity (LPICs) used in Mexican user-generated content in the context of migration. The growth of anti-American attitudes caused by the speeches of D. Trump and his followers, as well as the socio-economic consequences of the influx of relocants from the USA to Mexico and their arrogant behavior contribute to the further formation of the image of the "Alien" in the Mexican linguistic picture of the world by the linguistic means of the conflictogenicity category. The study is based on user comments posted on the Mexican segment of Reddit, a popular online platform that combines the features of a social network and a forum where people can discuss various issues. About 3,000 comments posted over the past six years have been analyzed. The succession of two U.S. presidents during this period has had a great impact on the U.S. migration policy and its relations with Mexico. The LPICs were selected by the solid sampling method. Contextual method, method of communicative analysis, methods of component and pragmasemantic analysis were used too. As a result of the analysis, for the first time, the LPICs involved in the linguistic objectification of the image of the "Alien" in Mexican user-generated content – an English-speaking light-skinned foreigner – were identified and systematized. Both LPICs that initially have a negative connotation (invective and non-invective words of negative-evaluation): arrogant, greedy, invader, racist, disrespects Mexico, and LPICs that acquire it in ethno-cultural, socio-economic and personality-oriented contexts: Americans, English, English speakers, Mexico is a cheap country, etc. The increase in the density of LPICs used when discussing certain topics indicates the growing level of social tension in this sphere of public life.

Keywords: we-they opposition, linguistic picture of the world, cognitive base, virtual communication, social media, user-generated content, comments, migration crisis, conflictogenicity, lexical pragmatic indicators

References (transliterated)

1. Gizatullin D. E. Obshchenauchnye i filosofskie aspekty termina "kategoriya" v lingvistike // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 12. Ch. S. 90-93.
2. Belinskaya E. P., Ilyukhina S.N. Prostranstvo sotsial'nykh setei kak faktor radikalizatsii konflikta v virtual'nom vzaimodeistvii // Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie». 2018. № 4 (14). S. 81-95.
3. Zinov'eva E. I. Lingvokul'turologiya: ot teorii k praktike. Uchebnik. SPbGU. 2016. 182 s.
4. Karpovskaya N. V., Abkadyrova I. R., Davtyants I. I. O konfliktnom diskurse, leksicheskikh markerakh konfliktogennosti i ikh kognitivnopragmaticheskom potentsiale // Byulleten' gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve. Rostov-na-Donu, 2022. №1 (2). S. 14-25.
5. Karpoyan S. M. Funktsii kommentariya na razlichnykh kommunikativnykh platformakh sotsial'nykh setei // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 11-2. S. 242-245.
6. Karyakina K. A. Osobennosti zhurnalistskogo i pol'zovatel'skogo kontenta v internete: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10. 2011. 24 s.
7. Kim M. N. Pol'zovatel'skii kontent: problemy zhanroobrazovaniya // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2021. №3 (147). S. 70-78.
8. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsii. M.: ITDGK «Gnozis». 2002. 284 s.
9. Lyasheva M. N., Makeeva V. A., Yakovleva E. A. Lingvokul'turnye osobennosti markerov konfliktogennosti v proyavlenii oppozitsii «svoi-chuzhoi» (na materiale tekstov sotsial'nykh setei) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №2 (38). URL: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.3>
10. Skrebtsova T. G. Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika. Kurs lektsii. M.: Izdatel'skii Dom YaSK. 2020. 312 s.
11. Topchii I. V. Kommentarii v sotsial'nykh media // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2020. № 2 (36). S. 157-162.
12. Khalyapina L. P. Klyuchevye kategorii kognitivnoi lingvistiki kak osnova formirovaniya polikul'turnoi yazykovoi lichnosti v protsesse obucheniya inostrannym yazykam // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. 2006. T. 7. № 1. S. 68-73.
13. Brown W. Desear muros. Relaciones internacionales. 2012. Pr. 123-147.
14. Dijk T. A. van. Discourse and Racism. Discourse & Society. 1999. S. 145-159.
15. Eco Um. Construir al enemigo. Barcelona: Lumen. 2012. P. 320.
16. Llorca C. M. El discurso que construye al "Otro": prensa e interculturalidad en la España actual // "Problemas actuales de la Filología en el espacio Hispano-Ruso del Conocimiento": actas oficiales de la Conferencia Científico-Practica Internacional 22-24 septiembre de 2011. Cádiz: Universidad de Cádiz. 2014. Pp. 353-362.
17. Lodoño L. M. Construir al enemigo // Filo de Palabra. Comunicación y Humanidades. Universidad de Manizales. 2016, 41-46.

Character conflicts in the work of Dina Rubina

XU YUMIN

Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba;

125252, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 5k2

□ 1042238002@rudn.ru

Abstract. The subject of the study is the conflicts between the characters in the works of Dina Rubina – "Lyubka", "On the Upper Maslovka", and the object is the work of Dina Rubina as a whole.

This article analyzes the conflicts that arise between the characters in the literary works of the famous Russian writer Dina Rubina: "Lyubka", "On the Upper Maslovka". Through the clash of characters, the author of the article discusses how Rubina reveals the complex vicissitudes of human life, emotional experiences and psychological drama. Readers can follow the development of conflicts, their impact on the fate of characters and how they help to reveal the main ideas of each work. The thematic aspects of Dina Rubina's works and their relationship with conflicts between characters are also highlighted. Special attention is paid to the analysis of psychological aspects and the depth of characterization of the characters, so that readers can fully sympathize with them and plunge into the unique world created by the author. Research methods include the analysis of scientific literature on the research topic, critical analysis of texts, comparative analysis and generalization of the data obtained. The scientific novelty of this study lies in the fact that it is aimed at identifying and systematizing character conflicts in Rubina's stories and represents the first experience of a comprehensive analysis of this issue.

Summing up the impact of conflicts on the artistic value of Dina Rubina's works, we can say that they create realism and depth of works. The conflict allows us to reveal the complexity of the inner world of the characters and put them in front of a serious moral choice. They help to show conflicts in social issues and family relationships, as well as promote understanding and acceptance of different points of view. In general, the conflicts in Dina Rubina's works contribute to their deep content and reflect the complex reality of modern society.

Keywords: fate, literary creativity, skill of the author, psychology of characters, analysis of the work, characters, conflict, On the Upper Maslovka, Lyubka, Creativity of Dina Rubina

References (transliterated)

1. Vashukova M. Interv'y u Dinei Rubinoi «Mezhdu zemel', mezhdu vremen» // Sait Diny Rubinoi. 2010. URL: http://www.dinarubina.com/interview/kultura_tv_2010.html (data obrashcheniya: 15.01.2024)
2. Esin A.B. Stil' // Vvedenie v literaturovedenie. M.: Vyssh. shk., 2004.
3. Ilichevskii A. Dina Rubina // Knizhnoe obozrenie. 2007. № 46. S. 5.
4. Kniga «Na Verkhnei Maslovke» D. Rubinoi: takoi li uzh «Pet'ka» neputevyi? / Vremya zelenykh kholmov. – 2023 [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://dzen.ru/a/Y8W5PfN5FlcYmmz1> (data obrashcheniya: 20.01.2024)
5. Kozlov Yu. Problema natsional'noi/etnicheskoi identifikatsii v tvorchestve Diny Rubinoi // LITERATŪRA, 46(2). – 2004. – S. 1-10.
6. Kubasov A.V. O Dine Rubinoi – s lyubov'yu / Filologicheskii klass. – 2004.
7. Merkel' E. V. Personazhnaya sistematika v trilogiyakh Diny Rubinoi 2000–2010-kh godov / E. V. Merkel', E. S. Tulusheva // Nauchnyi dialog. – 2020. – № 12. – S. 185–195. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195.

8. Nauchnyi dialog / gl. red. T. V. Leont'eva ; uchred. i izd. Tsentr nauchnykh i obrazovatel'nykh proektov. – Ekaterinburg : Tsentr nauchnykh i obrazovatel'nykh proektov, 2017. – № 8. – 458 s. – Rezhim dostupa: po podpiske. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=481006>. – ISSN 2225-756X. – Tekst : elektronnyi.
9. Pitlyar I. «Do smeshnogo zhal'...» // Novyi mir №5, 1995.
10. Polevaya E. Lyubka/Alef – ezhekvar'tal'nyi mezhdunarodnyi evreiskii zhurnal. – 2010. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.alefmagazine.com/pub2069.html> (data obrashcheniya: 11.01.2023).
11. Rodionova A.V. Narrativno-gendernye osobennosti idiostilya D.I. Rubinoi :diss. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01 / [Mesto zashchity: Elets. gos. un-t im. I.A. Bunina]. – Lipetsk, 2018. – 226 s.
12. Rubina D.I. Glad' ozera v pasmurnoi mgle (sbornik). Izd-vo: Eksmo, 2007. – 672 s.
13. Rubina D.I. Lyubka: rasskazy / Dina Rubina. M.: Eksmo, 2011.
14. Rubina D.I. Na Verkhnei Maslovke. Izd-vo: Eksmo, 2008 g. – 400 s.
15. Sorokina N.V., Abramenkova L.E. Problematika i poetika maloi prozy D. Rubinoi 1970-1980-kh godov/ Neofilologiya. 2021. T. 7, №28. – S. 653-660.
16. Tamarchenko, N. D. Problema sobytiya v literaturnom proizvedenii (syuzhetologicheskie i narratologicheskie aspekty) / N.D. Tamarchenko // Narratorium. – 2011. – № 1-2. – URL: <http://narratorium.rgu.ru/article.html?id=2027585> (data obrashcheniya: 14.01.2024).
17. Tvorchestvo Diny Rubinoi/ Abinskaya mezhpоселенcheskaya biblioteka. Munitsipal'noe kazennoe uchrezhdenie kul'tury. – 2019. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://abinlib.ru/1419-tvorchestvo-diny-rubinoi.html> (data obrashcheniya: 20.01.2024).
18. Edel'shtein M. Vokrug Diny Rubinoi/LEKhaIM, mart. – 2010 ADAR 5770 – 3(215).
19. Shafranskaya E.F. Sindrom golubki (Mifopoetika prozy Diny Rubinoi). SPb.: Svoe izd-vo, 2012. 470 s.
20. Shroyer M.D. Voices of Jewish-Russian Literature. An Anthology/ Academic Studies Press, 2018. – 960 p.

Historical and etymological aspect of the conceptual triad mercy-indifference-cruelty in English and Russian

Osadchaia Olga Nikolaevna

PhD in Philology

Senior Tutor, Department of Foreign Languages, Russian State University of Justice

69 Novocheremushinskaya str., Moscow, 117418, Russia

✉ zuba-zuba@mail.ru

Abstract. The object of the study is the linguocultural triad mercy-indifference-cruelty in English and Russian. The subject of the study is nuclear lexemes that verbalize the linguistic and cultural concepts of mercy, indifference, cruelty in the compared languages. To reveal the essence of the concepts studied, etymological analysis of the lexemes-representatives, data from etymological dictionaries of English and Russian languages were used. The purpose of the study is to establish universal and idioethnic characteristics of the representatives of the conceptual triad mercy-indifference-cruelty in English and Russian. The following methods

were used in the work carried out: semantic method, etymological method, comparative method, external reconstruction method. The scientific novelty of the work consists in the study of the linguistic and cultural concepts of mercy, indifference, cruelty in etymological perspective, which have not previously been studied in triadic relations when comparing English and Russian languages. As a result of the conducted research, we received information for the first time that nuclear lexemes verbalizing the concept of mercy in English and Russian at the initial stage of their functioning in the compared languages have similar motivation due to the presence of the first root of the Proto-Indo-European language. We have found evidence of a semantic shift in the perception of linguistic units representing the concept of indifference in English and Russian linguistic cultures in diachronic terms. A characteristic idioethnic feature of the representation of the concept of cruelty in the minds of native speakers of the Russian language is its ambiguity and dependence on casual attribution.

Keywords: diachrony, comparison, Russian linguoculture, English linguoculture, cruelty, indifference, mercy, linguocultural concept, etymology, dictionary

References (transliterated)

1. Baidavletova, L. R. Etimologiya, filosofskoe, lingvokul'turologicheskoe i lingvisticheskoe sodержanie kontseptov «Pravo» i «Zakon» // Aktual'nye problemy analiza edinits yazyka i rechi: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. (Sterlitamak, 16-17 fevr. 2010 g.) / otv. red. E.I. Beglova. Sterlitamak: Sterlitamak. gos. ped. akademiya im. Zainab Biishevoi, 2010. S. 81-85.
2. Basko, N. V. Lingvokul'turnyi kontsept «ravnodushie» v russkoi yazykovoi kartine mira. Moskva: Prepodavatel' XXI vek, 2018. S. 321-332.
3. Biryukova, E. V., Osadchaya, O. N. Popova, L. G., Shatilova, L. M. Reprezentatsiya tsennostnogo komponenta kontsepta «miloserdie» v angliiskikh i russkikh p'esakh KhKh veka posredstvom paremii // Yazyk. Tekst. Diskurs: kollektivnaya monografiya. Orekhovo-Zuevo: Redaktsionno-izdatel'skii otdel GGTU, 2020. S. 79-97.
4. B'yukenen, P. Dzh. Smert' Zapada. M.: AST, Terra Fantastica, 2003. S. 259, 274.
5. Vinogradov, V. V. Istoriya slov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=ravnodushie&vol=1> (data obrashcheniya: 02.06.2023).
6. Vorkachev, S. G. Semiotika lingvokul'turnogo kontsepta i terminosistema lingvokul'turnoi kontseptologii // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. Vypusk 12. Voronezh, 2014. S. 50-69.
7. Il'in, I. A. O soprotivlenii zlu siloi / Soch.: V 10 tomakh. T. 5. M.: Russkaya kniga, 1995. 608 s.
8. Karasik, V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. Volgograd: Peremena, 2004. 477 s.
9. Kikel', P. V., Soroko, E. M. Kratkii entsiklopedicheskii slovar' filosofskikh terminov / P. V. Kikel', E. M. Soroko. 2-e izd. Minsk: BGPU, 2008. 266 s.
10. Krasavskii, N. A. Emotsional'nyi kontsept «zhestokost'» v romane Roberta Muzilya «Dushevnye smuty vospitannika Terlesa» // Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, noyabr' 2014 g.). Moskva: Buki-Vedi, 2014. S. 73-77.
11. Krasukhin, K. G. Philologica parerga: stat'i po etimologii i teorii kul'tury. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 512 s.
12. Kulikova, L. V. Semanticheskie konstanty Mercy / Cruelty: gendernyi aspekt //

- Periodicheskii zhurnal nauchnykh trudov. Bugul'ma, 2012. № 7(10). С. 49-51.
13. Logunova, E. G. K voprosu o neobkhodimosti razvitiya fenomena miloserdiya [Elektronnyi resurs] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.teoria-practica.ru/> (data obrashcheniya: 01.06.2023).
 14. Losskii, N. O. Istoriya russkoi filosofii. M.: Sovetskii pisatel', 1991. 482 s.
 15. Mol'tman, Yu. Chelovek. M.: Izdatel'stvo BBI, 2013. S. 37.
 16. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 10.07.2023).
 17. Nikitina, M. Yu. Kontsept miloserdie v sisteme idiosilya M. Gor'kogo // Filologicheskie etyudy: sb. nauch. st. molodykh uchenykh. Vyp. 16. Saratov: Izd. tsentr «Nauka», 2013. S. 206-210.
 18. Ozhegov, S. I. Tolkovy slovar' [Elektronnyi resurs] / S. I. Ozhegov. Rezhim dostupa: <https://slovarozhegova.ru> (data obrashcheniya: 16.06.2023).
 19. Pokornyi, Yu. Indoevropeiskii etimologicheskii slovar' Pokornogo [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iew-m.htm> (data obrashcheniya: 10.06.2023).
 20. Sovremenniy onlain-slovar' russkogo yazyka Efremovoi [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.efremova.info/> (data obrashcheniya: 16.06.2023).
 21. Starostin, V. P. Problema sostradaniya v eticheskoi mysli // Filosofiya i budushchee tsivilizatsii: Tezisy dokladov i vystuplenii IV Rossiiskogo filosofskogo kongressa (Moskva, 24-28 maya 2005 g.). M.: Sovremennye tetradi, 2005. T. 2. S. 487-488.
 22. Ushakov, D. N. Tolkovy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://ushakovdictionary.ru/> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
 23. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. N. M. Shanskogo; avt.-sost. N. S. Arapova, L. M. Bash, A. V. Bobrova i dr. T. 2. Vyp. 8. M., 1982.
 24. Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Maksa Fasmera. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://lexicography.online/etymology/vasmer> (data obrashcheniya: 02.06.2023).
 25. Cambridge Dictionary [Electronic Resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of admission: 13.06.2023).
 26. OED Historical Thesaurus [Electronic Resource]. URL: <http://www.oed.com> (date of admission: 13.06.2023).
 27. Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. URL: www.etymonline.com (date of admission: 13.06.2023).
 28. Oxford English Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://www.oed.com/> (date of admission: 15.06.2023).

A comparative analysis of the usage of Greek and Russian proverbs in everyday communication

Theodoridou Erini

Postgraduate student; Institute of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

 eirinitheo03@gmail.com

Abstract. The purpose of the research is to determine the linguistic status of proverbs and

sayings in everyday speech of Greek and Russian native speakers. The results highlighted that both Greek and Russian speakers are well acquainted with a large number of proverbs and sayings (more than 50), but rarely use them in everyday life. Everyday paremiology is passed down from generation to generation and plays a key role in preserving cultural heritage and shaping the spiritual and moral image of society. The research also underlines the purpose behind the usage proverbs and sayings in everyday communication. It was concluded that most Greek speakers use proverbs and sayings to make information more understandable and convincing. At the same time, most Russian speakers use proverbs and sayings to express irony and relieve tension in communication. Thus, the purposes of using proverbs and sayings in everyday speech among these two nations are different. To conduct the study, the methods of sociological survey and comparative analysis were used. The scientific novelty of the research lies in the fact that the frequency of use of proverbs and sayings was determined, which reflects the characteristics of the speakers' national identity. The practical results the research help to better understand the cultural characteristics of Greek and Russian native speakers, which helps improve the quality of intercultural communication. The above pilot data helped us to recognize the fact that the understanding and interpretation of proverbs indicate the way metaphor is used in everyday communication. Proverbs and sayings exemplify how humans use language to convey complex ideas and values through metaphorical structures. They help not only to communicate, but also to understand the world through the prism of culture and language, which is an important aspect of human thinking and cognitive abilities.

Keywords: paremiology, proverbs and sayings, Greek, Russian, everyday communication, survey, comparative method, sociological survey, comparative analysis, linguistic picture of the world

References (transliterated)

1. Arutyunova N. D. Yazykovaya metafora (sintaksis i leksika) // Lingvistika i poetika. M.: Nauka, 1979. S. 147-173.
2. Bairamova, L.K. Interpretatsiya frazeologizmov v slovaryakh v svete kognitivistiki i aksiologii / L.K. Bairamova // Frazeologiya i kognitivistika: mater. 1-i Mezhdunar. nauch. konf. (Belgorod, 4-6 maya 2008 g.): v 2 t. – T. 1: Idiomatika i poznanie. – Belgorod: Izd-vo Belgor. gos. pedagog. un-ta, 2008. – S. 298-302.
3. Bairamova, L.K. Protivorechiya v aksiologicheskoi frazeologii: ambivalentnost' i aksiologicheskii vektor // Ustoichivye frazy v paradigmakh nauki (Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (8–11 iyunya 2015)). – Tula: TGPU, 2015. – S. 343-347.
4. Bulatov M. A. Zhivoe russkoe slovo: Rus. nar. poslovitsy i pogovorki / M. A. Bulatov – Moskva: Detgiz, 1961. – 126 s.
5. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. M.: Izd-vo «Eksmo»: Izd-vo NNN, 2003. 616 s.
6. Dulichenko I–II 2011 – A.D. Dulichenko. Osnovy slavyanskoi filologii. T. I–II. Opole: Uniwersytet Opolski.
7. Perekhval'skaya, E. V. Etnolingvistika : uchebnik dlya vuzov / E. V. Perekhval'skaya. – Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2023. – 351 s.
8. Pozdnyakova E.M. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M. , 2004 // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2004. №1.
9. Potebnya, A.A. Slovo i mif / Iz istorii otechestvennoi filosofskoi mysli / Sost. A.L.Toporkova. M.: Izdatel'stvo «Pravda» 1989.

10. Kruglov, V. V. Russkie narodnye zagadki, poslovitsy, pogovorki / V. V. Kruglov, Yu. G. Kruglov – M.: Prosveshchenie, – 1990. – 335 s.
11. Lebedeva N.M. Bazovye tsennosti russkikh na rubezhe KhKh1 veka. // Psikhologicheskii zhurnal. T. 21, №3, 2000, str. 73-87.
12. Tarasov E.F. Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury // Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury. M., 2000. S. 45-53.
13. Teodoridu, E. Zoonimy v paremiologicheskom prostranstve grecheskogo yazyka // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta: Chelovek v sovremennom mire. – 2022. Seriya 2. S. 180-187.
14. Teodoridu, E. Paremiologicheskie aspekty konstruirovaniya kul'turnoi identichnosti: na materiale grecheskogo, angliiskogo i russkogo yazykov // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №10 (46).
15. Λουκάτος Δ. Νεοελληνικά λαογραφικά κείμενα / Δ. Λουκάτος. – Αθήνα: Δαίδαλος Ι. Ζαχαρόπουλος, 1957. – 331 σ.
16. Νατσούλης Τ. 3.000 Λέξεις και φράσεις παροιμιώδεις / Τ. Νατσούλης. – Αθήνα: Σμυρνιωτάκης, 2011. – 834 σ.
17. Σηφάκης Γ. Λαϊκή σοφία: 10000 Ελληνικές Παροιμίες / Γ. Σηφάκης. – Αθήνα: Σμυρνιωτάκης, 1993. – 385 σ.

The term «neo-mythology» in the foreign humanities discourse of the XX-XXI centuries: the specifics of its existence

Viderker Vyacheslav Vladimirovich

PhD in Cultural Studies

Associate Professor, Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University

630126, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Vilyuyskaya str., 28

 viderker.v@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the specifics of existence of the term «neo-mythology» in the foreign humanities discourse of the XX-XXI centuries. The foreign texts, which contain the term «neo-mythology» as a key word, have become the focus of research for this article. The genesis and semantics of the idea of «neo-mythology» in foreign research papers are the subject matter of the research. The origin matters of the term «neo-mythology» in the Italian cinema of the 1950s-1960s are overviewed in detail. Special attention is paid to the analysis of the main tendencies of the development of the notion «neo-mythology». Russian and foreign researches touching upon contemporary mythology differ both in the content and in the usage of the term «neo-mythology» crucially. The following research was inspired by the necessity to find the terminological equivalents in Russian and foreign scientific works on modern mythogenesis. The research is based on structural-semantic and semantic-cognitive methods. Traditional methods of analysis, synthesis, comparison and generalization are used. The results of the research enabled us to make conclusions on the peripheral role of the term «neo-mythology» in foreign scientists' works and conclude that their preferences lie within the terms «contemporary/modern mythology». The term «neo-mythology» in the foreign discourse is mostly used in works, which are either devoted to the research of some aspects of mass culture or closely connected with Russian humanities. The usage of the term «neo-mythology» in foreign research of mass/pop culture reflects the background of theoretical analysis of modern mass consciousness turning to myths. The conclusions made in the research are

supposed to help Russian scientists work with foreign studies of contemporary mythology more productively.

Keywords: peplum, cinema, Vittorio Cottafavi, mass culture, discourse, mythogenesis, contemporary mythology, term, neo-myth, neo-mythology

References (transliterated)

1. Pilatova V. N. K voprosu ob opredelenii diskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 4-2 (82). S. 378-381.
2. Ivanov D. I., Gavrikov V. A. Neomifologicheskaya sostavlyayushchaya sinteticheskoi yazykovoi lichnosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 2-1 (68). S. 24-27.
3. Stroeve O. V. Neomifologizm i kontseptualizm v vizual'noi kul'ture: ot modernizma do metamodernizma // Nauka televideniya. 2020. T. 16. № 1. S. 11-29.
4. Faizullina D. F. Neomifologizm v izobrazitel'nom iskusstve tyurkskikh narodov Povolzh'ya kontsa KhKh – nachala KhKhI vekov // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2020. № 4. S. 75-79.
5. Viderker V. V. Neomifologizm: vozniknovenie i razvitie ponyatiya v rabotakh E. M. Meletinskogo // Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya. 2021. № 1. S. 13-20.
6. Baldt E. Mythology and/of the Great War in Katherine Mansfield's «The Daughters of the Late Colonel». In: *Katherine Mansfield and World War One*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. Pp. 98-112.
7. Jayatissa P. G. R. M. Recreation Of Mythology in J. K Rowling's Harry Potter And The Goblet Of Fire. *North American Academic Research*. 2023. 6(10). Pp. 28-34.
8. Hühn H. Mythology and Modernity. In: Forster, M., Steiner, L. (eds) *Romanticism, Philosophy, and Literature*. Palgrave Macmillan, Cham. 2020. Pp. 173-192.
9. Hanegraaff W. J. New Age Spiritualities as Secular Religion: a Historian's Perspective. *Social Compass*. 1999. 46(2). Pp. 145-160.
10. Xidakis I. Neomythology: A New Religious Mythology. *Religions*. 2022. 13(6), 536. 15 p.
11. Goimard J. Néo-mythologisme et Paléo-science-fiction (V. Cottafavi, Hercule à la conquête de l'Atlantide). *Fiction*. 1962. 101. Pp. 139-144.
12. Gonzales A. Mythe et néo-mythe. L'Atlantide au cinéma ou comment montrer l'indicible. *Dialogues d'histoire ancienne*. 1989. 15(2). Pp. 333-356.
13. Troy: from Homer's Iliad to Hollywood epic / Ed. by Martin M. Winkler. Malden, MA: Blackwell, 2007. 231 p.
14. Voivodich Ya., Ioffe D. K voprosu o (neo)mifologizme v literature: teorii mifa i znaka. Istoriograficheskoe i analiticheskoe vvedenie v spetsial'nyi tom. *Russian Literature*. 2019. 107-108. Pp. 1-29.
15. Vojvodić Ja. (Neo)mythological elements in the modern Russian prose (through the example of «Surgeon» by Marina Stepnova) // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. T. 10. № 5. S. 768-775.
16. Grübel R. (Neo-)mif i diskurs v russkoi kul'ture: mezhdru prirodoi i kul'turoi. *Russian Literature*. 2019. 107-108. Pp. 49-91.
17. Lotman Yu. M., Mints Z. G. Literatura i mifologiya // Lotman Yu. M. Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 2002. S. 727-743.

Representation of Sources of the Conceptual Metaphor of 'Love' in Chinese and Russian Fiction Texts of the Postmodern Era (a comparative aspect)

Semenova Liubov

Senior Lecturer of Chinese Language Department, Moscow City University

129 226, Russia, Moscow, 2nd Selskohozaistvennii proezd, 4k1

 semenovala@mgpu.ru

Abstract. The proposed article examines in a comparative aspect on the material of postmodern Chinese and Russian literary texts the representation of the conceptual metaphor of feelings, namely love. The subject of the study is the sources of the conceptual metaphor of love, representing the scope of the goal of the metaphor in the analyzed texts. The aim of the work is to clarify the similarities and differences in the representation of the sources of the studied conceptual metaphor in Chinese and Russian texts. During the study, the following methods were used: the method of semantic analysis, the comparative method, the method of conceptual analysis. Comparative analysis showed the presence of similarities in the representation of the studied metaphor in the areas of the source "Fire", "Disease", "Light", "Reservoir", "Material value". A distinctive feature of the Chinese texts is the representation of the metaphor in the "Plant" area, and the Russian texts – in the "Living Being" area. The practical value of this work is seen in the fact that these materials can be used in classes on the interpretation of artistic texts of the Chinese language in universities. The works of such a plan create a good prospect for the further development of one of the new areas of linguoculturology, namely comparative linguoculturology, within which there is a comparison of heterogeneous unrelated languages. The scientific novelty of this work lies in the fact that for the first time it reveals similarities and differences in the representation of the conceptual metaphor of love using the material of postmodernist fiction in Chinese and Russian. In the course of the work, it was found that in languages of different structures, Chinese and Russian, the presence of more similarities in the representation of the sources of the conceptual metaphor "love" indicates the universality of the formation of this metaphor in the minds of native speakers, which indicates the prospect of developing universalism in the context of comparative studies of unrelated languages.

Keywords: literary texts, Russian language, Chinese language, metaphor source, comparison, Chinese postmodernist texts, Russian postmodernist texts, conceptual metaphor of love, conceptual metaphor, linguistics

References (transliterated)

1. Biryukova E. V., Popova L. G. O tendentsiyakh razvitiya sovremennogo sravnitel'no-istoricheskogo, tipologicheskogo, sopostavitel'nogo yazykoznaniya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11-3(53). S. 40-43.
2. Vikulova L. G., Biryukova E. V., Popova L.G. Razvitie sopostavitel'nogo yazykoznaniya v ramkakh nauchnykh shkol Rossii (na materiale zashchit dissertatsionnykh issledovaniy aspirantov, MGPU, 2016-2022) // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2023. № 1(49). S. 183-194.
3. Matova Yu. V. Leksikograficheskie osnovy sopostavitel'nogo diakhronicheskogo issledovaniya metaforicheskikh znachenii imen sushchestvitel'nykh v russkom i angliiskom yazykakh // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 11. S. 203-

208.

4. Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: Chelovek i novye sotsiogumanitarnye tsennosti: Kollektivnaya monografiya / N. V. Baryshnikov, A. L. Berdichevskii, L. G. Vikulova [i dr.]. – Moskva: Neolit, 2017. 424 s.
5. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem / Per. s angl. / Pod red. I s predisl. A. N. Baranova. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 s.
6. Kalashnikova L. V. Metafora kak mekhanizm kognitivno-diskursivnogo modelirovaniya deistvitel'nosti: na materiale khudozhestvennykh tekstov : avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19 / Volgogr. gos. ped. un-t.-Volgograd, 2006. 35 s.
7. Kurdyumov V. A., Semenova L.A. Obshchie kontseptsii metafory i metafora v kitaiskom yazyke // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2022. № 3(47). S. 90-98.
8. Devyatova N. M. Predmetnyi mir sravneniya // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2022. № 2(46). S. 48-58.
9. Kondratova T. I. Kitaiskaya dramaturgiya: problema traditsii i novatorstva // Obuchenie kitaiskomu yazyku i kul'ture: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik nauchnykh statei/ Institut inostrannykh yazykov GAOU VO g. Moskvy; Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Yazyki Narodov Mira", 2022. S. 59-64.
10. Chzhen S. Viktor Pelevin i vostochnyi postmodernizm // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2022. № 1(45). S. 58-69.
11. Averbukh K. Ya., Popova L. G., Shatilova L. M. Kul'turnaya pamyat' slov kak proyavlenie yazykovykh znaniy o mire // Innovatsionnoe razvitie nauki i obrazovaniya: monografiya / Pod obshch. red. G. Yu. Gulyaeva. – Penza: MTsNS «Nauka i Prosveshchenie», 2018. S. 15-22.